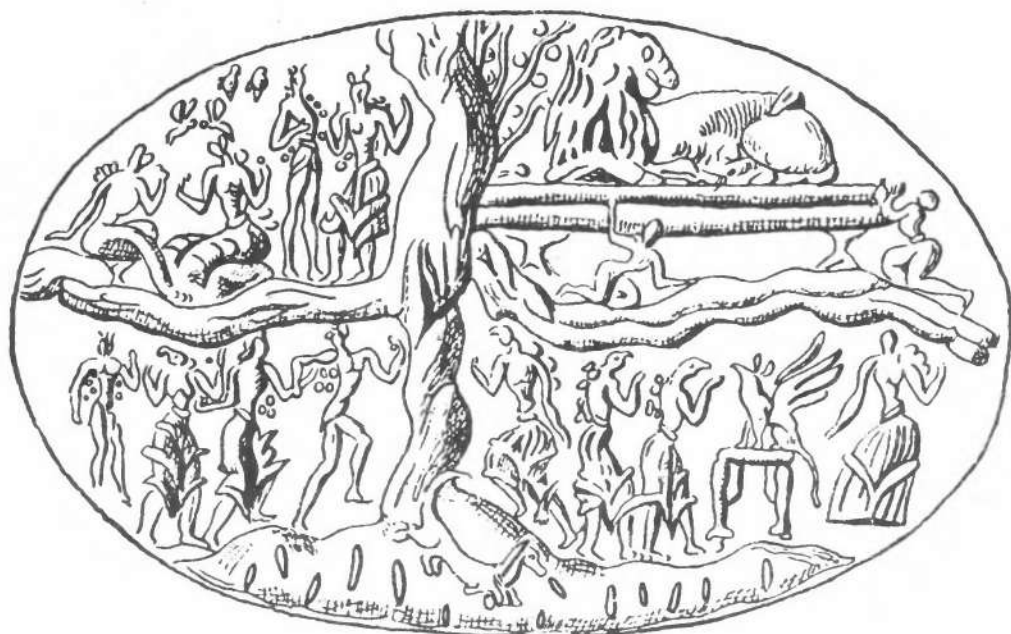

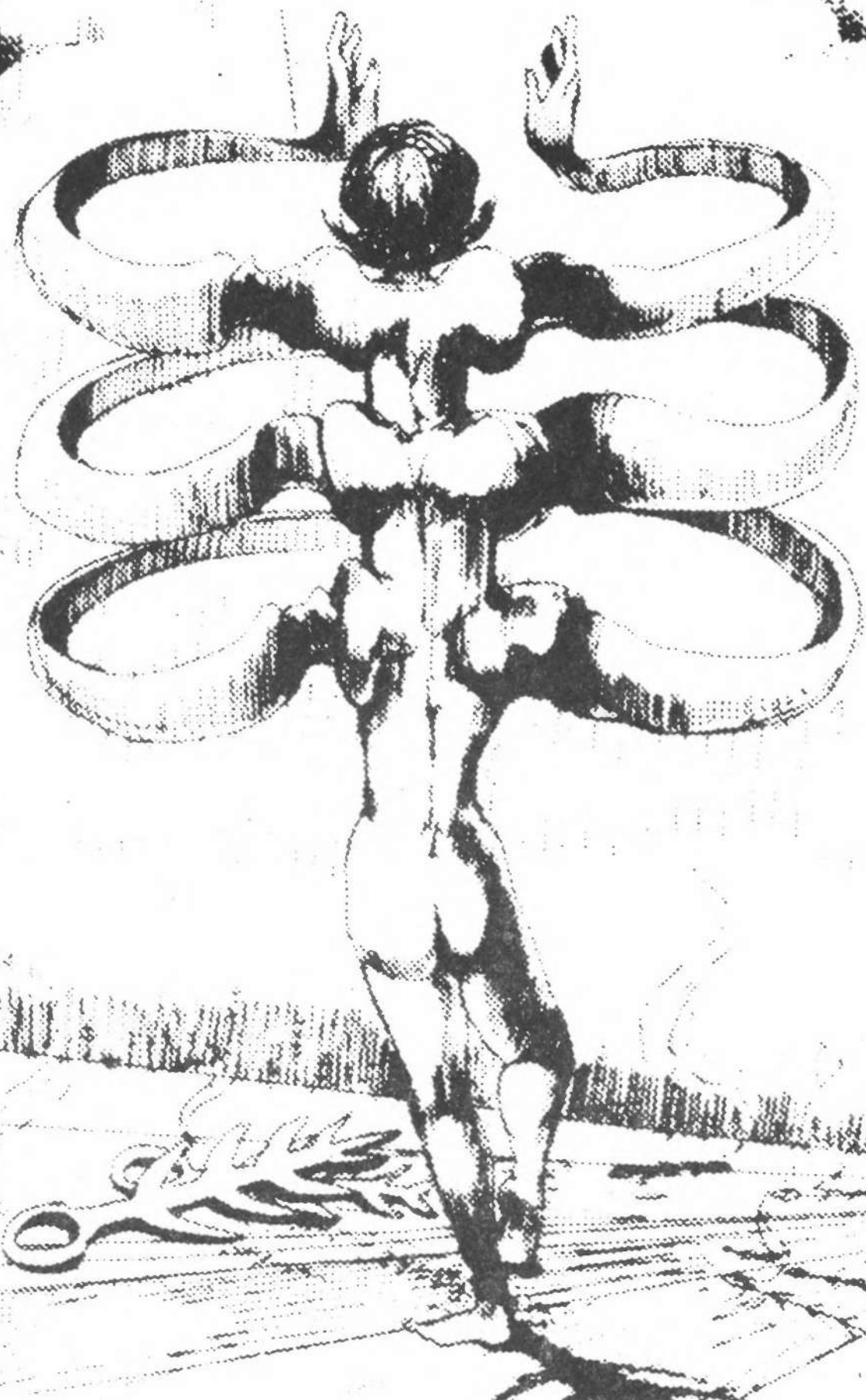
ЖИЗНЬ
ЗЕМНАЯ
И ПОСЛЕДУЮЩАЯ

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ

Зачем человек умирает
и рождается ли он вновь?

Бессмертна ли душа?

Верно ли, что умерший продолжает
воспринимать и чувствовать?

Есть ли тайна агонизирующего сознания?

Жизненное начало. Что это такое?

Что есть общего между жизнью
и неорганической природой?

Может ли судить о смерти тот,
кто ее не испытал?

Какая мудрость заключена
в древних «Книгах мертвых»?

Есть ли у смерти конкретный образ?

Как соотносятся древняя мудрость
и современная наука?

Существует ли посмертное сознание?

На эти и многие другие темы
рассуждают авторы книги.

Р. Моуди
ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ЖИЗНИ
А. Ландсберг, Ч. Файе
ВСТРЕЧИ С ТЕМ,
ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ
СМЕРТЬЮ

Л. Уотсон
ОШИБКА РОМЕО

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

Ж71 **Жизнь земная и последующая/Сост. П. С. Гуревич,
С. Я. Левит: Пер. с англ.— М.: Политиздат, 1991.— 415 с.
ISBN 5—250—01597—2**

В последние годы на Западе и у нас были проведены наблюдения над теми, кто перенес клиническую смерть. Их состояние и особенно рассказы о том, что им пришлось пережить после умирания, заставили многих по-новому взглянуть на проблемы жизни и смерти, на загадочные и до сих пор необъяснимые проявления человеческой психики.

В сборник вошли изложения трех популярных на Западе книг: Р. Моуди «Жизнь после жизни», А. Ландсберг и Ч. Файе «Встречи с тем, что мы называем смертью» и Л. Уотсон «Ошибка Ромео». Послесловие написал доктор филологических наук, автор книги «Возрожден ли мистицизм?» П. С. Гуревич.

Книга адресуется любознательному читателю.

Ж 0403000000—147 73—92
079(02)—91

ББК 88

ISBN 5—250—01597—2

© П. С. Гуревич, Левит С. Я.,
составление, 1991

© ПОЛИТИЗДАТ, 1991

Р. Моуди
ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Раймонд Моуди активно изучал и преподавал философию, специализируясь в области этики, логики и философии языка. В дальнейшем изучал медицину и стал психиатром с целью преподавать философию медицины в медицинской школе. Именно в это время он провел исследования явлений продолжения жизни после смерти тела, выступал с лекциями перед студентами и профессиональными медиками.

Доктор Моуди не знал, что сходные наблюдения имеются и у других специалистов. В то время когда рукопись книги «Жизнь после жизни» была уже в печати, он познакомился в феврале 1976 г. с доктором Элизабет Каблер-Росс, которая проводила аналогичные исследования. Она и написала предисловие к книге Р. Моуди, представив ее читателям.

Раймонд Моуди женат, имеет двух сыновей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне была оказана честь прочесть книгу доктора Моуди «Жизнь после жизни» еще до выхода ее в свет. Я восхищена тем, что этот молодой ученый имел смелость избрать подобное направление для своей работы и вместе с тем сделать эту новую область исследования доступной для широкой публики.

С тех пор как я начала свою работу с безнадежно больными пациентами, продолжающуюся уже 20 лет, меня все больше и больше занимает проблема феномена смерти. Мы довольно много знаем о процессах, связанных с умиранием, однако имеется еще много неясного относительно самого момента смерти и переживаний наших пациентов в то время, когда они считаются клинически мертвыми.

Исследования, подобные тем, о которых рассказывается в книге доктора Моуди, дают нам возможность узнать об этом много нового и подтверждают то, чему нас учили в течение двух тысячелетий.

Несмотря на то что сам автор не претендует на исследование собственно смерти, из его материалов видно, что умирающие продолжают отчетливо осознавать то, что происходит вокруг них и после того, как их считают клинически мертвыми.

Все это в большей степени соответствует моим собственным исследованиям сообщений пациентов, которые умерли и затем были возвращены к жизни. Эти сообщения были совершенно неожиданными и часто приводили в изумление искушенных, известных и, безусловно, компетентных врачей.

Все эти пациенты пережили выход из своего физического тела, сопровождающийся ощущением необычайного мира и покоя. Многие из них свидетельствуют об общении с другими людьми, которые помогли им в их переходе в другой план бытия. Большинство были встречены людьми, которые когда-то любили их и умерли ранее, или же религиозными персонажами, которым они придавали большое значение и которые, естественно, соответствовали их религиозным верованиям. Было весьма отраднo

читать книгу доктора Моуди как раз в то время, когда я сама готова опубликовать свои собственные изыскания.

Доктор Моуди должен быть готовым к большому числу критических высказываний в основном с двух сторон. Во-первых, со стороны духовенства, которое, конечно, будет обеспокоено тем, что кто-то осмелился проводить опыты в области, считающейся табу. Некоторые представители ряда религиозных групп уже выражали свое критическое отношение к такого рода исследованиям, один священник, например, охарактеризовал их как «погоню за дешевой славой».

Многие считают, что вопрос о жизни после смерти должен остаться предметом слепой веры и никто не имеет права его испытывать. Другая группа людей, со стороны которых доктор Моуди может ожидать отрицательной реакции на его книгу,— ученые и медики, которые сочтут исследование такого рода ненужным.

Я думаю, что мы достигли некоторой переходной эры. Мы должны иметь смелость открывать новые двери и не исключать возможность того, что современные научные методы перестали соответствовать новым направлениям исследований. Думаю, что эта книга даст новое понимание людям с открытым сознанием, придав им уверенность и смелость в разработке новых проблем. Они увидят, что данная публикация вполне достоверна, так как написана искренним и честным исследователем. Полученные данные подтверждаются моими собственными исследованиями и изысканиями других вполне авторитетных ученых и представителей духовенства, имеющих смелость исследовать эту новую область в надежде помочь тем, кто хочет знать, а не просто верить.

Я рекомендую эту книгу всем людям с открытым сознанием и поздравляю доктора Моуди с его смелым решением опубликовать результаты изысканий.

*Элизабет Каблер-Росс,
доктор медицины.
Флоссмур, Иллинойс*

ОТ АВТОРА

Эта книга, написанная, по существу, о человеческом бытии, естественно, отражает основные взгляды автора, его убеждения. Несмотря на то что я старался по возможности быть объективным и честным, некоторые факты обо мне, по-видимому, будут небесполезны для оценки некоторых необычайных утверждений, которые встретятся в этой книге.

Во-первых, я сам никогда не был при смерти, так что я не могу свидетельствовать о соответствующих переживаниях, исходя из собственного опыта, так сказать, из первых рук. В то же время я не могу на этом основании отстаивать свою полную объективность, поскольку мои собственные эмоции, несомненно, включились в общую структуру книги.

Выслушивая многих людей, очарованных тем опытом, о котором рассказывается в этой книге, я чувствовал, что и сам как бы живу их жизнью. Я могу только надеяться, что такая позиция не скомпрометирует рациональность и уравновешенность моего подхода.

Во-вторых, я пишу, как человек, не изучавший основательно огромную литературу по парапсихологии и всевозможным оккультным явлениям. Я говорю это не с целью дискредитировать эту литературу — напротив, я даже уверен, что более основательное знакомство с ней могло бы углубить понимание тех явлений, которые я наблюдал.

В-третьих, заслуживает упоминания моя религиозная принадлежность. Моя семья принадлежала к пресвитерианской церкви, однако мои родители никогда не старались навязать детям свои верования и взгляды. Они стремились поощрять развитие моих собственных интересов и создавали условия для благоприятного развития моих склонностей. Таким образом, я рос, осознавая религию не как набор застывших доктрин, а скорее как область духовных и религиозных учений, взглядов, вопросов.

Я верю в то, что все великие религии человечества, обращаясь к нам, открывают истину, но я уверен, что ни один из нас не в состоянии осознать всей глубины истин, заключенных в каждой

из них. В формальном отношении я принадлежу к методистской церкви.

В-четвертых, мое академическое и профессиональное образование довольно разнообразно, так что его можно даже назвать разрозненным.

Я изучал философию в штате Вирджиния и получил докторскую степень по этому предмету в 1969 году. Область моих интересов в философии: этика, логика, философия языка. После трехлетнего преподавания философии в Калифорнийском университете я решил поступить на медицинский факультет. После этого я предполагал стать психиатром и преподавать философию медицины на медицинском факультете. Все эти интересы и полученные знания в той или иной форме помогли мне в работе над этим исследованием.

Я надеюсь, что эта книга привлечет внимание к явлению, которое является широко распространенным и в то же время весьма малоизвестным, оно поможет преодолеть предубеждение общественности. Я твердо убежден, что данный феномен имеет огромное значение не только для теоретической и практической областей исследований, особенно для психологии, психиатрии, философии, богословия, но также и для нашего образа жизни.

Я позволю себе вначале высказать мысль, объяснение которой дам немного позже. А именно: не стремлюсь «доказать», что есть жизнь после смерти. Я вообще не думаю, что такое «доказательство» возможно. Отчасти поэтому я избегал называть действительные имена и идентифицирующие детали, оставляя в то же время их содержание неизменным. Это было необходимо для того, чтобы избежать огласки в отношении отдельных лиц, а также для получения разрешения на публикацию книги.

Думаю, что многие читатели найдут утверждения, высказанные в этой книге, невероятными. И первая реакция таких людей будет следующая: выкинуть все из головы! Я не намерен кого-либо порицать за это. Несколько лет назад у меня, наверное, была бы точно такая же реакция... Я не прошу читателей верить всему, что написано в книге, и принять мою точку зрения лишь из одного доверия ко мне как к автору.

Напротив, как логик, отрицающий слепую веру, происходящую лишь от невозможности или неспособности возразить авторитетному мнению, я прошу их не делать этого. Единственное, о чем я прошу тех, кто не поверит книге, просто осмотреться вокруг. Я уже не раз обращался к своим оппонентам с этим призывом. И среди людей, принимавших его, было немало тех, которые вначале скептически отнеслись ко всему, что я говорил. Но со временем они вместе со мной начинали всерьез задумываться над подобными событиями.

С другой стороны, я не сомневаюсь, что среди моих читателей будет много и таких, которые, прочтя эту книгу, почувствуют облегчение от мысли, что они не одиноки в том, что им пришлось пережить. Для них, а особенно для тех, кто по понятным причинам не рассказывал о пережитом никому, за исключением нескольких доверенных лиц, я могу сказать одно: надеюсь, что моя книга придаст им смелости рассказывать о случившемся свободнее. И это прольет больше света на наиболее загадочные стороны человеческой души.

ФЕНОМЕН СМЕРТИ

На что похожа смерть?

Этот вопрос человечество задает себе с момента своего возникновения. За последние несколько лет я имел возможность задавать его значительному числу слушателей. Среди них были студенты психологических, философских и социологических факультетов, были верующие, члены гражданских курсов, профессиональные медики. В итоге с некоторой долей осторожности я могу сказать, что эта тема вызывает наиболее серьезное отношение у всех людей, независимо от их эмоционального типа или принадлежности к той или иной социальной группе.

Однако, несмотря на обширный интерес, несомненно и то, что для большинства из нас очень трудно говорить о смерти. Здесь есть, по крайней мере, две причины. Одна из них в основном психологического или культурного характера. Сама тема смерти — табу. Мы чувствуем, по крайней мере хотя бы подсознательно, что, сталкиваясь со смертью, даже косвенно, мы неизбежно становимся перед перспективой нашей собственной смерти. Картина ее как бы приближается к нам и делается более реальной и осознаваемой.

Например, многие студенты-медики, в том числе и я сам, помнят, что даже такая встреча со смертью, как в анатомической лаборатории медфака, вызывает весьма тревожные ощущения.

Причина моих собственных неприятных переживаний мне теперь совершенно очевидна. Как я теперь вспоминаю, мои переживания почти не касались тех людей, останки которых я видел, хотя, конечно, в какой-то мере я думал и о них. Но то, что я видел на столе, было для меня главным образом символом моей собственной смерти. Так или иначе, возможно, полуосознанно, но я, должно быть, подумал: «Это случится и со мной».

Таким же образом и разговор о смерти с психологической точки зрения может рассматриваться как косвенное приближение к смерти, только на другом уровне. Несомненно, что многие

люди воспринимают любые разговоры о смерти как нечто такое, что в их сознании вызывает настолько реальный образ смерти, что они начинают ощущать близость собственной кончины. Чтобы уберечь себя от психологической травмы, они просто начинают избегать таких разговоров.

Другая причина, из-за которой трудно разговаривать о смерти, несколько сложнее, поскольку она коренится в самой природе нашего языка. В основном словами, составляющими человеческую речь, мы обозначаем вещи, знание о которых получаем благодаря нашим физическим ощущениям, в то время как смерть есть нечто такое, что лежит за пределами нашего сознательного опыта, так как большинство из нас никогда не переживали ее.

Таким образом, если мы говорим о смерти вообще, мы должны избегать как социального табу, так и языковой дилеммы. В конце концов мы приходим к эвфемистическим аналогиям. Мы сравниваем смерть или умирание с вещами, с которыми мы знакомы из нашего повседневного опыта и которые представляются нам весьма приемлемыми.

Вероятно, одна из аналогий такого типа — сравнение смерти со сном. Умирание, говорим мы себе, подобно засыпанию. Такого рода выражения имеют место и в нашем повседневном языке и мышлении, а также — в литературе многих веков и культур.

Видимо, такие представления были свойственны и древним грекам. Например, в «Илиаде» Гомер называет сон «братом смерти», а Платон в своей «Апологии Сократа» вкладывает в уста своего учителя Сократа, приговоренного афинским судом к смерти, следующие слова:

«Если ничего не чувствовать, то это все равно что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть — удивительное приобретение. По-моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, — то, я думаю... что таких ночей было у него наперечет по сравнению с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я, что касается меня, назову ее приобретением, потому что, таким образом, все время покажется не дольше одной ночи»*.

Та же аналогия используется и в нашем современном языке. Я имею в виду выражение «усыпить». Если вы приносите к ветеринару собаку с просьбой усыпить ее, вы обычно имеете в виду нечто совсем иное, чем когда вы просите анестезиолога усыпить вашу жену или вашего мужа.

* Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1968. Т. I. С. III.

Другие люди предпочитают иную, но сходную аналогию. Умирание, говорят они, похоже на забвение. Когда человек умирает, он забывает все свои горести, исчезают все мучительные и неприятные воспоминания.

Как бы ни были стары и широко распространены эти аналогии, как с «засыпанием», так и с «забвением», их все же нельзя признать вполне удовлетворительными. Каждая из них по-своему говорит об одном и том же. Обе они утверждают, что смерть фактически есть просто исчезновение нашего сознания, исчезновение навсегда. Если это так, то тогда смерть в действительности не имеет ни одной привлекательной черты ни засыпания, ни забвения. Сон приятен и желателен для нас, поскольку за ним следует пробуждение. Если бы не было пробуждения, всех преимуществ сна просто не существовало бы.

Сходным образом аннигиляция (прекращение) всего нашего сознательного опыта подразумевает исчезновение не только мучительных воспоминаний, но также и всех приятных. Таким образом, при более тщательном рассмотрении ни одна из аналогий не является настолько адекватной, чтобы дать нам реальное утешение или надежду перед лицом смерти.

Существует, однако, другая точка зрения, которая не приемлет утверждения, что смерть есть исчезновение сознания. Согласно этой второй, возможно, более древней концепции, определенная часть человеческого существа продолжает жить даже после того, как физическое тело прекращает функционировать и полностью разрушается.

Эта постоянно существующая часть получила много названий — психика, душа, разум, я, сущность, сознание. Но как бы она ни называлась, представление о том, что человек переходит в какой-то мир после своей физической смерти, является одним из наиболее древних человеческих верований.

На территории Турции, например, были обнаружены захоронения неандертальцев, насчитывающие около 100 тысяч лет. Найденные там окаменевшие отпечатки позволили археологам установить, что древние люди погребали своих умерших на ложе из цветов. Это позволяет предполагать, что они относились к смерти, как к празднованию перехода умершего из этого мира в другой. Действительно, с самых древних времен захоронения во всех районах мира свидетельствуют о вере людей в существование человека после смерти его тела.

Таким образом, мы имеем дело с противоречащими друг другу ответами на наш первоначальный вопрос о природе смерти. Оба они имеют очень древнее происхождение, и тем не менее оба широко распространены и по сей день.

Одни говорят, что смерть — это исчезновение сознания, другие утверждают, с такой же уверенностью, что смерть — переход души или разума в другое измерение реальности.

В повествовании, которое приводится ниже, я ни в коей мере не стремлюсь отвергнуть какой-то из этих ответов. Я просто хочу привести отчет об исследовании, проведенном мною лично.

За последние несколько лет я встретился с большим количеством людей, которые претерпели то, что я буду называть «предсмертным опытом». Я находил их разными путями. Сначала это произошло случайно. В 1965 г., когда я был студентом-дипломником по курсу философии в университете штата Вирджиния, я познакомился с профессором психиатрии, который работал в медицинской школе. Меня с самого начала поразила его доброжелательность, теплота и чувство юмора. Я был очень удивлен, когда позднее узнал о нем интересные подробности, а именно, что он был мертв, и не один раз, а дважды с интервалом в десять минут, и что он рассказывал совершенно фантастические вещи о том, что с ним происходило.

Позже я слышал, как он рассказывал свою историю небольшой группе студентов. В то время это произвело на меня очень большое впечатление, но, поскольку я не имел еще достаточного опыта, чтобы оценивать подобные случаи, я отложил рассказ профессора в своей памяти подальше, как и перепечатанный конспект его истории.

Несколько лет спустя, после того как я получил степень доктора философии, я преподавал в университете штата Северная Каролина. В ходе одного из курсов мои студенты должны были изучать «Федону» Платона, труд, в котором в числе других вопросов обсуждается также проблема бессмертия. В своей лекции я уделил внимание другим положениям Платона, представленным в этой работе, и не стал останавливаться на обсуждении вопроса о жизни после смерти.

Как-то после занятий ко мне подошел студент и спросил, нельзя ли ему обсудить со мной вопрос о бессмертии. Его интересовала эта проблема потому, что его бабушка «умирала» во время операции и рассказывала потом о своих очень интересных впечатлениях. Я попросил его рассказать о том, что он слышал. И к моему величайшему изумлению, он описал почти те же события, о которых когда-то рассказывал профессор психиатрии.

С этого момента мои поиски подобных случаев стали более активными. Я начал в моих курсах философии читать лекции по проблемам жизни человека после его смерти. Однако я соблюдал осторожность и не упоминал эти два случая переживания опыта смерти в лекциях. Я решил подождать и посмотреть. Если такие рассказы не случайность, предположил я, то, возможно, я узнаю

больше, если подниму в общей форме вопрос о бессмертии на философских семинарах. К моему изумлению, я обнаружил, что почти в каждой группе, состоящей примерно из тридцати человек, по крайней мере один человек подходил ко мне после занятий и рассказывал собственный случай опыта близости к смерти, о котором он слышал от близких людей или который пережил сам.

С того момента, как я начал интересоваться этим вопросом, меня поражало огромное сходство сообщений, несмотря на то что они были получены от людей, весьма различных по своим религиозным взглядам, социальному положению и образованию.

Ко времени моего поступления в медицинскую школу я собрал уже значительное число таких случаев. Я стал упоминать о проводимом мной неофициальном исследовании в разговоре с некоторыми из знакомых медиков. Как-то раз один из моих друзей уговорил меня сделать доклад перед медицинской аудиторией. Затем последовали другие предложения личных выступлений. И снова я обнаружил, что после каждого выступления кто-нибудь подходил ко мне, чтобы рассказать об известном ему самому опыте такого рода.

По мере того как о моих интересах становилось все больше известно, врачи стали сообщать мне о своих больных, которых они реанимировали и которые потом сообщали мне о своих необычных исследованиях, многие люди стали присылать мне письма с подробными описаниями подобных случаев.

В настоящее время мне известно примерно сто пятьдесят случаев, когда это явление имело место. Факты, которые я изучил, могут быть разделены на три четкие категории:

1. Опыт людей, которых врачи считали или объявили клинически мертвыми и которые были реанимированы.

2. Опыт людей, которые в результате аварии или опасного случая — ранения, болезни — были очень близки к состоянию физической смерти.

3. Опыт людей, которые находились при смерти и рассказывали о своих ощущениях другим, кто находился рядом. Позднее эти другие передавали им то, что рассказывали им умирающие.

Из большого количества фактического материала, представленного этими ста пятьюдесятью случаями, естественно, был произведен отбор. С одной стороны, он был преднамеренным. Так, например, хотя рассказы, относящиеся к третьей категории, дополняют и хорошо согласуются с рассказами двух первых категорий, я, как правило, не рассматривал их по двум причинам. Во-первых, это помогло мне снизить число случаев до уровня, более пригодного для всестороннего анализа. Во-вторых, позволило мне, по возможности, придерживаться лишь сообщений из первых уст.

Очень подробно я опросил пятьдесят человек, опыт которых я могу использовать. Из них случаи первого типа — клиническая смерть — значительно более богаты событиями, чем случаи второго типа.

Кроме того, хотя предсмертный опыт сам по себе сходен, но в то же время как обстоятельства, сопутствовавшие ему, так и люди, описывавшие его, очень разнятся. В связи с этим я попытался дать описание некоторых случаев, адекватно отражающих эту вариабельность.

Опираясь на вышеперечисленные предпосылки, давайте теперь обратимся к рассмотрению событий, которые, насколько мне удалось установить, могут происходить, когда человек умирает.

ОПЫТ УМИРАНИЯ

Несмотря на большое разнообразие обстоятельств, связанных с близким знакомством со смертью, а также типов людей, переживших это, несомненно то, что между рассказами о самих событиях имеется поразительное сходство. Практически сходство между различными сообщениями так велико, что можно выделить около 15 отдельных элементов, которые вновь и вновь встречаются среди большого числа сообщений, собранных мной. На основании этих общих моментов позволю себе выстроить в некоторой последовательности описание опыта, «теоретическую модель», которая включает в себя все общие элементы в том порядке, в каком они обычно встречаются.

Человек умирает, и в тот момент, когда его физические страдания достигают предела, он слышит, как врач признает его мертвым. Он слышит неприятный шум, громкий звон в ушах или жужжание и в то же время чувствует, что движется с большой скоростью сквозь длинный черный туннель. После этого он внезапно обнаруживает себя вне своего физического тела, но еще в том же физическом окружении. Он видит свое тело как бы со стороны, на расстоянии, как посторонний зритель. Он наблюдает за попытками вернуть его к жизни. Обладая этим необычным преимуществом, он находится в состоянии некоторого эмоционального шока.

Через некоторое время он собирается с мыслями и постепенно привыкает к своему новому положению. Он замечает, что обладает телом, но совсем иной природы и с совсем другими свойствами, чем то физическое тело, которое он покинул.

Вскоре с ним происходят другие события. Он чувствует приход душ других людей, чтобы встретить его и помочь ему. Он видит души уже умерших родственников и друзей. И перед ним появляется светоносное существо, от которого исходит такая любовь

и душевная теплота, какой он никогда не встречал прежде. Это существо без слов задает ему вопрос, позволяющий оценить свою жизнь, проводит его через мгновенные картины важнейших событий жизни, проходящие перед его мысленным взором в обратном порядке.

В какой-то момент умирающий чувствует, что приблизился к некоему барьеру или границе, представляющей, по-видимому, раздел между земной и последующей жизнью. Однако он обнаруживает, что должен вернуться обратно на землю, что час его смерти еще не наступил. В этот момент он сопротивляется, так как теперь он познал опыт иной жизни и не хочет возвращаться. Он переполнен ощущениями радости, любви и покоя. Несмотря на свое нежелание, он тем не менее каким-то образом воссоединяется со своим физическим телом и возвращается к жизни.

Позднее он пытается рассказать обо всем этом другим, но ему трудно найти в человеческом языке адекватные слова для описания этих неземных событий. Кроме того, он сталкивается с насмешками и перестает делиться своими воспоминаниями с другими людьми. Тем не менее пережитые события оказывают глубокое влияние на его жизнь. Особенно на его представление о смерти и ее соотношении с жизнью. Важно заметить, что приведенное выше описание не является изложением опыта какого-то одного человека. Это скорее «модель», объединение общих элементов, встречающихся во многих рассказах. Я привожу ее здесь только для того, чтобы дать общее представление о том, что может переживать умирающий человек. Поскольку это модель, а не конкретное описание опыта, я постараюсь в данной главе обсудить подробно каждый из элементов на основании многочисленных примеров.

Прежде чем это сделать, надо остановиться на некоторых моментах, которые помогут ввести представленный обобщенный материал о предсмертном опыте в определенные рамки.

1. Несмотря на поразительное сходство между отдельными рассказами, никакой из них не был совершенно идентичен другому (хотя некоторые весьма приближались к этому).

2. Ни один человек из опрошенных мною не воспроизвел все элементы посмертного опыта. Правда, многие рассказывали о разных обобщенных признаках — примерно о восьми и более, а некоторые упоминали до двенадцати.

3. Не было ни одного элемента обобщенного опыта, который встречался бы абсолютно во всех рассказах. Тем не менее некоторые из этих элементов почти универсальны.

4. В моей обобщенной модели нет ни одного элемента, который встретился бы всего лишь в одном рассказе. Каждый был обнаружен во многих независимых сообщениях.

5. Порядок, в котором умирающий человек проходит различные этапы, коротко перечисленные выше, может отличаться от того, который дан в моей «теоретической модели». Например, разные люди рассказывали, что они видели светящееся существо до того или одновременно с тем, как они покинули свое физическое тело, а не так, как это дано в модели.

6. Насколько далеко заходит умирающий в прохождении этапов гипотетической полной последовательности событий, зависит от того, действительно ли он был в состоянии клинической смерти, и если да, то как долго длилось это состояние. Другими словами, похоже на то, что люди, которые были «мертвыми», пережили более яркий и полный опыт, чем те, которые только приблизились к смерти.

7. Несколько человек, с которыми я беседовал, были признаны умершими, реанимированы и в своем последующем рассказе не упоминали ни об одном из этих общих элементов. Фактически они говорили, что не могут вообще ничего вспомнить о своей «смерти».

Весьма интересны случаи, когда мне приходилось беседовать с людьми, которые были признаны умершими неоднократно с разрывом в несколько лет. Они рассказывали, что не испытывали ничего в первом случае, но имели достаточно полный опыт в других.

8. Необходимо подчеркнуть, что я пишу в основном о сообщениях, отчетах и рассказах, которые люди передали мне устно во время бесед. Таким образом, когда я говорю, что данный элемент обобщенного, полного опыта отсутствует в данном сообщении, это не значит, что я обязательно подразумеваю, что он не имел места в опыте этого человека. Я лишь имею в виду, что этот человек не говорил мне об этом элементе или что из его рассказа нельзя сделать определенного заключения о пережитом. С учетом всех этих оговорок давайте рассмотрим некоторые основные этапы и события, имеющие место во время умирания.

НЕВЫРАЗИМОСТЬ

Основа взаимопонимания при помощи языка зиждется на существовании широкой сферы общечеловеческого опыта, к которому причастно большинство из нас. Это обстоятельство существенно осложняет обсуждение таких явлений, о которых речь пойдет ниже. События, пережитые теми, кто непосредственно приблизился к смерти, лежат настолько вне человеческого опыта, что есть все основания ожидать определенных лингвистических трудностей при попытках выразить, что с ними произошло.

Люди, испытывавшие это, все, как один, характеризуют свой опыт как не поддающийся описанию, то есть «невыразимый». Многие говорят: «Просто нет слов, чтобы выразить то, что я хочу сказать» или: «не существует прилагательных и превосходных степеней, чтобы описать это». Одна женщина в сжатой форме сообщила так:

«Для меня настоящая проблема попытаться вам сейчас это объяснить. Потому что все слова, которые я знаю, являются трехмерными. В то же время, когда я это переживаю, я не перестаю думать: ну вот, когда я проходила геометрию, меня учили, что существует только три измерения, и я всегда этому верила. Но это неверно. Их больше. Да, конечно, наш мир, тот, в котором мы живем сейчас, трехмерный, но мир иной совершенно, определенно не трехмерен. И именно поэтому так трудно рассказать вам обо всем случившемся. Я должна описывать это в словах, которые являются трехмерными. Это наилучший способ объяснить, что я имею в виду, но и это объяснение неадекватно. Практически, я не могу вам передать полную картину».

СПОСОБНОСТЬ СЛЫШАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ

Многие говорили, что они слышали, как врачи или другие присутствовавшие признавали их умершими. Одна женщина сообщила следующее: «Я находилась в больнице, но врачи не могли установить, что со мной, поэтому доктор Джеймс, мой врач, направил меня вниз, к рентгенологу, чтобы сделать снимок печени и выяснить в чем дело. Вначале препарат, который должны были ввести, проверили на моей руке, так как я подвержена аллергии к медикаментам. Но реакции не было, после чего мне стали вводить этот препарат. Однако после его введения у меня остановилось сердце. Я слышала, как рентгенолог, работавший со мной, подошел к телефону, очень четко набрал номер и сказал: «Доктор Джеймс, я убил вашу пациентку миссис Марвин».

Но я-то знала, что не умерла, поэтому пыталась шевельнуться или дать им знать, но не могла. Они решили реанимировать меня. Я слышала, как они обсуждали, сколько кубиков чего-то мне ввести, но не чувствовала уколов от иглы. Я совсем ничего не чувствовала, когда ко мне прикасались».

В другом случае женщина, перенесшая несколько сердечных приступов, один из которых был такой силы, что она едва не умерла, рассказывает:

— Внезапно я почувствовала пронизывающую боль в груди, как если бы моя грудная клетка внезапно оказалась скованной обручем, который сжимался. Мой муж и наш друг слышали, как я упала, и прибежали мне на помощь. Я очутилась в глубокой

тьме и сквозь нее слышала, как муж сказал: «На этот раз — все». И я подумала: «Да, все».

Молодой человек, которого сочли мертвым после автомобильной катастрофы, рассказывал: «Я слышал, как одна женщина, находящаяся там, говорила: «Он мертв».

И кто-то еще ответил: «Да, он мертв».

Сообщения такого типа подтверждаются врачами и всеми присутствующими. Так, например, один врач мне сказал: «У моей пациентки остановилось сердце как раз перед тем, как я и еще один хирург должны были ее оперировать. Я находился в этот момент рядом и видел, как ее зрачки расширились. В течение некоторого времени мы пытались вернуть ее к жизни, но безуспешно, и я сказал другому врачу, работавшему вместе со мной:

— Давай попробуем еще раз и после этого прекратим.

На этот раз ее сердце начало биться, и она пришла в себя. Позже я спросил ее, что она помнит о своей «смерти». Она ответила, что не помнит почти ничего, кроме моих слов: «Давай попробуем еще раз и после этого прекратим».

ОЩУЩЕНИЕ МИРА И ПОКОЯ

Многие люди описывают исключительно приятные ощущения и чувства на ранних стадиях своего опыта. Один человек, не проявлявший никаких признаков жизни после тяжелой травмы, рассказал следующее:

— В момент травмы я ощутил внезапную боль, но затем она исчезла. У меня было такое ощущение, словно я парю в воздухе, в темном пространстве. День был очень холодным, однако, когда я находился в этой темноте, мне было тепло и приятно, как никогда. Помню, что я подумал: «Наверное, я умер».

Женщина, которую вернули к жизни после сердечного приступа, сообщает:

— Я начала испытывать совершенно необычайные ощущения. Я не чувствовала ничего, кроме мира, облегчения, покоя. Я обнаружила, что все мои тревоги исчезли, и подумала про себя: «Как покойно, хорошо и нет никакой боли».

Другой человек вспоминает:

— У меня было огромное ощущение одиночества и мира. Оно было прекрасно.

Участник вьетнамской войны, который впоследствии умер от ран, рассказывал, что в момент ранения он испытал чувство «огромного облегчения». Боли не было никакой, и он не чувствовал себя никогда таким свободным. «Мне было легко, и все было хорошо».

ШУМ

Во многих сообщениях упоминаются всякого рода необычайные слуховые ощущения в момент смерти или перед этим. Иногда они крайне неприятны. Вот ощущения, данные человеком, который 20 минут был «мертв» во время полостной операции:

— Очень неприятный жужжащий звук, шедший изнутри моей головы. Он очень раздражал меня. Я никогда не забуду этого шума.

Другая женщина говорит, что когда она потеряла сознание, то услышала громкий звук, напоминающий жужжание: «Я была как бы во вращающемся состоянии». Мне приходилось слышать также, что это неприятное ощущение характеризуется как громкое шелканье, рев, стук или свистящий звук, похожий на ветер.

В иных случаях слуховые эффекты имеют, по-видимому, более приятное в музыкальном отношении выражение. Так, например, человек, который был признан умершим, но затем реанимирован, по прибытии в больницу рассказал, что в момент своего предсмертного состояния он испытал следующее: «Я слышал нечто похожее на колокольный звон где-то издалика, словно доносимый ветром».

Молодая женщина, которая чуть было не умерла от внутреннего кровоизлияния, связанного с нарушением свертываемости крови, говорит, что в момент коллапса она услышала какую-то музыку, величественную, действительно прекрасную.

ТЕМНЫЙ ТУННЕЛЬ

Часто одновременно с шумовым эффектом у людей возникает ощущение движения с очень большой скоростью через какое-то пространство. Для описания этого пространства используется множество различных выражений. Мне приходилось слышать, что его рассматривали как пещеру, колодец, то есть как нечто сквозное, некое замкнутое пространство: туннель, дымоход, вакуум, пустоту, стоячую трубу, долину, цилиндр. Хотя люди в этом случае пользуются различной терминологией, ясно, что все они пытаются выразить одну и ту же мысль. Рассмотрим два рассказа, в которых четко выражена идея туннеля.

«Это случилось со мной, когда я был мальчиком девяти лет. Двадцать семь лет назад. Но это было так поразительно, что я никогда не забуду. Однажды я сильно заболел и меня срочно отправили в больницу. Когда меня привезли, врачи должны были дать мне наркоз, почему — не знаю. В те времена пользовались эфиром. Мне приложили тампон к носу, и после этого, как мне потом рассказывали, мое сердце перестало биться. В тот момент

я не знал, что случилось со мной, но, во всяком случае, когда это произошло, у меня были определенные ощущения. Первое, что я помню, был звенящий, очень ритмичный шум. Затем я двигался — вы можете считать это чем-то сверхъестественным — через длинное темное пространство. Оно было похоже на канализационную трубу или нечто подобное. Я просто не могу вам этого описать. Я двигался и все время слышал этот звенящий шум».

Другой человек рассказывает:

«У меня была очень тяжелая аллергическая реакция на местную анестезию, и произошла остановка дыхания. Первое, что случилось, — это было сразу же — я ощутил, что проношусь через темный, черный вакуум на предельной скорости. Я думаю, что его можно сравнить с туннелем. Ощущение было такое, как если бы я мчался вниз на американских горках в луна-парке...»

Человек, бывший настолько близко к смерти, что его зрачки расширились, а тело стало остывать, сообщает: «Я был в совершенно темной пустоте. Это трудно объяснить, но я почувствовал, словно двигаюсь в вакууме. Однако я все сознавал. Я чувствовал себя так, будто нахожусь в цилиндре, не содержащем воздуха. Это было странное ощущение, будто находишься наполовину здесь, а наполовину еще где-то...»

Мужчина, который «умирал» несколько раз от тяжелых ожогов и травм от падения, говорит:

— Я находился в шоке около недели. И в это время совершенно неожиданно ушел в темную пустоту. Казалось, я провожу там длительное время, паря и кувыркаясь в пространстве. Я был настолько захвачен этой пустотой, что просто не мог думать ни о чем другом.

Один человек, до того как он пережил свой опыт, который произошел с ним в детстве, боялся темноты. Однако после остановки сердца, вызванной сильными травмами во время велосипедной аварии, он рассказывал следующее: «Было ощущение, что я двигаюсь через глубокую черную долину. Темнота была такой непроницаемой, что я не видел абсолютно ничего. Но это было самое чудесное, свободное от тревог состояние, какое только можно себе представить».

Женщина, с перитонитом, рассказывает: «Доктор уже вызвал моих брата и сестру, чтобы они повидались со мной в последний раз. Затем мне сделали укол, чтобы облегчить мою смерть. Предметы в палате стали все больше и больше удаляться от меня. Когда они исчезли, я вошла вперед головой в узкий и темный коридор. Казалось, он был как раз по мне. Я начала скользить вниз, вниз, вниз».

Другая женщина, которая была близка к смерти, нашла сравнение своих ощущений в телепостановке:

— Настроение мира и покоя, отсутствие страха — вот первые ощущения. Я обнаружила, что нахожусь в тоннеле, состоящем из концентрических кругов. Вскоре после этого я смотрела телепостановку «Туннель времен». Там люди возвращались в прошлое по спиральному туннелю. Так вот, это самое близкое сравнение, какое я могу найти.

ВНЕТЕЛЕСНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Общеизвестно, что большинство из нас отождествляет себя со своим телом. Мы, конечно, признаем, что у нас есть также и разум, но большинству разум представляется чем-то значительно более эфемерным, чем тело. Разум в конечном счете может быть не чем иным, как результатом электрических и химических процессов, происходящих в мозгу, который, в свою очередь, составляет часть физического тела. Многие люди просто не могут себе представить, что могут существовать в каком-либо ином состоянии, вне физического тела, к которому они привыкли.

До своего опыта смерти люди, с которыми я беседовал, не отличались по своему отношению к этому вопросу от обычного среднего человека. Именно поэтому умирающий бывает предельно изумлен, когда, пройдя через «туннель», обнаруживает, что смотрит на свое физическое тело извне, как посторонний наблюдатель. Он видит людей и события, происходящими как бы на сцене или в кино.

Вот рассказы о случаях подобного сверхъестественного пребывания вне тела.

«Когда мне было семнадцать лет, мы вместе с моим братом работали в луна-парке. Как-то днем мы решили поплавать. С нами было еще несколько молодых людей. Кто-то предложил: «Давайте переплывем озеро». Я хорошо плавал. Но в тот день почему-то стал тонуть почти на самой середине озера. Я барахтался, то опускаясь, то поднимаясь, и вдруг почувствовал, что нахожусь вдали от своего тела, вдали от всех, как бы сам по себе. Хотя я не двигался, находясь все время на одном уровне, я видел, как мое тело, находящееся в воде на расстоянии трех или четырех футов, то опускалось, то поднималось. Я видел свое тело со спины и немного справа.

В то же время я чувствовал, что у меня все еще есть какая-то телесная оболочка, хотя я и был вне своего тела. У меня было ощущение легкости, которое почти невозможно описать. Я казался себе перышком».

Рассказывает одна женщина:

«Примерно год назад из-за больного сердца меня положили в больницу. На следующее утро, лежа на койке, я почувствовала

сильную боль в груди. Я нажала кнопку вызова сестер, они пришли и стали оказывать необходимую помощь. Мне было неловко лежать на спине, и я повернулась. Как только я это сделала, у меня прекратилось дыхание и перестало биться сердце. Я сразу услышала, как сестры что-то закричали. И в этот момент почувствовала, как я отделилась от своего тела, проскользнула между матрасом и перилами с одной стороны кровати, можно даже сказать, что я прошла сквозь перила вниз на пол. Затем стала подниматься медленно вверх. Во время движения я видела, как еще несколько сестер вбежали в комнату — их было, наверное, человек 12. Я видела, как на их зов пришел мой лечащий врач, который как раз в это время делал обход. Его появление заинтересовало меня. Переместившись за осветитель, я видела его сбоку очень отчетливо — паря под самым потолком и глядя вниз. Мне казалось, что я — листок бумаги, взлетевший к потолку от легкого дуновения.

Я видела, как врачи старались вернуть меня к жизни. Мое тело было распростерто на кровати, и все стояли вокруг него. Я слышала, как одна из сестер воскликнула: «О, боже, она скончалась!» В то же время другая склонилась надо мной и делала мне искусственное дыхание изо рта в рот. В это время я видела ее затылок. Я никогда не забуду, как выглядели ее волосы, они были коротко подстрижены. Сразу вслед за этим я видела, как вкатили аппарат, при помощи которого пытались воздействовать электрическим шоком на мою грудную клетку. Я слышала, как во время этой процедуры мои кости трещали и скрипели. Это было просто ужасно. Они массировали мою грудь, терли мои ноги и руки; а я думала: «Почему они волнуются? Ведь мне сейчас очень хорошо».

Один юноша сообщил мне:

— Это случилось около двух лет назад, мне тогда только исполнилось девятнадцать лет. Я вез приятеля на машине. Когда мы подъехали к перекрестку в центре города, я остановился и посмотрел по сторонам, но ничего не увидел. Пересекая перекресток, я вдруг услышал пронзительный крик моего товарища. Оглянувшись, я увидел слепящий свет фар автомобиля, который мчался прямо на нас. Я услышал жуткий звук — это был скрежет ломаемого автомобиля. Затем наступил момент, когда я, как мне показалось, несясь через темное замкнутое пространство. Это произошло очень быстро. Затем я словно бы парил на высоте около пяти футов над улицей и примерно в пяти ярдах в стороне от машины. Я бы сказал, что слышал, как звук скрежета замирает вдаль. Я видел, как люди толпились возле машины, как вытащили из нее моего приятеля, судя по всему, он был в шоке. Я видел среди обломков свое собственное тело, окруженное толпой, люди пыта-

лись вытащить меня. Мои ноги были все перекручены, повсюду — кровь.

Нетрудно себе представить, что у людей, попавших в подобное положение, возникают совершенно непередаваемые мысли и чувства. Многие считают свои внетелесные ощущения настолько невероятными, что, даже пережив это, испытывают полное смешение мыслей относительно данного события. В течение долгого времени они не связывают его со смертью и удивляются тому, что в какой-то момент они вдруг увидели себя со стороны, как посторонние наблюдатели.

Эмоциональная реакция на подобные события у разных людей различна. Большинство из них отмечают, что сначала они испытывали отчаянное желание возвратиться обратно в свое тело, но не знали, как это сделать. Другие говорят, что испытывали сильный, панический страх. Некоторые, наоборот, описывают положительную реакцию на свое состояние. Как, например, в следующем рассказе:

— Я сильно заболел, и меня положили в больницу. В то утро меня окружал густой серый туман, и я покинул свое тело. Было ощущение, словно я плыву в воздухе. Почувствовав, что я вышел из своего тела, я посмотрел назад и увидел себя самого на кровати внизу и не испытал страха. Был покой — мирный и безмятежный, я несколько не был потрясен или напуган. У меня было чувство спокойствия и еще чего-то такого, чего я не боялся, и я понял, что, по-видимому, умираю и если не вернусь в свое тело, то умру окончательно.

Различается отношение рассказчиков к своему телу, которое они покинули. Молодая женщина, которая готовилась стать медсестрой, испытывала вполне понятный страх.

— Я знаю, что это смешно, но в училище нам все время старались внушить, что мы должны пожертвовать свои тела для науки. И вот в то время, когда я смотрела, как мне делают искусственное дыхание, я продолжала думать: «Не хочу, чтобы и это тело использовали для науки в качестве трупа».

Это похоже на сообщения двух других людей, которые испытали то же самое. Любопытно, что оба они медики.

В другом случае отношение к своему «покинутому» телу выражалось в форме сожаления. Один человек, у которого после падения тело было страшно искалечено и остановилось сердце, рассказывал: «Я знал, что лежу на кровати, но в какой-то момент я увидел и ее, и врача, который помогал мне. Я не мог всего понять, но смотрел на собственное тело, лежащее там, и мне было очень тяжело видеть, как оно искалечено».

Несколько человек рассказывали, что испытали чувство отчуждения от своего тела.

— Слушай, я даже не знал, что я так выгляжу. Знаешь, я привык видеть себя только на фотографии или в зеркале. В обоих случаях это выглядит плоско. Но вдруг оказалось, что мое тело совсем другое, не такое, каким я привык его видеть. Я вдруг ясно увидел его целиком с расстояния примерно в пять футов. Мне понадобилось несколько минут, чтобы узнать себя.

В одном из рассказов это чувство отчуждения принимает сильно выраженную и даже комическую форму. Врач рассказал, как во время клинической смерти он находился рядом с кроватью, глядя на свой собственный труп, который принял уже пепельно-серый оттенок, свойственный мертвым. В состоянии отчаяния и замешательства он покинул это место, так как ему было очень неприятно смотреть на свое тело. В детстве он слышал от своего дедушки рассказ о привидениях и, как ни парадоксально, не хотел находиться возле мертвого тела, «даже если оно было моим».

Некоторые люди говорили, что они не испытывали совсем никаких чувств по отношению к своему телу. Одна женщина рассказывала: «Я совсем не смотрела назад, на свое тело. О, я знала, что оно там, и я могла бы его видеть, если бы захотела, но я не хотела смотреть, потому что знала, что совершила все, что могла, в этот момент жизни, и мое внимание было приковано к другому миру».

Девушка, получившая тяжкие травмы после аварии, говорила: — Я могла видеть свое искалеченное тело в машине и собравшихся вокруг него людей. Я абсолютно ничего не испытывала по отношению к нему. Словно там лежал совсем другой человек или даже предмет. Я знала, что это — мое тело, но ничего не чувствовала к нему.

Человек оказывается в подобном бестелесном состоянии настолько внезапно, что требуется некоторое время, прежде чем до его сознания дойдет значение того, что с ним произошло. Он может какое-то время находиться вне своего тела, отчаянно пытаясь разобраться, что происходит, прежде чем осознает: он умер или умирает.

Когда же он наконец осознает, что умер, это может вызвать потрясение и совершенно поразительную реакцию. Одна женщина вспоминала, как отреагировала на случившееся с ней: «О, я умираю, как чудесно!»

Как-то мне рассказали, что умиравшему пришла в голову простая мысль: «Это, должно быть, то, что называют смертью».

Некоторые, даже осознав, что произошло, сопротивляются или просто отказываются поверить в свое новое состояние.

Молодая женщина очень впечатляюще описала свои ощущения: «Я думала, что умерла, и не жалела об этом. Но я просто не могла себе представить, куда мне следует идти. Мои мысли и

мое сознание были такими же, как и при жизни. Я все время думала: «Что мне делать? Бог мой, я умерла и не могу поверить этому».

Иногда действительно не веришь в то, что умрешь. Смерть воспринимается как нечто такое, что должно случиться с другими. И хотя мы все знаем, что смертны, в глубине души не верим этому. Поэтому я решила подождать, пока уляжется возбуждение и когда унесут мое тело, а затем уже попытаться представить себе, куда мне направляться дальше.

Были и такие свидетельства. Умирающие, чья душа, разум, сознание (можете называть это как хотите) отделилось от тела, не чувствовали у себя никакой телесной оболочки. Они воспринимали себя как чистое «сознание». По словам одного человека, у него было ощущение, что он «мог видеть все вокруг себя, в том числе собственное тело, лежащее на кровати». При этом он не занимал никакого места, как если бы был просто сгустком сознания.

Еще несколько человек говорили, что не могут вспомнить, было ли у них хоть какое-то тело, — настолько они были захвачены тем, что происходит вокруг.

Однако большинство моих собеседников утверждали, что они очутились в другом теле после того, как вышли из своего физического тела. Здесь мы вступаем в область, которую очень трудно обсуждать. Это «новое тело» представляет собой такую область опыта, связанного со смертью, для которой очень трудно подобрать слова в человеческом языке. Почти каждый, кто рассказывал мне о «новом теле», в этот момент становился растерянным и говорил: «Я не могу это описать» или что-нибудь в этом роде.

Тем не менее описания тела очень схожи друг с другом. Я выбрал термин, который наиболее удачно объединяет все свойства этого феномена и которым пользовались два моих собеседника, — «духовное тело».

Умирающие, по-видимому, первоначально не осознают существование своего духовного тела из-за ограниченности его возможностей. Они обнаруживают, что, находясь вне своего физического тела, тщетно пытаются сообщить окружающим о своем состоянии, но никто их не слышит. Это можно хорошо проиллюстрировать отрывком из рассказа одной пациентки. У нее наступила остановка дыхания, и она была перевезена в реанимационную комнату.

«Я видела, как врачи пытались вернуть меня к жизни. Это было очень странно. Я находилась не очень высоко, как если бы стояла на пьедестале, так, что могла глядеть поверх них. Я пыталась говорить с ними, но никто не слышал меня».

Человек, обладающий духовным телом, судя по всему, не может быть услышан людьми, которые находятся рядом, а вскоре он

обнаруживает, что также и невидим для окружающих. Медицинский персонал и другие люди, находящиеся около его физического тела, смотрят прямо в том направлении, где находится умерший, и не видят его. Духовное тело не имеет плотности. Похоже, что физические предметы с легкостью проходят сквозь него, а оно само не может схватить какой-либо предмет или человека, к которому пытается прикоснуться. «Врачи и сестры массировали мое тело, стараясь оживить меня, а я все время пытался сказать им:

— Оставьте меня в покое! Перестаньте колотить меня!

Я пытался помешать им, но у меня ничего не выходило. Я не знаю, что случилось, но я не мог отодвинуть их руки. Я прикасался к их рукам, пытался отодвинуть их, но их руки оставались на том же месте. Я не знаю, проходила ли моя рука сквозь их руки или еще что-нибудь, но я не чувствовал никакого прикосновения их рук, когда хотел отодвинуть их».

Или: «Люди со всех сторон подходили к месту аварии. Я не мог видеть их, так как находился в середине очень узкого прохода. Они шли, глядя прямо перед собой, и, казалось, не замечали меня. Когда они подошли совсем близко, я попытался повернуться, чтобы освободить им дорогу, но они просто прошли сквозь меня».

Всеми опрошенными неизменно отмечается, что духовное тело невесомо. Большинство впервые замечают это, когда обнаруживают, что они взлетают к потолку или в воздух. Многие описывают «ощущение полета», «чувство невесомости», ощущение «будто плывешь» и т. д.

Находясь в физическом теле, мы можем установить, где находимся в пространстве, движемся или стоим. Этому помогают зрение и чувство равновесия. Но есть и еще одно чувство — кинестезия, которое помогает движению или напряжению наших сухожилий, суставов, мускулов. Обычно мы не осознаем импульсов, передаваемых посредством кинестезии.

Но если бы мы внезапно были лишены этого чувства, то сразу же заметили бы его отсутствие. По сообщениям нескольких человек, они, находясь в духовном теле, осознавали, что лишились чувства веса, движения и расположения в пространстве.

Таким образом, свойства духовного тела, которые на первый взгляд кажутся ограниченными, на самом деле есть отсутствие ограничений. Можно представить себе это так: человек, обладающий духовным телом, находится в привилегированном положении по отношению к тем, кто его окружает. Он может видеть и слышать их, а они его нет (многие шпионы сочли бы такое положение завидным). Хотя дверная ручка, судя по всему, проходит сквозь его руку, когда он прикасается к ней, это не имеет никакого

значения, так как человек может просто-напросто пройти сквозь дверь. Путешествие в таком состоянии делается крайне легким. Физические объекты не являются препятствием, а перемещение с места на место осуществляется очень быстро, даже мгновенно.

Кроме того, хотя духовное тело и незаметно для окружающих, оно, по мнению пациентов, которые это пережили, есть нечто такое, что поддается описанию. Все соглашались в том, что оно имеет форму или очертания вытянутой округлости и порой существенно напоминает облик физического тела, так как у него есть выступы или поверхности, аналогичные рукам, ногам, голове и т. д. Даже в тех случаях, когда форма духовного тела описывается как более или менее округлая, часто отмечают, что она имеет концы и даже «части».

Мне приходилось слышать множество различных выражений при описании этого тела, но нетрудно заметить, что во всех случаях подразумевается одна и та же мысль, выражающаяся словами: туман, облако, подобно дыму, нечто прозрачное, цветное облако, что-то тонкое, сгусток энергии и т. д.

И наконец, все опрошенные отмечают, что, когда они находились вне своего физического тела, времени как бы не существовало. Таким образом, в отличие от нашего земного существования время не является частью внетелесного опыта. В подтверждение этому я приведу отрывки из пяти бесед.

1. На повороте я потерял управление автомобилем, он сорвался с дороги и полетел в воздух. Помню, как я увидел, что машина падает в обрыв, и в эту секунду понял, даже, по-моему, сказал себе: «Все, попал в аварию, из которой не выхожу живым».

С этого момента я потерял чувство времени и контакт со своим телом. Моя сущность или мое «я», назовите это, как хотите, почувствовало, что как бы выходит из тела вверх, через голову. Это не причиняло боли. Моя сущность ощущала себя как некоторую плотность, но не физическую, скорее это походило на волну или нечто, сходное с ней. Это напоминало некий заряд. Мое новое «тело» было небольшим по объему и воспринималось как шар с некоторыми границами и выглядело так, если бы имело оболочку.

Когда оно вышло из моего физического тела, то казалось, что у него имеются как бы две вытянутости — длинная спереди и короткая сзади... Мое тело не имело веса.

Самым поразительным из всего перенесенного мною опыта был момент, когда моя сущность остановилась над моей головой, как будто решала: покинуть ли мое тело или вернуться в него. Казалось, что время не двигалось. В самом начале аварии и после нее все совершалось необычайно быстро, но в самый момент

аварии, когда моя сущность находилась над моей головой, а автомобиль летел через насыпь, было ощущение, что все происходит довольно медленно. В это время я не чувствовал, что нахожусь в машине и попал в катастрофу. Я не был связан с собственным телом и находился только в своем сознании.

Моя сущность не имела физических свойств, но я вынужден описывать ее физическими терминами. Никакие слова не соответствуют в полной мере тому, что происходило тогда со мной. Это трудно пересказать. Наконец автомобиль упал на землю и покати́лся, но моими единственными травмами были растяжение шеи и ушиб ступни.

2. Когда я вышла из своего физического тела, это выглядело так, как будто я действительно вышла из него и вошла во что-то другое. Но это «другое» тоже было телом. Но не настоящим человеческим телом. Оно было несколько иным. По форме оно походило на тело, но было бесцветным. И еще я знаю, что у меня было то, что можно было бы назвать руками... Я была больше всего поглощена тем, что меня окружало: видом моего собственного физического тела и всего вокруг меня, так что я, собственно, не думала о том, в каком новом теле я нахожусь. Все это произошло очень быстро. Время утратило свою обычную реальность, но вместе с тем оно и не исчезло совсем. События как будто протекают гораздо быстрее, когда покидаешь свое тело.

3. Помню, как меня привезли в операционную. В течение нескольких последующих часов мое состояние было критическим. За это время я несколько раз покидала свое тело и возвращалась в него. Если бы нужно было описать словами то новое тело, в котором я оказалась, я сказала бы, что оно прозрачно и духовно...

4. После того как мое сердце перестало биться... я ощутил, будто стал подобен круглому мячу или маленькой сфере внутри этого мяча...

5. Я был вне моего тела и смотрел на него с расстояния десяти ярдов. Но я осознавал себя так же, как в обычной жизни. То, в чем помещалось мое сознание, по объему было таким же, как и мое прежнее физическое тело. Но я не был в теле как в таковом. Я мог ощущать местонахождение моего сознания как какую-то капсулу. Все выглядело так, что я именно там, в этой капсуле и находился, а она представляла собой небольшой сгусток энергии...

Подобно передвижению, мышление в этом духовном состоянии тоже осуществляется беспрепятственно. Снова и снова мне приходилось слышать о том, что люди, пережившие такой опыт, несколько освоившись со своим новым положением, начинали мыслить яснее и быстрее, чем во время своего физического бытия. Один мужчина рассказывал:

— Были возможны вещи, невозможные теперь. Сознание работало совершенно отчетливо. Это так приятно, ведь мое сознание могло воспринимать все явления сразу, разрешать возникающие вопросы, не возвращаясь снова и снова к одному и тому же. Немного позднее я почувствовал, что все, что пережил в жизни, каким-то образом стало иметь смысл.

Характер восприятия окружающего и сходен и отличается от восприятия физического тела. В некоторых отношениях духовное состояние ограничено, ибо кинестезия, как таковая, отсутствует. Нет особых температурных ощущений, хотя многие рассказывали, что чувствовали приятную теплоту. Никто не говорил о вкусовых или обонятельных ощущениях.

С другой стороны, способность видеть или слышать происходящее как это свойственно физическому телу, остается неизменной и для тела духовного. Она, эта способность, становится даже более совершенной. Один мужчина говорил: «Я не понимал, как могу видеть так далеко». Женщина, пережившая свой предсмертный опыт, заявляет: «Мне казалось, что это духовное зрение не знает границ, потому что я могла видеть что угодно и где угодно». А вот еще одно свидетельство:

— Была необычайная суматоха, люди бегали вокруг санитарной машины. Когда я всматривалась в окружающих, чтобы понять, что происходит, то предмет сразу же приближался ко мне, как в оптическом устройстве, позволявшем делать «наплыв» при съемке, и я как бы находилась в этом устройстве. Но в то же время мне казалось, что часть меня, то есть то, что я буду называть моим сознанием, оставалось на месте, в нескольких ярдах от моего тела. Когда я хотела разглядеть кого-нибудь, находящегося от меня на расстоянии, то мне казалось, что какая-то моя часть протягивалась к тому, что я хотела увидеть. У меня было ощущение, что при желании я могла бы увидеть все, что происходит в любой точке земного шара.

«Слух», присущий духовному состоянию, очевидно, может быть назван так лишь по аналогии с тем, что имеет место в физическом мире, ибо большинство опрошенных свидетельствуют, что они на самом деле слышали не физический звук или голос. Скорее им казалось, что они воспринимают мысли окружающих их лиц. Как мы увидим позже, этот же механизм непосредственной передачи мыслей играл важную роль на поздних стадиях опыта смерти. Одна пациентка описывает это так:

— Я могла видеть окружающих меня людей и понимать все, о чем они говорят. Но я не слышала их так, как слышу сейчас вас. Это больше походило на то, как если бы я воспринимала их мысли... Я уже понимала их за секунду до того, как они открывали рот, чтобы что-то произнести.

Наконец, на примере одного уникального и очень интересного сообщения можно увидеть, что даже сильная травма физического тела не оказывает каких-либо вредных последствий на ощущения духовного тела. Речь идет о мужчине, потерявшем большую часть ноги в результате несчастного случая, после чего последовала клиническая смерть. Он знал об этом, потому что отчетливо видел свое искалеченное тело на расстоянии, как и врачей, которые оказывали ему первую помощь. Однако в то время, когда он находился вне своего тела, он мог ощущать себя так, как если бы его тело было целым. Надо отметить, что в бестелесном состоянии личность как бы отрезана от себе подобных. Человек может видеть других людей, целиком понимать их мысли, но они не видят и не слышат его. Связь с людьми совершенно прерывается даже на уровне осязания, так как духовное тело лишено плотности. Поэтому неудивительно, что после некоторого пребывания в таком состоянии человеком овладевает острое чувство изолированности и одиночества. По словам одного опрашиваемого, он мог видеть все, что происходило в больнице: докторов, сестер и других, но в то же время он никаким способом не мог контактировать с ними: «Я был совершенно одинок». О том же говорили и многие другие, пережившие опыт смерти.

— Все, что я видел и переживал, было так прекрасно, что просто невозможно описать. Мне хотелось, чтобы другие тоже почувствовали это. Я понимал, что никогда не смогу пересказать, что чувствовал, — никто из них, «живых», не переживал подобного состояния. Кроме того, я как бы находился в мире, совершенно изолированном от всего остального. И тогда мною овладела подавленность.

Или еще свидетельство:

— Я не мог что-либо трогать или передвигать, не мог контактировать с окружающими меня людьми. Это было ощущение страха и одиночества, полной изоляции от привычного. Я знал, что нахожусь только с самим собой.

Еще:

— «О, я умер, мои родители потеряли меня, какое это горе для них и для меня тоже — я никогда их не увижу». Ни о чем таком я не думал. Все это время я осознавал свое полное, абсолютное одиночество, как будто я был гостем из другого мира. Все связи оборвались. Там не было любви или других чувств. Все было как-то механически. Я и теперь не понимаю, что это означало.

Однако вскоре чувство одиночества, охватывающее умирающего, рассеивается, по мере того как он все глубже и глубже погружается в новое состояние: дело в том, что умирающий встречается с другими лицами, которые помогают ему освоиться в этом

переходном состоянии. Он воспринимает их как души других людей, часто тех, кто были близкими родственниками или друзьями умершего и которых он хорошо знал при жизни. В большинстве случаев люди, которых я интервьюировал, рассказывали о появлении этих существ, хотя их рассказы существенно отличаются друг от друга. Следующий раздел посвящен этим свидетельствам.

ВСТРЕЧИ С ДРУГИМИ

Некоторые люди говорили мне, что в тот момент, когда они умирали — иногда с самого начала, иногда после других событий, связанных с умиранием, — они начинали чувствовать присутствие других существ. Эти последние, очевидно, находились рядом с ними для того, чтобы облегчить умирающим переход в новое состояние. В двух случаях они появились, чтобы сообщить умирающим, что время их смерти еще не наступило и поэтому они должны вернуться в свое физическое тело.

— Я пережила этот опыт во время родов, — рассказывает молодая женщина. — Я потеряла много крови. Доктор уже не надеялся спасти меня и сообщил родным о моей смерти. Однако я находилась в сознании, внимательно за всеми наблюдала и даже слышала, как доктор произнес свой приговор. В то же время я понимала, что все присутствующие — а их было много — прячутся под потолком комнаты. Это были люди, которых я знала в прошлом, но все они уже умерли. Я узнала свою бабушку и девочку, с которой училась в школе, а также многих родных и знакомых. Кажется, я видела их лица и ощущала их присутствие. Все они были очень приветливы, и мне было хорошо от того, что они — рядом. Я понимала, что они пришли защитить или сопровождать меня. Я чувствовала себя так, словно пришла домой, а они тут, рядом, встречают и приветствуют меня. Все это время у меня сохранялось ощущение света и радости. Прекрасный и славный момент.

Один человек вспоминает:

— За несколько недель до того, как я чуть не умер, был убит мой хороший друг Боб. И вот в тот момент, когда я вышел из своего тела, у меня появилось ощущение, что Боб находится совсем рядом, справа от меня. Я видел его в своем сознании и чувствовал, что он здесь, но все это казалось очень странным. Я видел его не так, как физическое тело. Это было что-то вроде просветленного тела и я воспринимал каждую из его частей — руки, ноги и т. п. Но я не видел их в физическом смысле. Тогда это не казалось мне странным, потому что я мог видеть его без помощи зрения...

Я спросил его: «Боб, куда я сейчас иду? Что случилось? Умер я или нет?» Но он ничего не ответил, не сказал ни слова. Все время,

пока я был в больнице, он часто находился возле меня, и я снова и снова спрашивал его: «Что происходит?» Но он так ничего и не ответил. И только в тот день, когда доктор сказал, что я возвращаюсь к жизни, Боб исчез. Я больше не видел его и не ощущал его присутствия. Казалось, что он ждал, когда я умру, чтобы тогда рассказать мне подробно о том, что произошло.

В других случаях духовное тело встречается с людьми, которых человек не знал при жизни. Одна женщина рассказывала, как во время своего внетелесного опыта она видела не только свое прозрачное духовное тело, но также духовное тело другого человека, умершего незадолго до нее. Она не могла сказать, как выглядел этот человек, но сделала следующее очень интересное замечание: «Я видела его, его дух, который не имел определенного возраста. Да и сама я не ощущала времени».

Одному пациенту такой дух сказал: «Я должен помочь тебе пройти эту стадию бытия, но сейчас я собираюсь вернуть тебя обратно к другим».

Одна женщина рассказывала, что обнаружила рядом с собой двух существ, которые называли себя ее духовными помощниками.

Один пациент сообщил:

— Я слышал голос, но это не был человеческий голос, его восприятие находилось за гранью физических ощущений. Голос говорил, что я должен вернуться назад, и я не чувствовал страха перед возвращением в свое физическое тело.

— Когда я был мертв,— вспоминает другой пациент,— я говорил с людьми. Я ощущал их присутствие и движение, хотя и никого не видел. Время от времени я общался с кем-нибудь из них, желая узнать, что происходит, и всегда получал мысленный ответ, что все в порядке, что я умираю, но все будет хорошо. Так что мое состояние не беспокоило меня. Я неизменно получал ответ на каждый вопрос, интересующий меня. Они не оставляли мое сознание одиноким в этой пустыне.

СВЕТОНОСНОЕ СУЩЕСТВО

Самым невероятным, но в то же время постоянно присутствующим явлением во всех изученных мною случаях была встреча с очень ярким светом, оказывавшим на людей глубокое впечатление. Сначала этот свет казался довольно тусклым, затем становился все ярче и ярче, пока наконец не достигал неземной яркости. Но и тогда, когда свет, характеризующийся как «белый» или «очень ясный», становился неопишимо ярким, многие утверждали, что он не причинял боли глазам, не ослеплял их, не мешал им видеть другие предметы. Возможно, это объяснялось тем, что у них уже не было физических глаз, и поэтому ослепить их было нельзя.

Несмотря на необычность такого видения, ни один из пациентов не сомневался в том, что оно представляло собой существо, несущее свет. Кроме того, оно обладало личностными качествами. Иначе говоря, это была какая-то личность. Любовь и тепло, исходящее от этого существа, невозможно описать никакими словами. Умиравший чувствует, что этот свет окружает его, влечет и в его присутствии появляется ощущение тепла.

Интересно, что восприятие светоносного существа разными людьми зависит главным образом от религиозной среды, в которой воспитывался и формировался человек, от его веры. Так, большинство христиан считают, что этот свет есть не что иное, как Христос. Евреи называют свет «ангелом». Но в том и в другом случае люди не говорили, что существо было с крыльями и играло на арфе или хотя бы имело облик человека. Они помнят только свет, исходящий от существа и воспринимают его как посланника или проводника. Люди неверующие или далекие от религиозной жизни просто говорили, что видели светоносное существо. Тот же термин употребила женщина-христианка, которая, по-видимому, не отождествляла видение с образом Христа.

Вскоре после своего появления существо вступает в контакт с умирающим. Следует отметить, что контакт осуществлялся с помощью прямой связи того же типа, с которой мы встречались раньше, — духовное тело обладает способностью улавливать мысли тех, кто его окружает.

В данном случае люди тоже утверждают, что они не слышали физических голосов или звуков, исходящих от существа. Скорее происходила непосредственная передача мысли, но в такой ясной форме, что какое-либо умолчание или ложь по отношению к свету были невозможны. Более того, это общение происходило не на родном языке человека, который, несмотря на это, все понимал и воспринимал мгновенно. Светоносное существо молниеносно передавало определенную мысль лицу, перед которым оно появилось. Обычно люди, с которыми я беседовал, пытаются сформулировать эту мысль в виде вопроса.

Я слышал такие варианты его интерпретации: «Подготовлены ли вы к смерти?», «Что ты сделал в своей жизни?», «Что можешь показать мне?», «Что значительное ты совершил в жизни?» и т. д.

Я убежден, что каждый пытается по-своему выразить одну и ту же идею. Одна женщина сообщила мне: «Первое, что свет сказал мне, прозвучало как вопрос: готова ли я умереть? или «Что было особенного в моей жизни, на что я хотела бы указать ему?»

Один мужчина сообщил, что вопрос был сформулирован так: «Стоит ли моя жизнь потраченного времени? То есть считаю ли я, что жизнь, которую я прожил до этого момента, прожита не зря с точки зрения того, что я узнал теперь? — вот в таком плане меня

спросил свет». Многие подчеркивают, что вопрос этот задается без всякого обсуждения. Ни обвинения, ни угрозы в нем нет. Все ощущали только любовь и поддержку, исходящую от света, независимо от тех ответов, которые давали. Возникает впечатление, что вопросы светоносного существа как бы вызывали людей на откровенность.

«Он был прекрасен, такой лучистый, такой лучезарный, но не ослеплял меня. Я не видел облика существа, но все же в этом свете заметна индивидуальность. Это был свет абсолютного понимания и любви. Мысленно я услышал: «...возвращайся и закончи в своей жизни то, что начал».

«Свет был ярким, он покрывал все и, однако, не мешал мне видеть операционную, врачей, сестер и все, что меня окружало. Сначала, когда появился свет, я не совсем понимал, что происходит. Но потом он как бы обратился ко мне с вопросом: «Готов ли ты умереть?» У меня было ощущение, что я говорю с кем-то, кого не вижу. Но голос принадлежал именно свету. Я думаю, он понимал, что я не был готов тогда умереть. Но с ним было так хорошо. И, кроме того, у него было даже чувство юмора... Определенно было!»

ОБРАЗЫ ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ

Появление светоносного существа, испытания и вопросы без слов — все это прелюдия к самому поразительному и напряженному моменту, во время которого существо показывает умирающему картины его прошедшей жизни. Очевидно, что существо знает всю его «биографию» и не нуждается в информации. Этот обзор можно охарактеризовать как воспоминания о прошлом, хотя некоторые черты отличают его от обычных воспоминаний. Прежде всего, необычайная скорость, при которой картины жизни следуют одна за другой в хронологическом порядке. Все картины прошлого человек охватывает одновременно, одним мысленным взором. Жизнь заново переживается за несколько мгновений земного времени.

Надо сказать, что этот образ, протекающий в виде сменяющих друг друга образов, несмотря на его скорость, оказывается невероятно живым и реальным.

Некоторые пациенты говорили, что хотя они не могут понять, как это могло произойти, но обзор включал все, что было в их жизни — от самых незначительных деталей до наиболее важных событий. Другие утверждали, что видели лишь наиболее значительные моменты своей жизни. Часть опрошенных характеризует просмотр как попытку светоносного существа преподать им урок. Во время просмотра существо как бы подчеркивало, что в жизни

самыми важными являются две вещи: научиться любить людей и приобретать знания. Вот свидетельства такого рода:

— Когда появился свет, он сразу же задал мне вопрос: «Что ты совершила в своей жизни?..» И вдруг в тот же момент замелькали картины. «Что это?» — подумалось мне, потому что все произошло неожиданно. Я очутилась в своем детстве. Потом шла год за годом через всю мою жизнь с раннего детства до настоящего времени. У меня было очень странное чувство. Я была маленькой девочкой, играющей у ручья. Потом последовали другие сцены: переживания, связанные с сестрой, наши соседи и знакомые места, где я бывала. Потом я оказалась в детском саду, и мне вспомнилось время, когда у меня была единственная игрушка, очень любимая, и как я ее сломала, а потом горько плакала. Картины сменялись... Старшие классы, когда мне выпала честь быть избранной в школьное научное общество. Так я «прошла» через все старшие классы, затем первые годы института. Итак — до настоящего времени. Сцены, которые возникали передо мной, были такими живыми! Будто смотришь на них со стороны и видишь в трехмерном пространстве и в цвете. К тому же картины были подвижными. Например, в момент, когда у меня сломалась игрушка, я видела все движения. Это было совсем по-другому, чем я могла бы видеть, когда была маленькой. У меня было ощущение, что какая-то другая девочка, как в кино, играет на детской площадке. И все же это была я... Когда я «просматривала» картины, света практически не было видно. Он исчез, как только спросил, что я сделала в жизни. И все же я чувствовала его присутствие, он вел меня в этом «просмотре», иногда отмечая некоторые события. Он старался подчеркнуть что-то в каждой из этих сцен... Особенно важность любви... В моменты, когда это было видно наиболее отчетливо, как, например, в общении с моей сестрой, он показал мне несколько сцен, где я была эгоистична по отношению к ней, а потом — несколько случаев, когда я действительно проявляла к ней любовь. Он как бы наталкивал меня на мысль, что я должна быть лучше. Хотя и ни в чем не обвинял меня.

Он, казалось, проявил интерес к вопросам, связанным со знаниями. Каждый раз, отмечая события, касающиеся учения, он «говорил», что я должна продолжать учиться и что, когда он придет за мной опять (к этому времени я уже поняла, что вернусь обратно к жизни), у меня должно остаться стремление к знаниям. Он говорил о знании как о постоянном процессе, и у меня сложилось впечатление, что это процесс будет продолжаться и после смерти.

Ситуация, в которой я оказалась, была странной. Я пережила увиденное в исключительно короткий промежуток времени. За все время я испугалась всего один раз, когда представила, что могу умереть прямо сейчас. Просматривая сцены, я испытывала радость

от того, что я получила возможность вернуться назад и увидеть свое детство, что другим людям недоступно.

Встречаются свидетельства, в которых упоминаются картины предыдущей жизни, но светоносное существо при этом не присутствует. В таких случаях переживания умирающего не носят такого глубокого характера. Но тем не менее картины сохраняют свою живость и быстроту. Строго говоря, их возникновение не зависит от появления света и от того, что происходило с человеком: находился ли он действительно в состоянии клинической смерти или только соприкасался со смертью.

«После вибрации и движения через темное пространство все мои детские мысли, вся моя жизнь сосредоточились здесь, в конце тоннеля, они просто вспыхнули передо мной. Нельзя сказать, что они появились в форме картин, скорее это были мысли, которые трудно точно описать, несмотря на их простоту. Все произошло мгновенно. Я подумал о матери, о своих неправильных поступках в тех или иных жизненных ситуациях... Мне захотелось вернуться и все исправить».

Два следующих пациента не находились в состоянии клинической смерти. В одном случае имело место состояние физиологического стресса, в другом человек был тяжело ранен.

«Все произошло совершенно неожиданно. У меня была легкая форма лихорадки, и я около двух недель чувствовал себя неважно. Но в ту ночь мне стало совсем плохо. Помню, пытался встать, чтобы пойти и сказать жене, что мне худо, но вдруг попал в абсолютно черную пустоту, и передо мной стали проноситься картины моей жизни. Начались они с момента, когда мне было лет шесть-семь. Я вспомнил своего хорошего друга из начальной школы. Затем передо мной последовательно проходили годы учебы в средней школе, затем — в колледже, в зубоврачебном училище, потом моменты работы стоматологом. Я знал, что умираю, и помню, что в тот момент подумал о том, что хотел бы обеспечить семью. Я буквально обезумел от горя, и в то же время воспоминания о некоторых вещах, совершенных мною, заставляли меня горько раскаиваться. Думал также и о делах, которые мне не удалось завершить. Этот мгновенный просмотр проходил в форме умозрительных картин, но все они были более живые, чем в жизни. Я видел только самые существенные моменты. Все происходило так быстро, как будто я пролистал книгу собственной жизни за считанные секунды. Картины воспоминаний мелькали с огромной скоростью, но я их полностью видел и вполне понимал происходящее. Однако «просмотр» не вызвал у меня никаких эмоций, для них не оставалось времени. Во время моего опыта я не видел ничего вокруг. Меня окружала темнота. И одновременно я отчетливо ощущал присутствие могущественного существа, которое находилось рядом

на протяжении всего этого времени. Необычайно интересно! Когда я пришел в себя, я любому мог легко рассказать обо всем увиденном».

Молодой ветеран вьетнамской войны рассказывает:

— Во Вьетнаме я был смертельно ранен пулеметной очередью, в меня попало шесть пуль. Но я точно помню, что тогда со мной происходило. Мне не было страшно, и я даже почувствовал облегчение. С момента ранения передо мной начали проноситься картины моей жизни. Казалось, что я вернулся в то время, когда был ребенком. Картины сменяли одна другую с необыкновенной живостью и за короткое время. Я проходил через все видения, не ощущая никакой вины или унижения. Больше всего это напоминало серию картин, наподобие слайдов, будто их кто-то быстро мне показывал.

И, наконец, еще один случай из опыта человека, пережившего эмоциональное потрясение, хотя физически он не получил серьезных ранений:

— Это случилось летом, после того как я окончил первый курс колледжа. Я подрабатывал тогда водителем большого грузовика. В то лето я частенько едва не засыпал за рулем. Однажды утром, когда я вел машину по шоссе, я задремал. Последнее, что помню — дорожный знак, потом я отключился. И вдруг услышал ужасный скрежет — это лопнул правый баллон. Из-за того, что вся тяжесть грузовика переместилась на левую сторону, лопнул и левый баллон. Машина упала набок и юзом по инерции продолжала продвигаться по дороге по направлению к мосту. Я видел, что грузовик идет прямо на мост и вот-вот врежется в него. И вот в те мгновения, когда машина неслась на мост, я передумал обо всем, что было в моей жизни. Я просто видел какие-то картины, в которых отражалось как бы самое основное, и это выглядело совершенно так, как в жизни. Я видел картину, как шел за своим отцом на берег ручья. Потом было еще несколько сцен из раннего детства. Потом видел, как у меня сломалась игрушечная машинка, подаренная мне на рождество, как плакал, когда первый раз шел в школу, как слезы капали на яркий желтый плащ, который мне купила мать. Я вспоминал своих учителей и кое-что из того, что мы учили в каждом классе. Затем последовали юношеские годы, работа в бакалейной лавке, после чего память перенесла меня в ближайшее время — к лету перед началом второго курса колледжа. Все это проносилось в моем сознании очень быстро, за доли секунды. Затем прекратилось. Я стоял рядом и смотрел на грузовик. Я думал, что умер, и мне казалось, что я теперь — не я. Потом стал ощупывать себя, чтобы понять, жив ли я или стал призраком.

Грузовик был совершенно разбит, но я не получил никаких ранений. Я выпрыгнул из кабины через раму ветрового стекла —

все стекла в машине были разбиты. Немного успокоившись, стал думать о том, что со мной произошло. Быть может, это что-то вроде долго хранившихся в памяти впечатлений. Я и теперь могу вспомнить все виденное и восстановить каждую из промелькнувших тогда передо мною картин, но это заняло бы, наверное, не менее пятнадцати минут. Но тогда это произошло мгновенно, автоматически, менее чем за одну секунду. Это невероятно!

ГРАНИЦА ИЛИ ПРЕДЕЛ

Некоторые пациенты рассказывали мне, как во время своего предсмертного опыта они приближались к чему-то, что можно было бы назвать границей или каким-то пределом. Иногда это явление принимало образ водного пространства, серого тумана, двери, ограды, тянувшейся через поле, или же просто воспринималась как нейтральная черта.

1. Я умерла от остановки сердца. Как только это случилось, я оказалась в середине какого-то волнующегося поля. Оно было прекрасно, все ярко-зеленое, такого цвета я никогда не видела на земле. Передо мной находилась изгородь, протянувшаяся через все поле. Я направилась к ней и увидела по ту сторону человека, который двигался мне навстречу как бы для того, чтобы встретить меня. Я хотела подойти к нему, но почувствовала, что меня непреодолимо тянет обратно. Этот человек тоже повернулся и стал удаляться от изгороди.

2. Это произошло со мной во время первых родов. Сразу же после выхода плода началось сильное кровотечение, которое доктору никак не удавалось остановить, и я потеряла сознание... После этого услышала неприятное жужжание и звон. В следующий момент я ощутила себя в лодке, пересекавшей какое-то пространство. На другом берегу я увидела всех, кого любила в жизни: мою мать, отца, сестер и других умерших родственников. Мне казалось, что они манили меня, и в то же время я говорила себе: «Нет, нет, я не готова присоединиться к вам. Я не хочу умирать». Наконец лодка почти пристала к берегу, но в последнюю секунду вдруг повернула обратно. Мне кажется, что именно в этот момент я стала приходить в себя и доктор объяснил мне, что им едва удалось спасти меня, но теперь уже все в порядке.

3. Я был госпитализирован в состоянии тяжелой комы. Врачи сомневались — останусь ли я в живых. И вот когда я был без сознания, я вдруг почувствовал, как меня поднимает вверх... Передо мной появился яркий белый свет и мысленно спросил меня: «Хочешь ли ты умереть?» Я ответил: «Не знаю, я ведь ничего не знаю о смерти». Тогда свет сказал: «Перейди вот эту черту и тогда узнаешь». Я ощутил, что передо мной находится какая-то черта,

хотя фактически ее не было видно. Как только я ее пересек, на меня нахлынули удивительные ощущения мира и спокойствия. Все заботы покинули меня.

4. Я чувствовала, что умираю, и подумала: «Боже, я жила бы лучше, если бы знала, что это случится так скоро. Пожалуйста, помоги мне». Я стала выходить из темноты. А увидев перед собой серый туман, направилась к нему. Приблизившись, я ощутила, что вижу сквозь него людей, которые выглядели так же, как на земле, и еще какие-то строения. Это видение было пронизано удивительным светом... Неожиданно прямо передо мной появился дядя Карл, который умер много лет назад. Он преградил мне путь, говоря:

— Иди назад. Твое дело на земле еще не закончено. Сейчас же возвращайся назад.

У меня не было желания идти назад, но я все же вернулась в свое тело. И вновь ощутила ужасную боль в груди и услышала, как мой маленький сын кричал: «Боже, верни мамочку!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Очевидно, все люди, с которыми я говорил, пережили момент возвращения к жизни, к своему физическому телу. В этот момент меняется их отношение к происходящему. Все помнят, что в первые мгновения смерти они испытывали отчаянное желание вернуться назад в тело и тяжело переживали свою кончину. Однако по мере достижения определенной стадии умирания человек уже не хочет возвращаться назад и даже сопротивляется этому. Данное явление особенно характерно после встречи со светящимся существом. Как патетически выразился один мужчина: «Я никогда не хотел бы покидать это существо!»

Несколько женщин, имевших маленьких детей, рассказывали мне, что во время их предсмертного опыта они также предпочли бы остаться там, где оказались, если бы не чувствовали, что обязаны вернуться, чтобы воспитывать детей.

«Когда я переживала эти удивительные ощущения, я не хотела возвращаться, но в то же время всерьез думала и о своей ответственности, о моих обязательствах по отношению к семье».

В других случаях люди рассказывали мне, что, несмотря на то, что они чувствовали себя хорошо и спокойно в своем новом бестелесном состоянии, они все же хотели вернуться к физической жизни, так как осознавали, что у них есть важные дела. В некоторых стимулом к возвращению служило желание завершить свое образование.

«Я окончил три курса колледжа, остался один. Я подумал, что не хочу умирать сейчас. И в то же время чувствовал: если еще

какое-то время останусь около света, то совсем перестану думать о своем образовании, так как начну, наверное, заботиться совсем о других вещах».

Ответы, которые я собрал, дают разнообразную картину того, как происходит возвращение в физическое тело. Точно так же по-разному отвечают пациенты на вопрос: почему это возвращение состоялось. Одни говорят, что не знают, как и почему они вернулись, и лишь очень немногие считают, что причиной было их собственное решение вернуться к земной жизни.

«Я понимал, что не могу долго оставаться вот так, рядом со своим физическим телом... Я был обязан на что-то решиться: либо двинуться прочь отсюда, либо вернуться обратно. Станным было то, что отчасти я все же хотел остаться. С другой стороны, во мне проснулась твердая уверенность в том, что я буду делать на земле добро. И я решил, что должен вернуться в свое физическое тело. Мгновение спустя, я почувствовал, как страшная слабость вдруг оставила меня, и я стал выздоравливать».

Другие чувствовали, что «получили позволение» на жизнь от светоносного существа, данное им либо в ответ на их собственное желание вернуться, либо потому, что существо внушило им необходимость выполнения какой-то миссии на земле.

«Светоносное существо позволило врачам вернуть меня к жизни с определенной целью, которая состояла в том, чтобы помочь моей жене, страдающей от запоев. Я знал, что без меня она ничего не сможет поделать с собой. Сейчас ей гораздо лучше...»

«Я чувствовала, что вернулась потому, что меня притягивала любовь сестер и мужа. С этих пор я верю, что другие, живые люди могут вернуть нас обратно».

Имеется несколько примеров обратного «восхождения» в собственное физическое тело. Большинство свидетелей говорят о том, что в конце своего опыта они «заснули» или потеряли сознание, а позже очнулись в своем физическом теле.

«Это было похоже на то, что как если бы меня куда-то «унесло», я заснул и затем проснулся уже лежащим на постели. Люди, которые находились в комнате, выглядели так же, как и тогда, когда я их видел, находясь вне своего тела».

Другие опрашиваемые вспоминают, что их перенос в физическое тело осуществился очень быстро и часто сопровождался толчками.

«После того как врачи применили электрошок, все мое тело резко дернулось, и я сразу просто упал в свое тело как мертвый груз. Затем я снова ощутил себя в своем теле».

«Я решил, что должен вернуться, после этого почувствовал как бы толчок, который направил меня обратно к жизни...»

Во многих случаях пациенты вспоминают, что «возврат» происходит через голову.

«Моя «сущность» имела два конца — короткий и длинный. Когда произошла авария, мне показалось, что она вышла из моего тела с длинного конца и остановилась над моей головой. Но возвращение, по-моему, происходило с противоположного, короткого конца».

Обычно отношение к опыту смерти и связанные с ним ощущения несколько запаздывают по времени и осознаются тогда, когда кризис уже прошел. Вот несколько примеров:

1. После того как я вернулась «назад», я почти целую неделю проплакала от того, что я снова должна жить в этом мире. Я не хотела возвращаться обратно.

2. Когда я «вернулся», то сохранил удивительное отношение ко всему окружающему. Это продолжалось несколько дней. Даже сейчас я чувствую себя так, будто вернулся из другого мира, и новыми глазами смотрю на все, происходящее на земле.

3. Эти ощущения совершенно непередаваемы. Я никогда не забываю о том, что пережил, и часто об этом думаю...

РАССКАЗЫ О ПЕРЕЖИТОМ

Необходимо сразу подчеркнуть, что все, пережившие опыт умирания, нисколько не сомневаются в его реальности и важности. Интервью, которые я брал, неизменно содержат утверждения подобного рода:

«Я был изумлен всем, что со мной случилось. Я не понимал этого. Но все было совершенно реальным. Я видел свое тело очень отчетливо и в то же время — издалека. Мое сознание находилось в таком состоянии, что вряд ли я мог что-нибудь придумать. У меня не возникало никаких целей».

«Это совершенно не похоже на галлюцинации. Однажды у меня были галлюцинации, когда мне в больнице давали кодеин. Но в пережитом мною опыте смерти не было ничего похожего на галлюцинации, ничего».

Такие же замечания я слышал от людей, вполне отличающих сны и фантазии от реальности. Я стремился говорить с людьми деятельными и вполне уравновешенными. Они могли отличать сны от действительных событий.

С другой стороны, несмотря на полную убежденность в реальности и важности того, что с ними произошло, они понимают, что наше современное общество просто не способно отнестись к такого рода свидетельствам с пониманием или сочувствием. Многие из опрошенных мною лиц прекрасно понимали, что если они попытаются поделиться с кем-нибудь своим опытом, то скорее

всего их примут за сумасшедших. Поэтому они никому не рассказывали о том, что пережили, за исключением некоторых близких людей, которые тоже отреагировали на их рассказ как на что-то «не от мира сего».

«То, что я пережил, было очень интересно. Но мне совсем не хотелось кому-либо рассказывать об этом. Люди просто подумали бы, что я сошел с ума».

«Долгое время я никому не говорил об этом, так как боялся, что мне никто не поверит. Будут говорить: «Ну, ты все придумываешь». Однажды я решился. «Хорошо, посмотрим, как отнесутся к моим «воспоминаниям» мои домашние». Я рассказал им. И все-таки, думаю, хоть они и слушали внимательно, все-таки не поверили, отнеслись ко мне как к больному».

Некоторые пациенты стремились сразу же поведать кому-нибудь о том, что им пришлось пережить. Но все они наталкивались на такое непонимание и отчуждение, что быстро замолкали.

1. Единственным человеком, кому я пытался все рассказать, была моя мать. Я говорил с ней вскоре после того, как вернулся. Но тогда я был ребенком. И она, выслушивая меня внимательно, не придавала значения моим рассказам. После этого я больше никому ничего не рассказывал.

2. Я пробовал рассказать об этом своему пастору, но он сказал мне, что это была галлюцинация больного мозга. Теперь я молчу об этом.

3. Я была очень общительна в начальной и средней школе, но скорее следовала за всеми, чем придумывала что-то сама. Словом, была последователем, а не лидером. После того как со мной все «это» случилось, я попыталась рассказать подругам. Они все приняли меня за сумасшедшую. Я снова рассказывала, и меня слушали с интересом, но потом я слышала, как обо мне говорили: «Она, действительно, немного тронулась». Я старалась доказать им, что ничего не придумываю и не пытаюсь никого поразить. Но они воспринимали все, как мое желание взять реванш за то, что я не была когда-то лидером. А ведь я им хотела объяснить, что нам всем необходимо больше знать о жизни, гораздо больше, чем знаю я и мои знакомые.

4. Когда я очнулась, то попыталась рассказать о случившемся сестрам, которые за мной ухаживали. Но они посоветовали мне не обсуждать это, так как «вам это все только привиделось».

Один из пациентов говорит: «Очень быстро вы начинаете понимать, что люди не воспринимают ваш рассказ так, как вам хочется. Вы просто не в состоянии преодолеть барьер их иронии или недоверия».

Только в одном случае врач обнаружил интерес к переживаниям, связанным с предсмертным опытом. Одна девушка рассказала мне:

— Моя семья и я просили доктора объяснить, что со мной произошло. Он сказал, что такое довольно часто случается с людьми во время сильных болей и травм, потому что душа в это время оставляет тело.

Если учесть массовый скептицизм и почти полное непонимание, какое встречаются люди, пережившие опыт умирания, у своих современников, то неудивительно, что почти каждый в такой ситуации начинает ощущать, что он в чем-то отклонился от «нормы», поскольку никто не пережил того, что произошло с ним. Один мужчина мне сказал: «Я был там, где еще никто не был».

Часто, когда я говорил своему интервьюированному о том, что и другие люди сообщали мне о точно таких же событиях и ситуациях, он испытывал чувство заметного облегчения.

«Я счастлив узнать, что не один пережил это. Теперь я знаю, что не сумасшедший... Я боялся, что обо мне будут думать: «Когда он «отключился», то, наверное, повредился в уме, и так это у него и осталось».

«Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом до того, как я сам побывал там, то я, вероятно, тоже решил бы, что этот человек просто выставляется или «сдвинут по фазе».

Однако есть еще и другая причина, заставляющая некоторых пациентов проявлять сдержанность в своих рассказах. Они чувствуют, что пережитое ими так трудно описать обычным языком и в рамках привычного образа мыслей, что просто бесполезно пытаться что-либо объяснить.

ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩУЮ ЖИЗНЬ

По указанным причинам ни один из моих пациентов не стал проповедником своего опыта. Никто из них не порывался убедить других в реальности того, что пережил сам. Наоборот, мне было довольно трудно убедить их рассказать о том, что с ними произошло.

Пережитый опыт производил, как правило, умиротворяющее воздействие. Многие рассказывали, что после происшедшего их жизнь стала глубже и содержательней, так как благодаря своему опыту они стали проявлять интерес к основным философским проблемам.

«Я рос в маленьком городке. Люди там не отличались широким кругозором. И я был таким же, как все. Но после случившегося со мной мне захотелось узнать больше... Я как будто повзрослел за одну ночь... Передо мной открылся новый мир, о существовании которого я даже не подозревал. Я думал: «Как в мире много такого, о чем я и не догадывался. Оказывается, есть вещи поважнее, чем футбол, танцы и прочее. Я чаще стал думать о том, где граница для человека и для его сознания?»

«С того момента, как это случилось, я теперь чаще задумываюсь о своей жизни и о том, что я еще могу в этой жизни сделать. Раньше я был доволен своим прошлым. Я всегда делал то, что мне хотелось... не думая о своем жизненном предназначении. Теперь все по-другому. Мне кажется, что все поступки должны проходить через сознание и перевариваться в нем. Теперь я стараюсь поступать так, чтобы мое сознание и моя душа чувствовали себя хорошо. Я стараюсь избегать предубеждений, не осуждать людей и совершать поступки, которые хороши не только в моих глазах, но и для всех окружающих. Мне кажется, что я стал лучше разбираться в жизни, и этим обязан тому, что пережил, умирая».

Некоторые сообщают, что у них изменилось отношение к физической жизни. Одна женщина призналась: «Мой опыт сделал для меня жизнь более ценной».

— В каком-то смысле это послужило для меня благословенным событием,— говорил мне один преуспевающий джентльмен,— потому что до своего умирания я был слишком озабочен планированием будущего своих детей и постоянно нервничал, не умея радоваться настоящему. Сейчас я совершенно иначе отношусь к жизни.

Некоторые упоминают о том, как изменился их взгляд на соотношение физического тела и разума.

«Разум более важная часть человека, чем наше тело. До этого я думала иначе. Раньше я сосредоточивала внимание только на своем теле, а о том, что происходит с моим разумом, даже не думала. Все шло само по себе. Теперь же разум — основной предмет моих забот. А тело? Оно нужно для поддержания разумной жизни».

В некоторых случаях пациентам казалось, что после пережитого опыта смерти они приобрели интуитивные способности (находящиеся на границе психики).

1. Я чувствую себя духовно обновленным. Многие люди говорят, что я оказываю на них умиротворяющее воздействие. Мне кажется, что я сейчас лучше чувствую людей, могу лучше улавливать их состояние.

2. У меня появилась одна особенность: я быстро чувствую, когда в жизни других людей происходят какие-то неприятности. Например, часто, когда я со своими сослуживцами поднимаюсь на лифте, я почти читаю по лицам, что с ними происходит, и могу сказать, в какой помощи они нуждаются. Много раз я заговаривал с ними, приглашал к себе в кабинет, чтобы чем-то помочь, что-то посоветовать.

3. После того как я выздоровел, я приобрел способность улавливать мысли и чувства людей. Хорошо чувствую, когда человек чем-то обижен. Часто могу заранее сказать то, что собеседник

еще только пытается произнести. Было много поразительных примеров. Однажды я продемонстрировал свое умение, «прочтя» мысли присутствующих в комнате. Несколько человек встали и ушли, подумав, вероятно, что я колдун или что-то в этом роде.

Почти все подчеркивают, что в этой жизни самое важное — любовь к людям, любовь исключительная и глубокая, понимание каждой личности.

Кроме того, многие говорят, что решающую роль играют приобретенные знания. Во время их опыта пациентам было сообщено, что накопление знаний продолжается даже после смерти.

«Не важно, в каком вы возрасте, — не переставайте учиться. Я думаю, что обучение — процесс, уходящий в вечность».

Большинство опрошиваемых уверены, что все мы обязаны к чему-то стремиться, чего-то достигать. Видения умирающих поставили перед ними новые цели, новые моральные принципы и определенные указания жить в соответствии с ними.

НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Как и следовало ожидать, тот опыт, который пережили опрошиваемые, оказывает глубокое влияние на их отношение к физической смерти. Особенно это касается тех, кто раньше не думал, что есть что-либо после смерти.

В той или иной форме все пациенты высказали одну и ту же мысль — они больше не боятся смерти.

Это утверждение требует пояснения. Во-первых, определенные виды смерти представляются нежелательными. Во-вторых, никто из опрошенных мною не ищет смерти, не желает ее. Все они чувствуют, что у них есть определенная задача в физической жизни, и, очевидно, согласились бы со словами одного человека, который говорил мне: «Я должен еще много сделать в этой жизни, прежде чем уйти из нее».

Все опрошенные мною резко отвергают самоубийство как средство уйти в ту реальность, где они побывали во время своего опыта. Но само состояние смерти для них не представляется чем-то страшным, угрожающим.

1. Мне было всего десять лет, когда это произошло, но и сейчас я сохранил абсолютное убеждение в том, что есть жизнь и после смерти. У меня нет и тени сомнения в этом. Я не боюсь умереть. Я всегда улыбаюсь про себя, когда слышу людей, сомневающихся в посмертном существовании. В жизни мне пришлось пережить много всяких приключений. Однажды мне угрожали револьвером, приставив его к моему виску. Но мне не было страшно, потому что в ту секунду я думал: «Ну, что ж, если они убьют меня, я знаю, что все равно буду жить где-то в другом месте».

2. Маленьким мальчиком я боялся смерти и часто плакал, просыпаясь по ночам. Мать и отец прибегали в комнату, чтобы узнать, что случилось. Я говорил им, что не хочу умирать, просил, чтобы они, если можно, спасли меня. Мать успокаивала, говоря: «Не плачь, не надо, просто это — путь, по которому мы все пойдем, все с этим встретимся». Она говорила, что все туда идут в одиночку и все мы должны быть к этому готовы. Спустя много лет после того, как мать умерла, я говорил о смерти со своей женой и по-прежнему, как в детстве, боялся умереть. Но теперь я не боюсь смерти. Это ощущение исчезло. Теперь я не ощущаю ужаса на похоронах, как было раньше... Теперь я ни с кем не обсуждаю эту проблему, потому что знаю обо всем, что случится с нами, и совершенно спокоен.

3. Не скажу, что смерть для меня желанна и что я хочу умереть прямо сейчас. Но я не боюсь смерти, потому что знаю, куда денусь после того, как она придет ко мне, так как я уже побывал там.

4. ...Теперь я знаю, что меня ожидает, и я не буду так смущен, как в свою первую встречу со светом. Не могу утверждать, что мне захочется вернуться туда в ближайшее время. Я хочу еще многое сделать в этом мире.

Человек, переживший опыт умирания, не сомневается в том, что жизнь не прекращается со смертью тела. Для него это уже не абстрактная возможность, а факт из его собственной жизни.

Давайте вспомним концепцию «аннигиляции», которую мы обсуждали в начале книги. Согласно этой теории, смерть представляется в виде «засыпания» или «забывания». Люди, пережившие смерть, решительно отвергают такое сравнение. Они склоняются к мысли, что смерть есть переход из одного состояния в другое. Или — **ВЫХОД СОЗНАНИЯ НА БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ БЫТИЯ.**

1. Некоторые говорят, что мы не употребляем слова «смерть» потому, что всегда стремимся избежать ее. Что касается меня, то я думаю иначе. Если бы вы пережили то же самое, что я, то вы бы сердцем чувствовали, что просто переходите из одного состояния в другое, как, скажем, из школы — в колледж.

2. Жизнь подобна тюремному заключению. Но в своем состоянии мы не понимаем, какой тюрьмой является для нас наше тело. Смерть подобна освобождению, выходу из тюрьмы. Это, пожалуй, самое точное, с чем бы я мог ее сравнить.

Даже те люди, которые раньше уже имели свое мнение о природе посмертного существования, после своего опыта в каком-то смысле начинают относиться к этому по-другому. Я не встретил ни одного человека, который бы в своем рассказе описывал распространенную мифологическую картину посмертного бытия, ни один не упоминал о небесах, «жемчужных вратах», крылатых

ангелах, играющих на арфах, также не говорилось об адском пламени или о чертях с ведьмами. Так что модель посмертной награды или наказания отсутствовала или отвергалась даже глубоко религиозными людьми. К своему изумлению, многие из этих последних обнаруживали, что даже тогда, когда в присутствии «светоносного существа» демонстрировались их, несомненно, ужасные или недостойные поступки, они не чувствовали с его стороны никакой ярости или гнева, а только одно понимание и даже юмор.

Вместо упомянутой нами старой модели многие приходят к новому пониманию сущности потустороннего мира. Согласно этому новому взгляду, тот мир — это не односторонний суд, а скорее совместное развитие в направлении максимального самораскрытия, самореализации. Развитие души, совершенствование любви и познания не прекращается со смертью тела. Напротив, оно продолжается и по ту сторону бытия, возможно, ВЕЧНО или, во всяком случае, в течение какого-то периода, причем с такой углубленностью, о которой мы можем только догадываться.

ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Естественно, возникает вопрос: а есть ли какие-либо подтверждения или другие свидетельства, независимые от описаний, которые давали люди, пережившие смерть и возвращенные к жизни? Подтверждения, убеждающие нас в реальности того, что мы называем «опытом смерти»?

Многие люди сообщают о том, что они находились вне своего тела, видели события, совершающиеся в физическом мире. А подтверждаются ли какие-нибудь из них свидетелями, присутствующими рядом?

На эти вопросы можно ответить утвердительно: да! Более того, описания событий, данные людьми, пережившими внетелесный опыт, отличаются большой точностью.

Некоторые доктора говорили мне, что они не в состоянии понять, каким образом пациенты, не имевшие никаких медицинских знаний, могли так детально и правильно описать процедуру реанимации в момент клинической смерти, тогда как врачи, проводившие реанимацию, *точно знали, что их пациенты мертвы.*

В нескольких случаях пациенты рассказывали, с каким изумлением врачи и другие люди встречали их рассказы о том, что происходило вокруг, когда они были «мертвы». Так, например, одна девушка сообщила, что, пока она была мертва и находилась вне своего тела, она прошла в приемную, где увидела свою старшую сестру, — та плакала и шептала: «О, Кэтти, пожалуйста, не умирай!» Позже ее сестра была крайне поражена, когда Кэтти

подробно рассказала ей, где она ее видела, как та сидела, в чем была одета и что говорила.

В двух следующих отрывках описываются сходные случаи.

1. После того как все уже было позади, доктор сказал мне, что мое положение было безнадежным. Я ответила ему: «Да, я знаю это!» Он удивился: «Но откуда ты можешь знать?» И тогда я сказала:

— Я могу описать все, что происходило.

Он не поверил. И тогда я рассказала ему все с того момента, когда перестала дышать, и до того, когда я как бы ходила по палате. Он был буквально шокирован, когда узнал, что мне известно обо всем, что происходило в это время. Он смотрел на меня как на чудо, а потом еще несколько раз просил повторить рассказ.

2. Когда я пришел в себя, рядом со мной сидел отец. У меня не было желания узнать, какую травму я получил и что думают врачи о моем здоровье. Я хотел только рассказать отцу о том, что я пережил. Я сообщил ему массу подробностей о том, кто вытаскивал мое тело из дома, какого цвета одежда была на этом человеке, куда меня понесли, о чем говорили в тот момент находившиеся вокруг люди. «Да, все это было на самом деле. Но откуда тебе все это известно?» — воскликнул удивленный отец...

В конце этой главы я хочу привести отрывок из одного свидетельства, который содержит большинство эпизодов, описанных мною раньше. Кроме того, в данном повествовании имеется один уникальный момент, о котором раньше ничего не сообщалось. Он заключается в том, что светоносное существо заранее говорит человеку о неминуемой смерти, но впоследствии решает сохранить ему жизнь.

«В то время когда это произошло, я страдал жестокими приступами бронхиальной астмы и эмфиземы. Такие приступы у меня бывают и сейчас. Однажды во время сильного приступа кашля у меня, очевидно, произошло смещение в нижней части позвоночника. Через пару месяцев я проходил врачебную консультацию, и вдруг у меня начались мучительные боли. Присутствующий при этом врач направил меня к нейрохирургу. Тот осмотрел меня и сказал, что надо немедленно лечь в больницу. Я согласился, и меня посадили в машину скорой помощи.

Доктор Уатт знал, что у меня больные легкие, поэтому пригласил специалиста, который сказал, что на операции будет присутствовать анестезиолог на случай, если придется давать наркоз. В понедельник доктор Коломан согласился на операцию, назначив ее на следующую пятницу. Вечером я заснул и проспал всю ночь. Но рано утром, во вторник, проснулся от страшной боли. Я поворачивался с боку на бок, чтобы занять более удобное положение.

Как раз в это время в углу комнаты под потолком появился свет. Это был светящийся шар, похожий на мяч, не слишком большого размера, двенадцать—пятнадцать дюймов. Как только он появился, мною овладело странное чувство — не страха, нет, это было ощущение необыкновенного мира и полного облегчения. Свет протянул мне руку и сказал: «Пойдем со мной, я хочу что-то показать тебе». Немедленно, без всяких колебаний, я взял его за руку и сразу же ощутил, что оставляю свое тело. Я оглянулся и увидел его лежащим на кровати в то время, как я поднимался к потолку комнаты.

Теперь, когда я оставил тело, я принял ту же самую форму, что и свет. У меня было чувство — я буду употреблять свои слова для описания всего этого, так как я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о подобном, — что это форма определенно духовной природы.

Скорее всего она напоминала клуб дыма или пара. Таким мы видим облачко сигаретного дыма в свете лампы. Кроме того, форма имела цвет. Я различал оранжевый, желтый и еще — не очень отчетливо — индиго и голубой.

По форме моя новая сущность не была похожа на тело. Более или менее округлая, она имела то, что я буду называть руками. Это я помню, потому что, когда свет спустился ко мне, я мог взять протянутую мне руку своей рукой. Но когда я не пользовался руками, моя сущность вновь принимала округлую форму.

Вместе со светом мы двигались сквозь потолок и стену палаты в коридор, потом через коридор вниз по этажам — и так до нижнего этажа больницы. Мы безо всякого труда проходили сквозь двери и стены. Они словно расступались перед нами.

Все выглядело так, будто мы путешествовали. Я знаю, что мы двигались и скорость была не слишком большой. В какой-то момент я понял, что мы достигли послеоперационной палаты. До этого я даже не знал, где она находится, но теперь мы были там и парили под потолком, в углу. Я видел врачей и сестер в белых халатах и стоявшие там кровати.

Свет сказал, вернее, показал мне: «Вот где ты будешь после операции. Когда тебя привезут, то положат вон на ту кровать, но ты не проснешься. Ты не будешь знать, что происходит с тобой до тех пор, пока я не приду к тебе». Не могу сказать, что свет разговаривал словами. Его голоса не было слышно. Но он каким-то образом чрезвычайно точно передавал мне свои мысли.

Когда я находился в новой духовной форме, то гораздо быстрее, чем обычно, воспринимал все, что видел. Мысль моя работала мгновенно. Я видел, что кровать, на которой я буду лежать, находится справа как войдешь в комнату, и понимал, что свет показывает это мне с определенной целью. Он не хотел, чтобы я боялся

момента, когда мой дух выйдет из тела, я должен был заранее знать, что меня ждет.

Сразу же после того, как я сам стал духом, мы в некотором смысле слились со светом в единое целое, но в то же время существовали раздельно. Насколько я могу судить, он главенствовал, но от него исходило необыкновенное спокойствие и ясность.

Затем свет снова вернул меня в палату. Я увидел, что мое тело все еще лежало в том положении, в каком я его оставил. И в то же мгновение я вошел в него. Полагаю, что находился вне своего тела минут пять или десять, но обычное течение времени не имеет ничего общего с тем состоянием, которое я пережил.

Все это было так живо и реально... На следующее утро я уже ничего не боялся. Когда я брился, я заметил, что мои руки не дрожат, как это было раньше. Я знал, что умру, но это не огорчало и не пугало. Я был готов...

Когда в четверг днем, то есть за день до операции, я находился в своей палате, мной овладело беспокойство. У нас с женой был сын, и мы еще взяли на воспитание племянника, с которым было довольно много хлопот. Я решил написать одно письмо жене, а другое племяннику и изложить в них то, что меня беспокоило, письма я хотел спрятать так, чтобы они были найдены только после операции. Исписав две страницы, я вдруг почувствовал, что у меня внутри как будто открылись какие-то шлюзы, и я залился слезами. Впервые я рыдал так сильно и боялся, что привлеку внимание сестер. В этот момент я снова ощутил чье-то присутствие. Но на этот раз не видел света. До меня только доходили мысли или слова, как раньше. Он говорил мне: «Джек, почему ты плачешь? Я думаю, тебе будет хорошо со мной».

«Да, я знаю», — ответил я. «Тогда почему ты плачешь?» — «У меня очень сложные отношения с племянником, я опасаюсь, что жена не сможет его воспитать».

И я услышал мысленный ответ существа: «Поскольку ты прошишь за другого и думаешь о других, я помогу тебе. Ты будешь жить до тех пор, пока твой племянник не станет взрослым мужчиной».

Я перестал плакать и порвал письмо, чтобы его случайно не нашла жена. В тот вечер ко мне приходил доктор Коломан и сказал, что предстоит много трудностей с обезболиванием и я не должен удивляться, если вдруг проснусь во время операции и увижу себя в окружении шлангов, труб, машин и т. д. Я ничего ему не сказал о своем опыте, а только соглашался, кивая головой.

На следующее утро меня оперировали. Операция шла долго, но закончилась успешно. Когда я очнулся, то увидел доктора Коломана. Я сказал ему, что точно знаю, где нахожусь. Он спросил:

— На какой вы кровати?

Я ответил:

— На той, которая первая — справа, как войдешь из холла. Он рассмеялся, так как подумал, что я разговариваю, находясь под наркозом.

В этот момент подошел доктор Уатт и спросил у коллеги:

— Он проснулся, что вы хотите сделать?

Коломан ответил:

— Его спасение не зависело от моих возможностей. Я никогда в жизни не был так потрясен, как сейчас. Я со всем своим оборудованием был ему совершенно не нужен.

Доктор Уатт засмеялся:

— Вот видите, чудеса все еще случаются, даже в наш век!

Когда я смог подняться с кровати и осмотреться, то увидел, что лежу именно на том месте, которое мне показывал свет несколько дней назад.

Это самое фантастическое событие в моей жизни произошло три года назад. С тех пор я очень изменился. Я больше не сомневаюсь в существовании жизни после смерти».

ПАРАЛЛЕЛИ

События различных стадий умирания, по меньшей мере, необычны. Каково же было мое удивление, когда в течение нескольких лет я наталкивался на огромное количество сходных свидетельств. Они встречаются в древних или эзотерических писаниях совершенно различных цивилизаций и культур.

БИБЛИЯ

В нашем обществе Библия наиболее читаемая и обсуждаемая книга, обладающая большим авторитетом во всех вопросах духовной сущности человека и его жизни после смерти. Однако на деле в ней очень мало говорится о событиях, наступающих после смерти, и о природе потустороннего мира. Это относится главным образом к Ветхому завету. По мнению специалистов, только два его текста говорят о жизни после смерти: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряньте и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов» (Ис., 26:19).

«И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан., 12:2).

И любопытно, что в обоих случаях речь идет о воскресении физического тела и поэтому смерть сравнивается со сном... Поэтому мало кто из пациентов, описывая свой опыт, опирался на

Библию. Наиболее близкие параллели встречаются только в описании обращения апостола Павла, который незадолго до этого получил травму, упав с лошади. При этом Павел «увидел с неба свет, превосходящий солнечное сияние» (Деян., 26:13), что, конечно, напоминает рассказы о светоносном существе.

Существо, появившееся перед Павлом, тоже обладало личностью и голосом; оно задавало вопросы, но не имело видимой физической формы.

Интересно, что пережитый опыт изменил все течение его жизни. Но, однако, между тем, что видел Павел, и тем, что произошло с людьми, которых я опрашивал, имеются различия. Павел был ослеплен светом и не видел три дня, а, по свидетельствам пациентов, свет не ослепляет, несмотря на сверхъестественную яркость.

А вот слова Павла о будущем духовном теле (1 Кор., 15:35—38, 40, 42—44, 51—52) согласуются с тем, о чем рассказывали пациенты.

«Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело... Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных... Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное... Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

ПЛАТОН

Платон, величайший мыслитель и философ, жил в Афинах в 428/7—348/71 гг. до нашей эры. Он оставил нам более 20 философских диалогов, большинство из которых включают учение его учителя Сократа, а также несколько писем.

Платон твердо верил, что для постижения истины необходимы разум и логическое мышление. Кроме того, будучи ясновидящим, он считал, что настоящая истина приходит в виде мистического откровения и внутреннего озарения. Он верил в существование и таких разрезов реальности, в которых физический мир может быть понят только в соотношении с другим, высшим планом реальности. Поэтому его интересовала главным образом сознательная часть человека, его душа, а физическое тело он рассматривал лишь как временную оболочку души. Платон размышлял о судьбе души после физической смерти, и многие из его

диалогов, особенно «Федон», «Горгий» и «Государство», посвящены именно этой проблеме.

Сочинения Платона полны описаний смерти, напоминающих те, о которых сообщалось в предыдущей главе. Платон определяет смерть как отделение внутренней части живого существа, то есть души, от его физического тела. Более того, эта внутренняя часть человека менее ограничена. Платон утверждает, что время является элементом лишь физического, внутреннего мира. Другие явления вечны. В этом отношении знаменательно высказывание Платона о том, что время есть лишь «подвижный, нереальный ответ вечности».

В своих произведениях Платон описывает, как душа, отделенная от тела, встречается и разговаривает с другими душами и как она переходит от физической жизни к следующему этапу существования, на котором ее опекают «берегущие» духи. Он упоминает о том, что люди в час смерти могут встретиться с ладьей, которая перевезет их «на другой берег» посмертного существования.

В «Федоне» в драматической интерпретации выражена мысль, что тело — есть тюрьма души и смерть является освобождением из нее. Платон устами Сократа выражает древнюю точку зрения на смерть как на сон и забытие. Но сам он не разделяет этих взглядов и пытается повернуть ход рассуждений на 180 градусов. Согласно Платону, душа приходит в человеческое тело из высшего, священного мира. Рождение есть сон и забытие, поскольку душа, родившись в теле, переходит из сферы глубокого познания к низшей сфере и забывает истину, которую знала в преджизни. Смерть, напротив, является пробуждением и воспоминанием.

Платон отмечает, что душа, отделившись от тела, способна думать и рассуждать более ясно, чем раньше, она различает вещи гораздо четче. Более того, после смерти душа предстает перед судьей, который показывает ей то, что она совершила в жизни, как хорошее, так и плохое.

В книге десятой — «Государство» — мы встречаемся с наиболее интересными фактами. Платон рассказывает миф про греческого солдата Эра. Эр сражался в битве, в которой было убито множество греков. Когда его соотечественники собирали тела убитых, то среди них они обнаружили и мертвое тело Эра. Когда же его положили на жертвенник для сожжения, он ожил и описал то, что видел во время своего путешествия в загробный мир. Вот что он рассказал: душа вышла из тела, присоединилась к другим душам, и все пошли по тропинкам, ведущим от земли в царство будущей жизни. Здесь Эр и другие души были остановлены и предстали перед каким-то судом священных существ, которые

обладали способностью видеть все, что души совершили во время своего земного существования.

Эра, однако, не судили. Ему сказали, что он должен идти обратно к людям, чтобы сообщить им о другом мире. Эр был послан назад, но не знал, как ему удалось вернуться в свое тело. Он просто проснулся на погребальном костре...

Платон не сомневается, что мы переживаем физическую смерть, но он настаивает на том, что ограниченность физическим опытом мешает нам объяснить будущую жизнь. Зрение, слух, вкус, осязание, обоняние могут запутать нас. Мы можем неправильно расслышать то, что кто-нибудь скажет, увидеть не то, что нужно — и в результате получить неправильное представление о мире вещей. Наши души не могут видеть реальность, пока они находятся в плену своих физических чувств.

Платон также полагает, что человеческий язык не способен выражать подлинные реальности. Слова скорее скрывают, чем раскрывают подлинную истину.

ТИБЕТСКАЯ «КНИГА МЕРТВЫХ»

Эта замечательная книга составлялась в течение нескольких веков мудрецами древнего Тибета и передавалась ими устно. Наконец она была записана в VIII веке нашей эры, но и после этого тщательно скрывалась от непосвященных. Авторы «Книги мертвых» рассматривали умирание как своего рода искусство, как нечто принимающее должный или недолжный вид в зависимости от уровня подготовки человека к смерти.

Чтение книги было частью похоронной церемонии. Ее читали умирающему в последние минуты его жизни, преследуя как бы две цели: во-первых, помочь умирающему пережить необычайные явления в момент смерти и, во-вторых, создать у живых правильное представление о смерти, чтобы они не мешали умирающему выражением своего горя и он мог бы уйти из жизни освобожденным от всех физических тревог.

Книга содержит подробное описание тех стадий, через которые душа проходит после физической смерти. Ранние из этих стадий поразительно похожи на то, о чем рассказывали мне люди, пережившие клиническую смерть.

Тибетская книга описывает, например, мгновения, когда душа, отделившись от тела, погружается в забвение и находится как бы в пустоте, сохраняя при этом сознание. Умирающий может слышать тревожные и пугающие звуки, напоминающие вой ветра, и чувствует себя окруженным мутно-серой атмосферой. Его удивляет то, что он находится вне своего физического тела и видит родственников и друзей, оплакивающих его. Но когда он пытается

отозваться, никто его не видит и не слышит. Он еще не осознает, что мертв, и пребывает в состоянии замешательства, а когда наконец понимает, что умер, то не знает, куда ему идти и что делать дальше. Поэтому некоторое время он остается около того же места, где и жил.

Умерший осознает, что обладает каким-то новым нематериальным телом. Он может подниматься на скалы, проходить сквозь стены, не встречая никакого сопротивления. Его движения совершенно свободны. Он способен почти мгновенно перемещаться, оказываясь там, где он хочет быть, а его восприятие приобретает необыкновенную остроту. Если в физической жизни он был слеп, глух или искалечен, то теперь он с удивлением чувствует, что все его утерянные способности возвращаются к нему. Он может встретить другое существо, находящееся в таком же состоянии, а также увидеть чистый и яркий свет, от которого исходит только любовь и сочувствие.

Затем перед умершим, испытывающим радость и покой, предстает нечто вроде зеркала, в котором отражается вся его жизнь и все его дела, дурные и хорошие. Существа, которые судят его, видят в этом зеркале абсолютно все, что было в его жизни. Никакие ухищрения здесь не помогут. Ложь просто невозможна.

Хотя тибетская книга содержит и описания более поздних стадий смерти, о которых ничего не могли сообщить мои пациенты, живущие в XX в., между их ответами и этой древней рукописью очень много общего.

ЭМАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ

Эмануэль Сведенборг (1688—1772), выдающийся шведский естествоиспытатель XVIII в., в зрелом возрасте пережил духовный кризис, после чего сообщил о том, что имел контакты с явлениями иного мира. Его поздние сочинения наполнены живыми описаниями ранних стадий смерти. Сведенборг утверждает, что сам прошел через все эти стадии и находился вне тела: «Я не чувствовал своих ощущений, то есть был почти мертвым. Но моя внутренняя жизнь и сознание оставались нетронутыми, поэтому я запомнил все, что со мной происходило и что происходит с теми, кто возвращается к жизни. Особенно ясно я помню ощущение выхода моего сознания, то есть духа, из тела».

Сведенборг сообщает о встречах с некими духовными существами, которые общались с ним с помощью прямой передачи мыслей, что исключало возможность неверного понимания. Он считает, что каждый человек после смерти приобретает способность общаться на этом универсальном языке. «...Духи людей, ушедших из мира сравнительно недавно, присутствовали здесь... Друзья

умирающего узнают его, он встречается с теми, кого знал при жизни... Друзья дают умершему, если можно так выразиться, советы, касающиеся его нового состояния и вечной жизни...»

По сообщениям Сведенборга, человек, который только что умер, еще не знает о своей смерти, потому что продолжает находиться в знакомом ему мире. В то же время его мысли, восприятие и память становятся более совершенными, чем при жизни. Время и пространство больше не ограничивают человека.

Сведенборг говорит о «видениях», в которых предстает вся прошедшая жизнь, о встрече с невыразимым светом, который «проникает из будущего, свет невыразимой яркости, озаряющий всего человека. Это свет истины и полного понимания».

Таким образом, в сообщениях Сведенборга есть много такого, с чем мне уже приходилось встречаться в рассказах пациентов.

Подобное сходство описаний мыслителей прошлого с показаниями современных людей кажется мне впечатляющим и необъяснимым. Если даже все те, кого я опрашивал, были так или иначе знакомы с Библией, а некоторые из них кое-что слышали о Платоне, то никто из них не имел понятия о таких эзотерических сочинениях, как тибетская «Книга мертвых» и книга Сведенборга. А между тем именно в них прослеживается наибольшее сходство.

ВОПРОСЫ

Естественно, у читателей возникло множество сомнений и возражений по поводу прочитанного в этой книге. В течение нескольких лет мне приходилось отвечать на вопросы, которые задавали мне мои слушатели. В большинстве случаев все они носили сходный характер. В этой главе мне удалось составить перечень наиболее типичных вопросов, а также своих ответов.

1. Не могли ли вы просто все это придумать?

— Нет. Я закончил философский и медицинский факультеты, чтобы затем преподавать психиатрию и философию медицины. Репутация мистификатора вряд ли способствовала бы этим целям.

2. Насколько вас можно считать реалистом? Как часто происходят подобные вещи?

— Я должен признать, что не могу дать статистическую оценку этого явления, но число таких случаев гораздо больше, чем можно это предполагать. Я прочел много публичных лекций на эту тему в самых разных аудиториях, и ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь потом не подошел и не рассказал собственную историю, а в некоторых случаях даже сообщал о ней публично.

3. Если предсмертный опыт переживается так часто, как вы говорите, то почему этот факт не получил широкой огласки?

— Для этого есть несколько причин. Главная из них состоит в том, что в наше время масса людей предубеждена против самой мысли о посмертном существовании. В наш «научный век» подобные разговоры воспринимаются как атавизм или суеверие, о котором просто смешно говорить. Зная это, многие из тех, кто пережил подобный опыт, неохотно делятся им. Они предпочитают молчать из-за боязни прослыть «фантазерами» или даже «сумасшедшими». Поэтому я убежден, что основной материал об опыте смерти все еще лежит сокрытым в памяти людей.

Кроме того, общественное мнение как будто заранее исключает такого рода феномены из сферы психологических исследований. Многое из того, что мы слышим и видим ежедневно, не фиксируется нашим сознанием. Если же наше внимание привлекает что-то необычное, мы, как правило, вспоминаем об этом позже.

Вы, вероятно, знакомы с тем, что когда мы узнаем значение какого-нибудь нового слова, то на протяжении нескольких последующих дней это слово попадаетеся нам постоянно. Объясняется это не тем, что слово стало чаще попадаться или произноситься в нашем присутствии. Причина заключается в том, что раньше наше сознание пропускало его, не замечая, хотя оно постоянно присутствовало в окружающей нас обстановке.

То же самое произошло недавно на одной моей лекции. Когда была объявлена дискуссия, один врач спросил меня: «Я долгое время работал в медицине. Если то, о чем вы говорите, происходит так часто, то почему я об этом никогда не слышал?» Я тут же обратился с вопросом к аудитории:

— Слышал ли кто-нибудь из вас о чем-либо подобном?

В этот момент жена врача подняла руку и рассказала о случае, похожем на тот, о котором говорилось в лекции. Произошло это с близким другом супругов.

Расскажу еще об одном враче, который впервые узнал о посмертном опыте, прочитав статьи в старых журналах, упомянутых мной на лекции. На следующий день к нему неожиданно пришел пациент и рассказал случай, весьма сходный с тем, о чем он читал. Врач установил, что этот пациент ничего не знал о моих исследованиях и поведал врачу эту историю только потому, что был напуган и расстроен всем происшедшим. Ему хотелось просто посоветоваться со специалистом-медиком.

Многие думают, что именно врачи должны больше других знать об этом феномене, однако на деле это не так. В процессе обучения на медицинских факультетах будущим докторам постоянно внушается, что они должны остерегаться сообщений о чувствах больного. Предполагается, что доктор должен больше

обращать внимание лишь на объективные «признаки» болезни и не доверять субъективным сообщениям пациента. Такой подход, конечно, вполне резонен — ведь всегда легче иметь дело с чем-то объективным. Но, с другой стороны, он приводит к игнорированию многих интересных фактов, в том числе и предсмертного опыта больных. Немногие врачи спрашивают больного о его ощущениях и переживаниях после того, как вернули его к жизни. Поэтому врачи, которые теоретически должны были бы больше других знать об этом, фактически осведомлены о предсмертном опыте не более всех остальных.

4. Обнаружили ли вы какие-нибудь различия в отношении данного явления для мужчин и женщин?

— Никакой разницы ни в содержании, ни в типологии пережитого почти нет. Однако мужчины, пережившие предсмертный опыт, рассказывают о нем более сдержанно, чем женщины. Мужчины гораздо чаще женщин отвечали на мои письма лишь кратким описанием пережитого или вообще возвращали назад мои вопросы, когда мне хотелось получить от них более подробное интервью. Мужчины нередко стараются забыть то, что пережили, боятся быть осмеянными, и говорят, что ощущения пережитого настолько необычны, что не хочется о них вспоминать... Примерно в три раза больше женщин, чем мужчин, приходят поделиться своими психологическими переживаниями.

Другая интересная особенность состоит в том, что значительная часть таких случаев происходит у женщин во время беременности, что остается для меня пока непонятным. Я могу объяснить это только тем, что беременность сама по себе сопряжена с повышенным риском для здоровья и многочисленными осложнениями.

5. Как можно быть уверенным в том, что все эти люди сообщали вам правду?

— Для тех, кто не наблюдал, подобно мне, предсмертные состояния и ничего о них не слышал, легко предположить, что все эти рассказы не больше, чем ложь... Мне приходилось беседовать с умудренными опытом, зрелыми, эмоционально устойчивыми людьми, которые были необычайно взволнованы и даже плакали, рассказывая о том, что с ними произошло. В такой ситуации едва ли возможно усомниться в их искренности.

Помимо моей личной уверенности наиболее серьезным подтверждением правдивости пациентов является поразительное сходство их свидетельств. Как могло случиться, что все эти люди, с которыми мне пришлось встречаться, лгали мне об одном и том же на протяжении восьми лет?

Теоретически, конечно, существует возможность сговора. Конечно, можно подумать, что приятная пожилая дама из Север-

ной Каролины, студент-медик из Нью-Йорка, ветеринар из Джорджии и другие на протяжении нескольких лет поддерживали тайную связь между собой с единственной целью ввести меня в заблуждение. Но я не считаю это вероятным.

6. Если не было прямой лжи, разве нельзя допустить более тонкого обмана, а именно что ваши корреспонденты в течение ряда лет тщательно разрабатывали свои рассказы?

— Этот вопрос напоминает хорошо известный психологический феномен, когда какое-либо лицо начинает с совсем простого рассказа о переживании или событии, но со временем этот рассказ обрастает подробностями и превращается в целую историю.

С каждым пересказом добавляются новые подробности, в которые рассказчик начинает верить сам. В конце концов окончательный вариант уже весьма отдаленно напоминает реальное событие.

Я не верю, чтобы в исследованных мною случаях присутствовало что-либо подобное. Во-первых, рассказы лиц, которых я интервьюировал вскоре после описанных событий, а в некоторых случаях — еще в период их пребывания в больнице, были чрезвычайно схожи с теми, которые мне поведали люди, пережившие подобное десятки лет назад.

Некоторые, кого я интервьюировал, записали свои впечатления сразу после происшедшего, не зная о том, что кто-то будет их расспрашивать.

Очень часто я был первым человеком, которому они сообщали о происшедшем, и то с большой неохотой. В ряде случаев имело место уменьшение подробностей пережитого, что в психологии называется «супрессией» — сознательным процессом контролирования нежелательных воспоминаний, ощущений и мыслей или вытеснением их из сознания. «Даже сейчас я не могу говорить об этом без содрогания. Там было много такого, о чем я не должен помнить. Я старался забыть это», — говорил мне человек, которому пришлось пережить смерть от потери крови и остановки сердца... в результате тяжелого ранения во Вьетнаме.

7. Не были ли все эти люди верующими? А если это так, то не сформировались ли их рассказы под влиянием религиозных представлений?

— Как уже отмечалось, воспоминание о светоносном существе было одинаковым во всех случаях, но трактовалось оно по-разному, в зависимости от религиозных взглядов людей. Однако в течение моего исследования я ни разу не слышал описания ада или рая. Многие, напротив, подчеркивали, как не похож их опыт на то, что они представляли себе в соответствии с их религиозными убеждениями.

— Странная вещь,— говорила мне одна верующая женщина,— я всегда думала, что в минуту смерти человек оказывается перед жемчужными воротами и его встречают ангелы, а затем — суд и т. д. Но тогда я просто парила вокруг собственного тела — вот и все. Это было совершенно неожиданно.

В целом же рассказы неверующих практически ничем не отличались от сообщений людей глубоко религиозных.

Некоторые говорили, что хотя они и читали в свое время некоторые книги религиозного содержания, например, Библию, но никогда не понимали того, что там написано. Понимание пришло к ним после того, как они пережили предсмертный опыт...

8. Имеет ли то, что вы изучаете, какое-либо отношение к возможности перевоплощения?

— Ни один из исследованных мною случаев не указывает на возможность перевоплощения. Но следует иметь в виду, что никто из опрошенных мною людей не исключает такой возможности. Если перевоплощение и существует, то вероятно предположить, что между выходом из старого тела и вхождением в другое, новое, имеется какой-то промежуток времени, во время которого душа находится в другом измерении.

Сам процесс интервьюирования людей, имевших близкий контакт со смертью, не ставил целью исследование этого вопроса. Другие же методы могут и должны быть использованы для изучения возможности перевоплощения. Например, метод «воспоминания прошедшего», при котором испытуемый подвергается гипнозу. Ему предлагается мысленно возвращаться во все более и более ранние этапы его жизни. Когда он достигает самых ранних впечатлений, ему предлагают вспомнить то, что было до этого. С этого момента многие испытуемые начинают рассказывать о своей предыдущей жизни, происходившей в отдаленные времена, совсем в других местах. В некоторых случаях эти рассказы с точностью соответствуют действительным событиям, хотя известно, что испытуемый не мог ничего узнать о событиях, лицах и местах, которые он так четко описал в своем рассказе.

Наиболее известен случай Бриди Мерфи, но имеется много и других.

Для тех, кто желает ознакомиться с такими явлениями подробно, можно рекомендовать исследование Иона Стевенсона «Двадцать случаев возможного перевоплощения» *.

Необходимо отметить, что тибетская «Книга мертвых», дающая наиболее полное описание стадий посмертного опыта, говорит о том, что перевоплощение наступает, но значительно позже, то есть

* *Stevenson J. Twenty cases suggestive of reincarnation.— Charlottesville. 1974.*

уже после тех событий, о которых сообщают обследованные мною люди.

9. Приходилось ли вам интервьюировать кого-либо, кто имел предсмертный опыт в связи с попыткой самоубийства? И если так, то отличались ли чем-нибудь их ощущения?

— Да, я знаю несколько случаев, в которых попытка самоубийства сопровождалась «смертью» (в том смысле, в каком мы употребляли это слово). Такого рода опыт описывается как весьма болезненный. Одна женщина сказала: «Если вы покидаете этот мир со страдающей душой, ваша душа будет страдать и там». Люди, пережившие это чувство, свидетельствуют о том, что конфликт, который они пытались разрешить самоубийством, остается и когда они умирают, после смерти. Кроме того, появляются новые трудности. Находясь вне тела, они уже ничего не могут сделать для разрешения своих проблем, им приходится видеть трагические последствия совершенного ими поступка.

Один человек, пытавшийся застрелиться после смерти жены, рассказывал:

— Я не попал туда, где была моя жена. Я попал в ужасное место... Я сразу понял, что совершил непоправимое, и подумал: как хорошо было бы, если бы я этого не сделал.

Другим, испытавшим такое же неприятное состояние, казалось, что они обречены на долгое пребывание в этом положении. Они ощущали его как наказание за то, что «отказались от предназначенного им жизненного задания».

«Я отчетливо сознавал, пока был там, что есть две вещи, совершенно запрещенные для меня: убить себя и убить кого-либо другого... Если бы я совершил самоубийство, это означало бы, что я швырнул божий дар в лицо Богу... Убить другого — значит помешать божественному замыслу в отношении этого человека».

Интересно, что сходные аргументы содержатся в большинстве древних богословских и моральных аргументаций против самоубийства. Их можно найти у таких различных мыслителей прошлого, как Фома Аквинский, Локк или Кант. По мнению Канта, самоубийство — это действие, противоречащее божественным целям, оно есть бунт против своего создателя.

10. Имеются ли какие-либо исторические примеры предсмертных феноменов?

— Насколько я знаю — нет. Однако поскольку я полностью сосредоточен на современных примерах, то не имел достаточно времени обстоятельно исследовать историю этого вопроса.

С другой стороны, я склонен думать, что сообщения о предсмертном опыте в течение последнего десятилетия будут встречаться гораздо чаще. Причина этого заключается в том, что техника реанимации получила достаточное развитие лишь сравни-

тельно недавно. Многие люди, возвращенные к жизни в наше время, ранее просто не выживали. В настоящее время применяются такие новейшие медицинские достижения, как инъекция адреналина в сердце, снятие сердечного шока, искусственное сердце, искусственные легкие и т. д.

11. Использовали ли вы медицинские документы, подтверждающие состояние клинической смерти пациентов?

— Клинические записи и показания врачей я использовал во всех случаях, когда это было возможно. Если со времени события прошло много времени и медицинские документы отсутствовали, я пользовался показаниями друзей, родственников, лечащих врачей.

12. Не раз приходилось слышать, что уже через пять минут после смерти реанимация невозможна, но вы утверждаете, что в некоторых случаях ваши пациенты были «мертвыми» в течение 20 минут, как это могло случиться?

— Многие данные медицинской статистики имеют усредненный характер и не являются абсолютными. То же можно сказать и о данной цифре — 5 минут. В клинической практике существует неписаное правило — не реанимировать больного, находящегося в состоянии смерти более пяти минут, так как после этого начинаются необратимые изменения клеток мозга вследствие недостатка кислорода.

Однако это всего лишь средняя величина, от которой возможны отклонения в обе стороны. Я лично знаком со случаем, когда оживление произошло через 20 минут после смерти и не было никаких мозговых нарушений.

13. Были ли эти люди действительно мертвыми?

— Этот вопрос представляет большие трудности, поскольку отчасти носит семантический характер. Все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в понятие «смерть». Недавние споры по поводу трансплантации органов показали, что по этому вопросу нет твердо устоявшегося мнения даже в среде профессиональных врачей. Существуют по меньшей мере три определения смерти.

1. СМЕРТЬ как отсутствие клинически определенных признаков жизни. Это означает, что мертвым можно считать человека, у которого остановилось сердце, прекратилось дыхание, давление крови упало до уровня, неопределимого приборами, зрачки расширены, температура тела начала падать. Этим определением на протяжении многих веков пользовались как врачи, так и все остальные. По существу, большинство людей признавалось мертвыми именно на основании этих критериев.

Разумеется, это клиническое определение полностью соответствовало состоянию тех людей, которых я впоследствии расспрашивал. С этой точки зрения, все они были мертвы.

2. СМЕРТЬ как прекращение деятельности мозга.

Развитие техники привело к созданию более чувствительной аппаратуры для определения биологических процессов, скрытых от непосредственного наблюдения. Электроэнцефалограф представляет собой прибор, который усиливает и регистрирует даже самые слабые электрические потенциалы мозга, в связи с чем возникла тенденция говорить о действительной смерти на основании отсутствия электрической активности мозга. Судить об этом можно по появлению «плато» на записывающем устройстве при снятии электроэнцефалограммы.

Однако на деле реанимации всегда проходят в критической обстановке, когда нет времени для снятия электроэнцефалограммы, а все усилия врачей направлены на то, чтобы вернуть пациента к жизни. Так что кое-кто может утверждать, что смерть этих лиц остается недоказанной.

Но допустим на минуту, что для людей, которые считались умершими и были реанимированы, было бы получено плато при снятии ЭЭГ. Было бы это решающим доказательством? Думаю, что нет, по следующим причинам. Во-первых, реанимация всегда происходит в критической обстановке и не превышает 30 минут. Доставить и установить оборудование для ЭЭГ довольно сложно — нужно некоторое время для того, чтобы прибор заработал в максимальном режиме. При спешке увеличивается возможность ошибочных показаний. Таким образом, если предоставить скептику ленту ЭЭГ о плато, то все равно он может возразить, что ЭЭГ была снята недостаточно аккуратно.

Во-вторых, даже если в подобном случае установку ЭЭГ удастся применить вполне качественно, все равно нельзя безошибочно определить, возможно реанимирование или нет. Плато получали и для лиц, которых впоследствии удалось реанимировать. Повышенные дозы наркотиков, которые являются депрессантами для центральной нервной системы, так же как и гипотермия (понижение температуры тела), приводят к появлению плато на ЭЭГ.

В-третьих, даже если бы мне удалось исследовать случаи, для которых имелись качественные показатели и данные ЭЭГ, все равно остается место для возражений. Можно, например, сказать, что все это не доказывает, будто предсмертный случай был пережит пациентом именно во время появления плато, а не до или после него. Так что я прихожу к выводу, что данные ЭЭГ не имеют существенного значения как доказательства смерти.

3. СМЕРТЬ как необратимая утрата жизненных функций.

Некоторые предлагают еще более строгое определение, никто не может быть признан мертвым, независимо от клинических

признаков смерти, или появления плато на ЭЭГ, поскольку впоследствии реанимация все же состоялась.

Иными словами, смерть — это такое состояние, когда вернуть человека к жизни уже невозможно. Очевидно, что при таком определении ни о ком из пациентов нельзя, конечно, сказать, что они были мертвыми, поскольку все они были возвращены к жизни.

Таким образом, мы видим, что ответ на данный вопрос требует уточнения: ЧТО ИМЕННО мы понимаем под словом «смерть». Правда, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на семантический характер спора, все три определения имеют существенное значение. По существу, я до некоторой степени согласен с третьим, самым детским. Даже в тех случаях, когда сердце перестало биться на какое-то время, ткани тела, в особенности мозга, еще продолжают жить. Они потребляют кислород и питающие вещества. И живут еще довольно долгое время.

Необязательно, что в этих случаях произойдет нарушение биологических законов. Для того чтобы реанимация стала возможной, некоторая степень остаточной биологической активности должна сохраняться в клетках тела, даже если ее и не удастся определить клиническими методами.

Однако мы не можем точно определить, с какого момента возвращение к жизни уже невозможно. Этот момент может быть различен для разных лиц и зависит от множества факторов. Несомненно одно: большинство людей, с которыми я беседовал несколько десятилетий назад, не могли бы быть возвращены к жизни. Не представляет сомнений и то, что в будущем техника реанимации позволит возвращать многих из тех, кого мы не в силах спасти сегодня.

При таком неопределенном положении вещей я считаю наиболее радикальным следующее определение: смерть есть отделение сознания от тела и его последующий переход в другое измерение бытия. Из этого следует, что существует некоторый механизм, посредством которого «душа» или «сознание» высвобождается от смерти. У нас нет оснований думать, что этот механизм работает в точном соответствии с физическими явлениями в процессе умирания, поэтому нельзя указать некоторую точку, после которой возврат уже невозможен.

Мы также не можем предположить, что этот механизм в каждом случае работает более совершенно по сравнению с обычными процессами, происходящими в нашем теле. Возможно, что иногда этот механизм начинает действовать еще до наступления критического состояния нашего физического тела. Это, видимо, могло бы объяснить рассказы многих людей, находившихся лишь под угрозой смерти, о своем внетелесном опыте или о мгновенном переживании прошедшей жизни.

Таким образом, независимо от того, какого определения смерти мы будем придерживаться — того ли, которое принимали в прошлом, современного ли или того, которое будет принято в будущем, — независимо от этого те люди, которые были мною исследованы, находились к этому состоянию гораздо ближе, чем все остальные их современники. Этого для меня вполне достаточно, чтобы внимательно их выслушать.

Мы видим, что в таком контексте бесполезно искать точного определения понятия «смерть». А вот возражение по поводу предсмертного опыта представляется мне более серьезным. Речь, по существу, идет о том, что поскольку в теле сохраняется возможность биологической активности, то именно благодаря этому и возникают ощущения, которые мы называем предсмертным опытом.

Я, разумеется, согласен с тем, что во всех обследованных мною случаях остаточные биологические процессы имели место в телах моих пациентов тогда, когда они были признаны клинически мертвыми.

Итак, вопрос о том, действительно ли была «реальная» смерть, сводится к более серьезной проблеме: не был ли вызван предсмертный опыт остаточными биологическими процессами в организме? Или, другими словами, возможны ли иные объяснения того, что мы наблюдали, то есть продолжается ли жизнь после смерти? Этот вопрос мы рассмотрим в следующей главе.

ОБЪЯСНЕНИЯ

Возможны, конечно, и другие объяснения предсмертных феноменов. По существу, с чисто философской точки зрения для объяснения любого опыта, события или факта можно построить бесчисленное множество гипотез. Так, можно вечно предлагать все новые и новые теоретически возможные объяснения для любого явления. То же касается и теории «предсмертного опыта».

Из большого числа объяснений я выбрал несколько таких, какие выдвигаются чаще всего. Разберу теперь их, а также те, которые еще не предлагались, но тем не менее могут возникнуть. Их можно условно разделить на три типа: сверхъестественные, естественные (научные) и психологические.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Первое из наиболее редко встречающихся объяснений — это «демоническое» объяснение предсмертного опыта, предполагающее, что он, несомненно, был вызван «темными силами». Мне представляется, что лучший способ отличить, кем направляется получаемый людьми предсмертный опыт — Богом или дьяволом, —

послушать тех, кто пережил его. Из религиозных книг ясно, что Бог наставляет людей жить в любви и всепрощении, дьявол же, наоборот, учит их ненависти и разрушению. Пациенты, с которыми я беседовал, возвратились после своего необычного опыта обновленными и с явной решимостью следовать первым путем. Так что если это и были козни дьявола, то он потерпел полный провал.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ (НАУЧНЫЕ) ОБЪЯСНЕНИЯ

1. Фармакологические. Некоторые предполагают, что предсмертный опыт вызывается лекарственными препаратами, которые вводятся больному во время кризиса. Внешнее правдоподобие этого предположения основано на нескольких фактах. Многими людьми, в том числе и врачами, признается, например, что большинство наркотиков вызывают галлюцинации. Более того, в наше время широкое распространение получило злоупотребление наркотиками. Общество уделяет большое внимание борьбе с нелегальным употреблением таких средств, как ЛДС, марихуана и другие, столь же сильных, вызывающих галлюцинации. Кроме того, известно, что многие наркотики, используемые для лечения, могут вызывать явления, похожие на предсмертный опыт. Из новейших медицинских средств сходным действием обладает кетамин (циклогексанен) — анестетик, вызывающий так называемый диссоциативный наркоз, при котором пациент не только не реагирует на боль, но и на окружающую обстановку. Он чувствует себя отделенным не только от того, что его окружает, но и от частей своего тела — рук, ног и т. д. После того как больной приходит в себя, некоторое время у него еще могут сохраняться психологические нарушения, в том числе и галлюцинации, яркие сновидения.

Я собрал несколько свидетельств людей, которые во время анестезии переживали состояние, четко определяющееся как галлюциногенное видение смерти. Позволю себе привести один пример:

«Мне было лет двенадцать. Я пошла к дантисту, и мне дали двуокись азота, чтобы запломбировать зуб. Я немного нервничала, так как боялась не проснуться. Когда анестезия начала действовать, у меня появилось чувство, будто я двигаюсь по спирали, — не то, чтобы я кружилась, но кресло дантиста двигалось по спирали вниз и вверх. Все вокруг было яркое и белое, а когда я достигла вершины, то «ангелы» спустились, чтобы встретить меня и повести... В это время дантист и сиделка говорили о чем-то постороннем, и я слышала их. Но позже я с трудом вспоминала их разговор. Удивительно, что мысль о смерти не смущала меня, мне стало ясно, что в состоянии анестезии вообще ничего не беспокоит...»

Обратите внимание на известное сходство между вышеупомянутым опытом и теми, о которых я рассказывал в этой книге. И в то же время некоторые детали различны. В данном случае женщина не видела своего тела, а просто чувствовала кресло дантиста, она подчеркивала неопределенность своего состояния...

Люди, которые сообщали мне о своем наркотическом опыте, были более романтичны, полны воображения и более раскованны, чем те, которые пережили опыт смерти. Кроме того, их рассказы очень различны — каждый человек галлюцинирует по-своему, в то время как мои пациенты всегда единодушны и говорят одно и то же.

Существуют и другие факторы, свидетельствующие против фармакологического объяснения предсмертного опыта. Самый существенный из них тот, что в большинстве «моих» случаев наркотики вообще не применялись или применялись, но уже после предсмертного опыта. Поэтому некоторым пациентам пришлось пережить «умирание» задолго до того, как им была оказана медицинская помощь.

Те же лекарства, которые применялись (аспирин, антибиотики, гормональный адреналин), не действовали на центральную нервную систему и не вызывали никаких психологических последствий.

Надо также отметить, что никакой разницы в рассказах пациентов, получавших лекарства, и теми, которые их были лишены совсем, не наблюдается. Одна женщина, которая умирала дважды, утверждала, что отсутствие предсмертного опыта в первый раз было связано с анестезией. Во второй раз, когда она обходилась совсем без медикаментов, у нее был очень сложный опыт.

Исходя из одного фармакологического объяснения психологические эпизоды, которые вызываются психоактивными лекарствами, представляют собой результат действия этих наркотиков на нервную систему. Следовательно, психические события могут быть «иллюзорными», «галлюцинаторными», «обманчивыми», словом, происходящими только в сознании.

Имеется и другая точка зрения на соотношение между наркотиками и результатом, к которому приводит его использование. Я имею в виду первоначальное, исследовательское использование наркотиков, которые мы называем «галлюциногенными». Веками люди употребляли такие психоактивные вещества для того, чтобы достичь другого состояния сознания и перенестись в другую реальность. (Живое и увлекательное изложение о современном использовании наркотиков в подобных целях можно найти в книге Эндрю Уила.)

Долгое время лекарства использовали не только в медицинских целях или для борьбы с заболеваниями, но и в религиоз-

ных культах. Например, среди американских индейцев на Западе США обнаружен и хорошо изучен пейоте-культ. Кусочки кактуса, содержащего вещество мескалин, проглатываются для достижения религиозных видений и просветления.

Сходные культы встречаются по всему миру. Участвующие в них видят, что наркотические средства помогут им проникнуть в другое бытие.

Допуская правомочность такой точки зрения, можно предположить, что употребление наркотических средств представляет собой один из путей, которые ведут к просветлению и раскрытию других измерений реальности. Умирание — один из таких путей. Этим, видимо, и объясняется некоторое сходство между опытом, получаемым при использовании наркотиков, и предсмертным опытом.

2. Физиологические. Физиология есть одна из ветвей биологических наук, которая исследует функционирование клеток, органов и всего живого организма, а также взаимодействие между ними. Физиологические объяснения предсмертных феноменов, которые мне часто приходилось слышать, сводятся к следующим гипотезам: поскольку во время клинической смерти или других серьезных повреждений прекращается снабжение мозга кислородом, те явления, которые наблюдает умирающий, представляют собой последнее компенсаторное видение умирающего мозга.

Основная ошибка такого представления заключается в том, что в большинстве случаев переживание предсмертного опыта имело место еще до каких-либо физиологических повреждений. В нескольких случаях в течение всего переживания предсмертного опыта у человека не было никаких телесных повреждений, в то же время элементы опыта, которые проявлялись в случаях жестких травм, наблюдались также и при полном отсутствии каких-либо травм.

3. Неврологические. Неврология — раздел медицины, который посвящен диагностике и лечению заболеваний нервной системы, то есть головного мозга, спинного мозга, периферических нервов. Явления, сходные с теми, которые я описывал, наблюдались и при некоторых неврологических заболеваниях. Поэтому некоторые объясняют предсмертный опыт повреждениями нервной системы умирающих.

Рассмотрим неврологические параллели к двум наиболее характерным событиям предсмертного опыта: мгновенный обзор всей прошедшей жизни и внетелесное состояние.

Я беседовал с одним пациентом неврологической палаты, который рассказал мне об одной необычной форме нервного расстройства, в результате которого перед ним промелькнули все события из его прошедшей жизни.

— Когда это случилось впервые, я смотрел на своего друга, находившегося в другом конце комнаты. Вдруг правая часть его лица стала искажаться. Но всего неожиданнее было вторжение в мое сознание сцен из прошлой жизни. Они выглядели живо, так, как и происходили в действительности, в цвете и в трех измерениях. Я почувствовал тошноту и так испугался, что попытался избежать видения. С тех пор это происходило многократно, и я постепенно понял, что не стоит вмешиваться, а лучше позволить этим видениям идти своим чередом. Наиболее близким сравнением с этими видениями может служить, пожалуй, фильм, который демонстрируется по телевидению на Новый год. События, которые произошли за минувший год, проносятся на экране, и, когда вы их смотрите, они мелькают, сменяясь другими, прежде чем вы сможете их четко осознать. Это совсем как в моих сновидениях. Я вижу что-то и думаю: «О, я помню это». Хочу удержать видение в сознании, но оно уже сменяется другим.

Когда видение заканчивается, мне бывает очень трудно вспомнить, что же именно я видел. Многие повторяются, иные — нет. Все промелькнувшие события не представляли ничего особенного из того, что происходило в моей жизни. Наоборот, все они очень тривиальны. Они не появляются в каком-либо порядке, а возникают совершенно случайно.

Во время видений я продолжаю видеть все, что происходит вокруг меня, но как-будто неосознанно. Впечатление такое, словно половина моего сознания занята видениями, а половина тем, что происходит вокруг. Люди, которые наблюдали меня в это время, говорили, что такое состояние длилось всего несколько минут, а мне же казалось, что прошли годы.

Несомненно, есть сходство между видениями, вызванными локальным раздражением мозга, и той панорамой воспоминаний, о которых рассказывали мне люди, пережившие предсмертный опыт. С другой стороны, налицо и существенные различия. Видения неврологического характера возникают в другом порядке, человек не охватывает их все сразу. Кроме того, это не возвышенные и не значительные события жизни, а тривиальные. Мои пациенты после их «обзорного» видения вспоминали некоторые эпизоды прошлого яснее и детальнее, чем «при жизни». Этот же больной утверждает, что не в состоянии вспомнить многое из своих видений.

Существует еще одна аналогия внетелесного опыта — так называемые аутоскопические галлюцинации, при которых человек видит проекцию самого себя в собственном зрительном поле. Этот странный двойник подражает выражению лица, движениям тела своего оригинала. Аутоскопический фантом иногда кажется даже более живым, чем оригинал. Аутоскопический субъект может

слышать, как его двойник говорит о нем, давать ему советы, острить и т. д. Чаще всего двойника можно видеть по грудь или только одну голову.

Привожу здесь случай явной аутоскопической галлюцинации. Уникальность ее состоит в том, что были видны одновременно два лица.

«Это было за два года до того, как мы поженились. Однажды летним вечером, около одиннадцати часов, я приехал к невесте домой на своей спортивной машине. Поставил автомобиль на слабо освещенной улице напротив ее дома... Каково же было наше удивление, когда, одновременно обернувшись, мы увидели обнявшиеся призраки нас самих. Они были видны до уровня талии и сидели рядом на большом дереве, которое росло на другой стороне улицы, прямо напротив нас на расстоянии ста футов. Призраки были темными, наподобие силуэтов, непрозрачными и точными копиями нас самих. Они поворачивались вокруг, но не имитировали наши движения, так как мы просто сидели, наблюдая за тем, что они делали. Мой призрак раскрыл книгу и показывал что-то в ней призраку моей невесты, она наклонилась, чтобы лучше видеть. Во время наблюдения за призраками я сообщал своей невесте то, что видел. Мои впечатления абсолютно совпадали с тем, что видела она. Потом мы поменялись ролями, она начала рассказывать об увиденном, и это тоже совпадало с моими наблюдениями.

Так мы сидели довольно долго, минут тридцать, обсуждая необычное событие. Думаю, мы могли бы просидеть и всю ночь. Но невесте нужно было идти домой. Мы встали и пошли вверх по лестнице. Когда я вернулся обратно, то снова увидел призраков. Они оставались на том же месте.

Невозможно допустить, чтобы это было наше отражение в ветровом стекле машины. Верх машины был опущен, и мы смотрели значительно выше ветрового стекла. Ни один из нас не пил ни тогда, ни сейчас. Все это произошло до того, как мы вообще узнали о существовании ЛСД и других наркотиков такого типа. Мы не были усталыми, хотя время было позднее, и это не могло прийтись нам. Мы находились в бодром, встревоженном состоянии и были очень удивлены всем увиденным».

Предположим, что аутоскопические галлюцинации в некотором отношении напоминают внетелесный опыт. Однако, если даже рассматривать только черты сходства и не обращать внимания на различия, существование аутоскопических галлюцинаций все равно не объясняет природы внетелесных состояний, потому что аутоскопические галлюцинации вообще объяснить никак нельзя. Дискуссии по этому поводу продолжаются, и общепринятой точки зрения по этому поводу не существует. Таким образом, попытка

обозначить предсмертный опыт как вид аутоскопических галлюцинаций представляет собой замену одного загадочного явления другим.

Есть еще один момент, о котором стоит упомянуть. Однажды я обследовал пациента, у которого были остаточные неврологические нарушения, возникшие после клинической смерти. Нарушения состояли в частичном параличе небольшой группы мускулов на одной стороне тела. Этот случай был единственным примером неврологического повреждения.

4. Психологические. Психология пока не достигла той строгости и точности, которые характерны для других современных научных направлений. Психологи все еще разделены на соперничающие между собой школы, придерживающиеся различных исходных данных, методов исследования, а также по-разному понимающих основной вопрос о наличии в природе сознания. Естественно, что психологические объяснения предсмертного опыта широко варьируются в зависимости от того, к какому направлению принадлежит тот или иной ученый. Я не буду рассматривать все возможные типы психологических объяснений, а остановлюсь только на тех из них, которые чаще всего упоминались при обсуждении данного вопроса и представляются мне наиболее серьезными.

Ранее я уже говорил о двух наиболее распространенных тенденциях психологического объяснения: а именно — все рассказы о предсмертном опыте либо сознательная ложь, либо бессознательное приукрашивание. В следующей главе я остановлюсь на двух других объяснениях психологического характера.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗОЛЯЦИИ

Исследования последствий изоляции — относительно молодая и быстро развивающаяся область психологии.

При изучении изоляции ученый пытается понять, что происходит с сознанием и организмом человека, который по той или иной причине оказался в одиночестве либо из-за полного отсутствия контакта с людьми, либо в результате каких-то однообразных продолжительных действий. Информация подобного рода была получена от людей, перенесших опыт изоляции, а также от тех, кому удалось спастись после кораблекрушения. В течение последних десятилетий исследователи изучали сходные феномены в лабораторных условиях.

В ходе одного такого исследования доброволец помещается в танкер, наполненный водой, температура которой равна температуре тела. Это сводит до минимума температурные и гравитационные ощущения. Глаза и уши испытуемого плотно закрыты, что усиливает впечатление темноты и тишины в танкере. Его руки

помещены в специальные трубки, так что ими невозможно двигаться. Таким образом, испытуемый лишен большинства обычных ощущений и движений.

В подобных условиях или при других обстоятельствах, связанных с полным одиночеством, некоторые люди переживают необычайные психологические явления, напоминающие те, о которых рассказывалось мною во второй главе.

Женщина, которой пришлось несколько раз подолгу оставаться в одиночестве на полярной станции, рассказывала о панорамных видениях событий своей жизни. Матросы, спасшиеся после кораблекрушения в маленькой шлюпке и в продолжение многих недель странствовавшие в одиночестве, описывают галлюцинации, в которых они видели, как им оказывали помощь. Иногда люди видят сверхъестественные существа, напоминающие привидений или духов. Здесь прослеживается некоторая аналогия со светоносным существом моих пациентов.

Имеются и другие сходства. У людей, находящихся в изоляции, нарушается чувство времени, появляется даже ощущение отделения от своего тела, нежелание возвращаться в привычное состояние, чувство «единства» со Вселенной.

Многие из тех, кто пережил кораблекрушения или события, подобные этому, говорят, что после пребывания в одиночестве в течение нескольких недель они возвращались к цивилизации с чувством полной переоценки ценностей. Очевидно, эта перестройка личности в какой-то мере сходна с тем, о чем говорят те, кто пережил процесс умирания...

Ситуации действительно сходны... Пациенты, которые находятся при смерти, часто неподвижны, они находятся в отдельных палатах, в полной тишине, при ослабленном освещении и отсутствии посетителей. Возникает вопрос: не являются ли психологические изменения, происходящие при умирании тела, результатом полного блокирования мозга от ощущений внешнего мира?

Как уже говорилось выше, многие пациенты, пережившие предсмертный опыт, рассказывали о горестном чувстве изоляции, одиночестве и оторванности от других людей, которое охватывало их во время пребывания вне своего тела.

Действительно, есть такие пограничные ситуации, в которых невозможно определить, имеет ли в данном случае место предсмертный опыт или опыт изоляции. Один человек, например, рассказал мне о своем состоянии, которое он пережил, находясь в тяжелом состоянии в госпитале:

«Когда я там лежал, я видел картины, которые появлялись передо мной как на телевизионном экране. Я видел, как то одно, то другое человеческое лицо возникало в пространстве, вдали от меня, потом оно приближалось, проходило мимо и на смену ему

возникало другое. Я отчетливо сознавал, что болен, что нахожусь в больнице и с удивлением наблюдал за происходящим. Потом я узнал некоторых из появлявшихся людей — это были мои родственники и друзья. Неожиданно я понял, что все они уже умерли».

Каким образом классифицировать данный случай? Здесь есть некоторые аналогии с предсмертным опытом (встреча с душами умерших). В то же время описанный случай не содержит других явлений, о которых говорили мне пациенты.

Разнообразные явления, происходящие с человеком во время изоляции, не объясняются ни одной из существующих теорий. Некоторые исследователи относят эти видения к разряду «нереальных» и «галлюцинаторных». Но вспомним, что на протяжении многих веков мистики и шаманы искали уединения в безлюдных местах для того, чтобы достичь просветления и откровения. Мнение о том, что духовное возрождение может быть пережито именно в изоляции, является общим для многих религий и культур.

Один из первых и наиболее серьезных исследователей изоляции Джон Лли недавно написал книгу «Центр циклона», которая представляет собой духовную автобиографию. В ней автор убедительно показывает, что опыт, который он пережил в условиях изоляции, был реальным опытом просветления и откровения, а совсем не фантазией или галлюцинацией. Интересно также отметить, что он сообщает и о собственном предсмертном опыте, сходным с тем, о котором написано в нашей книге. Причем автор относит свой предсмертный опыт к той же категории явлений, что и опыт с изоляцией. Таким образом, мы можем с полным основанием рассматривать изоляцию наряду с галлюциногенными веществами как один из путей перехода сознания в новые измерения.

СНЫ, ГАЛЛЮЦИНАЦИИ, ИЛЛЮЗИИ

Вероятно, некоторые считают, что предсмертный опыт — всего лишь желаемое сновидение, фантазия или галлюцинации, возникающие благодаря различным факторам: в одном случае под воздействием наркотиков, в другом — с помощью церебральной анестезии, в третьем — из-за длительной изоляции и т. д. Иными словами, предсмертный опыт рассматривается как иллюзия.

Я думаю, что против такой точки зрения можно привести несколько возражений. Во-первых, наблюдается большое сходство в содержании событий, о которых рассказывают лица, пережившие предсмертный опыт, несмотря на то что большинство исповедей не соответствует тому представлению о предсмертных событиях, которые характерны для людей нашей культуры.

Кроме того, мы обнаруживаем, что события, которые переживают умирающие, необычайно точно совпадают с тем, о чем говорится в древних и эзотерических писаниях, неизвестных нашим пациентам.

Во-вторых, остается неизменным факт, что люди, с которыми я беседовал, не были жертвами психоза. Они эмоционально устойчивы, нормальные, участвуют в жизни общества. Многие из них работают, занимают положение, исключаящее безответственность. У этих людей устойчивые семьи и определенный круг родственников и друзей.

Почти никто из них не переживал внетелесного опыта более одного раза в жизни. И что наиболее существенно, наши информаторы — люди, которые способны отличать опыт, полученный во сне и наяву.

Все они утверждали: то, что они пережили, находясь на краю смерти, не было сном, а действительно происходило в реальности.

Наконец, у многих из таких сообщений есть независимые от рассказов пациентов подтверждения.

Профессиональный долг не позволяет мне сообщать имена моих пациентов и нежелательные для них подробности, но я видел и слышал достаточно, чтобы утверждать, что я по-прежнему изумлен и обескуражен. Считаю, что любой, кто будет систематически знакомиться с предсмертным опытом, также обнаружит подтверждение тому, что предсмертный опыт слишком далек от сновидений и принадлежит к совершенно другой категории явлений.

В заключение хочу отметить, что любые «объяснения», как правило, являются проекцией личности того, кто их предлагает. Люди опираются на те представления, которые сами же придумали.

На лекциях мне предлагали множество различных объяснений. Люди, которым свойственно физиологическое, фармакологическое или неврологическое мышление, продолжают отстаивать свои взгляды даже тогда, когда факты противоречат их толкованиям.

Сторонники теории Фрейда склонны видеть в светоносном существе проекцию отца данного субъекта. Последователи же Юнга видят в нем архитип коллективного, бессознательного и т. д.

Я не предлагаю каких-либо новых объяснений происходящих явлений. Я постарался лишь перечислить причины, из-за которых предлагаемые толкования кажутся мне сомнительными.

Мое мнение сводится, по существу, к следующему: давайте предположим, что предсмертный опыт — новое явление, и мы должны найти пути для его объяснения и понимания.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Работая над этой книгой, я сознавал, что легко могу быть неверно понятым. В особенности мне хотелось заметить читателям, мыслящим научными категориями: я понимаю — то, что я сделал, не представляет собой научного исследования. А моим коллегам-философам сообщу, что вовсе не испытываю иллюзии, будто я «доказал», что есть жизнь после смерти. Доказательства этого вовлекли бы нас в дискуссию, выходящую за рамки этой книги. Так что я ограничусь только несколькими впечатлениями.

В специальных исследованиях, посвященных логике, праву или другой научной проблеме, такие слова, как «вывод», «доказательство», «свидетельство», являются техническими терминами и имеют более точное значение, чем в обычном употреблении. В повседневном языке эти слова произносятся куда более свободно. Достаточно даже поверхностного взгляда на многие сенсационные статьи в популярных журналах, чтобы убедиться: почти любая малоправдоподобная история преподносится читателям как «несомненное доказательство».

В логике то, что может или не может быть сказано на основании имеющихся предпосылок, не имеет права носить случайного характера. Оно точно следует определенным правилам, положениям и законам. Когда кто-то говорит, что сделал «выводы», это означает, что любой другой исследователь, который исходил из тех самых предпосылок, придет к тем же самым выводам, если только не допустит логической ошибки.

Данное замечание объясняет, почему я отказываюсь делать какие-либо выводы из своего исследования и не пытаюсь конструировать доказательства древнейшего учения о том, что жизнь продолжается после смерти тела. И все же я знаю, что данные о предсмертном опыте имеют очень большое значение.

Единственное, к чему я стремился при создании этой книги, — найти некий средний путь для их интерпретации, путь, который, с одной стороны, не отрицал бы этого опыта только на основании того, что не существует логического или научного обоснования, а с другой стороны, был бы лишен сенсационных восклицаний о «доказательстве» существования жизни после смерти.

В то же время, по-моему, сформулировать такое доказательство нам мешает не ограниченность предсмертного опыта, а узость научного и логического мышления.

Не исключено, что в будущем наука и логика достигнут большего и придут к определенным выводам.

В конце книги я говорил не о выводах и доказательствах, а о вещах гораздо менее определенных — об ощущениях, вопросах,

аналогиях, удивительных фактах, которые нуждаются в объяснении. Поэтому следует обратить внимание не на выводы, которые я делаю на основании моих исследований, а на то, какое впечатление произвело данное исследование на меня самого. Люди, рассказывающие мне о пережитом, выглядели очень убедительно. Но эту убежденность не так легко передать в книге. Для моих пациентов предсмертный опыт был совершенно реальным событием, и благодаря моему знакомству с ними он стал реальностью и для меня.

Безусловно, что такой довод вытекает из психологических ощущений и не имеет логического обоснования.

Логика — всеобщее достояние, а психологические доводы таковыми не являются. При равных обстоятельствах одно и то же явление произведет на одного человека одно впечатление, а на другого — совершенно иное. Все зависит от мировоззрения людей, их темперамента и т. д.

Не хочу утверждать, что мое отношение к проведенному исследованию должно быть законом для всех. Вполне может возникнуть вопрос: если интерпретация этого опыта носит столь субъективный характер, то зачем исследовать эти явления?

В ответ на это могу сказать, что интерес к проблеме смерти настолько велик, что полезна любая информация, проливающая свет на эту тайну.

Изучение этого вопроса необходимо для многих специалистов и академических исследований. Это важно для врача, который видит страх и надежду умирающего больного, и для священника, помогающего встретить смерть. Это окажет помощь психологам и психиатрам в поисках подходящего и эффективного метода лечения душевных заболеваний. Им необходимо знать, что представляет собой сознание и может ли оно существовать отдельно от тела. Если нет, тогда усилия по разработке методов психологической терапии должны быть направлены исключительно на поиски физических методов: новых лекарств, электротерапии. Если же сознание может существовать отдельно от тела, как нечто, живущее по своим особым законам, тогда лечение должно быть совершенно иным.

В рассматриваемой проблеме есть еще более важный аспект. Он носит сугубо личный характер, ведь от того, что мы узнаем о смерти, зависит, как мы будем жить.

Если опыт, о котором рассказано в книге, реален, то он, безусловно, зависит от образа нашей жизни. В этом случае совершенно справедливо такое замечание: мы не можем понимать нашу жизнь, если не способны уловить хотя бы проблеск того, что лежит за нею.

А. Ландсберг, Ч. Файе

ВСТРЕЧИ С ТЕМ, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СМЕРТЬЮ

Алан Ландсберг — популярный теле- и кинорежиссер, возглавляет собственную компанию в Лос-Анджелесе. Он способствовал привлечению внимания американской публики к феномену Э. фон Деникена, создавшего фильм «В поисках древних космонавтов» (в советском кинопрокате он шел под названием «Воспоминания о будущем»). Он также автор бестселлера «Внешние связи с Космосом» и серии «В поисках...». Чарлз Файе — журналист и писатель, живет в Нью-Йорке.

ЧЕТЫРЕ РОДА ВСТРЕЧ СО СМЕРТЬЮ

Утром 12 апреля 1975 года Марта Иган готовила завтрак мужу и дочери. Налив в кувшин апельсиновый сок и поглядывая за беконом, она пробежала глазами список дел на этот день. Первым на листке стоял звонок матери в Вермонт, которая еще не совсем поправилась после гриппа.

В то утро Марте было не по себе. Она проснулась с тяжестью в груди, подумала: потянула мышцу или простудилась, и заметила, что дышит неглубоко и тяжело. Боль в груди усиливалась, немного погодя стали нечувствительными губы. Вскоре после того, как семья Марты села завтракать, она перенесла первый сердечный приступ.

Когда «скорая помощь» доставила миссис Иган к специальному входу, больная перестала дышать. Сопровождавший ее врач не мог нащупать пульс: Марта Иган находилась в состоянии клинической смерти. Бригада врачей и медсестер делала ей массаж грудной клетки и вводила в легкие кислород. Хотя Марта Иган, несомненно, была без сознания — на самом деле «мертва», — она была свидетельницей всей процедуры собственного воскрешения из некой точки вне ее тела. Но рассказ Марты сильно отличается от рассказов большинства людей, вернувшихся к жизни после клинической смерти.

Ее не беспокоило, что усилия воскрешавших ее врачей могут не увенчаться успехом. Но ее заботило, как больная мать воспримет известие о ее смерти. Впоследствии Марта рассказала:

«Если мне предстояло умереть, именно мне следовало сообщить маме плохую новость. Мне нужно было заверить ее, что я не против того, чтобы умереть, если это необходимо, что умереть не так уж плохо. И действительно, мое положение казалось вполне приятным».

Лишь только Марта подумала о том, чтобы сообщить печальное известие матери, как увидела ее сидящей в кресле рядом с кроватью у себя дома в Вермонте.

«Мама читала, сидя в своем любимом кресле. Я продолжала находиться в палате отделения реанимации, но в то же время была

у мамы в спальне. Было поразительно — находиться одновременно в двух местах, да еще настолько удаленных одно от другого, но пространство казалось понятием, лишенным смысла. Я сказала: «Мама, у меня был сердечный приступ, я могу умереть, но не хочу, чтобы ты беспокоилась. Я не против того, чтобы умереть, если это необходимо». Но она не смотрела на меня.

Я подошла поближе к ее креслу и села на край кровати. Нас разделяло теперь всего несколько дюймов. Мама была поглощена книгой, возможно, я взглянула на название, но не могу сейчас сказать, что это было. Я сознавала, что мне нужно каким-то образом привлечь мамино внимание. Дотронуться до нее я боялась, чтобы не напугать. «Мама,— продолжала я шептать,— это я, Марта. Мне надо поговорить с тобой». Я пробовала привлечь ее внимание как-нибудь по-другому, но вдруг фокус моего сознания вернулся в реанимационное отделение. Я оказалась вновь в собственном теле».

Марта Иган начала дышать самостоятельно, ее сердцебиение вошло в норму, но она оставалась без сознания часов до одиннадцати ночи. Придя в себя, Марта увидела у постели своего мужа и дочь и рядом с ними брата, живущего в Коннектикуте. Тогда она решила, что муж позвонил родным, и брат прилетел в Айдахо. Но несколько дней спустя выяснилось совсем другое. Брату действительно позвонили на работу, в Нью-Йорк, но позвонила мать. У нее было странное ощущение, что с Мартой что-то случилось, и она попросила сына узнать, в чем дело. Позволив несколько раз, он выяснил, что произошло, и первым же самолетом прилетел в Айдахо. Неужели Марта действительно преодолела без тела расстояние, равное двум третям протяженности США, и общалась со своей матерью?

Марта чувствует, что так оно и было. Ее мать, умершая в прошлом году, могла сказать только: она почувствовала — что-то не в порядке, но не представляла себе, ни что именно, ни каким образом она узнала об этом.

Рассказ Марты Иган можно расценить как редкий, но не единственный случай. Многие из переживших клиническую смерть рассказывают, что пытались связаться с дорогими людьми во время своего опыта вне тела (ОВТ). Однако большинству это не удалось. Но те, кого «слышали», «ощущали» или в редких случаях «видели» живые люди, открыли совершенно новую область исследования существования после телесной смерти, наличия жизни после жизни. Что именно люди слышали, ощущали или видели? Астральное тело (эфирный двойник физического)? Если да, может ли его присутствие быть выявлено тонкими научными приборами? Изучая различные виды встреч со смертью, ученые разрабатывают новые способы исследования возможности общения

мертвых с живыми. Случай Марты Иган — один из видов существования после смерти и, как мы увидим, предполагает один из путей научного исследования. Случай Марка Луина, инженера «Грэнд Рэпидз» в Мичигане, предполагает другой путь.

Большую часть времени своего ОВТ Марк провел в попытках привлечь внимание своей жены Пегги, сидевшей в приемной двумя этажами ниже операционной, где Марк «умер» во время срочной операции на сердце. Он рассказал:

«Это было самое большое разочарование, какое мне довелось испытать в жизни. Я видел Пегги совершенно ясно — она сидела, положив руки на колени, и вид у нее был очень огорченный. Ей было страшно, а мне нет, и я хотел внушить ей это».

Марк пробовал заговорить с Пегги, но вскоре понял, что его голос слышен лишь ему самому. Тогда он прибегнул к иной тактике: «Я тихонько дотронулся до нее, мне не хотелось ее пугать. Но она, казалось, не чувствовала моего прикосновения. Я похлопал ее по руке сильнее. Наконец, я попробовал взять ее руку в свою и приподнять, но не сумел. Пегги ни о чем не подозревала. На столе неподалеку от места, где она сидела, стояла пустая ваза, и я подумал, что она не кажется тяжелой и я, возможно, смогу уронить ее и привлечь внимание Пегги. Я несколько раз пытался опрокинуть вазу, чтобы Пегги услышала шум».

Существует ряд очевидных совпадений случая Марты Иган и Марка Луина, но одно очень большое различие: на уровне подсознания Марта каким-то образом сумела установить с матерью связь и передать ей «чувство» беспокойства, а Марк никак не мог вступить в контакт с женой. Но Марк верно определил, что его жена находится в выложенной бело-голубым кафелем комнате двумя этажами ниже операционной, а позже дал совершенно точное описание ее одежды в этот день.

С целью научного анализа эти два случая отнесены к двум различным категориям. К сожалению, исследователи встреч со смертью имеют обыкновение относить к одному классу все случаи свидетельств о существовании после смерти. Некоторые из переживших ситуацию, грозившую смертью, не пытались связаться с дорогими им людьми. Другие, покинув тело, перемещались не далее потолка реанимационного отделения; случайно они впоследствии сообщали факты, свидетельствующие о том, что они, находясь в беспамятстве, были очевидцами собственного воскрешения. А некоторые были совершенно захвачены превосходящим реальность духовным опытом, пережитым во время клинической смерти. Они видели сияющий свет, слышали небесную музыку, проплывали сквозь темные пространства и встречали духов покойных друзей и родных. Придя в себя, они часто рассказывали таинственные и прекрасные истории; но такие истории

не могут быть подтверждены научно. Таким образом, встречи со смертью дают широкий спектр от неизреченного личного опыта до случаев, когда «мертвый» общается с живым. Для того чтобы облегчить научное исследование жизни после смерти, мы предлагаем разделить встречи со смертью на четыре категории: встречи первого, второго, третьего и четвертого родов. Подобная цифровая терминология часто применяется в физике, математике, химии и в совсем новой области — в изучении НЛО для различия уровней значимости различных явлений. Встречи со смертью обладают различными уровнями значимости, и, кажется, имеет смысл признать этот факт. В данной книге мы будем рассматривать встречи со смертью, основываясь на следующих определениях:

Встречи первого рода. Эта категория объединяет людей, которые во время клинической смерти, находясь без сознания или в трудных, опасных для жизни ситуациях, получают «опыт вне тела» (ОВТ), но впоследствии не могут представить *фактических свидетельств* в доказательство своей встречи. Она остается субъективным опытом в чистом виде. Большинство случаев, собранных доктором Раймондом Моуди и доктором Элизабет Каблер-Росс, обладают именно таким характером. Встречи со смертью, отнесенные к первому роду, часто рассматриваются вместе, чтобы выделить общие элементы, которые придают достоверность отдельным рассказам и дают возможность предполагать, что эти случаи представляют универсальный человеческий опыт во время смерти.

Встречи второго рода. Эта категория включает людей, которые в состоянии представить фактические свидетельства, такие, как разговоры врачей в реанимационном отделении, описание оборудования, применявшегося при реанимации, или, точнее, событий, происходивших, пока они находились без сознания. Случай Марка Луина представляет собой встречу второго рода. В таких встречах присутствуют объективные детали, следовательно, их нужно изучать при помощи научных методов.

Встречи третьего рода. Эту категорию образуют люди, которые в состоянии клинической смерти или в бессознательном состоянии передают иным людям то, что мы можем назвать «внутренним ощущением» относительно своего состояния. Это первый случай, когда «связь» — возможно, какая-то форма СЧВ* — возникает между «мертвым» и живым. Смерть, так сказать, действует как радиопередатчик, и некоторые, с кем «мертвые» крепко связаны эмоционально, принимают сообщение. Люди, жизнь которых в опасности, не должны перемещаться астральным образом, сигнал

* Сверхчувственное восприятие.

об опасности может быть передан телепатически. Отличительной чертой случаев этого рода является то, что реципиент принимает сообщение в виде неясной мысли о том, что с кем-то из его знакомых что-то не в порядке. Как правило, он не знает, кому именно или какого рода угрожает опасность. В этом смысле полное сообщение об опасности может быть принято на подсознательном уровне, но лишь часть его, которая порождает тревогу, проникает в сознание. Иногда сообщение о смерти бывает более ясным. Однако реципиент *никогда не ощущает* связи. Случай Марты Иган и ее матери может служить примером встреч третьего рода.

Встречи четвертого рода. Эти случаи включают в себя примеры прямой парасенсорной связи между живым человеком и либо человеком необратимо мертвым, находящимся в состоянии клинической смерти, без сознания, либо в опасной для жизни ситуации. Человек, находящийся вне тела, «виден», «слышен» или замечен каким-либо парасенсорным образом. Реципиент *осознает*, что находится в контакте с духом или с астральным существом. Это одно из наиболее впечатляющих свидетельств жизни после смерти, и феномен, известный как «запись голосов умерших» или «фотографии духов» (о чем мы поговорим позднее), попадает в эту категорию.

Эта книга не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим исследованием таких случаев, она представляет собой новый взгляд на четыре различных рода встреч со смертью и на то, что именно каждый из них свидетельствует о жизни после смерти. Это дает возможность нового подхода, который, мы полагаем, может принести плодотворные результаты.

Книга состоит из трех частей. Первая часть объединяет случаи четырех видов встреч со смертью, со ссылками на новейшие научные открытия, подтверждающие паранормальные аспекты каждого случая. Во второй части мы рассматриваем ряд труднейших проблем, стоящих в настоящее время перед врачами и теологами: когда человек действительно умирает? Может, сами врачи, стремящиеся сохранить органы, которые еще возможно использовать для трансплантации, тем самым «убивают» своих пациентов, может, эти «мертвые» способны вернуться к жизни? Могут ли такие люди испытывать ОВТ и сознавать, чему их подвергли? Почему мы боимся смерти? Является ли ОВТ мини-смертью, репетицией последнего полета? И наконец, что мы можем почерпнуть из восточных культур относительно спокойной смерти и о «после жизни»? Рассмотрев последние свидетельства о жизни после смерти, мы в третьей части книги обратимся к опыту ученых, имитирующих смерть в лабораторных условиях и пробующих

обнаружить дух, покинувший тело, и проследить его полет. Наконец, мы рассмотрим вопрос о «жизни после жизни». Если дух переживает умершее тело, перевоплощение не кажется невероятным. Мы увидим, как благодаря тому, что вышли на явь травмы, несчастия, неудачи «прошлых жизней», многие люди излечились от неврозов и даже от некоторых телесных недугов.

Смерть была темой широкого обсуждения в западных странах столетие назад, а секс был темой запретной. Сейчас ситуация прямо противоположна: секс стал распространенной темой для разговоров, в то время как о смерти в течение многих лет почти не упоминалось в приличном обществе. Сейчас появились признаки исчезновения табу на смерть. Вместе с тем возобновился интерес к вопросам: «Существует ли жизнь после жизни?» и «Была ли жизнь до жизни?» Недавно Эндрю М. Грили, директор национального центра по изучению общественного мнения Чикагского университета и священник римско-католической церкви, возглавил широкий опрос с целью определить, что думают американцы по поводу смерти. Результаты оказались неожиданными: 27 процентов населения Америки, или пятьдесят миллионов человек, думают, что несколько раз находились в контакте с умершими. «Вера в контакт с умершими,— говорит Грили,— широко распространена. Около пятидесяти миллионов людей обладают подобным опытом; шесть миллионов вступают в контакт с умершими часто».

Грили обнаружил также, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, вступают в контакт с умершими. И опыт такого рода наиболее вероятен у женщин, потерявших супруга. Разумеется, существует простое опровержение — подобный опыт не более чем плод воображения, при помощи которого одинокая женщина пытается уйти от жестокой реальности смерти. «Но,— говорит Грили,— можно также доказать, что если граница, разделяющая живых и умерших, может быть преодолена, то наиболее вероятно, что именно теми, кого продолжает связывать крепкая любовь. Другими словами, о ком еще можно подумать, что они сохраняют контакт между собою и после смерти? Грили заключает свое представительное исследование следующей фразой: «Удивительно, возможно даже несколько огорчительно, узнать, что более четверти американцев не один раз были в контакте с мертвыми».

Самый известный случай древности, касающийся возвращения к жизни,— библейская история Лазаря, брата Марии и Марфы и друга Иисуса. К сожалению, Евангелие от Иоанна не рассказывает нам о том, что пережил Лазарь в те несколько дней, пока был мертв, но философ Л. Н. Андрайв пишет: «Три дня он был мертв, трижды вставало и садилось солнце, но он был мертв;

дети играли, ручьи журчали по камушкам, под ногами странника взметалась пыль на дороге, но он был мертв. А теперь он оказался среди близких; они дотрагивались до него, он смотрел на них, и сквозь его черные зрачки, как сквозь задымленное стекло, глядело неизвестное «за». Уста Лазаря оставались запечатанными и хранили о происшедшем молчание, но сегодня множество американцев свободно говорят о своих встречах со смертью. Теологи внимательнейшим образом выслушивают эти рассказы, философы и ученые проводят параллели между рассказами американцев XX в. и древними трактатами восточных мистиков, и в настоящее время все растущее число ученых предпринимают попытки воспроизвести смерть в лабораторных условиях, чтобы иметь возможность наблюдать полет духа, или души, или астрального тела к его следующему месту отдыха.

В этой книге мы будем внимательно изучать самые последние свидетельства жизни после жизни и соответствующие условия общения между этой жизнью и грядущей.

Часть I

ВСТРЕЧИ ПЕРВОГО РОДА

Встречи со смертью, относимые к первому роду, относятся к наиболее часто изучаемым, поскольку о них чаще всего сообщается. Тысячи людей каждый год переносят клиническую смерть или переживают смертельную опасность, и предположительно половине из них есть что рассказать. В высшей степени субъективная природа делает их наименее убедительными на языке «строгих» доказательств того, что дух может пережить смерть тела; но при общем анализе не могут оказаться незамеченными многие общие черты. Прежде чем мы дадим оценку встречам со смертью, относящимся к более высокой степени, важно понять, что известно о первом роде свидетельств жизни после смерти.

Не все соприкоснувшиеся со смертью рассказывают в точности об одном и том же виде опыта. Но у Айрис Зелман, тридцатилетней учительницы средней школы во Флинте, Мичиган, была типичная встреча со смертью, встреча первого рода.

«Я находилась в отделении интенсивной терапии хирургии открытого сердца по поводу замены клапана. Вдруг я ощутила резкую боль в груди. Я вскрикнула, и две медсестры тут же отвезли меня снова в операционную. Я почувствовала, что врачи вводят провода в мою грудную клетку, и ощутила укол в руку. Потом я слышала, как один из врачей сказал: «Нам ее не спасти».

Я заметила, что белая дымка, наподобие тумана, окутала мое тело и поплыла к потолку. Сначала я была зачарована этой дымкой, а потом поняла, что смотрю на свое тело сверху, а глаза мои закрыты. Я сказала себе: «Как я могу быть мертвой? Ведь я продолжаю находиться в сознании!» Врачи вскрыли мою грудную клетку и работали над сердцем.

При виде крови мне стало нехорошо, и я отвернулась, посмотрела как бы кверху и поняла, что нахожусь у входа во что-то, похожее на длинный темный тоннель. Я всегда боялась темноты, но в тоннель вошла. Сразу же я поплыла вверх к далекому яркому свету и услышала пугающие, но не противные звуки. Я испытывала непреодолимое желание слиться воедино со светом.

И тут я подумала о муже, мне стало жаль его. Он всегда и во всем так зависел от меня. Он не сможет жить без меня. В этот момент я поняла, что могу либо продолжать идти к свету и умереть, либо вернуться в свое тело. Меня окружали духи, облики людей, которых я не могла узнать... Я остановилась. Я была совершенно подавлена тем, что ради мужа должна вернуться — я чувствовала, что должна, — и вдруг голос, непохожий ни на что слышанное мною когда-либо, повелительный, но мягкий, сказал: «Ты совершила верный выбор и не пожалеешь об этом. Когда-нибудь ты вернешься». Открыв глаза, я увидела врачей».

Ничто в случае Айрис Зелман не может быть проверено научными методами. Это в высшей степени индивидуальная встреча. Чикагский психиатр доктор Элизабет Каблер-Росс, которая в течение двадцати лет наблюдала за умирающими больными, полагает, что рассказы, подобные истории Айрис Зелман, не являются галлюцинациями. «Прежде чем начать работать с умирающими, — говорит доктор Каблер-Росс, — я не верила в жизнь после смерти. Теперь я верю в нее без тени сомнения».

Одно из доказательств, убедивших доктора Каблер-Росс так же, как и все возрастающее число ученых, — это наличие общих черт, обнаруженных в тысячах встреч со смертью, описанных людьми совершенно различными по возрасту, культуре, национальности, религии. Некоторые наиболее общие черты, выделенные доктором Каблер-Росс и доктором Раймондом Моуди при изучении ими более двухсот случаев встреч со смертью, таковы:

Мир и спокойствие. Многие описывают необычайно приятные чувства и ощущения в начальный период этих встреч. У мужчины после тяжелой травмы головы не было заметно признаков жизни. Впоследствии он рассказывал: «В момент травмы я ощутил мгновенную боль, а затем вся боль исчезла. Казалось, мое тело плавает в темном пространстве».

Женщина, вернувшаяся к жизни после сердечного приступа, говорит: «Я испытала совершенно чудесные ощущения. Я не чувствовала ничего, кроме мира, удобства, легкости, — только спокойствие; я ощущала, что все заботы исчезли».

Несказанность. Люди, вплотную столкнувшиеся со смертью, считают собственный опыт трудным для выражения в словах. Айрис Зелман свидетельствует: «Действительно, нужно оказаться там, чтобы понять, на что это похоже». Другая женщина выразила свои впечатления так: «Свет был настолько ослепительным, что я просто не могу объяснить этого. Он не только вне нашего восприятия, но и вне нашего словаря».

Психолог Лоренс Ле Шан, изучавший опыт «космического сознания» в психике и мистике, считает, что несказанность происходит не только от необыкновенной красоты трансцендентной

встречи, но прежде всего потому, что такой опыт превосходит нашу четырехмерную реальность пространства-времени и поэтому превосходит логику и язык, который выводится строго из логики. Раймонд Моуди в «Жизни после жизни» приводит пример с «умершей» и возвращенной к жизни женщиной. Она рассказывает: «Теперь мне просто трудно рассказать об этом опыте, потому что все известные мне слова трехмерны. Я хочу сказать: если взять, например, геометрию, меня всегда учили, что существуют лишь три измерения, и я всегда принимала такое объяснение. Но это неверно. Их, этих измерений, больше... Конечно, наш мир, в котором мы сейчас живем, трехмерный, но следующий — определенно нет. И поэтому о нем так трудно рассказать. Мне приходится использовать трехмерные слова... Я не могу дать вам полной картины словесно».

Звуки. Человек, который был «мертвым» в течение 20 минут во время полостной операции, описывает «болезненное жужжание в ушах; затем этот звук как бы загипнотизировал меня, и я успокоился». Женщина слышала «громкий звон, наподобие курантов». Некоторые слышали «небесные колокола», «божественную музыку», «свистящие звуки, напоминающие ветер», «ритм океанских волн». Возможно, каждый, кто встречался со смертью лицом к лицу, слышал какие-то повторяющиеся звуки.

Никто не может быть совершенно уверен в значении этих звуков, но ирония или совпадение, как кому хочется расценить, состоит в том, что подобные звуки упоминаются в древней тибетской «Книге мертвых», созданной около 800 г. н. э., к рассмотрению которой мы обратимся в одной из следующих глав. Коротко говоря, книга подробно описывает стадии умирания. Согласно тексту, в какой-то момент, после того как душа покинула тело, человек может слышать тревожные, пугающие звуки или приятные, которые убаюкивают и успокаивают его. Ученые были изумлены совпадением предсказаний тибетской книги об опыте умирания с отраженным в рассказах опытом американцев, живущих в XX веке и не подозревающих о существовании этой книги.

Духи. Эдуард Мегехейм, профессор, пятидесяти шести лет, «умерший» на операционном столе во время операции по поводу раковой опухоли, утверждает, что видел свою покойную мать. «Мать разговаривала со мною. Она сказала, что на этот раз я должен вернуться. Я понимаю, это звучит дико, но ее голос был реален настолько, что слышится мне и по сей день». Питер Томпкинз, студент, «умерший» дважды, сначала в автомобильной катастрофе, потом во время операции грудной клетки, в обоих своих путешествиях «за пределы» встречал покойных родственников.

Видеть духов — не характерное, но имеющее место явление во время встреч со смертью. Доктор Карлис Озиз, руководитель Аме-

риканского общества психических исследований в Нью-Йорк Сити, отмечал большую частоту этого феномена у исследованных им умирающих в Соединенных Штатах и в Индии. Озиз относит эти явления к «уводящим прочь» образам — покойных родственников или друзей, которые, как считает умирающий, должны проводить его из этого мира. Преподобный Билли Грейем именует их ангелами.

Множество скептиков доказывают, что эти образы — не что иное, как фрагменты воображения умирающего, вызвавшего их, чтобы сделать легче переход от жизни к смерти. В фрейдистских терминах они могут быть названы образами «исполнившихся желаний». Но доктор Озиз выражает резкое несогласие: «Если бы образы «уводящих» были только «исполнившимися желаниями», мы сталкивались бы с ними чаще у пациентов, которые ожидают смерти, и реже у тех, кто надеется выздороветь. Но на самом деле такого соотношения нет».

Свет. Охарактеризованный как «сияющий», «сверкающий», «ослепительный», но никогда не режущий глаз, свет — один из самых общих элементов встреч со смертью, свет напрямую связан с религиозной символикой. В соответствии с исследованиями Раймонда Моуди, «несмотря на различные нехарактерные для света проявления, никто из опрошенных мною не усомнился в том, что это было существо, существо из чистого света». Многие описывают свет как существо с определенной индивидуальностью. «Жар любви к умирающему, который исходит от этого существа, совершенно невозможно описать словами, — говорит Моуди. — Умирающий чувствует, как свет окружает его, вбирает в себя, делает частью себя».

Для певицы Кэрол Берлидж, которая «умирала» во время своих вторых родов, свет обладал голосом: «Вдруг он заговорил со мной. Он сказал, что я должна вернуться, что у меня появился новый ребенок, которому я нужна. Мне не хотелось возвращаться, но свет очень настаивал». Она сказала, что голос был не мужской и не женский, неопределенный; Айрис Зелман и еще многие согласны с ней. «С этого времени, — говорит Кэрол, — я всегда вспоминаю слова Иисуса: «Я свет миру» (Ин., 8:12).

Доктор Паскал Каплан, декан Школы общих исследований в Университете Джона Ф. Кеннеди в Оринде, в Калифорнии, специалист по восточным религиям, заметил, что свет, о котором рассказывают умирающие, также упоминается в тибетской «Книге мертвых». «Он играет главную роль во всех восточных религиях, — говорит доктор Каплан. — Свет рассматривается как мудрость или просветленность и в этом качестве является главной целью мистики».

Темная пустота или тоннель. Похоже, что это служит переходом от одного уровня реальности к другому. Многие утверждают, что инстинктивно чувствовали — им надо пройти сквозь темноту, прежде чем они достигнут света, который во всех случаях находится у отдаленного конца тоннеля. «Эта пустота нестрашная, — сообщает Айрис Зелман, — это всего лишь черное пространство, и мне оно показалось приглашающим, почти что очищающим». Другая женщина определяет тоннель как акустическую камеру, где каждое слово, которое произносишь, отдается в голове. В любом случае прохождение сквозь тьму представляет собой, по крайней мере символически, возрождение.

Опыт вне тела (ОВТ). Почти без исключения все, кто рассказывает о встречах любого рода со смертью, испытали чувство освобождения от своего физического тела. Они могли перемещаться фактически в любую точку пространства, близкую или отдаленную, и преодолевать большие расстояния с быстротой молнии, просто подумав о месте, где им бы хотелось быть. Как мы увидим позже, многие исследователи считают, что ОВТ, который может быть достигнут простыми приемами расслабления, является мини-смертью, или репетицией последнего шага. Существуют прямые свидетельства, заставляющие считать, что люди, имевшие ОВТ, могут избавиться от страха перед смертью, и процесс их умирания проходит легче и отраднее.

Чувство ответственности. Многие говорят, что «вернулись назад» потому, что считали свою работу на земле незавершенной. Долг заставил их выбрать возвращение. Певица Пегги Ли выступала в вечернем клубе в Нью-Йорк Сити в 1961 г. и за кулисами впала в забытие. Она была отправлена в больницу с пневмонией и плевритом. Сердце Пегги остановилось, и около тридцати секунд она находилась в состоянии клинической смерти. ОВТ Пегги был очень приятен, но ее очень беспокоила мысль о возвращении. «Боль — небольшая плата за то, чтобы жить для людей, которых любишь, — рассказывала она впоследствии. — Я не могла вынести печали и тоски от разлуки с дочерью». Марта Иган испытывала ответственность по отношению к матери, Айрис Зелман — по отношению к мужу. Мы увидим, что именно чувство ответственности чаще всего проявляется при контактах с умершим или умирающим — или встречах четвертого рода со смертью.

Приход клинической смерти внезапен. Он бывает вызван сердечным приступом или сильным шоком нервной системы или мозга или последствиями несчастного случая. Какова бы ни была причина, результатом является внезапный переход от жизни к смерти. Собирая и анализируя сообщения людей, переживших клиниче-

скую смерть, значит, в некотором роде заглядывать к смерти с черного хода — сообщения поступают лишь после того, как с порога сделан шаг назад, после возвращения. Но что испытывают люди перед обычной, постепенно приближающейся смертью, когда они появляются у ее парадного входа? Если звуки и образы смерти являются подлинными, универсальными феноменами, они останутся такими же, независимо от того, каким образом они пришли к смерти.

Доктора Карлис Озиз и Эрлендур Харальдссон рассматривают этот вопрос в только что опубликованном исследовании — результате четырехлетних наблюдений за 50 000 неизлечимо больных в Соединенных Штатах и в Индии. Оба психолога хотели точно знать, что видит и слышит пациент в последние минуты перед смертью. В большинстве случаев, полагали они, это должен был быть субъективный опыт, встречи со смертью первого рода. Однако с помощью сотен врачей и медсестер, непосредственно работавших с умирающими пациентами и присутствовавшими в момент их смерти, Озиз и Харальдссон пришли к поразительным выводам.

Нам известно, что умиранию предшествует страдание. Рак за короткое время метастазирует по всему организму и на последних стадиях приносит муки, боль, которую не всегда удастся облегчить даже с помощью наркотиков. Сильные сердечные приступы сопровождаются резкой болью в грудной клетке, отдающей в руки. Погибающие в результате несчастных случаев страдают от переломов костей, контузий, ожогов. Но доктор Озиз и доктор Харальдссон обнаружили, что как раз перед смертью страдание уступает место спокойствию. По словам доктора Озиза, «кажется, от пациента исходит гармония и тишина». Десятилетний мальчик, болевший раком, внезапно сел на постели, широко открыл глаза и улыбнулся впервые за несколько месяцев и вместе с последним вздохом воскликнул: «Как прекрасно, мама!» И упал на подушку мертвым.

Характер сообщений о моментах, предшествующих смерти, весьма разнообразен. Медсестра большой больницы в Нью-Дели сообщает следующее: «Женщина лет сорока, страдавшая от рака и в течение последних дней подавленная и вялая, хотя всегда в сознании, вдруг стала выглядеть счастливой. Радостное выражение не сошло с ее лица до самой смерти, наступившей через пять минут».

Часто пациент не произносит ни слова, но выражение его или ее лица напоминает описания экстаза в религиозной литературе. Могут также происходить необъяснимые физические изменения, как произошло, например, в Соединенных Штатах. Медсестра рассказывает об этом случае:

«Женщина лет семидесяти, болевшая пневмонией, была полуинвалидом и влачила жалкое, мучительное существование. Ее лицо стало таким спокойным, как будто она увидела что-то прекрасное. Оно озарилось улыбкой, которую нельзя описать словами. Черты ее старческого лица стали почти прекрасными. Кожа сделалась мягкой и прозрачной — почти снежно-белой, совершенно непохожей на желтоватую кожу людей, близких к смерти».

Медсестра, наблюдавшая за больной, чувствовала, что женщина увидела нечто, «изменившее все ее существо». Умиротворенность не оставила ее до самой смерти, наступившей часом позже. Как можно объяснить, что кожа старой женщины вдруг стала светящейся, юной? Целительница, работавшая со смертельно больными пациентами, свидетельствует, что неоднократно видела ауру вокруг тела пациента незадолго до смерти. «Свет исходит от кожи и волос, как если бы это было вливание чистой энергии из какого-то внешнего источника», — рассказывала она. Лабораторные свидетельства, которые мы позднее рассмотрим, ясно показывают, что феномен света также связан с произвольно вызываемыми ОВТ. Исследователи полагают, что энергия, заключенная в астральном теле, — это излучаемая световая энергия; подобное утверждение было сделано мистиками и медиумами столетия назад.

Иногда изменения, происходящие с пациентом, не только уносят страдания больных, но и воздействуют на окружающее. Представитель больницы рассказывает о пятидесятидевятилетней женщине, страдавшей пневмонией и сердечной недостаточностью:

«Ее лицо было прекрасным; ее отношение в корне переменялось. Это было больше чем перемена настроения... Было похоже на то, что существует что-то вне нас, что-то сверхъестественное... Что-то, заставлявшее нас думать: она видит нечто недоступное нашим глазам».

Что за великолепные видения проходят перед умирающим? Как может исчезнуть боль, испытываемая в течение месяцев или лет? Доктор Озиз полагает, что разум «освобождается», его связь с телом слабеет, когда человек близок к смерти. Астральное тело готовится отделиться от физического, и по мере приближения смерти физическое тело и его невзгоды становятся все менее значимыми.

Ниже приводится типичный случай, когда боль и страдания исчезают. Врач, рассказавший его, был директором городской больницы в Индии.

«Семидесятилетний больной страдал от рака в далеко зашедшей форме. Он испытывал сильные боли, не дававшие ему передышки и вызывавшие бессонницу. Однажды, после того как ему удалось немного поспать, он проснулся с улыбкой, казалось, его

вдруг покинули все телесные страдания и муки, и он независим, спокоен и умиротворен. Последние шесть часов пациент получал только небольшие дозы фенobarбитала, относительно слабого болеутоляющего. Он попрощался со всеми, с каждым отдельно, чего никогда до тех пор не делал, и сказал нам, что собирается умереть. Минут десять он был в полном сознании, затем впал в бессознательное состояние и мирно скончался через несколько минут».

По традиционным религиозным верованиям, душа покидает тело в момент смерти. Медиумы говорят, что душа и астральное тело — одно и то же. По словам доктора Озиза, несомненно, что бы ни покидало тело, оно может совершать это очень постепенно. «Функционируя еще нормально, — говорит доктор Озиз, — сознание умирающего, или душа, может понемногу высвобождаться из больного тела. Если так, мы вправе ожидать, что осознание телесных ощущений постепенно ослабевает».

Многие пациенты разговаривают перед смертью, и многие из них утверждают, что мимолетно видели давно умерших людей, пейзажи неземной красоты, это очень схоже с рассказами людей, выживших после клинической смерти. В одном американском исследовании показано, что более двух третей умирающих видели образы людей, которые «звали», «манили» их, а иногда «призывали» больному идти к ним. Один врач рассказывает, что семидесятилетняя женщина, страдавшая от рака кишечника, вдруг села в постели и, обращаясь к умершему мужу, сказала: «Гай, я иду», умиротворенно улыбнулась и умерла.

Могут ли эти голоса, образы, свет быть не чем иным, как галлюцинациями, вызванными болезнью, наркотиками или нарушениями работы мозга? Известно, что высокая температура, лекарственные средства, отравление мочой и нарушение работы мозга могут порождать весьма убедительные галлюцинации. Исследователи обнаружили, что наиболее последовательно в логическом отношении и наиболее подробно рассказывают пациенты, которые были наиболее здоровыми вплоть до смерти. «Гипотеза слабоумия не может объяснить видения, — делает вывод доктор Озиз. — Они похожи на возникающие образы, связанные с жизнью после смерти».

Если человек может заглянуть в грядущее до того, как умрет, возможно, он сумеет дать какое-либо реальное свидетельство в доказательство истинности своих видений. Другими словами, может ли обычная смерть дать эффект встречи второго, третьего и четвертого рода, какой иногда может дать клиническая смерть? Такие моменты редки, но исследователи обнаружили несколько подтверждающих это случаев. Например, вот что рассказывает больничный врач об одной из женщин, которая была при смерти:

«Она сказала, что видит рядом со мной моего дедушку, и велела мне сразу же идти домой. Я оказался дома в половине пятого, и мне сказали, что он умер в четыре. Никто не ждал, что он умрет так внезапно. Эта больная действительно встретила моего деда».

Изменения, которые происходят незадолго до смерти, часто озадачивают врачей. Оказывается, что даже пациенты с тяжелыми мозговыми и эмоциональными проблемами становятся перед смертью удивительно светлыми и разумными. Доктор Каблер-Росс наблюдала это у ряда своих пациентов — хронических шизофреников. Это согласуется с утверждением, что около момента смерти астральное тело (сознание или душа) постепенно отделяется от физического тела. Подтверждением может служить случай, о котором рассказывает врач: двадцатидвухлетний юноша, слепой от рождения, вдруг перед самой смертью прозрел, оглядел комнату, улыбаясь, явно видя врачей, медсестер и в первый раз в жизни — членов своей семьи.

Не может быть простым совпадением то, что как пациенты, перенесшие клиническую смерть, так и находящиеся в больнице и медленно умирающие свидетельствуют о потустороннем мире, населенном духами умерших, о стране, исполненной тишины и мира, что вызывает у человека горячее желание попасть туда. Таким образом, опыт умирания вне зависимости от того, как приходит смерть, в основном одинаков и, кажется, имеет смысл, только если мы примем, что нечто в человеческом теле переживает смерть.

Понятие загробной жизни существует во всех культурах, в каждой есть свои образы небес и ада. Если коллективный образ может быть составлен путем изучения культур различных народов и этнических групп, насколько он сравним с рассказами сегодняшних умирающих?

В христианской традиции небо — это иерархическое государство, где ангелы и святые радуются присутствию Бога и созерцают Его бытие. Коран обещает верным рай, прямо отразивший вкусы араба; он имеет вид прекрасного оазиса, полного садов, рек и душистых деревьев, где мужчины в шелковых одеждах возлежат на ложах, наслаждаясь вином и фруктами. Меньшие гедонисты, греки классической эпохи верили в прекрасный остров, расположенный на краю света, в водах Атлантики. Там нет ни дождя, ни снега, ни сильного ветра, а изобильная земля круглый год рождает медоносные плоды. Мистики-орфики представляли рай как счастливое место отдохновения чистых духов, расположенное под землей.

Ацтеки различали три разныхрая, в которых оказываются души после смерти. Первый, низший — Тлалокан (страна воды

и тумана) представляет собой землю изобилия, блаженства и покоя, где умершие поют, играют в чехарду и ловят бабочек. Деревья гнутся под тяжестью плодов, кругом растут цветы и овощи. Второе небо — страна бесплотности, обитель тех, кто научился жить вне своего физического тела и не привязан к нему. Высший рай — Дом Солнца — предназначен для тех, кто достиг полной просветленности. Они живут чистыми наслаждениями и по очереди сопровождают Солнце в его дневном странствии.

В скандинавской традиции доступ в Валгаллу открыт для тех, кто отличался воинской доблестью; там днем воины предаются состязаниям, а ночью — обильным пирам. В индуизме облачные выси полны красоты и радости и служат местом обитания богов. У североамериканских индейских племен умершие обитают на закате, или в «землях счастливой охоты». Эскимосы видят своих усопших в свете северного сияния, весело играющих с головой моржа. Таким образом, мы видим, что понятия о рае различны и, несомненно, рай отражает стремления верующих. Столь же различны и понятия об аде.

Если эти верования основаны на фактах, разве не должны были бы сегодняшние католики — возьмем как пример эту группу, — придя в себя после клинической смерти, рассказывать об увиденных традиционных элементах потусторонней жизни, элементах, известных им с раннего детства. Можно было бы ждать этого. Но среди всех имеющихся сообщений об опыте умирания практически нет католиков, утверждавших, что видели св. Петра у Жемчужных Врат или Христа, сидящего по правую руку от Господа, или хоры ангелов. В самом деле, лишь незначительное в статистическом отношении число людей рассказывали, что видели «общепринятую» картину небес, такую, как она дана в религии рассказчика. Возможным объяснением служит то, что потусторонний мир действительно существует, но не совпадает ни с одним описанием, приведенным в священных книгах какой-либо из распространенных религий. Другое дело, что клиническая смерть вместе с ее мыслительными образами представляет собой первый, самый основной шаг к тому, что повсеместно именуется небом. В самом деле, было бы самонадеянно утверждать, что увиденное за краткий миг на пороге смерти или во время клинической смерти и есть потусторонний мир во всем его великолепии и бесконечности его подробностей.

Даже мимолетный взгляд на иной мир оказался бы поддержкой и утешением для многих. Одно дело принять на веру и совершенно другое — иметь собственный опыт. Тридцатилетний Ричард Коулман, электрик, соприкоснувшийся на десять минут со смертью во время операции на легком, рассказывает, что люди часто спрашивают его, есть ли что-либо в жизни, что дало бы возможность

понять, какова клиническая смерть. «На самом деле они хотят знать,— считает он,— можно ли при каких-нибудь обстоятельствах, не подвергая себя опасности, испытать нечто, что даст им хотя бы примерное представление о том, на что похоже умирание». В то время как большинство исследователей-психологов считают, что ответом может служить ОВТ, поскольку он включает в себя отделение от физического тела, Коулман утверждает, что сон в наибольшей степени напоминает смерть.

Такой ответ обладает ценностью в некоторой мере исторической, поскольку западные философы со времен Платона полагали, что существуют общие черты у смерти и сна. На что похоже быть в сознании без тела? — задает вопрос Платон. Что тогда осознается? Где будет находиться сознание? Как смогут люди узнать друг друга? Как они станут общаться?

Философ Х. Х. Прайс в своей основной работе «Жизнь после смерти и Понятие «Другого Мира» развивает мысль о том, что посмертное восприятие похоже на сон, что оно создается из ментальных образов, накопленных за время жизни. Другими словами, испытанное нами в этой жизни — прекрасное и отталкивающее, хорошее и плохое — создает хранилище всего, что можно изведать в следующей жизни. Далее он говорит, что законы посмертного мира не физические (которые господствуют в материальном мире), а психологические, поскольку наша жизнь после смерти будет психологической.

Принимая во внимание то, что сны — это наш частный опыт, где другие люди появляются лишь как наши видения, а не как независимые существа со своими правами, в потустороннем мире, считает Прайс, наши видения будут так же реальны, как и мы сами, а духи станут общаться телепатически или при помощи других форм СЧВ. Эта телепатическая деятельность будет создавать видимые и слышимые образы, а последующий опыт будет похож на то, что видят и слышат другие.

Следующий мир будет создан силой наших желаний, полагает Прайс и призывает не заблуждаться, считая этот мир царством только приятного, поскольку наши сны обнаруживают с безупречной точностью действительный характер наших желаний, в том числе и тех, которые подавляются во время бодрствования. Они могут оказаться скорее дьявольскими, чем райскими. По мнению Прайса, наши сны дают нам мимолетное представление о природе потустороннего мира — понятии, возникшем из древних племенных верований.

В гипотезе сна-смерти существует один факт, благодаря которому встает важный вопрос, мимо которого часто проходят танатологи, собирающие рассказы о смерти и умирании. В любом исследовании встреч с клинической смертью мы не должны забы-

вать, что некоторым — хотя и очень малому проценту — предстают адские видения. Немецкий актер Курт Юргенс, переживший клиническую смерть во время сложной операции, которую делал доктор Майкл Де Бейки, получил отрицательные впечатления: «Ощущение хорошего самочувствия, которое я испытал после инъекции пентотала, длилось недолго. Вскоре из подсознания явилось чувство, что жизнь уходит из меня. Оно вызвало во мне ужас. Мне больше, чем когда-либо, хотелось удержать жизнь.

Я смотрел на большой стеклянный купол операционной. Он стал меняться. Внезапно превратился в раскаленно-красный. Я увидел вертящиеся и гримасничающие рожи, глядевшие на меня... Я честно пробовал бороться и защитить себя... Потом стало казаться, что стеклянный купол превратился в прозрачный свод, который стал медленно опускаться на меня. Разразился огненный дождь, но хотя капли были громадными, ни одна не коснулась меня. Они падали вокруг, и из них подымались грозные языки пламени... Я не мог дольше заблуждаться и не видеть страшной правды: без сомнения, лица повелителей этого огненного мира были лицами проклятых. Я был в отчаянии, чувствуя себя несказанно одиноким и покинутым. Ужас, испытанный мною, был так болезнен, что чуть не задохнулся. Ясно, я был в самом аду».

Курт Юргенс не видел ни сияющего света, ни приветливых духов и не ощутил мира и покоя, как большинство встретившихся со смертью. Из более чем тысячи наблюдений за последними минутами умирающих в больницах Соединенных Штатов и Индии доктор Озиз отметил один случай, когда больной видел «ад». Это случилось с домохозяйкой из Род-Айленда, родом из Италии. Видение было у нее после операции на желчном пузыре. Ее врач рассказывает:

«Когда она пришла в себя, то сказала: «Я думала, что умерла, что попала в ад». Ее глаза широко раскрылись от ужаса. «Боже, я думала, что попала в ад». После того как я успокоила ее, она рассказала мне о своем пребывании в аду, о том, как ее хотел унести дьявол. Рассказ перемежался с перечислением ее грехов и изложением того, что думают о ней люди. Ее страх усиливался, и медсестрам стало трудно удерживать ее в лежащем положении. Она сделалась почти невменяемой, и нам пришлось вызвать мать, чтобы успокоить ее. У нее было давнее чувство вины, возможно из-за внебрачных связей, которые закончились рождением незаконных детей. Больная была угнетена тем, что ее сестра умерла от той же болезни. Она верила, что Бог карает ее за грехи».

Правда, такие случаи редки. Но даже если у одного человека произошла «адская» встреча со смертью, это оставляет открытой гипотезу о том, что, как учат все религии, смерть не приходит для

каждого как избавление. Действительно, было бы безответственно утверждать, что образ жизни человека не влияет каким-то образом на мысленные образы его смерти и потусторонний мир, который он воспринимает. Как говорит психолог Чарлз Гарфилд, который наблюдал умирающих пациентов: «Люди умирают столь же разнообразно, как и живут».

Понятно, что негативные галлюцинации при умирании недостаточно изучены. Проблема усугубляется тем, что о них существует очень мало сообщений. Когда в нашем распоряжении будут свидетельства, мы станем исследовать негативные встречи со смертью, но первую часть до конца я хотел бы посвятить положительным встречам со смертью — встречам второго, третьего и четвертого родов.

ВСТРЕЧИ ВТОРОГО РОДА

Мы включили в эту категорию людей, которые находились в состоянии клинической смерти, без сознания или в тяжелых, опасных для жизни ситуациях, а потом могли представить свидетельства парасенсорной природы своего опыта. По меньшей мере, такие свидетельства доказывают телепатические способности, возможность предвидения и ясновидения, присущие человеческому разуму. А в лучшем случае такие свидетельства заставляют предполагать, что человек обладает астральным, или эфирным, двойником и что в минуту опасности для жизни или в момент смерти астральное тело отделяется от физического. Доказательство существования астрального тела и его поведения в момент смерти — первый шаг к подтверждению того, что мы переживем телесную смерть. Делая этот шаг, рассмотрим три случая встреч второго рода со смертью.

Барбара Прайор, тридцати девяти лет, жена бывшего губернатора Арканзаса — Дейвида Прайора. В День Благодарения в 1971 г. Барбаре Прайор, страдавшей легочной эмболией — закупоркой кровеносных сосудов в легких, — была сделана срочная операция — удаление матки в госпитале в Вашингтоне, округ Колумбия. Врач Доналд Пейн говорит о состоянии Барбары: «Положение было очень опасным. Нам пришлось приложить героические усилия, чтобы вернуть миссис Прайор к жизни». А вот что испытала Барбара:

«Мой дух стал воспарять в воздух. Я была спокойна. Чувствовала себя великолепно. Я видела свое тело на кровати, но ощущала себя совершенно отделенной от него. Меня и вправду не заботило, что они делают с моим телом.

Я видела, как мистер Пейн нажимает на мою грудную клетку, и удивлялась. Зачем так стараться? Я совершенно, в полной мере счастлива. Человек, которого я раньше не видела, подошел к моему телу и сделал укол в сердце. Когда он кончил, к кровати подошла медсестра и в спешке задела стойку, на которой были укреплены бутылки с внутривенным вливанием. Мне было видно, как стойка упала на постель, а одна из бутылей задела мое лицо. Но мне было неважно, что бутылка меня ушибла. Я была свободна от боли.

Затем у меня появилось странное чувство, что я вот-вот встречу брата, умершего от лейкемии десять лет назад».

Барбара ощущала присутствие брата и была готова обернуться, поискать его, когда вдруг услышала восклицание доктора Пейна: «Дышите, Барбара, дышите!»

«Не хочу. Вы не можете заставить меня дышать. Вы не можете заставить меня покинуть этот рай». Как только я произнесла это, так почувствовала жгучую боль в грудной клетке и подсознательно поняла, что вернулась в свое тело. Я ощущала себя загнанной в ловушку и сердилась, что меня заставили вернуться. Если бы можно было каким-то образом остановить врачей, я бы сделала это».

Анализ случая Барбары Прайор представляет три свидетельства того, что это была встреча второго рода со смертью: 1. Доктор Пейн применял мануальный массаж сердца примерно таким образом, как Барбара «видела» это. 2. Неожиданно другой врач быстро вошел в комнату и сделал Барбаре сердечную инъекцию. 3. Медсестра, подходя к кровати Барбары, случайно задела локтем стойку и уронила бутылки с внутривенным вливанием, одна из бутылей задела левую сторону лица Барбары. Когда Барбара пришла в себя, она почувствовала болезненный ушиб под левым глазом — как раз там, где она «видела», как ее ударила бутылка. Барбара была полностью без сознания во время всех этих событий, вернее, она была в состоянии клинической смерти. Тем не менее она точно воспринимала происходящее вокруг нее — работники больницы подтвердили правильность ее рассказа.

Барбара Прайор видела события, находясь неподалеку от своей постели, но расстояние не может служить препятствием для человека в состоянии клинической смерти. Барбара Моррис Дейвидсон, тридцати шести лет, случайно приняла слишком большую дозу снотворного вечером 21 апреля 1975 г. Она была срочно доставлена в больницу Шелобардской общины в Атланте, штат Джорджия, где было признано, что она находится без сознания и близка к смерти. Доктор Уолтер Хед, ее лечащий врач, сообщает, что Барбара находилась в бессознательном состоянии в течение трех дней. Именно в этот период, находясь без сознания, она покидала свое тело и получила информацию второго рода.

Барбара рассказывает, что в какой-то момент увидела врачей и медсестер, склонившихся над телом, которое она не могла опознать. Заинтересовавшись, она перегнулась через тело и посмотрела, какая фамилия написана на повязке вокруг запястья. Больной оказалась она сама. Затем Барбара обнаружила, что смотрит на свое тело через всю комнату. Курьезно, Барбару не беспокоило ее положение, но ее гордость была задета тем, что на повязке неверно была проставлена дата ее рождения: 23 декабря 1940 г., что делало ее на два года старше. Раздосадованная, Барбара попыталась сказать об ошибке медсестрам, она кричала им, но они не слышали ее. В конце концов она решила отправиться домой и рассказать мужу об этой досадной путанице. Ведь она родилась 23 декабря 1942 г.— разве в больнице не знают этого! Барбара рассказывает:

«Я прошла весь путь до дома, удивляясь, что босыми ногами не касаюсь тротуара. Я поняла, что скорее плыву, а не иду.

Когда я попала домой, то увидела спящего в гостиной на кресле мужа, рядом лежал мой портрет. Я попыталась разбудить мужа, но он не просыпался, и я решила вернуться в больницу».

Следующее, что помнит Барбара,— это то, как она открыла глаза и увидела глядевших на нее врачей и медсестер. Только потом она узнала, что три дня была в бессознательном состоянии, а на какое-то время ее сердце переставало биться. Еще не совсем поправившись, Барбара рассказала мужу о своем удивительном посещении дома. Он подтвердил, что однажды, когда она без сознания лежала в больнице, он так тревожился за нее и чувствовал себя настолько одиноким, что взял ее фотографию в рамке и сел в гостиной, глядя на нее. Он помнит, что, проснувшись, обнаружил, что сжимает фотографию в руках. Это заинтересовало Барбару, которая до тех пор считала происшедшее с ней чистой фантазией. Окончательно поправившись, Барбара поехала в больницу и попросила разрешения посмотреть свои больничные документы. На самом верху первой страницы истории болезни она обнаружила неверную дату своего рождения: 23 декабря 1940 г.

Следует отметить, что ни Барбара Прайор, ни Барбара Дейвидсон не видели ни яркого света, не слышали голосов и не встречали духов, так же как многие другие, имевшие встречи второго рода со смертью. На сегодняшней ранней стадии танатологических исследований мы можем только строить предположения, почему это так. Возможно, зрительные и слуховые стимулы, характерные для встреч первого рода со смертью, настолько захватывают и гипнотизируют человека, что почти полностью поглощают его сознание. Зачарованный потусторонними видениями, человек, кажется, совершенно утрачивает интерес к земным событиям или попыткам общения с друзьями или семьей. Возможно,

тот, кто пережил встречи первого рода со смертью, продвинулся дальше по пути к постоянной, необратимой смерти, — возможно, он «более мертв», чем тот, кто все еще занят земными делами. Это допущение кажется логичным и доступным проверке в случае, если исследователи попытаются соотнести род встречи со смертью человека и медицинские свидетельства, определяющие «степень» его смерти, то есть степень тяжести его положения и возможности быть возвращенным к жизни.

Случай, подобный истории с Барбарой Прайор и Барбарой Дейвидсон, может произойти не только в период клинической смерти. Этот факт предлагает ученым путь к изучению — и даже к инсценировке — встреч со смертью. Ричард Хит, сорока семи лет, из Олимпии, Вашингтон, подвергся операции на правом колене 17 мая 1971 г. Находясь под наркозом в центральной больнице в Такоме, Вашингтон, он испытал ОВТ, давший парасенсорное фактическое свидетельство. Ричард рассказывает:

«Внезапно тело стало совершенно расслабленным. Я почувствовал, что мой дух отделился от земного тела и воспарил к потолку. Затем я увидел себя плывущим по небу по направлению к дому. Был чудный день, и путешествие оказалось приятным.

Достигнув дома, я увидел играющих в саду детей. Я заглянул во двор соседа. И увидел — случайно, не понимая, насколько важным это окажется потом для меня, — что он сажает два деревца.

Затем меня охватило беспокойство о теле, оставшемся в больнице. Как я попаду обратно? Но как только я подумал об этом, сразу оказался там, в своем израненном теле, ощутив мгновенную боль. Я открыл глаза, чувствуя себя совершенно измученным, раздумывая о таинственном видении».

Вернувшись домой на костылях, Ричард побрел к соседу. Он был ошеломлен, увидев два молоденьких дерева как раз там, где он «видел». Ричард рассказал соседу о своем случае, и тот подарил ему одно деревце. Дереву сейчас около восьми лет, и Ричард Хит часто сидит на своем крыльце, слушая, как шумит в листьях ветер, уверенный в том, что дух может передвигаться без тела и, значит, может пережить телесную смерть.

Это явное свидетельство того, что ОВТ и некоторые аспекты клинической смерти во многом родственны. ОВТ благоприятствует целому ряду феноменов СЧВ, и многие, перенесшие клиническую смерть, свидетельствуют об остаточных телепатических свойствах и способности к ясновидению. Сандра Кэри, писательница, поступила в больницу Уэст-Коаст зимой 1970 г. с хроническим заболеванием, и вскоре после поступления ее сердце перестало биться. Она находилась в состоянии клинической смерти в течение четырех минут. Когда она пришла в себя, то сказала лечаще-

му врачу, что чувствовала себя прекрасно, но расстроилась из-за него, так как его жена только что ушла от него и собирается подать на развод. Врач был удивлен. Действительно, жена ушла от него, но всего два дня назад, и он принял все меры, чтобы в больнице не узнали об этом. Даже его родные еще не были извещены об их разрыве. Сандра, которая теперь здорова, утверждает, что в некоторых случаях обладает телепатическими свойствами и что это результат ее встречи со смертью. Она объясняет это следующим образом: «Если однажды вам удастся преодолеть обычные измерения времени и пространства, вы осознаете, что они могут быть преодолены, и это знание делает для вас доступными паранормальные явления». К сожалению, исследователи еще не пытались определить число людей, возвращенных к жизни после клинической смерти и впоследствии имевших опыт паранормального восприятия. Это могло бы стать интересным исследованием, проливающим свет на многие явления.

Многих исследователей интересует вопрос, каким образом такие люди, как Барбара Прайор, Барбара Дейвидсон и Ричард Хит, получили паранормальную информацию. Барбара Дейвидсон и Ричард Хит ощущали, что действительно перенесли на несколько миль. Ощущение астрального путешествия совершенно реально для того, кто его испытал; эти люди убеждены, что квинтэссенция их личности странствовала *in toto* * оттуда, где находилось тело, в отдаленное место. Но некоторые ученые-психологи сомневаются, происходило ли это на самом деле. Возможно, человеческое сознание в неких экстремальных обстоятельствах может переступить границы времени и пространства и предвидеть грядущие события? Другими словами, существует ли различие между астральным странствием и ясновидением?

Это жизненно важный вопрос для исследователей, заинтересованных изучением жизни после смерти. Ясновидение может быть способностью человеческого разума, исчезающей со смертью человека. А доказательство астрального странствия будет означать, что любое физическое тело обладает эфирным двойником, представляющим собой квинтэссенцию самой жизни, который может жить после физической смерти тела.

Чтобы ответить на наш вопрос, исследователи изучают ОВТ при помощи разнообразных новейших способов. Известный английский исследователь доктор Роберт Крукл тщательно отобрал сообщения о тысяче ОВТ, проанализировал их данные, чтобы найти общий знаменатель и выяснить что-нибудь о природе ОВТ. Крукл нашел, что случаи ОВТ обладают шестью отличительными особенностями:

* Целиком (лат.).

1. Человек чувствует, что он покидает тело через макушку.
2. В момент разделения эфирного и физического тела человек на мгновение теряет сознание.
3. Прежде чем отправиться странствовать, эфирное тело некоторое время парит над своей физической оболочкой.
4. Когда эфирное тело возвращается из странствий, оно опять проходит через стадию парения.
5. В момент воссоединения происходит потеря сознания.
6. Быстрое воссоединение дает сотрясение физическому телу и может вызвать усиленное сердцебиение и обильный пот.

Крукл не обнаружил случаев, когда люди оказались неспособными соединить свое физическое и эфирное тело (или, если они и происходили, никто не выжил, чтобы сообщить об этом). Независимо от того, как далеко странствует эфирное тело, страх человека действует как крючок, чтобы вернуть дух назад и соединить его с физическим телом.

В одном известном эксперименте на дальность знаменитый медиум миссис Эйлин Гарретт в определенное время мысленно переносилась из Нью-Йорка в исландский город и наблюдала за действиями экспериментатора доктора Д. Свенсона. Находясь в состоянии легкого транса, она рассказывала, что делает Свенсон. Она наблюдала, как он читает книгу, и дала описание текста, повязки на голове Свенсона и комнаты, где он находился. Когда миссис Гарретт спросили, каким образом она получила информацию, она попыталась избежать логической дилеммы, сказав, что это не было ни астральное странствие, ни ясновидение, а «ясновидящее странствие».

Медиумы утверждают, что астральное и физическое тело связаны между собою тонкой сверкающей серебряной нитью, бесконечно растягивающимися узлами, идущими от макушки физического тела к макушке эфирного двойника. До тех пор пока серебряная нить остается целой, астральное тело всегда может возвратиться в физическое. Ни один эксперимент еще не обнаружил серебряной нити, но ее существование может объяснить, почему не всегда усилия воскресить человека приводят к успеху. Если человек в состоянии клинической смерти собирается продлить свое странствие к свету, в тот момент, когда он решает не возвращаться, серебряная нить рвется. На языке медиумов «разорвать серебряную нить» значит умереть.

Психолог доктор Чарлз Тарт из Калифорнийского университета изучал ОВТ и задумался над вопросом: обладаем ли мы все астральными двойниками, которые могут странствовать и получать информацию. В августе 1966 г. доктор Тарт провел восемь лабораторных занятий с бизнесменом из Вирджинии Робертом Монро, специалистом по вызыванию ОВТ. Доктор Тарт наблюдал при

помощи электронных приборов биотоки мозга, движение глаз и работу сердца, в то время как Монро предпринимал попытку перемещения без тела, чтобы прочесть пятизначный номер на полке в соседней комнате. К сожалению, условия опыта были далеки от идеальных. Кроватью служила армейская койка, зажим электрода впивался в ушную раковину Монро, как молодой аллигатор. В последний вечер у Монро было два ОВТ. В первый раз он видел несколько человек, узнать которых он не смог, стоящих в незнакомом ему месте: ничего поддающегося проверке. Во втором странствии он с большим трудом контролировал себя, не сумел войти в соседнюю комнату, чтобы прочесть заданное число. Его эфирное тело, рассказал он, казалось, плывет по собственной воле из лаборатории в холл здания. Очнувшись через три минуты, Монро сказал, что видел лаборантку, разговаривающую с мужчиной. Доктор Тарт проверил холл и обнаружил, что рассказанное подтвердилось.

Два года спустя доктор Тарт добился больших успехов, работая с Монро. Хотя тот снова не мог прочесть заданное число, но часто давал информацию о событиях, происходивших в разных частях здания,— вся она при проверке оказалась правильной. Самое важное то, что, когда Монро покидал свое тело, доктор Тарт наблюдал определенные физиологические изменения. Кровяное давление Монро падало, движение глаз усиливалось, а биотоки мозга излучались в продолжительном тета-ритме, характерном для йогов в состоянии глубокой медитации. Однако доктор Тарт не смог сделать никаких выводов относительно того, каким образом Монро получает паранормальную информацию, равно как и доктор Карлис Озиз в 1973 г. в своих экспериментах с медиумом Инго Суонном в Американском обществе психических исследований (АОПИ) в Нью-Йорк Сити. Суонн прошел серию тестов, и его биотоки мозга регистрировались, когда он пробовал различить заданные объекты в открытой коробке, подвешенной на потолке над его головой. Результаты Суонна были необычайно точны. Доктор Озиз наблюдал у Суонна ослабление биоритмов мозга во время экспериментов, но он не мог решить, действительно ли часть духа Суонна поднялась и заглянула через край коробки, чтобы увидеть заданное, как утверждал сам Суонн.

До середины 70-х годов ни одному исследователю не удавалось определить, обладает ли каждый из нас астральным телом. Первый из таких экспериментов был проведен физиками группы энергетических исследований (ГЭИ) в Нью-Йорк Сити с использованием способностей доктора Алекса Тану. Он дал гораздо больше, чем ожидали ученые, и представил несколько лучших лабораторных свидетельств жизни духа после смерти. Доктор Тану и его эксперимент заслуживают подробного описания.

Алекс Тану, медиум, имеет степень доктора философии и теологии, может по желанию вызывать ОВТ. Он наблюдал умирающих пациентов и видел дымку и пар, окружавшие человека перед смертью, пар, выделявшийся из тела в момент смерти. После того как Тану наблюдал ОВТ своего брата Дейвида во время смерти того в 1957 г., он поступил работать в больницу Святого Духа в Бостоне. Больница предназначена для неизлечимо больных, и там Тану использовал свою психическую чувствительность при непосредственном изучении смерти. «Во многих случаях,— говорит он,— я видел расплывчатую дымку, отлетающую от пациента после смерти».

В 1972 г. Тану начал работать с доктором Озизом по специальной заявке: организация, руководимая Озизом, Американское общество психических исследований 29 декабря 1972 г. по решению суда получило 270 000 долларов на то, чтобы найти доказательства существования человеческой души. Деньги были оставлены в 1946 г. одним аризонским золотоискателем, который в своем завещании выразил желание потратить состояние на поиски научных доказательств того, что в человеческом теле существует душа, которая покидает его в момент смерти. Завещание было обнаружено в 1964 г. и после долгих баталий Верховный суд Аризоны присудил деньги АОПИ.

На судебном заседании АОПИ выдвинуло гипотезу, что «часть человеческой индивидуальности в редких случаях способна действовать вне живого тела [становясь бестелесной] и может продолжать существовать после того, как прекращаются мозговые процессы и организм подвергается гниению». Общество взяло на себя проверку этой гипотезы несколькими способами, один из которых — изучение ОВТ живых людей. После того как АОПИ получило так называемое «сокровище Кидда», сотрудники общества провели эксперименты со многими людьми, утверждавшими, что они могут иметь ОВТ, и Алекс Тану блестяще показал себя.

«Воздушные полеты», как назывались эти эксперименты, состояли в том, что Тану должен был астральным путем проецировать себя из собственного дома в Портленде, Мейн, в одну из комнат здания АОПИ на Манхэттене. Он должен был рассмотреть предметы, разложенные на чайном столике, а затем позвонить в АОПИ и отчитаться о первой серии «воздушных полетов».

«Я совершил пять отдельных рейсов. Один раз у меня было явное ощущение, что со столом что-то не в порядке. Я видел, что предметы и цвета каким-то образом разделены. Когда Вера Фелдман, исследователь АОПИ, позвонила мне, я описал ей, что видел.

«Это поразительно,— сказала она.— Стол был разделен на две части. Мы намеренно расположили предметы на одной половине. А какие предметы вы видели?»

«Я видел свечу. Вокруг нее было что-то обвито, наподобие ленты. Еще там был кусок дерева».

«Боже,— сказала Вера.— Вы правы».

В следующий раз я увидел корзину фруктов. Это снова оказалось правильным. В очередной «полет» я увидел лежащий на столе скальпель, который использовался как нож для разрезания бумаг. Затем в следующий «полет» я видел, как Вера пьет из чашки чай. Позднее она подтвердила, что в это время пила чай в кабинете доктора Озиза. В пятый свой рейс я вновь увидел Веру, нагнувшуюся над столом, который я до этого рассматривал. Она опять подтвердила по телефону правильность моих наблюдений».

Каждый раз Тану видел стол, паря над ним подобно тому, как люди в состоянии клинической смерти наблюдали за своим воскрешением. Вдохновленные успехом Тану, сотрудники АОПИ обратились к известному медиуму Кристин Уайтинг побыть в комнате и попробовать почувствовать присутствие Тану. Уайтинг сделала больше: она действительно видела его сначала как светящийся шар, затем она точно описала, как он был одет, когда проецировал себя астральным путем из своего дома в Мейне.

Светящийся шар заинтересовал сотрудников АОПИ. Считается, что из света состоят нимбы святых. Свет также, предположительно, представляет собой сущность духовных существ. Иногда люди «загораются» — в буквальном и переносном смысле — в момент смерти. Свет играет большую роль в рассказах людей, переживших клиническую смерть. Тану неоднократно повторял, что во время своих ОВТ «я представляю собой большое пятно света, светящийся шар сознания, который становится меньше и все более концентрированным. Так я перемещаюсь. Как свет».

Свет — форма энергии, которая легко может быть обнаружена. Физиков заинтересовало, сможет ли аппаратура зарегистрировать астральное тело Тану как свет. Если да, это может послужить наиболее убедительным доказательством того, что есть существо или форма энергии, которая может отделиться от физического тела и, возможно, пережить его. В состав группы энергетических исследований отдела Института биоэнергетического анализа, расположенного на Грэнд-стрит в Нью-Йорк Сити, входили биохимики, физики, медики и психиатры. Группа предприняла попытку изучить электромагнитную природу психического явления. Для экспериментов с Тану ГЭИ использовала специально оборудованную комнату, теоретически считавшуюся черной. В ней находилось обладающее высокой чувствительностью к свету устройство, способное обнаружить малое число фотонов света. Заданные предметы были разложены на стуле посреди комнаты. Тану должен был не только привести в действие светочувствительное устройство вспышкой своего внутреннего света, но и

опознать предметы. Ему потребовалось небольшое темное помещение, где он мог бы сосредоточиться и откуда мог бы проецировать себя в экспериментальную комнату; забавно, единственной пригодной комнатой оказался мужской туалет. Когда Тану уединился там, его голос стал записываться на магнитофон:

«Я... собираюсь проецировать себя астральным путем в темную комнату, которую я осматривал. Сейчас я должен дышать тяжелее... Я собираюсь опуститься на стул, что-то вроде того, чтобы поставить ногу напротив стены... [Позже] Световой шар начинает появляться в моем мозгу. Сейчас я проецирую себя... Я пробую спуститься разобрать, что из заданных предметов на стуле. Один из предметов лежит на полу, по-моему, он квадратный. Я прикасаюсь к чему-то. Оно очень мягкое, напоминает кожу. Предмет на стуле твердый. Он круглый, светлый или белый...

Мой свет уменьшается. Предмет на полу недалеко от стены, слева... Пам! Это вспышка света. Предмет на полу похож на бумажник. На одном из стульев что-то высокое, круглое, то есть кажется круглым, похожим на скульптуру... [Долгое молчание] Пам! Взрыв белизны! Я раскачиваюсь, раскачиваюсь, раскачиваюсь...»

Нью-йоркский психиатр Карл Кирш и исследователь Тед Вулф из Нью-йоркского медицинского центра в конце эксперимента, длившегося двадцать одну минуту, извлекли Тану из мужского туалета и привели в черную комнату, которая теперь была освещена нормально. На стуле находился высокий круглый нагревательный элемент из кофеварки, совершенно такой, каким его описал Тану. На полу лежала гладкая резиновая подушечка, как раз там, где, как определил Тану, лежал бумажник. Самое впечатляющее это то, что светочувствительное устройство отметило в комнате свет как раз в то время, когда Тану восклицал: «Пам! Вот вспышка света!»

Если каждый обладает световым компонентом, который можно обнаружить, то существование астрального тела станет универсальной реальностью. После экспериментов Тану и медиумы, и обычные люди входили в комнату собственной персоной и стояли обнаженными перед устройством. Удивительно, но в какой-то мере светился каждый! Обнаженное тело дает определенное свечение. Слишком слабое, чтобы восприниматься обычным зрением, но заметное чувствительному глазу медиума, а теперь отмеченное специальной аппаратурой. Более того, окружающая тело аура великолепно расцвечена (что всегда утверждали медиумы), она пульсирует с различной частотой и принимает разные геометрические формы, очевидно, в зависимости от психологического и физического состояния.

Доктор из Нью-Йорк Сити, поклонник дыхательной системы йогов, мог усиливать свое «сияние» более чем в пять раз. Он полагает, что это может служить доказательством утверждения мистиков, что психическая энергия, которую они называют *праной*, может подключаться человеком путем медитации и дыхательных упражнений. Причины этого еще не изучены. Означает ли сильное свечение человека, что он духовно совершенен? Или это показатель долгой жизни? А слабое свечение — что смерть близка? Пока мы знаем лишь, что сияние появляется и исходит из астрального тела и люди, могущие иметь ОВТ, способны проецировать свой светящийся шар на огромные расстояния подобно вспышке и столь же быстро возвращаться, пока серебряная нить остается целой. Существование серебряной нити еще не доказано, но должна же существовать связь физического тела и астрального. Может ли сияющий свет, о котором рассказывают люди, пережившие клиническую смерть, быть общим сиянием тысяч и тысяч духов? Пытаться ответить на эти вопросы еще рано. Но мы уже знаем, что свет всегда играл большую роль в религии и мифах, и теперь впервые мы начинаем понимать почему.

ВСТРЕЧИ ТРЕТЬЕГО РОДА

Мы выделили в эту категорию случаи, когда, находясь в состоянии клинической смерти или без сознания, человек передает кому-нибудь «внутреннее ощущение» собственного состояния. Это контакт — возможно, какая-то форма СЧВ — между «мертвым» или умирающим и живым человеком. Человек, жизнь которого на волоске, не странствует в астральном виде, чтобы доставить собственное послание, сообщение об опасности передается телепатически.

Самая характерная черта этого вида встреч в том, что реципиент по большей части получает лишь слабое представление о том, что с кем-то из его знакомых что-то не в порядке. Обычно он не знает ничего определенного о том, кто это и о какой опасности идет речь. Что еще важнее, реципиент никогда не чувствует этого паранормального общения с кем-то. Согласно исследованиям по парапсихологии, сообщение о смерти оказывается полученным на подсознательном уровне, и по многим причинам лишь его фрагменты достигают уровня сознания. В некоторых случаях ясно, что внезапное сообщение о смерти было бы слишком болезненным, и «ментальный фильтр» предохраняет реципиента, пропуская информацию постепенно. Реципиент никогда не осознает, что находится в контакте с умирающим человеком или с пребывающим в состоянии клинической смерти (эти случаи составят категорию встреч четвертого рода). История Марты Иган и

ее матери — один из примеров встреч третьего рода со смертью. Случай Уоллиса Эйбела, бывшего преподавателя связи, а теперь журналиста, — еще более яркий пример явления этого порядка.

История Уоллиса Эйбела хорошо документирована. Ее подтверждают члены семьи, врачи и медсестры, наблюдавшие за ним во время болезни, о ней имеется запись в картотеке госпиталя в Аризоне.

Около шести часов утра 30 августа 1975 г., менее чем через две недели после того, как Уоллису Эйбелу исполнилось сорок девять лет, он потерял сознание, находясь у себя дома. Он перестал дышать, работа сердца прекратилась. Его доставили в отделение реанимации госпиталя. Кардиолог доктор Марвин Гоулдстейн при помощи дефибриллятора вернул его к жизни. Эйбел пережил смерть, но ничего не рассказывает о своем первом соприкосновении с нею.

Затем рано утром во вторник 2 сентября, когда Эйбел продолжал пребывать в больнице, у него случился сердечный спазм. Медсестра дала ему лекарство, но спустя какое-то время Эйбел перестал реагировать на обращение. По словам одной из медсестер: «Он начал галлюцинировать. Мне казалось, что он ведет переговоры с Господом о своей жизни, утверждая, что еще не готов». Врачи пришли к выводу, что Эйбел умирает, и Ли, жена Эйбела, позвала священника пресвитерианской церкви доктора права Уилсона Килгора. Уоллис Эйбел ярко описывает эту встречу со смертью:

«Внезапно я ощутил тянущую боль в груди. Мой прозрачный двойник стремился оставить тело. Я узнал его сразу же. Но тело мое вроде бы отказывалось выпустить меня в виде облака. Мой двойник боролся, извивался, дергался. Вдруг я понял, что наблюдаю собственную борьбу за жизнь».

За семьсот миль оттуда дочь Эйбела, Клэра, двадцати одного года, шла по территории Техасского технологического университета на лекцию, начинавшуюся в 11 часов. Клэра рассказала нам:

«Внезапно я ощутила, что у меня нет времени идти на эту лекцию. И ни на какую другую в этот день. Это было нелепо, потому что в тот день у меня не было никаких других планов. Ощущение было настолько сильным и настолько странным, что ноги как бы сами понесли меня назад в общежитие. Голова была совершенно пуста. Когда я вошла в здание, у меня сразу появилось ощущение, что что-то нехорошо, но я не знала что. Затем я увидела группу девушек в дальнем конце коридора рядом с моей ком-

натой. Я почувствовала боль в груди, острую боль, дыхание стало неглубоким. Я помчалась по коридору и увидела, что на двери приколота записка с просьбой позвонить домой. Немедленно».

Клэра знала о первом сердечном приступе у отца, и хотя в записке на двери не было ничего определенного, она решила, что срочность звонка связана с состоянием отца. «Я думала, он умер», — говорит она.

Клэра позвонила домой, и соседи сказали ей, что отец жив, что ничего серьезного нет, но она должна немедленно вернуться домой. Это подтвердило ее худшие подозрения. «Теперь я была уверена, что он умер», — рассказывает Клэра. Поскольку она не могла улететь в Аризону раньше пяти, то сидела у себя в комнате и плакала. Тем временем в больнице у Уоллиса Эйбела было два разных видения:

«Пейзаж возник, как на слайде. Мне казалось, что я плыву на спине по тихому озеру. Потом я — довольно близко от берега, где стоит мое семейство и скорбно смотрит на меня. Я пробую рукой дотянуться до них. Они тоже протягивают руки, но наши руки не могут соприкоснуться. Это кажется безнадежным, и я опускаю руку. Больше всего мне хотелось коснуться моей дочери Клэры, которая мне всегда была ближе других.

Пейзаж внезапно изменился, превратившись в долину, затем в другую. То, что теперь я вижу на расстоянии руки, гораздо более привлекательно, чем предыдущее. Я ощущаю возбуждение, заставляющее меня подойти ближе и посмотреть. Одной ногой я уже ступил в ворота. Желание шагнуть другой раз было настолько сильным, что я не мог ему сопротивляться. Я как раз собирался шагнуть, но в сознании сверкнула молния: если я сделаю еще шаг, то не из любопытства или странного побуждения. Каким-то образом я догадался, что обратного пути не будет.

Меня охватило ощущение, что я пережил нечто редкое, увидел то, что мало кому удастся. Я видел то, что находится за пределами жизни, и осознание этого поразило меня».

В этот момент Эйбел открыл глаза и воскликнул: «Где Клэра? Я не могу уйти без Клэры!» Глаза его обежали комнату. В ногах постели стояли его жена Ли, младшая дочь Стейси, пятнадцати лет, и самая старшая, двадцатитрехлетняя Викки. Клэры не было. «Клэра — моя копия, — рассказывал Эйбел весной 1977 г., — по взглядам, темпераменту, манерам. Мы с ней настолько близки, что в детстве она произносила какие-то фразы или делала замечания, которые были просто цитатами моих мыслей в том же возрасте. Многие из них я совершенно не помнил, пока вновь не услышал от нее».

Клэра в свою очередь тоже ощущала себя необычайно близкой отцу. В колледже она сначала хотела избрать другую

специальность, не отцовскую (массовая коммуникация), но в конце концов пришла в эту область. «Мы совершенно одинаковы во всех отношениях», — замечает она.

Через час полета самолет из Эль Пасо, на котором летела Клэра, приземлился в аэропорту Скай Харбор. Друзья отвезли ее в больницу. Увидев Клэру, отец тихо сказал: «Привет, дорогая, как я рад видеть тебя». Затем он впал в полубессознательное состояние. «На меня снизошел покой», — вспоминает Эйбел. Сутки спустя он был вне опасности. Сейчас Уоллис Эйбел уверен, что каким-то образом, пока он был без сознания, находился в контакте с дочерью.

Клэра же считает, что ее странное поведение в то сентябрьское утро было вызвано сигналом тревоги, посланным ее отцом.

Духовная связь между членами семьи или любящими хорошо известна. Естественная близость отношений служит как бы мостом для телепатического контакта. Этот контакт бывает сильнее всего на двух полюсах жизни — в моменты рождения и смерти. В ходе одного выдающегося эксперимента, проведенного в родильном доме в Москве, матерей содержали в отдаленном крыле здания. Мать не могла услышать плач своего ребенка и никаким образом не могла знать, когда врач осматривает детей. Но когда ребенок плакал, пока у него брали кровь, у матери наблюдались явные признаки беспокойства. Советское исследование подтверждено многочисленными случаями телепатии между матерью и ребенком. Один из самых драматических обнаруженных нами примеров связи матери и ребенка тоже относится к встречам со смертью третьего рода.

В марте 1959 г. Мишел Хозер, пятидесятипятилетняя домохозяйка, теперь живущая во Флориде, тяжело заболела гриппом. Три дня у нее держалась высокая температура, и она вынуждена была оставаться в постели. Для удобства постель устроили в гостиной дома Мишел в Нью-Йорк Сити. Ее дочь Конни, двенадцати лет, лежала в постели на верхнем этаже; внезапно у нее возникло ощущение, что мать сейчас умрет. Чтобы заговорить с матерью, она попросила воды. Мать принесла ей воду. Конни рассказывает: «Я знала, что когда она спустится по лестнице, то умрет. Но я так перепугалась, что даже не поговорила с ней».

Миссис Хозер вернулась в гостиную и снова легла на кушетку. Ее муж в эту неделю работал в ночную смену. Совершенно неожиданно она вдруг почувствовала, что сейчас умрет. Затем она оказалась вне своего тела.

«Я видела себя. Вдруг я ощутила, что взмываю в воздух. Я летела все быстрее и быстрее. Пространство казалось темным, но не черным. Это не походило ни на что. Мне никогда не найти верных слов, чтобы описать пространство, где я пролетала.

Пространство вокруг смерти удивительное. Я не чувствовала, как идет время. Я лишь ощущала, что движусь навстречу чему-то. Чему именно, я не знала. Звуков не было вообще. Это было странное переживание, а еще страннее было то, что оно мне нравилось. Оно определенно было приятным. И мне нисколько не было страшно. Мельком я взглянула на себя, лежащую в постели, и до сих пор помню, как сияли белые простыни. Вдруг я подумала о своих трех детях».

Больше всего ее тревожило то, что она должна оставить детей. Кроме Конни в семье было двое младших сыновей. Мишел воскликнула: «Боже, прошу тебя, ведь муж мой протестант, а я католичка, оставь мне жизнь, чтобы я могла вырастить детей католиками». Она трижды повторяла эту мольбу и на третий раз услышала ответ: «Ты можешь на некоторое время остаться. Сейчас 4.25, и кто-нибудь другой должен будет занять твое место». Она почувствовала себя спасенной. «Затем вдруг раздался оглушительный хлопок, как будто меня шлепнул великан,— врач говорит, что это моя душа вернулась в тело». Очнувшись, она взглянула на часы, стоявшие у кровати: было 4.25 утра. Потом она заказала заупокойную мессу в память того, кто умер вместо нее.

Пока эти события происходили, вот что было с Конни:

«Мысленно я видела, что мама умирает. Я видела, как она поднимается над своим телом, лежащим на постели. Я была испугана и знала, что ничем не могу помочь. Ее дух взмыл к потолку гостиной. Я пробовала изгнать из мыслей ее облик, но ничто не могло стереть его. Ее дух исчез, и я два часа лежала, боясь, что если спущусь вниз, то увижу там мамин труп».

Прошло десять лет, прежде чем Конни и ее мать в разговоре упомянули о том, как пережили ту ночь. Когда же они заговорили о тех событиях, то были изумлены сходством обеих историй. Миссис Хозер рассказала нам: «Похоже, что Конни действительно присутствовала при том, что происходило со мной. Она описала все, что со мной было, и почти все, что я чувствовала. Это было первое и единственное явление такого рода, происшедшее между нами».

Связь между матерью и ее ребенком особенно сильна. Мы знаем, что физическая связь всеобъемлюща; в сокровенности чрева плод соединен с матерью.

Новая жизнь зависима во всех отношениях. Химические реакции в теле матери, ее диета, привычки к курению или к выпивке, короче, образ жизни — все формирует будущее дитя. Даже темперамент матери во время беременности неуловимо влияет на формирование ребенка. Кроме этой очевидной физической связи, по словам парапсихологов, неоспоримо существует психическая связь. Философ Анри Бергсон называл ее «особым взаимопо-

ниманием матери и ребенка». Врачи обычно отмечают это особое взаимопонимание, ученые стремятся измерить его, а все матери его испытывают.

Ученые полагают, что способность к телепатическому общению врожденная. Но, как правило, этот тонкий, деликатный способ общения заслонен повседневной активностью наших чувств. «Возможно, мы ежедневно получаем множество телепатических сообщений от друзей и родных,— говорит Чарлз Хонотон, руководитель медицинского центра в Бруклине, ведущего учреждения по психическим исследованиям.— Но сообщения не производят сильного эмоционального воздействия, так как никогда не проникают в область сознания. Обычно пробиться может какое-либо травматическое событие». Если это верно, неудивительно, что сообщения о смерти достигают цели. Наряду с рождением смерть — наиболее травматическое событие в жизни. Мишел Хозер и ее дочь Конни разрушили психокоммуникативный барьер, только когда одна из них оказалась буквально на смертном одре. Лишь тогда сообщение преодолело шум обычных чувственных раздражителей.

Доктор Бертолд Шварц, психиатр из Нью-Джерси и бывший стипендиат отдела психиатрии Мей-фонда, глубоко заинтересовался особым духовным общением родителей и детей. За последние десять лет он зарегистрировал более полутора тысяч случаев общения близких людей. Не все случаи содержат сообщения о смерти, но несколько есть; доктор Шварц пробовал выделить менее уловимые сообщения, которые существуют, но часто проходят незамеченными. Он исходил из посылки, что если мы можем осознать одни сообщения, то действительно важно, чтобы и другие могли быть замеченными.

Согласно доктору Шварцу, большая часть моментов телепатии родители—дети проходит незамеченной в контексте повседневного опыта. Шварц и его жена Ардис не хотели пропустить возможное телепатическое общение в собственном доме, поэтому они решили заняться внимательным изучением действий своих детей, Эрика и Лайзы. «С течением времени,— говорит доктор Шварц.— жена и я научились распознавать, что действительно происходит в нашей семье на невербальном, подсознательном, телепатическом уровне». Это легло в основу книги доктора Шварца «Телепатия детей и родителей». Вот какой случай произошел за неделю до рождества:

«Я хотел на важном письме сделать пометку «1-й класс», но был несколько сбит с толку, не найдя на своем письменном столе красного фломастера. Мои поиски не увенчались успехом. Я подумал: «Наверное, Ардис брала его для рождественских открыток и не положила на место». И в этот момент трехлетний Эрик прибежал вниз, в мой кабинет: «Папа, вот красный фломастер!»

Отдельно этот случай, разумеется, не значит ничего. Совпадение, скажем мы. И вот это как раз точка зрения, которую доктор Шварц старается избежать. Случай, говорит он, легко проглядеть или принять за простое совпадение, но это затемнит его значение, потому что, когда доктор Шварц и его жена начали скрупулезно записывать такие, на первый взгляд обычные случаи, они обнаружили, что Эрик довольно часто предвосхищает их желания. Однажды Ардис, находясь наверху, в своей спальне, решила повесить картину в кухне, там, где висел календарь. Она спустилась вниз с картиной в руке, вошла в кухню и обнаружила, что Эрик забрался на стул и снимает со стенки календарь. Когда она спросила сына, почему он это сделал именно сейчас, он не смог ответить. Доктор Шварц подчеркивает, что каждый случай сам по себе незначителен, что если бы не был записан, то стерся бы из памяти раньше, чем произошел другой. Но записанные, собранные вместе, они явно наводят на мысль, что Эрик обладает телепатическими способностями читать иногда мысли родителей. Если так много обычных сообщений доходят до нас хотя бы на подсознательном уровне, то, конечно, доходят и важные. Доктор Шварц полагает, что, если мы заставим себя осознать тонкие телепатические сообщения, как сделали они с женой, тогда, если придет серьезное сообщение, нам будет легче принять его и отделить от повседневной суеты. Для открытого, воспринимающего разума такое сообщение, как сообщение о смерти, конечно, легко будет доступно. То, что это случается так редко, может служить мерилom нашей нечувствительности или нежелания испытать что-либо неприятное.

Мы обнаружили, что люди, имевшие встречи со смертью, обладают различными точками зрения по этому поводу. Например, Уоллис Эйбел считает, что в отдаленном прошлом ОВТ послужил нашим предкам для создания исходных представлений о духах и небесах. «Если вы хоть однажды пребывали вне тела и пережили смерть,— говорит он,— немыслимо, чтобы это оставило вас равнодушным». Эйбел думает, что воскресение Иисуса Христа могло походить на сегодняшние встречи со смертью (встречи четвертого рода, поскольку Иисуса видели его апостолы). Сознание человека, говорит Эйбел, длится и после того, как признаки жизни тела исчезают; поэтому врачам следует выжидать по меньшей мере сорок восемь часов, прежде чем посчитать человека мертвым и положить его тело в холодильную камеру. «Может быть, мы приканчиваем каждый год тысячи людей, которые не полностью или не окончательно мертвы,— говорит Эйбел.— Люди, которых можно вернуть, если врачи приложат немножко больше усилий, люди, которые осознают, что их тело сочтено мертвым и что врачи отступились от них». Это реально существующая страшная перспектива, мы рассмотрим ее в части II.

Случай Уоллиса Эйбела — прекрасный образец встреч третьего рода со смертью. Сначала его дочь Клэра лишь смутно чувствовала, что произошло нечто ужасное. Для талантливого медиума Инго Суонна сообщение о смерти также не было понятным. В 1964 г. Суонн шел по Салливан-стрит в Гринвич-Виллидже. Был ясный солнечный день. Вдруг Суонн почувствовал слабость и ощутил боль в левой части головы. Он упал и, порвав брюки о тротуар, содрал левое колено. «Я не был без сознания, — говорит он, — но как пьяный, в тяжелом полубеспамятстве. Когда я пришел в себя, то решил, что умер кто-то из близких родственников. Но не мог сообразить кто. Поскольку старейшей в семье была бабушка, я, естественно, подумал, что она».

Несколько часов спустя Суонну позвонили из Уэст-Коаста. Его отец умер от удара. Суонн верно понял — смерть, но даже его чувствительная психика оказалась не в состоянии уловить, кто же именно умер. У случая с Суонном существует еще один аспект. Удар произошел в левом полушарии мозга отца Суонна — с той стороны, где Суонн почувствовал резкую боль. Впоследствии из разговоров с членами семьи Суонн узнал, что отец упал и сильно повредил левое колено — то же, что и Суонн.

Инго Суонн не видит в этом случае ничего необычайного. Он считает естественным, что несчастье с отцом сообщилось ему. Если его что и удивляет, так это то, что он не сумел понять сообщения более ясно. После этого у Суонна состоялось собственное *rendez-vous* * со смертью, которое он нашел поразительно похожим на многие ОВТ, в которых он пребывал по желанию, для исследований, проводимых учеными. Встреча Суонна со смертью произошла в 1972 г. в Пало-Алто, в Калифорнии. У Суонна была небольшая инфекция, и местный врач сделал ему укол пенициллина. Раньше у него никогда не было аллергической реакции на это лекарство, но в этот раз укол вызвал шок. Суонна привезли в Медицинский центр Пало-Алто, и по прибытии он был признан мертвым. В течение двадцати минут врачи прилагали все усилия, чтобы оживить его. Поскольку Суонн часто странствовал вне тела, его не смутил вид собственного трупа. Он не знал, смогут ли врачи воскресить его, но и это его не беспокоило. Он не боялся смерти. Аналитический ум Суонна воспользовался уникальной возможностью сравнить состояние клинической смерти и прошлые ОВТ. Сейчас Суонн утверждает, что «сходство действительно поражает», но предупреждает: «нельзя утверждать, что оба эти состояния идентичны». Зрительное восприятие у Суонна было в обоих случаях одинаковым. Он обнаружил, что может по желанию перемещаться, наблюдая все сверху, «с потолка» совершенно

* Свидание (фр.).

так же, как при ОВТ, и обладает той же подвижностью. «Стоит только пожелать оказаться где-нибудь, и ты уже там»,— говорит он. Но Суонн считает, что эмоции, которые испытывают люди во время клинической смерти, в большой степени зависят от их отношения к жизни. «Мне не было страшно ни на какой стадии смерти,— говорит он,— но ведь я начиная с самого детства сотни раз находился вне тела».

Суонн совершенно уверен, что ОВТ представляет собой репетицию окончательной смерти, что чем больше мини-смертей испытает человек, тем легче будет для него последняя смерть. Как мы увидим, это мнение подтверждается некоторыми недавними научными исследованиями.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ

Случалось ли вам когда-нибудь чувствовать, что кто-то из знакомых скоро умрет, а затем ваше предчувствие подтверждалось? Думали ли вы о чьей-либо смерти, а потом обнаруживали, что эта мысль оказалась правдой? Если да, то, возможно, вы были участником встречи третьего рода со смертью. Их существование, а также свидетельства, которые мы рассмотрим в предыдущей главе, поднимают важный вопрос: не является ли способность предсказывать смерть врожденной, хотя по большей части скрытой, способностью человека?

В декабре 1970 г. Линда Уилсон, домохозяйка и мать из Нью-Джерси, пришла к соседям на рождественский обед и тут же почувствовала что-то неприятное. «Я ощутила «запах» смерти,— рассказывает она.— Я все время чувствовала, что ноздри что-то леденит, как если бы я оказалась на улице в мороз». Она сочла запах отвратительным, перекрывшим благоухание рождественской елки и вкусной еды на столе в столовой. У мужа соседки, пригласившей Линду на обед, была болезнь Паркинсона, но никто, не исключая и его врачей, не ждал его смерти. (Сама болезнь, как правило, не смертельна.) Линде Уилсон праздничный обед в тот день не принес радости. «Я весь вечер не сводила глаз с Питера [больного мужа]. Это было безумием, но меня не оставляла уверенность, что он скоро умрет. Он ел с волчьим аппетитом, и румянец у него был во всю щеку, но, как только я бросала на него взгляд, меня била дрожь. Ничего подобного со мной до этого не случалось». Через неделю Питер заболел пневмонией. Через пять дней он умер. Действительно ли Линда ощущала запах смерти? Пахнет ли смерть?

Нам говорили, что смерть можно увидеть. Один известный экстрасенс рассказывал, что видел смерть, стоя на одном из верх-

них этажей небоскреба, дожидаясь лифта. Когда лифт пришел и дверь открылась, он ужаснулся. У всех четырех пассажиров лифта не было ауры. В лифт вошел еще один человек, и тут же его свечение исчезло. «Это знак смерти,— говорит экстрасенс,— я хотел сказать, чтобы они вышли и подождали другого лифта, но знал, что никто не послушается». Дверь закрылась, и кабина лифта пролетела двадцать два этажа, убив пять человек, находившихся внутри. По каким-то таинственным причинам не сработал аварийный тормоз.

Существуют свидетельства, что некоторые звери могут чувствовать смерть. Розали Абрью, которая первой начала разводить шимпанзе в неволе, рассказала нам случай, касавшийся смерти самки из ее коллекции. В тот момент, когда в закрытом помещении умирала шимпанзе, ее самец, который был в парке, принялся пронзительно кричать. «Он кричал долго, оглядываясь вокруг, как если бы о чем-то знал, и потом, когда умирал другой шимпанзе, он вел себя точно так же. Он кричал, кричал и кричал. И он смотрел. Нижняя губа у него отвисла, как будто он видел то, что недоступно нам. Его крик был совсем не похож на то, что я слышала обычно. От него сыла кровь».

Как стервятники обнаруживают умирающее животное? Мы знаем, что гиены и шакалы бывают привлечены к месту, где находится умирающее животное, звуками и запахами. «Но стервятники, кажется,— говорит биолог Лайл Уотсон,— воспринимают какой-то другой сигнал и обнаруживают даже спрятанный труп с невероятной точностью». У стервятников действительно превосходное зрение, обусловленное строением сетчатки, что дает им возможность уловить малейшее отдаленное движение. Как только один стервятник обнаружит пищу, другие тут же слетаются на тризну. Но иногда этим нельзя объяснить их появления. Уотсон утверждает: «Я видел стервятников, которые прилетают в темноте и сидят, как терпеливые участники похоронной процессии, вокруг подстреленной антилопы, хотя в этом случае вокруг не было питающихся падалью животных, чтобы привлечь их внимание». Он приходит к выводу, как и многие ученые-психологи, что умирающий организм может подавать довольно мощный сигнал, если подвергся внезапному и жестокому нападению.

Работа Клива Бакстера о том, что он называет «первичным восприятием» у растений, широко известна, и стоит остановиться на одном из самых захватывающих его экспериментов. Бакстер — специалист по записывающим устройствам при детекторе лжи и в то же время вызывающий споры исследователь. Как один из ведущих авторитетов в области применения детектора лжи для изучения поведения, Бакстер в 1964 г. был вызван для дачи показаний в конгрессе о применении записывающих устройств

в правительстве. В настоящее время он является директором своей собственной школы в Нью-Йорк Сити, где повышают квалификацию офицеры, проводящие в жизнь законы о применении печатных устройств.

Утром 2 февраля Бакстер сделал случайное открытие, занимаясь обычной работой среди офицеров своей школы близ Таймс Скуэр. Он обнаружил, что растения, подключенные к детектору лжи, очевидно, чувствуют, когда он приближается к ним с намерением причинить вред. Казалось, они читали его мысли.

Начались месяцы исследований. В одном из экспериментов три филодендрона были расставлены по трем отдельным комнатам. Каждый был подсоединен к пищащему устройству, и комната была запечатана. В отдельной комнате на огне стояла большая кастрюля кипятка. Было сконструировано устройство, запрограммированное так, чтобы сбросить в произвольно назначенное время в кипящую воду большое количество живых океанских креветок. В комнатах, где стояли растения, не было никого, и никто не знал точно, когда креветки будут заживо сварены. Предыдущие эксперименты убедили Бакстера в том, что растения реагируют на человеческую мысль; теперь его интересовало, существует ли общение между всеми живыми существами. Ответят ли растения на массовую гибель креветок?

Опыт повторялся семь раз. В пяти случаях из семи, после того как креветки были брошены в кипяток, пищащие устройства зарегистрировали сильные проявления активности. Бакстера интересовало следующее: «Может ли быть, что, когда умирает живая клетка, она посылает сигнал другим живым клеткам?» Теперь, после семи лет экспериментов, он уверен в ответе. «Я сказал бы так: любой живой организм, который внезапно убивают, обязательно посылает сообщение. Более постепенное умирание включает в себя приготовления к смерти, и мы обнаруживаем, что в таком случае реагирует мало растений или они не реагируют вовсе». Если это отнести также и к смерти человека, то внезапная, случайная, насильственная смерть должна быть одной из наиболее часто воспринимаемых друзьями и родными.

Позже Бакстер обнаружил, что его растения «сочувствуют» не только погибающим креветкам, но реагируют на все виды жизненных форм. Они очень сильно реагировали на разбиваемое в комнате яйцо. Это дает возможность полагать, что растения осознают все жизненные проявления и что, когда эти жизненные проявления гибнут, они посылают сигналы во всех направлениях — сигналы, которые могут быть приняты восприимчивыми реципиентами.

Очевидно, именно это произошло с двумя близнецами-близняшками Бобби Джин и Бетти Джоу Эллер из Перли в Северной

Каролине. С самого рождения девочки были неразлучны настолько, что они не стали в полной мере личностями. Бетти Джоу была тенью своей сестры во всех отношениях — в мыслях, желаниях, действиях. Стоило Бобби Джин заболеть, как заболела ее сестра.

Вскоре после окончания близнецами школы родители заметили, что характер Бобби Джин и Бетти Джоу начал меняться. Бобби могла часами сидеть, уставившись в пространство, отказывалась разговаривать с кем бы то ни было. И, как обычно, через некоторое время сестра начала вести себя столь же странно. Девочки, глубоко привязанные друг к другу, продолжали все дальше уходить от внешнего мира. Они не выходили из своей комнаты и прервали общение с друзьями и семьей. В январе 1961 г. Бобби и Бетти были помещены в Бронтонскую государственную психиатрическую больницу в Моргантауне, где был поставлен диагноз — шизофрения. Целый год их держали на лекарствах и применяли интенсивную психиатрическую терапию. Но никто не мог проникнуть в их мир. В 1962 г. врачи решили разделить сестер и поместили их в противоположных крыльях здания. Они не должны были контактировать друг с другом. Врачи надеялись, что психическая изоляция сможет разрушить странную связь между сестрами.

В течение нескольких недель казалось, что это может получиться. И вот однажды весенним вечером у Бобби случился кататонический припадок. Вскоре после полуночи старшая медсестра обнаружила, что она умерла. Отдавая себе отчет в необычайной близости девочек, в тревоге за Бетти Джоу она позвонила в ее отделение. Бетти Джоу была найдена на полу мертвой. Обе девочки лежали, свернувшись, в позе эмбриона, обе на правом боку.

Доктор Джон С. Рис из Общества патологоанатомов Северной Каролины провел вскрытие и исключил возможность самоубийства. Оставив незаполненной графу «причина смерти» в бланках свидетельств о смерти, он сказал: «Я не нахожу видимых свидетельств травмы или болезни, которые могли бы повлечь за собой смерть». Как обычно в жизни, так и в смерти Бетти Джоу последовала за сестрой. Ученые-психиатры, изучавшие этот случай, были вынуждены признать, что первая смерть, смерть Бобби Джин, была почувствована ее сестрой, которая сразу же утратила желание жить.

Случай с сестрами из Северной Каролины неединичен. В Джефферсоновском медицинском колледже в Филадельфии доктор Томас Дуэйн, глава отделения офтальмологии, и доктор Томас Берендт занимались изучением вариантов биоритмики мозга большого количества близнецов-двойняшек. Каждого из близне-

цов помещали в отдельную комнату и обоим снимали электроэнцефалограммы — ЭЭГ. Дуэйн пишет в журнале «Сайенс», что, когда у одного из близнецов наблюдался альфа-ритм (от 8 до 12 герц), датчики ЭЭГ другого, находящегося в отдаленной комнате, регистрировали то же самое. Это же совпадение ритмов биотоков мозга наблюдается, даже когда близнецов помещают на разных этажах здания. Здесь нет особого телепатического общения между близнецами; синхронизация ритмов происходит совершенно естественно на подсознательном уровне. Исследователи полагают, что близнецы могут быть предрасположены к телепатии из-за большого сходства строения их центральной нервной системы и мозга. Генетическая общность близнецов, как известно, служит причиной появления сходных морщин, седины, лысины, разрушения одних и тех же зубов и даже одновременного появления раковых заболеваний. Это объясняет наблюдающуюся у близнецов тенденцию умирать в одном возрасте.

Существуют свидетельства, что смерть можно не только предвестить, но и предсказать. Даже за несколько месяцев. В последние годы ученые изучают возможность предсказания смерти задолго до какого-либо физического признака — худобы или бледности. Один психолог из Чикагского университета после серьезных занятий возрастной психологией обнаружил, что у стариков появляются различные психологические изменения примерно за год до их конца.

Доктор Мортон Э. Либерман из Прайтзкерской медицинской школы начал поиски психических знаков приближения смерти после беседы с одной медсестрой. Она утверждала, что может предсказать смерть своих пациентов в частной лечебнице примерно за месяц, потому что, как она выразилась, «они начинают вести себя по-другому». Доктор Либерман заинтересовался настолько, что занялся исследованием.

В ходе исследования, продолжавшегося три года, доктор Либерман предложил тщательно разработанные тесты восьмидесяти мужчинам и женщинам в возрасте от шестидесяти пяти до девяноста одного года, не страдавших никакими физическими или умственными заболеваниями ко времени начала исследования. За год после окончания исследования сорок человек испытуемых умерли. Доктор Либерман сравнил результаты тестов умерших и тех из оставшихся в живых, которые жили в среднем на три года дольше. Он обнаружил, что у тех, кто умер в течение года, был более низкий уровень приспособляемости к действительности, меньше энергии, многие их психологические тесты свидетельствовали о различиях. Например, они давали плохие результаты в так называемых тестах проверки «когнитивной функции», таких, как

возможность заучить пары не связанных между собой слов, и были менее склонны к самоанализу, чем члены другой группы. «Те, к кому приближается смерть,— объясняет Либерман,— избегают самоанализа, боясь, что заметят ее». Ряд утверждений, из которых исследуемые доктором Либерманом выбирали то, что, по их мнению, характеризует их,— показал, что у тех, к кому приближается смерть, отсутствовала настойчивость и агрессивность, они были более покорны и зависимы по сравнению с другими. Наконец, у тридцати четырех из сорока умерших за год проявилось осознание — как правило, на подсознательном уровне — приближающейся смерти. Когда им показывали серию изображений стариков в различных ситуациях и просили рассказать о нарисованном, эта группа обнаруживала тенденцию либо напрямую описывать случаи смерти (например, спасение утопающего), либо отвлеченно — наподобие таинственных путешествий в неизведанные края. Это говорит о том, что умирание гораздо более длительный процесс, чем считают врачи.

Доктор Либерман полагает, что психологические изменения, проявляющиеся у стариков, показывают, как приближение смерти соотносится с физическим процессом умирания. Возможно, говорит он, «это сигналы тела, которые получают ментальное выражение». Иногда у самих пациентов обнаруживается предчувствие смерти. «Несколько пациентов говорили мне: «Я не проживу года»,— рассказывает доктор Либерман,— и они оказались правы». Однако у всех знание о надвигающейся смерти могло существовать на подсознательном уровне. Доктор Либерман считает, что, если кто-то из тех, чья смерть была близка, позволял себе самоанализ, он мог воспринять зов смерти. Вполне возможно, что после соответствующей тренировки мы сможем научиться узнавать за годы или за месяцы момент собственной естественной смерти.

Медсестра, которая заинтересовала доктора Либермана изучением психологии старения, была в состоянии понять малозаметные изменения в настроении и поведении своих подопечных, хотя она не отдавала себе отчета в том, как она может так точно предсказывать смерть. Но экстрасенсы более чувствительны к этим и другим изменениям, возвещающим смерть. В автобиографии под названием «За гранью совпадения» экстрасенс Алекс Тану приводит многочисленные случаи, когда он точно предсказал смерть вполне здорового человека за недели или за месяцы. Занимаясь чтением ауры, Тану посоветовал молодой женщине из Грея, Мейн, не выходить замуж за человека, с которым она была помолвлена: у него почти отсутствовала аура. «У меня не хватило духа сказать ей, что он на пороге смерти»,— пишет Тану. Несколько недель спустя эта женщина написала Тану: «Вы сказали

мне в ответ на вопрос о человеке, сопровождавшем меня, что не видите будущего для меня с этим человеком. Его нашли умершим от сердечного приступа рядом с кроватью в воскресенье утром. Искренне ваша Флоренс Уилсон».

В другой раз Тану написала женщина о плохом самочувствии мужа. «Что вы видите в будущем для него?» — спрашивала она. «И в этот раз, — отвечает Тану, — я видел смерть. И поскольку женщина так прямо задала мне вопрос, я решился ответить ей также прямо. Я написал ей, что у ее мужа рак мозга и от этого он умрет». Впоследствии эта женщина написала Тану: «Относительно вашего предсказания о злокачественной опухоли у моего мужа, которая, по вашему мнению, должна была повлечь за собой его конец. Спустя восемь месяцев после вашего предсказания мой муж умер от рака легких и мозга. Искренне ваша миссис Эленор Д. Марри, Южный Портленд, Мейн».

Сотни врачей и медсестер сообщали, что видели «призраки», «дымку», «облачка» и «разноцветный свет» вокруг тела человека в момент его смерти. Существуют также более тонкие предвестники смерти — физические, психологические и психические. Доктора Уильям Грин, Сидни Голдстейн и Артур Мосс из Рочестера, штат Нью-Йорк, изучали истории болезней внезапно умерших пациентов. Данные показывают, что большинство этих пациентов находились в депрессивном состоянии от недели до нескольких месяцев перед внезапной смертью. В статье в «Акайвз ов Интернал Медисин» доктора утверждают, что депрессия может быть вызвана гормональными изменениями, она готовит центральную нервную систему к тому, чтобы принять смерть. Что прежде всего ведет к депрессии? Возможно, депрессия у них происходила от осознания, хотя и периферийного, что они скоро умрут.

Один человек пятидесяти пяти лет долгое время работал в Истмен Кодак плант в Рочестере, штат Нью-Йорк, и всегда был довольно неорганизованным и безответственным и в том, что касалось работы, и в том, что имело отношение к семье. Как-то летом он начал приводить все в порядок и на работе и дома. Он был просто помешан на этом. Он чувствовал себя угнетенным, но физически здоровым, однако он дважды проверил свою страховку, выплатил просроченные счета, написал друзьям, с которыми не общался в течение нескольких лет, и закончил всю деловую переписку. Вскоре после завершения этих трудов он умер от сердечного приступа. Оглядываясь назад, жена покойного понимает, что он что-то знал о приближении смерти. Если собрать свидетельства врачей, окажется, что депрессия, наблюдаемая ими у всех пациентов, не служит причиной смерти, а представляет собой результат предчувствия смерти.

Глубокая депрессия другого вида является одной из пяти «стадий умирания», по определению танатолога доктора Элизабет Каблер-Росс. Случай Мери Спаркс, деловой женщины из Флориды, дает иллюстрацию пяти стадий доктора Каблер-Росс.

Мери Спаркс чувствовала, что скоро умрет. Она не знала, появилось у нее это ощущение до или после того, как она впервые заметила бугорок под правой грудью. «Я выбросила из головы мысль об этом», — рассказывала она своей двадцатипятилетней дочери Кати незадолго до смерти. Мери так успешно вытеснила свой страх смерти, что больше года не обращала внимания на бугорок, который, как она подозревала, рос. Когда опухоль была предположительно диагностирована как злокачественная и радикальная мастэктомия не смогла воспрепятствовать распространению рака, Мери разрешила себе умереть. Но не сразу. Сначала она прошла фазы «отрицания», «гнева», «сделки», «подавленности» и «принятия».

Отрицание — первая реакция умирающего: «Нет, не я». Это, по словам доктора Каблер-Росс, типичная реакция. «Это позволяет пациенту собраться и со временем прибегнуть к другим, менее радикальным способам защиты.

Отрицание в конечном счете ведет к глубокому *гневу*: «Почему я?» Пятидесятипятiletний зубной врач, умирающий от рака, говорил доктору Каблер-Росс: «Старик, которого я помню с детства, идет по нашей улице. Ему восемьдесят два года, и он не нужен никому на свете. И мне больно: почему это случилось не со старым Джорджем, а со мной?»

Гнев переходит в *сделку* — акт, который часто незаметным образом оттягивает момент исполнения приговора. Трудный пациент внезапно может стать общительным; он ждет вознаграждения за хорошее поведение, то есть продления жизни.

За фазой *сделки* пациент обычно впадает в глубокую *подавленность*. Эта стадия, по словам доктора Каблер-Росс, имеет положительную сторону: пациент взвешивает страшную цену смерти, готовясь расстаться со всем и всеми, кого любит.

Наконец, приходит *принятие*, когда осужденный пациент подчиняется приговору. Во время этой фазы некоторые начинают рассказывать о видениях, голосах, тоннелях и ярком свете — о том, что обычно видят люди в состоянии клинической смерти. Примерно за неделю до смерти Мери Спарк, рассказывая дочери о покое, который она испытывает, говорила: «Если бы я знала, что будет именно так, я бы приняла смерть с самого начала, а не сопротивлялась ей и не вела бы себя как ребенок».

Если бы Мери Спарк была пациентом доктора Каблер-Росс, ей рассказали бы сразу о пяти стадиях умирания. Еще важнее, ее уверили бы, что есть и шестая стадия — жизнь после смерти.

«Я знаю, что жизнь после смерти существует,— утверждает доктор Каблер-Росс,— у меня нет ни тени сомнения». Это сильное утверждение из уст одного из ведущих профессионалов в области изучения смерти и высоко ценимого специалиста. Как может доктор Каблер-Росс быть столь уверенной?

В начале 1970-х годов, уже проработав какое-то время в танатологии, доктор Каблер-Росс испытала свой первый ОВТ — как раз такого рода, как отделение от физического тела, совпадающее в точности с тем, какое бывает в состоянии клинической смерти. После напряженного дня, проведенного около восьми умирающих пациентов, доктор Каблер-Росс могла отдохнуть. Ее ОВТ начался спонтанно. Позже она не могла поверить женщине, находившейся в той же комнате и рассказавшей, что у нее был вид мертвой — ни дыхания, ни пульса. Зная об образах, характерных для клинической смерти, но будучи мало информированной в то время об исследованиях ОВТ, доктор Каблер-Росс принялась читать все, что было сделано в этой области.

Вскоре она посетила Роберта Монро в Виргинии. Доктор Каблер-Росс читала о его ОВТ в написанной им книге «Путешествия вне тела», и на нее произвели большое впечатление эксперименты с Монро доктора Чарлза Тарта из Калифорнийского университета. Применяя технику расслабления, Монро развивал свои способности и в то же время учил людей, как испытать ОВТ, и доктор Каблер-Росс научилась мгновенно. Однажды ночью в Верджинии, пытаясь заснуть, доктор Каблер-Росс испытала глубокое переживание:

«У меня было самое невероятное переживание за всю жизнь. Если попытаться сказать одной фразой: я прошла сквозь смерть каждого из тысячи моих пациентов. Я имею в виду физическую боль, затрудненное дыхание, агонию, мольбу о помощи. Боль не поддается описанию. Не было времени ни для мысли, ни для чего-либо другого, дважды мне удалось вздохнуть между двумя невыносимыми приступами боли. Я могла перевести дух лишь на долю секунды, и я молила — я думаю, что молила Бога — о плече, на которое могла бы опереться, о плече человека, и представляла мужское плечо, на которое могла бы приклонить голову.

И раздался громовой голос: «Тебе не будет дано». Именно так. И потом я прошла обратно сквозь агонию и оказалась в постели. Но я не спала, это не был сон. Я прожила каждую смерть каждого из моих умирающих пациентов».

Она продолжала умолять Господа помочь ей, и снова раздался голос: «Тебе не будет дано». Она была вне себя от ярости: «Я столько помогала людям, а сейчас никто не поможет мне». Этот взрыв ярости внезапно заставил ее понять, что она должна

делать это одна и никто не может ей помочь, и тут же ее страдания прекратились и заменились «самым невероятным опытом возрождения».

Опыт возрождения описан мистиками, медиумами и обычными людьми, но, возможно, никто до доктора Каблер-Росс не имел такого опыта и не проходил специальной тренировки. Она — проницательный наблюдатель, и следует рассмотреть ее странствие в подробностях, как она рассказывала о них в интервью Энн Нитске из «Хьюмен Бихевиор». Свет, как мы увидим, играет огромную роль в возрождении доктора Каблер-Росс.

«Это было так прекрасно, что не хватает слов для описания. Все началось с вибрации стенок моего желудка, я посмотрела — открытыми глазами, в полном сознании — и сказала себе: «Этого не может быть», я имею в виду, что анатомически, физиологически это было невозможно. Они вибрировали очень быстро. И затем все, на что бы в комнате я ни взглянула: мои ноги, шкаф, окно — все начинало вибрировать миллионом молекул. Все вибрировало с невероятной быстротой. А передо мной оказалось нечто, больше всего напоминавшее видом вагину. Я посмотрела на нее, сосредоточилась на ней, и она превратилась в бутон лотоса. И пока я рассматривала — во все растущем изумлении, — невероятно прекрасные цвета, запахи и звуки наполняли комнату, бутон раскрылся, превратившись в прекрасный цветок.

За ним вставал восход, ярчайший свет, какой можно себе представить, но он не резал глаза. И так как цветок раскрылся, явилась вся его полнота в этой жизни. В этот момент свет был открытым и полным, как будто все солнце сосредоточилось здесь, и цветок был открытым и полным. Вибрация прекратилась, и миллион молекул, включая меня, — это все было частью мира — слилось в одно. Я была частью этого. И под конец я подумала: «Мне хорошо, потому что я часть всего этого».

Позже доктор Каблер-Росс добавила: «Я понимаю, что это описание покажется безумным всякому, кто не пережил этого. Но оно наиболее близко к тому, чем я могу поделиться с вами. Это было так невероятно прекрасно, что, если я передала бы испытываемые ощущения как тысячу оргазмов сразу, сравнение оказалось бы очень отдаленным. Для этого, действительно, нет слов. У нас неподходящий язык».

Впечатление доктора Каблер-Росс было столь глубоко, что сохранялось в течение месяцев.

«На следующее утро я вышла на улицу, все казалось невероятным. Я была влюблена в каждый лист, в каждую птицу, даже в гравий. Я старалась ступать, не касаясь гравия. И я сказала гравию:

«Я не могу ходить по вам, чтобы не причинить вам вреда». Они были такие же живые, как и я, а я составляла часть всей этой живой Вселенной. Понадобились месяцы, чтобы я смогла описать все это хотя бы в какой-то мере подходящими словами».

Опыт доктора Каблер-Росс с тем, что мистики называют «космическим сознанием», только дал ей возможность предполагать, что жизнь после смерти существует, что есть длительность вещей не только в пространстве, но и во времени. Окончательно в существовании жизни после смерти ее убедил визит бывшей пациентки миссис Шварц, явившейся после своей смерти и похорон. Как рассказывает доктор Каблер-Росс о своей встрече четвертого рода со смертью, миссис Шварц явилась в полностью человеческом облике поблагодарить доктора за заботу и воодушевить ее на дальнейшую работу с умирающими. Сначала доктор Каблер-Росс решила, что галлюцинирует, но, поскольку присутствие миссис Шварц продолжалось, она попросила гостью написать несколько слов и подписаться. Записка находится сейчас у священника, который тоже принимал участие в миссис Шварц и который подтвердил подлинность ее почерка.

С тех пор доктор Каблер-Росс часто видит умерших пациентов и даже записала голос одного из них, Уилли. «Я понимаю, что это слишком,— замечает доктор Каблер-Росс,— и я вовсе не хочу, чтобы люди принимали все на веру. Я сама довольно скептична. Ученый во мне хотел, чтобы миссис Шварц подписала записку, хотя я знала, что это именно она посетила мой кабинет. И мне нужно было записать на пленку голос Уилли. Я слушаю его и иногда думаю, что все это — огромный невероятный сон. Меня не оставляет трепет и ощущение чуда».

Из-за своей «продвинутости» и рассказов о виденном мире доктор Каблер-Росс, которую ее коллеги одно время считали ведущим ученым в этой области, утратила у многих из них свой авторитет. Но доктор Каблер-Росс твердо держится своей веры в жизнь после смерти. Ее опыт, доказывающий длительность пространства, времени и материи, совершенно совпадает с тем, что Дин У. Р. Маттюз предлагает в качестве рабочего определения жизни после смерти. Его гипотеза, имеющая, очевидно, биологический смысл, гласит, что «центр сознания, существующий при жизни, не перестает существовать после смерти и поэтому опыт этого центра после смерти продолжает опыт прижизненный, подобно тому как если бы человек проснулся после недолгого сна».

Теперь мы подошли к тому, чтобы увидеть, что лучшие свидетельства жизни после смерти тела дают встречи четвертого рода со смертью.

ВСТРЕЧИ ЧЕТВЕРТОГО РОДА

Это были зрительные проявления. Они служат доказательством жизни после смерти — в случае, если вы принимаете их как свидетельства. И существуют довольно убедительные свидетельства, что мертвые могут вступать в общение с живыми. И наоборот.

Встречи четвертого рода со смертью могут происходить различными способами: парасенсорным слышанием: когда живой человек слышит голос находящегося в состоянии клинической смерти либо умершего; парасенсорным видением, когда человек видит образ умершего или умирающего; парасенсорным осязанием, когда человек ощущает щекою ледяное дыхание или мягкое прикосновение к руке или плечу человека умершего или в состоянии клинической смерти. Все эти явления засвидетельствованы. Мы рассмотрим все имеющиеся в настоящее время свидетельства, потому что общение с мертвыми недвусмысленно предполагает существование жизни после смерти.

Джефф Баркер — пятидесятипятiletний инженер телевизионной станции в Мидуэсте. Он страдал от малокровия и нуждался в периодических переливаниях крови. В феврале 1977 г. Джефф Баркер слишком долго дожидался переливания и впал в шоковое состояние. Он был доставлен в местную больницу без сознания около половины одиннадцатого вечера в пятницу.

Никто, кроме ближайших родственников не знал, что он попал в больницу и находится при смерти.

На расстоянии восемнадцати миль от больницы Шила Наулан, технический директор Эй-Би-Си, устроила себе вечерний перерыв, чтобы выпить кофе. Она шла из помещения для отдыха в дамскую комнату по четвертому этажу и ощутила в коридоре чье-то присутствие. Приглядевшись, она увидела Джеффа Баркера. Его появление встревожило Шилу. Во-первых, он не должен был дежурить в эту ночь; во-вторых, хорошенько рассмотрев его, Шила поняла, что это призрак. Несмотря на вполне понятный страх, она почувствовала себя заинтригованной тем, что Джефф был одет в зеленый больничный халат, в одном месте покрытый пурпурными брызгами. Призрак исчез так же быстро, как и появился, и Шила постаралась забыть о нем. Она устала после тяжелой работы, время было позднее... Несомненно, ей померещилось.

Джефф в конце концов пришел в себя и, явившись через несколько дней на работу, обсуждал с коллегой свою историю. Находясь без сознания, он совершил путешествие без тела. Вместо того чтобы отправиться домой к встревоженной семье, Джефф «по привычке», как он выразился, очутился на телевизионной студии. Он не видел Шилу, но вскоре, узнав о его удивительном случае, она рассказала ему о своем видении. Сначала Джефф

не воспринял всерьез ее рассказ, но когда она описала ему большую одежду и пурпурные брызги на ней, он убедился, что она действительно его видела. Брызги, как было известно Джеффу по его предыдущему опыту, попадали на одежду во время переливания, а на зеленом фоне кровь казалась пурпурной.

Довольно редко человеку случается видеть или слышать астральное тело, но гораздо реже случаи, когда три человека независимо друг от друга видят один и тот же дух. Двадцатишестилетняя Молли Чайлдз работала в Калифорнии под руководством психолога доктора Чарлза Гарфилда с умирающими пациентами. Ей был известен опыт со смертью других лиц, а в 1972 г. при аварии мотоцикла Молли пережила собственную встречу со смертью. Это была встреча первого рода, прекрасная, но чисто субъективная. Спустя четыре года умерла бабушка Молли. Несмотря на привычку к смерти, Молли тяжело пережила расставание с бабушкой. Однажды утром вскоре после бабушкиных похорон Молли сидела у себя в гостиной:

«Вдруг я поняла, что в комнате находится бабушка. Я знала, что она тут, и начала разговаривать с ней. Не вслух, мысленно. Она отвечала. Это трудно объяснить. Лучше всего сказать, что мы общались чувствами, как можно общаться с людьми, эмоционально очень близкими, — без слов, лишь ощущали чувства друг друга. Бабушка действительно пробыла здесь около пятнадцати минут».

Сначала Молли решила, что ее тоска по бабушке выразилась в галлюцинации, хотя и весьма убедительной. Но через несколько дней после этого случая она получила по письму от своих двух сестер. Каждая из них утверждала, что ее посетила бабушка. Ощущение было настолько сильным, что и та и другая испугались и почувствовали необходимость поделиться своими переживаниями с Молли. Обсудив визит бабушки к каждой из сестер, они пришли к выводу, что бабушка действительно посетила их в один и тот же день в различных частях штата. «Я читала, что после смерти человека, — говорит Молли, — его астральное тело может находиться неподалеку и посещать людей, которые были значимы для человека при жизни, пытаясь завязать контакт. Я верю, что так было и с бабушкой».

Несмотря на значительное число призраков мертвых, увиденных людьми, — даже множественное их явление, как в случае с Молли Чайлдз и ее сестрами, — ученые требуют более точных доказательств существования контактов с умершим. Если такую эфирную вещь, как астральное тело, можно увидеть человеческим глазом и услышать человеческим ухом, возможно, что голоса умерших могут быть записаны на магнитофон, а облик — сфотографирован? И ученые предложили использовать новейшую

фотографическую и звукозаписывающую аппаратуру для подтверждения контакта с умершими. По их собственному утверждению, результаты превзошли все ожидания.

Эксперименты проводились в период зарождения электроники. Кстати сказать, медиумы тоже пришли к выводу, что новейшая электронная аппаратура делает возможным получение сообщений с того света. Они ссылались на то, что в начале века отмечались случаи, когда аппараты Морзе самопроизвольно отстукивали сигналы, предупреждая о грядущем бедствии, а изобретение телефона привело к утверждениям, что в трубке слышны были голоса умерших родственников как помехи при большинстве разговоров. Радио также якобы приносило сообщения от мертвых, а в машинописном деле подобные явления отмечались со времени изобретения электрической пишущей машинки. Но наиболее впечатляющими были сообщения от духов, которые удалось записать на магнитофонную ленту. Поскольку методика записи не представляет трудностей, все большее число исследователей и неспециалистов пытается, и довольно успешно, зафиксировать неизвестные голоса на пленку. И как доказать, что это действительно голоса мертвых?

Все началось в 1959 г., когда Фридрих Юргенсон, художник и оперный певец, записывал пение птиц в лесу неподалеку от своего дома в Мельндаль, в Швеции. При проигрывании записи наряду с трелями и чириканьем Юргенсон услышал звучный мужской голос, сказавший по-норвежски что-то о «ночном пении птиц» или о «птичьих голосах ночи». Юргенсон был захвачен настолько, что решил сделать еще записи пения птиц, и обнаружил, несомненно, человеческие голоса, иногда голос своей покойной матери, предостерегающий: «Фридрих, за тобой наблюдают!» «Когда я услышал голос матери,— сказал семидесятилетний Юргенсон,— я убедился, что сделал важное открытие». На международной пресс-конференции Юргенсон проиграл свои записи, а в 1964 г. опубликовал на шведском языке книгу под названием «Голоса Вселенной», отражающую его четырехлетнее изучение феномена голосов. Его вторая книга — «Радиокontakt с мертвыми», опубликованная в 1967 г., была переведена на немецкий и в какой-то момент прочитана психологом, латышом по национальности, доктором Константином Раудивом. Потрясенный перспективой общения с мертвыми, но в меру скептический, доктор Раудив посетил Юргенсона и изучил его методику записи. Он вскоре овладел ею, и при помощи уже своих записей, которые удивительно просты, он привлек внимание всего мира к феномену голосов книгой «Открытие», в которой приводит часть полученных им сообщений двадцати семи тысяч различных голосов. В Соединенных Штатах и Англии записанные на пленку голоса известны как

«голоса Раудива», и инженеры-электронщики, ученые и медиумы подвергали Раудива самым жестким проверкам, пытаясь обнаружить источник его голосов.

Раудив никогда не сомневался в том, что слышит мертвых, потому что многие голоса называли свое имя и заявляли, что находятся в другом измерении бытия. Правда, наряду с голосами, записанными на более сложной современной аппаратуре, «голоса Раудива» заметно отличаются от обычной человеческой речи по высоте тона, тембру и силе. А их мягкий, неправильный ритм часто дает особые модуляции. Раудив говорит об этом: «Конструкция фразы подчинена законам, коренным образом отличным от правил обычной речи, и, хотя голоса, кажется, говорят так же, как и мы, анатомия их речевого аппарата должна отличаться от нашей».

Раудив полагал: тот факт, что голоса слышны и мы можем понять речь, хотя иногда с трудом, подтверждает их физическое, независимое существование. Самая строгая проверка была произведена незадолго до смерти Раудива.

Многие видные ученые и эксперты-электронщики подвергли анализу тысячи записей, сделанных Раудивом. Ни у кого не было сомнений в том, что звуки существуют,— вопросы относились только к их источнику. Большинство инженеров были убеждены, что голоса — это случайно уловленные волны радио и телевидения. Чтобы разрешить сомнения, несколько ученых в марте 1971 г. решили записать «голоса Раудива» в студии. Инженеры поставили специальную аппаратуру, чтобы перекрыть любое случайное попадание волн радио- и телевидения. В эксперименте использовались лучшие образцы существующей тогда аппаратуры и высококачественная магнитная пленка. Раудив пользовался одним записывающим аппаратом, в то время как другой, соединенный и синхронизированный с ним, служил в качестве контрольного. Раудиву не было разрешено самому заниматься настройкой, все, что он мог делать, это отдавать команды в микрофон. Третий записывающий аппарат, синхронизированный с магнитофоном Раудива, записывал все звуки в студии. Запись «голосов Раудива» шла восемнадцать минут, и никто из присутствующих не слышал ни одного необычного звука. Но, проигрывая ленту снова, ученые обнаружили на ней более сотни голосов, часть из которых была настолько ясно слышна, что не нуждалась в усилении.

Эксперты-электронщики были ошеломлены. К тому же контрольный записывающий аппарат не записал абсолютно ничего. «Это невозможно с точки зрения электроники»,— признал английский инженер, возглавлявший проверку.

Записи Раудива продолжают анализировать до сегодняшнего времени. Сообщения, записанные на пленку, не отличаются

глубоким содержанием. Скорее наоборот. Например, женский голос говорит по-латышски: «Костулит, это твоя мать». Или это может оказаться его сестра Текле, кузина Мона, тетушка или знаменитые личности, вроде Гете или Гитлера. Обычно они просто называют себя; только случайно встречаются фразы наподобие: «Tu po naves dzirdi» (по-латышски: «Ты слушаешь массу мертвых»); или «Te mirusrem, mes ivojam» (по-латышски: «Вот мертвые, мы живы»). Возможно, самое значительное из сообщений, полученных Раудивом из почти ста тысяч записей, это женский голос, говорящий на латышском языке: «Здесь нет смерти. Мир — это смерть».

Раудив умер, но преподобный Бетти Дуге из Стонуолла в Джорджии, священник и целитель-экстрасенс, который начал заниматься записью голосов в 1972 г., утверждает, что имел контакт с Раудивом вечером 16 апреля 1976 г. и много вечеров после. Записи Дуге еще не изучены экспертами, но на одной из них легко различить мужской голос, называющий себя Раудивом. В отрывочных фразах голос поощряет дальнейшие исследования феномена голосов и подчеркивает, что существует множество духов, которые хотели бы вступить в контакт с живыми.

Раудив умер с верой в то, что, как он говорил, «мое открытие может оказаться слишком великим, чтобы в него поверили». Но другие с успехом делали записи и получали более осмысленные сообщения. Самые ясные и самые осмысленные голоса пока получены Джозефом и Майклом Ламоро из штата Вашингтон. Эксперты изучили голоса и методы записи братьев Ламоро и пришли к выводу, что они сделаны без обмана. Голоса имели неизвестный источник, они определяли себя существующими за порогом жизни. Некоторые слова, произносимые голосами, имели англо-европейское происхождение и были известны только лингвистам и тем самым не могли быть выдуманы братьями. Майкл Ламоро, учитель из Киттитас, штат Вашингтон, начал вести записи в октябре 1972 г., после того как прочел книгу Раудива «Открытие». После двух месяцев безрезультатной работы он решил обратиться к своему старшему брату Джо, работавшему перехватчиком радиосигналов в воздушных силах. Джо удалось записать голоса с первого раза. Первая запись оказалась весьма некачественной, но, говорит Майкл, «она определила наш дальнейший путь».

Джозеф Ламоро говорил, что вначале голоса, записанные им и братом, были едва слышны. Но по мере того как они все больше и больше времени стали посвящать записям и их прослушиванию, голоса стали лучше.

Как-то, проводя за работой десять часов, братья получили около пятнадцати минут записей. Каждый дюйм пленки был заполнен. Не было ни пауз, ни наложения голосов. Братья получили

самую большую запись. «И тут мы поняли,— рассказывал Джозеф Ламоро,— обладатели голосов могут изменять или модулировать слышимые шумы и звуки в комнате в речь». Ричард Ширголд из Англии определяет эти голоса как «модулированный шум». Да и сами обладатели голосов подтвердили, что они иногда делают то, что сами они называют «использовать волны». Некоторые исследователи полагают, что для духов легче употребить энергию, уже имеющуюся, и заменить ее в собственные слова, чем пытаться собрать энергию самим.

Братья Ламоро разработали метод, при котором они задают вопрос духу, пускают ленту на запись на пятнадцать—двадцать секунд, а затем проигрывают ее множество раз, пока не получают уверенность, что услышали ответ, затем продолжают работу. Они собрали уже больше сотни расшифровок, тысячи ответов. Майкл недавно сказал исследователю-психологу Сузи Смит, которая посвятила братьям книгу «Голоса мертвых?»: «Мы часто не получаем ясных ответов на свои вопросы, но мы накопили большую информацию. Обладатели голосов рассказали нам о различных уровнях бытия там, где они живут, а также объяснили, как их голоса передаются сюда, к нам».

Названия восьми уровней бытия, записанные братьями Ламоро, звучат забавно, пока не начинаешь сознавать, что они происходят от корней древних языков. Профессор Доналд Каммингз из Центрального колледжа штата Вашингтон, лингвист, был захвачен звуками этих названий и предпринял изучение их основ. Он обнаружил их англо-европейские корни, совершенно подходящие для уровней, которые они обозначают. Эти уровни следующие:

Пареена. Название земного уровня бытия, на котором мы сейчас живем. Жители этого уровня носят название «человек». Корни слова, в соответствии с исследованиями профессора Каммингза, восходят к «началу», «исходной точке».

Деена. Название первого уровня бытия после смерти. Это уровень, где обитают те, кто обычно вступает с нами в контакт. Корень имеет значение «Божье место», или «место богов и божеств».

Рее. Другая стадия того же уровня, что Деена, но пространственно отделенная от нее. Если Деена более правильна и духовна, Рее кажется более физической, более досягаемой. После смерти те, чьи проблемы не могут разрешиться в Деена, направляются в Рее. Возможно, это тот уровень, куда попадают астральные тела в своих ОВТ, где они парят во время клинической смерти. Корень означает «переделявать, повторять». Этим можно объяснить, почему многие из перенесших клиническую смерть сообщают, что они вернулись для того, чтобы снова «переделявать» или исправлять свои жизни.

Нилоу. Место, расположенное низко, почти так же низко, как Пареена. Те, с кем не все в порядке, направляются в Нилоу, пока они не могут быть на более высоких уровнях. И «ни», и «лоу» — корни со значением «низкий, ниже».

Ультареена. Уровень буквально над Рее. Место, где лечат. Здесь находятся врачи для помощи тем, кто нуждается в них. Обитатели Ультареены — это «духовные врачи», которые осуществляют лечение или занимаются исцелением.

Когда человек переключает свое сознание, считается, что он тайно вступает в контакт с «духовными врачами» в Ультареене и получает от них совет. Слово переводится как «последнее в Рее», это самое высокое место, куда можно попасть из Рее.

Монтайлоо. Это место, куда обитатели Деены продвигаются, когда бывают к этому готовы. «Монт» того же корня, что «mount»* и «mountain»**. Это место выше, чем Деена.

Пилонсентрик. Очень высокое место, о котором братьям Ламоро удалось узнать немного. При определенном написании «пилон» переводится как «башня».

Метана. Высочайший уровень из всех известных тем, с кем общались братья Ламоро, но, возможно, не самый высокий. Многим религиозным вождям назначено жить именно там. (Жители других уровней должны иметь особые устройства, чтобы общаться с земными людьми. Эти устройства определяются как «аппараты», и голоса духов называют их *домнит* и *ленз*. Домнит служит для общения между медиумами. Домнит и лenz, используемые вместе, позволяют осуществлять общение через магнитофонные записи. Возможно, духи на высших уровнях находятся на существенно другой стадии бытия, на которой они не могут или, возможно, не хотят общаться с жителями Земли.)

Братья Ламоро предлагают полученные ими сообщения всем, кого интересуют исследования жизни после смерти. Они, в частности, заинтересованы, чтобы большее число ученых и лингвистов проанализировали их записи. Они представляют, что многих смутит и даже оттолкнет довольно мирской характер сообщений и кажущаяся столь похожей иерархия, существующая в жизни после смерти. Неужели и там тоже существуют «различные слои общества»?

Несмотря на оптимистическую оценку братьями Ламоро феномена голосов, здесь существует масса противоречий. Голоса проходят сквозь сложную систему фильтров и экранизирующую

* Вздвигаться, восходить (англ.).

** Гора (англ.).

аппаратуру, но это не убеждает скептиков. Некоторые ученые доказывают, что голоса не принадлежат мертвым, а являются мыслями самих экспериментаторов на подсознательном уровне, переданными психокинетическим уровнем на магнитофонную пленку. Некоторым прямое сообщение человеческого подсознания кажется гораздо более вероятным и более убедительным, чем теория Раудива и Ламоро о голосах, принадлежащих существам бесплотным.

Анализ феномена голосов показывает, что лучшие результаты были достигнуты людьми эмоциональными. Среди тех, кто очень хочет завязать контакт с умершими, и тех, кто отрицает реальность существования голосов, очевидное предпочтение отдается первым. Чтобы голос был записан, лента должна пройти через аппаратуру. Ничего другого, что могло бы оказывать влияние на ленту, не обнаружено, но никакая запись голосов не происходит, если аппаратура работает в пустой комнате. Люди должны присутствовать. Поскольку это так, всегда, разумеется, существует предположение, что они бессознательно «повинны» в этих голосах.

Возможно, самый убедительный аргумент в пользу сверхъестественного источника голосов то, что некоторые из них разговаривают на языках, незнакомых присутствующим во время записи. Это подкрепляется фактом, что некоторые голоса сообщили информацию, не известную никому из записывающих, что впоследствии подтверждалось проверкой. В феномене голосов представляется бесспорным одно: чтобы голоса были записаны, должны присутствовать люди. Возможно, они служат катализатором, неким посредником. Через них духи на короткое время «забрасывают» себя в этот мир. Это распространенное мнение среди многих исследователей-психологов и, в сущности, всех тех, кто сообщает о полученных записях голосов.

Если встречи четвертого рода со смертью могут быть записаны на магнитофонную ленту, неудивительно, что они также могут быть сняты на фотографическую пленку. Психическая фотография, которую также называют «ментальной фотографией», предполагает способность передавать изображение, существующее в человеческом разуме или за гробовой доской, на обычную пленку. Немногие медиумы решаются утверждать, что обладают таким талантом. Один из тех, кто это утверждает, — тридцатидвухлетний еврей Ури Геллер, больше известный своей способностью психокинетически вязать узлами ложки, ключи и другие металлические предметы. Но иногда Ури Геллер создает ментальные фотографии.

Лоренс Фрид, отмеченный премиями фотограф и бывший президент американского общества фотографов, подтверждает такой

случай с Геллером. Держа в руке аппарат Фрида «Никон» с закрытым крышкой объективом, Геллер успешно «отснял» весь ролик пленки; после проявки на нескольких кадрах появилось изображение Геллера. Но Геллер не создает изображений умерших, хотя считает это возможным. Он говорит: «Если что-то столь нематериальное, как мысли, могут проецироваться людям через пространство и быть уловленными пленкой, я не вижу, почему бы через живого человека не может быть сфотографирован мертвый».

Тед Сериез, фотограф-медиум, который обучался у доктора Джули Эйзенбад, психиатра Колорадского университета, работал почти исключительно над фотографированием умерших, пока несколько лет назад его способность не исчезла. Сериез сделал сотни снимков умерших родственников, и друзей, и многих неопознанных духов. Все они появляются как слегка расплывающееся изображение, почти всегда окруженные дымкой, похожей на прозрачную и яркую ауру. Доктор Эйзенбад сказала нам, что в настоящее время лучшие медиумы-фотографы, создающие «удивительные портреты» (из которых многие опознаны как изображения умерших теперь или в исторически отдаленные времена), это члены семьи Вейё из Сиднея, в Мейне.

Многие члены семейства Вейё обладают способностью делать медиумические фотографии, но лучше всех, наиболее четкие получаются у шестидесятипятилетнего отца, Джозефа, и двух его сыновей: тридцатипятилетнего Фреда и Ричарда тридцати одного года. Джозеф лучше и больше всех сосредоточивается на предмете исследований. Вейё используют для съемок обычный аппарат «Поляроид» и черно-белую пленку. Их фотографические эффекты включали в себя световые круги, таинственные облака, предметы, которых не было перед камерой, и самое потрясающее — ясные лица людей, про которых известно, что они мертвы. Доктор Эйзенбад начала изучать работы Вейё в 1968 г., убедившись в подлинности фотографий. По ее мнению, есть доказательства того, что изображения умерших могут быть получены на пленке. Работы Вейё также изучались в Институте по человеческому измерению Розери-Хилли колледжа в Буффало, штат Нью-Йорк, биохимиком доктором Джастой Смит, их работы смотрел Чарлз Хоронтон, бывший в свое время президентом парапсихологической ассоциации. Все, кто наблюдал, как снимают Джозеф, Фред и Ричард, согласны, что в этом есть что-то глубоко необычное и очень подлинное.

Семья Вейё начала экспериментировать с планшеткой для спиритических сеансов в 1965 г. и, кажется, унаследовала свои способности от целого ряда предков. Возможно, то, что Джозеф, который занимается конкретным толкованием, работал в качестве зрителя на нескольких кладбищах в своем городе, не только

совпадение. Оба его сына, по профессии каменщики, но во время «затишья» в работе тоже работали на кладбищах.

Вейё время от времени получают указания, где и когда фотографировать, через планшет для спиритических сеансов. Например, 19 января 1969 г. Вейё через планшет получили сообщения от существа, которое называло себя Кэрол Фарнем. «Что ты можешь представить в доказательство своей подлинности?» — спросили они ее. «Прозрачный круг света — вот все, что я могу предложить», — ответила она. «Ты говоришь о паранормальной фотографии?» — спросил Джозеф. Она подтвердила и дала нужные указания. Джозеф достал свой «Поляроид», навел его на восточную стену кухни и нажал на спуск. На снимке медленно проявился сияющий световой круг.

Джозеф задал существу еще вопросы. За несколько следующих дней планшет для спиритических сеансов сообщил подробности насильственной смерти Кэрол Фарнем в отеле Шэврок, расположенном на Канзас-стрит в Сан-Диего в Калифорнии. Он также назвал ряд имен и адресов в Нью-Гэмпшире, Коннектикуте, Нью-Фаундленде и Калифорнии, где, по словам Кэрол Фарнем, можно было получить сведения о ее матери. Вейё навели справки, и несколько имен оказались подлинными.

С тех пор многие другие существа называли себя и говорили Джозефу, Фреду и Ричарду, на какое именно место кухонной стены навести «Поляроид», чтобы получить «удивительные» снимки. Иногда Вейё просто наводили аппарат наугад, и получались фотографии умерших людей. Работу Вейё можно расценивать как параллельную деятельности «фотографов духов» в XIX веке. Вейё не решают осознанно, какие должны получиться изображения, они не считают, что хотя бы в малейшей степени контролируют их появление. Когда Вейё фотографируют, они ощущают ледяное дуновение на лицах и слышат шумы в других комнатах дома.

В конце 1969 г. Вейё поехали в Денвер, чтобы посетить доктора Эйзенбад и показать свои фотографии. Доктор Эйзенбад привела Вейё на различные местные кладбища и велела им фотографировать наугад гробницы, деревья и небо. Она внимательно наблюдала за каждым их движением. На множестве снимков, рассказала нам доктор Эйзенбад, оказались четкие изображения людей в окружении ауры. При дальнейших исследованиях доктор Эйзенбад была удивлена, обнаружив, что лица легко узнаваемы словно это были лица людей. В самом деле, несколько снимков давали изображения лиц, умерших более ста лет назад. Доктор Эйзенбад исключает возможность обмана, так как во многих случаях фотографии этих лиц находятся в коллекции Ноуа Роуза на отделении западной истории университета Оклахомы.

Это не было известно Вейё. К тому же они никогда не бывали в Оклахоме.

В свое второе посещение Денвера Вейё были приведены доктором Эйзенбад в кабинет отделения фотографии медицинского факультета университета Колорадо. Глава отделения за несколько дней до этого умер. Они вошли в кабинет покойного, и один из Вейё сделал «ПолярOIDом» три снимка письменного стола. Два снимка вышли пустыми. Но на третьем, по утверждению доктора Эйзенбад, начало появляться молочно-белое изображение мужчины. Новый глава отделения, присутствующий при этом, ошеломленный, покинул кабинет.

Вейё пробовали даже сделать медиумические фотографии поверхности Луны. В 1968 г. доктору Эйзенбад позвонил Уильям Кук, ученый Североамериканской рокуэлловской корпорации в Лос-Анджелесе, готовивший все экспериментальные съемки для космического полета «Аполло». Парапсихолог-любитель Кук хотел, чтобы доктор Эйзенбад предприняла попытку получить медиумическую фотографию поверхности Луны, до того как первый космический корабль «Аполло-8» приземлится. Он хотел сравнить два комплекта фотографий. Доктор Эйзенбад обратилась к семейству Вейё с просьбой, и они согласились попробовать, но предупредили: «Может ничего не получиться, такое уже случалось». Однажды вечером, находясь дома, Вейё сосредоточились на Луне и сделали ряд снимков, наводя аппарат все время на стену кухни. На нескольких снимках оказались странные изображения, они были отправлены Куку за три дня до посадки «Аполло» на Луне. Кук сказал: «Снимки не напоминают никакую местность ни в Мейне, ни в Соединенных Штатах». Он утверждал, что снимки удивительно похожи на позднейшие сделанные «Аполло» снимки поверхности Луны, изображающие кратеры, каналы и неровную, сухую, рябоватую почву. Доктор Эйзенбад сказала о Вейё: «Мое впечатление от них самое благоприятное. У меня нет никаких оснований подозревать их в мошенничестве. Похоже, что они в состоянии получить фотографии умерших».

Вейё считают фотографии доказательством жизни после смерти, они основываются на своих записях голосов из небытия. Некоторые голоса утверждают, что принадлежат людям, фотографии которых были получены Вейё паранормальным способом, а одно из первых записанных ими сообщений звучало так: «Мы стараемся завязать контакт». Поэтому братья даже берут с собою на местные кладбища переносной магнитофон, но голоса, записанные там, звучат почти так же слабо, как те, что были записаны дома. Вейё надеялись, что на кладбище им удастся записать голоса лучше. Многие исследователи, слушавшие записанные голоса и изучавшие фотографии духов, полагают, что на них

«что-то» есть, но не хотят верить, что это «что-то» порождено духами. Доктор Андрия Пухарич, нью-йоркский медиум, который привозил Ури Геллера в Соединенные Штаты, полагает, что голоса могут принадлежать внеземным существам, пытающимся вступить с нами в контакт. Это, считает он, может объяснить плохое качество изображений. Некоторые настаивают, что голоса и изображения являются психикинетическими проявлениями нашего мозга: мы проецируем на магнитофонную ленту и фотопленку мысли умерших людей, которых мы знали. Доктор Эйзенбад предложила следующее: «Мне кажется важным, что паранормальная запись голосов на магнитофонной ленте или получение изображения на фотопленке, в сущности, не более таинственны, чем телепатическая передача образов в мозг или телекинетическое начало действия. Телепатия и телекинетическое сгибание предметов только чаще бывают зарегистрированы».

Как телепатия и телекинез (или психикинез) нарушают установленные наукой закономерности, так для многих людей голоса и образы мертвых нарушают одно из основных допущений западных религий: не может быть контакта между живым и мертвым. Но утверждение, что мертвый навеки почует в мире, тишине, при ближайшем рассмотрении оказывается ложным. История, религиозная литература насквозь пронизаны образами и голосами, которые являлись иногда и обычным людям. Соответственно некоторые полагают, что паранормальная магнитофонная запись и фотографии, сделанные с использованием электронной аппаратуры, это просто современная версия явления духов. «Раньше,— говорит один из исследователей,— духи прямо говорили со святым или являлись ему. Сегодня медиум записывает голос духа на пленку или делает его фотографию».

В самом деле, разве одно проявление сколько-нибудь таинственнее другого?

Часть II

«АМЕРИКАНСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ», ИЛИ НАУКА УМИРАТЬ

Когда вы знаете, что должно произойти какое-то событие, вы готовитесь к нему. Это утверждение справедливо, если речь идет о женитьбе, о рождении ребенка или отправке его в колледж. Когда вы собираетесь совершить путешествие, вы обязательно планируете его, проверяете, все ли в порядке с билетами и жильем, есть ли у вас подходящая для путешествия одежда. По иронии судьбы большинство людей совершенно не готовится к самому важному и неизбежному путешествию в жизни: к смерти.

Речь идет не о таких вещах, как оформление завещания, покупка места на кладбище или приведение денежных дел в порядок, хотя отсутствие подготовки заметно и в этих сферах. Мы имеем в виду подготовку к такому физическому и духовному явлению, как сама смерть. И когда этот момент наступит, окажешься ли психологически готов увидеть «уводящие с собой» фигуры, мельком взглянуть на дух покойной матери или отца или войти в туннель, в конце которого виднеется свет? Рассматривая эти образы как предвестники смерти или как галлюцинации, спокойнее было бы знать, что впереди. Отсутствие такого рода подготовки, в основе чего лежит страх смерти, характерно для большинства людей западной цивилизации. В восточных и африканских культурах, где смерти предшествует тщательная подготовка и существует школа умирания, дающая возможность узнать, чего ждать, люди не знают танатофобии.

К счастью, ситуация в Соединенных Штатах начала изменяться. Основываясь на текстах, таких, как тибетская «Книга мертвых» — буквально учебника умирания, и рассказах людей, переживших клиническую смерть, теологи и ученые начали составлять нечто вроде учебника, который когда-нибудь назовут американской «Книгой мертвых».

Ведущие специалисты в этой области — доктор Станислав Гроф и доктор Джоун Халифакс. В 1960 г. они начали давать галлюциноген ЛСД безнадежным раковым больным. Воздействуя на сознание пациента, доктор Гроф и доктор Халифакс могли в большой мере снять физическую боль, характерную для по-

следней стадии рака. Поступая таким образом, они получили гораздо больше, чем ожидали: умирающие пациенты, получавшие ЛСД, сообщали о галлюцинациях, удивительно схожих с явлениями, о которых рассказывали люди, перенесшие клиническую смерть. Есть ли здесь связь? ЛСД применяется, чтобы снять боль, поскольку дает пациенту чувство «освобождения от тела», наподобие ощущений в ОВТ. Что это — подлинный ОВТ, мини-смерть, позволяющая пациенту увидеть, чего ждать от смерти? Подозревая, что это может быть именно так, доктора Гроф и Халифакс подкрепили воздействие ЛСД, сообщая пациентам о том, на что может оказаться похожим умирание. Примером, иллюстрирующим их работу, может служить случай двадцатилетнего негра Дина.

У Дина был рак толстой кишки в последней стадии, когда ему стали применять психоделическую терапию. За несколько лет до этого ему удалили одну почку, на которой была злокачественная опухоль. Доктор Станислав Гроф впервые увидел Дина, когда его мочеточник уже не функционировал из-за воспалительного процесса и происходило отравление организма собственными выделениями. С разрешения Дина доктор Гроф немедленно начал ЛСД-терапию. После восьмидневной прогрессирующей уремии как-то вечером доктору Грофу позвонила жена Дина — Флора. Приехав в больницу, доктор Гроф нашел Дина в полубессознательном состоянии. Несколько родственников пробовали поддерживать с ним словесный контакт, но было ясно, что Дин при смерти. Скоро он впал в бессознательное состояние. В этот вечер доктор Джоун Халифакс приехала в больницу вместе с доктором Грофом, она села у постели Дина и начала читать ему из книги «Бардо Тодол», давая свой западный вариант восточного учебника умирания. То, что Дин был без сознания, не имело для нее значения, ей хотелось думать, что он все еще в состоянии слышать ее. В сущности, доктор Халифакс предполагала, что Дин движется по направлению к свету, который он может видеть, и попытается слиться с ним, не испугавшись его блеска. Смерть была неизбежна, и доктор Халифакс учила Дина, как умирать, чтобы облегчить ему этот процесс. Но неожиданно бригада хирургов решила провести операцию и в последний раз попытаться спасти жизнь Дина. Пока Дина готовили к операции, доктор Халифакс продолжала ему читать. Во время операции, длительной и тяжелой, у Дина *дважды* останавливалось сердце, он находился в состоянии клинической смерти, и оба раза был выведен из нее.

Позже, в отделении интенсивной терапии, Дин посмотрел на доктора Халифакс и сказал: «Вы переменяли платье». Доктор Гроф, не в состоянии поверить, что человек в бессознательном состоянии может заметить и запомнить такую подробность, начал

задавать вопросы Дину. Скоро выяснилось, что, находясь без сознания, Дин воспринимал присутствие в палате людей и был в состоянии запомнить часть разговора. Он даже заметил, несмотря на то что не открывал глаз, слезы, которые в какой-то момент катились по лицу доктора Халифакс. Часть сознания Дина наблюдала окружающее, а другая часть слушала, что рассказывает доктор Халифакс о свете. Сначала Дин видел лишь черную пустоту, затем заметил свет, поплыл по направлению к нему без страха и почувствовал, что сливается с ним. Слова доктора Халифакс, сказал Дин, успокоили его и помогли увидеть свет. Пока все это происходило, еще одна часть сознания Дина видела «фильм» на потолке больничной палаты. Как впоследствии рассказал Дин, «фильм» живо воссоздавал все плохие поступки, совершенные им в жизни. Он увидел галерею лиц людей, убитых им во время войны в Корее, и всех мальчишек, которых он лупил, когда был подростком. Он сказал, что пережил боль и агонию всех людей, которым он причинил зло за всю свою жизнь. Пока все это происходило, Дин также сознавал «присутствие Бога», который смотрел и судил «фильм» жизни Дина.

Дину было что рассказать еще. Он подвергся ЛСД-терапии доктора Грофа и почти умирал естественным образом на больничной постели, и дважды за время операции пережил клиническую смерть. Дин счел эти четыре случая удивительно схожими и благодарил доктора Грофа и доктора Халифакс за применение ЛСД, которое подготовило его; как он сказал, к тому, что находится за порогом смерти. Дин объяснил: «Без приема ЛСД я бы ужасно страдал от того, что происходит, но, испытав подобные состояния, я несколько не боялся». Дин видел пустоту, туннель, свет, духов и, как он сказал, слышал голос Бога. Вскоре после операции он умер. Можно лишь догадываться, что окончательная смерть не испугала его, а наполнила благоговением и что он принял ее с желанием и благодарностью.

Доктор Гроф — ученый и понимал, что образы, сопутствующие смерти, могут быть вызваны различного рода процессами: разнообразием психодельческих средств, сенсорной депривацией или воздействием монотонного пения, длительной бессонницей или суровым постом и разного рода техникой медитирования и духовной практикой. А также человека могут заставить галлюцинировать, видеть пустоту и сияющие огни и слушать удивительные голоса и небесную музыку полученные тяжелые травмы, стресс, шок и некоторые ментальные расстройства, например психозы (в частности, шизофрения и меланхолия). В самом деле, «образы смерти» становятся естественным следствием в случаях, когда мозг человека оказывается в экстремальных условиях. Многие культуры используют это явление в религиозных ритуалах

для приобретения трансцендентного или духовного опыта. Индийцы используют чередование гипервентиляции с длительной задержкой дыхания; другие народы Востока перекрывают гортань, откидывая назад язык или пережимая сонную артерию, путем подвешивания за ноги на длительное время достигается прилив крови к голове и кислородное голодание мозга. Даоисты применяют во время медитаций дыхательную технику, при которой вдыхание воздуха происходит настолько медленно, что пушинка около ноздрей медитирующего остается неподвижной. В некоторых ранних формах крещения голову человека держали под водой до тех пор, пока он не захлебывался. Когда легкие начинали болеть, а крови и мозгу угрожало кислородное голодание, голову человека отпускали. В результате этой процедуры человек оказывался при смерти, и неудивительно, что крещение казалось ему вторым рождением, что оно и должно было символизировать. На Востоке так поступает иногда гуру (учитель). Он держит голову ученика под водой и дает ему вынырнуть лишь после появления признаков удушья. Когда ученик посиневший, с выпученными глазами хватается ртом воздух, гуру спрашивает: «Что нужно тебе — знание или воздух?» Считается, что серьезный ученик предпочтет знание. Некоторые философы полагают, что наиболее ранние представления о жизни после смерти сложились на основе рассказов людей, имевших опыт воскрешения.

Существует много способов раздвинуть золотой занавес и увидеть иное царство. Трансцендентность, как мы знаем, играет главную роль во всех встречах со смертью. Техника, примененная доктором Грофом и доктором Халифакс, может когда-нибудь стать частью американской «Книги мертвых», еще одну ее главу могут составить наблюдения психиатра Рассела Нойза, доктора медицинского факультета Университета Айовы. Доктор Нойз провел длительное изучение случаев близости внезапной смерти. Его объектами стали те, кто чуть было не утонул, но был возвращен к жизни, люди, которые, спасаясь от пожара, прыгали с небоскрегов; альпинисты, которые, пролетев сотни футов, приземлялись на тонкий слой снега почти без травм; пережившие авиакатастрофу или несчастный случай при прыжке с парашютом, наподобие девятнадцатилетнего Боба Холла. В декабре 1972 г. Холл прыгнул с парашютом с самолета близ аэропорта в Кулидже, штат Аризона, его парашют не раскрылся, и он упал на землю со скоростью примерно шестьдесят миль в час. Чудом он выжил. Через несколько дней, оправляясь от травм, среди которых самыми серьезными оказались разбитый нос и выбитые зубы, Холл рассказал репортерам, на что было похоже падение.

«Я закричал. Я знал, что погиб, что жизнь кончена. Все прошлое пронеслось перед глазами, буквально пронеслось. Я видел мамино лицо, все дома, где я жил, военное училище, в котором учился, лица друзей — абсолютно все».

Доктор Нойз сделал вывод, что перед смертью разыгрывается нечто похожее на пьесу в трех актах.

Акт первый. Доктор Нойз называет его «сопротивление». Состояние паническое. Отчаяние толкает на безумные шаги. Актер, один на сцене, пытается одолеть силы, ведущие к неминуемой смерти. Альпинист хватается за скалу или ветви дерева, пытаясь остановить падение; захлебывающийся пловец с безумной надеждой высматривает плывущий кусок бревна. На этой стадии Холл снова и снова дергал вытяжной шнур своего основного парашюта, затем запасного и, наконец, в панике, изогнувшись, пробовал раскрыть рукой висящий за спиной парашют. Здесь важно осознать, что герой первого действия — это (я), бодрствующее сознание, скверный актер, полный решимости удержаться, отказывающийся быть уведенным со сцены смертью. Он одержим желанием сохранить настоящее, здесь-и-сейчас, в котором живет. Но в таких почти-встречах-со-смертью это проигрывает битву. Наконец этот «актер актеров», видя неравенство сил, идет на компромисс, и начинается второй акт.

Доктор Нойз называет этот акт «обозрение жизни». Когда исчерпаны все возможности выжить, перед актером проходит вереница счастливых воспоминаний: семейные пикники, любовное приключение (может быть, не одно), школьные годы, милое детство. Эти и другие воспоминания прокручиваются, как старый любительский фильм, чуть пожелтевший от времени, в романтическом солнечном сиянии. Для многих ведущее настроение второго акта — ностальгия. Интересно отметить, что, когда смерть наступает медленнее, как в случае Дина, «обозрение жизни» может приобретать пугающую тональность — человек воскрешает воспоминания о том, в чем чувствует себя виновным. Поскольку у это не остается настоящего, оно заново переживает прошлое — все что угодно, чтобы избежать столкновения со смертью, акта, в котором, как ему (это) понятно, оно не играет роли. Доктор Нойз называет третий акт «переходом». Когда разум включает проектор памяти, это, как мы знаем, обычно молчит. Так определена его роль в пьесе. Появляется новое действующее лицо — та часть нашего сознания, которая ценит духовное выше телесного, та часть, о существовании которой мы могли и не подозревать. Поскольку физическое тело перестает иметь значение, становится не важным и то, что врежешься в землю на скорости шестьдесят миль в час; сознательная жизнь больше не имеет ценности. Дух освободился от оков сознания и способен воспарить над физиче-

ским уровнем — пережить ОВТ. Боб Холл нашел это потрясающим.

Керес Кросби, которая чуть не утонула в детстве, считает именно этот случай высшей точкой своей жизни: «Я видела усилия, направленные на то, чтобы вернуть меня к жизни, и пыталась не вернуться. Мне было всего семь, я была довольно ребячлива, но этот момент не сравним ни с чем в жизни — это было чистое счастье». Алберта Хейма, швейцарского геолога, который пережил падение во время восхождения в Альпах в 1892 г., собственный трансцендентный опыт навел на мысль собрать информацию у тридцати людей, имевших подобный опыт. Хейм обнаружил, что как раз в мгновения перед «смертью», чувствуя, что освободились от тела, они слышали небесную музыку, видели чудесный свет и испытывали покой и отдохновение. Они не испытывали сожаления, что «умирают», и продолжали думать, что если бы могли выбирать, то не вернулись бы к жизни.

Интересно отметить различие ощущений людей, переживших внезапную почти-смерть, которую изучали доктор Нойз и Алберт Хейм, и тех людей, которые пережили клиническую смерть. Явление внезапной смерти разыгрывается в трех актах. Люди же, оказавшиеся в состоянии клинической смерти на операционном столе,— поскольку они уже без сознания, из-за шока или из-за наркоза — присутствуют лишь на третьем акте. Они избавлены от всегда неприятного первого акта и временами неприятного акта второго. Подобно опоздавшим зрителям, они занимают свои места как раз перед кульминацией. Возможно, что неудачливые самоубийцы, зашедшие так далеко, что получили трансцендентный опыт, стремятся вернуться и повторяют свою попытку, возможно, с большим успехом.

Дин, двадцатилетний негр, пережил встречи со смертью второго и четвертого рода. Он испытал индивидуальный, необычайно красивый опыт, а также привел свидетельство того, что воспринимал окружающее, пока находился без сознания. Доктор Гроф и доктор Халифакс также пережили встречи со смертью — встречи третьего и четвертого рода.

У сорокадвухлетнего терапевта Мэттью был обнаружен неоперабельный рак поджелудочной железы. Болезнь застала его врасплох, у него был удачный брак, красавица жена, трое детей и неплохая врачебная практика. Мысль о собственной смерти приводила его в отчаяние, и он обратился к доктору Грофу. (Мэттью был хорошо знаком с ЛСД-терапией неизлечимо больных раком, он даже направил в свое время нескольких пациентов к доктору Грофу.) Однажды Мэттью получил 200 микрограммов ЛСД и примерно через час впал в иное состояние сознания, при этом он слышал классическую музыку, которую определил как

«неземную». Он произносил отрывки фраз: «Мир и Вселенная... все — одно... ничто и все... блистательный конец... его величества владения... поэтому я бессмертен... это правда!» Дебора, его жена, поражалась, слушая, что говорит ее прагматичный, склонный к анализу муж.

Мэттью ощущал опыт с ЛСД как «пребывание в теплом коконе, окруженным бесконечной любовью, чувствуя себя беспомощным, но счастливым и вне опасности». До сих пор в его размеренной жизни самым сильным впечатлением была любовь к Деборе, ее теплое тело и супружеские объятия. После вызванных ЛСД странствий ему стало легче принять смерть, но физическое его состояние ухудшилось. Доктор Гроф и доктор Халифакс должны были уехать в Хартфорд, в Коннектикуте, на два дня. Беспокоясь за Мэттью, доктор Джоун Халифакс навестила его перед отъездом, и он спокойно сказал ей: «Нет смысла бороться дальше, если пришло время уйти... Не беспокойтесь, все в порядке». Мэттью знал, что умирает. Доктор Халифакс хотела остаться при нем, но дела заставляли ее ехать.

Доктор Гроф и доктор Халифакс остановились в отеле в Хартфорде. Она проснулась в три часа утра. Ей снился Мэттью: он появился, улыбаясь и повторяя последние слова, которые она слышала от него: «Все будет в порядке». У нее возникло ощущение, что Мэттью только что умер. Когда наутро они позвонили в больницу, им сказали, что Мэттью умер в три часа утра.

Прием воздействующих на сознание лекарств не может считаться легким способом взглянуть на небеса или получить представление, на что похоже умирание. Психоделики искажают действительность и в некоторых случаях приводят того, кто ими пользуется, на вершину опыта (хорошего или плохого), но не дают ему превзойти действительность. Они могут открыть двери восприятия, но не всегда могут открыть небесные врата. В этом важное отличие здорового человека, принимающего галлюциногены, и смертельно больного. Мы видели, что некоторые физиологические и психологические признаки смерти могут быть обнаружены за год до того, как человек умрет. Телу и подсознанию известно, что смерть неминуема. В случае смертельной болезни у пациентов в последний период присутствует еще и осознание смерти. Это в значительной мере влияет на психоделический опыт умирающего, делая его отличным от других наркотических странствий.

Не страх ли является причиной нашей веры в загробную жизнь? Не пускает ли в ход против нас наше гордое эго идею вечной загробной жизни? Во всяком случае, у человека, находящегося при смерти, достаточно оснований желать жизни после смерти и верить в нее. Страх смерти, говорят нам, глубоко укоренен в человеке. Проведено огромное количество исследований о смерти

и умирании, и большинство их утверждает, что каждый, естественно, боится умирать, что страх смерти запрограммирован в наших генах. Но при ближайшем рассмотрении литературы о психологической готовности к смерти мы находим, что страх проявляется только у подростков и детей старшего возраста и лишь в случае, когда у них есть время сосредоточиться на этом. Нет доказательств, что этот страх — естественный и неизбежный компонент нашего поведения. Напротив, у народов, где смерть обсуждается более открыто и рассматривается как часть жизненного процесса, страха смерти нет. «У других биологических видов,— замечает биолог Лайэл Уотсон,— нет ничего, указывающего на то, что смерть является одним из стимулов, заставляющих животных инстинктивно избегать опасных ситуаций. Когда молодые шимпанзе достигают определенного возраста, они предпочитают без какого бы то ни было обучения избегать столкновений со змееподобными объектами. У них вырабатывается тенденция реагировать страхом на стимулы, ассоциирующиеся с опасностью, но мне не известен ни один организм, который бы демонстрировал природный страх перед смертью как таковой». Мы учимся бояться смерти, и существуют всевозможные свидетельства того, что при соответствующей тренировке и подготовке мы можем полностью преодолеть этот страх. Для того чтобы увидеть, как это делается — чтобы обучиться искусству умирания,— мы должны обратиться к Востоку.

Тибетские монахи в течение столетий учили людей, как умирать. Мы имеем в виду не работу врачей со смертельно больными и их семьями, чтобы помочь им принять болезнь и ее неизбежные последствия. Это другое, очень нужное служение, одно из тех, что понемногу развиваются в стране. Но под искусством умирания мы имеем в виду паранормальные аспекты смерти.

Рассказы стоявших на краю могилы свидетельствуют о том, что смерть может быть гораздо менее страшной, чем принято думать, и сам момент смерти может оказаться не эмоциональной катастрофой, а при должной подготовке может стать наслаждением. В самом деле, если с ранних лет мы будем учиться искусству умирания, как этому учат в восточных сектах, не нужно будет утешать смертельно больных или их семьи. Двадцатишестилетняя Лоретта Сайкс прошла этот трудный путь.

Лоретта обнаружила, что необычайная сонливость и слабость, которые она ощущала около года, были симптомами лейкемии. Состояние ее ухудшалось, и ей пришлось оставить место официантки в Бостоне и большую часть времени проводить дома. Вскоре Лоретта осознала, что радиационная терапия не помогает и что ей, возможно, придется лечь в больницу. Хотя врачи не могли сказать Лоретте, сколько она проживет, она поняла, что оста-

лось немного. Самое большее — несколько месяцев. Лоретта не могла примириться с перспективой смерти. Она была воспитана в римско-католической вере, но «отошла от веры» в колледже, сочтя, что вера «не удовлетворяет ее в интеллектуальном отношении». На пороге смерти официальная религия не привлекала ее. «Мои врачи очень добры ко мне, — говорила Лоретта, — но они ничем не могут помочь. От друзей мне больше пользы». Ее друзья, супружеская пара, ее ровесники, слышали, что недавно в Нью-Йорке в Дачис Каунти открылся монастырь тибетских буддистов, возглавляемый пятнадцатым Гялва Кармапа. Лама, который прибыл из Индии, чтобы основать монастырь, — большой авторитет в области обучения умиранию. Лоретта была слишком слаба для поездки в Нью-Йорк. Друзья в конце концов определили ее к пандиту, родом из Индии, который обучал тибетскому способу умирания.

Два вечера в неделю он читал ей тексты из тибетской «Книги мертвых» и свои сочинения о смерти, трактующие основы восточной философии. Это очень помогло Лоретте. Она поняла, что смерть — не более чем мгновение в бесконечном потоке опыта от «до рождения» к «после смерти», что рождение и смерть постоянно сменяют друг друга в жизни человека, что, если сохранять ясное и спокойное состояние ума во время умирания, опыт смерти может оказаться духовным и освобождающим и что печаль друзей и близких людей затрудняет умирание, затягивая уход души и мешая духовному освобождению.

Лоретта также узнала, что различные события, происходящие после смерти, называются бардо. Последовательный опыт бардо начинается со смерти человека и длится сорок девять дней. Бардо состоят из небес и ада, демонов и будд. Учитель рассказал Лоретте, что каждый из символов представляет собой состояние разума. Бардо воссоздают большую часть состояний разума, привычек, памяти о жизни умершего. Царство ада, например, это нарастание перемешанных эмоций, порожденных параноидальным страхом.

Каждое бардо может быть либо ловушкой, либо выходом к свободе, в зависимости от того, как воспринять его. Бардо ревнивых богов, например, возникает как результат зависти, которую умерший испытывал в жизни. Напуганный этими внушающими трепет видениями обречен на свой собственный ад. Но тот, кто смотрит на них спокойно, просто как на порождения собственного разума, умирает легко.

Учитель рассказал Лоретте, что перед ней могут предстать все самые страшные видения, но, если она расслабится и проплывет сквозь все, что может с ней случиться, она испытает лишь мир и спокойствие. Только если человек противится, эмоциональное воздействие галлюцинации становится ощутимым. Этот совет

Лоретта могла принять осознанно. Она иногда курила марихуану, а в колледже несколько раз пробовала галлюциногены разных видов. Она знала, что сопротивляться галлюцинации может оказаться приятным. Лоретта решила, что счесть пугающие смертные видения порождением собственного мозга нетрудно. В тибетском учении она увидела несущую утешение путеводную нить сквозь смерть, и она могла перекинуть свой собственный мостик между тибетским способом умирания и имеющимся у нее опытом. Когда мы последний раз беседовали с Лореттой, ей еще не хотелось умирать, но, зная, что смерть неизбежна, она была готова пройти сквозь нее без страха.

Для многих одним из самых привлекательных моментов тибетского учения является то, что смерть в нем — не больше, чем сдвиг в сознании, перенос разума на более высокий уровень, а также то, что каждый раз, когда буддист медитирует, он переживает некий вид смерти. Последняя смерть происходит вне физического тела.

Это учение представляет собой сердцевину философской мысли в буддийской общине Ваджрадату в Баулдер, в штате Колорадо. Она основана ламой Чогиам Трангпа, а сейчас существует под руководством его ученика американца Озела Тендзина. Община имеет около шестисот последователей и занимается обучением людей всех возрастов, как умирать, и много работает с безнадежно больными. Возникают и другие общины. Институтом развития гармоничного человеческого бытия в Крестлайне, в штате Калифорния, руководит овладевший наукой Востока Э. Дж. Гоулд, специализирующийся на «обучении осознанной смерти». Доктор Джон Милли, ведущий специалист по исследованию разума, полагает, что философия Гоулда — слияние восточных и западных идей — величайшее достижение в понимании смерти и возрождения.

Самое трудное в умирании, учит Гоулд, это суметь продержаться в сознании в течение всего процесса смерти-перехода-возрождения. (Под возрождением Гоулд понимает возникновение сознания заново на более высоком уровне существования, необязательно телесное перевоплощение — этот процесс может произойти гораздо позже.) Чтобы избежать бессознательного состояния, или «пробела» во время умирания и, таким образом, лишиться опыта смерти, человек должен быть подготовлен. Особая подготовка, необходимая для того, чтобы умереть осознанно, не просто представляет собой интеллектуальное знакомство с описанием опыта смерти, говорит Гоулд. «Поскольку сам интеллект должен разложиться во время перехода, необходим более глубокий уровень подготовки, если не хотеть быть ошеломленным и перенесенным бессознательно в новое рождение». Гоулд полагает, что отсутствие подготовки к смерти и осознанному возрож-

дению может объяснить, почему всего лишь около пятнадцати процентов людей, вернувшихся к жизни после клинической смерти, пережили опыт, о котором могли рассказать. В характере этих людей существует нечто, позволившее им «остаться бодрствующими» во время смерти, в то время как другие выжившие не помнят ничего.

За последние десять лет Гоулд обучил «науке осознанной смерти» сотни людей. Его девизом служит совет пророка Магомета: «Умирай прежде смерти», поскольку он считает, что человек должен в жизни пережить смерть (или мини-смерть), если он хочет контролировать события последнего ухода из физического мира. Смерть, по утверждению Гоулда, путем определенных упражнений в медитации и самовозбуждаемых, самоконтролируемых ОВТ, это «отказ от тенденции цепляться за иллюзию» — иллюзию смерти как конца и фальши утверждения, что жизнь — это единственная жизнь. «Реальна лишь смерть,— говорит Гоулд.— Если однажды вы поймете, что *жизнь* — это быстротечная иллюзия, насколько бы реальной она ни выглядела, значит, вы научились умирать». Принцип Гоулда «жизнь есть иллюзия» привлек множество последователей, но овладение его методикой длительно и требует приверженности и сосредоточенности. Он также предполагает готовность отказаться от многих дорогих сердцу западных понятий.

Гораздо более западную и гораздо более практичную, с точки зрения врачей, подготовку к смерти предлагает доктор Дж. Уильям Уорден, профессор психологии Гарвардского университета и руководитель проекта «Омега», рассчитанного на восемь лет изучения неизлечимых заболеваний и смерти, проводимого больницей в Бостоне.

Доктор Уорден развил захватывающую программу, именуемую «Личное осознание смерти» (ЛОС), и написал прекрасную книгу с тем же названием. Каждый может проверить себя при помощи теста доктора Уордена, чтобы измерить свое ЛОС, и результаты могут оказаться удивительными. Безнадёжно больные утверждают, что этот тест изменил их последние несколько недель жизни, и даже здоровые люди, пройдя этот тест, получали совершенно новый взгляд на смерть. Программа доктора Уордена дает возможность определить, насколько вы готовы к смерти, как эта готовность (или ее отсутствие) влияет на вашу повседневную жизнь, как, увеличивая свое ЛОС, вы не только расстанетесь со страхом смерти, но увидите вашу жизнь в более богатых, благородных и более реалистических красках. Тест ЛОС возник на основе многолетних наблюдений за умирающими и их семьями. Вот небольшая выборка вопросов, на которые пациенты (или здоровые люди) должны ответить со всей откровенностью:

В каком возрасте вы ожидаете, что умрете?

Когда бы вам хотелось умереть? Почему?

Каким образом вам больше всего хотелось бы умереть? Выберите способ и объясните причину выбора.

Каким образом вам меньше всего хотелось бы умереть? Почему?

Напишите собственный некролог.

Как будут люди вспоминать вас?

Как бы вам хотелось, чтобы вас вспоминали?

Опишите, как вы видите смерть.

Если бы вы были неизлечимо больны, хотелось бы вам знать, когда вы умрете?

Что бы вы могли отдать за продление жизни? Руку? Ногу? Глаз?

Теперь напишите завешание.

Кого бы вам хотелось, умирая, видеть рядом? Почему?

Когда я думаю о смерти, я думаю о... (докончите фразу).

Вопросы следуют один за другим. Выбор огромен: что вы в данный момент чувствуете по отношению к смерти? Вы можете сделать выбор из двадцати слов: испуг, безразличие, счастье и т. д. Все ответы доктор Уорден подсчитывает и в результате определяет ваш тип ЛОС. «Я дал этот тест коллегам,— сказал он нам,— и обнаружил, что он изменил их отношение к смерти».

Предпосылки, лежащие в основании теста доктора Уордена, довольно просты. Самое большое препятствие для того, чтобы правильно воспринять жизнь, является неспособность большинства людей справиться с мыслью о неизбежности смерти. «Умом,— говорит доктор Уорден,— мы понимаем, что наши тела должны сгнить, истлеть, но смерть настолько глубоко ранит наши чувства, что мы предпочитаем думать о ней как об «уходе», «большом сне». Разве мы не гримируем и не одеваем трупы так, чтобы они выглядели шокирующе живыми? Стариков, тяжелобольных или больных неизлечимо тест доктора Уордена может в какой-то мере просветить. Он покажет им ближайшую реальность, которая существует в разуме каждого на подсознательном уровне. А если постановка этих вопросов может привести к их полному осмыслению, произойдут глубокие личностные изменения. Для некоторых желание жить может оказаться настолько сильным, что они просто отказываются умирать, когда приходит их час. И побеждают.

Один из самых удивительных примеров того, как человек прожил гораздо дольше, чем предсказывали врачи, рассказал Боб Ривз, священник пресвитерианской больницы в Нью-Йорк Сити. Его знакомая, погибавшая от рака, сказала ему, что ей очень важно дожить до Нового года, до которого еще оставалось несколько

месяцев. Она даже побилась с ним об заклад на доллар, что доживет до Нового года. Священника порадовало, что она способна реально смотреть на собственную смерть, и он принял заклад, но ни тот ни другая не сказали об этом ее семье. Священник Ривз встречал Новый год с этой женщиной и ее родственниками. Когда часы пробили полночь, все запели и подняли бокалы, поздравляя друг друга, а больная, сидя среди членов семьи в кресле на колесиках, протянула ладонь Ривзу и улыбаясь смотрела, как он лезет в карман и вручает ей новенькую долларовую бумажку. Она взяла доллар, крепко зажала, сложила руки на коленях и умерла. Она оставалась в живых благодаря силе духа, и ее жизнь продолжалась, пока не достигла предела, намеченного ею самой.

Иногда желание жить может поддерживаться в больном чувством ответственности за семью. Как-то осенью доктор Уорден встретил молодую женщину-мать, неизлечимо больную раком. После того как она узнала, что состояние ее здоровья может быстро ухудшиться и она, возможно, не доживет до конца года, доктор Уорден увидел на ее лице решимость. Подумав о своих маленьких детях, она заявила: «Будь я проклята, если умру в рождество, а у детей прекрасный праздник будет навсегда связан с моей смертью». Женщина с потрясающей решимостью и силой боролась за жизнь. Рождество прошло, и январь близился к концу, когда она умерла.

Приведенные выше случаи показывают, что *смерть часто является состоянием духа* и что инстинкт смерти и способность приблизить или отдалить ее коренится глубоко в нашем подсознании.

СМЕРТЬ, КОГДА ТЫ УЖАЛИШЬ?*

«Умрешь ты, и Смерть не замедлит, предстанет с усмешкой своей»**, — написал поэт Шелли в стихотворении «К Ночи». Если бы момент смерти было так легко обозначить!

Джозеф Б. Кеннеди считал, что видел свою тринадцатилетнюю дочь Джолин умершей 13 июля 1974 г. в больничной палате в Хай-Пойнт, штат Северная Каролина. Стоя рядом с постелью дочери, он слушал, как ее дыхание становилось все медленнее и наконец замерло. Он держал ее тонкую руку и ощущал, как пульс слабел, а рука постепенно холодела. Наконец он увидел, как зрачки ее расширились, а глаза застыли. Такой взгляд был ему знаком, он помнил его с давних дней, когда был методистским священником и причащал умирающих в больнице в Атланте. После того

* Измененная цитата из Библии: «Смерть! где твое жало?» — Ос., 13:14.

** Шелли П. Б., Китс Дж. Избранная лирика. М., 1981. С. 76.

как Джолин была признана мертвой, Джозеф Кеннеди дал разрешение на то, чтобы изъять у нее и сохранить замороженными те органы, которые могут оказаться нужными для трансплантации. Затем он покинул больницу и начал заниматься похоронами, причем тело его дочери подлежало кремации.

В операционной Мемориальной больницы Хай-Пойнт доктор Чарлз Роу готовился к тому, чтобы удалить глаза и почки Джолин. Инструменты были разложены на зеленой материи под рукой у хирурга, и он уже собирался сделать разрез на правом глазу Джолин, чтобы удалить роговицу, как вдруг она снова начала дышать — слабо, но самостоятельно.

Джозеф Кеннеди принимал от родственников соболезнования, когда узнал, что Джолин жива. «Мне хотелось избить кого-нибудь. Мне хотелось расцеловать врача, — рассказывал он. — Я был настолько переполнен чувствами, что и не передать. Я готов был бегать кругом больницы». Что же, врач, определивший, что Джолин умерла, допустил грубую ошибку? Нет. Просто момент смерти не всегда можно точно определить. И поэтому кто поручится, что люди, у которых берут органы для пересадки, действительно мертвы? А кто возьмет на себя смелость утверждать, что пребывающий вне тела не наблюдает, как врачи прекращают бороться за его жизнь и объявляют умершим, накрывают простыней и увозят в холодильную камеру? Может быть, он молит врачей, чтобы они сделали еще попытку вернуть его к жизни? Многие врачи задумываются над этим.

Неясность в определении истинного момента смерти создает также юридические проблемы. Хью Смит и его жена Луси попали в автомобильную катастрофу. Хью погиб на месте, его жену в бессознательном состоянии отвезли в больницу. У них не было детей, и в завещании каждого наследником был назван другой. При вступлении завещаний в силу юрист счел миссис Смит наследницей, хотя она не пришла в сознание и умерла в больнице спустя семнадцать дней после аварии. Таким образом, миссис Смит унаследовала все имущество мужа, которое затем перешло к ее родственникам. Родные Хью Смита опротестовали это решение. Племянник подал в суд и заявил, что оба — Хью и Луси Смит — «скончались, утратив способность к волеизъявлению в один и тот же момент, и их гибель как человеческих существ последовала в одно и то же время в результате автомобильной аварии». Суд, основываясь на сделанном в 1951 г. определении смерти законом, установил, что «человек, который дышит, хотя и находится без сознания, жив». Имущество досталось родным Луси Смит.

Не так давно казалось несложным определить, умер человек или жив. Нужно было поднести к его лицу холодное сухое зеркальце или капнуть в глаз табачного сока и ждать реакции. Или можно

было нащупать пульс и слушать сердцебиение. Все это считалось надежными методами, так как смерть означала прекращение сердечной и легочной деятельности. Случай Луси Смит включил в дефиницию смерти в штате Северная Каролина определение активности головного мозга. Уточнения множатся. Аппаратура, используемая для поддержания жизни, делает почти невозможным определить момент смерти. Аппараты искусственного дыхания или аппараты искусственное сердце—легкие поддерживают в теле жизнь, а электроэнцефалограф свидетельствует, что у человека могут быть отмечены мощные биотоки мозга даже после прекращения деятельности сердца и легких. И действительно, многие врачи в настоящее время придерживаются мнения, что может вовсе не существовать того, что мы именуем «моментом смерти».

«Не существует магического момента, когда жизнь исчезает, — говорит Роберт С. Морисон, профессор Корнельского университета. — Смерть больше не является отдельным, ясно очерченным моментальным явлением, как и детство, отрочество, средний возраст». Постепенность смерти становится сейчас заметнее, чем когда бы то ни было, говорит Морисон. «Мы знаем, что различные органы тела могут оставаться живыми в течение месяцев, после того как его центральная система отказала». Этот факт имеет не только медицинские или юридические последствия, но также и религиозные. Если смерть — процесс постепенный, то когда душа или то, что французский философ Анри Бергсон называл *l'elan vital* *, то, что отличает человека от остальных живущих на земле существ, покидает тело? Теологи могут и так и этак трактовать этот вопрос, но врачи и юристы нуждаются в ответе безотлагательно.

В этом отдаст себе отчет Майкл Скуед. В июле 1977 г. его пятилетняя дочь Лора заболела тяжелой болезнью горла. Определили, что у нее гемофилический грипп типа Б, захватывающий надгортанник и препятствующий дыханию. Болезнь развивалась настолько быстро, что прежде чем Скуед доставил дочь в медицинский центр Нэссоу Каунти на Лонг-Айленде, ее дыхание уже около часа было затруднено. Лора находилась при смерти и по прибытии была помещена под аппарат искусственного дыхания. Врачи были убеждены, что ее мозг сильно поврежден. Прошла неделя, и для определения размеров повреждения была сделана энцефалограмма, показавшая совершенное отсутствие мозговой деятельности. Лора Скуед была мертва. Или нет? Законодательством штата Нью-Йорк не принято определение «смерть мозга», хотя в больницах оно в ходу. Майкл Скуед доказывал, что, пока тело его дочери живет, он требует, чтобы были приложены все усилия, чтобы вернуть ее к жизни, и он возбудил дело против больницы, когда врачи

* Жизненный порыв (фр.).

ослабили усилия в отношении Лоры. Майкл Скуед считал, что в его дочери еще «теплится жизнь». «На мой взгляд,— говорил он,— чудо еще возможно, и я сделаю все, чтобы дать Лоре шанс вернуться». Успехи медицины в возвращении людям жизни вселяют во многих надежды — иногда оправданные, иногда нет.

В 1968 г. группа гарвардских врачей дала определение «смерти мозга». По широко распространенному определению у человека должна вычерчиваться прямая самописцем ЭЭГ в течение двадцати четырех часов, затем, после какого-то времени, ЭЭГ должна быть снята еще раз для проверки, и, если окажется, что вычерчивается прямая, человек мертв. Это означает, что человек находится в необратимой коме, и если даже будет выведен из такого состояния, то принужден будет влачить растительное существование.

Многие штаты не узаконили определения «смерть мозга». Теперь новый прибор, сконструированный доктором Арнолдом Старром, неврологом Калифорнийского университета в Ирвине, может внести уточнения в определение смерти мозга — и в некоторых случаях отменить его. Прибор Старра в тысячу раз чувствительнее ЭЭГ, показывает активность глубоко в центре мозга. Доктор Старр уже доказал, что двадцать шесть человек, которые считались мертвыми по данным, установленным ЭЭГ, были живы, и нескольких из них удалось вернуть к жизни — без мозговых повреждений!

Определение «смерти мозга» может быть очень затруднено. Невролог из Онтарио недавно доказал, что прочтение ЭЭГ не всегда может оказаться верным. Доктор Эйдриан Аптон из Макмастерского университета в Гамильтоне, в Онтарио, произвел анализ биотоков студенистой массы формой и размером с человеческий мозг. К удивлению многих, он получил запись, которая легко расшифровывалась как свидетельство жизни. Эксперимент проводился в отделении реанимации, и волнистые линии, даваемые студнеобразным веществом, отражали случайные электрические сигналы, идущие от включенных рядом аппаратов искусственного дыхания, аппаратов внутривенного вливания и человеческой деятельности. Опыт был произведен как бы в шутку, но доктор Аптон при обсуждении, как определить смерть, подчеркнул следующее: «Необыкновенно трудно получить прямую линию ЭЭГ даже при наличии смерти мозга. Существуют сотни явлений, которые могут приводить к неверному прочтению».

Доктор Хенри Бичер, известный врач, возглавлявший в 1968 г. Гарвардский комитет, который предложил определение смерти как необратимой комы, когда были оглашены гарвардские критерии, настаивал: «Какой бы уровень [активности биотоков мозга] мы ни выбрали, это произвольное решение, если иметь в виду, что электронное оборудование становится все более сложным, что то,

что когда-то расценивалось как прямая линия ЭЭГ, может быть рассмотрено как характерные для жизни волны». Прибор доктора Арнолда Старра подтвердил предсказание доктора Бичера. Очень трудно ответить на вопрос: когда умерший оказывается за гранью, откуда его нельзя вернуть к жизни? Разумеется, какие-то определения должны существовать, на которых бы сошлись юристы, врачи и теологи. Но до согласия далеко, так как проблемы, связанные со смертью, становятся еще сложнее, если мы рассмотрим процесс умирания.

Что такое смерть — процесс или явление? Это не просто игра словами. С одной стороны, считается, что смерть — это ясно очерченное событие, которое означает конец жизни. С другой стороны, умирание рассматривается как долгий, растянутый процесс, начинающийся вместе с началом жизни и не завершающийся, когда гибнет последняя клетка тела.

Первая точка зрения более традиционна, она глубоко укоренена в нашей литературе, искусстве и законах. Понятие «момент смерти», очевидно, основано на наблюдении драматического, единичного, резкого действия, наподобие последнего вздоха. «Те, кто наблюдает напряженную агонию, легко могут счесть, что это особое, с важными последствиями событие произошло, — говорит доктор Морисон, — что смерть пришла, а жизнь ушла». Этот взгляд принят и некоторыми врачами и теологами, потому что освобождает их от внимания к некоторым невписывающимся фактам.

Если непредвзято рассмотреть биологические факты, определяющие понятие смерти, то обнаружится, что они так же нечетко выражены, как и понятие рождения. Человеческое существо начинает жить неприметно, неосознанно и в неизвестное время, в результате соединения случайных клеток. Через несколько часов клетка делится. Число живых клеток в организме продолжает возрастать в течение примерно двадцати пяти следующих лет, затем медленно начинает убывать. (Здесь проходит линия биологического деления на «молодых» и «старых».) Если это рассмотреть таким образом, то большую часть жизни мы проводим в умирании.

«По многим причинам, — говорит доктор Морисон, — легче определить начало процесса, рождение, чем конец, смерть». Считается, что растущий плод становится постепенно более «ценным» с течением времени; его строение усложняется, и его потенциал здоровой, продуктивной жизни возрастает. На другом конце жизни процесс идет в обратном направлении; принято думать, что жизнь умирающего пациента постепенно становится все менее сложной и богатой и в результате меньше заслуживает продолжения или сохранения. Таким образом, то, что когда-то было ценным, обесценивается. Верно или нет, но так выглядит традиционное рассуждение.

По обычному медицинскому определению, *клиническая смерть* происходит, когда самопроизвольно необратимо прекращаются дыхание и сердцебиение. Кровь перестает циркулировать, в мозг не поступает кислород. Если не начать немедленно искусственно возвращать человека к жизни, наступает *смерть мозга*: мозг при нормальной температуре тела не может выдержать без кислорода дольше пяти минут. Опираясь на этот факт, помощник прокурора округа Томас Дж. Манди доказал летом 1976 г. перед Верховным судом штата Массачусетс пограничный случай смерти мозга.

В два часа десять минут пополудни 24 августа 1975 г. Роналд Салем, белый, тридцати четырех лет, остановился купить сигарет в угловой лавке на Коламбия Поинт, в заселенном преимущественно черными новом квартале в Дорчестерском районе Бостона. Когда он шел обратно к своей машине, ему в голову попала бейсбольная бита, брошенная Зигфридом Гоулдстоном. Салем перенес две операции в Бостонской городской больнице, они не увенчались успехом; два сделанных теста на биотоки мозга не обнаружили ничего. Роналд Салем был мертв. Врачи отключили аппаратуру, поддерживающую жизнь Салема, а Гоулдстон был обвинен в убийстве без смягчающих обстоятельств. Манди выдвинул обвинение: не Гоулдстон, а врачи убили Салема, если бы врачи приложили больше усилий, Салем мог бы остаться в живых. Во всяком случае, настаивал помощник прокурора, подсудимый виновен только в том, что нанес удар погибшему, но не в том, что убил его. Наконец, весной 1977 г. массачусетский суд разошелся во мнениях и, приходя к соглашению, первым из верховных судов страны принял определение смерти мозга. «С медицинской точки зрения,— объяснил Манди суду,— даже если сердце и кровообращение остановились, человек не считается умершим, пока не умрут клетки мозга».

Все десять миллионов клеток мозга? Половина их? Манди, разумеется, не уточнял сколько. И даже не задумывался над этим. Но врачи, которые пытаются определить смерть, должны будут иметь в виду и это.

Поскольку тело умирает постепенно, значит, мозг также. При кислородном голодании сначала умирает высокоразвитая мозговая кора, та часть мозга, где регистрируется восприятие и откуда идут импульсы волевых актов. Мозговая кора — часть мозга, которая участвует в накоплении памяти, которая вырабатывает решения и где происходят мозговые процессы, связанные с языком, логикой, математикой. Затем умирает средний мозг и, наконец, ствол. При необратимом разрушении высших уровней головного мозга, при неповрежденном стволе — примитивном жизненном центре нижних уровней нервной системы — человек будет постоянно пребывать без сознания, но его сердце и дыхательные органы

могут продолжать работать. Несомненно, большая часть мозга Салема была повреждена, поэтому его дыхание нужно было поддерживать при помощи аппаратуры. Когда все части мозга умирают, наступает *биологическая смерть*, или полное пресечение биологической жизни. Но даже после биологической смерти органы мертвого тела могут какое-то время сохраняться живыми при помощи химических и механических методов. Так, сейчас можно сохранить в течение нескольких дней легкие, сердце и конечности гильотинированного.

Множество клеток тела, однако, продолжает какое-то время жить своей собственной жизнью после биологической смерти. Мускулы, например, реагируют на электрические раздражители до двух часов после смерти. Волосы и ногти могут продолжать расти в течение суток или дольше. Известно много случаев эксгумации трупов, при которых отмечались сильно отросшие волосы и ногти. С другой стороны, некоторые группы клеток даже могут быть удалены из тела после смерти и сохраняться живыми и функционировать, в некоторых случаях — бесконечно, в искусственной среде.

В выяснении сути жизни и смерти бывает трудно определить различие между живой и неживой материей. Если определять жизнь как способность воспроизводить и группировать — обычное определение в биологии — границы термина будут неясны. К примеру, рабочая пчела бесплодна и потому не может воспроизвести себя. Разумеется, это не значит, что она мертва. Особенно парадоксальны вирусы, которые обладают способностью воспроизводиться и группироваться, подобно живым организмам, в то же время имея структуру неживого кристалла. Это представляет интерес в связи с попытками обнаружить жизнь на других планетах нашей Солнечной системы. Третья возможность, редко рассматриваемая, состоит в том, что иногда нельзя определить — считать ли что-то живым или нет.

3 ноября 1977 г. ученые из Университета Иллинойс объявили, что обнаружили редкую группу бактерий, которые живут в водороде, двуокиси углерода и при высоких температурах и не выносят кислорода — кислород убивает их. Организмы, которые, как предполагается, еще старше, чем известные нам — четыре миллиарда лет, генетически настолько отличны от того, что существует, что доктор Карл Везз, руководитель исследовательской группы, рассматривает их как новое «третье царство» живой материи. Бактерии, встречающиеся в лишенных кислорода условиях, таких, как пищеварительная система жвачных животных, гниющие нечистоты и геотермальные горячие источники, содержат также витамины, нигде больше не обнаруженные. Поскольку в ранние эпохи атмосфера Земли состояла по большей части из водорода и двуокси-

си углерода и было намного жарче, чем сейчас, доктор Веуз полагает, что новообнаруженная форма жизни могла служить для «поглощения» вредной атмосферы и, таким образом, создавать кислородную среду, в которой развивалась животная жизнь: удивительная бактерия была вытеснена в бескислородные условия. Принимая во внимание различные химические условия других планет, трудно даже предположить, какие формы жизни могут быть обнаружены и насколько возможно будет классифицировать их как живую или неживую материю, исходя из земных стандартов. Спектр жизни может оказаться намного шире, чем мы предполагаем.

Клетки Ха-Эл, например, представляют собой случай, заслуживающий глубокого внимания с биологической и философской точки зрения. Клетки принадлежат женщине, умершей в Балтиморе более четверти века назад, — женщине, которая, возможно, оказалась ближе к реальному бессмертию, чем кто-либо еще на этой планете. Хотя она уже давно умерла и похоронена, клетки, взятые из ее шейки матки, живут в лабораториях мира. Ха-Эл — это ее инициалы, которые до сих пор часто появляются в научных журналах, а ее ферментативная и хромосомная сигнатуры до сих пор являются стандартами, по которым измеряется поведение других клеток. История миссис Ха-Эл заслуживает внимания.

В феврале 1951 г. в гинекологическую клинику больницы Джона Хопкинза в Балтиморе обратилась молодая негритянка. У нее наблюдались частые и нерегулярные вагинальные кровотечения. При обследовании обнаружили мягкую кровоточащую область на шейке матки, перерождавшуюся в раковую опухоль. В то время ученые не умели выращивать и культивировать для изучения раковые клетки. По неизвестным причинам для нескольких раковых клеток этой женщины технические условия оказались благоприятными, и вскоре врачи больницы Джона Хопкинза стали рассылать большое количество выращенных раковых клеток, которые стали мировым стандартом в исследованиях рака. С ними работали во всех лабораториях. Если бы не было клеток Ха-Эл, исследования рака отстали бы на десятки лет от сегодняшнего уровня. До сего дня сохраненные клетки содержат генетическую информацию о женщине из Балтимора, которую врачи годами именовали Хелен Лейн. Однако в 1971 г. было выяснено ее подлинное имя — Хенриетт Лак, и журналисты принялись атаковать семейство Лак дурацкими вопросами: что они ощущают по поводу того, что их мать продолжает жить в виде клеточной культуры? Сначала семья была шокирована открытием — они никогда не слышали о клетках Ха-Эл, но постепенно они стали расценивать это явление как вклад их матери в науку. Некоторые жертвуют для науки свои органы после смерти. Хенриетт Лак, сама не ведая

о том, пожертвовала предавшие ее клетки. Клонирование, то есть создание организма по генетической информации, содержащейся в одной клетке, еще невозможно в отношении людей, но производится в отношении некоторых низших уровней жизни. Если клонирование людей когда-либо станет реальностью — многие ученые полагают, что это вопрос времени, — сможет ли Хенриетт Лак «вернуться»? Если да, будет ли она обладать душой? Будет ли любой человек, клонированный из генетической информации, содержащейся в одной клетке, обладать душой? Это может ввергнуть теологов в сомнения, до тех пор не испытанные.

Столь же важен и к тому же требует неотложного ответа вопрос: сохраняется ли *жизнь* в мускулах, которые дают реакцию спустя два часа после смерти? В волосах и ногтях, которые продолжают расти в могиле? Разумеется, большинство из нас ответит: «Нет!» Поскольку, употребляя слово *жизнь*, мы имеем в виду личность человека. Папа Пий XII на вопрос, когда наступает смерть, ответил: «Жизнь человека продолжается столько, сколько его жизненные функции, которые следует отличать от просто биологической жизни органов, действуют самопроизвольно без помощи искусственных процессов». Но какая жизненная сила заставляет некоторые клетки расти после смерти? И каким образом эта сила соотносится с жизненной силой, характеризующей живого человека в целом? Хотя мы говорим о «биологических силах» и «духовных силах» и делаем различие между физической электромагнитной аурой и духовными аурами, подобными душе, мы должны признать, что в настоящий момент еще далеки от окончательных ответов. Что же касается определения, данного папой Пием XII, то многие ученые-физики и исследователи-психологи доказывают, что в нем имеются серьезные пробелы. Например, в какой момент точно в процессе умирания личность навсегда покидает тело, чтобы никогда не вернуться? И как воспринимать те тысячи случаев возвращения к жизни личности или сознания, которое может парить, останавливаться, удаляться или возвращаться.

Медсестра нью-йоркской больницы Флауэр Фифс-авеню рассказала волнующую историю тринадцатилетней девочки, мать которой вернули к жизни после клинической смерти, наступившей во время операции. Позднее, дома, миссис Шэрон де Марко поделилась впечатлениями от испытанного ею ОВТ с мужем, двумя сыновьями и дочерью. Она оказалась на операционном столе, и, пока она наблюдала за процедурой своего «оживления», часть ее сознания путешествовала по городу, к средней школе дочери, где она видела класс дочери во время урока. Почти сохраняя по временам двойное сознание, Шэрон де Марко впоследствии пересказала врачу отрывки разговоров в операционной. «Он побледнел как полотно, — говорит она, — и не подтверждал, не отрицал того,

что я слышала». Ее врач до сих пор отказывается обсуждать этот случай, но на дочь миссис де Марко, Донну, произвел впечатление рассказ матери о школе. Шэрон де Марко видела дочь, сидящую в конце классной комнаты (обычно она сидит ближе к центру класса). Она не могла определить, какой был урок, кто присутствовал еще — словом, ничего, что могло бы быть проверено и подтверждено. Однако Донна, оказывается, думала еще и о другом.

Позже, вечером, когда мать зашла в ее комнату пожелать спокойной ночи, та призналась: «Я боюсь быть похороненной заживо». Сначала мать не поняла, откуда этот внезапный страх, но, пока она сидела на краю кровати дочери, до нее дошел весь смысл сказанного. «Почему ты подумала об этом?» — спросила она, догадываясь, что знает ответ. Дочь ответила ей вопросом: «Если ты была в сознании, когда они сочли тебя мертвой, разве они не могли похоронить тебя, а ты бы наблюдала за этим?» Вдруг Шэрон представила, как ее сознание продолжает жить во время похоронной процессии и самих похорон. Она ответила: «Нет, конечно нет. Это совершенно невозможно». Но вопрос заставил ее провести ночь без сна. Чем дольше она размышляла, тем правдоподобнее казалось ей рассуждение дочери. Была она, Шэрон, мертва или нет? Что случилось бы, если бы врачи сочли дело безнадежным? Продолжала бы она осознавать события, происходящие в операционной?

Один леденящий вопрос порождал другой. Шэрон было известно, что для успешной пересадки некоторые органы должны быть взяты в течение часа после смерти, иначе в них произойдут необратимые разрушения. Ее интересовало, может ли случиться, что врачи прекратят свою деятельность, направленную на то, чтобы вернуть пациента к жизни, сочтут его мертвым и примутся удалять важные органы, в то время как пациент, не испытывая боли, наблюдает за происходящим на операционном столе. «Я вполне осознавала все, что они делают с моим телом», — говорит она. Брюшная полость Шэрон де Марко была вскрыта, и врачи удаляли женские органы, в то время как она «наблюдала». Если бы они прекратили попытки оживить ее, когда ее сердце остановилось, и решили бы взять для трансплантации ее почки, разве она не увидела бы и это?

В прошлом людей не раз по ошибке считали мертвыми и хоронили заживо. Сегодня, поскольку тела бальзамируют, возможности быть похороненным заживо практически не существует. Но Шэрон де Марко так и не получила ответа, который бы полностью ее удовлетворил.

Многие врачи, с которыми мы беседовали, обеспокоены тем же: когда начинает и когда перестает работать сознание?

Случай Шэрон де Марко произошел в 1973 г., за четыре года до экранизации бестселлера «Без сознания». Рассказ бостонского хирурга-офтальмолога Роберта Кука повествует о приключениях молодой женщины-врача, пытающейся раскрыть причину подозрительно внезапных смертей в бостонской больнице. Она обнаруживает, что группа врачей, замешанных в торговле на черном рынке человеческими органами, убивает пациентов, чтобы воспользоваться их жизненно важными органами. Рассказ Кука производит огромное впечатление, поскольку основан на существовавших относительно докторов и юристов подозрениях; подобные подозрения появились около двадцати лет назад, с момента, когда впервые начали пересаживать органы. Сегодня органы доставляются в критически короткий срок; жизнь множества людей зависит от быстроты смерти донора.

Взгляд на статистические данные обнаруживает ряд проблем и, возможно, серьезность их последствий. Вот потребность в семи важнейших органах, которая существовала в США в 1977 г.

Почки. К концу 1975 г. более четырнадцать тысяч людей в Соединенных Штатах получили трансплантированные почки. Около восьми тысяч людей умирает каждый год, поскольку нет достаточного количества почек. Почки должны быть удалены в течение часа после смерти.

Глаза. Около четырех тысяч операций трансплантации роговицы глаза производится за год. Врачи считают, что около тридцати тысяч мужчин и женщин, частично или полностью слепых, могли бы вернуть себе зрение, если бы было больше годной к употреблению роговицы. Глаза удаляют в течение шести часов после смерти.

Уши. Используется только механизм среднего уха. Во временном хранилище в Мэриленде даже не представляют, насколько больше глухих могли бы слышать, если бы больше необходимых органов были пригодны. Врачи полагают, что число этих людей измеряется тысячами, и здесь существует огромный дефицит.

Сердце. Несмотря на все внимание, уделяемое этому виду трансплантации начиная с 1969 г., поскольку операция сложна и высок процент неудач, насчитывается около 250 произведенных трансплантаций. Однако существует огромная нехватка сердец для кардиологических исследований. Цифры не приводятся, поскольку для исследовательской работы может быть использовано любое сердце.

Кожа и кости. Кожа и костная ткань берутся сразу же после смерти Морским хранилищем тканей Соединенных Штатов в Бетезде, Мэриленд. Кожа совершенно необходима при тяжелых ожогах большой площади; она более эффективна, чем применение обыкновенных повязок. Поскольку кожа бывает нужна часто и в больших количествах, здесь всегда существует дефицит.

Гипофиз. Этот величиной с горошину орган располагается в нижней части мозга. В настоящее время около пяти тысяч детей страдают от недостаточности гипофиза, в результате чего они остаются карликами. Каждому из этих детей необходима вытяжка из 120 взрослых желез ежегодно, пока они не достигнут полностью нормальных размеров. Другими словами, чтобы полностью удовлетворить потребность в гипофизарных гормонах, нужно железы семидесяти процентов всех умирающих в стране отдать в Национальное гипофизное агентство и, таким образом, вырастить больных детей нормальными.

При такой огромной нехватке жизненно важных органов в настоящее время ходит множество разговоров о том, что врачи не всегда ждут достаточно долго, прежде чем взять орган для пересадки. В одном нашумевшем случае доктор Норман Шимуэй, известный специалист по сердечной хирургии Стэнфордского университета, удалил сердце у убитого и пересадил его одному из своих пациентов. Хотя ЭЭГ мозга жертвы давала прямую линию, что соответствует смерти, сердце еще мягко пульсировало, когда доктор Шимуэй принялся вырезать его из груди. Защитник обвиняемого в убийстве адвокат Эндрю Д. Лайонз утверждал, что не его подзащитный убил человека выстрелом в голову, что причиной смерти стал доктор Шимуэй, удалив еще «бьющееся» сердце, стремясь получить этот орган для одного из своих пациентов. Судья отклонил аргумент защиты, но другой судья в Калифорнии в подобном случае счел, что удаление бьющегося сердца или сердца, которое поддерживают в живых аппараты, затрудняет определение причин смерти.

В попытке избежать конфликта между лечащим врачом и трансплантационной бригадой было принято общее, хотя и неписаное правило: признание человека мертвым и удаление его органов производится раздельно, и решение принимает каждая бригада независимо. Другими словами, врач, который констатирует смерть, не может быть тем, кто удаляет жизненно важные органы. К сожалению, в больницах не хватает врачей, а в отделении «Скорой помощи», когда орган следует удалить немедленно, а работает лишь один врач, правило не может быть соблюдено. Но большинство больниц придерживается этого, гарантирующего безопасность правила. Поскольку известно, что сознание может сосуществовать с клинической смертью, оно может с тем же успехом существовать, когда у человека официально констатируют смерть мозга, и даже продолжаться во время биологической смерти и за ее пределами. Эти возможности несут с собой новые аспекты проблемы своевременности удаления органов. Разумеется,

ни один пациент не очнется, если у него удалены жизненно важные органы. Но можно себе представить, как «мертвый» пациент, очнувшись, обнаруживает, что у него изъята роговица глаза или удалена и пересажена кому-то почка. Возможно, в подобных случаях преждевременного удаления органов астральное тело мудро отказывается от возвращения в неполное физическое тело, превращая смерть, которая могла бы оказаться временной, в постоянную.

Часть врачей полагает, что в человеке во время смерти перемены происходят постепенно, но многие придерживаются противоположной точки зрения. Лион Касс, профессор биоэтики Центра биоэтики имени Кеннеди в Джорджтаунском университете, утверждает, что, «в то время как умирание часто представляет собой длительный процесс, смерть — нет».

Умирает, по мнению Касса, организм в целом. Это, как он полагает, не постепенный процесс, а мгновенное явление. «Такова эта смерть, — говорит Касс, — смерть индивидуального человеческого существа, имеющая значение для врачей и для общества, а не смерть органов или клеток, представляющих собою не более чем части». Сторонники холистического понимания смерти указывают, что жизнь, в особенности человеческая, не может быть сведена к своим физиологическим, биологическим и физико-химическим компонентам. В отношении человеческого существа, утверждают они, целое определено больше, чем сумма его частей. Далее они полагают, что все попытки затемнить различие между жизнью и смертью ошибочны и опасны. По их мнению, физическое и астральное тела расстаются резко и необратимо, серебряная нить не растягивается и перетирается, а резко обрывается.

Очевидно, что философия, этика и верования каждого столь же важны при определении смерти, как закон и медицина. Роберт М. Витч, доктор философии и теологии, в своей книге «Смерть, умирание и биологическая революция» излагает гипотетическую ситуацию, которая когда-нибудь станет реальной, и касается сути вопроса о жизни и смерти.

Сначала, говорит Витч, кажется, что необратимое прекращение сердечной и легочной деятельности представляет собой традиционное понимание смерти. Но после размышлений даже оно представляется неверным. «Если пациент просто потерял контроль над деятельностью легких и нуждается в аппарате искусственного дыхания, он остается живым, пока получает кислород. Если современная технология будет производить эффективно действующие компактные аппараты «искусственное сердце — легкие», которые можно будет носить в рюкзаке или в кармане, люди, применяющие эти приборы, не будут считаться мертвыми, даже если их сердце и легкие постоянно не будут функционировать. Некоторые могут счесть таких людей оскорблением

человеческого достоинства, другие могут утверждать, что прибор такого рода никогда не удастся соединить с человеком; но даже они вынуждены будут согласиться, по всей вероятности, с тем, что такие люди будут живыми».

Даже недолгое размышление показывает, что так или иначе в центре всей проблемы «жизнь и смерть» находится душа. Если бы душа могла быть определена, помещена, закреплена в каком-то одном или нескольких местах, к радости большинства людей, исчезла бы большая часть сложностей. Во времена Аристотеля люди считали, что душа находится в сердце. Декарт располагал душу в шишковидной железе у основания мозга. Принимая современное определение смерти мозга, говорим ли мы тем самым, что душа человека располагается в его мозгу? Похоже, что именно так. Витч доводит эти рассуждения до пугающих крайностей. Допустим маловероятную возможность перенесения при помощи записывающих устройств электрических импульсов мозга на компьютерную ленту. Была бы эта лента вместе с несколькими видами минимально сенсорных приборов живым человеческим существом и могло бы стирание записи с ленты быть расценено как убийство?

Это не такая отвлеченная проблема, как может показаться на первый взгляд, особенно если познакомиться с исследованиями доктора Роберта Уайта. В кливлендской больнице Метрополитен Джeneral в отделении нейрохирургии доктор Уайт работает над лабораторным исследованием мозга обезьян. Сначала он дает обезьяне наркоз и аккуратно удаляет мозг. Тело выбрасывают за ненадобностью, а мозг помещают в физиологический раствор и подают под давлением кислород. Доктор Уайт поддерживает несколько десятков обезьяньих мозгов в течение недели живыми и даже «думающими», электроды показывают, что мозг реагирует на электрические раздражители нормально.

Доктор Уайт пытается получить еще более полную картину функционирования мозга путем изучения его в изоляции, а его необычное исследование поставило несколько острых вопросов: содержится ли в плавающем в растворе мозге вся обезьяна? Если поддерживать жизнь с помощью искусственного сердца — легких (это несложно) лишенное мозга тело обезьяны, что будет содержать сущность жизни — *тело обезьяны* или *мозг*, находящийся в растворе? Где индивидуальность обезьяны? В теле, в сосуде или она каким-то образом разделена надвое? Доктор Уайт утверждает, что активность изолированного мозга фактически сильнее и яснее, чем мозга, связанного с телом. Что это означает, неясно, но это делает наши вопросы еще более важными.

Один из коллег доктора Уайта, когда его спросили, как он узнает, что мозг в сосуде думает, ответил: «Мы знаем это благо-

даря приборам, благодаря линиям ЭЭГ. Эти проводочки показывают, что связаны с работающим мозгом. Это не вызывает сомнений. Я даже считаю, что без рецепторов обезьяна могла бы мыслить с большей скоростью. Какого рода было бы ее мышление, не знаю. Я полагаю, что обезьяна прежде всего представляет собой память, запас информации, накопленный, когда она была плотью; она не может развиваться дальше, поскольку у нее нет пищи для опыта. Хотя и это тоже новый опыт».

Обезьяны были выбраны для исследований по сходству их мозга с человеческим. Если на минуту отрешиться от этики, эксперименты доктора Уайта могли бы с таким же успехом быть проведены с человеком. Вдруг наши вопросы настоятельно потребовали ответов. Но настоящих ответов не может быть, пока опыт не произведен с человеческим мозгом и мозг успешно возвращен в череп. Мог бы такой человек, придя в себя, рассказать нам о своем самом необычайном ОВТ? Это ли испытывают десятки обезьян, расставшихся с телом?

«Пища для опыта», по выражению коллеги доктора Уайта, это именно то, в чем многие ученые и теологи видят первичную потребность жизни. Именно высшая разумная деятельность человека, говорит Витч, «настолько существенна, что ее отсутствие должно расцениваться как смерть личности». Несмотря на то что сознание исключительно важно, Витч доказывает, что социальная природа человека и ее воплощение оказываются поистине существеннейшими чертами. «Поэтому я полагаю, что наиболее правильно думать о смерти как о невозвратимой утрате воплощенной способности к социальному взаимодействию».

Это заключение определяет мозг в целом как нечто связанное с утратой телесного единства. Эмпирическая задача определения критериев невозвратимой утраты телесного единства была разработана в 1968 г. Комитетом *ad hoc* * для проверки определения смерти мозга при Гарвардской медицинской школе. Дополнительные критерии, применяемые в случае ровной линии ЭЭГ, обманчиво просты и выглядят следующим образом:

1. Пациент должен быть полностью без сознания и не реагировать ни на что; «даже самый сильный болевой раздражитель не вызывает голосовой или какой-либо другой реакции, стоны, отдергивания конечностей или убыстрения дыхания».

2. Пациент должен находиться под наблюдением по меньшей мере в течение часа, чтобы была уверенность в том, что у него отсутствуют мускульные движения или самостоятельное дыхание.

3. Должны отсутствовать рефлексy. Сухожилия при простукивании специальным молоточком не должны вызывать рефлекторных реакций мускулов, наблюдаемых у живых людей. Зрачки

* Специальным (лат.).

глаз должны быть расширены и нечувствительны к яркому свету.

Все эти тесты должны быть повторены по крайней мере через двадцать четыре часа и не выявить изменений.

Как упоминалось раньше, критерии широко известны, хотя и не так широко приняты, как закон. Царит неразбериха. С 1970 г. по крайней мере двенадцать штатов узаконили определение смерти, но критерии в разных штатах различны, что означает: смерть в разных штатах тоже различна. Канзас, Мэриленд, Нью-Мехико, Орегон и Виргиния, например, считают необходимым, чтобы прекратилось самостоятельное дыхание и функции сердца или самостоятельное функционирование мозга. Аляска, Мичиган и Западная Виргиния оставляют в списке прекращение дыхания и кровообращения, а вторым критерием считают необратимую кому. Другая крайность — Иллинойс, здесь мерилom жизни и смерти служит прекращение функций мозга. Разумеется, путаница только усиливается при определении, когда считать человека мертвым с точки зрения медицины и закона.

Варианты границы жизни—смерти еще более различны в разных странах. Французская национальная медицинская академия считает человека мертвым, если его ЭЭГ не регистрирует активности в течение сорока восьми часов. Советские врачи используют в качестве критерия в некоторых случаях пятиминутные данные ЭЭГ.

Доктор Джозеф Дж. Тиммиз, профессор хирургии нью-джерсйского колледжа медицины и стоматологии, приезжал в Советский Союз и разговаривал с врачами из медицинских учреждений Ленинграда и Москвы. Когда он задал вопрос, каким образом они определяют момент смерти, они ответили, что эта проблема не представляется серьезной, так как все тела принадлежат государству. «Когда человек умирает, то есть признан умершим, врачи могут производить вскрытие или удалять органы без согласования с ближайшими родственниками, как это предусмотрено законом в США», — говорит доктор Тиммиз.

Отсутствие активности мозга, зарегистрированное ЭЭГ, совершенно бессмысленно, когда речь идет о замерзших до смерти. Если температура тела человека падает ниже 90° (по Фаренгейту), происходит то, что называется гипотермией. Жертва может показывать полное отсутствие активности мозга в течение многих часов и все еще оставаться способной к полному выздоровлению. Она буквально оттаивает. «В условиях гипотермии, — говорит один врач, — пациент хотя и выглядит мертвым по всем установленным стандартам, но временно находится в состоянии искусственно созданной гибернации, или приостановленной жизни». (Мы рассмотрим в следующей главе несколько побивающих все рекорды случаев гипотермии.)

Проблемы, связанные с определением смерти, отражены неоднократно лауреатом литературных премий писателем Б. Д. Коулном, придумавшим горькую историю Карен Энн Куинлан. В своей захватывающей книге «Карен Энн Куинлан. Умереть, достигнув вечной жизни» Коулн обратился к истории смертельно раненной женщины, умершей по прибытии в больницу, помещенной под аппарат искусственного дыхания и возвращенной к жизни до момента, когда хирурги обнаруживают, что ее печень повреждена столь сильно, что спасти ее нельзя. Они отключают дыхательный аппарат, давая ей умереть второй раз. Коулн говорит: «Могут сказать, что врач, отключивший дыхательный аппарат, сыграл роль Бога, лишив женщину жизни. Если врачи играют роль Бога, они делают это, включая аппаратуру. У человека можно отнять жизнь, но эти врачи делают то, что, по нашему мнению, в силах совершить лишь Бог,— они дали жизнь женщине». Человек, научившийся продлять жизнь с помощью техники, превратил умирание в сложную, неопределенную, противоречивую задачу.

В «Короле Лире» Шекспир описывает распространенный в его время метод определения, жив человек или мертв: «Не даст ли кто мне зеркала? Когда поверхность замутится от дыхания, тогда она жива»*. Если бы сегодня пациентов, находящихся в состоянии клинической смерти, проверять при помощи зеркала, никого не посчитали бы живым. Мы были бы лишены рассказов о жизни после смерти. Что скажут сотни лет спустя о наших теперешних определениях смерти? Что мы уничтожили не меньше живых людей, чем невежественные лекари времен Шекспира?

КАК СМЕРТЬ ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ЖИЗНЬ

На склоне лет рабби И. М. Тукачинский создал притчу, которая подводит итог всему, что мы обсуждали до сих пор, и предвосхищает проблемы, которыми мы еще будем заниматься в этой книге.

Вообразите близнецов, мирно растущих в теплом чреве. Их жизнь течет спокойно. Весь их мир — это внутренность чрева. Можно ли представить себе что-либо больше, лучше, удобнее?

Они ощущают движение и начинают рассуждать: мы спускаемся все ниже и ниже. Если так пойдет дальше, нам когда-нибудь придется покинуть все это. Что тогда?

Один из младенцев верующий, наследник религиозной традиции, которая говорит ему, что после этого теплого и влажного существования во чреве начнется «новая жизнь». Странная вера, на взгляд лишенная оснований, но из таких, от которых не отступают. Она утешает. Второй младенец совершенный скептик.

* Шекспир У. Гамлет, принц Датский.— Король Лир. М., 1972. С. 261.

Всякие рассказы его не убеждают. Тому, чего нет в опыте, нет места в воображении.

Верующий брат говорит: «После нашей «смерти» здесь мы окажемся в новом, огромном мире невероятной красоты, где нас ждут необыкновенные впечатления. Мы будем есть ртом! Мы сможем увидеть то, что далеко, сможем услышать музыку и голоса благодаря ушам, что расположены у нас по сторонам головы».

Скептик отвечает: «Ерунда. Ты хочешь найти что-то, что заглушило бы твой страх смерти. Существует только этот мир. Другого мира, где мы могли бы очутиться, нет. Наш мир рухнет, а мы будем преданы забвению. Может быть, это неутешительная мысль, но она вполне логична».

Внезапно воды чрева вскипают. Чрево содрогается. Разверзается ад. Все кругом удары и боль. Страшные конвульсии. Кружение. Толчки один за другим. Верующий брат сломя голову спешит навстречу новому опыту и исчезает в темном туннеле. Выбравшись из чрева, он оказывается снаружи. Он существует. Другой брат пронзительно визжит и пытается удержаться. Он потрясен случившимся. Он скорбит и оплакивает трагедию. Вдруг он слышит леденящий душу вопль, а затем множество криков из темноты, затем наступает тишина. «Вот ужасный конец! — восклицает он. — Все, как я и предвидел!»

«Оплакиваемый скептиком «умерший» брат, — пишет рабби Тукачинский, — родился в новом мире. Крик — это знак здоровья и силы, а шум — это хор радостных восклицаний семьи, приветствующей рождение здорового младенца».

Человек появляется из тьмы «еще не» и следует во тьму «больше не». Если нам трудно вообразить «еще не», то представить себе «больше не» гораздо сложнее. Мысль о смерти в большей степени, чем рождение, оказывает глубокое воздействие на нашу жизнь. Люди, выжившие после клинической смерти, обнаруживают, что этот опыт в огромной мере изменил их жизнь. Действительно, какое бы ни было соприкосновение со смертью, для человека это не пройдет бесследно. Такова магия смерти.

Ученые сходятся на том, что если бы слово «смерть» отсутствовало в нашем словаре, то не были бы написаны великие книги, не были бы построены пирамиды и соборы, не были бы созданы замечательные произведения искусства, поскольку любое искусство уходит корнями в религию или магию. Неизбывность смерти придает жизни значение и значительность. «Смерть — источник наших побуждений, стремлений и свершений» — признал один психолог. Согласно Фрейду и Юнгу, днем или ночью, спим мы или бодрствуем, нет ни минуты, чтобы в нашем подсознании не было бы мысли о смерти. Часто эти мысли прорываются на поверхность, несмотря на то что мы изо всех сил боремся с ними.

Алан Уоттс говорит: «Нет ничего более притягательного, чем мысль о смерти. Поскольку человеку известно, что он умрет, он создал искусство, науку, философию и религию. Нет ничего, что так побуждало бы мыслить, как мысль о том, что и мыслям придет конец».

По мнению психолога Энтони Старра, человек — единственное создание, которое может предвидеть свою собственную смерть. Животные, как мы знаем, обладают рефлексом и врожденной реакцией на опасность, что уберегает их от преждевременного конца, но мы не можем поверить, что животные, подобно людям, видят неизбежность будущей смерти. Наше осознание собственной неизбежной смерти, возможно, наиболее значительное отличие человека от всех других живых организмов.

Наблюдения показывают, что дети осознают смерть примерно лет с пяти. Это возраст, когда ребенок начинает ясно отделять себя от окружения и от других людей; его эго достигает такой степени развития, что он видит себя как обособленное существо, и как только эго утверждает себя, оно тут же начинает видеть возможность собственной кончины. В зависимости от того, как ребенок воспитывается, он может считать смерть пугающим, конечным, уничтожающим опытом или при более религиозном подходе — высшим продолжением личности.

До пятилетнего возраста дети имеют обыкновение разговаривать с умершими родственниками (или отсутствующими в комнате членами семьи), как если бы те были рядом. Эндрю Грили, директор Центра по изучению общественного мнения Чикагского университета, выяснил, что 31 процент опрошенных подростков дали ответ, что находились в контакте с умершим. К сожалению, никто не проводил исследования среди маленьких детей относительно контактов с умершими. Об этом ходит множество рассказов, но строгое исследование могло бы показать, что многие дети не фантазируют, когда уверяют, что разговаривали с умершими родственниками. Не осознавая так называемой межи между жизнью и смертью, они могут легко перейти ее. Дети видят связь между вещами, совершенно непохожую на «взаимосвязанность», отмечаемую современными докторами. Изучение детей из Китая, Венгрии, Швеции, Швейцарии и Соединенных Штатов показало, что дети в возрасте до шести лет видят жизнь как непрерывность всего существующего. Психиатры не относятся к этому всерьез. Должны ли мы рассматривать эту мысль как глупую, «детскую», или в ней скрыта глубочайшая правда?

Пятилетняя девочка, которую вернули к жизни после того, как она тонула, рассказывала о своем ОВТ врачу и родителям как о чем-то совершенно естественном, наподобие прогулки. Ей не казалось странным, что ее тело лежало на берегу, окруженное

людьми, а она сама плыла по воздуху: она не умерла, это было просто приключение, объяснила она. Может ли замечание ребенка отражать некую врожденную способность человека к ОВТ и глубинное знание о жизни после смерти?

Психолог М. Эйслер приводит три причины, по которым ученые в течение десятилетий избегали изучения смерти. 1. Прагматизм: поскольку смерть — явление необратимое и всеобщее, что мы можем почерпнуть из ее изучения; это ситуация, которой мы не владеем. 2. Объективность: нас слишком затрагивает в эмоциональном отношении тема смерти, чтобы мы могли принять необходимость объективного научного исследования. 3. Гедонизм: в нашей культуре энергия тратится ради все больших удобств и удовольствий; может ли исследование такой ужасной темы, как смерть, служить этой цели? Теперь мы видим, что первая и третья причины утратили свою значимость, — то, что мы узнали о смерти за последние несколько лет от людей, возвращенных к жизни, служит лучшим свидетельством о жизни после смерти.

Другие исследования смерти помогают лучше понять жизнь. Доктор Лизл Марбург Гудман, психолог Джерси-Сити стейт колледжа в Нью-Джерси, провела 623 интервью с людьми, занимающимися творческой деятельностью, и обнаружила, что творчество и страх смерти связаны между собою более тесно, чем предполагали ученые. Наиболее творческие люди могли откровенно и свободно говорить о своей смерти, не ощущая по этому поводу особого беспокойства. Но при дальнейших исследованиях доктор Гудман обнаружила множество противоречий. Прекрасным примером может служить случай с молодым физиком.

Пользующийся большим авторитетом в своей области, К. М. утверждал, что много лет назад принял мысль о смерти и с тех пор «больше никогда не думал об этом». Нет, сказал он, мысль об умирании не угнетает его, как и разговор о смерти, но, разумеется, мысли о смерти не служат побудительной причиной его действий и не влияют на него даже на подсознательном уровне. В этот момент ему задали вопрос: «Если вы отдаете себе в этом отчет, когда вы бы предпочли умереть — утром, днем, вечером или ночью?»

«Это не имеет значения», — быстро ответил К. М.

«Какое время года вы выбрали бы для смерти: весну, лето, осень или зиму?»

«Никакой разницы».

Несколько раздосадованный, К. М. поинтересовался, зачем эти бесполезные вопросы. Когда доктор Гудман спросила, считает ли К. М. смерть важным событием в своей жизни, он ответил: «Да, возможно самым важным». Он согласился, что для других

значительных событий своей жизни предпочитает определенное время и место, но никогда не думал об этом относительно смерти. Дальнейшие расспросы были ему малоприятны, и на вопрос, хотелось бы ему знать в полном объеме обстоятельства своей смерти, он ответил категорически: «Не хочу!»

«Настроение К. М. коренным образом изменилось, — говорит доктор Гудман. — Он стал неразговорчив, его прежний энтузиазм исчез совершенно, и он признался, что ощущает подавленность». В конце концов он понял, что его прежнее утверждение — что он давно примирился со смертью и больше о ней не думает — было не совсем верным. Он осознал, что на деле никогда не принимал мысли о смерти и годами был угнетен, думая о ней. Смерть часто снилась ему, и теперь он понял, что на подсознательном уровне у него всегда присутствовала мысль о смерти. Он признался, что всегда остро ощущал, как быстро бежит время, но до сих пор не связывал этого напрямую с подавляемыми мыслями о собственной смерти.

Доктор Гудман смело продолжает тему: «Я полагаю, что все то, что отличает нас от низших животных, — прямое следствие ответа на вызов смерти. Сама сущность человека основана на знании о собственной смерти. От постройки постоянных жилищ и изобретения средств передвижения, чтобы достигать отдаленных мест все быстрее и быстрее, до концепций и создания высочайших произведений искусства — все основано на нашем знании о смерти. Если бы мы не знали, что наше будущее ограничено, нас ждала бы только борьба за сиюминутные потребности и удобства, мы остались бы на уровне животных.

Смерть не только служит побудительной причиной для творчества, тема смерти занимает центральное место во всех формах художественного творчества: драма, танец, музыка, изобразительные искусства. В самом деле, при внимательном рассмотрении истории искусств мы приходим к выводу, что апогея творчество художника достигает в периоды наиболее явного противостояния собственной смерти. «Эта закономерность, — говорит доктор Гудман, — действует во времена, подобные нашему, когда отрицание смерти становится основным защитным механизмом. Даже средневековье не противоречит этому принципу, средневековье, когда творческие стремления не заходили слишком далеко, поскольку смерть была так могущественна, что у людей не было сил противиться мысли о ней. Чем больше смертей кругом, тем больше потребность отрицать смерть». Доктор Гудман не одинок в своем убеждении, что, если мы заставим себя осознать неизбежность собственной смерти, это может дать возможность осуществиться нашим невыявленным способностям и сделать каждый момент оставшейся нам жизни более ценным.

Люди, перенесшие клиническую смерть, естественно, осознают свою смерть более глубоко. Она уже оказала сильное воздействие на их жизнь, и неудивительно, что самое большое впечатление осталось у тех, кто убежден, что, пребывая вне тела, встретился со своим создателем. Часть этих рассказов исполнена глубокого религиозного чувства. Мы рассмотрим три из них.

В феврале 1970 г. домохозяйка из Калифорнии Кэтрин Хейуард узнала от врачей, что у нее болезнь Ходжкина — как правило, ведущее к смерти разрастание и воспаление лимфатических желез и селезенки. После недолгой ремиссии болезнь вернулась в марте 1974 г. Кэтрин чувствовала, что непременно умрет: «Я знала, что это всего лишь вопрос времени. Детей я отослала пожить к отцу. Было 30 июня 1974 г., десять часов вечера. Я набрала номер Энн, своей ближайшей подруги».

Энн приехала, и какое-то время Кэтрин без страха говорила о близкой смерти. Энн заметила, что ее подруга теряет силы, и настояла на том, чтобы отвезти ее в больницу. Кэтрин продолжает:

«Последнее, что я помню, после того как мы покинули дом, это то, как я шла сквозь больничные двери в отделение неотложной помощи. Я очнулась в реанимации. Рядом была Энн. Я была опутана проводами и трубочками. Мне стало страшно. Я услышала звонок и увидела, как к моей кровати торопится медсестра».

Сердце Кэтрин остановилось, она пережила ОВТ. Некоторые пациенты не знают точно, чей голос они слышат, Кэтрин знала:

«Я увидела Его — я знала, что это Бог. Я приблизилась к Нему — и наконец почувствовала себя в полной безопасности. Я услышала Его слова: «Ты должна вернуться», — хотя Его губы не шевелились. Его правая рука двигалась в воздухе, подобно цветку, колеблемому ветром. Его левая рука касалась меня. Слова звучали неумолимо».

Когда я вспоминаю, мне становится смешно, как я отвечала, я вела себя как обиженный ребенок: «Я не хочу возвращаться. Я хочу остаться здесь, с Тобой». Он ответил: «Твоя душа всегда была обращена ко мне; теперь тебе надо научиться быть ребенком. Этого ты еще не испытала. Пора принять то, что ты должна. Я говорю тебе: это будет счастливая жизнь — ты узнаешь любовь, и я не покину тебя, потому что ты принадлежишь мне».

Кэтрин очнулась от мучительной боли: мешали введенные в легкие трубки, по которым поступал кислород. Через два дня ее переместили в палату, но она была слишком подавлена и слишком рассержена, чтобы есть или разговаривать с кем-либо. К вечеру второго дня ее вернули в отделение реанимации.

«Я вновь оказалась вне тела — и Он был здесь. Посмотрев Ему в глаза, я смутилась, не знаю точно почему. Во всяком случае,

я добила, чего хотела — быть рядом с Ним. Он печально посмотрел на меня и сказал: «Мое сострадание привело тебя ко мне вновь. Я знаю, что ты хочешь быть рядом со мной. Если ты поступишь, как я прошу, ты потом придешь ко мне, и я не оставлю тебя». Я кивнула головой в знак согласия. Он улыбнулся — отвернулся и исчез. После этого я опять начала дышать. Дышать было легко, боли не было. Я знала, что это начало новой жизни. Силы стали возвращаться ко мне».

Вскоре Кэтрин вышла из больницы, и сейчас это здоровая, деятельная женщина, ставшая еще более религиозной и сострадательной благодаря пережитому. Таинственным образом все симптомы ее болезни исчезли, и она посвятила себя работе с умирающими пациентами в нескольких больницах. Врач, лечившая ее, сказала: «Я много работала с людьми, чтобы помочь им принять смерть, но впервые мне пришлось помогать пациенту принять жизнь».

Многих ученых приводят в замешательство религиозные моменты встреч со смертью, некоторые вообще отмечают их. Они хотят, жаждут услышать рассказы о туннелях, свете, музыке и тому подобном — безобидных, «символических» вещах, но недовольны или попросту не принимают во внимание свидетельств о том, что человек видел Бога или разговаривал с Ним. Мы беседовали с одним исследователем о встрече его пациентки со смертью. Он сказал: «Ее рассказ вызывал бы гораздо больше доверия, если бы не эта невястица о Боге и религии». Другой ученый сказал: «Я верю в опыт смерти, пока там не появляется религия». Такое отношение слишком хорошо известно. Но религиозные аспекты не могут и не должны быть оставлены без внимания, это довольно важная часть встреч со смертью.

Мы обнаруживаем, что иногда человек вступает в договор с Богом, и договор имеет силу. Доктор Норман Санд, кардиолог, попал в автомобильную катастрофу и был доставлен в отделение реанимации городской больницы в Портленде, штат Орегон. Около двух часов следующего дня во время хирургической операции его сочли мертвым. Он пережил ОВТ и при сияющем свете и разлитой в воздухе тихой музыке он вступил в спор с вселенской силой.

«Я бы определил это именно как вселенскую силу. Думаю, что, если бы существовало какое-то ее физическое выражение, я назвал бы эту силу Богом, но какое бы то ни было выражение ее отсутствовало. Можно было бы сказать — сознание, жизненная сила, универсальное сознание. Мы обменялись репликами, вступили в спор по поводу того, пора или не пора мне умереть.

Кое-что я помню. Но ощущения, которые я испытывал, сильнее слов. Много силы было истрачено на решение, останусь ли я в живых или умру. Мне было тогда шестнадцать лет, и я помню, что разговор шел именно о том, что у меня не было возможности что-либо реально совершить в жизни, и я отстаивал свои права, уверяя, что, если мне будет позволено жить, я постараюсь сделать жизнь лучше и помочь моим ближним.

Мы заключили договор, что я останусь жить, делая то, что обещал, и что я вернусь, то есть умру, когда мне исполнится пятьдесят. В шестнадцать лет пятьдесят кажутся невероятно далеким сроком. Сейчас я уже немного беспокоюсь, что произойдет через несколько лет, когда мне будет пятьдесят. Я не собираюсь видеть в этом непременно исполняющееся пророчество, но мне в самом деле интересно, что произойдет на моем пятидесятом дне рождения».

Доктор Санд вспоминает, как он видел, что врачи собирались поместить его тело «в зеленый пластиковый мешок», считая, что он мертв и не может быть реанимирован. Вдруг он начал дышать самостоятельно. Он оставался без сознания, но, как он вспоминает, осознавал, что время от времени врачи входят в его палату и, укалывая его чем-то вроде кнопки на конце карандаша, ждали реакции. Он утверждает, что ему потребовалось огромное количество энергии, чтобы вернуться к жизни, и, очевидно, его родители тоже истратили на это массу сил. Доктор Санд выполнил обещанное, он посвятил жизнь тому, чтобы помогать другим. Посмотрим, зачтется ли ему это при исполнении приговора.

Мы беседовали с другим врачом, психиатром, у которого тоже была встреча со смертью, когда он видел Творца, и он убежден, что ему было дано увидеть загробное существование. Доктору Джорджу Ритчи сейчас пятьдесят лет, он работает психиатром в Шарлотсвилле, Виргиния. Его рассказ производит впечатление. Это случилось в 1943 г., и он вскоре записал все подробно, примерно недели за три до того, как танатологи начали собирать подобные случаи. Однако рассказ доктора Ритчи содержит фактически все значимые элементы опыта клинической смерти, записанные различными учеными, и именно опыт доктора Ритчи побудил Реймонда Моуди начать исследования. Клиническая смерть доктора Ритчи засвидетельствована в архивах военного госпиталя. Его опыт имеет глубоко религиозную окраску, что оказало воздействие на его жизнь и на жизнь людей, которым он читал свои лекции.

В начале декабря 1943 г. в военном госпитале в Кемп Баркли, Техас, Джордж Ритчи выздоравливал после серьезного легочного заболевания. Он горел желанием поскорее выйти из госпиталя, чтобы иметь возможность посещать медицинский факультет в

Ричмонде, Виргиния, в качестве военно-медицинского стажера. Рано утром 20 декабря у него внезапно подскочила температура, он стал бредить и потерял сознание.

«Открыв глаза, я увидел, что лежу в небольшом помещении, где никогда раньше не был. Горела тусклая лампочка. Какое-то время я лежал, пытаюсь понять, где нахожусь. Внезапно я просто подскочил. Поезд! Я опоздал на поезд в Ричмонд!

Я вскочил с постели и огляделся, ища одежду. На спинке кровати ничего не было. Я остановился, посмотрел кругом. На кровати, с которой я только что встал, кто-то лежал. В слабом свете я подошел ближе. Это был мертвец. Отвисшая челюсть, жуткая серая кожа. И тут я увидел кольцо, кольцо общества Фи-Гамма-Дельта, которое я носил уже два года».

Испуганный, но не вполне сознавая, что лежащее тело принадлежит ему самому, Ритчи выбежал в коридор позвать санитаров, но обнаружил, что его голоса не слышно. «Санитар не обратил на меня внимания, а через секунду прошел как раз там, где я стоял, как если бы меня не было». Ритчи прошел сквозь закрытую дверь — «как привидение» — и обнаружил, что «летит» к Ричмонду, гонимый желанием попасть на медицинский факультет.

«Вдруг мне стало ясно: каким-то непонятным образом мое тело утратило плотность. Я также начал понимать, что тело на кровати принадлежит мне, непостижимо отделенное от меня, что я должен вернуться и соединиться с ним как можно скорее. Найти базу и госпиталь было нетрудно. Мне кажется, я вернулся почти в тот момент, как подумал об этом».

Бросаясь из комнаты в комнату, рассматривая спящих солдат, Ритчи лихорадочно разыскивал собственное тело по знакомому кольцу.

«Наконец я добрался до небольшой комнаты, освещенной одной тусклой лампочкой. Лежащий на спине был накрыт простыней с головою, но руки оставались снаружи. На левой было кольцо. Я пытался откинуть простыню, но не смог схватить ее. Внезапно я подумал: «Это смерть».

Именно тогда Ритчи окончательно понял, что он мертв. Это сразило его — мечта о поступлении на медицинский факультет рухнула. Вдруг внимание Ритчи что-то привлекло.

«Комната стала наполняться светом. Я говорю «свет», но в нашем языке нет слов, чтобы описать такое великолепное сияние. Я должен попробовать найти слова, однако, поскольку это было непостижимое явление, как и весь случай, я нахожусь с тех пор под его неизменным воздействием».

Свет, явившийся в комнате, был Христом: я понял это, потому что у меня появилась мысль: «Ты пред Сыном Божиим». Я назвал его светом, потому что комната была наполнена, пронизана,

освещена самым полным состраданием, какое я когда-либо ощущал. Было так спокойно и радостно, что я хотел навсегда остаться и глядеть не отрываясь».

Все детство Ритчи прошло перед ним, и свет спросил: «Что ты совершил за свое пребывание на Земле?» Ритчи запинался и заикался, пытаясь объяснить, что был слишком молод, чтобы сделать что-либо значительное, и свет мягко возразил: «Слишком молодым быть нельзя». И тут чувство вины у Ритчи отступило, затмившись новым открывшимся ему видением, настолько необычным, что, читая его описание, следует помнить — это говорит умный, опытный психиатр, который всю жизнь занимается анализом различий иллюзии и реальности.

«Новая волна света залила комнату, и мы вдруг оказались в другом мире. Или, скорее, я ощутил совершенно иной мир, находившийся в этом же пространстве. Я следовал за Христом по обычным улицам в сельской местности, где толпился народ. Там были люди с самыми печальными лицами, какие мне доводилось когда-либо видеть. Я видел чиновников, ходивших по коридорам учреждений, где они работали раньше, напрасно пытавшихся добиться чьего-либо внимания. Я видел, как мать шла за своим шестилетним сыном, поучая, предостерегая его. Он, казалось, не слышал.

Вдруг я вспомнил, что целую ночь стремился в Ричмонд. Может быть, это было то же, что с этими людьми? Может быть, их разум и сердце полны земных проблем, и сейчас, покинув мир, они никак не могут от них отрешиться? Я размышлял, не ад ли это. Беспокоиться, когда ты совершенно бессилен, — это действительно может оказаться адом.

Мне было дозволено заглянуть еще в два мира этой ночью — я не могу сказать «духовные миры», они были слишком реальны, слишком прочны. Второй мир, как и первый, умещался в том же пространстве, но был совершенно иным. В нем все были поглощены не земными проблемами, а — не могу подобрать слова лучше — истиной.

Я видел скульпторов и философов, композиторов и изобретателей. Там были библиотеки и лаборатории, хранящие разнообразнейшие достижения научной мысли.

На последний мир я лишь мельком взглянул. Я увидел город, но город, если подобное можно предположить, созданный из света. В то время я не читал ни Книги Откровения, ни публикаций о жизни после смерти. Дома, стены, улицы города, казалось, излучают свет, а существа, ходившие по нему, светились так же ярко, как Тот, кто стоял рядом со мной».

В следующий момент Ритчи оказался снова в военном госпитале, на кровати, в своем теле. Прошло несколько недель, прежде

чем он смог ходить по госпиталю, и, пока он лежал, ему все время хотелось заглянуть в свою историю болезни. Когда он сумел незамеченным пробраться и посмотреть, то увидел в ней запись: рядовой Джордж Ритчи, смерть наступила 20 декабря 1943 г., двусторонняя пневмония.

Доктор Ритчи рассказал нам:

«Позже я поговорил с врачом, подписавшим заключение о смерти. Он сказал, что у него не было никаких сомнений в том, что я мертв, когда он осматривал меня. Но девять минут спустя солдат, который должен был транспортировать меня в морг, подбежал к нему и сказал, что я, кажется, жив. Доктор сделал мне укол адреналина прямо в сердечную мышцу. Мое возвращение к жизни, сказал он, без нарушений деятельности мозга или еще какого бы то ни было ущерба — самое непонятное событие в его жизни».

Этот случай оказал глубокое воздействие на Ритчи. Он не только кончил медицинский факультет и стал врачом-психиатром, но и священником своей церкви. Несколько лет назад доктора Ритчи попросили рассказать о своем опыте группе врачей медицинского факультета Виргинского университета. Чтобы выяснить, не остались ли какие-то детали скрытыми в подсознании доктора Ритчи, другой психиатр загипнотизировал его, вернув к тому моменту, когда тот столкнулся со смертью. Вдруг вены на шее доктора Ритчи вздулись, к лицу прилила краска, кровяное давление подскочило, у него наблюдалась сердечная недостаточность, когда он переживал заново свою смерть. Психиатр тут же вывел его из гипноза. Стало понятно, что смерть доктора Ритчи так глубоко запечатлелась в его мозгу, что под гипнозом он оказался в состоянии полностью повторить ее — психологически и физически. Этот факт заставил многих врачей в дальнейшем с осторожностью прибегать к опытам с мозгом людей, перенесших клиническую смерть. Можно вообразить, что люди, пережившие самую длительную клиническую смерть, ту, которая происходит в результате переохлаждения, и у тех, кто утонул в холодной воде, таят в себе рассказы, которые так и не становятся известными.

При гипотермии, переохлаждении, случаются самые драматические возвращения «оттуда». При замерзании температура тела падает на восемь — двенадцать градусов и человек может часами находиться в состоянии клинической смерти и вернуться к жизни без нарушений деятельности мозга. Две наиболее длительные из зарегистрированных — это смерти Джин Джобоун из Канады, двадцати одного года, она пробыла мертвой четыре часа, и Эдварда Теда Миллигана, тоже канадца, шестнадцати лет, он был мертв около двух часов. Каждый из этих случаев — чудо

в медицине, но о них мало знают ученые Соединенных Штатов. К сожалению, потому что они, возможно, содержат самые зрелищные ОВТ, самые подробные описания загробной жизни.

Ранним утром 8 января в Виннипеге Джин Джобоун возвращалась в снегопад с вечеринки домой. Все еще ощущая легкое головокружение от приятного вечера, она шла по узкой улочке к Уильям-авеню. В семь утра Нестор Разнак, выносивший мусор, прежде чем пойти на работу, наткнулся на тело Джин. Из-за неправильно сделанного сообщения полиция прибыла лишь в 8.15. Чтобы согреть Джин, Разнак завернул ее в ковер. Полицейские обнаружили, что Джин жива, она стонала. Но когда ее привезли в Центральную больницу, сердце перестало биться. Температура тела была ниже обычной почти на одиннадцать градусов — 26,3°C. У Джин не было сердцебиения, пульса, дыхания, а зрачки были расширены до предела. Вино, которое она выпила на вечеринке, способствовало охлаждению тела, так как алкоголь расширил кровяные сосуды.

Четыре часа без отдыха работали семь врачей, десять медсестер и несколько санитарок, чтобы вернуть ее к жизни. Сначала бригада пробовала делать поверхностный сердечный массаж, нажимая на грудную клетку и сдавливая сердце. В дыхательное горло Джин ввели трубку для мануальной вентиляции с помощью мехов. В течение двух часов они безрезультатно пытались поднять температуру ее тела — это необходимая процедура, предшествующая возможному началу сердцебиения. Они покрывали ее горячими полотенцами и нагретыми одеялами, ввели в желудок трубку и подали по ней теплый физиологический раствор. Постепенно температура тела Джин поднялась на пять градусов. Больше часа ушло на то, чтобы заставить сердце биться. После того как температура тела повысилась достаточно, в ход был пущен дефибрилятор, чтобы при помощи электрического разряда заставить биться сердце.

В одиннадцать часов ночи к Джин вернулось сознание, и, когда прошла слабость, она смогла говорить. Один из врачей бригады, имевший представление о том, что видят люди при встречах со смертью, задавал Джин вопросы, но у нее, очевидно, наблюдалась регрессивная потеря памяти, охватывающая период до сборов на вечеринку. Доктор Джералд Бристоу, входивший в реанимационную бригаду, сообщил нам, что мозг Джин находился совершенно без кислорода в течение получаса, но у нее не было обнаружено нарушений деятельности мозга; низкая температура тела задержала метаболизм, и мозг требовал меньше кислорода. Очевидно, именно это привело к амнезии. Врачи, с которыми мы говорили, полагают, что где-то в глубине памяти Джин скрыты события вечеринки и возвращения домой. Они

думают, что, если бы эти события удалось выявить, могла бы быть воссоздана самая длительная из известных встреча со смертью. По каким-то причинам Джин не обнаружила склонности к сотрудничеству, она отказалась обсуждать случившееся с врачами. Часть врачей считает, что гипнотическое воздействие может стать опасным для Джин, поскольку ее смерть была столь травматична в эмоциональном и психологическом отношениях. Другие же придерживаются той точки зрения, что постепенное погружение в прошлое под руководством врача могло бы стать результативнее. Сама Джин не хотела вспоминать и в конце концов смирилась со своей амнезией. Возможно, причина в том, что ей о чем-то не хочется вспоминать?

Тед Миллиган, другая жертва переохлаждения, напротив, хотел подвергнуться гипнозу. Утром 31 января 1976 г. Тед и другие ученики кафедральной школы Сент-Джон в Селкирке приняли участие в обязательном пятичасовом походе на двадцатипяти-мильное расстояние. Был теплый день, и юноши были одеты легко. Около четырех часов дня, спустя три часа после начала похода, температура внезапно упала до -15°C и задул сильный ветер. Юноши шли группами по четыре человека; Тед сделался вялым и спотыкался. Товарищи думали, что он просто устал, но милях в полутора от школы он потерял сознание.

Один из юношей остался около него, два других побежали вперед, чтобы найти азросани и вызвать «скорую помощь». Тем временем четверо юношей из следовавшей за ними группы пронесли его полмили. Появились азросани, и доктор Джералд Бристоу, врач, вернувший Теда к жизни, утверждает, что они добирались до школы в течение полутора часов.

В школе Теда раздели и положили под одеяла, двое юношей легли рядом с ним, пытаясь согреть. Он был без сознания. Школьная медсестра была первой, кто проверил пульс Теда, ей стало ясно, что он мертв. Она начала применять искусственное дыхание рот в рот, а остальные принялись массировать его сердце. Это продолжалось, пока не приехала «скорая».

В больнице Селкирка записали температуру тела Теда при поступлении: 25°C (77°F). Нормальная температура тела 37°C или $98,6^{\circ}\text{F}$. Пять врачей и десять медсестер трудились в течение двух часов, прежде чем сердце Теда вновь стало биться. Его накрывали горячими полотенцами, из-за чего он получил небольшие ожоги на бедрах, ставили ему теплые клизмы, а лекарства впрыскивали прямо в сердце. Через трубку, вставленную в дыхательное горло, он получал кислород. Постепенно температура его тела вернулась к норме, и хотя его сердце не билось более полутора часов, а мозг совершенно не получал кислорода в течение пятнадцати минут, у него нет нарушений высшей нервной деятельности. Однако

у Теда наблюдалась потеря памяти: он не мог вспомнить, что происходило после того, как их группа отправилась в поход, или что было через несколько часов после того, как к нему вернулось сознание.

Память понемногу возвращается к Теду. Когда мы разговаривали с ним весной 1977 г., он рассказал о начале своего похода и о некоторых подробностях своего пребывания в реанимации после «оживления». Доктор Бристоу полагает, что в глубине подсознания таится яркий рассказ о встрече со смертью. Тед сказал нам, что хочет подвергнуться гипнозу, чтобы сделать рассказ доступным, и родители дали свое согласие, но прежде чем подвергнуть Теда такому риску, врачи решили подождать, не восстановится ли память юноши сама с течением времени.

Вот что рассказал Тед.

«Когда я очнулся, то узнал, что мое сердце не билось рекордно долго, что я замерз до смерти. Я решил, что это вранье. Когда они убедили меня, я был потрясен. Почему именно я? — задавал я вопрос. Я был уже тогда в какой-то мере религиозен. Мы все посещаем англиканские вечерние воскресные проповеди у себя в школе. Встреча со смертью сделала меня более религиозным. Если мне нужно будет умирать снова, я предпочел бы замерзнуть. Я не чувствовал ни боли, ни агонии — совсем ничего».

Смерть от переохлаждения — это лишь одна из неисследованных областей, где возможны рассказы о жизни после смерти. Другая область — утонувшие в холодной воде. Брайан Каннингем, восемнадцатилетний студент из Джексона, Мичиган, пробыл подо льдом замерзшего пруда в течение тридцати восьми минут. Спасатели сочли его мертвым, но он был возвращен к жизни и через две недели стал снова посещать занятия в колледже. Нарушений высшей нервной деятельности у него нет. Врач, утонувший в озере около Анн Арбора и пролежавший под водой пятнадцать минут, был возвращен к жизни, и у него тоже не наблюдалось нарушений высшей нервной деятельности. Это лишь два из пятнадцати случаев «смерти в холодной воде», которые привели доктора Мартина Дж. Немироффа, ассистента профессора Медицинского центра Мичиганского университета, к выводу, что все люди, вытащенные из воды посиневшими, бездыханными и на вид мертвыми, необязательно мертвы, даже если они пробыли под водой дольше получаса.

Выводы доктора Немироффа и собранные им случаи успешного возвращения к жизни утонувших противоречат старинному поверью, что утонувшего нельзя вернуть к жизни после четырех-пяти минут пребывания под водой. Это мнение основано на том,

что деятельность человеческого мозга подвергается нарушениям, если мозг лишен кислорода более пяти минут. Но доктор Немирофф показал, что в пятнадцати рассмотренных им случаях, когда люди тонули в воде температурой ниже семидесяти градусов по Фаренгейту, одиннадцать вернулись к жизни без малейших нарушений высшей нервной деятельности или каких-либо других повреждений. Этих людей спасает, говорит доктор Немирофф, активизация безусловного рефлекса у млекопитающих, называемого «нырательный рефлекс млекопитающих», в сочетании, разумеется, с холодной водой, которая помогает уменьшить их метаболизм и таким образом снизить потребность в кислороде.

Нырательный рефлекс — первый из отмеченных у морских млекопитающих, таких, как кит или дельфин. Дельфины могут при необходимости не дышать в течение двадцати минут, кит — до двух часов. Рефлекс замедляет сердцебиение и уменьшает приток крови к коже, тканям, мышцам, менее чувствительным к кислородному голоданию, а оставшийся в крови кислород направляется в сердце и мозг. Холодная вода уменьшает потребность тканей в кислороде и продляет время выживания без поступающего кислорода.

Доктор Немирофф показал, что для утонувших во Флориде и Южной Калифорнии, где температура воды около семидесяти градусов, пять минут составляют предел для возвращения к жизни без ущерба. Он обнаружил, что нырательный рефлекс более всего развит у молодых людей, особенно у детей от полугода до трех лет. Он определяет это как защитную эмбриональную реакцию, оставшуюся со времени, когда ребенок должен был дышать в жидкой среде. Большинство рек и озер в северной половине Соединенных Штатов, как правило, имеют температуру ниже семидесяти градусов. Страшно подумать, сколько тысяч людей было вытащено из воды посиневшими, бездыханными и сочтено мертвыми, в то время как их легко можно было вернуть к жизни.

Могли бы они рассказать что-либо о встречах со смертью? Утонувшие в холодной воде страдают потерей памяти в той же степени, что и жертвы переохлаждения, и по тем же причинам. Однако Брайан Каннингем, студент колледжа, который был мертв в течение тридцати восьми минут, может отрывочно рассказать о том, что предшествовало его беспамятству. Паника, которую он ощутил вначале, попав в ледяную ловушку, исчезла, и ее сменили «покой и абсолютная тишина». Мозговая деятельность «затуманилась», и как раз перед тем, как потерять сознание, Брайан, по его словам, увидел «яркую синюю дымку», которая, казалось, означала, что все будет хорошо. Никто не пробовал загнипнотизировать Брайана или кого-либо еще из числа утонувших в холодной воде, чтобы узнать, какие рассказы скрыты в их

подсознании. Разумеется, возможно, что они действительно ничего не испытывали, но если принять во внимание другие почти-смерти, это маловероятно. Если же испытывали, то астральные тела утонувших в холодной воде или переохлажденных располагают временем, чтобы отделиться от тел физических, странствовать, наблюдать, видеть яркие огни и духовные существа, пытаться установить контакт с семьей и друзьями. Нам кажется, что квалифицированные и опытные исследователи должны приложить все усилия, чтобы выявить встречи со смертью в этих потенциально богатых случаях. Эта область слишком долго оставалась без внимания.

МИНИ-СМЕРТЬ В ЛАБОРАТОРИИ

Для тщательной проверки любого нового явления применяются научные методы. Чем необычнее явление, тем строже должна быть проверка. Это обычно означает лабораторный эксперимент, который при повторении в любой лаборатории любым компетентным исследователем дает те же результаты. Научный метод относительно легко применим в области термодинамики, атомной физики, физической и органической химии и вообще в большинстве естественных наук. Здесь элементы, подвергаемые исследованию, не обладают собственной волей и, будучи изменены извне, поддерживаются на постоянном уровне, проявляют себя подобным образом вновь и вновь.

Психологические науки, науки о поведении представляют собой совершенно иную картину. Крысы, кролики и обезьяны обладают собственным характером. Самый лучший эксперимент может провалиться, поскольку может оказаться, что голубь не настолько голоден, чтобы что-нибудь делать за награду, или простуда мешает хомяку нюхом отыскать путь сквозь лабиринт.

Психологические опыты с человеком еще более изменчивы, поскольку мысли, реакции и поведение человека в целом разнообразнее и менее предсказуемы, чем у животных. И еще. Существует воля, часто противоречивая и упорная. Это является проблемой во всех психологических науках, и в особенности в парапсихологии, где сами исследуемые явления трудноуловимы, бесконтрольны и малодоступны пониманию как исследуемого, так и исследователя. Даже огромное терпение и самым тщательным образом поставленный опыт не всегда могут дать ожидаемые паранормальные результаты.

Исследования жизни после смерти — одни из наиболее сложных. Смерть — деликатный вопрос для обсуждения, даже отвлеченного, а как организовать по этой проблеме лабораторные исследования? Впрочем, некоторые ученые в настоящее время полагают, что это возможно.

Экстрасенсы утверждают, что ОВТ представляет собой мини-смерть. За последние несколько лет появилось много новых

свидетельств в поддержку такого утверждения. Частично свидетельства исходят от людей, которые могут сами вызвать ОВТ и по тем или иным причинам прошли через клиническую смерть. Они имеют возможность сравнить эти состояния: в них много поразительно схожих моментов и ряд важных различий. (Различий следовало ожидать, поскольку психологические аспекты ОВТ и клинической смерти несхожи.)

Медиум Инго Суонн, как мы видели, считает свои ОВТ и два столкновения со смертью схожими в том отношении, что он мог передвигаться в пространстве. Ему достаточно было пожелать, чтобы очутиться там, где он хотел быть. Однако имеется существенное различие: оказывается, для большинства людей клиническая смерть имеет религиозный аспект, которого нет в ОВТ. Почему так происходит?

Некоторые парапсихологи считают, что в состоянии клинической смерти человек оказывается намного ближе к смерти окончательной и безвозвратной. Поэтому его встреча имеет религиозную окраску и, по возвращении к жизни, оказывает более глубокое влияние. Тут наблюдается постепенный процесс, в котором покой, ощущение полета, астральные скитания оставляют более ранние стадии смерти, тогда как темные тоннели, яркий свет, музыка, голоса и духи появляются позднее. Если бы это было не так, возможно, люди, способные вызвать ОВТ, видели бы слишком много небесных зрелищ и не торопились бы вернуться в тело.

Однако в любом правиле есть исключения, и они тоже заслуживают внимания. У некоторых бывают ОВТ, не связанные со смертью от несчастного случая, не имеющие религиозную окраску. Эти случаи различаются по степени духовности. Широко известен случай, который произошел с домохозяйкой из Массачусетса Клодетт Кили.

Одиннадцатого сентября 1961 г. в 6 часов 05 минут вечера Клодетт Кили родила третьего ребенка, дочь, в больнице Провиденс в Холиоуке, штат Массачусетс. Она слабо улыбнулась, когда врач наклонился к ней и сказал, что возникли осложнения — плацента не отошла от матки, из-за чего Клодетт потеряла огромное количество крови.

«Я стала потихоньку молиться святому Джерарду, покровителю матерей, — рассказывала Клодетт. — Потом я услышала, как врач крикнул анестезиологу: «Начинай!» Прежде чем они наложили мне маску, я произнесла: «Святой Джерард, прошу тебя, помоги им».

Боль исчезла, исчезли врачи и медсестры. Я чувствовала, как врываюсь в темный тоннель, сознавая все полностью. Я не раздумывала, входить или нет. Тогда я первый раз увидела свет.

Я помню, было удивительно, что на такой яркий свет приятно смотреть. Каким-то образом я инстинктивно знала, что должна попасть туда, где свет, и тогда мир снизойдет на меня. Кажется, когда я была на полпути к свету, еще в тоннеле, послышался голос. Несомненно, мужской голос. «Клодетт,— сказал он,— вернись». Слова были произнесены мягко, но это было приказание. «Я не хочу,— ответила я,— прошу, дай мне приблизиться к свету».

«Ты должна вернуться, Клодетт». В голосе звучала настойчивость и, как ни странно, огромная нежность. Я знала, что он не станет принуждать меня, окончательное решение принадлежало мне. Я продолжала плыть, собираясь достичь света, и наконец он произнес: «Клодетт, что будет с твоим только что родившимся ребенком?»

Почему-то я совсем не вспоминала о ребенке и сказала об этом. Тогда голос быстро добавил: «А с твоими сыновьями, Джоном и Джерардом?» Это заставило меня замереть. Джону был год и десять месяцев, а Джерард — на несколько лет старше. Я помню, что закричала: «Прошу, помоги мне вернуться».

Клодетт очнулась. Несколько часов, пока врачи не убедились, что кровотечение не повторится, она провела в отделении интенсивной терапии. Позже Клодетт рассказала о случившемся врачу, упомянув события, происходившие в родильной палате в то время, как она находилась без сознания. Он побледнел и отказался обсуждать этот казус.

В 1961 г., когда Клодетт пережила все это, о встречах со смертью писали мало. Ее случай был настолько жизненным, что трудно было считать его галлюцинацией, но в течение нескольких лет она думала, что он единственный. Прошло девять лет, и случилось неожиданное. Клодетт начала переживать непроизвольные ОВТ. Они приводили ее в удивительные места: мощный завод, маленький ресторанчик и другие невероятные места. Вскоре она, однако, научилась контролировать свои ОВТ и входить в них при помощи методики расслабления. Чтобы удостовериться, что она не галлюцинирует, Клодетт стала участницей экспериментальных «полетов» доктора Озиза в 1973 г. В течение пяти вечеров в определенное время она проецировала свое астральное тело из собственной спальни в Гренби, Массачусетс, на третий этаж помещения Американского общества психических исследований в Нью-Йорк Сити. Клодетт оказалась прекрасным объектом, она легко идентифицировала заданные предметы. Как-то вечером участница исследований Бонни Пераскери стояла в заданной комнате у стола, на котором были разложены предметы для определения. Бонни заметила голубую дымку, выходящую около стола. «Дымка собралась в облачко над столом, напоминая человека, который

обходит стол и рассматривает лежащие на нем предметы», — рассказывает Бонни. Затем дымка поплыла к камину, где стояла Бонни, которая была настолько захвачена зрелищем, что не испугалась. Облачко исчезло так же быстро, как сгустилось. Дымка появилась как раз в то время, когда Клодетт, находясь дома, проецировала себя астральным образом. Особенно заинтересовало всех сообщение, что в этот вечер, когда Клодетт занималась астральными перемещениями, она надела голубой купальный халат.

Клодетт может вызвать ОВТ, и она же пережила клиническую смерть. Она считает оба случая весьма схожими. «Для меня, — говорит она, — существует очень небольшое различие, хотя каждый из моих ОВТ в какой-то мере отличается от другого». Она утверждает, что во время ОВТ встречала духов, разговаривала с ними, видела яркий свет. Однажды в один из своих «полетов» она услышала мужской голос, который считала голосом Бога: «Клодетт, что ты здесь делаешь вновь?» Она ответила: «Я думаю, что эта работа [экспериментальные «полеты»] поможет сближению религии и науки». Она говорит, что голос никогда больше не отзывался. И не сказал, чтобы она прекратила ОВТ.

Мы рассмотрели по большей части свидетельства-рассказы в пользу того, что ОВТ в своем полном, наибольшем выражении представляет собой мини-смерть.

Фотографии духов предположительно изображают умерших. Суть химических процессов, происходящих в эмульсии на фото-пленке, хорошо известна. Фотоны передают свою энергию эмульсии и возбуждают химическую реакцию, которая приводит к тому, что светлые и темные места или разные цвета на цветной пленке создают некую картину. Но дух или астральное тело тоже должны обладать энергией.

Голоса, записанные на пленку, считаются голосами умерших. Но это значит, полагают ученые, что астральное тело в состоянии приводить в движение частицы воздуха своими голосами или мыслями, которые затем преобразуются в электрические импульсы.

Далее, человек в состоянии клинической смерти, который «смотрит» на происходящее с расстояния — в операционной или на месте несчастного случая, должен каким-то образом обладать способностью видеть. Разумеется, исследователи предполагают, что астральное тело имеет некий оптический компонент.

Короче говоря, все сенсорные явления, которые мы рассматриваем в книге, могут происходить лишь в случае, когда астральное тело, или дух, обладает «сенсорными» компонентами: зрением, слухом, осязанием (обоняние и вкус проявляются реже). Для подтверждения этих предположений исследователи поставили

ряд хорошо продуманных экспериментов, чтобы проверить слуховые, зрительные и тактильные модальности эфирных созданий.

Стюарт Блю Хэрери, экстрасенс сирийско-египетско-еврейского происхождения, подвергся глубокому исследованию. Блю способен вызывать ОВТ путем расслабления и проецировать астральное тело в заданное место. Доктора Роберт Моррис и Уильям Ролл решили проверить, возможно ли физически обнаружить астральное тело Блю не электронной аппаратурой, а с помощью живых существ, животных. Литература по парапсихологии содержит множество упоминаний о физической чувствительности животных, в особенности кошек, которые в течение веков были спутниками ведьм и прорицателей. Могут ли животные, которые должны полагаться прежде всего на свое восприятие, чтобы выжить, оказаться способными уловить астральную энергию или энергию духов? Для серии экспериментов были выбраны кошки и змеи.

Блю вручили маленького котенка. Он некоторое время растил котенка, кормил его и пытался завязать с ним дружбу. Котенок вполне признавал его. При проведении эксперимента воспитанника Блю поместили на площадку, расчерченную, наподобие игровой, на квадраты; активность котенка определяли, считая, по скольким квадратам он переместился при эксперименте. Были проведены сравнения между движениями котенка, когда Блю проецировал свое астральное тело в помещение, где находилась площадка, и когда не проецировал. Эксперимент прошел блестяще. В контрольные периоды, когда Блю не проецировал себя, котенок бегал и мяукал. Но когда Блю «присутствовал», котенок успокаивался и замолкал; в это время котенок вел себя совершенно так же, как если бы Блю присутствовал сам. Статистическое различие между активностью котенка в контрольные периоды и во время эксперимента дает сто к одному.

Поскольку котенок предпочитал находиться в различных частях помещения, когда Блю проецировал себя, специалисты из ФФИ решили, что он, возможно, в состоянии локализовать присутствие Блю. Был задуман новый эксперимент. Котенка поместили в большую комнату, за его поведением следили телевизионные камеры. Блю, находясь в другой комнате, должен был проецировать себя в произвольно выбранные места в заданной комнате. Предполагалось, что котенок пойдет в тот угол комнаты, куда Блю астрально проецирует себя. Результаты были скромными. Иногда котенок шел к тому месту, куда проецировал себя Блю. Однако произошло неожиданное: доктор Джон Хартуэлл, психолог, наблюдавший за экспериментом, начал ощущать, где и когда находится Блю. Он весьма удачно угадывал присутствие Блю. Он не только верно определял, что Блю присутствует, но и видел его присутствие на мониторе.

Психофизиологические данные, полученные во время «проекций», показали изменения в дыхании Блю, учащенное сердцебиение, снижение электрического потенциала кожи, возрастание наполнения пульса, но очень незначительные изменения биоритмов мозга.

Если Блю мог успокоить котенка своим астральным присутствием, то что произойдет, заинтересовались ученые, когда он станет проецировать себя в стеклянный террариум со змеей? Блю и доктор Моррис находились в одном здании, змея в другом, за ее поведением следили телекамеры. В эксперименте принимал участие психолог доктор Скотт Роуго. Разумеется, доктор Роуго не имел ни малейшего понятия, в какое время Блю попытается проецировать себя. В какой-то момент змея совершила несколько яростных движений, хотя перед этим лежала неподвижно. Она быстро приблизилась к стеклянной стенке, бросилась на нее и пыталась ее куснуть. Затем вернулась на прежнее место, но оставалась возбужденной. Когда сравнили записи, выяснилось, что непонятное возбуждение змеи полностью совпадало по времени с проецированием Блю в террариум. Доктор Роуго говорит: «Исследование с участием Блю Хэрери, возможно, самое лучшее, какое у нас было, так как оно связывает ОВТ и теорию, что во время ОВТ нечто действительно покидает тело. Способность Блю влиять на поведение животных, возможность обнаружить и даже видеть его полностью согласуется с интерпретацией его психического присутствия на расстоянии во время ОВТ».

В 1975 г. экстрасенс Инго Суонн принял участие в экспериментах доктора Уильяма Ролла для проверки, насколько хорошо астральное тело может слышать на расстоянии. Суонн находился дома, в Нью-Йорке, и проецировал себя в лабораторию в Южной Каролине, где доктор Ролл проигрывал музыку различного характера: латиноамериканские мелодии, народные песни, баллады, классическую музыку. Суонн угадал каждое из музыкальных произведений, как если бы он присутствовал в лаборатории. Тот же эксперимент был повторен с Блю, находившимся на расстоянии четверти мили от лаборатории. Он проецировал себя в комнату и, вернувшись в тело, правильно назвал большую часть музыкальных произведений. Один из психологов, ознакомившись с экспериментами, предположил, что серебряная нить, соединяющая астральное и физическое тело, служит связующим звеном, по которому передается информация от астрального тела к мозгу, который воспринимает ее и интерпретирует.

К настоящему времени собраны еще свидетельства, показывающие, что астральное тело не выдумка, что укрепляет веру в существование после смерти. Алекс Тану, экстрасенс, который стал

звездой экспериментальных «полетов» доктора Озиза, продемонстрировал свои выдающиеся способности при внутрилабораторных экспериментах. Чтобы определить, существует ли различие между ясновидением и астральным перемещением, — эта проблема десятилетиями привлекала внимание ученых — доктор Озиз с несколькими экстрасенсами работал на оптическом приборе. Это устройство, каждая сторона которого около двух футов длиной, представляет из себя вращающийся диск, разделенный на четыре части, каждая другого цвета. На одну из сторон проецируется изображение, например, чаши. Особенность прибора в том, что изображение и цвет могут быть видны лишь через маленькое окошко на лицевой стороне прибора. Доктор Озиз полагал, что, если экстрасенс, находившийся в соседней комнате, использует ясновидение, он, охватив объект взглядом, увидит все четыре цвета, но не увидит изображения, так как эта оптическая иллюзия появляется только при взгляде через окошко.

Тану оказался в состоянии верно увидеть и цвет, и проецированное изображение. Доктор Озиз пришел к выводу, что астральное тело Тану находилось прямо перед лицевой стороной прибора [Тану сообщал, что был именно там]. С первой попытки Тану не увидел ничего, кроме темноты, и ассистент доктора Озиза обнаружил, что в приборе перегорела лампа. В другой раз Тану утверждал, что прибор стоит слишком высоко, и он не может заглянуть в него. Перед прибором поставили невысокую подставку. В следующий раз Тану увидел содержимое прибора.

Одна из самых трудных задач при изучении сенсорных особенностей астрального тела — это исследование осязания. Экстрасенсы и некоторые обыкновенные люди утверждают, что чувствовали на щеке «ледяное дыхание», когда пробовали общаться с умершими. Это ощущали и люди, которые пытались делать фотографии духов или записывать голоса на пленку. Некоторые экстрасенсы утверждают, что до них дотрагивались духи. А в случаях появления полтергейста предметы поднимаются в воздух и перемещаются в пространстве. Все это заставляет предполагать, что астральное тело обладает и психокинетическими способностями.

Для исследования границ этой гипотезы придумали «бассейн для прыжков в воду». Это электрическое поле, которое окружает легкий предмет, подвешенный на струне; чувствительная электронная аппаратура регистрировала его малейшее движение. Большинству людей, имевших ОВТ, не удавалось шевельнуть предмет на струне, но Тану удалось покачать струну и прикреплённое к ней перо самописца. Пат Прайс, другой экстрасенс, бывший шеф лос-анджелесской полиции, умерший в 1976 г., сумел настолько успешно «нырнуть» в бассейн, что заставил перо

просто подскочить. В другом эксперименте на черной поверхности была рассыпана тончайшая пудра, а Тану должен был в качестве астрального тела дунуть на нее. Его результат был слишком незначителен, чтобы иметь статистическое значение.

По результатам проделанной работы выясняется, что для астрального тела относительно легко увидеть происходящее и услышать звуки, но сравнительно непросто двигать предметы. Принимая во внимание эфирную природу астрального тела и физическую массу той же пудры, возможно, здесь нечему удивляться. Лабораторные свидетельства в полной мере совпадают с рассказами людей, перенесших клиническую смерть. Тем тоже нетрудно видеть людей, окружающее, происходящие события, слышать звуки, но те, кто пробовал коснуться кого-либо из членов семьи или постучать по какому-нибудь предмету, чтобы привлечь к себе внимание, обнаруживали, что задача, в сущности, невыполнима.

ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ?

«До того как я начала работать с умирающими, я не верила в жизнь после смерти. Сейчас я верю в нее без тени сомнения». Когда доктор Элизабет Каблер-Росс в 1974 г. сделала такое заявление, она поразила научную общественность, и в особенности своих коллег-психиатров. Много лет она была признанным авторитетом во всех аспектах смерти и умирания. Она изучала эмоциональные аспекты смерти, как она действует на пациента и его семью, записывала рассказы умирающих и вернувшихся к жизни. Но принимать ли эти рассказы в качестве доказательств о существовании жизни после жизни?

Удивительно, что некоторые религиозные деятели тоже обрушились на нее. «Уверенность доктора Каблер-Росс должна быть благосклонно встречена, так как может поддержать слабеющую веру многих христиан,— сказал один священник,— но на меня ее высказывание не действует подобным образом». Преподобный Роберт М. Херхолд, священник лютеранской церкви Воскресения в Сан-Бруно, Калифорния, считает, что доктор Каблер-Росс зашла слишком далеко. Его возражения таковы: «Жизнь после смерти выходит за рамки научного исследования; она в сфере сверхчувственного, а не чувственного. Если жизнь после смерти может быть эмпирически выверена так, что не оставит и «тени сомнения», тогда, очевидно, не будет большой потребности в вере». Еще один священник доказывает, что «не нужно будет пасхи, если душа возрождается, если жизнь длится». Кажется, критиков больше всего беспокоит перспектива, что наука докажет существование жизни после смерти и на долю религии мало что останется.

Более неожиданными оказались замечания некоторых психиатров. Они подвергли достаточно резкой критике работы всех исследователей, собирающих и анализирующих рассказы людей о встречах со смертью. В основном критика сосредоточена на том, что опыт вернувшихся к жизни людей может оказаться просто галлюцинацией. Один из основных критиков — доктор Рассел Нойз-младший, психиатр медицинского факультета Университета штата Айова. Доктор Нойз изучил сто четырнадцать случаев, когда люди вышли живыми из ситуации почти-встречи-со-смертью, но не находил, что они свидетельствуют о жизни после смерти.

Доктор Нойз заметил, что ОВТ, о которых рассказывают жертвы несчастных случаев и встреч со смертью, могут быть основой «адаптационной схемы нервной системы». Он рассматривает это как «деперсонализацию», а не астральный полет. «Деперсонализация может быть почти универсальной реакцией на угрозу для жизни», — говорит он. Внезапное отступление боли, о котором свидетельствуют рассказы множества людей, и появляющееся ощущение покоя и тишины, говорит доктор Нойз, может оказаться «аварийным механизмом, некой расслабляющей реакцией», чтобы мы не страдали. В отношении рассказов, которые, как кажется, свидетельствуют о жизни после жизни, доктор Нойз согласен с Фрейдом, который считал, что подсознание не может видеть собственного поражения и, столкнувшись с неизбежной смертью, вызывает приятные, успокоительные вымыслы. Доктор Нойз говорит: «Наша собственная смерть действительно непредставима, поэтому мы представляем, что выживем в качестве зрителей. Таким образом, перед лицом смертельной опасности мы обнаруживаем, что человек становится наблюдателем, ограждая себя от опасности». Доктор Нойз расценивает религиозную окраску многих рассказов о смерти как галлюцинации, основанные на вере. Эти взгляды разделяют фактически все научно мыслящие критики.

Кажется, что эти аргументы рациональны и основаны на серьезных психиатрических и медицинских теориях. Однако они затрагивают в основном лишь встречи первого рода со смертью, основанные на чисто субъективном опыте, возбуждающем научное любопытство, но не требующем научной проверки. К сожалению, встречи первого рода со смертью наиболее известны, их раньше всего начали собирать, и, возможно, таких встреч больше всего. Но свидетельства встреч второго, третьего и четвертого родов разрушают аргументы критиков, что ОВТ клинической смерти — это галлюцинация. Когда события, происходящие рядом или в отдалении, воспринимает человек, у которого нет сердцебиения, нет активности биоритмов головного мозга, лишенный сознания, и когда эти события подтверждаются как факт, тогда возражения

критиков можно считать несостоятельными. Когда кто-то нутром ощущает, что член семьи или близкий человек в большой опасности или, возможно, умер, и в тот же самый момент человек, о котором идет речь, оказывается в опасной для жизни ситуации, в таком случае критикам следует искать другие аргументы. Когда человек видит, слышит или чувствует паранормальные ощущения, поддающиеся проверке, критикам нужно всерьез задаться вопросами, каким образом такие вещи возможны? Может ли сознание отделяться от тела? Реальна ли жизнь после смерти? Возможно, мы сочтем все это правдой, когда исследователи изучат встречи высшего рода со смертью.

Критика другого толка, возможно, более обоснованная, направлена против рассказов переживших смерть. Фактически все эти рассказы описывают мирные и спокойные ощущения: величественные панорамы, небесную музыку, светящиеся, лучистые создания, встречи с умершими родными — в высшей степени прекрасные и желанные ощущения. Не могут ли такие блистательные рассказы о смерти вдохновить кого-нибудь на совершение самоубийства? Как об этом сказал один психиатр: «Многие эмоционально неуравновешенные или глубоко подавленные люди не решаются расстаться с жизнью, поскольку не уверены в том, что ожидает их. Если бы они были убеждены, что их ожидает прекрасный загробный мир, то действовали бы решительнее». Доктор Роберт Кастенбаум, профессор психологии Массачусетского университета, полагает, что это вполне может произойти, если еще не произошло, и думает, что исследования жизни после смерти не успокоят людей, а, наоборот, причинят больше страдания и боли. Только когда общество начнет понимать, какой эмоциональный и физический дистресс испытывает неизлечимо больной, говорит доктор Кастенбаум, мы переменим свое мнение и решим, что умирание в конечном счете счастливый момент. Точка зрения, что «все хорошо, что хорошо кончается», предполагает, что каждый проходит через определенный момент смерти, говорит доктор Кастенбаум. Эта концепция сомнительна и не сильно согласуется с клиническим опытом.

Некоторые критики говорят, что мы располагаем лишь рассказами людей, «вернувшихся» после клинической смерти, что же можно сказать о миллионах миллионов, отправившихся в путешествие без возврата, навсегда? Было ли их путешествие счастливым? Была ли у них возможность вернуться, от которой они отказались, выбрав более спокойное существование? Досталось ли некоторым из них пережить ужас и страдания ада? Мы не знаем этого. Как не знаем и того, почему лишь около пятнадцати процентов людей, переживших клиническую смерть, рассказывают о своем опыте, большинство же не рассказывают ничего.

Зов временной смерти может в корне отличаться от ухода из жизни насовсем, говорит доктор Кастенбаум.

Другие критики опыта «счастливой смерти» подчеркивают негативные аспекты. Часть их аргументов имеет смысл, остальные бьют мимо цели. Они приводят в пример людей с дыхательной недостаточностью — подавившихся косточкой, сраженных жестоким приступом эмфиземы, испытывающих ужас от побочных эффектов приема наркотиков — и справедливо замечают, что эти люди схватываются один на один со смертью. Характерно, что эти критики ссылаются на истории, сообщающие о жутких случаях преждевременного захоронения: эксгумированные тела с пригоршнями выдранных в ужасе волос, лица, на которых застыл невероятный ужас, стенки деревянных гробов, исцарапанные ногтями в тщетных попытках выбраться. Но при ближайшем рассмотрении критика такого рода оказывается несостоятельной. Вспомните три стадии умирания, о которых говорил доктор Рассел Нойз: «Соппротивление, обзор жизни и переход. Ужас преждевременного захоронения, агония в автомобильной катастрофе или в огне, отчаянная борьба с нераскрывшимся парашютом — все это происходит на стадии «сопротивления», в первом акте, в котором человеческое эго отчаянно пытается удержать жизнь. Когда танатологи говорят о мирной смерти, о «счастливой смерти», они имеют в виду конечную стадию — «Переход». Страдание и борьба часто предшествуют этой стадии, но занавес опускается именно в третьем акте».

Доктор Кастенбаум разыскивал случаи подлинно негативного опыта смерти. Он рассказывает о медсестре, попавшей в автомобильную аварию и доставленной в госпиталь с травмой, парализовавшей ее и лишившей голоса, хотя она была в состоянии слышать звуки и голоса. Доктор Кастенбаум рассказывает:

«С этой все кончено, — произнес голос, — пошли за следующими». Медсестра поняла, что это именно *ее* сочли мертвой. Как она отреагировала? «Я пришла в ярость — настоящую ярость! Я ничуть не собиралась оставаться для них мертвой». Она решила пройти через невидимую границу, отделяющую жизнь от смерти. Собрав все силы, она наконец сумела привлечь к себе внимание еле заметными движениями и слабыми звуками. «Про себя я кричала: «Я еще не умерла, подонки». Я не уверена, дошло ли это до них, но какие-то звуки раздались, и я не переставала двигаться и говорить, пока не убедила их, что я не ПМ [поступила мертвой]».

Доктор Кастенбаум приводил этот рассказ как «опыт женщины, совершенно отличный от случаев, которые предлагают доктор Каблер-Росс и доктор Моуди. Она была «достаточно мертва», чтобы принять ее за покойницу, и пережила критический период —

станут или не станут заниматься с нею. Но она не парила над собственным телом, счастливо и удивленно поглядывая вниз. Она не противилась усилиям вернуть ее к жизни и не ощущала, что райская тишина нарушается безжалостными врачами. Эта женщина хотела жить, и она сделала все, что было в ее силах, чтобы вернуться к жизни, глубоко травмированная смертным приговором».

Этот случай никоим образом не влияет на гипотезу «счастливой смерти» или значимость ОВТ. Получившая травму женщина страдала от так называемой «социальной смерти», когда человека считают мертвым, хотя биологические факты могут противоречить этому. Опыт медсестры явно относится к стадии «Сопротивления». В поисках свидетельств, могущих опровергнуть гипотезу «счастливой смерти», исследователи должны тщательно различать стадии умирания. Более того, факт, что многие испытывают краткий период «Перехода» перед смертью, может остаться неотмеченным докторами и медсестрами, не следящими за длительными недомоганиями безнадежно больных. Мысль, что жизнь кончается моментом счастья, никогда не окажет влияния на то, как общество рассматривает уход за хронически больными, медленно умирающими пациентами.

Остается в силе один вид критики, что распространение рассказов о «счастливой смерти» может побудить людей совершить самоубийство. Возможно, это могло бы помочь выяснить, дает ли смерть самоубийцы тот же опыт, что обычная или клиническая смерть. Если опыт тот же самый, для некоторых самоубийство покажется легким уходом от их проблем. С другой стороны, если обычная или клиническая смерть ведет к мирному исходу, то смерть от собственной руки может оказаться адским путешествием — в таком случае самоубийство выглядит не столь привлекательно.

К сожалению, имеющиеся у нас свидетельства противоречивы. Во многих религиях самоубийство строгойше запрещено, как исключение известны некоторые восточные секты, разрешающие самоуничтожение в качестве протеста против социальной или моральной несправедливости. Кара за самоубийство варьируется от вечного проклятья и горения в адском пламени, одиночества в царстве снега и ледяного ветра до перевоплощения в звериный облик. Ни одна кара не выглядит легкой и любая способна помешать расстаться с жизнью.

Наши теперешние знания о ментальных нарушениях изменяют традиционное видение самоубийства. Многие религии полагают, что человек, доведенный до крайности и лишаящий себя жизни, неуравновешен по определению и потому не может отвечать за свои действия; он не может быть обречен на вечный ад.

Этот аргумент человечен и помогает успокоить родственников самоубийцы.

В этом неоднозначном и спорном вопросе — опыте смерти путем самоубийства — мы обладаем одним бесспорным фактом: судя по литературе о встречах со смертью, все те, кого вернули к жизни, отрицают самоубийство как способ попасть на тот свет. Вернулись ли они к жизни в результате усилия врачей или из чувства долга перед близкими, они твердо знали, что самоубийство — табу, запрещенный путь.

Часть тех, кто вернулся к жизни, утверждают, что, находясь в состоянии-вне-тела, они обрели знание, что самоубийство — презираемый акт и влечет суровую кару. Один человек рассказывал доктору Моуди:

«Когда я был там, я почувствовал, что две вещи совершенно запретны для меня: убить себя или убить другого человека... Если я совершу самоубийство, я брошу Богу в лицо его дар... Убив кого-нибудь, я нарушу заповеди Бога».

Женщина, которую вернули к жизни после приема смертельной дозы снотворного, говорит:

«У меня было явное ощущение [пока ее приводили в себя], что я сделала нечто дурное. Не по нормам общества, а по высшим. Я была настолько уверена в этом, что отчаянно хотела вернуться в тело и жить».

Доктор Моуди — один из немногих исследователей, кто рассматривал самоубийство, но даже его работа в этой области отрывочна, основана на нескольких случаях. Однако доктор Моуди приходит к выводу, что если существует какое-либо различие встреч со смертью по причине самоубийства или по другим причинам, то она в следующем: естественная смерть отличается ощущением успокоенности и чувством: «все верно, это завершение моей судьбы», в то время как самоубийство характеризуется смешанными чувствами, беспокойством и очень определенным ощущением, что «это неверно, мне следует вернуться и дождаться своей смерти».

Эта информация именно в таком виде — все, что у нас есть на сегодня. Но этого может оказаться достаточно, чтобы удержать людей от попыток проникнуть в загробный мир раньше срока.

ЖИЗНЬ ДО ЖИЗНИ

Если вы загипнотизируете человека и постепенно вернете его в пятилетний возраст, он станет говорить так, как говорил тогда. Если вы попросите его нарисовать что-либо, он примется про-

водить такие же кривые, ломанные линии, какие чертил, когда ходил в детский сад. Это явление чрезвычайно интересно наблюдать, хотя ничего таинственного в нем нет. Поскольку в нашем подсознании хранится память обо всех событиях и схемах нашего поведения в прошлом. Если вы возвратите человека еще дальше, в младенчество, и на некоторое время оставите его одного, он начнет издавать знакомые звуки, какие обычно издает младенец, желая привлечь к себе внимание. Он может начать неразборчиво лепетать и быстро шевелить руками и ногами.

Каждого, кого можно вернуть в младенчество, можно вернуть и еще дальше во время, когда они не родились. В этих случаях на вопрос о том, что ощущают, около двадцати процентов испытуемых не дают никакого ответа. Восемь-десять процентов свободно отвечают часто непохожим на свой голосом и часто о событиях, им неизвестных. Когда их спрашивают, кто они, они называют имена тех, кем они, по-видимому, были в иной жизни. Некоторые ученые настаивают на том, что это подтверждает перевоплощение. Другие явно несогласны. «Это вымышленная жизнь,— говорит один нью-йоркский психиатр,— заимствования из исторического романа или фильма, жизнь того, кем испытуемый подсознательно хочет быть. Под гипнозом он может легко отождествлять себя с кем-то, не впадая в противоречие с собственной реальной личностью». В теории аргументы за и против могут звучать весьма убедительно, но на практике слишком много случаев, которые трудно счесть вымыслом.

Извлекать рассказы о прошлых жизнях — это лишь одно применение возврата в прошлое под гипнозом; в настоящее время он применяется также при изучении опыта рождения и смерти. Доктор Элен Уомбач, психолог из Уолнат Крик, Калифорния, занималась возвращением людей в прошлое под гипнозом в течение многих лет и изучала истории их прежних жизней. Ее основная тема — впечатления людей от их рождения и младенчества. «Моя работа за последние десять лет показала, что люди могут впечатляюще рассказывать о своем рождении». Один из пациентов рассказал, что, появившись на свет, увидел «два окна, два кресла и рядом со спинкой кровати стол, на котором стояла корзина, и большие перины на постели». Собрав множество таких свидетельств, доктор Уомбач стала задаваться вопросом: «Считать ли эти рассказы результатом ОВТ при рождении или чистым вымыслом?» Современные исследования по парапсихологии помогли ей найти ответ.

У неродившихся младенцев и новорожденных наблюдаются быстрые движения глаз в течение более чем двадцати часов ежедневно, что является показателем сна у детей и подростков.

Обычное медицинское объяснение быстрого движения глаз у младенцев — произвольное движение нейронов глаз. Но столь произвольное поведение настолько точного органа, как глаз, кажется невероятным. Доктор Стэнли Криппнер из Центра травматологии в Бруклине предполагает, что длительные периоды быстрого движения глаз — это периоды, когда эмбрион или новорожденный телепатически общаются с матерью. Тело младенца находится в физической зависимости от матери, так почему же его мозг не может быть в равной мере зависим от мозга матери? — задает вопрос доктор Криппнер. Он также считает, что младенцы могут видеть сны во время некоторых периодов быстрого движения глаз, эта мысль противоречит положению современной медицины относительно того, что младенцы не могут видеть снов, поскольку у них нет опыта, о котором можно видеть сны. Это удивило доктора Уомбач и побудило ее заняться некоторыми совершенно новыми исследованиями.

Доктор Уомбач в настоящее время считает, что эмбрион и новорожденные видят сны об опыте прежней жизни. Одна из женщин, находясь под гипнозом, рассказала, что была убита во время войны, выплыла из своего тела и плыла, пока не увидела женщину с заметной беременностью. Она тут же вошла в эмбрион, перебрала воспоминания о своем военном опыте и почувствовала себя в безопасности — вплоть до самого дня рождения. Некоторые из пациентов доктора Уомбач рассказывают о новом рождении, последовавшем за смертью на войне, и это привело к мысли, что взрыв деторождения, непременно следующий за войной, может давать возможность многим душам, чья жизнь внезапно оборвалась, вернуться и закончить то, что осталось несвершенным.

«Необязательно попадать в автомобильную аварию, чтобы испытать, что такое умирание, — говорит преподобный Джеймс Даймонд из Епископального центра Университета Миннесоты. — Мы все умирали в прошлых жизнях, и под гипнозом можем засвидетельствовать этот опыт». Работая с психиатрами, Даймонд применяет возвращение в прошлое под гипнозом, сначала вернув испытуемого в прошлую жизнь, затем заставляя его вновь пережить смерть. Испытуемые описывают умирание совершенно теми же словами, что люди, пережившие клиническую смерть. «Мы получили подтверждение рассказам людей, перенесших клиническую смерть, с другой стороны», — говорит Даймонд. Его испытуемые рассказывают, как выплыли из своего тела, оказались в темном туннеле, преодолевали его, направляясь к яркому свету в конце туннеля; они слышали музыку, видели духов вокруг себя,

сначала ощущали испуг, затем полный покой в себе и кругом. Различие только в том, что они достигали света, в то время как люди, перенесшие клиническую смерть, никогда не могут сделать этого.

Даймонд и его коллеги составили необыкновенно удачную группу для исследования опыта смерти и того, что он несет в себе относительно жизни после смерти. Такое сочетание духовных и научных дисциплин представляет нечто, с чем мы, несомненно, станем чаще встречаться в будущем. Их испытуемые различались по возрасту — от девятнадцати до сорока четырех лет, но одинаково легко поддавались гипнозу. Во всем остальном это были обычные люди. Психиатр гипнотизировал человека и «поддерживал связь с ним», в то время как Даймонд задавал вопросы. Каждый опыт записывался на магнитофон. Они утверждают, что, пережив опыт смерти под гипнозом и получив указания врача запомнить его при пробуждении, человек перестает бояться смерти. «Это может оказаться совсем простым способом изгнать страх смерти из мыслей каждого», — говорит Даймонд. Помня о встречах со смертью, испытуемые Даймонда становятся более религиозными, убежденными в существовании жизни после смерти и Бога и в том, что, прожив жизнь в прошлом, они проживут еще жизнь в будущем.

Наш век свидетельствует о возрождении веры в перевоплощение и наряду с этим в идею кармы. Карма подразумевает существование вселенской морали и делает человека ответственным за любой его поступок в жизни. Карма означает, что любое решение имеет свои последствия и что решения, принятые в прошлой жизни, порождают последствия, которые формируют нашу теперешнюю судьбу. Нет ни одной души без прежних ошибок. Понятия кармы и перевоплощения лежат в основе современной парapsихологии, и психиатр Джан Стивенсон из Виргинского университета в большой мере ответствен за популярность и моральную ценность этих понятий.

Увлеченность доктора Стивенсона началась после того, как он написал получившее признание эссе «Свидетельства о Жизни после Жизни, почерпнутые из Воспоминаний о Прежних Жизнях» на конкурсе в честь Уильяма Джеймса, первооткрывателя в психологии. В своей работе он продемонстрировал новые грани мыслей о жизни после жизни. Он говорит: «Анализируя медиумов, мы сталкиваемся с проблемой, как доказать, что явно умерший продолжает жить. При оценке же воспоминаний о прежних воплощениях проблема состоит в том, чтобы доказать, что кто-то из сейчас живущих уже умирал. Эту задачу, на мой взгляд, решить легче».

Доктор Стивенсон взялся за это и проанализировал более шестисот случаев. О многих он рассказал в престижном журнале

«Джорнэл оф Нервез энд Ментал Дизиз». Двадцативосьмилетняя бразилианка Мария Жануария де Оливейро, находясь на смертном одре, сказала своей лучшей подруге, сидевшей около нее, Иде Лоренс, школьной учительнице: «Я обещаю тебе, что вернусь и появлюсь на свет как твоя дочь. Когда я начну говорить, то расскажу многое из своей теперешней жизни, и ты узнаешь, что я говорю правду». Спустя месяц после смерти подруги миссис Лоренс обнаружила, что беременна. Во время беременности она не переставала думать о предсказании умершей Марии и после рождения дочери, которую она назвала Мартой, стала внимательно наблюдать за развитием девочки. В два года Марта поразила родителей упоминанием точных подробностей своей прежней жизни — жизни Марии Жануарии де Оливейро. Доктор Стивенсон интервьюировал Марту в 1962 г. и вновь в 1972 г. и обнаружил, что, подрастая, она сделала 120 сообщений относительно своей прежней жизни, и они все подтвердились. Марта точно описала своего отца в прежней жизни. Она рассказала, что подарила своему крестнику двух коров, когда он еще был жив. Она узнала одного из бывших поклонников Марии; и ей было известно, что Мария и ее мать, Ида Лоренс, в один день купили себе одинаковые седла для верховой езды.

Доктор Стивенсон также обнаружил случаи перевоплощения, которые подтверждались вескими доказательствами. Виктор Винсент, индеец племени Тлингит, навестил свою племянницу миссис Корлисс Чоткин в Ситке, Аляска, примерно за год до смерти и напугал ее, сказав: «Я вернусь в твоём следующем сыне. У него будут вот эти шрамы». Тут он задрал рубашку и показал ей шрам на спине от операции, затем другой, короткий, неправильной формы, справа от носа. Спустя полтора года после его смерти, 15 декабря 1947 г. миссис Чоткин родила мальчика, который уже при рождении весьма напоминал своего дядю Виктора, — и невероятно, но у него были родинки, похожие на шрамы Виктора. Когда Корлисс-младший начал говорить, он объявил, что его зовут Какоди, — это было племенное имя Виктора Винсента. В два года он узнал в женщине на улице падчерицу Виктора, Суси, крепко обнял ее и повторял: «Суси, моя Суси!» В тот же год он узнал сына Виктора, Уильяма, и воскликнул: «Вот Уильям, мой сын!» Через год он узнал вдову Виктора, Роуз, а когда стал старше, подробно рассказывал о многих событиях из жизни Виктора. Корлисс-младший верно указал, в какой комнате их дома останавливались Виктор и его жена, когда приезжали к ним в гости, до его рождения.

Все эти захватывающие истории подтверждаются...

Работа доктора Стивенсона, несомненно, вызывает интерес к дальнейшему изучению жизни после смерти, но в то же время

некоторые парапсихологи разделяют точку зрения отца американской парапсихологии Дж. Б. Райна, что проблема жизни после жизни сложна и неразрешима, что по ней не может быть произведено результативных исследований. Другие, как психолог Гарднер Мерфи и его последователи, считают, что проблема не поддается разрешению, поскольку не существует свидетельств, что человек переживает смерть, это находится за пределами научного метода. Жизнь после смерти стала считаться стоящим объектом исследования, когда были получены тысячи свидетельств людей, переживших клиническую смерть. Совпадение этих рассказов и их близость к древнейшим восточным учениям, обнаруженным в тибетской «Книге мертвых», возбудили новый интерес к предмету. Чтобы лучше понять изменения научной перспективы, происшедшие за последнее время, рассмотрим рассказ семидесятипятилетней давности, хорошо известный парапсихологам. Сестра Ф. Г. умерла в восемнадцатилетнем возрасте от холеры. Спустя девять лет Ф. Г., путешествуя, очутился в Сент-Джозефе, Миссури, и однажды днем просматривал деловые ведомости в своем гостиничном номере. Что-то привлекло его взгляд, и, обернувшись, он увидел сестру, которая пристально смотрела на него. Он был удивлен, увидев большую красную царапину у нее на щеке. Когда Ф. Г. вернулся в Сент-Луи, он рассказал родителям эту поразительную историю. Мать чуть не лишилась чувств и рассказала, что уже после смерти дочери случайно поцарапала ее лицо, но тщательно запудрила царапину. Никто, кроме матери, не знал об этом. Это не придуманная история, поскольку доказательства всех подобных свидетельств стали собирать и печатать в 1903 г. Но подумайте, насколько неубедительно в научном отношении звучала подобная история в 1903 г. и как она звучит теперь, когда существуют исследования ОВТ и клинической смерти. Чувствительная аппаратура обнаруживает астральные тела, астральное тело может двигать предметы, слышать музыку, пугать животных; во время клинической смерти человек находится полностью в сознании, перемещается на далекие расстояния, замечает подробности, которые можно проверить; фотографии и магнитофонные записи дают возможность думать, что умершие досягаемы. А ведь это лишь малая толика существующих свидетельств. Мы должны добавить, что рассказ Ф. Г., который в свое время выглядел чрезвычайно странным, сейчас выглядит совершенно обычным по сравнению с современными случаями, которые мы рассматривали. Можно лишь предполагать, как изменятся наши взгляды лет через десять, поскольку рассказы о клинической смерти высших видов систематически собираются и подвергаются статистическому анализу:

В статье в «Джорнэл оф Нервез энд Ментал Дизиз» доктор

Стивенсон приходит к выводу: «Свидетельства о жизни человека после смерти достаточно убедительны, чтобы сделать возможной веру в нее. В самом деле, существует масса свидетельств о жизни человека после смерти». Издатель журнала Юджин Броуди, профессор психиатрии Мэрилендского университета, делает следующее примечание: «Это один из немногих случаев, когда в престижном медицинском журнале публикуется работа такого рода».

Вера в перевоплощение несет с собою вопросы, относящиеся к этой жизни. Если, к примеру, некто в прошлом прожил скандальную, преступную, исполненную страстей жизнь, законы кармы говорят, что он должен расплатиться в течение этой жизни или следующей. Раньше или позже все мы должны будем расплатиться. Женщина средних лет из Виргинии, которая в прошлой жизни покинула свое новорожденное дитя, чтобы продолжать существовать без забот, рассказывает, что ее карой стала нынешняя бездетность — по медицинским причинам они с мужем не могут иметь детей. Человек, страдавший от импотенции, чей недуг не поддавался психотерапевтическому лечению, пошел, согласившись на уговоры друга, к экстрасенсу, чтобы тот прочел его прежнюю жизнь. Не зная о характере проблем пациента, экстрасенс сказала ему, что в прошлой жизни он был насильником. Человек ушел, смирившись с судьбой.

Наказание не всегда сразу же следует за преступлением. Человек из Нью-Джерси узнал при гипнотическом погружении в прошлое, что он когда-то был убийцей. Он считает, что его постоянная борьба с невезением (дважды сломана нога, трижды попадал в автомобильные аварии, чуть не утонул, плывя на лодке, дважды был уволен с работы) — это результат действия кармических законов. Такие случаи заставляют предполагать, что подсознательная память о прошлом поведении и травмах может в физическом и психологическом отношении разрушать нашу теперешнюю жизнь. Другими словами, наше прошлое в ответе по крайней мере за некоторые из наших теперешних проблем, нервные или умственные блокировки. Если это так, это может послужить для излечения тех случаев, которые не поддаются обычному психоанализу и психотерапии.

Возрастающее число психологов полагают, что дело именно в этом, и в настоящее время утверждают, что терапия-прошлой-жизни должна излечить тысячи мужчин и женщин от проблем, корнящихся в их прежних существованиях. Нэнси Шиффрин, тридцати трех лет, писательница из Калифорнии, всегда с трудом доводила до конца свои статьи и книги. Она полагала, что проблема неожиданной потери работоспособности уходит корнями в ее детство, в боязнь выполнить что-либо неудачно и огорчить родителей. Сейчас она утверждает, что блокировка ее работы ведет

начало с XVII века. Во время сеанса у Морриса Низертона, лос-анджелесского терапевта-прошлой-жизни, Нэнси увидела себя в Америке в 1677 г. на судебном процессе по обвинению в ереси, пытающейся спрятать от инквизиции дневник с записями, свидетельствующими против нее. Триста лет спустя она все еще, по ее словам, «прячет книгу». Зная истоки проблемы, она избавилась от нее. Нэнси утверждает: «Мне стало совсем нетрудно заканчивать книги, поскольку схема распалась».

Терапия-прошлой-жизни применяет идею Фрейда о том, что по большей части поведение взрослого человека бессознательно вызвано травмами раннего возраста, концепциями кармы и перевоплощения. Терапия-прошлой-жизни широко распространилась в Европе за последние пятнадцать лет, но американцы только что начали принимать ее всерьез. Однако результаты впечатляющие.

Молодая женщина произвела на свет ребенка при помощи кесарева сечения и в течение следующих одиннадцати лет отказывалась выполнять свои супружеские обязанности. Она часто повторяла: «Он слишком велик для меня». При помощи терапии-прошлой-жизни женщина выяснила, что в нескольких прошлых жизнях умирала во время совершаемого над ней грубого насилия и несколько раз умирала при родах. В том случае, который, очевидно, положил начало ее сегодняшним проблемам, она обнаружила себя в средневековой Англии. Ей было четырнадцать лет, она была беременна, ей предстояло родить наследника знатному вельможе. Во время родов повивальной бабке стало ясно, что нужно выбрать между жизнью матери и ребенка. «Он слишком велик для нее!» — воскликнула повивальная бабка о ребенке. Вельможа предпочел жизнь ребенка жизни матери. Умирающая женщина слышала слова: «Он слишком велик для нее», и эта фраза наложилась на ее сексуальные отношения с мужем. Кесарево сечение разбудило спавшую память. После того как старая травма была обнаружена, женщина оказалась в состоянии поддерживать нормальные сексуальные отношения.

Не все, кто применяет терапию-прошлой-жизни, используют гипноз. Доктор Моррис Низертон просто просит своих пациентов лечь на кушетку и расслабиться, а он бросает им ключевые слова и фразы. Фразы, объясняет он, это прямые цитаты из прошлой жизни пациентов, полученные от пациентов во время беседы. Так произошло в случае с писательницей Нэнси Шиффрин. В результате долгой беседы он записал рассказ о ее семье, о том, что ее беспокоит, а также составил фразу из ее различных упоминаний о своей работе: «Я думаю, никому нет дела до меня, только книга, я должна спрятать книгу». Когда Нэнси лежала, расслабившись, на кушетке, Низертон произнес эту фразу и тут же задал вопрос:

«Теперь скажите мне, что вы видите, слышите, думаете, чувствуете? Быстро — что первым приходит вам в голову?» Нэнси ничего не видела, только темноту, и Низертон объяснил ей, что эта темнота скрывает ее прошлую жизнь; тогда она увидела себя на суде, обвиненной в ереси в 1677 г. «Группа мужчин спрашивала меня о моей вере. Они пытались убедить меня, что их заботит моя бессмертная душа. Но они настойчиво задавали вопросы о том, где мой дневник, в котором кроются мои истинные чувства». Низертон спросил: «Что вы думали, когда вас допрашивали?» И Нэнси ответила: «Им не было дела до меня, им нужна была только книга». Она вновь и вновь повторяла фразу. «О чем еще вы думаете?» — спросил он. «Я должна спрятать книгу!» Он заставлял ее повторять ключевую фразу, пока она не стала звучать бесстрастно; тогда сеанс закончился. Нэнси излечилась.

Большинство пациентов, подвергшихся терапии-прошлой-жизни, все-таки сомневаются, действительно ли они переживают опыт прошлой жизни, или это только фантазия, галлюцинации. Но в этой терапии вера в перевоплощение не главное. Терапия-прошлой-жизни оказывается одной из форм психотерапии, которая требует от пациента ответственного отношения к жизни, выявляет эмоциональные травмы.

Некоторые врачи, применяющие терапию-прошлой-жизни, например, доктор Эдит Файе, автор книги «Вы были здесь прежде», использует исключительно гипноз. Гомосексуалист, испытывавший нездоровое отвращение к женщинам, выяснил под гипнозом, что в прошлой жизни он был выращен двумя тетками-садистками, непрестанно мучившими его. Открытие не могло сделать его гетеросексуальным, но значительно улучшило его отношения с женщинами. В Институте гипнотической мотивации в Лос-Анджелесе Эвелин Шифф обнаружила, что гипноз заметно облегчает процесс воспоминания о прежней жизни.

Она возвращала в прошлое женщину, у которой были трудности с обучением, и выяснила, что в прошлой жизни отец этой женщины часто бил ее и называл бестолочью. Когда женщина узнала об этом, обучение перестало доставлять ей трудности.

Шифф пошла дальше и стала применять терапию-прошлой-жизни для лечения физических недостатков. Она лечила девушку, которая обычно хромала, а часто не могла идти без посторонней помощи. Под гипнозом девушка рассказала, что хромает и падает, потому что у нее немеет лодыжка. Взяв этот момент как отправной, Шифф возвращала девушку в прошлое, к тому времени, когда у той впервые появилось это ощущение. Девушка увидела себя в тюрьме, где к ноге ее было приковано тяжелое ядро, оно мешало ей ходить. После сеансов она совершенно избавилась от хромоты.

Терапия-прошлой-жизни не может считаться панацеей, у нее тоже есть свои недостатки. Слишком легко было бы в наших сегодняшних проблемах винить прошлую жизнь. Привлекательная женщина, живущая в Филадельфии, обратилась к местному терапевту, убежденная, что ее комплекс неполноценности — следствие прошлой жизни, когда она была необразованной дурнушкой. Под гипнозом эта женщина прошла шесть прежних жизней, в четырех из которых она была прекрасной женщиной, а в двух — красивым молодым человеком. Прослушав магнитофонную запись своего опыта, она осталась в убеждении, что ее воплощение в виде дурнушки осталось пропущенным. Еще три сеанса в следующем месяце не подтвердили ее убеждения, напротив, они противоречили ему. Женщина не могла согласиться с тем, что ее настоящие проблемы обусловлены событиями ее теперешней жизни, и отказалась от услуг врача, к помощи которого прибегала в течение многих лет.

Сама природа перевоплощения делает его недоступным научной проверке. Но все больше врачей склоняется к тому, что научные методы, идеально подходившие для обращения к объективной реальности, нуждаются в дополнении при изучении субъективной реальности, которая постепенно становится основной темой современной психологии и в большой степени — физики. В настоящее время никто не знает, как применять научный метод, не используя логических уверток. Но когда-нибудь жизнь после смерти и перевоплощение смогут быть выверены, и не останется ни тени сомнения. А пока накапливаются свидетельства в пользу их существования, и все большее число ученых внимательно прислушиваются к рассказам перенесших клиническую смерть, все больше скептиков склоняются к вере. Встречи первого рода со смертью никогда не перестанут быть субъективным опытом, но существуют встречи второго, третьего и четвертого родов, которые уже дают надежные свидетельства о жизни после смерти, перевоплощении и контакте с умершими — свидетельства слишком впечатляющие и слишком важные, чтобы оставлять их без внимания.

Л. Уотсон

**ОШИБКА
РОМЕО**

Л. Уотсон — английский биолог и писатель. В последние годы занимается исследованиями сверхъестественных явлений, много путешествует. Участвовал в антропологических экспедициях в Иордании, Нигерии, Индонезии и Бразилии; в археологических раскопках в Израиле, Турции, Перу; изучал морскую биологию в Индийском океане, ботанику в пустынях Мексики; проводил медицинские исследования на Филиппинах. Он — автор книг «Всеядная обезьяна», «Сверхприрода», «Живой мир зверей», «Ошибка Ромео», «Дары неизведанного», «Поток жизни».

Кормилица
Джульетта померла! Она скончалась!
Леди Капулетти
Джульетты нет! Джульетта умерла!
Капулетти
Пустите! Быть не может! Ни кровинки.
Окоченела. Холодна, как лед.
О господи, она давно без жизни!
Все кончено! Как на поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле!

Поверив их словам, Ромео расстался с жизнью... но он ошибся. А мы порой не ошибаемся?

Однажды десятилетним мальчишкой я убежал в поросшее лесом ущелье, неподалеку от нашего дома. Там, на краю крутого обрыва, можно было слушать великолепное эхо, доносившееся с отвесной гранитной стены по ту сторону потока. Я долго готовился к путешествию и наконец, набравшись смелости, пустился в путь, и вот я здесь, совсем один, высоко над деревьями выкрикиваю что есть сил самое грубое и самое запретное из всех известных мне слов. Сейчас, четверть века спустя, я не могу даже вспомнить это слово, но никогда не забуду, что я тогда испытал. Когда я писал эту книгу о смерти, я чувствовал то же самое.

Хотя мы стали более свободны, смерть по-прежнему — запретная тема. Сталкиваясь с нею, мы постоянно испытываем неловкость из-за неопределенности отношений между жизнью и смертью. С одной стороны, мы пытаемся «упокоить» мертвых, умиротворить и умиловить их, страшась навлечь на себя их гнев; с другой стороны, мы пытаемся симулировать жизнь, раскрашивая их лица в тщетной попытке сохранить последнюю искру жизни.

Мы проявляем непоследовательность на каждом шагу. Мы говорим, что наука и медицина дают нам власть над смертью, на самом же деле убеждены, что ничто на свете не в силах изменить

день нашего свидания в Самарре *. Чувство справедливости и неотвратимости смерти присутствует в рассказе о прорицателе Калханте, умершем от смеха при мысли, что пережил предсказанный им час своей смерти. Успехи техники лишь усложняют проблему жизни и смерти.

Я как биолог смущен. Возможно, я старомоден, однако мне кажется, что тот, кто изучает жизнь, обязан знать, где она начинается и где кончается. Вот почему я написал эту книгу. Она начинается с первооснов и далее следует в направлении, которое подсказывает мне здравый смысл, желание поделиться тем, что я знаю. Я понимаю, что на всех уровнях мое изложение не лишено логических или биологических погрешностей, однако я со спокойной совестью оставляю их в тексте просто потому, что эти аргументы, надеюсь, послужат стимулом к дальнейшему обсуждению вопроса.

Ровно два года назад я собрал множество не вписывающихся в общую биологическую схему фрагментов и соорудил из них нечто вроде лоскутного одеяла, сделав шаг в сторону объективной естественной истории сверхъестественного. Я не хотел искусственно ограничивать тему моих размышлений, но теперь, оглядываясь назад, понимаю, в каком направлении двигалась моя мысль. Если «Сверхприрода» была книгой о жизни, то парная книга посвящена смерти и последующей жизни. Я начинаю с того, что представляет мне главной дилеммой: с нашей неспособности провести различие между жизнью и смертью — и обнаруживаю, что с решением этой дилеммы сразу же открывается ряд других проблематичных областей, каждая из которых ранее исключалась из рассмотрения.

Это не книга ответов. И даже не книга вопросов, а попытка заложить нечто вроде научного основания, которое поможет нам правильно сформулировать вопросы. Когда я беседую с друзьями, сведущими в оккультных науках, или же с теми, кому нет двадцати пяти, о перевоплощении или астральных телах, они лишь утвердительно кивают головой. Когда же я настойчиво пытаюсь выяснить, почему они так уверены в существовании этих явлений, они просто-напросто отвечают, что такова действительность. Я подозреваю, что они правы, и завидую их способности принимать многое на веру, но я устроен иначе. У меня за плечами тяжкий груз десятилетних научных занятий, и я не могу не пытаться примирить научное исследование с мистическим откровением. Я начинаю понимать, что научный метод имеет границы и что некоторые вещи невозможно наблюдать, не внося в них значительных изменений в процессе наблюдений. Наблюдать — значит менять слегка,

* То есть с нашей смертью (прим. перев.).

а описывать и понимать — значит менять существенным образом. Современная атомная физика утверждает, что если что-либо невозможно измерить, то ставить вопрос о его существовании не имеет смысла. Я могу с этим согласиться и в случае необходимости готов отказаться от традиционного научного подхода. Я понимаю, что ход моего исследования почти всегда приводит меня прямо туда, где с самого начала находились мои мистически настроенные друзья, однако, в отличие от них, я точно знаю, где нахожусь, ибо могу, оглянувшись на пройденный путь, увидеть, откуда я пришел.

Итак, для тех, кому нелегко быть на короткой ноге с иной реальностью, я предлагаю эту несовершенную схему путей, которые берут начало в заблуждении, а кончаются на острие новой пугающей границы. Надеюсь, что вы, как и я, поймете, что смерть может стать продолжением линии жизни.

ТЕЛО

Ошибка, допущенная Ромео, не исключение и совершается не только обезумевшими от горя пылкими любовниками. Ее допускали даже известные анатомы. В середине XVI в., когда Андреас Везалий в расцвете своей славы вскрывал тело испанского дворянина, «труп» неожиданно вернулся к жизни. Потерпевший дон полностью оправился от причиненных ему повреждений, зато Везалий был предан суду инквизиции и за свою ошибку приговорен к смерти. Как утверждают, вскоре сам Великий Инквизитор очутился на столе другого анатома. На этот раз ошибка обнаружилась слишком поздно.

Другим повезло больше. Преподобный Шварц, один из первых миссионеров, подвизавшихся на Востоке, очнулся от мнимой смерти в Дели при звуках любимого гимна. Пришедшие отдать ему последние почести прихожане узнали об ошибке, когда голос из гроба присоединился к хору. Никифорос Гликас, епископ греческой православной церкви на Лесбосе, тоже до смерти перепугал своих прихожан. Пролежав два дня в гробу в епископском облачении в церкви Метимнии, он вдруг уселся на митрополичий трон, взглянул на вереницу людей, пришедших попрощаться с телом, и повелел узнать, зачем они здесь собрались.

Подобные сообщения содержатся в диалогах Платона, «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха и «Естественной истории» Плиния Старшего, однако было бы неверно считать эту ошибку делом прошлого. В 1964 г. посмертное вскрытие в нью-йоркском морге было прервано, когда после первого разреза пациент вскочил со стола и схватил хирурга за горло. Врач заплатил за эту ошибку жизнью: он умер от шока.

Слово «аутопсия» * буквально означает «увиденное собственными глазами», но безошибочно определить некоторые виды смерти настолько сложно, что во многих странах поспешные похороны запрещены законом. Итальянский поэт Франческо

* Аутопсия (греч.) — вскрытие трупа с диагностической или научной целью.

Петрарка двадцать часов пролежал в Ферраре как мертвый и по истечении установленного законом времени, то есть еще через четыре часа, был бы похоронен, если б внезапное похолодание не подняло его с постели. Он пожаловался на сквозняк, распек слуг и прожил еще тридцать лет, написав за это время некоторые из лучших сонетов. В Мюнхене находится огромное готическое здание, где в прошлом длинными рядами лежали те, кого внезапно настигла смерть. Они были обвязаны веревками, которые соединялись с колоколами в комнате смотрителя. Сон его, вероятно, прерывался достаточно часто, раз был смысл иметь подобное оборудование.

Конечно, тело нельзя долго оставлять без погребения, поэтому во избежание ошибки были предложены различные критерии определения смерти. В основе одного из древнейших способов — подносить к разным частям тела зажженную свечу — лежит обоснованное предположение, что с прекращением кровообращения кожа не покроется волдырями. Он оправдал себя в случае с Луиджи Виттори, карабинером на службе у папы Пия IX. Луиджи был признан в римской больнице умершим от астмы, когда другой более осторожный врач поднес зажженную свечу к его лицу. Луиджи в результате пришел в себя и продолжал служить в Ватикане, однако до конца своих дней носил на лице память о смерти, шрам от ожога третьей степени.

Доктор Икар Марсель предложил более современную форму проверки. Он применяет раствор флюоресцина, вызывающий временное позеленение роговой оболочки глаза у живых, но не оказывающий подобного действия после смерти. В Соединенных Штатах врач в сомнительных случаях применяет атропин, обычно вызывающий расширение зрачков. В Англии коронеры * начали пользоваться портативным кардиографом, регистрирующим даже слабую электрическую активность сердца. Когда новый прибор был впервые использован в шеффилдском морге 26 февраля 1970 г., он обнаружил признаки жизни у двадцатитрехлетней девушки, у которой констатировали смерть, наступившую от чрезмерной дозы наркотиков.

Некоторые способы определения смерти достаточно эффективны, однако дело в том, что отрицательный результат в любом случае ничего не значит. Вдобавок ежегодно в одной Англии шестьсот тысяч умерших не подвергаются никакой проверке. Не исключено, что даже в таких странах, как Англия, где требуется официальное свидетельство о смерти, немало людей хоронят раньше срока. По некоторым оценкам, в Англии и Уэльсе эта цифра, вероятно, достигает двух тысяч семисот человек в год, но следует

* Коронерами в Англии называют тех, кто устанавливает факт смерти.

отметить, что эти подсчеты относятся к концу прошлого века, когда проблема преждевременного захоронения стояла особенно остро.

Английский писатель Уилки Коллинз каждую ночь оставлял около кровати записку с перечнем предосторожностей, которые следует предпринять до того, как вынести заключение о его смерти. Полковник медицинской службы армии США предложил, чтобы у всех погребенных без бальзамирования имелся под рукой пузырек с хлороформом. Гофмейстер русского царя Александра III граф Карнице-Карницкий изобрел более гуманное средство: трубу, ведущую из гроба в ящик на поверхности, его нельзя было открыть снаружи, но он мгновенно распаивался при первых же признаках жизни погребенного изнутри, открывая доступ воздуху, выкидывая шест с флажком, ударяя в колокол и подавая световой сигнал. По замыслу графа эти устройства должны были приобретаться кладбищами, где их сдавали бы в аренду на две недели.

Одной из причин подобной озабоченности стала, по-видимому, деятельность профессиональных похитителей трупов, известных в Англии под именем «гробокопателей». Они извлекали и продавали свежие трупы Обществу цирюльников и хирургов, которое официально получало всего четыре трупа в год, но щедро платило за дополнительный материал, не задавая лишних вопросов. Торговля получила огласку в 1824 г., когда Джон Макинтайр, который в соответствии с действующими правилами был признан умершим и похоронен на местном кладбище, очнулся на секционном столе Лондонской медицинской школы, едва нож лаборанта вонзился ему в грудь. После проведения расследования для охраны стали выделять сторожей, а на самих кладбищах обнаружили еще несколько случаев преждевременных захоронений.

В 1856 г. была раскопана могила, из которой доносился стук, однако на получение разрешения от священника и полиции ушло столько времени, что к моменту отытия гроба лежавший в нем человек действительно умер. То, что его похоронили живым, подтверждалось ранами, которые он нанес себе, кусая плечи и руки. В 1873 г. после сообщения о шуме, доносившемся из могилы, была эксгумирована недавно похороненная молодая беременная женщина. Прибывшие власти обнаружили следы жестокой борьбы за жизнь, которая закончилась рождением ребенка, задохнувшегося в гробу вместе с матерью.

Во времена войны и чумы, когда тысячи тел поспешно предавали земле, многих хоронили живыми. Когда медицина была в зачаточном состоянии, либо ее не было совсем, ошибки, несомненно, случались еще чаще. Сегодня, когда факт смерти устанавливают врачи, а тело готовят к погребению профессионалы, ошибка представляется невозможной. И все же 11 декабря 1963 г.

тридцатипятилетняя Элзи Уоринг, упавшая без чувств у себя дома, была доставлена в госпиталь, где трое врачей констатировали ее смерть. Через десять часов она очнулась в гробу по дороге в морг.

Ошибку Ромео совершают и будут повторять, так как нет ясного представления о том, что такое жизнь и что такое смерть, и это мешает нам четко разделить одно от другого.

Глава I

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Впервые открыв глаза, ребенок не видит ничего. В матке темно, ведь даже тот слабый свет, который сумел проникнуть сквозь растянутую кожу живота, вскоре рассеивается в околоплодной жидкости. В последние четыре месяца внутриутробного развития сморщенное личико ребенка тщетно вглядывается в этот текучий сумрак без света и почти без звука. Ребенок может зато ощупать свой мир руками. Пальчики уже полностью сформировались, каждый с крохотным прекрасным ноготком, и они сгибаются и шевелятся, хватают друг друга и стенки матки. Первое, что ребенок обнаруживает, — это мягкие, длинные и шелковистые волосы на его собственных ручках и ножках. Пальцы блаженствуют в этой поросли, сплетая и дергая ее, тренируя ту цепкость, которая удерживала когда-то ребенка на груди прачеловеческой матери, когда она, объятая ужасом, мчалась по верхушкам деревьев. Позже, к концу беременности, волосы исчезают, а на их месте возникает короткий, мягкий, золотистый пушок, с которым появляется на свет каждое человеческое дитя.

Время, проведенное в утробе, занято не только ростом. Смерть ждет нас и там. Эмбриональные клетки делятся, растут и группируются в осмысленные сочетания, часть из которых временна, переходна. Это как бы органические фантомы, мерцающие в долгой памяти эволюции на пути к правильной структуре. Жабры, хвосты и мех уже не нужны, поэтому их ожидает распад. Некоторые наши органы начинают умирать задолго до того, как мы сами рождаемся. Клетки и ткани сменяют друг друга в постоянном динамичном процессе, где жизнь и смерть настолько связаны друг с другом, что почти неразличимы. Смерть выступает как важнейшая часть даже самой юной жизни, и в то же время о ней молчат так упорно, что вы не встретите этого слова даже в терминологическом указателе учебника по общей биологии.

На вопрос о том, что такое смерть, большинство биологов ответят: смерть — это «отсутствие жизни». Попросите дать определение жизни — и вы получите почти столько же ответов, сколько

существует биологов. Причем жизнь редко описывается через негативные определения, применяемые по отношению к смерти. И это, вообще говоря, странно, поскольку смерть является состоянием равновесия космоса, естественным состоянием, к которому стремится любая жизнь, если ее предоставить самой себе. Греческое и немецкое слова, означающие «жизнь», выражают это ее свойство точнее, чем английское, поскольку они включают в себя смысл «сохранения», «продолжения». Жизнь удачно описывается ими как «добавочное» качество, и с логической точки зрения именно она заслуживает негативного определения — «отсутствие смерти».

Мы благоволим к жизни. В эволюционном смысле эта предрасположенность прекрасна и полезна, она способствует выживанию, но мешает нам понять внутреннюю связь между жизнью и смертью. В результате смерть плохо поддается объективному рассмотрению. Один психолог заметил, что все его усилия понять феномен смерти сводятся зачастую к разглядыванию «ума, бродящего во тьме».

По-видимому, лучший способ научно овладеть феноменом смерти — вернуть биологию, все еще твердящую, что она изучает живое, к анализу его простейших проявлений. Пусть взглянет на едва брезжущую жизнь, еще трудно отличимую от неживой материи.

Специалисты по молекулярной биологии располагают сейчас все более изощренными средствами молекулярного зрения, и с каждым увеличением разрешающей силы приборов становится все очевиднее, что между живой и мертвой материей нет принципиально непреодолимого разрыва. По мере того как мы все полнее выявляем структуру и поведение молекул, становится яснее, что живые организмы лучше описывать как неживую материю, достигшую особой, специфической организации. В последнее время появились научные исследования, посвященные специфике этой особой организации, и они показывают, что дело сводится в основном к мере. Природа заполняет все мыслимые ступени организации в промежутке между тем, что мы уверенно считаем «мертвым», и тем, что определяется как «живое», и совершенно невозможно разграничить этот спектр так, чтобы по одну сторону было живое, а по другую — мертвое, и мы могли бы сказать: «жизнь начинается здесь».

Материал, из которого строится жизнь, носит органический характер. Он состоит из углеродных соединений. Из сотни с небольшим элементов, известных в настоящее время, углерод уникален тем, что он может вступать в соединения с самим собой, образуя очень большие конгломераты, состоящие из сотен тысяч атомов и называемые макромолекулами. Самые распространенные из них — белки, составляющие около половины всего сухого веса

любого живого организма. В человеческом теле находится больше сотни тысяч разных типов белка, и человек не является в этом отношении исключением. Любая жизнь — это белок. И короли, и капуста, как бы ни были различны эти организмы, имеют почти тождественные сочетания белков, контролирующих скорость химических реакций и обеспечивающих надзор за всеми процессами роста; и все эти белки образуются под бдительным оком одной маленькой группы взаимосвязанных макромолекул, которые несут в себе план организации, передавая его от поколения к поколению. На фундаментальном уровне все живые существа тождественны, независимо от различий во внешнем виде и поведении. Они одинаково рождаются и зависят от одних и тех же химических процессов, обеспечивающих самостоятельное существование и воспроизводство.

Всякая жизнь имеет границу. Для успешного осуществления даже простейшей жизнедеятельности требуется множество гигантских молекул, и все они должны уместиться в одной и той же оболочке. Поэтому необходим некий минимум пространства. Расчеты показали, что нижний предел физического размера любого независимого живого организма составляет в диаметре около пяти тысяч единиц ангстрем. Это означает, что двадцать тысяч таких структур могут поместиться бок о бок поперек ногтя человеческого пальца. Такое ограничение предполагает, что мы можем начать определять смерть как все то, что меньше пяти тысяч ангстрем, но выясняется, что в нижних пределах континуума «жизнь—смерть» есть целый ряд существ, размеры которых колеблются от половины до одной пятидесятой этого критического размера, и все они обладают целым рядом характеристик жизни. Эти возмутительные нарушители порядка — вирусы, и именно они являются ключом к реалистической оценке смерти.

Вирусы воспроизводятся, но для этого им необходимо восполнить химический дефицит за счет проникновения в клетку более правильно устроенного организма. Они овладевают биологическими поточными линиями и переводят их с производства нормальной субстанции клетки-хозяйки на воспроизведение новых вирусов. Существует мнение, что такая зависимость от другой жизни лишает вирусы права считаться подлинно живыми организмами, но ведь мало какие живые существа, за исключением зеленых растений, не питаются другими формами жизни. На этом основании вирусы не могут быть вычеркнуты из числа живых.

Способность воспроизводства, какими бы обстоятельствами она ни сопровождалась, делает вирусы более жизнеспособными, нежели красные кровяные тельца в нашей крови. Капля крови от булавочного укола кишит клетками, число которых доходит до пяти миллионов. Они содержат гемоглобин и переносят кислород

от легких ко всем другим органам тела, но в ходе своего развития теряют ядра и совершенно неспособны воспроизводиться. Это не означает, что они мертвы. Мулы и бесплодные мужчины тоже не обречены на смерть из-за того, что они неспособны воспроизводить себя. Очевидно, что существуют степени «мертвости», и красные кровяные тельца считаются скорее живыми, чем мертвыми, вследствие их сложной внутренней интеграции. Они достигли той «особой специфической организации», которая совершенно необходима для жизни.

В 1935 г. Уэнделл Стэнли из Рокфеллеровского института в Нью-Йорке обнаружил, что можно выделить сок зараженных растений табака и получить табачный мозаичный вирус в кристаллической форме. Длинные и узкие кристаллы этого вируса совершенно неотличимы от кристаллов чисто химических соединений. Их можно растереть в порошок и держать в стеклянной колбе как любое другое инертное органическое вещество, например сахарную пудру. И те и другие кристаллы можно вырастить вновь. Если ввести порошок вируса в развивающееся растение табака, он тут же растворится, нападет на клетки листьев и начнет производить новые вирусы. Сахар требует другого обращения. Нужно сделать концентрированный раствор и поддерживать определенную температуру. Затем в раствор необходимо погрузить кристаллы сахара или выдерживать его достаточно долго, чтобы молекулы сами соединились в структуры правильной формы. Эта структура затем увеличивается в размере, делится определенным образом, пока не образуются два тождественных кристалла. В обоих случаях имеет место воспроизводство, но в организации этих процессов есть существенное различие.

Большинство органических веществ с трудом образуют кристаллы, так как необходимо, чтобы они находились в чистом и очень концентрированном растворе. Кристалл обычно формируется только из тождественных молекул (отсюда потребность в чистоте), притягивающих друг друга и располагающихся таким образом, чтобы образовать правильный и повторяющийся рисунок. Именно так образовывались вирус и кристаллы сахара. Растертый и разрушенный сахар может вернуться в кристаллическое состояние только в том случае, если его растворить, а затем разогреть, пока не получится критическая концентрация. После завершения этого процесса мы получим первоначальное количество сахара. Когда же порошок вируса растворяется в клетке-хозяине, он вызывает биохимическую реакцию, которая не только выделяет тепло, но и дает в результате колоссальную прибавку массы вирусов.

Сахар вовлекается в термостатически закрытую химическую реакцию. Вирус вызывает открытый термодинамический процесс,

связанный с обменом веществ живого организма и окружающей среды. В этом состоит коренное различие между живыми организмами и неживой органической материей. Все они подчиняются фундаментальным физико-химическим законам, но способы, какими эти законы на них воздействуют, весьма различны. Живая материя организована так, что для своего воссоздания нуждается в энергии из окружающей среды. Неживая материя попросту разрушается.

Если вам кажется, что кристалл — предмет, далекий от биологии и нашей темы жизни и смерти, взгляните на тыльную сторону вашей руки. Все поверхностные клетки кожи представляют собой полупрозрачные кристаллы, скрепленные тонким слоем жира. Это жесткие клетки, наполненные кератином, почти по всем параметрам мертвые. Очень скоро они будут сброшены и исчезнут вместе с еще пятьюстами миллионами клеток, которые мы ежедневно теряем, но пока что они покрывают поверхность всего тела как гибкий панцирь, специально предназначенный для защиты находящихся под ним нежных тканей. Подлинно живые клетки не могут перенести соприкосновения с воздухом, защитные же кристаллические клетки, вытесненные на поверхность заменяющими их новыми клетками, не гибнут. Они совершают самоубийство. Задолго до того, как эти клетки достигают поверхности и соприкосновения с воздухом, они начинают производить фиброзный кератин, пока вся клетка не наполнится роговым веществом. Технически эти клетки мертвы. Они, безусловно, не могут воспроизводиться и столь же несомненно состоят из высокоорганизованной материи, выполняющей задание конкретного органа на данный момент времени.

Мертвы ли клетки кожи? Если мертвы, то наше тело буквально укрыто смертью. Ни одной живой клетки не видать, в поле зрения одна лишь смерть, и все же нас числят среди живых. Давайте же разрешать сомнения в пользу жизни, ведь ясно, что существуют различные стадии «мертвости». Опора на сочетание признаков жизни и смерти даст, по-видимому, наиболее реалистическую классификацию живой материи. Есть одно очень важное следствие странного поведения вирусов, следствие, не оставляющее и тени сомнения, старые определения, основанные на полярности понятий «жизнь» и «смерть», совершенно не годятся.

Жизнь зависит от смерти. Мы обязаны жизнью не только клеткам, воздвигающим барьер между нами и внешним миром, но и огромным армиям других клеток, постоянно кладущих свою жизнь во внутренних битвах за полный расцвет организма.

На каждую тысячу красных кровяных телец приходится одна чуть более крупная и прозрачная клетка с ядром. Эта клетка имеет способность к амебному движению и стремится проскочить

с другими клетками своего типа вдоль стенок сосудов, вместо того чтобы нестись посередине в протоплазменном потоке, влекущем красные тельца к месту их назначения. Белые тельца используют кровоток только как средство передвижения и просачиваются сквозь стенки капилляров в ту точку окружающей ткани, где в них может оказаться нужда. Белые тельца готовы к немедленному действию. Они быстро собираются к месту заражения или к ране, кидаются на проникшие внутрь бактерии и берут их в полное окружение и плен. Одна-единственная клетка может схватить и переварить не менее двадцати бактерий, но ущерб при этом наносится обеим сторонам. Тельца часто погибают от токсинов, и гной, появляющийся на месте схватки, есть не что иное, как скопление мертвых белых кровяных телец. Очевидно, что нашему телу необходимы эти всеядные бойцы, справляющиеся не только с постоянной угрозой вторжения бактерий, но и поглощающие частички разложения, нападающие на все, чуждое системе. Если в организме мало белых кровяных телец — это катастрофа, но царящая в нем демократия подвергается серьезному испытанию и в том случае, если размеры армии слишком велики. Перепроизводство белых кровяных телец приводит к лейкемии.

В нормальных условиях организм поддерживает равновесие. Тело избегает вредного демографического взрыва, воспроизводя новые клетки по мере отмирания старых. Ему не приходится ждать, поскольку гибель старых клеток в значительной степени предопределена. Каждый день кто-то из нас умирает, чтобы остальные могли жить. Очевидно, что неизбежно приходящая смерть не может быть случайностью, произвольным результатом конкуренции, обеспечивающей выживание самых приспособленных. Смерть имеет определенную задачу. Она включена в программу жизни, и выживание организма возможно лишь в том случае, если происходит планомерное отмирание некоторых его частей.

Недавний эксперимент с птенцами, проведенный двумя американскими эмбриологами, убедительно подтвердил этот факт. Эмбриологи показали, что крылья птиц могут стать функциональными, только если особые мезодермные клетки развивающегося крыла зародыша отмирают в установленные сроки и позволяют другим клеткам развиваться в летательные мышцы. Смерть этих клеток является неотъемлемой частью роста всех летающих птиц. Сходный процесс запланированного убийства включен в программу развития лягушки. Головастики живут в воде, где они питаются водными растениями и передвигаются посредством волнообразных движений длинного мускулистого хвоста. По мере развития они меняют способ питания, включая в свой рацион личинок и червей, и постепенно придвигаются все ближе и ближе к берегу, где могут рассчитывать на более разнообразную пищу

из насекомых. У головастика отрастают конечности, и примерно в возрасте четырнадцати недель молодые лягушата выбирают на твердую землю, хвост им теперь только мешает. На этой стадии развития хвост постепенно исчезает — он поглощается изнутри специальными подвижными клетками, которые ведут себя точно так же, как белые кровяные тельца, нападающие на бактерии, с той только особенностью, что здесь мы наблюдаем акт каннибализма. Жизнь движется, уничтожая самое себя.

Мы привели примеры того, как жизнь поддерживается с помощью смерти в пределах единичного организма. Однако нам гораздо ближе и понятнее то, как смерть помогает сохранить необходимое равновесие в целой популяции, не позволяя ей слишком разрастись и стать неуправляемой. Не будь смерти, мир завоевали бы организмы, размножающиеся быстрее остальных. Одна маленькая невидимая бактерия может самостоятельно произвести за несколько часов огромное потомство, равное весу человека, а каждый грамм почвы содержит 100 миллионов таких потенциальных патриархов. Менее чем за два дня вся поверхность Земли была бы покрыта зловонными дюнами бактерий всех цветов радуги. Беспрепятственно размножаясь, простейшие дадут нам такую же картину за сорок дней; комнатной мухе потребуется четыре года, крысе — восемь лет, растения клевера смогут покрыть всю Землю за одиннадцать лет; но прежде, чем нас вытеснят слоны, пройдет не меньше века.

К счастью, рост популяции многих видов является самоограничивающимся. В классическом случае ботанической преемственности растение-пионер, расцветающее на почве с низким содержанием азота, продвигается затем на открытую площадку. Здесь оно пышно разрастается и в результате добавляет азот в почву. Таким образом, процветание становится причиной разрушения самого условия успешного развития. Для ограничения тех видов, которые лишены такого самоконтроля, существуют хищники, взимающие с них свою дань.

Жизнь питается жизнью, и в итоге мы получаем цикл, в котором атомы, образующие данную конкретную часть живой материи, бесконечно переходят из одной живой формы в другую. Зеленые растения производят жизнь из почвы, воды и энергии солнца. Они умеют извлекать свое сырье прямо из неживой материи, но затем растение съедается гусеницей, которую подхватывает пролетающий воробей, попадающий, в свой черед, в когти ястреба, а тот умирает позже от обморожения и становится пищей жуков, роющих в отбросах... и так далее. Попадая в сеть живой материи, атомы захватываются чем-то вроде органической инерции, проносящей их через бесконечные жизненные циклы, длящиеся веками. Может даже показаться, что жизнь способна внести

мистическое начало в неживую материю одним своим соприкосновением с ней, и, попав однажды в живую клетку, материя претерпевает превращения, ведущие к возможности ее повторного вхождения в живую ткань. Позже мы увидим, что эти превращения постепенно учатся измерять.

Биофизик Джозеф Гоффман называет этот непрерывный процесс «атомным водоворотом жизни» и напоминает, что за редким исключением вся наша пища была недавно частью другого живого существа, что рост растений зависит от наличия прежде жившей материи, даже если она, как, например, зола, была впоследствии сожжена. Ясно, что изменение, вносимое жизнью в материю, не имеет чисто химической природы.

И снова мы сталкиваемся с понятием степеней смерти. Останки живых организмов еще хранят следы жизни и должны, вероятно, рассматриваться как ее часть. Каждая отдельная частичка живой материи, находящаяся ныне на поверхности земли, была сотворена жизнью, и, вероятно, многие ее фрагменты несут на себе ее следы. По всем традиционным определениям, перегной мертв, но он тем не менее существенно отличается от камней. Гоффман предполагает, что «живые существа знают гораздо больше, чем могут поведать», и что дерево раскидывает семена «в надежде», что им встретится не только голый камень. Учитывая известную нам связь между отдельными растениями и другой живой природой, трудно не согласиться, что сеть жизни заброшена так широко, что включает даже недавно «умершее».

На границе органической и неорганической материи находятся весьма живучие бактерии. В отличие от аномальных вирусов эти организмы действительно образуют мост между живой и неживой субстанциями. Бактерии, безусловно, являются живыми, и, хотя они лучше чувствуют себя в теплой влажной среде, их можно встретить в самых разнообразных средах обитания. Многие из них могут существовать без кислорода, некоторые могут жить в воде почти при температуре кипения, и большинство выживает при температуре гораздо ниже нуля. Несколько разновидностей обладают способностью к фотосинтезу и, подобно растениям, получают энергию непосредственно от солнечного света, остальным же требуется органическая пища. Чтобы ее раздобыть, бактерии способствуют процессу разложения, при котором сложные органические компоненты разрушаются или превращаются в минералы, уступая тем самым место более простым неорганическим химическим веществам. Бактерия поглощает то, что ей необходимо, оставляя все прочее на долю природы. Многие из продуктов жизнедеятельности бактерий не возникают сами по себе, и, если бы не работа бактерий, они бы навечно остались в формах, недоступных другим живым существам, и всякая жизнь на Земле вскоре прекратилась.

Сами бактерии, как мы видим, практически бессмертны. Вырастая до самого благоприятного размера, что занимает только двадцать минут, они просто делятся, и две новые бактерии питаются и растут и вновь делятся. В идеальных условиях защищенности от вирусов и белых кровяных телец ни одна из бактерий никогда не умрет. Они не знают смерти от старости и не становятся трупами, кроме случаев их насильственного разрушения. Так, смерть становится бессмысленным понятием для большинства простейших сгустков живой материи, предназначенных к жизни внутри единичной клетки. Один короткий шаг — и эволюция как бы перешла от совершенно мертвой неорганической материи к вечной самовоспроизводящейся жизни. Сложные и гибкие взаимоотношения между жизнью и смертью оказываются изощренным новшеством, привнесенным в природу по каким-то особым причинам.

Большинство простых организмов, состоящих из единичной клетки, воспроизводятся по методу бактерий, используя двойное деление, когда родительская клетка делится на две дочерние, в каждой из которых содержится примерно половина первоначального материала. Если в клетке есть ядро, то оно делится первым, так что каждая дочерняя клетка получает равную долю наследственного вещества организма. Если в клетке есть непарные структуры, например единственный пищевод у инфузории-туфельки (*Paramecium*), то одна дочерняя клетка получает структуру целиком, а другая вынуждена вырастить свою собственную, руководствуясь инструкцией, содержащейся в ее доле ядра. Простейшие паразиты, такие как *Plasmodium*, живущие в жидкой среде тела хозяина, защищены от опасностей внешней среды и просто купаются в пище, которую они всасывают через стенки клетки. В таких идеальных условиях воспроизводство происходит очень быстро. Отвергая двойное деление как слишком медленное, эти организмы используют множественное деление, когда ядро быстро расщепляется на множество частей, каждая из которых оказывается окруженной крошечным кусочком протоплазмы и становится отдельной клеткой. Потрясение, испытываемое организмом, когда в его кровотоке происходит неожиданное множественное деление и одновременное возникновение биллионов крошечных паразитов, вызывает симптомы малярии. Этот способ деления обеспечивает как *Paramecium*, так и *Plasmodium* бессмертную непрерывность, свойственную бактериям.

Поднявшись выше по лестнице эволюции, можно встретить и другие бессмертные существа. Одно маленькое беспозвоночное вида *Coelenterata* носит имя мифического чудовища гидры вследствие своей способности отращивать новую голову или отпочковывать совершенно самостоятельных индивидов прямо от боковых

поверхностей своего тела. Если плоского червя *Planaria* разрезать на кусочки, то из него получатся два, а то и несколько, совершенно законченных особей, хотя любой другой вид, безусловно, погибает от такой операции. Конечность, отделенная от морской звезды, вскоре отращивает четыре недостающих органа и принимается жить самостоятельно. Любой организм, для которого быстрое воспроизведение является необходимостью или преимуществом, сочтет такую способность очень полезной, но есть здесь и своя ловушка. Каждая дочерняя клетка и каждое новое отпочкование порождает потомство, ничем не отличающееся от родителей. Это прекрасно, но лишь до тех пор, пока условия остаются неизменными. В нашей динамичной системе выигрывают лишь те организмы, которые могут меняться вместе с изменениями окружающей среды.

Жизнь нашла решение этой задачи, введя половые различия. Пока большая часть бактерий занималась делением, некоторые особи начали эксперимент по прямому обмену наследственным материалом между индивидами. В 1947 г. Джошуа Ледерберг из Колумбийского университета показал, что обитательница толстой кишки бацилла *Escherichia*, миллионы которой имеются в теле каждого человека, иногда встречается в двух формах, имеющих элементарные мужские и женские признаки. Время от времени вытянутая клетка мужского штамма приближается к округлой пухлой клетке женского типа, проталкивает короткий отросток через стенку женской клетки и вводит в нее генетический материал. Этот процесс переноса занимает около двух часов, значит, спаривание бактерий длится в шесть раз дольше, чем неполовое воспроизводство. Похоже, что это приятный способ продления жизни.

Такой перенос ценен тем, что клетки, произведенные на свет женской бактерией, соединяют мужские и женские характеристики. Впервые за эволюцию потомство имеет двух родителей и отличается от каждого из них. Преимущества этого способа развития для нужд приспособления к окружающей среде весьма ощутимы, и половое размножение начинает играть все возрастающую роль в жизни организмов. В черед поколений оно поначалу сосуществует с неполовой техникой деления и почкования, но со временем преимущества полового воспроизводства помогли ему одержать верх над всеми другими способами. В результате развились организмы, наделенные всеми половыми различиями. Это означало, что они могли быть либо мужскими, либо женскими особями и размножались только в том случае, если вкладывали частички своих тел в союз, дающий жизнь новым индивидам. Впервые организмы превратились в подлинно отдельные существа с конечным жизненным циклом. Они рождались, росли, достигали зрелости и размножались, а затем (в отличие от бактерий, которые

просто делились и начинали все сначала) старились и умирали. Смерть — вот цена, которую мы уплатили за половые различия.

Взамен утраченного бессмертия организм обрел индивидуальность. Не просто временные фазы в бесконечном процессе, а отдельные существа со своими собственными особыми чертами. «Процесс воспроизводства был нарушен» — и это, пожалуй, все, что можно сказать о бактериях, зато аналогичное событие в мире насекомых описывается иначе: «кузнечик погиб». С появлением индивидов стал возможен переход от обобщения типа «смерть наступила» к точному указанию, кто конкретно умер. Но тут же вырисовывается новая проблема. Мы уже пришли к выводу, что организм остается живым, несмотря на то что некоторые из составляющих его клеток погибли. Мы даже предположили, что мертвые клетки могут считаться живыми на том основании, что они продолжают играть определенную роль в выживании организма как целого. Индивиды, входящие в очень тесно связанное сообщество, могут оказаться в таком же положении.

Зоолог Клейборн Джоунз указывает, что выделить индивидуальную особь несколько не легче, чем дать определение вида. Так, например, есть предположение, что рабочая пчела является вовсе не организмом, а чем-то, что придумано человеком. А вот улей и есть единый организм. А если это так, то что происходит, когда погибает рабочая пчела: она ли умирает, или улей попросту теряет один из своих компонентов? Существуют веские основания считать улей и муравейник целостными организмами. Одиночные рабочие пчелы или муравьи стерильны и так же неспособны размножаться, как красные кровяные тельца. В самом деле, они осуществляют ту же миссию доставки, и их шансы на самостоятельное выживание столь малы, что не превышают возможностей изолированной клетки крови. Так кто же может претендовать на индивидуальность — пчела или улей? Если улей является единым организмом, то зависит ли его выживание от количества живых рабочих компонентов? Сколько нужно изъять пчел, чтобы счесть улей мертвым? Вероятно, на все эти вопросы можно дать один и тот же ответ, а именно: жизнь и смерть существуют бок о бок, и осмысленное определение любого из этих понятий неизбежно включает в себя оба полюса.

Возможность существования общественных организмов и групповых индивидуальностей ставит еще один вопрос. Предположим, какая-то внешняя разрушительная сила разбила улей, не повредив ни одной пчелы, а просто разметав их по окрестностям. Улей исчез, но погиб ли организм? А если не погиб, то как назвать ситуацию, когда разогнанные пчелы вливаются в новый улей, становясь его составными частями? Если убит и растерзан своими сородичами волк, мы говорим, что он умер. Так ли это? Дилемма

разрастается. Где помещается жизнь, пока ее части перестраиваются? Это не просто философский вопрос. Развитие хирургической пересадки органов ставит эту проблему в ряд важнейших моральных и юридических задач.

Морские губки состоят из массы клеток, организованных в сообщество, функционирующее как одно целое и представляющее собой, по мнению большинства зоологов, единый организм. Но если вы разрежете губку и протрете кусочки через шелковую ткань так, чтобы все клетки分离лись друг от друга, эта неорганизованная каша в скором времени вновь соединится, превратившись в полноценную губку. Очень удачный эксперимент такого рода производился над красно-ржавой губкой *Microciona prolifera* и желто-зеленой губкой *Cliona selata*. Образчики обеих губок были мелко растерты и растворы тщательно перемешаны. Через двадцать четыре часа красные и желтые клетки реорганизовались и вновь соединились в форму первоначальных губок. К началу эксперимента имелись два разных живых организма. Встает вопрос: что в них оставалось живым, а что погибло в смешанном растворе? Все клетки остались живы, но на какой стадии мы имеем право приписывать каждому из этих организмов индивидуальную жизнь? И как объяснить тот странный факт, что несколько красных клеток благополучно встроились в желтую губку?

Можно оспорить право губок считаться отдельными организмами на том основании, что это скорее колонии, но вот Теодор Хаушка проделал необычный опыт с несомненным организмом — мышью. Он взял зародыши мыши на тринадцатый день внутриутробного развития и размолот их так мелко, что они смогли пройти сквозь тонкую иглу шприца. Раствор с зародышами он ввел в полости девственных женских особей той же породы. Через пять недель у всех этих животных обнаружился в брюшной полости координированные массы костей и тканей. Они достигали размера недельных зародышей. Очевидно, отдельные клетки оказались способны объединиться и развиваться в направлении образования законченных животных, только каких? Вероятно, мышей, но какого вида? Того же, какой сформировался бы в матке мыши-донора? А если нет, то что произошло с эмбрионами? Умерли?

Поведение индивидуальных клеток — ведущая нить всего клубка вопросов. В подходящих условиях многие типы клеток продолжают свободно размножаться вне тела. Технология выращивания тканей требует определенной температуры и сложного питательного раствора, содержащего до сотни различных ингредиентов. Большинство специалистов знают особые хитроумные приемы, помогающие началу процесса роста культуры. Клетки костного мозга или клетки слизистой кишечника свободно размножаются в самом теле, и поэтому весьма велика вероятность их роста

и вне организма. Зародышевые клетки — тоже подходящие кандидаты, поскольку они начинают быстро расти еще до начала опыта и переносят, видимо, часть инерции роста в новую ситуацию.

За последние годы удалось вырастить ткани из клеток уток, кроликов, коров, овец, лошадей, мышей, крыс, морских свинок, обезьян и людей. Зародышевые клетки часто группируются в соответствующие данному биологическому виду структуры: например, мышцы или кости имеют нормальный размер и форму. Из изолированных клеток растений можно получить новый самостоятельный организм. Культура ткани, выращенной из одной-единственной клетки ростка табака, развилась в лабораторных условиях во взрослое растение, с корнями, листьями и цветами. В каждой клетке любого живого организма скрывается потенциальная возможность роста. В каждом ядре содержатся все необходимые инструкции для воспроизводства полностью функциональной комбинации клеток, повторяющей форму особей данного вида. Хотя целое животное пока еще не удалось вырастить, теоретически препятствий к созданию новых индивидов, полностью тождественных первоначальному донору, не существует.

На практике есть одна неувязка. Она известна как предел Хейфлика. Л. Хейфлик, специалист по выращиванию тканей из Вистаровского института в Филадельфии, обнаружил, что культура зародышевой клетки человека способна размножаться только на протяжении пятидесяти поколений. Даже в самых лучших условиях культура не может перешагнуть этот предел, и даже в самом теле клетка не способна размножаться дольше. Если мы вернемся к начальному моменту оплодотворения яйца, то сможем, пожалуй, добавить еще несколько поколений, а общая цифра в семьдесят поколений обеспечивает замену всех клеток тела 20 миллионов раз. Разумеется, этого более чем достаточно для любой человеческой жизни. Но мы не располагаем сейчас свидетельствами, что ограничение Хейфлика относится к клеткам, находящимся на своем законном месте. Однако нам ясно, что изолированно выращиваемые клетки утрачивают со временем свою жизнеспособность. Позже мы увидим, что уже выделен фактор, который исчезает при искусственном выращивании. Усовершенствование методов проведения опытов может привести, я полагаю, к сохранению или замене недостающего фактора и преодолению предела Хейфлика.

В области исследования тканей меня больше всего поражает открытие, связанное с поведением изолированной культуры, когда она приближается к названному пределу. Клетки, которые в начале их роста легко распознать как явно человеческие, утрачивают постепенно определенную принадлежность. Клетки, побуждаемые к многократному размножению, не ведущему к производст-

ву специфического для данного вида органа или структуры, как бы «забывают», что в них заложено. Предел Хейфлика различен для каждого отдельного вида, но, приближаясь к точке распада, клетки любого организма претерпевают одно и то же превращение — они, похоже, «теряют память». Длительный процесс культивирования придает всем клеткам, независимо от их происхождения, один и тот же вид. Очень различные по строению частички слюнных желез фруктовой мухи, яичников овцы, внутреннего уха мыши или лепестков цветка неизбежно превращаются в однородную массу, в аморфные чешуйчатые клетки, лишенные специфической формы и знаков своего происхождения или назначения. Они становятся своего рода произрастающими идиотами.

Эти анонимные изолированные клетки продолжают нести какие-то отпечатки генетического кода, они еще питаются и растут, их цитоплазма бьется и кипит, в нужный момент они делятся, но при этом остаются самовоспроизводящимися автоматами без определенной задачи. Они растеряли свою сущность и назначение и полностью утратили способность реализации потенциала, закодированного в их хромосомах. Код не затрагивается этим процессом. Он сохраняет все инструкции, необходимые для жизни, но клетки разучиваются читать.

Невежественные клетки возвращаются, по-видимому, в состояние, роднящее их с самыми первыми из когда-либо существовавших живых организмов. Они снова становятся чем-то вроде общих знаменателей низшего порядка, строительными блоками общего назначения, способными двигаться в любом направлении. Но в истощенной культуре они никуда не направляются, а просто умирают. Существует один-единственный способ их спасти — дать им новые инструкции. Если изгнанные из тела человеческие клетки подкармливать смесью, содержащей лошадиную серу, они начинают походить на клетки лошади и идут в этом направлении с обновленной энергией. Если же в одной из клеток происходит мутация, ситуацией овладевает новая линия, обладающая собственной энергией, и культура начинает расти уже за пределом Хейфлика. Именно это и происходит с раковой клеткой. Претерпев мутацию, она получает команды, отличные от инструкций родительских клеток, и с этого момента выходит из-под их влияния. Ткань принимает иной вид, имеющий свои ограничения, а они, в свою очередь, могут подвергаться дальнейшим изменениям и мутациям.

Еще один способ оживления ослабевшей культуры — вернуть ее в тело первоначального донора. Если клетки уже мутировали, они могут подчас породить злокачественные или раковые опухоли, но если генетический материал не претерпел никаких изменений, они начинают функционировать с прежней силой, вновь стремясь к определенной цели в полном соответствии со

своим местонахождением в организме. Глазные клетки зародыша лягушки можно отделить от глазницы и поместить в какую-либо часть желудка лягушки, и там они будут производить слизистую желудка, а не внутренний глаз. В организме существует система координации, предусматривающая выполнение клетками того, что требуется в данной области тела, хотя каждая клетка потенциально способна выполнять любые другие задачи. Без такой координации группа клеток, пущенная в рост в каком-либо органе тела, породила бы нечто совершенно неподходящее. В какой постоянной тревоге мы бы жили, если незначительный порез или ссадина на локте могли спровоцировать неорганизованную регенерацию и появление на этом месте, скажем, младенца. Пример не так нелеп, как кажется, ведь существуют виды, например речная гидра, у которых именно так все и происходит. Бессмертные существа сохраняют ту свободу, которая позволяет каждой клетке воспроизводить целое, смертные же подчиняются общему проекту, который распространяется и на отдельные органы.

Координационные центры, выполняющие генетические команды, не ограничиваются мозгом или эндокринными железами; они никогда не принадлежали какому-то одному органу, присутствуя везде. Пример с табачной клеткой, которая выросла в целое правильно скоординированное растение, показывает, что управляющая сила должна присутствовать в отдельно взятой клетке. Возможно, этим свойством обладают все единичные клетки и в один прекрасный день мы создадим технологию, позволяющую вырастить любое растение или животное из любой, даже самой маленькой его частички. Пока что из изолированных клеток животных можно производить только ткани ограниченного размера, но мы сделали одно существенное открытие, имеющее далеко идущие последствия. Тот факт, что изолированные клетки со временем теряют свои биологические характеристики, утрачивают связь с жизнью, впервые позволяет нам глубоко проникнуть в природу жизни и смерти.

Мы увидели, что эти два состояния почти неразличимы, что они сосуществуют в различных сочетаниях на скользящей шкале, лишенной строго фиксированных точек. Мы охарактеризовали жизнь как состояние организации и обнаружили, что явно мертвые клетки часто обладают теми же свойствами, что и живые. Мы отказались считать простое воспроизводство необходимым критерием и наметили некоторые трудности, неизбежно сопровождающие попытку строгого отделения жизни от смерти. Мы предположили, что можно обнаружить жизнь в том или ином проявлении даже в материи, которая обычно считается мертвой. Теперь же, зная, что клетки, надолго предоставленные самим себе, превращаются из целенаправленных живых существ в дезоргани-

зованных идиотов, мы получаем ядро теории, которая, по нашему убеждению, объясняет все имеющиеся факты.

Ошибка Ромео — путаница жизни и смерти — совершается столь часто потому, что между этими состояниями нет четкого различия. Они выступают как проявления одного и того же биологического процесса и различаются только по степени. Существует, однако, третье состояние, которое качественно отличается как от жизни, так и от смерти. Это состояние анонимности, близкое к состоянию клеток культуры вблизи предела Хейфлика. Такие клетки нельзя считать живыми в обычном смысле, поскольку в них отсутствуют специфические черты вида, к которому они прежде принадлежали; но они все же не мертвы, поскольку продолжают свою жизнеподобную деятельность. Они отличаются от живых клеток крови и мертвых клеток на поверхности кожи отсутствием характерной для данного вида организации. Такое отсутствие динамической модели и является преобладающей чертой третьего состояния, которое не квалифицируется ни как жизнь, ни как смерть, однако является вполне реальным, распознаваемым и законным и посему нуждается в именовании. Я предлагаю дать ему предварительное название «гота».

Корень «гот», если не считать его использования в качестве имени собственного для обозначения древнего тевтонского племени, ничего не означает в большинстве распространенных языков.

Итак, есть три состояния материи: жизнь, смерть и гота, но с точки зрения биологии мы реально имеем дело лишь с двумя. Материя находится либо в состоянии жизни, либо в состоянии готы. Все дело в присутствии или отсутствии модели координации, или организующего начала. Пока материя удерживает хотя бы слабые отзвуки органического водоворота, жизнь продолжается. Когда водоворот окончательно стихает — с течением времени или в результате изоляции, — жизнь переходит в готу. Если подвергнется разрушению сама материя, как это бывает в эпицентре термоядерного взрыва, жизнь, в нашем понимании, прекратится, но гота наступит лишь после разрушения организационной сферы.

Некоторые разновидности готы подобны состоянию полного биологического упадка, получившего название «абсолютной смерти». Мне нравится этот термин, и я думаю, что его можно с успехом применить по отношению к телу, подвергшемуся, например, кремации. Но в это понятие не входят те «зомбиподобные» состояния клеток, которые определяются как гота. Стадия, которую мы обычно называем смертью, точнее определяется как «клиническая смерть», и это понятие тоже полезно, если помнить, что оно обладает особой растяжимостью, позволяющей видеть в нем скорее ослабление жизненной силы, чем собственно биологическое состояние.

Неживая материя типа волоса или когтя, играющая в организме предписанную ей роль, расценивается как живая. В некоторых ситуациях позволительно даже включить в эту категорию часть магнитов и кристаллов. Такая мертвая материя, как ископаемые кости или бумажная пряжа, не обнаруживающие никакого порядка или ритма жизни, является готой. Организм может быть расщеплен вплоть до клеточных составляющих и все-таки сохранить жизнь, но когда изолированные единицы теряют свои характерные черты, организованность жизни уступает место дезорганизации готы. Состояния жизни и готы в какой-то мере пересекаются, и оба принадлежат континууму, простирающемуся от сложности интеллекта до относительной простоты самостоятельной молекулы. Смерть всего лишь стрелка, скользящая по воле наших верований или уровня технологии вдоль шкалы этого континуума. Смерть — состояние сознания, как давно уже догадывались многие философы.

Я полностью отдаю себе отчет, что понятие готы носит весьма предположительный характер и во многом является лишь экстраполяцией опытных данных, но, как биолог, я не могу не замечать непреодолимой противоречивости всех существующих объяснений жизни и смерти. Я не питаю склонности к тому, чтобы пускаться в обращение новые слова и понятия ради собственного удовольствия, но когда существует громадный разрыв между общепринятой теорией и наблюдаемыми фактами, введение какого-то нового концепта оказывается необходимым и оправданным.

В своем стремлении вновь увидеть затронутую проблему в перспективе эволюции, я искал подтверждений и указаний, обращаясь подчас к неожиданным источникам. Я подбирал оборванные нити и разрозненные детали в самых разных местах и не хочу теперь оправдывать их происхождение, так как в последующих главах намерен показать, что все они могут быть сплетены воедино в связную и научную картину, проливающую свет на загадку смерти.

Глава II

СМЕРТЬ КАК ЗАБОЛЕВАНИЕ

Тело взрослого человека содержит около шестидесяти миллионов миллионов клеток и каждые сутки теряет их столько, что ими можно наполнить глубокую тарелку.

Вглядитесь поближе в мельчайшие чешуйки, постоянно падающие с кожи, и вы увидите тщательно выделанные кристаллические многоугольники, поверхность которых состоит из прозрачных кератиновых пирамид. Взгляните на один из шестидесяти ежедневно выпадающих волос, и вы увидите более тысячи клеток, которые,

подобно кровельной дранке, расположились вокруг центрального волокнистого стержня. Соскребите тончайшую стружку с ногтя, и вы потеряете еще десять тысяч клеток, лежащих плотными слоями твердого рогового вещества. Каждое прикосновение к поверхности тела, каждое дуновение ветра берет свою дань, и внутри условия столь же суровы. Ежедневно вся внутренняя поверхность рта смывается в желудок и переваривается, а семьдесят тысяч миллионов клеток срываются со стен кишечника при прохождении пищи. Оставшаяся часть ежедневной порции гибнет от любви, голода, гнева, страха, изнашивающих тело.

Цепочка из потерянных за день клеток могла бы протянуться от одного берега Атлантики до другого, однако в среднем у взрослого человека клеток не прибавляется и не убавляется, ибо тело образует столько же клеток, сколько теряет. Ребенок рождается только с двумя миллионами миллионов клеток, и когда он достигает веса взрослого человека, число их увеличивается приблизительно в тридцать раз. По достижении зрелости начинается постоянный отток клеток. После полового созревания клетки мозга никогда не возобновляются, а после тридцати мы в среднем ежегодно теряем один процент наших нервных клеток. Количество потерянных клеток с возрастом постепенно растет, пока жизненное равновесие резко не нарушается и разного рода расстройства и нарушения организации не становятся более очевидными.

Наконец наступает момент, когда мы говорим, что данный организм погиб, но можем ли мы точно определить этот момент? Существуют ли критерии, в соответствии с которыми мы можем доказать, что случилось нечто необыкновенное? Можем ли мы быть уверенными?

Отдел статистики жизни при ООН определяет смерть как «окончательное прекращение всех жизненных функций». Большинство авторитетных специалистов согласны с этим исчерпывающим определением, однако существуют серьезные противоречия относительно того, что следует понимать под жизненными функциями и их прекращением, или клинической смертью.

В книге «Что делать, если кто-то умирает» рекомендуется прежде всего проверить дыхание, поднеся к губам зеркальце, и посмотреть, не запотеет ли оно, однако уже в древних медицинских трактатах этот тест считался ненадежным. Тот, кто знаком с хатха-йогой, знает, что владеющий техникой «хечари мудра» может поместить кончик языка в носовое отверстие со стороны заднего неба и часами сидеть с закрытым ртом, явно не имея никакой возможности сделать вдох или выдох. Проведенные в Индии опыты показали, что йог, заключенный в воздухо непроницаемый металлический ящик, способен свести потребление кислорода и выделение двуокиси углерода к минимальному уровню и выжить в летальных для

любого нормального человека условиях. Другие исследования, в которых участвовали японские монахи дзэн и американцы, занимавшиеся трансцендентальной медитацией, показывают, что в самом начале медитации у всех них отмечается двадцатипроцентное снижение потребления кислорода. Вероятно, при соответствующей тренировке эти показатели можно увеличить. Во многих учебниках по реанимации упоминается известный полковник Таунсенд, который намеренно так долго не дышал перед комиссией лондонских врачей, что они, засвидетельствовав его смерть, разошлись по домам. На следующий день он сделал то же самое.

Второй традиционный признак клинической смерти — остановка пульса. Здесь снова картину осложняют те, кто научился сознательно контролировать обычно бессознательные процессы. Французский кардиолог, отправившийся в Индию с переносным электрокардиографом, обнаружил там несколько человек, способных по команде останавливать сердце. С помощью инструментальной тренировочной техники можно обучить крыс контролировать частоту сердечных сокращений. В одной серии опытов семи крысам удалось не реагировать на мощные сигналы, которые организм посылает в случае опасности; они не давали биться своему сердцу, пока не погибали. В госпитале Нью-Дели я сам наблюдал опытного факира, который в соответствии с показаниями электрокардиографа остановил свое сердце на целых двенадцать минут. В этом случае воздействие на блуждающий нерв, передающий сигналы из ствола мозга к сердцу, по-видимому, производится с помощью техники, которую йоги называют «валсальва», когда давление в груди постоянно увеличивается с помощью глубокого вдоха и резкого наклона вперед.

То, что современная медицина не смогла решить проблему диагноза смерти, доказывают и хирургические операции при низких температурах, когда сердце не функционирует в продолжении всей операции. Любой хирург XIX в., наблюдая подобное зрелище, без колебаний констатировал бы смерть.

Слишком низкая температура тела также считается верным признаком клинической смерти, однако ученые так и не решили, что же считать «нормальным» уровнем. В Англии это 98,4° F, тогда как в США — 98,6°. Европейцы согласны с американцами, однако у них эта величина выглядит как 37° C. Когда мы просыпаемся, наша температура ниже средней «нормальной», когда же ложимся спать — выше. У детей температура значительно выше средней, у стариков — ниже, у женщин во время овуляции — выше на целый градус. После нагрузок спортсмены могут одновременно иметь ректальную температуру 41° C, а на охлажденной потом коже — 34° C. В холодной ванне температура тела может понизиться до 32° C. Отмечены случаи спасения замерших в своих

холодных жилищах стариков с температурой 24°C . Согласно утверждениям экспертов по судебной медицине, после клинической смерти температура тела ежечасно падает почти на градус, поэтому время, прошедшее с момента убийства, например, вычисляют по этой формуле. Она хорошо работает, если с момента смерти прошло не более двенадцати часов, затем в ход идут другие процентные расчеты.

Проблема температуры как признака клинической смерти осложняется тем, что мгновенная смерть от удара молнией или внутреннего повреждения может в течение нескольких часов не повлечь за собой значительного изменения температуры, в то время как приступы астмы ведут к быстрому, почти такому же, как при смерти, понижению температуры у живых людей.

Другой аномалией является то, что вслед за смертью от холеры, столбняка и оспы температура сразу же повышается, и все тела, разлагаясь, выделяют столько тепла, что вскоре так или иначе достигают нормальной температуры. Под действием лекарств может наступить состояние, похожее на временную смерть, когда, как уверял Джульетту отец Лоренцо, давая ей зелье, наступает глубокий сон, при котором «ни теплота, ни вздох не обличат, что ты жива...».

Спасенный из лавины шведский мальчик полностью восстановился после температуры 17°C , которая, согласно формуле полиции, свидетельствует о том, что он был мертв около двадцати пяти часов.

Многие животные, погружаясь в спячку, оживают даже после более низких температур (6°C — у ежа). Теперь же научились и людей погружать в искусственную спячку. В хирургии низких температур практикуется часовая остановка циркуляции крови путем снижения температуры тела до 15°C , а в Японии была проведена операция на мозге при той же температуре, что и у погруженного в спячку ежа, — 6°C . В 1967 г. Джеймс Бедфорд из Калифорнии заморозил свое тело при температуре жидкого азота, с тех пор, по крайней мере, еще десять человек последовали его примеру и сейчас пребывают в состоянии глубокой заморозки под наблюдением общества, чей лозунг «Скажи смерти нет!». Их тела, находящиеся в холодных коконах между жизнью и смертью, являются серьезной проблемой как для биологов, так и юристов.

Некоторые эксперты в области судебной медицины обращают внимание на изменение глаз после клинической смерти. Добрый доктор, закрывающий открытые глаза труп, стал кинематографическим штампом. Однако глаза и веки точно так же «ведут себя» и при глубоком сне, апopleксии, асфиксии, опьянении, отравлении и некоторых повреждениях мозга. Другие классические способы, например проверка реакции зрачка на свет, также не дают окончательного ответа, ибо мышцы зрачка, подобно многим другим

мышцам тела, в течение нескольких часов после констатации клинической смерти сохраняют активность и способны сокращаться. Судебные медики утверждают, что с наступлением смерти зрачки расширяются, а затем в течение двадцати часов постепенно сужаются. Некоторого доверия заслуживает изменение цвета глаз, согласно утверждениям экспертов, после смерти все глаза становятся зеленовато-коричневыми. Возможно, так оно и есть, потому что пигмент радужки, меланин, у всех один и тот же; в карих глазах он просто ближе к поверхности, а в голубых глазах скрыт покрывающей его тканью. Также верно, что роговая оболочка глаза становится сухой и замутненной и что через десять—двенадцать часов после клинической смерти глазное яблоко становится впалым и дряблым.

При остановке кровообращения красные кровяные тельца оседают под действием силы тяжести, оставляя прозрачную сыворотку, поэтому у светлокожих людей появляется особая бледность. Вся кровь также имеет тенденцию спускаться в капилляры, расположенные в нижней части тела, образуя темные пятна, на которые обращают особое внимание детективы, ибо они показывают, переносилось тело или оставалось на месте. Однако эти пятна нельзя считать надежными признаками смерти, ибо единственный способ отличить их от прижизненных синяков, имеющих больше крови в окружающей ткани, — сделать надрез. Тот факт, что через несколько часов после клинической смерти кровь начинает свертываться, навел на мысль о возможности установить смерть с помощью анализа крови. Однако при жизни кровь не свертывается благодаря химическому веществу, которое вырабатывается в клетках стенок сосудов, а эти клетки продолжают слабо функционировать и после смерти, поэтому, даже начав свертываться, кровь через несколько дней опять может стать совершенно жидкой.

Другой известный симптом — трупное окоченение. Оно вызывается напряжением мышечных волокон, когда одна из крупных энергонесущих молекул в клетках меняет форму. Процесс начинается в кишечнике и распространяется на сердце, диафрагму и лицевые мышцы. Обычно через час коченеют веки, через три-четыре часа — челюсть и через двенадцать часов — все длинные мышцы тела. Тридцать шесть часов спустя мышцы снова расслабляются, но эта схема может меняться в результате действия различных факторов. Трупное окоченение может наступить позже из-за высокой концентрации адреналина в крови в результате стресса или испуга, испытанного в момент смерти, а может вообще не наступить, если силой согнуть окоченевшую конечность. Окоченение может появиться раньше обычного после тяжелого истощения и даже сразу же, в виде трупного спазма в случаях внезапной смерти. Эти редкие случаи иногда путают с тяжелым приступом столбняка.

Последние успехи медицины расширили границы клинической смерти, включив в нее состояния, ранее считавшиеся необратимыми. Лаборатория экспериментальной физиологии оживления в Москве теперь описывает клиническую смерть как «состояние, при котором отсутствуют все внешние признаки жизни (сознание, рефлекс, дыхание и сердечная деятельность), однако организм в целом еще не погиб; метаболические процессы в его тканях еще имеют место, и при определенных условиях возможно восстановить все его функции». В обычных условиях организм в таком состоянии, пожалуй, не вернулся бы к жизни, но при терапевтическом вмешательстве оживление возможно до тех пор, пока не наступают необратимые изменения коры головного мозга. После этого еще восстановима деятельность отдельных органов, например сердца и легких, однако организм в целом не способен вернуться к самостоятельной жизни. Экспериментальные работы в этой области показывают, что при нормальной температуре мозг может бездействовать не более пяти-шести минут, после этого он не способен к восстановлению всех своих функций. Итак, теперь смерть устанавливают с помощью электроэнцефалограммы по истечении шестиминутного периода у наименее устойчивой из тканей организма. По-видимому, это самый точный из имеющихся метод констатации смерти, однако русские исследователи предупреждают, что максимальный шестиминутный период бездействия мозга нельзя установить с полной уверенностью. Они утверждают, что «с практической точки зрения невозможно точно определить конец состояния клинической смерти каждого отдельного организма и следует руководствоваться средними данными».

Очевидно, что ни один симптом сам по себе не может служить верным признаком клинической смерти. Большинство специалистов, понимая это, утверждали, что единственным надежным признаком является разложение. Бактерии и грибки, начиная размножаться в кишечнике, вызывают изменение цвета передней брюшной стенки: сначала появляются серые пятна, которые затем становятся зелеными и испускают зловоние. Но даже они не могут быть неоспоримым доказательством, ибо при некоторых кожных болезнях на коже появляются пятна, в точности похожие на признаки посмертного разложения.

В книге «Посмертный внешний вид» указываются три возможные причины смерти: асфиксия, или остановка дыхания (в результате удушья, паралича и т. д.), остановка, или нарушение кровообращения (в результате шока, кровотечения, сердечных заболеваний и т. д.), и кома, или паралич (в результате повреждения мозга, действия ядов, наркотиков и т. д.). Ни в одном из этих случаев нет никаких характерных внешних признаков, позволяющих точно установить диагноз.

Последние успехи медицины и техники, очевидно, не изменили дела к лучшему. В 1890 г. один озабоченный доктор написал статью, посвященную проблеме определения реальной и мнимой смерти, перечислив четыреста восемнадцать признаков. Сегодня этот список можно было бы продолжить, однако единства мнений по этому вопросу по-прежнему нет. Новейшие технические средства, помогая продлить жизнь, все больше стирают различия между жизнью и смертью, и, несмотря на сложное оборудование, мы все еще делаем ошибки. 3 ноября 1967 г. тяжело раненный американский солдат был доставлен в лучший военный госпиталь в Южном Вьетнаме, попытки вернуть его к жизни через сорок пять минут были оставлены. Согласно показаниям электрокардиограммы, электроэнцефалограммы и мнению докторов, он был мертв, однако четыре часа спустя он очнулся в морге и до сих пор живет и получает военную пенсию. В комментарии, сделанном еще в 1821 г., утверждается: «Если мы сумеем понять, что служит признаком жизни, с которой, конечно, знакомы все, однако едва ли кто-либо может сказать, что ясно понимает, в чем она состоит, мы тотчас же получим определение смерти. Она представляет собой прекращение феномена, с которым мы все хорошо знакомы, феномена жизни».

В настоящее время общепризнано, что существуют различные стадии смерти и что клиническая смерть (прекращение жизненных функций) предшествует абсолютной смерти (сопровождающейся разрушением клеток, выполняющих эти функции). Волосы и ногти по-прежнему растут, печень вырабатывает глюкозу, а клетки, извлеченные из тела трое суток спустя после клинической смерти, успешно культивируются.

Новое состояние готы начинается лишь после того, как клетки пережили значительное химическое разрушение или физическую изоляцию, оторвавшую их от источника организации. В первую очередь абсолютная клеточная смерть всегда поражает самые специализированные органы, например мозг и глаз. Хирурги, занимающиеся трансплантацией, знают это и применяют все более сложное оборудование, чтобы сохранить эти органы живыми и пригодными для пересадки другим пациентам. Разумеется, это оборудование пускается в ход лишь тогда, когда совершенно ясно, что смерть донора в любом случае неотвратима, однако благодаря развитию технических средств и реанимационного оборудования сейчас удается спасти все больше таких пациентов, которые неминуемо погибли бы без медицинского вмешательства.

Клиническая смерть оказывается переменным и чисто теоретическим понятием, а мы все ближе подходим к той точке, когда мы сможем искусственно заменять все жизненные функции, даже функцию мозга, отодвигая смерть на неопределенный срок. Тогда

как относиться к предложенному ООН определению смерти как «окончательного прекращения всех жизненных функций»? Ведь окончательное прекращение наступит не раньше, чем будет выключена аппаратура. Тогда, возможно, смерть будут определять как «то, что зависит от решения врача».

Становится ясно: смерть не окончательный факт, а скорее функция отношения «врач—пациент». Или вообще любого отношения. Создается впечатление, что наше мнение о жизни и смерти зависит не столько от реальных фактов, сколько от того, как кто-то воспринимает кого-то. Возможно, нам не следует говорить: «Бедняга Джад умер», если мы знаем об этом только со слов Фреда. На самом деле мы можем утверждать только то, что смерть произошла между Фредом и Джадом. Когда для констатации смерти вызывают семейного врача, тогда круг вовлеченных в это дело людей расширяется до минимальных легальных пределов, и Джад может быть похоронен, однако вся ответственность лежит на докторе. Об этом говорится в тексте британского свидетельства о смерти, где врач устанавливает причину смерти «с полным знанием и уверенностью». Вся проблема решается скорее на основании бытующих мнений, чем абсолютных фактов. Врач должен вынести решение по очень сложному вопросу.

Жизнь и смерть неразделимы, однако если они отличаются от состояния, названного нами готой, и если это различие можно установить с помощью приборов, тогда проблема будет частично решена. Сегодня во всем мире насчитываются сотни неизлечимых больных, месяцами и даже годами находящихся в тяжелейшем состоянии физического и умственного истощения; они кажутся живыми только потому, что жизнь в них поддерживается разного рода аппаратами и лекарствами. Я думаю, что организмы в этих условиях погружаются в полную анонимность, перестав существовать как личности или даже как живые единицы. Мы все это чувствуем. Посмотрите, как ведут себя те, кто обслуживает этих безнадежных больных: несмотря на всю свою доброту и лучшие намерения, они начинают обращаться с ними как с машинами, требующими ухода. Эта аналогия справедлива, ибо я думаю (хотя этого никто не измерял), что у этих людей, находящихся в состоянии готы, организаторы жизни либо качественно другие, либо настолько ослаблены, что их количеством можно пренебречь.

Еще в 1836 г. в учебнике медицинской юриспруденции говорилось: «Индивиды, внезапно получившие повреждения от ран, болезней или даже отсечения головы, в действительности не мертвы, а просто находятся в состоянии, несовместимом с продолжением жизни». Это элегантное и важное различие. Смерть не является «несовместимой с продолжением жизни». Наша возможность вернуть различные виды смерти к жизни ограничена только уровнем

нашей техники. Тем не менее есть состояния, когда возвращение к жизни невозможно, именно они и характерны для готы.

Один из способов решения проблемы смерти — видеть в ней просто болезнь. Во многих отношениях это временное состояние, от которого, как и от болезни, можно вылечить. Подобно тому как существуют неизлечимые пока болезни, есть некоторые стадии смерти, с которыми мы пока не можем справиться. Те выражения, в которых мы говорим о болезнях, оказываются здесь вполне уместными. Мы можем говорить о «приступах смерти» и проводить различие между тем, кто «легко мертв» и «очень тяжело мертв».

Такой подход к смерти помогает решить философскую проблему, поставленную двумя психологами в их исчерпывающем и увлекательном исследовании наших реакций на смерть. Они задавали вопрос: «Сколько времени длится смерть?», сопровождая его логическим контрвопросом: «Сколько времени существо должно быть живым, чтобы его таковым признали?» Ответ на второй вопрос, очевидно, состоит в том, что существо должно быть живым не меньше времени, чем потребуются на необходимое наблюдение. Его последующая гибель никак не опровергнет начального наблюдения, установившего, что оно живо. Однако та же логика неприменима к смерти. Если путем наблюдения было установлено, что существо мертво, но впоследствии оно оказалось живым, мы предполагаем, что прежнее наблюдение было ошибкой, что кто-то допустил ошибку.

Корни проблемы лежат в нашем культурном, лингвистическом, социальном, научном, медицинском и психологическом убеждении, что смерть — это нечто неизменное. Однако если рассматривать смерть как болезнь, считать ее излечимой, тогда проблема сама собой отпадает. Ответ на вопрос: «Сколько времени длится смерть?» — будет таким же, как и ответ на вопрос: «Сколько времени длится рак?» До тех пор, пока организм либо не излечится, либо не погибнет. До тех пор, пока мертвый организм либо не оживет, либо не превратится в готу.

Сравнение смерти с раком вполне правомерно. Эксперимент, проведенный с культурой тканевых клеток мыши, наводит на мысль о сходстве этих двух состояний. Единичная клетка, взятая у мыши, выращивалась в культуре, пока от нее не были получены две отдельные линии клеток. После длительной серии размножений одна из линий погибла, достигнув предела Хейфлика, а другая продолжала жить. Когда клетки выжившей линии были пересажены мышам того же штамма, что и первый донор, они вызвали образование злокачественной опухоли, убившей своих реципиентов. Клетки стали раковыми. Обычно рак вызывается клетками, которые настолько изменились в результате мутации, что нарушают видовую организацию, бурно разрастаясь с невероятной

скоростью. Таким образом, рак является иной организацией, при которой не происходит нормального роста клеток, и этим он очень похож на заболевание, которое мы называем смертью. Рак — это не какая-то одна болезнь, как, например, ветрянка, его нельзя лечить одним и тем же способом, и, очевидно, он не возникает у всех одинаково. У рака, как и смерти, нет одной причины. Средства от рака будут найдены, однако они не уничтожат рак. Средства от смерти уже находят, но люди по-прежнему будут умирать — и их будут от этого лечить. И смерть, и рак — состояния жизни.

От всех других заболеваний и расстройств смерть отличается тем, что она неизбежна. С того момента эволюции, когда бактерии научились размножаться, каждая особь была приговорена к смерти. Вероятно, только человеку выпала горькая участь знать об этом приговоре и бояться его; бояться, что мы живем и, следовательно, должны умереть. У животных, по-видимому, нет самосознания, но и они, разумеется, знают о состоянии смерти.

Эжен Марэ, загадочный и блестящий натуралист, который в одиночку успешно исследует души муравьев и обезьян, рассказывает о ручной самке южноафриканского бабуина, у которой пришлось забрать детеныша для лечения. Мать почти непрерывно кричала три дня, пока Марэ пытался спасти детеныша, который все-таки погиб. Когда мертвого малыша вернули безутешной матери, она «приблизилась к телу, издавая звуки, обозначающие на языке этих обезьян ласку, и дважды коснулась его рукой. Затем она приблизила лицо к спине мертвого ребенка, дотрагиваясь до его кожи губами. Вдруг она встала, несколько раз вскрикнула и, отойдя в угол, спокойно уселась на солнце, не проявляя никакого видимого интереса к телу». Инцидент был исчерпан.

Джилберт Манли, наблюдая колонию шимпанзе в лондонском зоопарке, заметил, что самка, прижимая раненого детеныша к груди, таскает его с собой повсюду, не позволяя служителям забрать его. Когда малыш умер, мать просто положила его на землю и больше к нему не прикасалась.

Смерть детеныша для животных не менее очевидна, чем для людей, но, вероятно, она их не пугает. В обоих случаях ответом на замеченное изменение является утрата интереса к объекту. В работе о поведении собак Смит говорит: «Я часто наблюдал, как собака пробегает мимо мертвого тела другой собаки, с которой она незадолго до этого играла, совершенно ее не узнавая и даже не пытаясь обнюхать труп». Он добавляет: «Прежде, когда свиней забивали на виду у их сородичей, те, дожидаясь своей очереди, могли вбежать и слизывать кровь, льющуюся из перерезанных глоток».

У приматов и домашних животных отсутствие интереса, видимо, является соответствующей биологической реакцией на смерть

одного из членов группы. Оставшиеся в живых ничем не могут помочь и им незачем предпринимать какие-либо охранительные действия. Наблюдения над миром диких животных показывают, что внезапная смерть от далекого выстрела или бесшумного лука сама по себе не производит или почти не производит никакого впечатления на тех, кто уцелел. Если же смерть сопровождается видом, звуком или запахом хищника, послужившего причиной смерти, тогда реакция будет иной, однако полет оставшейся в живых куропатки или бег газели — реакция на присутствие убийцы, а не убитого.

В целом животные, по-видимому, понимают, что что-то изменилось, однако они не лучше нас определяют критический момент. Известно много сообщений о самках, не расстающихся с детенышами, пока те не начнут разлагаться. Рассказывают о слонах и буйволах, которые остаются с убитыми членами стада, тщетно пытаясь поставить их на ноги. Общественные животные могут разными способами, некоторые из которых, возможно, инстинктивны, помогать молодым или пострадавшим членам своей группы. Конрад Лоренц описывает, как дикие гуси стоят с распростертыми крыльями над умирающим собратом, угрожающе шипя. Он добавляет: «Такое же поведение я наблюдал, когда египетский гусь убил серого гусенка, ударив его по голове крылом. Гусенок, шатаясь, добрался до родителей и упал, погибнув от кровоизлияния в мозг. Хотя родители не могли видеть смертельного удара, они отреагировали вышеописанным способом». При этих обстоятельствах защитное поведение было уместным, оно помогало выжить гусенку, который вполне мог отделаться временным сотрясением мозга; но наступает момент, когда сородичи больше ничего не могут сделать для своего товарища. Умение распознавать этот момент, возможно, приобретается обучением.

Джордж Шаллер в своей работе о горных гориллах Кисоро рассказывает о молодом животном, отказавшемся покинуть труп своего взрослого товарища. «Детеныш оказался перед жестоким выбором: убежать от людей в лес и одному искать свою стаю — задача, для которой он не был подготовлен, — или же цепляться за последнее, что связывало его с прошлой счастливой жизнью в стае, мертвого вожака, впервые не сумевшего защитить его. Малыш был пойман людьми и окончил свои дни в лондонском зоопарке».

Сравните этот случай с рассказом Роберта Кастенбаума о полуторагодовалом ребенке, впервые столкнувшемся со смертью в образе мертвой птицы. Мальчик понял, что это птица... «но он выглядел неуверенным и озадаченным. К тому же он не пытался дотронуться до птицы. Это была странная предосторожность для ребенка, обычно пытающегося потрогать или схватить все, что ему

попадется. Затем Дейвид нагнулся и медленно приблизился к птице. Выражение его лица изменилось. Первоначальное возбуждение, вызванное открытием, сменилось замешательством, а затем — неподдельным горем».

Мы видим, что при первом столкновении со смертью детеныши как гориллы, так и человека не понимают, что это такое. Через несколько недель Дейвид снова увидел мертвую птицу, однако теперь его реакция была совершенно иной. «Он поднял птицу и... побежал с ней к дереву, держа ее над головой. Он повторил это действие несколько раз... сопровождая его движениями, которые можно было интерпретировать как птичий полет. Когда попытки оживить птицу, посадив ее на дерево, не увенчались успехом, Дейвид убедился в их бесполезности. Поняв это, он успокоился и больше не проявлял к птице ни малейшего интереса».

По-видимому, у различных видов животных нет никакого predisположения к определенной модели поведения при виде смерти. Первое столкновение со смертью редко вызывает какую-нибудь реакцию со стороны молодой неопытной особи. Поведение при последующих столкновениях со смертью в значительной мере определяется первым и дальнейшим опытом. Дети до некоторой степени подготовлены к первому контакту со смертью, так как они очень рано привыкают иметь дело с исчезающими и возникающими вновь явлениями. Смена дня и ночи, сна и бодрствования, игра в прятки — все это вводит контрастные понятия бытия и небытия. Ада Морер утверждает, что слова «peek-a-boo», произносимые в детской игре в прятки, произошли от древнеанглийской фразы, означающей «живой или мертвый». Постепенно ребенок понимает, что хотя одни вещи уходят и возвращаются, а другие исчезают навсегда.

По-видимому, развитие представлений ребенка о смерти проходит через несколько четко определенных этапов. Дети до пятилетнего возраста сначала вообще не понимают, что такое смерть. Они считают все живым. Ребенок может принести домой несколько камешков, чтобы им не было скучно, или обходить стороной огородное пугало, чтобы его не видеть. В этом возрасте дети воспринимают все вещи в неразрывном единстве и не пытаются провести различие между живым и неживым. Возможно, потому, что у них еще нет для этого критериев, ибо они еще не научились расчленять мир, однако очень хочется сравнить примитивный анимизм с новым «космическим сознанием». Убеждаясь, с какой необыкновенной ясностью дети видят сложнейшие вещи, я не могу отделаться от мысли, что в этой, широко распространенной вере в универсальность жизни есть много истины. Если дети из Венгрии, Китая, Швеции, Швейцарии и Соединенных Штатов имеют одни и те же

понятия о жизни и смерти, разумно ли просто отмахиваться от них как от детских выдумок?

Впоследствии, когда ребенок учится или его учат нашей интерпретации действительности, ранний анимизм слегка меняется. Детей вынуждают признать существование смерти, но в возрасте от пяти до семи лет они идут на компромисс и начинают думать и говорить о смерти как о временном состоянии. Пятилетний ребенок говорит о своей собачке, что «ее не слишком сильно убило», тогда как другой, шестилетний, объясняет, что, когда кто-то умрет, «он еще что-то чувствует, а уж когда он умрет совсем, он уже не чувствует ничего». По мнению Марии Нейги, дети считают жизнь и смерть взаимозаменяемыми потому, что сама идея смерти превышает их понимание. Но так ли это? Многие сообщества взрослых не верят в неумолимость смерти. На Соломоновых островах умерший обозначается словом *mate*, но похороны носят праздничный характер, потому что *mate* — одно из состояний, как, например, зрелость, длящееся годами и просто ведущее к другому уровню жизни.

Под жестким давлением взрослых дети от семи до девяти лет отказываются от своих детских представлений о гармонии жизни и, как и взрослые, ищут утешения в персонификации смерти в образе скелета или привидения. В этом же возрасте ребенок пытается определить размеры смерти, имитируя смерть в таких играх, как казаки-разбойники. Вероятно, имитация смерти в играх является наиболее эффективным способом приспособить взрослую идею смерти к жизни. Поэтому к девяти годам большинство детей воспринимают смерть как «окончательное прекращение всех жизненных функций». По словам философа и писателя Карлоса Кастанеды, ребенок овладевает описанием мира и находит свое место в нем, «когда его восприятие способно давать происходящему соответствующую интерпретацию, которая, совпадая с принятым описанием, подтверждает его правомерность».

До настоящего времени не проводилось серьезных исследований смерти или восприятия смерти у животных, но существуют отдельные рассказы и разрозненные экспериментальные наблюдения, вместе составляющие удивительную картину. При знакомстве с подобными фактами идея всеобщей неразрывности все менее кажется детской.

Розалия Абрью, первая начавшая выращивать шимпанзе в неволе, приводит случай, связанный со смертью одной из самок шимпанзе в ее питомнике. Как только обезьянка, находившаяся внутри помещения, умерла, ее приятель-шимпанзе, гулявший в парке, начал кричать. «Он продолжал кричать, озираясь, как будто он что-то увидел». Затем, когда погиб другой шимпанзе, повторилось то же самое. «Он кричал, кричал и кричал. И он все

время глядел по сторонам, словно видел то, чего не видели мы. Его крик не походил ни на что слышанное мною раньше. У меня мурашки побежали по коже».

Обычно животные почти не обращают внимания на смерть, однако в некоторых ситуациях способность реагировать на гибель другого животного может оказаться полезной для выживания. Обычно хищники прекращают терзать свою жертву, как только она затихнет, но вряд ли они реагируют на саму смерть. Врожденные механизмы убийства устроены у них таким образом, что реагируют на ключевые раздражители, идущие от живой, движущейся жертвы. Когда же эти сигналы перестают поступать, последовательность действий охоты и убийства приходит к естественному завершению. После того, как львица убьет зебру и стая львов насытится, другие животные приходят доедать остатки. Гиен и шакалов, конечно, привлекают звуки и запахи, но ястребы, вероятно, пользуются другим ключом и с удивительной точностью пикируют даже на спрятанную тушу. Мы знаем об их остром зрении, усиленном решетчатой структурой сетчатки, что позволяет замечать малейшие движения на огромном расстоянии. Как только один из ястребов поразит цель, откуда ни возмись появляются другие ястребы и, спускаясь по спирали, спешат разделить его трапезу, но иногда одного этого объяснения недостаточно. Я видел, как, прилетев в темноте, ястребы, подобно нетерпеливым могильщикам, усаживались рядом с застреленной антилопой, когда вокруг не было никаких животных, сбегających на падаль, и некому было привлечь их внимание.

Я не утверждаю, что ястребы способны определять смерть на расстоянии, но верю, что в некоторых ситуациях от умирающего организма исходят сигналы, которые особенно сильны при внезапном жестоком нападении. Возможно, этот сигнал первоначально был предупреждением, предназначавшимся лишь для представителей своего вида, но в ходе эволюции он превратился в SOS для всех видов. В зависимости от обстоятельств и того, кем этот сигнал воспринимался, он мог одновременно означать: «Спасите, я нуждаюсь в помощи», «Осторожно, здесь убийца», «Успокойтесь, он ест кого-то другого» или «Сюда, обед готов». Все эти сообщения ценны и экономичны в том смысле, что строятся на одном сигнале, который подается одним попавшим в беду организмом. Я думаю, существование подобной системы подтверждается многими фактами.

История о том, как Клев Бакстер открыл, что растения способны реагировать на сигналы других видов, стала почти фольклором, тем не менее стоит подробно рассказать о его первом эксперименте. В 1966 г. Бакстер заметил, что растения, присоединенные к прибору, измеряющему электрическое сопротивление, реагиру-

ют на некоторые ситуации, причем эту реакцию можно измерить. Для объективной проверки наблюдений он соорудил автомат, бросающий мелких рачков по одному в кипящую воду, и присоединил находившееся в другой комнате растение через обычные электроды к самописцу. Он обнаружил, что в момент падения рачка в воду в растении происходили значительные электрические изменения, когда же машина бросала мертвого рачка, записывающее устройство не отмечало подобных сигналов.

Результаты этих исследований были опубликованы в 1968 г. и вызвали такой интерес, что Бакстеру пришлось вести двойную жизнь. Днем в своей конторе рядом с Таймс-Сквер в Нью-Йорке он, как и прежде, учил полицейских пользоваться сложным электронным оборудованием, зато ночью детекторы лжи и электроэнцефалографы подсоединялись к организмам, которых никак нельзя было заподозрить в преступлении.

Бакстер обнаружил, что растения реагируют не только на смерть рачка, но и на все виды жизни. Они давали бешеную реакцию, когда в комнате разбивали яйцо. Отсюда следует не только то, что растение способно понимать, что такое жизнь, и воспринимать наносимый ей ущерб, но и то, что яйцо также активно участвует в этом процессе, передавая определенное сообщение. Тот факт, что неоплодотворенное куриное яйцо состоит из одной клетки, свидетельствует, что сигнал и ответ могут происходить на клеточном уровне. Поэтому Бакстер начал экспериментировать с более простым биологическим материалом. Он подключил яйцо к электроэнцефалографу, уравновесив его в электрической цепи, затем в 6 часов 44 минуты 11 апреля 1972 г. в кипящую воду было брошено второе яйцо в двадцати пяти футах от первого. Ровно через пять секунд прямая линия на записывающем устройстве резко поднялась, едва не выбросив перо за пределы бумаги. В нужный момент яйцо отреагировало на то, что произошло с ему подобным.

Это сочувствие, по-видимому, ярче всего проявляют образцы живого вещества, взятые из одного источника. 3 декабря 1972 г. Бакстер вживил серебряные электроды в живой человеческий сперматозоид. В 8.52 сидящий в сорока футах от него донор разбил ампулу с амилнитритом и вдохнул едкое содержимое. Двумя секундами позже, когда химическое вещество повредило чувствительные клетки слизистой оболочки носа донора, изолированный сперматозоид дал ответную реакцию. Контрольные опыты показали отсутствие у него реакции на других людей. Я сам проводил подобные эксперименты с образцами крови и с клетками небного эпителия. Если разделить полученные образцы на две части и воздействовать на одну из них концентрированной азотной кислотой, другая часто дает реакцию, которую можно зарегистрировать с помощью чувствительного электрооборудования.

Фикусы, морских рачков, ястребов, яйца и сперму объединяет одно: все они состоят из клеток, поэтому нетрудно догадаться, что подобные реакции происходят на клеточном уровне. Если, как я предполагаю, один и тот же сигнал понятен на всех уровнях жизни, тогда он должен производиться и восприниматься на уровне низшего общего знаменателя. Я полагаю, что сначала этот сигнал был сравнительно простым способом связи между отдельными клетками одного и того же организма, возможно, еще до развития настоящей нервной системы. У растений нет координирующей нервной сети, и тем не менее некоторые из них способны организовать такую гармоничную работу своих клеток, что тысячи из них мгновенно отвечают достаточно быстрым движением, чтобы поймать муху. Механизм этой реакции еще не ясен, но Бакстер, возможно, нашел разгадку.

Следующий шаг для таких клеток, как пыльца или сперма, заключался в том, чтобы распространить эту чувствительность за пределы организма, производя новые особи, способные к независимому существованию, но тем не менее поддерживающие жизненные контакты с себе подобными. Поэтому группы близких видов выработали общие сигналы, вероятно, в качестве защиты от общего хищника. Затем хищнику понадобилось настроиться на ту же волну, чтобы обнаружить эти сигналы и предвосхитить их действие на поведение своей жертвы. Наконец, и хищника и жертву эти сигналы могли предупредить об опасной для них обоих катастрофе. Этот сценарий развития у всех живых существ того, что Бакстер называет «первичным сознанием», носит чисто теоретический характер, однако эволюция нередко движется в подобном направлении. Природа почти всегда старается удовлетворить давно назревшую потребность.

Если у всех живых существ действительно существует единая система коммуникаций, то правомерно сделать вывод, что наиболее ярко она проявляется в критические моменты. У людей спонтанные телепатические контакты чаще всего происходят, когда один из них находится в опасности или умирает. Сигнал о смерти, возможно, «самый громкий» в этом универсальном языке и, следовательно, первым привлекает наше внимание. Факты свидетельствуют о том, что он представляет собой нечто большее, чем просто включение и выключение системы тревоги.

Проводя опыты с рачками, Бакстер заметил, что растения постепенно перестают реагировать на животных. Ему показалось, что растения, «поняв», что участь рачков им не грозит, привыкли к сигналам и перестали к ним прислушиваться. С точки зрения биологии это разумно. Другие опыты Бакстера показали, что растения склонны положительно или отрицательно относиться к другим организмам в зависимости от поведения последних.

В моих исследованиях я лично столкнулся с ситуацией, которая показывает, что у растений действительно имеется способность не только реагировать на находящуюся вблизи от них жизнь, но и запоминать условия, связанные с такой реакцией. В ряде случаев, в различных лабораториях и с разным оборудованием, я разыгрывал ботаническую версию старой салонной игры под названием «убийца». Выбираются любые шесть человек, которым сообщают правила игры. Они тянут жребий, и тот, кто получает меченую карту, становится «преступником», однако хранит это в тайне. Два любых растения, принадлежащих к одному и тому же виду, помещаются в комнате, и каждому из шести позволено провести с ними наедине десять минут. За этот срок тот, кто играет роль «преступника», любым способом наносит вред одному из растений. В конце часового эксперимента грязное дело сделано, и одно из растений лежит смертельно раненное, возможно, выкинутое из горшка и растоптанное. Но существует Свидетель. Оставшееся в живых растение присоединено к электроэнцефалографу или к пишущему устройству, и каждый из шести человек ненадолго входит в комнату и встает около Свидетеля. На пятерых из них растение не обращает никакого внимания, если только их не было в комнате во время нападения, но, оказавшись рядом с виновным, растение почти всегда дает особую реакцию, которую регистрирует записывающее устройство.

Весьма возможно, что прибор или прибор вместе с растением реагируют на электрический сигнал «преступника», знающего о своей вине. Возможно, что я, присутствуя на этих опытах, так или иначе воздействовал на прибор, но однажды мы получили результат, подтверждающий, что дело не в этом. Во время одного из опытов во Флориде цикламен обвинил сразу двух из шести подозреваемых. Я вызвал их, чтобы задать несколько вопросов, и узнал, что один был действительно виновен, а другой часом раньше стриг газон перед собственным домом. Он пришел, не чувствуя за собой никакой вины, но растению стало ясно, что у него «руки в крови».

Результаты этого эксперимента не всегда стабильны, но лично я считаю, что он удается достаточно часто, чтобы поверить, что растения не только реагируют на сигналы другого живого существа, но и способны различать индивидуальные организмы и в течение достаточно долгого времени связывать сигнал с определенным индивидом. Пока реакция растений недостаточно надежна и не может учитываться в суде, но не исключено, что с появлением более тонкого оборудования растения, взятые с места преступления, будут охраняться как Свидетели.

Первые научные попытки обнаружить универсальный язык жизни были предприняты в начале века в Индии во вдохновенном

труде Джагадиса Чандры Босе. Широкая известность открытий Бакстера в последние пять лет дала новый толчок этим исследованиям; теперь повсюду ученые развлекаются, глядя, что получится, если разговаривать с растениями, обожать их, ласкать или просто глядеть на них с восхищением. Как утверждают члены коммуны Финдхорн, они непосредственно общаются со своими растениями — и там действительно выращивают очень большие и очень вкусные овощи. В Институте психологических наук в Москве была сделана попытка установить подобное взаимодействие на более количественной экспериментальной основе.

Для этого опыта была выбрана женщина по имени Таня, которую под гипнозом легко было ввергнуть во множество экспериментальных, но тем не менее реальных эмоциональных состояний: страх, радость, гнев, горе. Ее поместили в восьми сантиметрах от цветущей герани, подсоединенной к электроэнцефалографу. Во время опытов, когда Таня дрожала от холода, сжималась от страха, смеялась от радости и плакала от горя, растение демонстрировало широкий диапазон электрических ответов. Между сеансами гипноза Тане не удалось вызвать у растения никакой реакции. Растение тоже было присоединено к прибору, но никаких отклонений от обычного уровня не наблюдалось.

Результаты одного из опытов представляют особый интерес для тех, кто, подобно Бакстеру, начал работать с детекторами лжи. Под гипнозом Таню попросили запомнить любое число от одного до десяти и никому его не открывать. Затем новый экспериментатор начал медленно считать, и при каждом следующем числе она решительно отвечала «нет!», но цветок обнаружил ложь, отреагировав при числе пять, которое и было задумано.

Дальнейшие опыты Бакстера помогают нам составить некоторое представление о сложности универсального языка и сфере его действия. Открыв наличие связи между двумя яйцами, Бакстер попытался исключить возможность воздействия собственных эмоций, автоматизировав эксперимент. Он построил вертящийся стол, на котором располагалось восемнадцать яиц. Когда стол медленно вращался, то через определенные промежутки времени яйца одно за другим падали через люк в кипящую воду. Он обнаружил, что присоединенное к электроэнцефалографу яйцо, принимающее сигналы, давало внятный ответ только в момент падения первого яйца, падение других семнадцати яиц не вызывало никакой ответной реакции до тех пор, пока интервал между падениями не был увеличен до пятнадцати и более минут. Повторив этот эксперимент, я обнаружил, что связь блокируется, по-видимому, потому, что неладное происходит с яйцами, находящимися на вращающемся столе: после падения первого яйца они перестают подавать сигналы. В этой связи на ум приходит только одно объяснение: когда

первое яйцо попадает в кипяток и испускает сигнал тревоги, остальные семнадцать яиц в ожидании своей очереди «падают в обморок» и приходят в себя только через пятнадцать минут.

Когда я пишу эти строки, я вижу, как от одной этой мысли у ученых всего мира волосы дыбом встают от ужаса. Я знаю, что мои слова звучат абсурдно и фантастично, и понимаю, как опасно делать подобные, далеко идущие предположения на основании не столь уж многочисленных фактов, однако чем глубже погружаешься в эту область, тем труднее становится удержаться на ногах. Каждое новое исследование приоткрывает ящик Пандоры чуть шире, выпуская на волю клубок маленьких демонов, каждый из которых враждебен научной традиции и требует радикального подхода. Чтобы не утонуть в идее «падающих в обморок яиц», я в отчаянии хватался за все соломинки и наткнулся (что происходит со мной все чаще) на один антропологический факт.

Как и многие индейцы Северной Америки, племя кри традиционно поклоняется тотему в виде шеста. Эти шесты выполняют очень важную функцию в жизни общины, и изготовление нового тотема всегда сопровождается сложной церемонией. Прежде чем срубить и обработать ствол, старейшины племени вместе отправляются в лес искать дерево подходящего вида и размера. Затем они встают полукругом перед деревом и говорят: «Смотри, дерево, нам очень жаль, но ты знаешь, мы не можем жить без тотема, а старый уже износился. Нам нужен новый столб и... это ты». Затем старейшины бегут не оглядываясь в лес и срубают первое попавшееся им дерево такого же вида и размера. Насколько мне известно, никто никогда не спрашивал индейцев этого племени, почему они так делают, но, вспоминая опыт с яйцами, я начинаю понимать. Возможно, деревья в этой части леса теряют сознание, когда первому дереву грозит опасность. Возможно, когда старейшины срубают второе дерево, оно еще не оправилось от страха?

Конечно, слишком мало известно и слишком мало серьезных исследований было проведено, чтобы делать определенные выводы. Однако в мыслях и действиях тех, кто живет в тесной связи с природой, я продолжаю находить понятия, которые кажутся мне правильными, и представления, которые вписываются в общую картину. И все же интуиция не может заменить эксперимент — с его точностью, строгостью и воспроизводимостью. Или может?

Так или иначе, но пока мы находимся в следующей ситуации: оказывается, смерть невозможно установить. Ни один из традиционных признаков не может считаться абсолютно достоверным, и история полна примеров, когда доверие к нескольким или ко всем этим признакам неизбежно вело к ошибке, обрекавшей живых на судьбу страшнее смерти. Переход от жизни к смерти почти неуловим, и, так как жизнь все время раздвигает свои границы, стано-

вится ясно, что смерть имеет различные стадии и большинство из них (а может быть, даже все) обратимы. Смерть начинает казаться чем-то неокончательным и все более напоминать временный недуг. У детей не отмечено врожденной реакции на состояние смерти, напротив, они склонны вести себя так, как будто смерти не существует вообще. Где бы они ни жили, они упорно наделяют все предметы жизнью и способностью взаимодействовать, и, как показывают последние исследования, возможно, дети правы.

Я верю в это. И все больше убеждаюсь, что с точки зрения биологии бессмысленно даже пытаться на любом уровне проводить различие между жизнью и смертью.

Глава III

УМИРАНИЕ КАК ЧАСТЬ ЦИКЛА СМЕРТИ

Существуют сведения о том, что один зяблик прожил в неволе двадцать шесть лет. В конце концов маленькая птичка умерла от старости, в природе, однако, нет такого явления, как старые зяблики. Птички и мелкие млекопитающие не стареют просто потому, что не живут долго. При почти пятидесятипроцентной годовой смертности в популяции никто не может рассчитывать на жизнь, длиннее нескольких лет. Все умирают молодыми.

Человеческая ситуация отличается тем, что многие доживают до старости. Даже три тысячи лет назад, когда средняя продолжительность жизни не превышала тридцати лет, некоторые доживали до семидесяти. Современная медицина, хотя и увеличила продолжительность жизни настолько, что в ряде стран она приблизилась к библейскому пределу, оказалась неспособной сдвинуть сам этот предел. Мы изменили кривую выживания так, что практически любой из нас имеет шанс, минуя детство и зрелость, дожить до семидесяти, однако даже в Великобритании лишь один человек из десяти тысяч доживает до девяноста лет. Подобно другим видам, наш вид имеет свою фиксированную продолжительность жизни.

Биология рассматривает жизнь не как линейную, а как циклическую структуру, как серию изменений или как жизненный цикл. Для каждой определенной точки этого цикла имеется определенная вероятность смерти индивида, причем по мере продвижения по кругу степень такой вероятности возрастает. В семьдесят лет у человека почти в три раза больше шансов умереть в следующем году, чем в тридцать, и почти в пять раз больше, чем в десять. Это и есть так называемое старение. Наше социальное планирование, так же как и сумма страховки, во многом зависит от осознания вероятности подобного исхода. Таким образом, процесс умирания

не ограничивается старостью, а начинается вместе с началом жизненного цикла, действуя на всем его протяжении и проходя через ряд узнаваемых и поддающихся описанию стадий.

Жизненный цикл традиционно определяется как «прогрессивная серия изменений организма, начинающихся с момента оплодотворения яйцеклетки и кончающихся моментом его смерти». Теперь, когда представление о смерти как о фиксированной точке подвергнуто сомнению и признано, что смерть присутствует на протяжении всей жизни, необходимо сформулировать новое определение. Оно должно учитывать изменения состояния организма и признавать возможность выхода жизненного цикла за пределы той двусмысленной ситуации, которую мы называем клинической смертью. Вероятно, мы могли бы определить этот цикл как «серию изменений в способе организации материи, начинающихся с момента оплодотворения яйцеклетки и кончающихся состоянием готы». Развитие организма происходит по определенной связанной с циклом схеме, однако человек достигает конечной точки лишь тогда, когда понимает, что равновесие, основанное на преобладании порядка, сместилось в сторону беспорядка. Именно в этот момент мы осознаем, что умираем. Лучше других способны проникнуть в сущность подобного состояния те, кто был на волос от смерти. В 1982 г. швейцарский геолог сорвался со скалы в Альпах, и этот случай побудил его собрать сведения еще о тридцати людях, уцелевших, как и он сам, после падения в горах. Обнаружив, что все они демонстрировали сходные реакции на казавшуюся им неизбежной смерть, Альберт Хейм разделил предшествующие смерти мгновения на три различные фазы умирания.

Прежде всего человек пытается предотвратить опасность, сопротивляясь неизбежному. Частично это физический рефлекс вроде отдергивания руки от горячей плиты, однако, одновременно, по-видимому, происходит психологическая борьба со странным стремлением покориться опасности. Далее мы увидим, что это стремление не деструктивно, а имеет большое значение для выживания. Следующая стадия начинается, как только падающий осознает бесплодность борьбы и смиряется с неизбежностью смерти. При этом у него возникает состояние отрешенности, в котором человеком овладевают странные, не относящиеся к делу мысли. Один скалолаз говорил, что испытывал «мелкую досаду и даже некоторый умозрительный интерес к происходящему». Студент, выброшенный на большой скорости из автомобиля, рассказывал, что, летя кувырком по дороге, он беспокоился, что порвет пальто, а также переживал за школьную футбольную команду, которая в этот момент, по сообщению радио, проигрывала последний матч. Описан также случай, когда падавший с крутого обрыва ребенок боялся одного: потерять новый перочинный ножик.

Вскоре бессвязные мысли кристаллизуются в классический образ прожитой жизни. В 1972 г. в Аризоне девятнадцатилетний парашютист упал почти с километровой высоты, сломав при этом лишь нос. Он рассказал, что в начале падения стал пронзительно кричать, затем «понял, что погиб и что жизнь кончилась. Вся прошлая жизнь пронеслась перед моими глазами. Я увидел лицо матери, дома, в которых мне приходилось жить, военную академию, в которой учился, лица друзей, абсолютно все». Хейм рассказал, что «видел себя семилетним мальчиком, идущим в школу, затем четвероклассником, стоящим в классе рядом с любимым учителем Вейцем. Я вновь проигрывал свою жизнь, как будто был на сцене, одновременно смотря на нее с галерки». Тридцатичетырехлетняя медсестра, едва не умершая от комы, вызванной аллергической реакцией на пенициллин, вспоминала особую красочность своих видений: увидев когда-то принадлежавшую ей куклу, она была поражена яркостью ее голубых стеклянных глаз.

Один психиатр объясняет зрительный уход в прошлое как «эмоциональную защиту от мыслей о смерти» и выдвигает предположение, что умирающий человек, лишенный будущего, концентрирует остаток жизненной энергии на попытках вернуть то, что в прошлом представляло для него особую ценность. Другой определяет эти видения как «экранизированную память» и полагает, что, анализируя всплывающие в этот момент воспоминания, можно доказать их связь с негативным жизненным опытом человека. Наиболее полное собрание реакции людей, вернувшихся к жизни, включает в себя описание примерно трехсот случаев и лишь в двенадцати процентах из них выявляет ретроспективные переживания; бесспорно, однако, что такие переживания всегда возникают при внезапной угрозе смерти, например когда человек падает с высоты или тонет. Когда же опасность для жизни надвигается медленно, например в случаях постепенного развития болезни или длительного пребывания в герметично захлопнувшемся холодильнике, картины из прошлой жизни не появляются.

Потом, когда воспоминания исчезают, наступает необычное мистическое состояние. Не следует забывать, что речь идет о последовательности реакций, длящейся буквально считанные секунды. Одна медсестра рассказывала, что, впад под воздействием наркотиков в состояние экстаза, она «идиллически созерцала Тадж-Махал». Упавший в горах альпинист вспоминает: «Мое тело билось о камни, ломалось, превращалось в бесформенную массу, однако мое сознание не реагировало на эти физические повреждения и совершенно не интересовалось ими». Проведенное Хеймом обзорное исследование несчастных случаев в Альпах завершается фразой о том, что смерть в результате падения очень приятна и те, «кто погиб в горах, в последний миг своей

жизни созерцали свое прошлое, испытывая состояние преображения. Отринув телесные страдания, они пребывали во власти благородных и мудрых мыслей, небесной музыки и чувства покоя и умиротворения. Они летели сквозь светлые, голубые, величественные небеса; затем мир внезапно останавливался».

Это трансцендентальное состояние столь могущественно и приятно, что испытавшие его не хотят с ним расставаться. Вспоминая свое спасение, тонувшая в детстве женщина говорила: «Я видела, как меня пытались вернуть к жизни, но прикладывала все усилия, чтобы не возвращаться. Тогда я была всего лишь беззаботным семилетним ребенком, однако я больше никогда не испытала того ощущения полнейшего счастья, которое пережила в тот момент». Известно, что уцелевшие самоубийцы, испытавшие это состояние, после выздоровления вновь пробуют покончить с собой — как правило, с большим успехом.

Отмеченное сходство между трансцендентальным состоянием, переживаемым на пороге смерти, и трансцендентальным состоянием, переживаемым под действием наркотиков, показывает сложное сплетение умирания с жизнью. Через стадии сопротивления, созерцания прошлого и транса человек проходит в течение нескольких мгновений, предвещающих внезапную смерть, однако между этими стадиями и гораздо более продолжительными фазами, сопровождающими умирание человека от болезни или старости, можно выявить прямую аналогию.

Элизабет Каблер-Росс опросила около двухсот умирающих больных и выявила пять стадий изменения отношения человека к собственной смерти. Первая реакция на смертельное заболевание обычно такова: «Нет, только не я, это неправда». Такое первоначальное отрицание смерти очень похоже на первые отчаянные попытки альпиниста остановить свое падение. Как только больной осознает реальность происходящего, его отрицание сменяется гневом или фрустрацией. «Почему я, ведь мне еще так много нужно сделать?» Иногда вместо этой стадии следует стадия попыток совершить сделку с собой и с другими и выиграть дополнительное время на жизнь. Когда же смысл заболевания полностью осознается, наступает период страха или депрессии. Эта стадия не имеет аналогов среди переживаний, связанных с внезапной смертью, и, видимо, возникает лишь в тех ситуациях, когда у столкнувшегося со смертью человека есть время для осмысления происходящего. Страху смерти и умирания посвящено множество исследований, в большинстве из них было выдвинуто предположение, что каждому человеку присущ страх смерти, однако, просматривая литературу по проблемам психологической реакции человека на смерть, я был поражен одним фактом. Оказывается, страх смерти возникает только у взрослых людей и только у тех, кто имеет время

для размышлений на эту тему. Не существует фактов, подтверждающих врожденность страха смерти либо его развитие в качестве обязательной составляющей поведения, связанного с умиранием. Наоборот, в тех культурах, где к смерти относятся спокойно, рассматривая ее как часть процесса жизни, страха смерти нет. В жизни животных ничто не говорит о том, что смерть является одним из стимулов, вызывающих реакцию инстинктивного избегания или дистресса. Когда молодые шимпанзе достигают определенного возраста, они безо всякого указания извне или какой-либо специальной тренировки начинают избегать контакта со змееподобными объектами. У них есть врожденное свойство страшиться стимулов, способных ассоциироваться с опасностью, однако я не знаю ни одного животного с врожденным страхом самой смерти.

Конечные стадии цикла, предвещающие наступление клинической смерти, одинаковы как при мгновенной, так и при медленной смерти. Если умирающие больные имеют достаточно времени для того, чтобы справиться со своими страхами и примириться с неизбежностью смерти, или получают соответствующую помощь от окружающих, то они нередко начинают испытывать состояние покоя и умиротворенности.

Таким образом, процесс умирания, по-видимому, является самостоятельной фазой развития человека с собственной последовательностью событий, определенными поддающимися описанию переживаниями и способами поведения. Доказательством того, что эти фазы присутствуют не только у людей, умирающих в результате несчастных случаев или заболеваний, является искусственное вызывание тех же стадий умирания у физически абсолютно здоровых людей. Исследование восемнадцати убийц, ожидающих смертной казни в тюрьме Синг-Синг, показало, что отрицание смерти (при помощи которого сводились на нет многие проблемы) сменялось гневом или страхом и, наконец (у тех, кто имел достаточно времени), спокойной медитативной отрешенностью.

Возможно, кому-то это покажется натяжкой, однако мы считаем, что в ходе истории наше отношение к смерти повторяло последовательность стадий умирания. В нашей истории было время отрицания смерти, время, когда люди отказывались верить в то, что смерть представляет собой естественное состояние, предпочитая возлагать ответственность за нее на какие-либо одушевленные или неодушевленные силы. Это отчетливо проявляется в погребальных обрядах цивилизаций. Затем наступает период принятия смерти как реального, завершающего жизнь события, характерного для иудейско-эллинских цивилизаций. Далее следует стадия отрицания смерти, попытки преодолеть ее реальность. Апостол Павел выразил это христианское отношение отважным

возгласом: «О смерть, где твое жало?» И наконец, как и при падении с высоты, сегодня наша цивилизация настолько приблизилась к краю пропасти, что трансценденция является ее единственной защитой от гибели.

Новейшие исследования в области биохимии мозга, проводившиеся в процессе умирания, также свидетельствуют о существовании четырех поддающихся четкому определению стадий. Профессор Неговский из Академии медицинских наук СССР называет их шоком, предагональным состоянием, агонией и клинической смертью. Данная классификация основана главным образом на экспериментах, в ходе которых проводилось наблюдение за собаками, умирающими от кровопотери вследствие повреждения бедренной артерии. Первая стадия начинается через две-три минуты после того, как из организма вытекла примерно половина крови и артериальное давление существенно упало. Это означает, что поступающей в мозг крови недостаточно для обеспечения его нормальной потребности в кислороде и сахаре, на это мозг отвечает включением компенсаторных механизмов: сужением сосудов и освобождением запасов крови из кровяных депо. Эти экстренные меры ненадолго срабатывают, и содержание сахара в крови, поступающей в мозг, увеличивается.

Наше тело накапливает энергию в виде гликогена, хранящегося в печени и гладких мышцах, до тех пор, пока он вновь не понадобится. В аварийных ситуациях адреналин повышает артериальное давление и обеспечивает быстрое превращение гликогена в сахар, его поступление в кровь и немедленное использование. В считанные секунды мозг получает массу питательных веществ и начинает работать в повышенном режиме. Эта биохимическая стадия прямо соответствует ментальной отрешенности и возвращения к прошлому у падающего альпиниста, которая следует за первой стадией сопротивления.

Вторая стадия, которую русские называют предагональной, характеризуется резкими химическими изменениями в мозге. Активность мозговой коры достигает наивысшей точки, и потребление сахара превышает его поступление. Активность мозга реализуется преимущественно в виде высокочастотных колебаний по типу быстрого бета-ритма, время от времени перемежающихся единичными всплесками пролонгированного альфа-ритма. Известно, что точно такое же состояние мозга развивается в процессе медитации и сопровождается ощущением счастья и трансценденции, о которых рассказывали стоявшие на краю гибели люди.

Третьей стадией, называемой русскими агонией, падающий с высоты человек достигает после удара о землю. Дыхание останавливается, глазной рефлекс исчезает, активность мозга снижается почти до нуля. У собак агония начинается, когда органическая

кислота полностью разрушает накопившиеся в мозгу продукты глюкозы, отравляя его. Полное выключение мозга русские рассматривают как клиническую смерть, но даже на этой последней стадии при условии восстановления нормального кровоснабжения мозга возможно возвращение организма к жизни. Если же не происходит своевременной компенсации возникшего в мозгу дисбаланса (выяснилось, что для человека этот период не должен превышать шести минут), наступает четвертая необратимая в современных условиях стадия, означающая смерть организма.

Эти исследования выявили еще один важный момент. Как выяснилось, продолжительное умирание, например при заболеваниях легких, приводит к сильному истощению энергетических ресурсов организма уже на ранних стадиях, поэтому мозг способен восстановиться лишь при условии очень короткого периода клинической смерти. Если же смерть наступает мгновенно либо в результате несчастного случая, энергетический потенциал организма остается высоким, обеспечивая его способность к выживанию после продолжительного полного отключения мозга. Способность к восстановлению после такой остановки полностью зависит от предшествующего состояния метаболических процессов в организме. В эксперименте с собаками обнаружилось, что вероятность выживания животных, находившихся перед смертью в состоянии сильного возбуждения, была крайне мала; если же в начальной стадии умирания они были спокойны или спали, то вероятность их выживания существенно возрастала. Таким образом, состояния отрешенности и транса, в которых человек расслабляется и созерцает Тадж-Махал или вспоминает прошедшую жизнь, имеют большое значение для его выживания. В этом состоянии падающий с высоты человек имеет значительно больше шансов уцелеть после серьезной травмы или даже клинической смерти по сравнению с теми, кто все время кричит и сопротивляется.

Таким образом, фиксированная последовательность изменений, происходящих в ходе умирания, целесообразна, хотя и может быть нарушена практически на любой из стадий. Кроме того, она может стать короче под влиянием боли и страха. Бывает даже, что достаточно сильный страх на начальной стадии умирания непосредственно приводит к заключительной стадии клинической смерти. Мы недаром говорим «испугался до смерти» или «умер от страха». Такое действительно случается.

Австралийские колдуны носят с собой заточенные бедренные кости гигантской ящерицы с привязанным к ним пучком человеческих волос. Если при произнесении колдуном смертельного заклинания одна из этих костей укажет на какого-либо человека, то жертва вскоре заболеет и умрет, и ей не помогут ни опыт, ни возможности современной медицины. Африканские знахари исполь-

зуют в тех же целях кости от свиных или телячьих ножек, европейские колдуны изготавливают деревянных кукол или восковые фигурки, карибские жрецы-шаманы приносят в жертву белых петухов, а в Греции достаточно одного сглаза. Какие бы средства ни применялись, их действие на видевшие амулет или просто знавшие о его использовании жертвы подтверждены документально.

Проведено несколько клинических исследований людей, умирающих среди полного здоровья от колдовства. Ни в одном из случаев врачам не удалось выделить микроорганизмы или обнаружить повреждения, вызвавшие резкое ухудшение физического состояния этих пациентов, — им оставалось лишь регистрировать симптомы. Под влиянием колдовства дыхание жертвы учащалось, а сердце начинало биться все быстрее, пока не наступало его полное сокращение, ведущее к остановке. Показатели, полученные в процессе умирания, продемонстрировали быстрое сгущение крови в результате выхода жидкой части крови из кровеносного русла в мышечную ткань. Как будто жертву резали невидимым ножом — настолько наблюдаемые симптомы напоминали сильный шок, вызванный хирургическим вмешательством.

В других случаях, констатируя смерть от колдовства, врачи применяли такие формулировки, как «внезапная гемодинамическая перестройка» или «пароксизмальная вентрикулярная тахикардия», которые, по существу, являются синонимами диагноза «остановка сердца». Другие считали причиной смерти «гиперрефлекс, направленный на поддержание определенного уровня кислорода в крови», либо «каталепсию, развившуюся вследствие кислородного голодания». Диагноз не имеет принципиального значения. Во всех случаях главной причиной смерти было поражение мозга, вызванное кислородной недостаточностью вследствие непоступления в него крови. Это, однако, ничего не говорит о причинах выявленных функциональных нарушений. Без сомнения, даже такие сильные телесные изменения могут иметь психосоматическую природу. Стивен Блэк сообщает о больном из Лагоса с раком кожи, диагностированным при помощи биопсии, которого вылечила мазь, изготовленная местным лекарем-колдуном. Анализ этой мази, сделанный в Лондоне, выявил в ее составе лишь мыло и древесную золу. Однако термин «психосоматика» слишком часто используется для объяснения природы заболевания в тех случаях, когда врач не способен выявить его истинную причину. В конечном счете никакое состояние не может быть расценено как чисто психосоматическое, если не доказано, что для снятия его симптомов достаточно одной психотерапии; в тяжелых же случаях, связанных с действием колдовства, времени на такую терапию не остается. Можно, конечно, пренебречь обсуждением этих явлений, отнеся их «к сфере сознания», как будто такой

формулировки достаточно для понимания происходящего, однако подобная отговорка лишь уведет нас в сторону от объяснения поразительной способности мозга убивать несущее его тело.

Жертва колдовства обычно не сомневается в том, что должна умереть, и умирает. Однако нельзя исключить и воздействия внешних факторов. В Чехословакии была проведена серия опытов с двумя практикующими телепатами, находящимися за много километров друг от друга. Принимающему сигналы телепату не сообщалось время их передачи, однако именно тогда, когда посылающего сигналы просили вообразить себя заживо погребенным, у принимающего возникал тяжелый приступ астмы. Когда телепат, посылающий сигналы, представлял, что у него одышка, одышка возникала и у его друга, никогда прежде не имевшего такого рода нарушений. По-видимому, некоторые люди способны на расстоянии влиять на физиологические процессы у других людей. В 1959 г. Степан Фигар из Праги обнаружил, что человек с помощью умственного усилия может вызвать изменение кровяного давления у другого человека, спокойно лежащего на некотором расстоянии от него. Дуглас Дин из инженерного колледжа в Ньюарке недавно открыл, что упорные мысли о близком друге вызывают у того, где бы он ни находился, изменения артериального давления и объема циркулирующей крови. Используя эту реакцию как средство коммуникации, Дин ухитрялся посылать при помощи азбуки Морзе простые сигналы из Нью-Джерси во Флориду не знающему об опытах и спокойно лежащему рядом с плетизмографом человеку.

Неважно, что вызывает остановку сердца — собственный мозг человека или недоброжелательные мысли и действия других людей. Человек умирает от шока. Подобная мгновенная смерть нередко наблюдается у пойманных диких животных и у зверей, находящихся в неволе. Кролики и мыши умирают от грубого обращения, землеройка может погибнуть даже от громкого шума. Шум от ремонта или просто близость незнакомых животных в соседних клетках становятся причиной смерти многих чувствительных животных в зоопарке. Дикие птицы нередко умирают, когда их берут в руки. Некоторые люди умирали от страха во время подкожного укола, а иногда просто при виде чужой крови. Серия злоеших экспериментов, проведенных в медицинской школе Джона Хопкинса в Балтиморе, показала, что все эти смерти имеют одну и ту же причину.

Курт Рихтер создал аппарат, с помощью которого изучал влияние стресса на крыс. Он заставлял их плавать в банке с узким горлышком, из которой они не могли выбраться. И не давал им отдыхать, направляя мощные струи воды. Рихтер держал крыс там до тех пор, пока они не умирали. Обычно белые ручные крысы

могли существовать в этом аппарате несколько дней, тогда как только что пойманные дикие коричневые крысы умирали за несколько минут. Обследование умерших животных показало, что коричневые крысы умирали от шока, вызванного гиперстимуляцией вагуса, идущего через мозг к сердцу. Аналогичные симптомы возникали у белых крыс, которых травмировали перед началом водной пытки, отрезая им усы. Нетронутые же крысы обычно умирали по другим причинам. Находясь в банке, из которой они не могли выбраться ни путем сопротивления, ни бегством более двух дней, они просто сдавались и умирали от безнадежности.

Если крыс вынимали из воды за мгновение до смерти, они быстро приходили в себя и, поняв, что ситуация не была безнадежной, по возвращении в банку плавали гораздо дольше. Одна такая крыса просуществовала восемьдесят один час и, возможно, продолжала бы плавать, если бы не умерла от голода. Похоже, что под воздействием колдовского приговора люди поступают точно так же. Они умирают от безнадежности, однако человек, перенесший это испытание, больше никогда не становится жертвой колдовства. Он получает прививку против такой смерти.

Иногда находящиеся на лечении больные убеждены, что скоро умрут. Когда это происходит, считается, что они разрешили себе умереть, сдавшись перед лицом смерти примерно так же, как беспомощно смиряются жертвы колдовства, однако существует и другая возможность. Один психиатр, изучавший таких больных, как правило, находил у них сердечную и почечную недостаточность. Он предположил, что хронические заболевания этих органов вызывают резкие нарушения физиологического равновесия, которые быстро начинают ощущаться самими больными. Логично предположить, что человек первым узнает об изменениях собственного состояния. Чем сильнее выражено такое изменение, тем лучше оно осознается человеком, который в этом случае сначала, образно говоря, как бы беременеет смертью, затем же в срок разрешается ею от бремени.

Известно множество рассказов о животных, которые, вероятно, обладают такой интуицией и уползают куда-нибудь, чтобы там умереть. Хотя история о кладбище слонов — чистейший вымысел, стадии умирания столь четко следуют друг за другом, что можно рассматривать их как этапы классического инстинктивного поведения, приводящего к конечному акту готы. На основании того, что обучиться подобному поведению невозможно, поскольку каждый человек умирает только один раз, некоторые ученые (прежде всего Фрейд) пришли к идее «инстинкта смерти». У человека, несомненно, существуют сильно выраженные самодеструктивные тенденции, однако не доказано, что источником этих деструктивных сил является инстинкт. Я считаю, что безудержный

бросок навстречу смерти, совершаемый человеком в определенных обстоятельствах, свидетельствует об инстинктивной природе связанного со смертью поведения. Мы знакомимся со смертью, еще не успев родиться, и всю свою жизнь живем рядом с ней. Удивительно не то, что в определенных ситуациях мы осознаем ее неизбежность, а то, что она не становится активной частью нашего самосознания и нашего отношения к окружающему миру. Смерть не является для нас всем или ничем. Различные стороны нашей повседневной жизни предоставляют нам обширные возможности для знакомства с ней.

Возможно, что мы впервые знакомимся со смертью в момент рождения. Мало кому из людей доводится еще раз пережить такое опасное и страшное путешествие, какое он проделал, выходя из десятисантиметровых родовых путей. Мы никогда, наверное, в точности не узнаем, что происходит в это время в сознании ребенка, но, вероятно, его ощущения напоминают разные стадии умирания. Когда начинаются роды и матка совершает первые ужасающие попытки вытолкнуть ребенка из теплого и безопасного убежища, он, может быть, сопротивляется. Недавно в Шотландии была предпринята попытка вызвать схватки у женщины с запоздалыми родами, проколов амниотическую оболочку. Изъяв при помощи катетера пинту внутриутробной жидкости, врачи собрались вокруг роженицы в ожидании начала родов и вдруг услышали, как трижды прокричал находившийся внутри ребенок. Через девятнадцать часов родился абсолютно нормальный мальчик.

На смену изначальному сопротивлению и отрицанию рождения должно в конце концов прийти смирение ребенка перед неослабевающим давлением матки. Ребенок может существенно облегчить роды, лишь расслабившись, впад в состояние отрешенности. В этот момент мы, вероятно, на самом деле осознаем, что с нами происходит, даже через много лет можем припомнить подробности. В состоянии гипнотической регрессии, когда человек шаг за шагом возвращается к началу своей жизни, многие вспоминали различные детали своего рождения: выход наружу головой или ногами, наложение щипцов, обвитие шеи пуповиной. Эти «воспоминания» можно объяснить по-разному, однако известны случаи, когда под гипнозом пациенты сообщали неизвестные их матерям факты, которые затем подтверждались объективными медицинскими документами.

Общим для рождения и смерти является факт отделения. В момент своего рождения ребенок впервые отрывается от матери, по мере того как он растет, эта разобщенность увеличивается, становясь все более длительной. Это, по-видимому, позволяет ребенку овладевать столь противоположными состояниями, как объединен-

ность и изоляция, бытие и небытие. Ада Морер говорит: «К трехмесячному возрасту здоровый ребенок благодаря достаточно развитому чувству собственной безопасности может начать экспериментировать с этими противоположными состояниями. Играя в прятки, он, находясь в безопасности, получает возможность попеременно испытывать страх и восторг, самоутверждаться, теряя и обретая себя». В известной степени он выбирает между жизнью и смертью.

Позже ребенок начинает все более активно играть в игры, связанные с чередованием ощущений жизни и смерти, в которых он постигает реальность смерти в самых различных условиях, играя роли убийцы, умирающего и мертвого. Многие совершенно справедливо считают игру одной из наиболее серьезных форм поведения. Играя, можно спокойно относиться к тому, что обычно страшит человека, и даже получать от этого удовольствие. Многие животные благодаря игре формируют навыки, необходимые для дальнейшей жизни. Некоторые даже играют в собственную смерть.

Американский опоссум *Didelphis virginiana* получил свое название благодаря защитному поведению. «Притворщик» лежит на боку с открытыми глазами, вытянутыми лапами, вцепившись когтями в землю, как будто он впал в состояние коллапса. При этом животное бодрствует, а температура тела, кислородный обмен и состав крови у него остаются неизменными. Его электроэнцефалограмма идентична записям мозговой активности здорового животного, находящегося в состоянии возбуждения. Группа исследователей из Лос-Анджелеса при помощи вживленных в мозг опоссумов электродов детально изучила их физиологические реакции в состоянии имитации смерти, которое вызывалось встряхиванием при помощи искусственной собачьей пасти и звуками записанного на магнитофон лая и рычания. Полученные электроэнцефалограммы свидетельствуют о том, что животные чутко реагируют на происходящее и в действительности лишь «притворяются» мертвыми. Охотники, живущие по другую сторону Атлантики, сообщают, что, «прикинувшись мертвой, лиса нередко осторожно приоткрывает глаза, поднимает голову, оглядывается и стремглав убегает, если видит, что ее преследователи отошли на безопасное расстояние».

Очень часто животные принимают позы, свидетельствующие о том, что они не умерли, а лишь притворились мертвыми. Это обнаружил Чарлз Дарвин, собрав коллекцию якобы мертвых насекомых семнадцати различных видов и сравнив их имитирующие смерть позы с позами насекомых тех же видов, умерших естественной смертью либо медленно усыпленных камфарой. Он выявил, что «во всех случаях они различались, а в некоторых случаях

позы притворившихся мертвыми и реально умерших насекомых были даже противоположными». Отсюда следует предположение, что насекомые данных видов не столько имитируют смерть, которая, как правило, выглядит совсем иначе, сколько действуют в соответствии с некоторыми собственными представлениями о том, как должна выглядеть их смерть. Совершенно очевидно, что такая реакция рассчитана на публику, а возникновение в процессе эволюции имитирующих смерть поз было вызвано существованием хищников, которые, подобно театральным критикам, появлялись, выискивали и съедали всех плохих актеров.

Ракообразные, пауки и насекомые, умеющие притворяться мертвыми, всегда делают это в нужный момент, однако в отличие от опоссума теряют контроль над своими мышцами и впадают в совершенно неподвижное состояние, известное как кататоническая неподвижность. Аналогичные состояния возникали и описывались у птиц, морских свинок, собак, кошек, овец, шимпанзе и людей. Проще всего вызвать это состояние у человека, сначала попросив его нагнуться вперед на девяносто градусов и задержать дыхание, а затем резко опрокинуть его на спину. Мышцы человека при этом резко сокращаются, и человек почти на целую минуту застывает, теряя подвижность. Этот феномен нередко можно наблюдать на футбольном поле, когда внезапно сбитый с ног игрок кажется серьезно травмированным, потом он столь же внезапно приходит в себя, полностью восстанавливая подвижность. Известно о кататонических состояниях у солдат, участвовавших в рукопашном бою, где умышленная или рефлекторная имитация смерти, несомненно, способствовала выживанию.

Многие биологи сомневаются в действенности беспомощного лежания перед врагом, однако сам по себе факт имитирующего смерть поведения подразумевает его целесообразность. Очевидно, что данное поведение выгодно лишь в определенных условиях, вдобавок существует, по-видимому, лимитирующий фактор, подавляющий автоматическую реакцию животного в ответ на неадекватный стимул либо не позволяющий ей проявляться слишком часто. В данном случае высокий пороговый уровень является гарантией того, что животное будет впадать в неподвижное состояние лишь в крайнем случае, в безвыходной ситуации. Изучая ящериц *Anolis carolinensis* и *Phrynosoma cornutum*, Хадсон Хогланд обнаружил у них высокоэффективный встроенный регулятор поведения. Когда животное начинает притворяться мертвым слишком часто, эта реакция становится реальностью и оно действительно умирает.

Одно из немногих свидетельств тому, что чувствует человек, не по своей воле притворившийся мертвым, подтверждает предположение о целесообразности данного защитного поведения.

Однажды на исследователя Дэвида Ливингстона напал лев, который, опрокинув его на спину, вцепился зубами ему в плечо. Он ощутил «нечто вроде сонливости, в которой не чувствовал ни боли, ни ужаса», и так как он лежал неподвижно, то лев на мгновение отпустил его, что позволило Ливингстону прийти в себя и убежать. Отрешенное состояние, в котором пребывал Ливингстон, напоминает отстраненность падающих вниз альпинистов и вновь показывает, что при определенных чрезвычайных обстоятельствах тело минует некоторые стадии умирания. Оно свидетельствует и о том, что подобное поведение действительно способствует выживанию и не только сопровождает умирание, но и продлевает жизнь.

Другой распространенной реакцией человека на стресс является потеря сознания. Эмоциональный стресс вызывает гиперстимуляцию вагуса, что, в свою очередь, приводит к замедлению сердцебиения, а также к расслаблению сосудов брюшной полости, вызывая в момент прилива крови к кишкам «ощущение слабости». Происходит резкое снижение давления в сосудах мозга, вы теряете сознание, однако, когда вы падаете, голова оказывается на одном уровне с желудком, благодаря чему кровоснабжение мозга восстанавливается. Таким образом, обморок можно назвать рефлекторной реакцией со встроенными ограничителями, поскольку он создает условия, необходимые для восстановления нормального состояния. Когда-то обмороки были в большом ходу среди женщин определенного сословия как способ реагирования на проблемные ситуации, связанные с общением, а также как способ их разрешения. Без сомнения, некоторые из женщин поняли, что могут достичь желаемого, лишь притворившись упавшими в обморок, однако большинство из них в самом деле теряли сознание. Некоторые делали это настолько убедительно, что их принимали за мертвых. Такое поведение — яркий пример социально обусловленной физиологической реакции, ставшей реальностью для тех, кто оказался способным поставить телесные функции под контроль сознания. Сейчас обмороки уже не так популярны и поэтому случаются гораздо реже, однако эволюционные возможности данной ситуации очевидны. Если бы социальное подкрепление обмороков продолжалось достаточно долго, они могли бы стать естественной и неизменной частью нашего инстинктивного поведенческого репертуара. Хотя в определенных обстоятельствах люди и сейчас еще порой теряют сознание, имитация смерти, как обнаружил Ливингстон, более ценна для выживания, поскольку позволяет, сохраняя сознание, использовать в своих интересах изменение обстоятельств.

По-видимому, имитирующие смерть позы насекомых являются рефлекторными реакциями наподобие обморока и ставят их в

полную зависимость от хищника. Притворившись мертвыми, опоссум и лиса прибегают к более совершенному приему самозащиты со всеми преимуществами его гибкости, однако на основе наблюдаемых фактов можно предположить, что неподвижность сознания вызывается рефлексом, не менее жестким и автоматическим, чем тот, что заставляет перевернуться на спину притворившуюся мертвой мокрицу. В случае нападения врага эффективность реакции зависит от ее быстроты, а наиболее быстрое действие обеспечивается рефлексом, который напрямую, минуя головной мозг, соединяет друг с другом обычные пути нейронного управления. Рефлекс и вызванное им поведение являются, вероятнее всего, врожденными, а не благоприобретенными, поскольку отмечаются как полностью сформированные структуры примерно в четырехмесячном возрасте даже у опоссумов, воспитывавшихся отдельно. Это поведение все же находится под частичным контролем сознания: как только опасность миновала, опоссум приходит в себя и продолжает свой путь.

Существуют два похожих на обморок состояния коллапса, о которых сейчас забыли. Одно из них — катаплексия, при которой человек безвольно опускается на землю, лежит с закрытыми глазами, не в силах двигаться и говорить, однако не теряет сознания и полностью контролирует происходящее. Это человеческий аналог состояния, легко возникающего у животных, например у птиц или кроликов, если их внезапно остановить. Оно описано в старых медицинских книгах как «вызванное сильным переживанием и длящееся до тех пор, пока человек не овладеет собственными чувствами», и кажется явлением из прошлого, поскольку не упоминается ни в одном из современных медицинских словарей. Не исключено, что теперь мы просто заживо хороним людей, впавших в состояние катаплексии. Необходимо отметить, что данная проблема впервые обсуждалась в статье «О признаках, отличающих реальную смерть от мнимой», опубликованной в трансильванском медицинском журнале. Автор обратился к этой проблеме под влиянием распространившихся в обществе страхов перед вампирами. Он и другие исследователи высказали предположение, что поврежденные могилы, сломанные гробы, порванные саваны и искалеченные окровавленные трупы свидетельствуют не столько о вампирстве, сколько о последних отчаянных попытках погребенных в состоянии катаплексии выбраться из своей преждевременной могилы.

Вторым редко встречающимся сейчас состоянием является катаlepsия, описываемая как «внезапная потеря чувствительности и способности к совершению произвольных действий, связанная с восковой ригидностью членов». В настоящее время это состояние можно наблюдать у больных с кататонической формой шизофре-

нии, а также вызвать практически у любого человека при помощи гипноза. Одной из любимых шуток «безумного монаха» Распутина было устройство аллей из застывших в причудливых позах живых фигур, чтобы развлечь слабонервных придворных в старом Санкт-Петербурге. То же сейчас проделывают на эстраде безответственные гипнотизеры. Спонтанные воскоподобные состояния возникают также вследствие длительного воздействия ритмичных стимулов. В течение многих лет считалось, что причиной вызываемой знахарями и шаманами каталепсии является столбняк, ригидность мышц, возникающая вследствие чрезмерно глубокого дыхания и приводящая к снижению уровня кислотности в крови. Недавно Стивен Блэк, изучавший деятельность знахарей из племени йоруба в Нигерии, обнаружил, что они вызывают каталептическое состояние с помощью ритмичного барабанного боя и монотонного пения. Тело загипнотизированных таким образом людей во время священного обряда может принимать и сохранять практически любую позу.

Представляется вероятным, что у млекопитающих такая пластичность является условным рефлексом, сформировавшимся еще до появления на свет, когда развивающийся плод должен, не сопротивляясь, принимать любую форму, соответствующую очертаниям материнской матки. В этот период ритмическая стимуляция обеспечивается равномерным биением материнского сердца. Проще всего успокоить новорожденного, прижав его к груди, чтобы он услышал знакомый ритм. Поп-группы открыли, что ритмы, соответствующие по частоте биению пульса, производят на человека наиболее сильное воздействие, даже через пятнадцать лет после его рождения: недаром из концертных залов выносят на носилках девочек, впавших в каталепсию.

Как правило, частота пульса составляет около 70 ударов в минуту, однако и более быстрые ритмы способны оказывать на человека чрезвычайно сильное влияние. В 1966 г. Грей Уолтер обнаружил, что короткие световые вспышки, направляемые в глаз через регулярные промежутки времени, способны удивительным образом влиять на активность мозга, а световые колебания с частотой, в шесть—десять раз превышающей частоту пульса, вызывают внезапные припадки, напоминающие эпилептические. В настоящее время такая реакция используется в клинической диагностике как средство, помогающее выявить лиц, склонных к эпилепсии, однако такие же припадки можно спровоцировать и у большинства совершенно здоровых людей. При возникновении замкнутой цепи возбуждения, когда световое мерцание начинает поддерживаться сигналами самого мозга, синхронизированные вспышки способны вызвать внезапный эпилептический припадок и потерю сознания более чем у половины населения земного шара.

Эпилепсия — симптом, а не заболевание. С самого начала она была окружена суевериями и считалась следствием одержимости. Ее приписывали св. Павлу, Юлию Цезарю, Наполеону и Достоевскому (по-видимому, справедливо), но истина в том, что у любого из нас может возникнуть эпилептический припадок. Это всего лишь период дезорганизации мозговой активности вследствие травмы головы, электрического шока, воздействия лекарств, асфиксии или высокой температуры. Эти припадки, включающие мышечные спазмы и конвульсии и ведущие к потере сознания, не просто напоминают эпилепсию; они и есть эпилепсия. Единственное отличие настоящего больного эпилепсией от всех остальных состоит в том, что у него подобные нарушения возникают чаще. Иногда причиной приступа становится тромб или опухоль, но, как правило, приступы возвратной эпилепсии возникают спонтанно. Их можно подавить при помощи седативных препаратов, ввергающих больного в состояние сонливости, но возникает подозрение, что единственная функция лечения при этом заключается в снижении общего уровня активности мозга. Не доказано, что *grand mal*, то есть наиболее сильные припадки, генетически обусловлены, поэтому не исключено, что они, как и стадия отрешенности, при умирании являются психосоматическими реакциями на определенные угрожающие обстоятельства. Это предположение позволяет вывести эпилепсию из разряда мозговых поражений и нервных заболеваний и превратить ее в поведенческий стереотип, реализуемый любым здоровым мозгом и, возможно, при определенных условиях способствующий выживанию человека. Между феноменами эпилепсии и умирания есть значительное сходство; я также считаю, что они имеют много общего с самым известным из напоминающих смерть состояний — трансом.

Обычно состояние транса возникает вследствие диссоциации мозговых процессов из-за перевозбуждения какой-либо центральной мозговой зоны, приведшего к ответному торможению нервных процессов в других зонах. Умеющие ходить по огню люди с помощью этого приема не допускают до мозга поток нервных импульсов от ступней, поэтому они не ощущают боли, даже обжигаясь. Вероятно, религиозная истерия христианских мучеников давала им те же преимущества, позволяя испытывать блаженство даже тогда, когда их пожирала лва.

Уильям Сарджент, изучая проявления транса у жителей разных стран, обнаружил, что он возникает под влиянием ритмической стимуляции в сочетании с гипервентиляцией легких. В Замбии знахари изгоняют дьявола, надевая на голову пациента одеяло и сажая его рядом с дымящейся жаровней, что вызывает у него гипервентиляцию легких из-за необходимости часто и поверхностно дышать. В Эфиопии деревенские священники изгоня-

ют нечистую силу, брызгая святой водой в лицо одержимому до тех пор, пока он не начинает задыхаться и глубоко дышать. Процедура «вызывания святого духа» на Тринидаде состоит из хлопанья руками и глубокого ритмичного дыхания. Ритуальные церемонии на Ямайке основаны на «троттинге», ритме, создающемся с помощью топания ногами и особых дыхательных звуков. Воины кочевых племен самбуру и туркана в Кении, танцуя под продолжительный барабанный бой, вводят себя в состояние безумия и коллапса. Если записи всех этих ритмов проиграть перед европейскими слушателями, они также могут войти в состояние транса. Было обнаружено сходство этих звуковых структур с древним ямбом, который считался в Древней Греции настолько сильным средством, что разрешалось пользоваться им лишь в присутствии жрецов. После эпидемий чумы в средневековой Европе распространились танцы, доводящие человека до иступления. Вместе с другими сильнодействующими средствами, например самобичеванием, они в конце концов вводили нервную систему в состояние транса или коллапса.

Во всех этих системах состояние транса вызывалось, чтобы, усилив внушаемость, добиться веры и послушания, при этом, однако, всегда возникает и побочный эффект: разрядка нервного напряжения, способная иногда привести к развитию патологии. Состояние транса приводит к поразительному исцелению больных с выраженной депрессией, параноидной шизофренией и старыми травмами, вызывая состояние возбуждения, приводящее к истощению, коллапсу и к долговременному изменению или восстановлению мозговых функций. Бушмены из Калахари называют коллапс «маленькой смертью» и не проводят различий между коллапсом, вызванным ритмичными танцами, и коллапсом при эпилепсии. Вполне вероятно, что оба состояния сопоставимы друг с другом, а эпилептические припадки являются отчаянной попыткой самого мозга вырваться из потенциально губительных условий. Легкость, с которой люди, освоившие трансцендентальную медитацию, могут вызвать в своем организме значительные физиологические изменения, свидетельствует о способности мозга продуцировать собственную внутреннюю активность, необходимую для возникновения транса и припадков. Если это так, то эпилепсия, возможно, является не симптомом заболевания, а способом его лечения.

Существует испытанный психоаналитический прием, называемый отреагированием, когда терапевт пытается освободить подавленное пациентом переживание, заставляя его вновь пережить происшедшее с ним событие. Сарджент вылечил от невроза многих побывавших на второй мировой войне солдат, внушив им в состоянии транса или под воздействием лекарств, что они возвра-

тились в ситуацию, вызывавшую у них в прошлом состояние ужаса и стресса. Нередко это приводило к сильному нервному возбуждению, неистовому всплеску эмоций и заканчивалось коллапсом. Когда больной приходил в себя, его нездоровая озабоченность исчезала. Позднее аналогичные результаты были получены при помощи электрошоковой терапии, в ходе которой больной получал сильный удар электрическим током, вызывающий эпилептический припадок.

Грегори Бэйтсон сформулировал понятие «двойное связывание» для описания хорошо известной ситуации, когда человек ни в чем не может добиться успеха. В соответствии с этим понятием терапевт намеренно вызывает у больного неприятные ощущения, используя «терапевтическое двойное связывание». Данный прием учитывает хорошо известное стремление человека лишний раз удостовериться в неприятностях, ища повторной возможности их ощутить. Так, человек вновь и вновь трогает языком язвочку на десне, которая от этого становится все более болезненной.

Я думаю, в нашем теле есть нервный узел с обратной связью, который реагирует на определенные виды дискомфорта активизацией вызывающего дискомфорт поведения и сохраняет такую реакцию до порогового уровня, когда происходит уже коренная перестройка всех процессов. Возможно, этот механизм и есть то, что Фрейд назвал инстинктом смерти, и если он существует, то эпилепсия может рассматриваться как проявление этой обратной связи в действии. Вероятно, тело постоянно наблюдает за собой и при определенных условиях, которые оно расценивает как потенциально опасные, лечит себя при помощи электрошока, вызывая припадок, изменяющий эти условия и сохраняющий жизнь. В соответствии с гомеопатическим принципом лечить подобное подобным организм откупается кратковременной «малой смертью» от необратимой большой.

Присоединение электродов к животу находящейся на последних месяцах беременности женщины позволяет регистрировать мозговую активность плода. Как правило, при этом наблюдаются медленные дельта-волны частотой менее трех циклов в секунду, однако время от времени этот регулярный ритм перемежается более сильными пикообразными разрядами, которые отмечаются у взрослых во время эпилептического припадков. К концу периода созревания плода такие всплески учащаются, а к моменту рождения ребенка, прокладывающего свой путь во внешний мир, они становятся практически непрерывными. Мы все родились как бы в эпилепсии, и то, что мы выжили, скорее всего служит своеобразным позитивным подкреплением, необходимым для последующего воспроизведения данной реакции в аналогичных кризисных условиях. Первые припадки у ребенка в утробе матери могут быть

вызваны нехваткой кислорода, возникающей из-за того, что ребенку там становится тесно. Обычно на последнем месяце беременности матери, когда потребность ребенка в кислороде не удовлетворяется, он начинает дергаться и потягиваться. Это ведет к увеличению концентрации щелочи в крови, что, вероятно, и вызывает мозговые конвульсии как у неродившегося ребенка, так и у взрослого, введенного в состояние транса или больного эпилепсией. Припадок у ребенка в момент появления на свет может, как и у взрослых, завершиться краткой потерей сознания, которая, вероятно, наступает именно тогда, когда необходимо расслабиться. Сразу же после этого ребенок начинает самостоятельно дышать, а у взрослого минует кризис, припадок прекращается и восстанавливается нормальная мозговая деятельность. Нередко человек спокойно засыпает.

В некоторых западноафриканских языках не существует слов, обозначающих сон. Глагол, означающий «спать», пишется как «наполовину мертвый». Мы говорим «смертельно устал» или «уснул мертвым сном», а многие психоаналитические концепции рассматривают сон и смерть как синонимы бессознательного. Существует ли между ними связь? Люди нередко умирают во сне, однако является ли сон частью процесса умирания? Я сомневаюсь в этом.

Одно время считалось, что в мозгу есть специальный центр, ответственный за бодрствование. Последние исследования показывают, что сон наступает, когда на активирующую ретикулярную систему оказывается одно из двух типов воздействия. В первом случае в другой части мозгового ствола вырабатываются химические вещества, подавляющие его активность так же, как тормоза останавливают автомобиль. Такое активное воздействие вызывает поверхностный ортодоксальный сон. Во втором случае вырабатывается иное химическое вещество, действие которого сравнимо с остановкой автомобиля путем прекращения подачи топлива. Результатом такого пассивного воздействия становится глубокий парадоксальный сон, или сон со сновидениями. Если система, ответственная за поддержание бодрствующего состояния, разрушается из-за ранения или хирургического вмешательства, тело впадает в необратимую кому. Сначала мозговая активность уменьшается до уровня, соответствующего состоянию поверхностного сна или преходящей комы, вызванной эпилептическим припадком, однако вскоре все мозговые волны сходят на нет и человек уже больше никогда не просыпается, превращаясь в «беспомощный, бесчувственный, парализованный сгусток протоплазмы». Иными словами, он становится готом.

Не обнаружено, что мозговая активность изменяется с возрастом. Электроэнцефалограммы восьмидесятилетних людей

выглядят примерно так же, как энцефалограммы сорокалетних. По-видимому, здоровый мозг способен пережить многие органы тела, а убивает его, как правило, разрушение одного из этих органов, лишаящее мозг кислорода. Умиравший мозг спокоен. По мере того как кровь поставляет ему все меньше и меньше кислорода, возникают медленные волны, амплитуда которых сначала увеличивается, а затем постепенно затухает вплоть до момента, когда самописцы электроэнцефалографа начинают рисовать длинные прямые линии. Такое отсутствие реакций происходит при необратимой коме и совершенно не похоже на ритмичную, сложную мозговую активность в процессе сна того или иного типа.

Сон и эпилепсия связаны с умиранием в том смысле, что считаются символами смерти. Фрейд предположил, что эпилептические припадки у Достоевского были суррогатом смерти и вызывались чувством вины, развившимся из-за того, что он желал смерти отца. Возможно, что человек бессознательно притворяется мертвым, пытаясь избежать настоящей смерти. Именно так поступает опоссум и другие животные, реагирующие на стрессовые ситуации отключением от действительности и сном. В своем рассказе о людях, уцелевших после взрыва атомной бомбы в Хиросиме, Роберт Лифтон описывает распространенный феномен психического оцепенения и предполагает, что, стремясь сохранить остатки разума, оставшиеся в живых подвергают себя «обратимой символической смерти, для того чтобы избежать настоящей физической или психической смерти». Все, кто уцелел после концентрационных лагерей, средневековых эпидемий и природных бедствий, вели себя так, как будто их оглушили или ошеломили. Эта нечувствительность, или анестезия, настолько характерна для синдрома, возникающего у переживших бедствие людей, что скорее всего имеет важное значение для выживания. Закрываясь от сил, посягнувших на его окружение, организму порой удается сохранить себя, однако при этом он должен хотя бы частично осознавать происходящее. Узники нацистских лагерей научились не замечать происходящих вокруг ужасных убийств и не реагировать на них, но при этом выработали удивительную способность чутко реагировать на средовые сигналы, позволяющие подготовиться к очередным ударам судьбы. Сочетание жизни и смерти, наличие скрытой чувствительности у кажущихся мертвыми людей являются основным свойством поведения, включающего способность притворяться мертвым и состояния, имитирующего смерть. Это биологическое условие и существенная часть механизма выживания.

Итак, мы напоминаем смертельно раненную певицу, которая, прежде чем навсегда исчезнуть со сцены, успевает искусно исполнить свою партию и даже несколько раз повторить ее «на

бис». Умирание не является быстрым процессом, непосредственно предваряющим клиническую смерть. Оно может быть очень коротким в случае внезапной смерти, но даже тогда у человека могут возникнуть сложные ретроспективные переживания как одно из звеньев в цепи последовательных стадий умирания. Факты свидетельствуют, что умирание — исключительно сложная поведенческая система, которую никак нельзя свести к подготовке к смерти. Оно присутствует на протяжении всей жизни организма, и его составляющие могут даже служить продлению жизни. Теперь мы имеем право определить живые организмы как «умирающие для того, чтобы жить».

Ключ к пониманию природы смешения жизни и смерти лежит в области естественной истории.

Живое возникло из неживого, и до сих пор его выживание зависит от гибели его отдельных частей. Жизнь и смерть неразличимы, однако существует и третье, отличное от них состояние — гота, а также четкая последовательность приводящих к нему событий. Они могут возникнуть в любой момент жизни.

То, что мы называем смертью, является всего лишь изменением состояния, нередко временным и излечимым. У смерти нет клинической, логической или биологической реальности, она существует как искусственное понятие, имеющее смысл лишь в рамках межличностных отношений.

Когда Ромео, увидев в гробу бледную, лишенную признаков жизни Джульетту, решил, что она умерла, она действительно была мертва. То, что позднее она пришла в себя и стала больше походить на живую, чем на мертвую, не аннулирует факта смерти. Когда Джульетта обнаружила безжизненного Ромео, лежащего с ядом в руке, он также был мертв, и его смерть останется в силе даже в том случае, если откуда ни возьмись возникнет расторопный врач, который вовремя сделает ему промывание желудка.

Ошибка Ромео коренится в человеческом сознании.

Часть вторая

РАЗУМ

Показатели смертности у живых равны ста процентам. Каждого из нас когда-нибудь сочтут клинически мертвым, и в каждом обществе есть правила обращения с людьми, находящимися в этом состоянии.

Ашанти из Западной Африки хоронят своих мертвецов на отведенных для этого участках, закапывая их в землю; они кладут их на левый бок, с руками, помещенными под головой. Аборигены тиви из Северной Австралии хоронят умерших, кладя их на землю и засыпая большим холмом, который утрамбовывают во время погребального танца. Бавенда из Южной Африки запирают умерших в их домах и покидают, однако в других местах для мертвых часто строят специальные дома. На Филиппинах их складывают из специальных кирпичей. Ливанские марониты строят дома для мертвых из камня, а на Мадагаскаре употребляют шерсть и кости. Ангольские овимбунду относят мертвецов в пещеры, а горные племена в Индии просто кладут их на выступы скал. Санти-сиу зашивают трупы в шкуру оленя или буйвола и вешают на вершины деревьев. В Ассаме, где деревья встречаются редко, строят особые помосты, в Тибете, где деревьев нет вообще, устраивают «воздушные похороны». Тело рубят на части, мясо отделяют от костей, кости измельчают, и все это в смеси с ячменем скормливают птицам, слетающим на звук рога. В Монголии птицы тоже заменяют кочевнику гроб, и, если стервятники быстро уничтожают тело, оставленное в «уединенном, чистом и достойном месте», это считается хорошим знаком. В некоторых местах предпочитают съедать своих мертвецов, думая, что покоиться в желудке друга лучше, чем в холодной земле. В Новом Южном Уэльсе аборигены поджаривают умерших на медленном огне, пока мясо как следует не прокоптится. На острове Бали мертвых сжигают в специальных башнях, сопровождая процедуру сложной и шумной церемонией. В других частях света тело сжигают в огромных цилиндрах в доме усопшего или в специальных крематориях. На берегах Ганга высятся каменные платформы, на которых индусы, омыв безжизненные тела в реке и умастив их маслом,

разводят погребальные костры. Бывает, что вместо огня используют воду, как в Восточном Тибете, где тело вместе с грузом бросают в реку, или же в древней Скандинавии, где знатных мертвецов пускали в легкой лодке вниз по реке. Иногда останки делят на части, как, например, на Самосире в Тихом океане, где тело помещают в подземный склеп, а череп — в урну на поверхности. Охотники за черепами — асматы держат дома черепа как друзей, так и врагов в качестве украшений.

Каждый из этих способов погребения сопровождается особым ритуалом. В своей всемирно известной книге о похоронных церемониях Хабенштейн пишет: «Нет ни одной группы, какой бы примитивной или цивилизованной она ни была, которая бросила бы тела усопших на произвол судьбы, не совершив над ними никакого обряда». Эта практика необычайно живуча и представляет собой один из самых устойчивых аспектов человеческой культуры. Нередко она открывает нам самые доступные «ископаемые» ушедших времен и прежних мест обитания. Фрезер обнаружил, что аборигены Нового Южного Уэльса хоронят умерших либо в прямом положении на боку, либо скорченными, либо поставленными вертикально, либо помещают их в пустое дерево, которое ставят на помост и покрывают бревнами, либо жарят и едят. Только на основе этих признаков он смог установить происхождение каждой семьи в чрезвычайно пестрой по населению области и выяснить, откуда они пришли. В своем блестящем исследовании Перри установил происхождение различных народностей Индонезии и разобрался в той путанице, которая сегодня присутствует на тринадцати тысячах островов, используя в качестве главного признака способ захоронения. Он обнаружил четкую связь между погребальной позой и местоположением земли предков; например, если жители острова Саву хоронили умерших в сидячем положении и лицом на запад, тогда прародина этого народа обязательно находилась в том же направлении.

Несмотря на многочисленность различных способов захоронения, их всех объединяет одно: в любой погребальной практике присутствует предположение, что смерть не конец, а переход к другому состоянию. В своем исследовании малайской погребальной системы Роберт Херц показывает, что смерть воспринимается не как мгновенное окончательное событие, а как одна из фаз постепенного развития. Малайцы и другие народы считают смерть процессом, начинающимся с первых дней жизни, и эти взгляды находят отражение в действиях их общин. Момент, который мы называем смертью, для них не более чем промежуточное состояние, знак, что телом следует должным образом распорядиться. Малайцы устраивают временные похороны. Кота из Южной Индии кремируют почти все тело, оставляя часть черепа. Настоящие

похороны устраивают позже, убедившись, что душа окончательно решила переселиться. В промежутке между этими церемониями умерший считается присутствующим. В общине кота он сохраняет свою социальную роль до похорон. Если его жена беременеет после его клинической смерти, но до похорон, то умерший считается отцом ребенка, который наследует его имя, клан и имущество. Их общество учитывает отсутствующее у нас различие между смертью и готой.

В нашем обществе принято считать, что смерть — это мгновенное событие. Похороны откладываются на два-три дня только для того, чтобы друзья и родственники умершего успели собраться и сделать необходимые приготовления. Другие культуры не случайно не разделяют наших взглядов на смерть и не определяют ее с такой точностью. Порой мы сами не слишком уверены в своей правоте. То, как в Советском Союзе переносили тело Сталина в зависимости от колебаний официального мнения, прекрасно демонстрирует двойственность нашего отношения к смерти даже в материалистическом обществе. Природа большинства погребальных обрядов свидетельствует о том, что их участники считают умерших еще живыми и стремятся принять некоторые меры предосторожности, чтобы полностью исключить их появление. Погребальный обряд выполняет две функции: во-первых, оставить мертвых живыми, во-вторых, держать их в стороне. Индуистские церемонии кремации призваны главным образом побудить дух умершего отправиться в подобающее ему место. Чтобы умершие не покидали своих могил, египтяне предусмотрительно снабжали их всем необходимым. У индийского племени хопи родственник умершего остается один после похорон у лесной могилы и символически закрывает путь назад в деревню, рисуя на дороге углем поперечные линии. В другом племени в разгар похорон на месте кремации разбивают горшок, и все присутствующие бегут не оглядываясь назад, в деревню. Живые идут одним путем, мертвые — другим. Вероятно, такой ритуал помогает, потому что этому племени никогда не докучают привидения.

Свойственное нашему обществу противопоставление жизни и смерти возникло, очевидно, в средние века. В XIV в. на Европу обрушились страшные бедствия — мор, войны, чума, — которые не знали другие земли и эпохи. Бубонная чума гуляла по Европе, неся с собой кошмарные страдания, беспамятство и смерть для четверти населения Земли; голод покрыл дороги мертвыми телами, узники пожирали друг друга; кочевники и крестоносцы опустошали общины, и без того ослабленные эпидемиями, пожарами и землетрясениями, об остальных заботилась инквизиция. В течение века тема смерти заслонила собой все, сконцентрировав на себе все мысли. Ужасы смерти породили мрачную озабочен-

ность этим предметом. Стремясь подавить страх, философы, художники, писатели, поэты и простые смертные драматизировали и персонифицировали смерть, пока совершенно не свыклись с ее зловещей фигурой. Смерть стала расхожей темой картин, скульптур, карикатур, фольклора и уже не внушала прежнего ужаса. Если бы в обществе существовал запрет на тему смерти, психологическая нагрузка индивида была бы невыносимой, теперь же, оглядевшись вокруг, он мог увидеть отражение собственных страхов. Неотвратимый приговор ждал каждого.

Со временем накал страстей уменьшился, но и сегодня наследие той эпохи живо. Мы все еще рассматриваем смерть как совершенно обособленное, независимое явление, которого нужно бояться и избегать во что бы то ни стало. В нашем обществе страх смерти почти не связан с личным опытом. Большинство из нас никогда не видели мертвого тела. Мы отделили себя от смерти, возложив ответственность за все, что с ней связано, на дипломированных специалистов. Мы не хотим иметь со смертью ничего общего. Когда кто-либо умирает в неподходящий момент и в неподходящем месте, мы испытываем недовольство и даже раздражение. Как ни одно общество в мире, мы попытались вычеркнуть смерть из нашей жизни, но нам удалось лишь создать мировоззрение, полное заблуждений и смутных сомнений.

Достаточно вспомнить хотя бы о том, как в наших средствах массовой информации подаются сообщения о смерти от несчастных случаев. Главное внимание уделяется эффектным деталям авиационных катастроф, пожаров и статистике дорожных происшествий после выходных дней. Отсюда вытекает, что смерть — это то, что происходит «не здесь», что поджидает нас в другом месте, а не то, что мы несем в себе. Нас приучили верить, что на долю несчастных случаев падает значительная часть смертности, однако на самом деле даже в самых развитых странах смерть от несчастных случаев составляет менее пяти процентов. Повышенный интерес к случайной смерти, по-видимому, восполняет недостаток внимания к смерти естественной. Мы намеренно сосредоточиваемся на случайной смерти, происходящей где-то там, в другом месте, и отворачиваемся от неотвратимости готы здесь, внутри каждого из нас. В частности, в Соединенных Штатах смерть стали рассматривать почти как нарушение конституционных прав личности на неприкосновенность и стремление к счастью.

В этом общественном климате отношение многих «примитивных» народов к смерти как к переходному процессу воспринимается с недоумением. Ко всякому, кто верит, что в клинически мертвом теле так или иначе присутствует жизнь, относятся с подозрением, как к религиозному фанатику или наивному ребенку, который наслушался рассказов восточного гуру.

Итак, во второй части книги я рассмотрю вопрос о выживании после смерти, сначала обсудив его биологические возможности, а затем внимательно ознакомившись с фактами, подтверждающими этот феномен.

Глава IV

ЛИЧНОСТЬ И ТЕЛО

Данные психологии, биологии и антропологии наводят нас на мысль, что жизнь и смерть сосуществуют, поддерживая постоянно меняющиеся динамические отношения, разрушающиеся только в том случае, если материя теряет все следы упорядоченности, обеспечивающей их взаимодействие. Это состояние я назвал готой. Состояние, определяемое как клиническая смерть, это всего лишь стрелка указателя, скользящая по шкале жизни, упорно приближаясь к тому полюсу, который обозначает готу. Я думаю, что с развитием техники клиническая смерть в конечном итоге отодвинется к самому краю шкалы и совпадет с готой и тогда многие из ныне существующих противоречий будут автоматически разрешены.

А пока что давайте рассмотрим ту часть шкалы, которая все еще разделяет клиническую смерть и готу, и предварительно условимся для удобства дальнейшего рассуждения, что жизнь в каком-то смысле продолжается и на этом участке. Мы имеем в виду жизнь после клинической смерти.

Никто не оспаривает тот факт, что органическая деятельность тела не заканчивается в момент подписания доктором свидетельства о смерти. Все споры касаются только значения этой деятельности для индивида, которому принадлежало тело, то есть для некой сущности, которую мы обычно называем личностью. Личность можно определить как то, что дает возможность предсказать поведение индивида в конкретной ситуации. Это функция стимулов, порожденных данной ситуацией. Информация, поступающая из любой среды, воспринимается органами чувств и передается в мозг, так что весь спор сводится к вопросу, может ли отдельная личность существовать без такой обратной связи.

Млекопитающие, ведущие ночной образ жизни, как, например, кошки или грызуны, извлекают значительную часть информации об окружающей среде из ощущений, полученных с помощью длинных усиков, каждый из которых присоединяется к специализированной группе мышц и нервных окончаний. Если усики отрезать, животное теряет способность ориентироваться и может даже умереть. Курт Рихтер из Балтиморского исследовательского

центра обнаружил, что крысы с подрезанными усами часто вели себя очень странно. Одна крыса «непрерывно тыкалась носом в углы клетки и в чашку с пищей, ввинчиваясь в обследуемые предметы как штопор. Когда мы через четыре часа ушли из лаборатории, она все еще этим занималась. На следующее утро мы нашли ее мертвой, и даже самое тщательное вскрытие не помогло обнаружить ни причины, ни механизма смерти». Крыса, по-видимому, умерла от шока, лишившись одного из наиболее важных органов чувств и частично потеряв чувствительность.

Изучение человека в условиях частичной потери чувствительности показывает, что нормальное функционирование мозга связано с постоянным возбуждением коры головного мозга сигналами, поступающими из его ствола. А работа последнего зависит, в свою очередь, от постоянного напора информации, поступающей из органов чувств. Создается впечатление, что глаза, нос и уши помимо своей основной задачи обеспечения информацией о внешних образах, звуках и запахах накапливают еще и стимулы, предназначенные для поддержания уровня возбуждения головного мозга. Не так уж важно, что именно они сообщают, пока они продолжают посылать сигналы. Если поток сигналов слишком однообразен или вовсе иссякает, кора головного мозга обнаруживает признаки дезорганизации, и мозг начинает работать аномально. Нарушается восприятие, и меняется сама личность. Меняется длина волн, испускаемых мозгом, искажается мышление, появляются галлюцинации. Проводя долгие часы за рулем, водители грузовиков начинают видеть призраки, например, гигантских красных пауков на ветровом стекле. Пилоты переживают мистические видения полета ангелов. В одиночных камерах у заключенных развивается острая паранойя. Чем меньше стимулируются органы чувств, тем острее симптомы, и говорят даже, что полное пресечение внешней информации приводит к остановке деятельности мозга. Для человеческого выживания необходима меняющаяся среда. Кристофер Верни, долго сидевший в одиночке, заканчивает рассказ о ней словами: «Разнообразие — это не дополнительная острота жизни, это сама ее суть».

Процесс умирания, в ходе которого растущий беспорядок в организме препятствует получению чувственных стимулов, это процесс постоянного сокращения чувственного восприятия. Мы знаем, что отсутствие хотя бы одного органа чувств вредно воздействует на организм. Встает вопрос: как далеко может зайти такое сокращение внешней информации, прежде чем само понятие личности и индивидуальности потеряет смысл? Рассмотрение этой проблемы предполагает прежде всего выяснение той роли, какую играют в определении личности как внешние, так и внутренние физические факторы.

Психологи, работающие с животными в неволе, всегда сталкиваются с разнообразием особей, составляющих любую популяцию. Различия в поведении животных приписывались генетической изменчивости, экспериментальным ошибкам, температуре в лаборатории и фазам луны. Все эти факторы могут влиять и действительно влияют на реакцию животного в предложенной ситуации, но самым важным источником разнообразия окажется, вероятно, неодинаковость прошлого опыта. Сеймур Левин из государственного Университета штата Огайо предпринял попытку выявить роль травм и боли, испытанных в младенчестве, создав для трех групп крыс различные условия. Первую группу каждый день в одно и то же время вынимали из гнезда и помещали в клетку, где они получали электрический шок. Вторая группа также помещалась в клетку, но уже без шока, крыс третьей группы из гнезда не вынимали и вообще не трогали. Исследователь ожидал, что опыт боли повлияет на поведение крыс, подвергавшихся шоку, и искал у взрослых особей следы эмоциональных нарушений. К своему удивлению, он обнаружил, что «странно вели себя» как раз воспитанники третьей группы, которых никогда не трогали. Поведение крыс, подвергшихся шоковому воздействию, никак не отличалось от поведения крыс из второй группы, которых сажали в клетку, но не причиняли боли. С некоторым испугом Левин сообщает, что те крысы, которых не трогали, повзрослев, стали совершенно неуправляемыми. «Эти крысы,— говорит он,— были самыми возбудимыми и злобными из всех, когда-либо попадавших в нашу лабораторию; им ничего не стоило гоняться за нами по комнате, визжать и хватать нас за штанины и обувь».

Такое поведение не покажется «странным» ни одному биологу. Приятно узнать, что по крайней мере одна группа лабораторных крыс похожа на настоящих крыс, а не на заводные игрушки в лабиринте. Однако этот опыт очень ясно показывает, что факторы среды играют очень большую роль в поведении, определяя многое, и уж во всяком случае индивидуальное раскрытие унаследованных возможностей.

Этот эксперимент почти полностью дублируется долговременным исследованием человеческого поведения, проведенным в Масачусетсе. В 1935 г. была обследована большая группа семилетних мальчиков из бедных, часто неблагополучных городских семей. Детей обследовали физически, проверили психологически и расспросили. Священники, учителя, родители и соседи сообщили дополнительную информацию, неоднократно обследовались домашние условия жизни мальчиков. Спустя двадцать лет Джоан и Вильям Маккорды проследили судьбу 253 из них и выяснили их нынешнее положение в свете раннего детского опыта. Многие, теперь уже взрослые мужчины, были осуждены хотя бы однажды

за преступления, связанные с жестокостью, воровством, пьянством, изнасилованием. Сравнение нынешней ситуации с отчетом двадцатилетней давности показало, что образ жизни в семье играл существенную роль в дальнейшей судьбе ребенка, способствуя или препятствуя проявлению антиобщественных и преступных склонностей. Тридцать два процента мальчиков из группы, где семья поддерживала жесткую дисциплину зачастую с помощью физических наказаний, впоследствии были судимы за преступления. Из группы мальчиков, родители которых полагались скорее на словесное неодобрение и дисциплину, основанную на «привязанности», преступниками стали тридцать три процента. Третья группа состояла из детей, полностью отторгнутых родителями и не знавших вообще никакой дисциплины. Она дала впоследствии шестьдесят девять процентов взрослых мужчин, вставших на путь преступления. Точно так же как и в опыте с крысами, не наблюдалось никакого различия между группами, с которыми велась какая-то работа, независимо от ее направленности; зато дети, которых не замечали и которыми не интересовались, резко отличались впоследствии от всех остальных.

Маккорды хотели проверить старую поговорку «яблоко от яблони недалеко падает» и обнаружили, что дети преступников, выросшие в строгой дисциплине, скорее следовали провозглашаемым ценностям, чем действительному поведению отца. Возвращаясь к определению личности как «к тому, что дает возможности предсказать поведение индивида в конкретной ситуации», мы имеем, видимо, право заключить, что ранний социальный опыт глубоко затрагивает способы проявления личности. Личность, хотя бы частично, формируется под влиянием внешних физических факторов.

Она зависит и от химических факторов. Эжен Марэ описывает поведение колонии термитов, которых он наблюдал в момент тревоги за матку. Кусочек глины отлепился от крыши ячейки матки и упал на нее. «Матка реагировала на шок только ритмическими движениями головы, вытягивая и втягивая ее. Рабочие муравьи внутри муравейника немедленно прекратили работу и стали бесцельно бродить небольшими группами... Даже в дальних углах муравейника прекратилась всякая работа. Повсюду собирались большие муравьи-воины и работяги, все страшно возбужденные. Проявилось стремление собираться в группы. Не оставалось никаких сомнений, что испытанное маткой потрясение за несколько минут достигло самых дальних закоулков муравьиного жилища». Повреждение обычного канала коммуникации изменило поведение членов колонии. Известно, что этот канал имеет химическую природу, когда связь и чувство принадлежности к группе поддерживаются социальным гормоном, который выделяется маткой

и доносится до каждого члена колонии изо рта в рот. Если рабочие муравьи забредают в чужую колонию, на них нападают и убивают, но если первой погибает матка, ее муравьи прекращают работу и движутся к соседнему муравейнику, где их охотно принимают. Без химического подкрепления, исходящего от матки, они теряют индивидуальность и становятся анонимными подданными, готовыми присягнуть новой матке и принять новый химический контроль.

Точно так же поддерживается организованность улья. Матка выделяет вещество, которое распределяется демократически, чтобы каждая пчела сосредоточилась на определенной цепочке инстинктивных влечений, ведущих к достижению нужных результатов. Это маточное вещество действует объединяюще, в точности как транквилизаторы, ослабляющие симптомы умственных расстройств и тревогу, тем самым позволяя пациенту направить свои действия к конструктивной цели. Сотни лет экстракт корня сенегги (растения *Rauwolfia serpentina*) использовался в Индии для лечения целого ряда заболеваний, включая эпилепсию и тревожность. В 1953 г. это вещество появилось на Западе в виде лекарства резерпина, действующего как успокаивающее средство, препятствующее гипоталамусу вырабатывать чрезмерное количество возбуждающих веществ. Теперь мы знаем, что химическая структура вещества, производимого маткой, сходна с веществом, контролирующим деятельность гипоталамуса. В организме колонии муравьев или пчел именно матка занимает место мозга, и одна из ее задач — выполнять функции гипоталамуса. Она как бы является отдельной особью, хотя и не может существовать самостоятельно. Удаление ее из колонии равносильно хирургической операции, когда разрезают кожу, чтобы добраться до внутренних органов. Групповая принадлежность является прямым аналогом положения, существующего в нормальном человеческом теле, где гипоталамус контролирует эмоции без внешней помощи. Между внутренними и внешними факторами, управляющими поведением, почти нет функционального различия. Нам пока достаточно иметь в виду, что поведение как выражение индивидуальности и личностного начала находится в большой зависимости от социальных, физических и химических условий, в которые попадает тело.

Гиппократ учил первых греческих студентов-медиков, что темперамент зависит от соотносительного содержания в теле четырех основных жидкостей. Преобладание черной желчи означало меланхолию, желтая желчь давала холерика, избыток слизи превращал человека во флегматика, а крови — в сангвиника. В 1925 г. немецкий психолог Кречмер подновил эту концепцию, разделив людей на хрупких астеников, мускулистых атлетов, пухлых пик-

ников и непоследовательных представителей рода человеческого, относящихся к категории диспластиков. Так же как Гиппократ, он уверял, что не только темперамент, но и умственные расстройства следуют соматическому типу, и относил шизофреников по большей части к астеническому типу, а маниакально-депрессивных пациентов чаще встречал среди пикников. Пятнадцать лет спустя Уильям Шелдон подкрепил эту теорию эмбриологически, отменив диспластиков и выводя три основных соматических типа из трех главных слоев зародыша. Округленный силуэт он назвал эндоморфным, атлетический — мезоморфным, а худощавый — эктоморфным. Как Шелдон, так и Кречмер приравнивали форму тела к особому типу личности. Полнотелые люди считались экстравертами, склонными наслаждаться полнокровной архитектурой стиля рококо, романтической литературой и красочными школами живописи. Худощавые интроверты больше ценили строгую классическую архитектуру, балет, формализм в литературе и абстракционизм в живописи.

Есть что-то привлекательное в установлении таких соответствий. Всем нам знакомы жизнерадостные, толстые, романтически настроенные итальянцы и суровые, угловатые, неприступные шведы. Все дело в том, что мы не знаем, в какой мере эти особенности личности связаны с формой тела, а в какой — с культурными и расовыми стереотипами. Образ поведения человека часто строится в зависимости от ожидания окружающих его людей. Греки считаются страстными любовниками, и они из всех сил стараются поддержать эти представления. Если бы шекспировский Юлий Цезарь не был предубежден против Кассия за его «тощий и голодный вид», возможно, ему в спину воткнулось бы одним ножом меньше.

Хотя «конституционная психология» Шелдона разрабатывалась на основе широких исследований, проводимых в США, где существует множество разных, часто смешанных расовых и физических типов, в той или иной мере оторванных от собственных культур, на основных принципах психологии личности это обстоятельство никак не отразилось. Критика этой теории в основном сводилась к указанию на то, что мы не располагаем данными, позволяющими определить, каков характер влияния формы тела на поведение — чисто физический или опосредованно-социальный. Некоторые вообще не верят, что есть какая-то причинно-следственная связь между данными феноменами, но за последние тридцать лет эта область мало развивалась, и у нас нет ничего, кроме туманной и дразнящей теории.

Сексуальные стереотипы так же распространены, как культурные и расовые. У нас есть достаточные основания считать некоторые личностные различия между мужчинами и женщинами

простым продуктом ролей, навязанных обществом, в котором они живут, хотя есть и чисто биологические основы психологических различий, связанных с полом. Мужчины и женщины различаются каждой клеткой тела. Только у мужчин есть маленькие Y хромосомы, ответственные за развитие по мужскому типу. Если они отсутствуют, развитие идет по женской модели. Но при этом важно помнить, что гены не контролируют поведение, они руководят химическими процессами, которые в конечном итоге приводят к появлению индивидов, различно устроенных и поэтому разное реагирующих на одни и те же ситуации.

Женщины слышат лучше, чем мужчины: их умение распознавать и локализовать звуки превосходит возможности мужчины во всех возрастных категориях. Мужчины в свою очередь лучше видят. Эти половые различия не являются благоприобретенными, они присутствуют с самого начала. Психолог, старавшийся научить младенцев четырнадцати недель от роду смотреть на предмет, обнаружил, что ему удавалось выполнить свое намерение, когда он использовал в качестве подкрепления звуки для девочек и свет для мальчиков. В дальнейшем эти различия сказываются в том, что девочки начинают говорить раньше мальчиков. Они отчетливее произносят звуки, усваивают письмо и орфографию быстрее и легче, их словарь обширнее, чем у мальчиков того же возраста. Мальчики же лучше ориентируются в пространстве. Их визуальные способности проявляются в такой деятельности, как метание в цель, расположение объектов по определенной схеме и точное чувство направления. Эволюционное значение таких различий очевидно. Продолжительная несамостоятельность человеческого младенца означает, что женщина оказывается привязанной к ребенку на несколько лет, и она в значительной мере рассчитывает на умение общаться. Мужчина, вообще более сильный и проворный, сохранял свободу передвижения, поэтому ему предназначалась роль охотника, а хорошее зрение и способность ориентироваться на местности являются безусловными преимуществами на этом поприще.

В ходе человеческой эволюции биологические и культурные факторы совместными усилиями установили существенное различие полов. Маленькая хромосома начала цепочку реакций, на концах которой возникли две совершенно различные структуры личности. Этолог Корин Хат представляет эти различия следующим образом: «Мужчина физически сильнее, но менее гибок, более независим, агрессивен, склонен к риску, честолюбив, ему свойствен дух соревновательности в большей мере, чем женщине, он обладает лучшими пространственными, числовыми и механическими способностями, склонен строить мир в терминах объектов, идей и теорий. Женщина с самого начала обладает теми

сенсорными способностями, которые облегчают межличностное общение. Она быстрее созревает физически и психологически, она изысканно и умело пользуется языком, она воспитаннее, дружелюбнее и последовательнее мужчины, она склонна строить мир в терминах личностных, нравственных и эстетических ценностей».

Юнцы макак-резусов чаще, чем их ровесницы, угрожают друг другу, затевают грубые подвижные игры. Самки предпочитают сидеть спокойно, ухаживая друг за другом и отворачиваясь в напряженной позе, когда к ним пытаются приблизиться. Хэрри Харлоу из Висконсинского университета обнаружил, что младенцы обезьян демонстрируют типичные черты мужской и женской форм поведения, даже если их воспитывать в изоляции от сородичей с проволочным чучелом вместо матери. Исследователь приходит к такому выводу: «Очень трудно поверить, что эти различия носят культурный характер, и невозможно представить, каким образом наши неодушевленные поддельные матери могли бы передавать культурные навыки своим детенышам».

Теперь ясно, что существуют биологические детерминанты, действующие на всех стадиях развития и определяющие различия в способностях и личностных характеристиках мужских и женских особей. Споры о том, какая модель хуже или лучше, какой пол развитее, не имеют отношения к проблеме, и их решение полностью зависит от того, что сравнивается и кем. Анализируя проблему мужского и женского полов, мы с уверенностью можем сказать лишь одно: они различны.

Не приходится сомневаться, что личностные и психологические различия имеют биологическую основу. Они частично определяются конкретными генетическими факторами, а частично — теми факторами окружающей среды, которые воздействуют на развитие индивида. Процесс развития личности включает отбор определенных факторов окружающей среды и характерное для данного пола толкование. Личность развивается подобно кристаллу, чья уникальная структура постепенно формируется из содержащего его раствора. Из такого сложного раствора, как морская вода, образуется много кристаллов, но их состав ограничивается теми типами молекул, которые встречаются в этой среде. Любое изменение окружения непосредственно отразится на материи, которая из него рождается. Даже полностью развитая личность может резко измениться под воздействием чисто физических функциональных расстройств или химического препарата, влияющего на физиологические процессы, связанные с сохранением личности. Исследования возрастных изменений личности показывают, что хотя некоторые из них, скажем чрезмерная недоверчивость или осторожность, являются прямым следствием физической

слабости, но есть и более тонкие изменения, например уход в себя или снижение эмоциональности, дающие основания предполагать, что физиологическое старение сопровождается параллельным процессом психологических изменений.

Все приведенные рассуждения наводят на мысль, что личность коренится в теле, и поэтому трудно поверить, что какая-либо черта уникального характера индивида сможет пережить уничтожение тела, от которого она зависит; но мы пока рассмотрели не все свидетельства.

Дин Маттьюз предложил рабочее определение жизни после смерти, имеющее определенный биологический смысл. Его гипотеза такова: «Центр сознания, существовавший до смерти, не прекращает своей деятельности и после нее, сохраняя непрерывность опыта сознания и после смерти, аналогично тому, как это происходит сразу после сна». Это очень ценная идея, поскольку она поднимает проблему непрерывности и напоминает нам, что перерывы сознания случаются с каждым при жизни.

Мы уже рассматривали сон и смерть и то, что их объединяет, но важно помнить, что сведение к минимуму сенсорных стимулов, воздействующих на тело извне, ведет к засыпанию, а резкое уменьшение стимулов, поступающих изнутри тела, вызывает сон без сновидений. После клинической смерти внешние стимулы сводятся к минимуму. Об этом свидетельствует отсутствие электрических сигналов, поступающих от органов чувств в мозг и несущих информацию о внешних стимулах. Внутренние стимулы тоже постепенно ослабевают и вскоре прекращаются совсем, так что складывается впечатление, что сознание во время смерти еще пассивнее, чем во время сна. Насколько мы знаем, центр сознания располагается в коре головного мозга. Натаниель Клейман из Чикагского университета удалял хирургическим путем кору головного мозга собак и обнаружил, что, поправившись после операции, собаки большую часть времени спят без сновидений, но периодически просыпаются, чтобы есть, пить и испражняться, а затем снова засыпают. Сознание и бодрствование не синонимы. Можно бессознательно бодрствовать, и, как показывает анализ сновидений, сознание, безусловно, способно работать во время сна.

Размышляя о внетелесной личности, я, как биолог, убедился, что не способен представить, как такая отвлеченная сущность может испытывать какое-либо переживание. Без органов чувств она должна воспринимать мир как видение, лишенная конечностей, эта сущность способна воздействовать на среду только с помощью психокинеза, отсутствие структур, подающих звуковые, зрительные или обонятельные сигналы, оставляет на ее долю лишь телепатическое общение. С биологической точки зрения эти явления возможны, но они столь резко отличаются от наших

обычных способов взаимодействия со средой, и так велико отличие любого переживания после клинической смерти от тех чувств, которые мы испытываем во время жизни, что у нас вряд ли есть основания считать такой опыт продолжением повседневных ощущений. Если личность продолжает существовать после смерти, то ее характер будет, вероятно, совсем другим, чем у живого существа, он переменится до неузнаваемости. Тот опыт, который мы переживаем во сне,— единственное биологическое сравнение, возможное в настоящий момент.

Во сне бывают ощущения цвета, звука, текстуры, температуры, запаха, вкуса, боли и другие переживания, доступные нашим органам чувств в состоянии бодрствования. В снах мы бегаем и прыгаем, ласкаем и убиваем, пользуясь органами тела, которые кажутся нам в это время столь же реальными, как и днем. Мы встречаем знакомых и посторонних людей и ведем заинтересованные и зачастую очень умные разговоры, и все это только в воображении. Возникает впечатление, что каждый человек располагает всеми необходимыми механизмами для создания подробно разработанных, связных и непрерывных образов без помощи всех тех внешних стимулов, которые образуют основу нормального бодрствующего восприятия. В ситуации сна действуют наши обычные повседневные личности. Хотя на самом деле, если верить интерпретации сновидений у Фрейда, мы испытываем нечто большее, впуская в сознание подсознательные личностные особенности, в дневное время глубоко упрятанные. Таким образом, во время сна поток сознания располагает всем необходимым для того, чтобы личность могла продолжать испытывать внутренне связные переживания без одновременного подкрепления внешней стимуляцией. Этот механизм сам по себе мог бы служить хорошим объяснением полноты жизни и сохранения человеческой личности после клинической смерти, если бы нашлись доказательства его независимости от физиологии тела.

В одном из самых древних толкований сновидений предлагалось считать, что они являются продуктом сигналов, которые внутренние органы продолжают посылать в мозг даже во время сна. Фрейд однажды наелся перед сном соленых анчоусов и сообщил, что ему снилось, как он все время пьет воду. Лабораторные эксперименты показывают, что жужжание или брызги воды в лицо спящего человека часто совпадают с рассказами испытуемых о снящихся самолетах или водопаде, но нет никаких данных, что большинство сновидений возникает таким физиологическим способом. Всякий сон сопровождается невероятным внутренним напряжением. В 1952 г. был проведен опыт, связавший быстрое движение глаз с началом сновидения, и это было первым надежным указанием на переход от обычного сна к сновидению,

но этим физические изменения, разумеется, не ограничиваются. Пульс и дыхание становятся неровными, давление крови превышает нормальный уровень, характерный для состояния бодрствования, увеличивается потребление кислорода, резко поднимается уровень гормонов адреналина и кортизона в крови, температура мозга достигает предельной величины. Горячий мозг является показателем быстрого обращения энергии и встречается в состоянии бодрствования только в периоды ярости или кризиса. По данным измерений, в момент начала сновидения единичная клетка мозга переходит от медленной регулярной разрядки, свойственной состоянию бодрствования или обычного сна, к взрывам неконтролируемой активности. Те физические изменения во время сновидения, которые можно измерить, являются результатом самого процесса сновидения, что явствует из полученных данных.

Пять-шесть раз за ночь каждый из нас проходит через это телесное возбуждение. По-видимому, мы в нем нуждаемся, поскольку лишение сновидений приводит к неоправданному возбуждению и неврозам в состоянии бодрствования. Вильям Деммент и его сотрудники из Станфордского университета несколько лет работали с кошками и обнаружили, что более чем двадцатидневное лишение сновидений приводило кошек в беспокойное и напряженное состояние и, кроме того, наблюдались признаки увеличенной реакции. По чистой случайности одна из этих возбудимых кошек получила слабый электрический шок из-за неисправности записывающего устройства, к которому она была подключена. В обычном случае такой стимул не произвел бы никакого заметного действия, эту же кошку он довел до конвульсий. Мозг, лишенный возможности видеть сны, становится крайне возбудимым, и, если ему вновь позволить спать без внешних вмешательств, он, чтобы восполнить недостачу, впадает в длительный период непрерывных сновидений. После того как закончились конвульсии, станфордская кошка заснула, но мониторы показали, что она видела сновидения не чаще, чем другие, не участвовавшие в эксперименте кошки. Электрический шок, закончившийся конвульсиями, дал, по-видимому, ту разрядку, какую тело обычно получает во время сновидения.

Это поразительное открытие побудило Деммента исследовать картину сна людей до и после электрошоковой терапии. И каждый раз после лечения наблюдалось меньше сновидений, чем до него. Нам кажется, что ураган в мозгу пациента, вызываемый электрическим разрядом, можно прямо сопоставить с бурей, разражающейся во время сновидения. Сон получает значение одной из форм терапии, освобождения из-под психологического контроля и разрядки нервного напряжения, накапливающегося каждый день. Очень силен соблазн сравнить этот тип разрядки с конвульсиями эпилептика.

После припадка большинство эпилептиков засыпает. Многие эпилептики переносят припадки во время сна, но очень редко на стадии быстрого движения глаз. Частота волн на энцефалограмме во время эпилептического припадка напоминает мозг в состоянии активного сновидения, и вспышка света, которая вызывает искусственный припадок, тождественна по частоте волнам, появляющимся в самом начале сновидения. Начинает казаться, что эпилептики по какой-то неизвестной причине лишены сновидений. Состояние сновидения, как и эпилепсия, неизбежно вызывает резкие изменения химии мозга, но до сих пор никто не смог отчетливо указать источник как того, так и другого явления. В приступах «великого безумия» и в горячке сумасшедших видений сна системы тела разгоняются вплоть до пределов выносимости организма. Должна существовать очень серьезная причина подвергать себя такому риску пять раз в сутки.

Мы начинаем видеть сны в очень раннем возрасте. Уже в сумраке матки длинные медленные волны релаксации прерываются напряженными быстрыми волнами сновидения. Новорожденный младенец в основном спит и почти все время находится в состоянии парадоксального сна. Прежде чем появится ортодоксальный сон, нервная система должна достигнуть определенной степени зрелости. Новорожденный котенок проводит половину времени в состоянии бодрствования, ползая с закрытыми глазами и требуя еды, а половину суток спит, видя сны. Он переходит из одного состояния в другое непосредственно, без промежуточного периода ортодоксального сна, который бывает у всех взрослых особей. К концу первого месяца сутки поровну распределяются между бодрствованием, сном и сновидением, затем длительность бодрствования и ортодоксального сна увеличивается. Взрослая кошка, как и человек, двадцать процентов времени, отпущенного на жизнь, спит и видит сны.

У меня нет никаких сомнений, что быстрое движение глаз животного во время сна означает сновидение. Владельцы домашних животных всегда считали, что кошки и собаки, сопящие, скулящие, виляющие хвостом или поднимающие уши во сне, видят сновидения. Но как доказать это? Невозможно же спросить животное, видит оно сны или нет, однако Чарльз Воган из Питтсбургского университета именно так и поступил. Как большинство самых ярких открытий, это наблюдение было случайным и произошло во время экспериментальной проверки реакции макак-резусов на ограничение чувственного восприятия. Обезьян сажали в кресло в модифицированной телефонной будке и наказывали электрическим разрядом всякий раз, когда им не удавалось достаточно быстро нажать рычаг при виде возникающего перед ними на экране образа. Им показывали разные слайды, и макаки

очень успешно нажимали на рычаг, успевая безошибочно использовать его до трех тысяч раз в час. Затем Воган включил стандартный звук падающей воды, вставил подопытным темные контактные линзы и полностью отгородил кабину от всякой внешней стимуляции. Он думал, что в ситуации полной монотонности обезьяны, как и люди, будут видеть галлюцинации и в результате выработанного рефлекса нажимать на рычаг. К сожалению, обезьяны реагировали на монотонность в точности, как люди, — они заснули. Вот тут-то исследователи и были вознаграждены открытием. Обезьяны, как только их глаза стремительно задвигались во сне, стали нажимать на рычаг. Их сновидения длились по нескольку минут, они видели образы, глубоко дышали, раздували ноздри, корчили рожи и издавали различные звуки, нажимая все время на рычаг. Этот же эксперимент проводится сейчас с крысами, кошками и собаками, и в настоящее время проектируются системы со многими рычагами, предназначенными для различных объектов, так что животные скоро расскажут нам о своих снах.

Парадоксальные сны видят только теплокровные позвоночные. Рыбы и рептилии, конечно, тоже спят, но только обычным легким сном. На эволюционной шкале модели сновидения появляются впервые у птиц. До сих пор широко обследовались только голуби и цыплята, и у обоих видов были отмечены короткие вспышки парадоксального сна, длящиеся не дольше пятнадцати секунд. Сновидение отнимает меньше одного процента их жизненного времени, но, возникая, следует привычной модели, характерной для млекопитающих. Все обследования млекопитающих показали, что каждое из них проводит хотя бы часть времени, отведенного на сон, в состоянии сновидения. В этом состоянии мышцы тела менее напряжены, чем при обычном сне, и неудивительно, что хищники могут позволить себе видеть сны чаще и свободнее, чем их жертвы. Сновидение тесно связано с работой мозга, поэтому более длительные периоды сновидения у таких животных видов, как кошки, еноты, обезьяны и люди, по сравнению с овцами и кроликами нельзя считать чистым совпадением. Ведь первые обладают более высоким уровнем сознания и умственной деятельности. Сновидения, вероятно, существенно связаны с развитием и интеграцией сознания.

Одна из теорий, объясняющих сновидение, полагает, что мозг с пользой усваивает события прожитого дня, вновь просмотрев некоторые из них, сравнив их с предыдущим опытом и лишь затем сложив в хранилище памяти. Эта теория хорошо объясняет сновидение как долг по отношению к скопившейся в коре головного мозга разрозненной информации. Нам известны два типа памяти: краткосрочная (с ее помощью мы запоминаем

номера телефонов, пока вертим диск автомата) и долговременная (позволяющая нам запоминать номера навсегда). Мы догадываемся, что перенос значимых отрезков недавнего опыта из областей временного хранения в место хранения долгосрочной информации, где бы оно ни находилось, осуществляется гиппокампусом, выступом в форме рогов оленя в нижней части мозга. Эта структура функционирует все время, но особенно интенсивно — у молодых млекопитающих и во время сновидения.

Несколько лет назад был проведен прекрасный маленький эксперимент с хомяками, показавший, что для закрепления памяти необходимо время. Каждый день хомяков запускали в сложный лабиринт, а после этого они получали электрический разряд. Если электрошок производился через четыре часа после запуска, он не влиял на обучение. Если шок происходил через час, он ухудшал обучение, а через минуту после лабиринта — полностью разрушал долговременное запоминание. Хомяки, получавшие шок сразу же после выполнения задания, должны были начинать прохождение лабиринта каждый день с нуля. Механизм краткосрочной памяти имеет, по-видимому, электрическую природу, которая настолько разрушается другим электрическим стимулом, что не может перейти в долговременную форму. Долгую же память ничем нельзя разрушить. Алкоголики часто не помнят, что они делали два часа тому назад, но зато всегда готовы попотчевать компанию подробными воспоминаниями детских лет. То же самое происходит, когда хомяки получают возможность сначала запомнить лабиринт, а уж потом подвергаются воздействию, останавливающему всякую электрическую активность мозга. Придя в себя, они помнят все повороты и изгибы лабиринта. Заморозка в хирургических целях также не нарушает памяти человека, но, если поврежден гиппокампс, новая долговременная память уже не может сформироваться.

Больных эпилепсией иногда лечат путем хирургического удаления всей височной доли. После операции, разрушающей гиппокампс, показатель умственных способностей пациентов остается неизменным, сохраняется память о прошлом, профессии и родственниках, но новая информация удерживается только на короткое время. Эти люди могут совершенно забыть только что прочитанную и понятую статью, смерть родственника рождает скорбь, но через час все уже забыто, и, если спросить такого человека об умершем родственнике, он ответит, что в прошлый раз тот был вполне здоров. Правда, без гиппокампуса нет припадков, но нет также новых воспоминаний или снов. Здесь мы снова находим подтверждение связи между мозговыми бурями эпилепсии и сновидениями, и на этот раз связи функциональной. Теперь нам нужно понять только одно — где хранится память.

Теории памяти распадаются на два полярных представления, подобно философской проблеме определения слова «река». «Что называется рекой — вода, текущая по руслу, или русло, прорытое водой?» Тот факт, что деятельность мозга может быть приостановлена без ущерба для памяти, дает основания считать, что река остается рекой, даже если высохнет, и, следовательно, те, кто защищает теорию русла, ближе к истине. Если мы упражняем мышцы, то их волокна становятся темнее, а деятельность мозга не приводит к подобному изменению нервных или мозговых клеток. Эксперименты с плоскими червями и крысами показали, что новые навыки приводят к изменению в структуре и распределении ядерных кислот в нервных клетках. Инъекции измененных молекул необученным животным служили, по словам экспериментаторов, способом передачи знания, однако чистота этих опытов до сих пор вызывает сомнения у многих исследователей. Представляется маловероятным, чтобы долговременная память хранилась с помощью химических изменений такого типа. Любая теория, опирающаяся только на статические изменения в отдельной нервной клетке, не может объяснить, почему такая жестко локализованная память не нарушается при обширных повреждениях черепа.

Подвергая электрическому стимулированию мозг, обнаженный во время хирургической операции под местным наркозом, мы наблюдаем различные специфические реакции, но большинство из них носит характер непосредственного ответа, не связанного с прошлым опытом или памятью.

Можно разрушить обширные области мозга, не причинив ущерба ни одному конкретному восприятию. Существуют записи, фиксирующие серьезные повреждения мозга вследствие травм, опухолей, нарушения кровообращения, ранения и старости. Пациенты могут терять способность суждения или обучения, утрачивать физическую чувствительность, возможны глубокие психические изменения, но память о прошлом опыте остается сохранной. Операция на белом веществе головного мозга, означающая отсечение лобных долей, приносит облегчение пациентам, страдающим маниями или галлюцинациями, но при этом никак не затрагивает их памяти. Передняя цингулэктомия (удаление части коры головного мозга) облегчает страдания невротиков, не меняя при этом их воспоминаний. Нет никаких оснований считать, что воспоминания хранятся в каком-то специальном отсеке мозга или в каком-нибудь другом органе тела.

Итак, мы знаем, что личность произрастает на биологической почве, но зависит от индивидуального опыта. Мы знаем, что этот опыт хранится в форме памяти и может вызываться во время сновидения, содействуя полному и независимому самовыражению

личности. Мы знаем, что все млекопитающие способны к такому самовыражению, но ни у одного из них не можем найти никаких физических следов хранилища памяти. Таким образом, современная биологическая наука не может обоснованно оспаривать предположение, что личность как индивидуальный набор воспоминаний может сохраниться и после клинической смерти.

Даже такое скромное предположение ведет к допущению своего рода дуализма. Идея жизни после смерти обретает смысл только тогда, когда каждый организм, способный жить после смерти, воспринимается как единство по крайней мере двух отдельных, но тесно связанных составляющих. Одна компонента — обычное, повседневное тело, другая же состоит из частей совершенно иного порядка, не подлежащих обычному наблюдению. Эта мысль отнюдь не нова. В IV в. до н. э. Платон утверждал, что любая материя имеет соответствие в мире идей. Через две тысячи лет Рене Декарт, анализируя сновидения, пришел к выводу, что «все это могло бы происходить, даже если бы у меня вовсе не было тела». Но он тем не менее чувствовал, что между телом и сновидением есть какая-то связь, и предполагал, что душа размещается в шишковидном теле, крошечной выпуклости мозга, развившейся в процессе эволюции из третьего глаза.

Предпосылка о второй системе, тесно связанной с обычным телом, действительно дает нам ответы на все вопросы, пока не имеющие решения. Организатор, направляющий жизнь и смерть и отделяющий их от готы, должен где-то находиться. Информация, приобретаемая физическим телом или соматической системой, может храниться как составная часть организатора, составляя основу памяти и ее использования. Если такой попутчик действительно существует, то необходимо, я думаю, приписать ему физическую реальность и какое-то место в пространстве, отличающее его от космических химер. Попутчик может решить биологические проблемы только в том случае, если он так тесно связан с нормальной соматической системой, что любые изменения одного из них будут более или менее непосредственно отражаться на другом. Он не обязан детально следовать форме и модели организации тела, достаточно поддерживать с ним ту же связь, какая существует между электромагнитным полем и расположенным в его центре индуктором.

Сложность переживаний во время сновидений свидетельствует, что вторая система способна создать личность, снабженную полным набором опыта, привычек и умений по типу, характерному для данного индивида, однако на настоящий момент у нас нет оснований предполагать, что эта задача осуществима без помощи тела. Воспользовавшись еще одной аналогией из области электричества, скажем, что музыка, передаваемая по радио, существует

как тип модуляций воздуха, но ее нельзя услышать без приемника, настроенного на волну соответствующей длины. Если передатчик разрушен, передаваемая музыка продолжает еще некоторое время нестись в пространстве, пока постепенно не рассеется и не исчезнет окончательно. Изучая проблему жизни после физиологического саботажа в форме клинической смерти, мы думаем прежде всего о продолжительности периода дезинтеграции. Если существует вторая система и если она может жить без первой, то уж, во всяком случае, не бесконечно.

Я использовал опыт сновидений как пример, доказывающий, что личность может испытать некоторую независимость от тела. Состояние тела во время сновидения так необычно и так расходится со всяким другим, нормальным опытом, что в каком-то смысле ассоциируется со второй системой. Младенец почти все время видит сны, недоношенный ребенок отдает им еще больше времени, отсюда можно заключить, что сновидение является основной деятельностью ребенка в утробе матери. Поток сновидческой активности на самых важных этапах развития мозга может оказаться тем механизмом, который наводит первые мосты между двумя системами. Возможно, вторая система так и создается. На более поздних этапах жизни сны могут быть выражением потребности поддерживать связь между системами. То обстоятельство, что лишение возможности видеть сны вызывает распад и потерю памяти и даже может провоцировать эпилептические судороги, является показателем силы этой потребности.

Пока что все наши предположения носят чисто спекулятивный характер. Мы твердо установили лишь следующее: есть полное основание предполагать, что альтернатива или дополнение к нашей соматической системе может иметь эволюционную ценность; биологическая наука не располагает данными, опровергающими возможность существования второй системы.

Глава V

ПРОСВЕТЛЕНИЕ КАК БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Вы можете пересечь звуковой барьер, не трогаясь с места. Это происходит в три этапа: быстро втягиваете воздух, затем, задержав дыхание, перегораживаете поднятым языком рот, увеличивая давление в легких до тех пор, пока воздух не вырвется неожиданно наружу двумя рывками, сначала преодолев барьер в носоглотке, а потом через рот, поверх опустившегося языка. Каждая стадия сопровождается характерным звуком, а вместе все эти «а...а...а», «п...п...п.» и «чхи» составляют один чих. На стадии «п...п...п...» воздух и капельки влаги вырываются через нос

со сверхзвуковой скоростью, доходящей до четырехсот метров в секунду. Любая попытка задержать это стремительное извержение может повредить носовые мембраны и вызвать кровотечение, однако мы подвергаемся этой опасности каждый день из чистой вежливости.

Чихание — дело непростое. Наш обычай прикрывать рот при чихании рукой или платком имеет явно гигиенический смысл: мы ограничиваем распространение гриппа, кори и обычной простуды, но почему тогда каждый наш чих автоматически сопровождается хором ритуальных пожеланий? Этот условный рефлекс мог зародиться во времена частых эпидемий чумы, когда чихание служило первым признаком близкой кончины, и все же привычка произносить заклинание после каждого маленького личного взрыва имеет еще более древнее происхождение. У большинства народов мира существует верование, что чихание либо обнажает душу, либо связано с утратой части душевной субстанции.

Такая тревога может родиться, как и многие другие предрассудки, в результате случайного сопоставления двух совершенно несвязанных обстоятельств. Бихевиорист Б. Ф. Скиннер однажды написал ученый трактат о суевериях у голубей. В этой работе он описывал следующий эксперимент: посаженных в клетку голубей кормили через фиксированные промежутки времени. Выработку конкретного поведения птиц в момент появления корма экспериментаторы предоставили случаю. Одна птица поворачивала головку против часовой стрелки, а другая клевала какую-то точку на стене. Эти реакции подкреплялись появлением еды и в дальнейшем происходили чаще, чем другие случайные действия. В результате они и подкреплялись чаще. Возникла с каждым разом укрепляющаяся связь между этими двумя обстоятельствами, что и привело к развитию ритуального танца в одном случае и столь же формального постукивания — в другом, причем оба голубя вели себя так, как будто между их поведением и поступлением корма существовала прямая причинная зависимость.

Случайные связи событий иногда действительно влекут за собой необычные верования, как, например, у ребенка, который во время прогулки дотрагивался в определенной последовательности до деревьев в парке, потому что однажды он нашел после этого серебряную монетку, но предрассудки этого рода недолговечны. Без дальнейшего подкрепления реакция наступает реже и постепенно затухает. Связь чихания с душой принадлежит к другой категории суеверий. Чихание можно сравнить с поведением голубя, но что тогда соответствует появлению пищи? Убеждение, что вместе с чиханием происходит что-то еще, недостаточно сильное подкрепление и не может объяснить долгую жизнь этого

суеверия. Должно существовать еще какое-то обстоятельство, какое-то реальное событие.

Чихание может быть симптомом инфекции, аллергии, следствием раздражения мембран носа холодным воздухом или пылью, но есть одна ситуация, когда оно вызывается косвенными причинами. Очень многие бурно чихают на яркий свет. На свету глаза увлажняются, слезы текут в носовую полость и могут вызвать чихание, но реакция на свет наступает так быстро, что вышеприведенное объяснение представляется неудовлетворительным. Для африканского племени азанде случайное единичное чихание означает, что кто-то о вас хорошо отзывался, а смысл повторного — кто-то вас обругал. Теперь, когда Дуглас Дин показал, что в теле человека, о котором думают другие люди даже на большом расстоянии, происходят измеримые физиологические изменения, предположения, что при этом горят уши, уже не кажутся такими нелепыми. Может, и неправда, что «правое ухо горит, когда о вас думает мать, а левое — когда вспоминает возлюбленный», но у нас есть все основания полагать, что некоторые мыслительные процессы непосредственно сопровождаются физическими изменениями. Может быть, люди азанде правильно думают, что мощная злая мысль заставляет чихать чаще, чем добрая и приятная.

Тонкая связь между чиханием, светом и эмоциями указывает тем не менее, что это явление находится под контролем той единственной области мозга, которая имеет дело и с тем и с другим. Это шишковидная железа.

Декарт был отнюдь не первым мыслителем, указавшим на этот орган как на вместилище души. Когда три с половиной тысячи лет тому назад появилась ведическая литература, в ней имелось указание на положение высшего источника телесной силы в точке между бровями. Древние индусы основывались на факте, который был открыт западными анатомами только в 1886 г. В тот год появились независимо друг от друга две монографии на немецком и английском языках, доказывающие, что шишковидная железа является на самом деле третьим глазом и развилась из чувствительного к свету места на лбу, которое до сих пор встречается у таких рептилий, как знаменитая туатара в Новой Зеландии. Это похожее на ящерицу животное обладает шишковидным органом, представляющим собой маленькую полость, наружная оболочка которой стала хрусталиком, а внутренняя — сетчаткой, соединенной нервными окончаниями с мозгом через щель в черепе. Полость прикрыта тонким и прозрачным слоем кожи. У таких видов, как туатара, у многих рыб, птиц и мелких млекопитающих шишковидная железа располагается на макушке, но у высших приматов и человека мозг прикрыт корой и шишковидное тело теперь полускрыто в сердцевине черепной коробки. Если бы мы

сохранили слой прозрачной кожи, он оказался бы чуть повыше точки между глазами, как раз там, где в индусских изображениях находится Глаз Света.

Еще пятнадцать лет тому назад мы считали, что шишковидная железа — это бесполезный рудиментарный придаток, доставшийся нам в наследство от рептилий. А в 1959 г. Арон Лернер из Йельского университета обнаружил, что шишковидное тело производит гормон, который он назвал мелатонином, и мы разом изменили свое представление: речь идет уже не о вырождении органа, а о возрождении железы. Сразу же вырос интерес к этому органу, и год спустя стало ясно, что мелатонин производится из серотонина, очень странного вещества, появляющегося в самых неожиданных местах. Его можно найти в финиках, бананах и сливах, но чаще всего в плодах тех сортов диких смоковниц, что разрастаются в огромные раскидистые деревья с воздушными корнями и тянут свои ветви вверх, образуя прекрасные тенистые колоннады. В Африке смоковницы для многих священны и их очень редко срубают. В Индии они известны как «бо», и считается, что как раз под таким деревом сидел (и ел инжир) принц Сиддхартха Гаутама, когда он вдруг понял причины человеческого страдания. После этого просветления его и стали называть Буддой.

Молекула серотонина поразительно похожа на вещество, которое впервые было получено из ржаного зерна, зараженного паразитическим грибом спорыньи, а теперь синтезируется и называется ЛСД (lysergic acid diethylamide). Несмотря на то что с этим знаменитым веществом производилось много опытов, мы до сих пор не совсем понимаем, какое действие оно оказывает на мозг. Согласно наиболее правдоподобной гипотезе, ЛСД — антагонист серотонина и меняет его концентрацию в определенных клетках мозга, вызывая резкие изменения восприятия и понимания. Действие ЛСД часто непредсказуемо, и, как говорил Олдос Хаксли, мы можем попасть и в рай и в ад — все зависит от обстоятельств. У этого наркотика почти нет побочных действий, он лишь провоцирует мозговой взрыв, а направление удара определяется другими факторами. Он, без сомнения, вызывает видения, столь же реальные и разнообразные, как и те, что выпадают на долю любого великого мистика. Хаксли сказал, что теперь «нет смысла долго поститься и усмирять свою плоть бичеванием; при нынешнем состоянии науки всякий взыскующий мистик может обратиться за помощью к специалистам». Возможно, любое просветление связано с деятельностью серотонина и шишковидной железы, осталось только найти комбинацию факторов, обеспечивающих правильную стимуляцию этой системы. «Просветление» очень любопытное слово, ведь свет играет, как нам кажется, огромную роль в явлении трансценденции. Зрительные галлюцинации —

наиболее характерный аспект состояния, вызываемого ЛСД, к тому же, как выяснилось, клетки сетчатки глаза способны функционировать совершенно самостоятельно. Без всякого стимулирования светом они посылают в мозг сигналы, содержащие целую галактику волн разной длины и частоты, хотя в это время и в этом месте их вовсе нет. Мозг «видит» посылаемые цвета и свет точно так же, как видит образы во время сновидений, питаясь информацией. Особое переживание, возникающее как результат глубокой веры, длительного поста или любого другого пути к просветлению, несет то же самое содержание.

Такое состояние называется визионерским, поскольку главную роль в нем играет зрение. Для любого мистического опыта характерно ощущение неожиданного, слепящего, сверкающего света, неземное свечение. Так было с пророком Иезекиилем и с Павлом по дороге в Дамаск, оно же лежало в основе экстатического состояния по Кундалини Йоге, где свет описывался как «сияние десяти миллионов солнц».

Йоги считают, что жизнью управляет змеевидная спираль энергии, которая путешествует по телу вдоль линии, обозначенной жизненными центрами, или чакрами. Большинство центров связано с каким-нибудь органом, а один из самых мощных принадлежит мозгу и расположен, как говорят йоги, в точке между бровями. По-видимому, это шишковидная железа с ее эволюционным происхождением из глаза, и теперь мы получаем биологическую основу постоянного светового сопровождения состояний трансценденции. Йоги говорят: «Медитация — это чудное сияние». Современные биохимические исследования мозга и его гормонов свидетельствуют о том, что светочувствительная шишковидная железа производит еще и вещество, глубоко затрагивающее сферу интеллекта. Она порождает экстаз. Шишковидное тело принимает, видимо, непосредственное участие в визионерстве, шизофренической полифонии, в галлюцинаторных переживаниях наркоманов. Все эти состояния объединяет чувство отстраненности, сознание сдвигается в точку за пределами личного опыта, где кончается разделение на себя и другое, и мир становится сплошным. «Экстаз» происходит от греческого слова, которое буквально означает «стоять снаружи», и похоже, что именно шишковидная железа могла бы стать точкой отторжения, если согласиться, что отделение личности, разума, души или второй системы от тела биологически возможно, а в свете того, что нам уже известно, все труднее с этим спорить.

Мы начали наш полет фантазии с чихания и, добавив всего лишь одно звено к цепочке, сможем вернуться в исходную точку.

Жизненная энергия, которая координирует молекулы живого организма, сцепляя их в упорядоченное и функциональное целое,

называется в индуистской литературе праной. Индусы не считают ее продуктом жизнедеятельности или просто неорганическим природным элементом, вроде кислорода, и все же, по их представлениям, она как-то соединяется с телом через дыхание и прием пищи. Говорят, что лучший способ быстро пополнить прану — заняться пранаямой, которая учит произвольному контролю дыхания: вдох, задержка, выдох в особом режиме. Ритм дыхания жизни 1:4:2, а разрушительный эффект чихания ближе, по моим замерам, к ритму 18:1:2.

Эта подкупающая идея об универсальной жизненно-дыхательной субстанции подводит теоретический фундамент под наше предположение, что жизнь управляется биологическим организатором, но она основана на мистической традиции и не поддается научному анализу. Однако одно недавнее чисто техническое достижение серьезно свидетельствует в пользу существования подобия праны. Деннис Милнер из Бирмингемского университета изобрел аппарат, делающий фотографические снимки в темноте. Он заряжается пленкой, чувствительной не к световым волнам, а к электрическим разрядам. Единичный импульс постоянного тока проходит через фотографируемый объект, находящийся в темноте между двумя стеклянными пластинами. Совершенствуя свой аппарат, Милнер проверял его действие и обнаружил, что снимки получаются даже тогда, когда в темной камере нет никакого объекта. При экспозиции на время он сумел получить фотографии пульсирующих шаров энергии в изящном обрамлении сверкающих нитей, напоминающем узор пляшущих светлячков, хотя на самом деле перед объективом был только чистый сухой воздух.

Полученные снимки вызвали у специалистов подозрение, что речь идет просто о широко известном эффекте «северного сияния при коронном разряде». Это значит, что электрический ток, проходя через воздух, ионизирует его и получаются узоры описанного типа. По уверениям Милнера, все меры предосторожности были приняты, но, желая доказать, что процессы ионизации не имеют никакого отношения к снимкам, он приспособил свой аппарат для работы в вакууме. В безвоздушной камере на пластинах появлялись все те же характерные узоры.

Если фотографии Милнера увеличить, они становятся еще интереснее. Рисунки распадаются на два основных вида: одни представляют собой ореолы силовых линий, сходящихся к маленькому сверкающему ядру, которое соединено с близлежащими ядрами равномерно расходящимися щупальцами. Образуется почти математически правильная модель, напоминающая скелетные волокна на вершине мозгового коралла. Второй рисунок основан на сферах и скоплениях сфер, расположенных по кругу.

как поле, плотно усаженное цветами с круглыми головками. Эти простые основные модели могут соединяться и усложняться, давая почти все формы, известные природе, и Милнер, быть может, сумел впервые зафиксировать силовое поле, определяющее на фундаментальном уровне все существующие формы и функции.

Мистики всегда утверждали, что в природе есть непрерывно действующие невидимые силы, порождающие все разнообразие наблюдаемых явлений. Входя в тело в виде праны, они поддерживают его деятельность. Считается, что эта энергия в своем телесном движении направляется вдоль силовых линий, отмеченных узловыми точками чакр.

Особо чувствительные люди видят чакры как яркие колеса света, быстро вращающиеся против часовой стрелки. Маленькие, всего сантиметр в диаметре, у новорожденного ребенка, они могут вырасти до размера пятнадцатисантиметровых дисков у просветленного взрослого. В любом возрасте, как принято думать, сверкающие вихри расположены прямо на поверхности тела, и их точное местоположение на редкость постоянно, даже когда о нем сообщают несведущие наблюдатели. Я расспрашивал девочку на далеком индонезийском острове, которая, по слухам, обладала необычайной силой. Живя в общине, где никто ничего не знает о классических теориях йоги, ребенок объяснил свое особое видение и точно указал традиционные точки чакры, называя их «огнями». Самая нижняя точка лежит в основании позвоночника, другие — около пупка, а самая верхняя расположена между бровями.

Мы уже предположили связь между верхней чакрой и шишковидной железой, теперь же стоит отметить, что положение других центров также соответствует местонахождению важных производителей гормонов. Яичники и яички расположены у основания позвоночника и пупка, надпочечники — выше почек, вилочковая железа — над сердцем, а щитовидная — на горле. Все эти железы контролируют и регулируют соматические процессы, но при этом мы не знаем никаких систем циркуляции, нервных окончаний или лимфатических сосудов, которые могли прямо соединить эти пункты. Поэтому западная медицина склонна отказывать точкам чакры в какой-либо физической реальности. В восточной же медицине существует система лечения, полностью укладывающаяся в модель праны. Акупунктура предполагает существование в теле человека двенадцати главных каналов, или меридианов, через которые течет энергия. За пять тысяч лет иглоукалыватели кропотливо нанесли на карту положение этих силовых линий и в буквальном смысле накололи более семисот точек на коже в тех местах, где каналы близко подходят к поверхности тела и их можно использовать. Вряд ли меридианы следуют какой-нибудь известной

физиологической модели, но тем не менее они вполне реальны. Июшио Нагахана из японского университета Чайба исследовал пациента, который после удара молнии обрел необычайную чувствительность. Это был крестьянин, горец, не получивший образования, абсолютно невежественный в вопросах иглоукалывания. Когда его укололи в одну из основных точек меридиана, он смог проследить пальцем линию на своем теле, где он чувствовал «отзвук» укола. Все указанные им линии в точности соответствовали традиционным меридианам.

В XIX в. немецкий врач, ничего не знавший об иглоукалывании, обнаружил систему кожных точек, связанных, как он думал, с гомеопатическим лечением. При последующем сравнении эти точки совпали с картой иглоукалывателей. Корейский ученый Ким Бонг Хан не так давно изобрел аппарат, способный измерять мельчайшие изменения сопротивления на поверхности тела. И в этот раз острые градиенты совпали с точками акупунктуры. В Ленинградском институте электроники был усовершенствован «тобископ» — аппарат, регистрирующий плазмopodobные вспышки на коже и способный устанавливать место акупунктурных точек с точностью до одной десятой миллиметра. Эти достижения свидетельствуют о реальности классических меридианов, и теперь любой человек может найти эти ускользающие точки без непременно долгого и изнурительного обучения технике иглоукалывания.

Хироши Мотояма из Токийского института религиозной психологии закончил серию опытов с участием ста практикующих йогов. Он обнаружил, что все они могут порождать необычные неустойчивые ритмы, не имеющие ничего общего с привычным пульсом. Ритмы фиксировались прибором, измеряющим давление крови. Мотояма давал йоговам задание стимулировать различные традиционные чакры и наносил движение новых ритмов на план с помощью специального устройства. Он убедился, что все эти центры лежат по линии меридианов. Число чакр иногда доходило до четырех, и все линии, соединяющие главные точки йоги, в точности соответствовали тому, что сообщают иглоукалыватели, подтверждают приборы.

Нам кажется, что жизненная сила, представленная в йоге как *прана* и в акупунктуре — как *ки*, одно и то же. В западной медицине есть пограничные области, такие, как гомеопатия, натуропатия, остеопатия, где врачи давно придерживаются аналогичных взглядов, связывая здоровье с равновесием тела, когда жизненная сила обуславливает самоизлечение. Лишь очень ортодоксальные аллопаты, основной состав практикующих врачей, которые верят в лечение болезней лекарственными препаратами, противодействующими ее развитию, до сих пор не понимают,

что тело может излечиться само, если ему правильно помочь. Занимаясь только рабочими частями организма, они походят на радиотехников, которые ни разу в жизни не включали приемника. Как музыка, так и жизнь нуждаются в стимулах: жизненная сила обеспечивается пищей и воздухом, а передача музыкальной информации осуществляется посредством радиоволн нужной длины. Прана — это наш эквивалент радиоволн, с помощью которых расчлененная музыка, идущая из отдаленного источника, воссоздается в миллионах других мест. Жизненная сила по данной теории столь же нематериальна, как эфир, но очень важна для упорядочения материи, без которой не может функционировать живой организм. На это уже нельзя закрывать глаза.

Трудно отрицать, что каждый из нас несет в себе скрытую вторую систему, *doppelganger*, которая дополняет хорошо знакомую соматическую. Доказательства ее существования пополняются непрерывно, но нужно еще убедиться, что этот эфирный двойник, этот электрический дух может пережить дезорганизацию телесной материи и продолжать свое существование после клинической смерти.

Люди с ампутированной конечностью иногда чувствуют боль в отрезанной руке или ноге — им кажется, что она на месте. Такое как бы совершенно естественное ощущение получило название иррадиирующей боли. Оно знакомо всем: ударьте локоть — и заболит мизинец, которого вы и не касались. Объяснение существует: боль рождается не в локте и не в мизинце. Боль — это осознание мозгом сигнала, который передается нервами по определенным каналам. В данном случае путь от локтя к мозгу пролегает вдоль локтевого нерва, начиная с мизинца, и через внутреннюю сторону предплечья в спинной мозг. Голова знает только, что импульс родился где-то на этом маршруте, и по привычке всегда интерпретирует его как удар по мизинцу. Она будет думать то же самое и про отрезанный палец.

Не все фантомные боли так легко объяснить. В некоторых случаях боль можно снять прямым внушением под гипнозом. Если человеку со здоровой рукой гипнотизер внушит, что его кисть находится под анестезией, а затем проверит чувствительность с помощью булавки, то граница мертвой и живой зон будет достаточно резкой.

Советские исследователи сделали фотографии, используя аппарат, порождающий поля высокой частоты между двумя электродами. Если в камеру положить лист с дерева, снимок покажет его полные очертания с россыпью светящихся точек, подобных крупному плану Млечного Пути. В живом листе эти узоры все время меняются, а когда он вянет, рисунок постепенно бледнеет, пока не исчезнет совсем. Виктор Адаменко обнаружил, что от све-

жего листа непосредственно перед снимком можно отщипнуть кусочек, а на фотографии сохранится лист целиком со всеми его ребрышками и сосудами, граница же отсутствующей части обозначится меньшей яркостью свечения, напоминая ботаническое привидение. Советские исследователи считают, что воображаемый кусочек листа виден на фотографии благодаря постоянному энергетическому полю, которое они называли биоплазмой,— очень удачным научным псевдонимом праны.

Я обязан добавить, что только один исследователь (Х. Г. Андраде из Бразилии) сумел повторить этот опыт с зеленым привидением. Сам Адаменко под давлением насмешек коллег склонен теперь выдавать этот эксперимент за аберрацию, скажем, двойную экспозицию, но у меня сложилось впечатление, что он сам в аберрацию не верит. Я предвижу усовершенствование аппарата в ближайшие годы, что даст возможность регулярно воспроизводить опыт с листом и перенести его на многие другие живые формы. Это открытие так хорошо укладывается в длинный ряд независимых данных, что мы не вправе просто отбросить его.

Экстрасенсы и сенситивы часто утверждают, что настолько ясно видят ампутированную конечность, что могут описать ее в подробностях. Если это так и если русские исследователи не ошибаются, тогда, по-видимому, жизненная сила, так тесно связанная с живым организмом, способна хотя бы временно выживать в своей первоначальной форме, несмотря на утрату некоторых частей.

Конечной целью нашего исследования является выяснение возможности полного разделения соматической и второй систем во времени, однако исследование возможности их разделения в пространстве может помочь решению главной проблемы. Если две системы способны существовать независимо друг от друга в одно и то же время, тогда вероятность их самостоятельного существования во времени значительно увеличивается.

Институт психофизиологических исследований в Оксфорде некоторое время собирал сообщения о том, что они называли прозрачным и допрозрачным сном. Прозрачным называется такой сон, во время которого человек понимает, что спит. При допрозрачном сне человек не уверен, спит он или бодрствует, и может так и не прийти к правильному решению. Вот одно из хранящихся в институте сообщений: «Я обнаружил, что нахожусь с N (другом рассказчика) в комнате на другом конце коридора. Я рассказал ему о прозрачных снах, которые я только что видел, и вдруг сказал: «Конечно, это тоже сон». — «Может быть. Как знать?» — ответил N с беспомощной улыбкой. «Конечно, это сон, — сказал я и подошел к окну. — Сейчас я полечу». — «Глупо получится, если это не сон», — сказал N, который по-прежнему был спокоен и, казалось, подшучивал надо мной».

Конечно, можно увидеть во сне что угодно, в том числе и пробуждение ото сна. Многим снится, что они просыпаются, лежат в постели, встают, начинают одеваться — и вдруг обнаруживают, что все это сон, что они еще спят. Даже осознание того, что первое пробуждение им приснилось, не служит гарантией истинности второго пробуждения. Бертран Рассел сообщил, что однажды, просыпаясь от наркоза, он испытал «около сотни» ложных пробуждений. Отличить сон от бодрствования непросто, по крайней мере во сне. Те, кому снятся прозрачные сны, не могут довериться своим ощущениям, так как прикосновение, вкус и запах во сне бывают абсолютно реальными. Все, что можно испытать наяву, можно испытать и во сне. В сновидениях события могут осмысленно следовать друг за другом с учетом предшествующего опыта. Во сне можно увидеть, как ты просыпаешься, встаешь, выходишь из дому и делаешь одно за другим обычные ежедневные дела, пока вдруг не возникает сомнение в реальности происходящего. В этот момент человек может вспомнить аналогичные затруднения, возникавшие у других людей, и сравнивать их со своими и все же не быть уверенным в собственном состоянии.

Вы даже можете читать во сне книгу и думать, что все это происходит наяву. Вы спите или уже проснулись? Или же все, что сегодня с вами произошло, — часть сложного сна? На какое-то время подобные вопросы могут вызвать приступ сомнения, но вскоре вы отбрасываете сомнения, потому что уверены, что проснулись. Эта уверенность, которую мы чувствуем на биологическом уровне, настолько несомненна, что не имеет ничего общего с разумом. В одном из сообщений, собранных оксфордским институтом, это чувство очень хорошо передано: «Я думал, как мне узнать, что я действительно проснулся. Меня это часто озадачивало, но все же я уверен, что, когда ты на самом деле проснулся, ты чувствуешь нечто иное. Я не могу четко выразить это различие. Однако мне кажется, что во сне одно из чувств отсутствует, возможно, чувство ответственности». Итак, если вы сомневаетесь, проснулись ли вы на самом деле, то будьте уверены, что вы еще спите.

Эта уверенность превращает допрозрачные сны в прозрачные, принося с собой уверенность в обратном. Вероятно, сновидения отличаются друг от друга, как и от состояния бодрствования, чем-то особенным и трудно уловимым. Несмотря на схожесть чувственного опыта и умственных процессов в состояниях сна и бодрствования, мы можем утверждать, что эти состояния совершенно различны и что личность может с одинаковой легкостью выражать себя в любом из них, но не в обоих одновременно. Когда вы бодрствуете, вы можете вспоминать, как замечательно вылететь из приснившегося вам окна и вольно парить над черепичными

крышами раскинувшейся внизу дереvушки. Когда вы видите прозрачный сон, вы можете помнить, как неприятно водить пальцем по лезвию бритвы, и, возможно, даже попытаетесь сравнить два ощущения. Развитие личности, вероятно, зависит от обоих видов опыта. Когда мы бодрствуем, мы находимся во власти сил, формирующих наше тело и заключенный в нем разум, во сне же, как и в игре, у нас появляется возможность действовать вне этих сил, оказываясь в самых различных обстоятельствах, чтобы затем связать их с другим нашим опытом и построить всеобъемлющее и плодотворное отношение к жизни.

Тот факт, что у младенцев на сновидения падает восемьдесят процентов времени, уходящего на сон, а у стариков — меньше пятнадцати, подтверждает гипотезу о том, что сновидения играют важную роль в интеграции опыта. По-видимому, все содержание снов является производным от ощущений, полученных во время бодрствования. Хелен Келлер, лишившись зрения, слуха и обоняния в результате скарлатины, перенесенной вскоре после рождения, часто видит сны. Сначала это был чисто физический примитивный опыт, например, на нее наваливалось что-то тяжелое. Затем, когда она попала к опытному воспитателю, который подробно описывал ей мир, она начала видеть сны в новом измерении, но все они прочно опирались на единственное чувство, которому она могла доверять. «Однажды во сне я держала в руках жемчужину. У меня нет зрительной памяти о жемчужине. Та, которую я видела во сне, была, вероятно, плодом моего воображения. Это был гладкий, прекрасно сформированный кристалл... роса и пламя, бархатная зелень мха и приглушенная белизна лилий».

Сновидения слепых от рождения не содержат зрительных образов и не сопровождаются быстрым движением глаз, характерным для сновидений зрячих. Один слепой и глухой пациент никогда не слышал о сновидениях, но вспомнил, что однажды проснулся в глубокой печали, вновь пережив потрясение, испытанное им, когда, засунув руку в клетку с жившей у него птицей, он обнаружил ее мертвое тельце.

Связь ощущений, испытанных в состоянии бодрствования, с переживаниями во сне была подтверждена во время наблюдений за сном глухонемого, который обычно общался на языке знаков. Когда ему снилось, что он обычным путем говорит с другими людьми, электромиограф, присоединенный к телу спящего, отметил сильные двигательные токи, однако не в гортани, а в пальцах.

Зависимость сновидений от информации, полученной в состоянии бодрствования, огромна, но не абсолютна. В 1965 г. проведенные австралийскими учеными исследования показали, что люди, которые спали под действием сильных снотворных, могли научиться различать два звука разной высоты, один из которых

сопровождался электрическим шоком. Когда те же два звука воспроизводились уже бодрствующим пациентом, энцефалограф показывал, что их мозг отвечал на шоковый, а не на нейтральный звук. Эта обусловленность давно рекламируется теми, кто продает аппараты для обучения во сне. По данным большинства исследований, обучение сводится в основном к тем периодам, когда учащийся дремлет или находится на грани сна, но, очевидно, на разных стадиях сна восприимчивость меняется.

Засыпая, мы проходим через четыре распознаваемые стадии ортодоксального сна, по мере которых мы засыпаем все крепче. Затем, когда начинается быстрое движение глаз и мы входим в фазу парадоксального сна, внезапно происходят количественные изменения. Мышечный тонус быстро падает, и тело расслабляется, спинальные рефлексы пропадают, и даже храп прекращается. По мере увеличения мозговой активности восприимчивость понижается. По-видимому, наиболее полный уход от физической реальности происходит тогда, когда начинается прозрачный сон. Того, кто видит прозрачный сон, почти невозможно разбудить, и ни один отчет не содержит упоминания о прозрачном сне, включающем в себя внешние стимулы, как это нередко происходит с непрозрачными снами. Когда вы знаете, что спите, вы, вероятно, достигаете самого полного ухода от связанных с телом ограничений.

Есть много сообщений о том, что во сне можно получить информацию, которую нельзя получить другим путем. В Нью-Йорке в Маймонидской лаборатории сна Монтегю Ульман и Станли Крипнер сделали попытку объективно проанализировать эту возможность. Они присоединили испытуемых к обычному электроэнцефалографу и после каждого быстрого движения глаз будили их и спрашивали, какой сон они видели. Пока они этим занимались, третий человек, находящийся в комнате, на другом конце здания, напряженно думал о картине, выбранной наугад из целого собрания картин. Наутро испытуемым показывали все картины и спрашивали, какая из них больше всего напоминает то, что он видел во сне. Было выявлено множество удивительных корреляций. Однажды для проведения опыта была выбрана картина Ороско, изображающая группу мексиканских революционеров, движущихся на темном фоне клубящихся облаков и гор. Один из участников опыта видел во сне «Нью-Мехико», «тяжелые облака и горы» и «колоссальную кинопродукцию». Даже когда связь между сном и картиной была менее очевидна, группа независимых экспертов почти всегда легко находила нужную картину на основании сообщений об увиденных снах.

Этот успех объясняется скорее телепатией, чем пространственным перемещением спящего, однако последние исследования той же лаборатории представляют проблему в новом свете.

В 1969 г. к группе испытуемых присоединился молодой английский физик Мальком Бессент, который увидел во сне «чашу с фруктами», когда по плану стоял натюрморт Коковского «Фрукты и цветы», и «мелкие бассейны» и «изготовление коллажа», когда по плану шел коллаж под названием «Людской суд». Но особенно удивительными эти попадания в цель делает то, что в третьей комнате ночью не было никого, кто думал бы о картинах, а в некоторых случаях картину отбирали только на следующее утро. По-видимому, Бессент не только мог путешествовать в пространстве, покидая свое спящее тело, но и осуществлять отделение во времени. Было бы интересно узнать, видел ли он прозрачные сны, потому что разделение разума и тела можно намеренно контролировать, когда ты понимаешь, что спишь. Один из участников опыта, работавший с оксфордским институтом психофизических исследований, сообщает, что в прозрачном сне можно переместиться куда угодно, просто закрыв глаза и «мысленно сосредоточившись».

Известен старый, но хорошо документированный случай, который иллюстрирует все заключенные в данной ситуации возможности. 3 октября 1863 г. из Ливерпуля вышло паровое судно «Город Лимерик», на борту которого находился владелец мануфактуры из Коннектикута С. Р. Уилмот, направляющийся домой к жене и семье в Соединенные Штаты. Ночью 13 октября Уилмоту приснилось, что его жена вошла в каюту в ночной рубашке, остановилась в нерешительности в дверях, увидев, что там находится еще один пассажир, затем приблизилась, поцеловала его и исчезла. На следующее утро его сосед, по отзывам «сдержанный и очень набожный человек», без всякой видимой причины вдруг перестал с ним разговаривать. После настойчивых попыток выяснить, в чем дело, Уильям Тайт заявил: «Как вы можете позволять себе, чтобы женщина являлась к вам в таком виде». Выяснилось, что, лежа без сна, он наяву видел в точности ту же сцену, что Уилмот во сне. Когда 23 октября судно пришло в Нью-Йорк, жена Уилмота сразу же спросила, не видел ли он ее десять дней назад. Зная о штормах в Атлантике и услышав сообщение о гибели другого судна, она отправилась спать в большой тревоге за жизнь мужа. Ночью она почувствовала, что пересекает бурное море, находит низкий черный корабль, проходит сквозь него, видит на соседней койке глядящего прямо на нее незнакомого человека и на минуту задерживается в дверях, но все же входит, целует мужа и покидает каюту. После расспросов она сумела точно описать особенности каюты.

Этот случай внимательно разбирался сотрудниками Американского общества психических исследований, и у нас нет оснований сомневаться в правдивости участников событий, но тем не менее

вынести о нем суждение век спустя не представляется возможным. Сегодня эта история интересует нас с точки зрения заключенных в ней возможностей. Если все произошло именно так, как описано, тогда Уилмот и его жена имели во сне общий опыт, при этом сохранив собственную индивидуальность, во сне они видели и чувствовали то же, что чувствовали бы и наяву, в обычной жизни. Но самое удивительное, что бодрствующий Тайт также принимал участие в этом событии, имея собственную точку зрения. Из того факта, что он, вероятно, видел — и впоследствии мог описать — жену Уилмота, следует, что энергетическое тело, которое мы постулировали ранее, скорее всего сохраняет свою узнаваемую форму, даже после отделения от своего физического двойника.

Тут мы оказываемся в самом сердце мрачного мира призраков, где у науки почти нет шансов выбраться из тумана неопределенности. Я сожалею об этом. На основании того, что мне известно, я верю, что внетелесный опыт является объективной реальностью и может стать предметом анализа, однако поиски необходимой информации осложняются случайной природой этих фактов.

Я также могу внести свою лепту в эту неопределенность. Когда я охотился в Кении, машину нашей группы занесло на пыльной, заросшей кустами дороге, и она опрокинулась. Она перевернулась дважды или трижды, пока не остановилась на самом краю глубокого оврага, на дне которого было высохшее русло. Я обнаружил, что нахожусь снаружи маленького автобуса и вижу голову и плечи молодого парня из нашей партии, которого наполовину выбросило через брезентовую крышу на последнем обороте, и он обязательно был бы расплюснут, наклонись автобус еще немного, что, казалось, было неизбежно. Затем без всякой паузы я очнулся на переднем сиденье автобуса, стряхнул красную пыль с глаз, вылез в окно и бросился помогать мальчишке освободиться, прежде чем автобус окончательно рухнет на бок. Я живо помню все подробности, «увиденные» мной, пока я был без сознания, и у меня не возникает ни малейшего сомнения, что я смотрел на эту сцену, находясь на расстоянии от своего тела, но даже личный опыт такого рода не поддается ясному научному объяснению.

Проблема ждет своего решения, и мне кажется, что сделать это можно, лишь сведя всю ситуацию к первичным биологическим составляющим. Это упрощает задачу, однако, как вы увидите, все эти усилия пока напоминают решение головоломки, когда ты составляешь из кусочков неизвестную картину и при этом одна половина фрагментов отсутствует, а другая либо вызывает сомнение, либо все время меняет свои очертания.

РАЗЪЕДИНЕНИЕ ТЕЛА И РАЗУМА

Возьмите оплодотворенное яйцо саламандры. Пусть оно развивается до тех пор, пока не станет похожим на крохотное земноводное, затем разрежьте желеобразную оболочку, извлеките эмбрион и поместите в соляной раствор. Через пять минут сложный единый организм станет горсткой отдельных клеток.

Щелочная среда разрушает связь между клетками различной формы, превращая их в одинаковые крохотные шарики, лишенные будущего. Если некоторые из этих погибших клеток вернуть в нормальную кислотную среду, они собьются в комок, вцепившись друг в друга с такой силой, что получится шар. Пробыв некоторое время в состоянии неупорядоченной связи, клетки частично восстанавливают прежние качества и производят перегруппировку, стремясь к клеткам, ранее принадлежавшим к их виду ткани. Успех этой перегруппировки и последующее развитие прямо зависят от количества клеток, взятых из прежней горстки. Если их слишком мало или некоторые виды клеток вообще отсутствуют, у культуры происходит разрушение образца, она постепенно теряет свой изначальный характер, погружаясь в полную анонимность. Но если все части эмбриона адекватно представлены, клеткам удастся вернуть прежнюю форму и, выполняя коллективный замысел, стать саламандрой.

Теоретически каждая отдельная клетка располагает всей необходимой генетической информацией, чтобы превратиться в жизнеспособное взрослое существо. Из единичной клетки удалось вырастить растения моркови и табака, однако у более сложных животных для осуществления этого проекта, по-видимому, требуются дополнительные факторы, связанные с присутствием определенного количества одинаковых клеток. Целое не сводится к сумме частей, и дополнительное требование общности, возможно, и является неуловимой третьей системой.

По мнению покойного Гарольда Барра из Йельского университета, роль невидимого организатора выполняет электродинамическое поле. Объясняя принцип его действия, он проводил аналогию с магнитом: «Если железные опилки разбросать на поверхности, под которой находится магнит, они расположатся по рисунку «силовых линий» магнита. А если старые опилки стряхнуть и насыпать новые, они повторят тот же рисунок, что и старые». Вполне вероятно, что нечто подобное происходит в теле саламандры или человека. Компоненты даже самого сложного организма постоянно удаляются и заменяются новыми, взятыми из окружающей среды. Гипотезе о контролирующем поле еще предстоит

долгий путь, прежде чем будет разрешена одна из старейших биологических проблем: каким образом новые клетки могут выполнять те же функции и располагаться в соответствии с теми же образцами, что и старые. Жизненное поле могло бы также объяснить, почему нам никак не удается четко разделить жизнь от смерти. Вероятно, пока существует подобное поле, то, каким бы слабым оно ни было, клиническая смерть обратима; жизнь уступает место готе только тогда, когда жизненное поле исчезает окончательно.

По словам Барра, «традиционные современные представления о том, что структуру и организацию организма определяют химические элементы, не могут объяснить сохранение определенного структурного постоянства в условиях непрерывного метаболизма и химических изменений».

Его озабоченность отсутствием адекватного объяснения стабильности и непрерывности жизни привела к созданию теории электродинамического поля. Впервые оно было описано в 1935 г. как поле, «которое частично определяется его атомными физико-химическими компонентами, а частично определяет поведение и ориентацию этих компонентов».

В течение почти сорока лет Барр до последних дней не видел оснований менять это определение, и, я думаю, он был бы приятно удивлен, прочтя недавно вышедшую работу о поведении энзимов, сближающую его теорию с современными представлениями.

Энзимы, являясь катализаторами, играют чрезвычайно важную роль в теории Барра (организатора, который отвечает за расположение образцов живой материи, сам при этом не меняясь). Одна молекула энзима в секунду может взаимодействовать с пятьюдесятью тысячами молекул субстрата, внося в них изменения и выходя из этого биологического водоворота невредимой, чтобы начать все сначала. К тому же молекулы энзимов имеют особую, сложную форму, не соответствующую форме большинства других молекул. Одна из проблем, с которыми сталкивались ученые, пытающиеся разобраться в сложной роли энзимов, сводилась к тому, как такие жесткие структуры приспособляются к изменениям окружающей среды. Этот вопрос, несомненно, тревожил Барра, однако теперь его решение найдено. Дэниел Кошланд показал, что структура молекулы энзима вовсе не является жесткой, а способна принимать форму других химических веществ, подобно резиновой перчатке, плотно охватывающей любую руку.

Это значительно упрощает процесс, потому что по форме молекула белка гораздо сложнее молекулы энзима. Ее очертания напоминают огромную паутину, накинутую на густую поросль мелких веточек и покрытую каплями росы, однако и здесь действует тот же принцип, а всем процессом управляет электрическое взаимодействие. Поля двух реакторов накладываются друг на

друга, а их противоположные заряды стремятся к взаимно притягивающим частям обеих структур; затем замок энзима приводится в соответствие с ключом субстрата, принимая соответствующую форму путем распределения притягивающихся зарядов. Здесь на критическом уровне организации жизни обнаружено контролирующее поле, достаточно жесткое, чтобы сохраняться в прежнем виде, и достаточно гибкое, чтобы соответствовать постоянным изменениям живой системы. Барр справедливо назвал его электродинамическим.

Разработав достаточно чувствительный прибор для измерения электрического потенциала даже у мельчайших организмов, Барр сразу же приступил к программе исследований, чтобы выяснить, универсальны ли эти поля и обладают ли они какими-либо отличительными свойствами. За сорок лет исследований Барр и его сотрудники бесспорно установили, что человек, а также любое другое исследованное ими животное или растение обладают электрическим полем, которое можно измерить даже на некотором расстоянии от тела и которое отражает, а возможно, и контролирует происходящие в организме изменения.

Одним из первых объектов опыта была саламандра. Любая взрослая особь этих земноводных обладает расположенным вдоль тела электрическим полем с положительным и отрицательным полюсами. Эта полярность, которую можно измерить в воде на небольшом расстоянии от тела, присутствует у молодой саламандры и даже у эмбриона. В сущности, это неудивительно. Можно ожидать, что организм с двусторонней симметрией будет обладать полем того же вида, с различающимися головой и хвостом. Барр продолжал следить за развитием электрического поля у эмбриона и, к своему удивлению, обнаружил его присутствие даже в неоплодотворенном яйце. Это на самом деле было неожиданностью. Полярность присутствовала даже у простых желеобразных икринок, только что отложенных саламандрой. Барр пометил точку, где было заметное падение напряжения, голубой краской и обнаружил, что после оплодотворения в растущем яйце голова саламандры была всегда против этой точки. Иными словами, клетки эмбриона располагались в соответствии с той формой электрического поля, которая присутствовала еще до его зарождения.

Неоплодотворенное яйцо является единичной клеткой, которая еще не приобрела никаких собственных качеств и отличается от обычной тканевой клетки лишь тем, что обладает половиной обычного числа хромосом. Как и все клетки, оно состоит главным образом из протеина, включая сюда и энзимы. Мы знаем, что энзим — это электрический аппарат, генерирующий поле, поэтому можно предполагать, что поле яйца создают либо сами энзимы, либо их действие на другой белок клетки. Но как бы ни возникало поле,

ясно, что, если оно является организатором, контролирующим порядок развития на протяжении всей жизни организма, тогда оно полностью создано женщиной. Мы наследуем половину генетического материала от каждого из родителей, однако приказ выполнить запечатанные инструкции может исходить только от наших матерей.

Вероятно, происходит следующее: пока эмбрион делится и растет, каждая из новых клеток находит свою часть образца поля и воспроизводит ее, так что, действуя сообща, клетки образуют точный увеличенный вариант оригинала. Тогда понятно, почему изолированные клетки не способны самостоятельно развиваться, пока не завершится формирование плода; однако у нас остается нерешенной проблема растения табака, полученного из единственной клетки. Возможно, к этому способны все организмы с вегетативным бесполом размножением, так как у них любая клетка имеет собственное полное поле, как у первых простейших одноклеточных. Все это останется одними домыслами, пока не будет сконструирован достаточно чувствительный прибор, способный отличать частичное жизненное поле от полного.

Воздействие жизненных полей на интерпретацию, содержащихся в хромосомах данных, не идет в одном направлении. Другие опыты Барра показывают, что хромосомы могут использовать жизненные поля для передачи или изменения замысла организации протоплазмы. Он исследовал несколько чистых и гибридных линий кукурузы, производя измерения только у отдельных зерен, и обнаружил значительные изменения потенциала. Один гибрид отличался от родительского растения единственным геном, но этого оказалось достаточно, чтобы образец напряжения поля значительно изменился. С помощью своего оборудования Барр мог отличить одну линию кукурузы от другой задолго до того, как эти изменения можно было увидеть.

Впоследствии Барр и его коллеги стали исследовать изменения жизненного поля, вызванные изменениями в организме, генерирующем эти поля. Они научились использовать поле как основной симптом, по которому можно определять состояние здоровья, предсказывать болезнь, следить за заживлением раны, точно устанавливать момент овуляции, ставить диагноз психической травмы и даже измерять глубину гипноза. Как это ни парадоксально, но они не пытались использовать поле как средство определения момента прекращения жизни. В эксперименте над колонией морских полипов *Obelia geniculata* Барр заметил, что в течение первой трети их жизни градиенты электрического напряжения устойчиво возрастали; в течение второй трети они выравнивались, оставаясь постоянно довольно высокими; а в последней трети наблюдался их спад. Отсюда следует, что с полным исчезновением поля жизнь

организма прекращается, но, к сожалению, в момент клинической смерти человека или животных измерений поля не производилось. Тем не менее то, что нам известно о жизненном поле и более простых физических полях, проливает некоторый свет на возможность отделения поля от его источника, по меньшей мере пока последний еще жив.

Земля обладает магнитным полем. Это поле меняется под действием Луны, Солнца и других космических факторов. Английский физик-экспериментатор Майкл Фарадей открыл, что изменения магнитного поля сопровождаются возникновением электрического поля, а его шотландский коллега Джеймс Максвелл доказал, что справедливо и обратное и что в результате взаимодействия двух полей возникают электромагнитные волны, распространяющиеся на значительное расстояние. Теперь, когда Барр доказал, что живые организмы обладают электрическим полем, которое, в свою очередь, меняется под воздействием внешних и внутренних факторов, есть все основания предполагать, что мы также способны воздействовать на поле на расстоянии. В Саскачеванском университете был разработан чувствительный детектор, который на расстоянии двенадцати футов мог измерить изменение силы поля, сопровождающее смену эмоций у человека, генерирующего это поле. От живых организмов исходят не только электромагнитные волны, но, по-видимому, все эманации подчиняются одним и тем же основным законам и не содержат ничего такого, что исключало бы возможность пространственного разделения тела и его поля.

Большую часть информации мы получаем через электромагнитные световые волны и высокочастотные волны радио и телевидения, однако не все сообщения так пассивны. В мутных водах африканских рек длинная и тонкая рыба мормирид получает информацию об окружающей среде, выпуская в пространство симметричное электрическое поле. Если что-либо попадет в это поле, вызвав его искажение, то рыба почувствует изменение электрических потенциалов у себя на коже. Органы чувств мормирида, имеющего крошечные глазки и висячий слоновий хоботок, незримо распространяются на некоторое расстояние от тела. Отсюда с неизбежностью следует вывод: каждый раз, когда эта забавная рыбка пользуется этой системой, она имеет внетелесный опыт. И, может быть, не только она.

Врач военно-воздушных сил Великобритании потерпел аварию при взлете с маленького сельского аэродрома. Он был выброшен из кабины, упал на спину и лежал без всяких признаков жизни. Из ложбины, в которой он оказался после аварии, здания аэродрома не видны, но тем не менее доктор ясно видел все этапы спасательной операции. Он вспоминает, что глядел на аварию с высоты около двухсот футов и видел свое тело, лежащее поблизости.

Глядя, как бригадир и уцелевший пилот бежали к его телу, он недоумевал, зачем им это нужно, желая, чтобы его оставили в покое. Он видел, как из ангара выехала машина «скорой помощи» и сразу же заглохла. Он видел, как водитель вылез, завел машину ручкой, вскочил в кабину, проехал немного и притормозил, чтобы захватить на заднее сиденье санитар. Он наблюдал, как «скорая» остановилась возле госпиталя, где санитар что-то забрал, а затем двинулась к месту катастрофы. Тогда еще не пришедший в сознание доктор почувствовал, что удаляется от аэродрома, пролетает над Корнуоллом и с огромной скоростью несется над Атлантикой. Внезапно путешествие окончилось, и он, очнувшись, увидел, как санитар дает ему раствор нюхательной соли. Позднейшее расследование обстоятельств аварии показало полное соответствие всех деталей рассказа действительным событиям.

Конечно, это не единственный случай. Уильям Вордсворд, Эмили Бронте, Джордж Элиот, Джордж Мередит, лорд Теннисон, Арнолд Беннет, Д. Г. Лоренс, Бернард Бернсон, Артур Кестлер и Эрнест Хемингуэй — все они описали подобные случаи, в основном из собственной биографии. В проведенном Селией Грин исследовании отмечается, что тридцать четыре процента учащихся последних курсов Оксфорда испытывали ощущение, что смотрят на свое тело со стороны. Из многих тысяч сообщений о внетелесном опыте я выбрал случай с летающим доктором только потому, что он содержит множество подробностей, которые легко проверить и которые сам рассказчик не мог увидеть никаким обычным способом или чужими глазами. Полет на сотни миль над Корнуоллом — нечто совсем иное, чем осторожная разведка на два фута в мутной воде, однако механизм этих явлений, в сущности, должен быть одним и тем же. Почти наверняка мы используем наше жизненное поле, чтобы «почувствовать» что-либо в нашем непосредственном окружении; значительная часть наших оценок характера и намерений других людей основана, вероятно, на информации, полученной этим способом. По-видимому, проекция на большие расстояния происходит в тех обстоятельствах, когда мы способны на отделение нашего жизненного поля от тела. Обычно спонтанный внетелесный опыт имеет место во время несчастных случаев или болезни, под действием наркотиков или обезболивающих, во сне или в полусне. Несколько случаев сознательной или волевой проекции имели место под гипнозом или предварительно требовали выполнения расслабляющих упражнений, вроде тех, что применяются при медитации или в йоге.

Анализ многочисленных случаев внетелесного опыта показывает, что, несмотря на различное происхождение, они имеют много общего. Авторы большинства сообщений способны точно указать, где расположена новая выгодная позиция: обычно над

телом, а если действие происходит в помещении, то в верхнем углу. Почти все неожиданно обнаруживают, что находятся вне тела, не ощущая никакого перехода между двумя состояниями; однако этот процесс, по-видимому, следовал за падением мышечного тонуса, вроде того, что происходит во время сна. Многие бестелесные субъекты видели собственное тело и, если это был их первый опыт, лишь потом понимали, что произошло. Обычная реакция на нахождение вне тела довольно любопытна: большинство сообщают о приятных ощущениях и нежелании вернуться в тело. Несколько человек, обнаружив, что находятся вне тела, ухитрялись отправиться навестить друзей или раздобыть какую-либо информацию, как это случается в прозрачном сне, когда спящий понимает, что видит сон и способен влиять на ход событий.

Мне нетрудно поверить, что мы способны воспринимать окружающую среду иным путем, чем тот, который связан с традиционными пятью органами чувств, однако меня удивляет, что наш внетелесный взгляд на мир ничем не отличается от обычного. Возможно, наш мозг способен расшифровывать всю поступающую информацию, переводя ее в знакомые нам формы, подобно радару, который, преобразуя электрические сигналы в изображение на экране, позволяет нам «видеть» в тумане. Значительная часть увиденного нами с помощью глаз так или иначе создается воображением, ибо оптические качества человеческого глаза крайне низки. Образ, проецируемый на сетчатку, теряет четкость по ее краям и расплывается в радужные пятна, но все эти дефекты корректируются мозгом. В Инсбрукском университете бедняги студенты неделями носили очки с призматическими линзами, из-за которых они не только очутились в резиновом мире без единой прямой линии, но и постоянно сталкивались с эффектом качающегося стула, так как линзы при каждом движении глаз или повороте головы расширяли зрительный образ. Поначалу это крайне утомляет, но через несколько дней мозг, привыкнув к новым сигналам, вновь создает мысленный образ с прямыми устойчивыми линиями.

Гремучие змеи и горные гадюки при помощи впадин, которые наподобие скрытых фар расположены между ноздрями и глазами, способны находить жертву в полной темноте. Каждая из этих впадин состоит из ста пятидесяти тысяч клеток, улавливающих тепловое излучение, в данном случае излучение тела мыши; размеры, форма и другие черты облика мыши воссоздаются с такой точностью, что змея никогда не промахивается и никогда не путает мышь с мангустом. Змея, которая знает, как выглядит ее жертва, и иногда охотится только с помощью зрения, может во время ночной охоты вызывать в воображении зрительный образ жертвы с помощью альтернативной теплочувствительной системы.

И все же в сообщениях о внетелесном опыте часто упоминается одна деталь, не имеющая эквивалента в нашем обычном визуальном мире. Ее описывают как «эластичную струну», «серебряный шнур», «световую спираль», «тонкую светящуюся ленту», «дымчатую нить». Интересно, что эту струну описывают, в сущности, одними и теми же словами врачи, водопроводчики, музыканты, фермеры и рыбаки, где бы они ни находились — во Флориде или Латвии, тем более что многие из них никогда не слышали об астральных путешествиях. Южноафриканский психиатр сообщает о внетелесном опыте жителей Басуто, до этого никогда не слыхавших о серебряной нити, которую они видели. Вряд ли культурные артефакты как-нибудь влияют на подобные сообщения. В некоторых рассказах говорится, что серебряная нить, подобно пуповине, соединяет лоб соматической системы с шеей и плечами бесплотного существа. Как утверждает мистическая традиция, веревку ни в коем случае нельзя повреждать, иначе две системы навсегда разъединятся и тело погибнет. Любопытно, что светящаяся нить выходит из области шишковидной железы и, как бы нематериальна она ни была, она наводит на мысль о связи между двумя системами даже таких не склонных к мистике ученых, как я. Вероятно, именно с нее следует начать определение внетелесного существа в физических терминах.

Насколько я знаю, одна из первых лабораторных попыток отделить призрак от живого тела была предпринята в начале века французским первооткрывателем Эктором Дюрвилем. Он разыскал человека, утверждавшего, что может по желанию переносить свое астральное тело куда угодно, и убедил его принять участие в физическом подтверждении этого факта. Объекту исследования удалось затуманить фотопластинки, постучать по столу, стоявшему на другом конце комнаты, и вызвать более яркое свечение экранов, покрытых сульфатом кальция. В основе этих феноменов, напоминающих проделки домовых, может лежать психогенез, от этого они несколько не проигрывают, но сами по себе не могут служить доказательством разъединения личности и тела. Тем не менее они являются еще одним свидетельством в пользу того, что все психокинетические феномены всегда происходят вне тела, как утверждают те, кто обладает редчайшим даром воздействовать на материю одним усилием разума. Трудно сказать, какой из этих феноменов более вероятен.

И тот и другой требуют дальнейшего исследования. Сегодня мы знаем нескольких людей, практикующих психогенез, которые могут и хотят применить свои таланты, я знаю по меньшей мере двух экстрасенсов, утверждающих, что могут по желанию покидать свое тело, а знаменитый Ури Геллер проделывает это по нескольку раз в день. Было бы интересно узнать, регистрируют

ли инфракрасные и ультрафиолетовые лучи, флюоресцирующие вещества или высоковольтные разряды какую-либо активность вокруг их тел в ходе этого эксперимента. Возможно, их способности не вписываются в рамки обычной электромагнитной теории, однако предложенное Барром простое объяснение недавно открытого жизненного поля с помощью совершенно обычных электрических свойств подсказывает мысль о том, что мы, вероятно, проглядываем другие простые решения.

Те, кто способен намеренно покидать свое тело, дают очень точные указания, как это делать. Они советуют воздержаться от любых попыток, пока температура воздуха не будет достаточно высокой, не меньше 20°C, а воздух — сухим и чистым. Лучше всего для этого подходят горные вершины, но лишь в хорошую погоду. Серьезной помехой считается гроза, а один из экстрасенсов советует «встать на якорь», опустив руку в сосуд с водой. Все эти советы имеют смысл, если мы имеем дело с электрическим или электромагнитным феноменом.

Особое внимание уделяется подготовке тела к астральному путешествию. Одни советуют ограничить количество пищи, другие — поститься, но все единодушно утверждают, что диета с высоким содержанием белка вредна и в день попытки следует есть только сырые овощи и фрукты. Известно, что овощная диета снижает общую кислотность организма, а это снижение компенсируется увеличением давления двуокиси углерода в легких и уменьшением количества кислорода в мозгу. Аналогичные явления происходят в горах, таким образом, пребывание на высоте усиливает действие специальной диеты.

Аналогичный эффект оказывают дыхательные упражнения. Почти все экстрасенсы советуют задерживать дыхание на вдохе. Эммануэль Сведенборг вносит в эти упражнения оттенок инцеста, замечая, что «задержка дыхания равносильна совокуплению с душой». Она, наверняка, равнозначна асфиксии и опять-таки приводит к уменьшению кислорода в мозгу. Создается впечатление, что в основе всех приготовлений лежит неосознанное желание спровоцировать кризис, пытаясь отпугнуть душу от тела или по меньшей мере ослабить связь между двумя системами.

Все авторы единодушно советуют не скрещивать рук или ног. Подобная точка зрения настолько распространена, что заслуживает особого рассмотрения. Она присутствует везде, где есть медиумы, и, вероятно, через них проникает в общий обиход: нередко суеверные люди скрещивают пальцы, чтобы снискать благосклонность судьбы или получить право на нарушение клятвы или договора. Очевидно, дело этим не ограничивается. Когда в середине палеолита человек почему-то решил рыть могилы, он с самого начала стал класть тела умерших в определенном положении.

У многих из них руки были скрещены задолго до того, как эту практику приняло христианство. Ритуальное скрещивание рук и ног везде имеет охранительный характер и прежде всего связано со стремлением нечто удержать или вернуть. На языке жестов желание сохранить себя перед лицом грозящей опасности всегда выражается позой, при которой руки охватывают туловище, а ноги скрещены в коленях. Чтобы получить энергию, необходимую для передачи молитвы, руки плотно сжимают. Погруженный в себя «Мыслитель» Родена, опирающийся подбородком на руку, которая, в свою очередь, покоится на колене, являет собой совершенную и продуктивную окружность. Во всех случаях образуется замкнутая кривая. Вероятно, это важно. Попробуйте как-нибудь обдумать сложную проблему, расставив ноги и растопырив руки.

Стремление образовать замкнутую цепь объясняется физическими причинами. При прямом контакте электроны уходят с заряженного тела в почву, стремясь восстановить равновесие и уничтожить разницу потенциалов. Однако нестабильное различие можно сохранить, замкнув цепь и пустив ток по кругу. Все живые организмы являются неустойчивыми заряженными телами. Барр обнаружил, что может измерить силу поля у таких организмов, только образовав собственный круг, то есть присоединив чувствительные электроды к двум разным точкам тела и соединив их через аппарат и тело в электрическую цепь. Жизнь постоянно вырабатывает собственные заряды и неизбежно теряет их в результате естественной утечки, однако она, вероятно, способна сохранять высокую разницу потенциалов, образуя при необходимости замкнутую цепь, и, наоборот, способна сохранять необычно низкий потенциал, намеренно разрывая эту цепь. По-видимому, отделить вторую систему от первой можно только в условиях ослабленного электрического потенциала. В эту гипотезу хорошо вписывается рекомендация использовать сосуд с водой в качестве заземления.

Что касается психической подготовки, то она напоминает технику, помогающую достичь состояния трансцендентальной медитации. Полезно вообразить, как ты взбираешься вверх по лестнице, поднимаешься в виде пара, просачиваешься через песочные часы, выворачиваешься наизнанку или как тебя уносит вихрь. Самые ясные инструкции в этой области даны Робертом Монро, преуспевающим американским бизнесменом, который около пятнадцати лет назад начал регулярно испытывать внетелесный опыт, а сегодня может в любое время по желанию покидать свое тело. Монро предлагает начать с мысленного стремления к объекту, до которого вы не можете дотянуться обычным способом. «Когда вы мысленно дотронетесь до предмета и ничего не почувствуете, протяните руку немного дальше. Продолжайте тянуть ее, пока она

не встретит материальный предмет... Затем исследуйте физические свойства этого предмета с помощью осязания. Почувствуйте трещинки, шероховатости или другие необычные качества, которые вы со временем научитесь распознавать». Говорят, что, повторяя эти короткие набег и постепенно расширяя их область, можно в конце концов полностью отделить вторую систему от неподвижного тела.

Чарлз Тарт из Калифорнийского университета провел психологическое обследование Роберта Монро. Это один из немногих экспериментов с людьми, которые утверждают, что могут при желании покинуть свое тело. Снятая у Монро в этом состоянии энцефалограмма показывает, что он не спит, но и не бодрствует, а его мозг вырабатывает медленные альфа-волны, тогда как тело находится в состоянии полупаралича. При чтении этого отчета мне вспомнились проведенные в России исследования, показавшие, что синхронизированная выработка альфа-волн обеими сторонами является необходимой предпосылкой к телепатическому контакту. Отделением от тела можно объяснить многие явления телепатии. Впоследствии Тарт работал с молодой женщиной, демонстрирующей несколько иное состояние мозговых волн. Она не способна покинуть свое тело так же легко, как Монро, однако ей уже удалось правильно прочесть пятизначное число, помещенное в другой комнате вне поля ее зрения. Сложности, возникающие при классификации этого факта, — считать ли это телепатией, ясновидением или внетелесным опытом — свидетельствуют о близости этих явлений.

Советы по отделению от своего тела настолько ясны, что невозможно им не последовать. В свое время я пробовал выполнить все указания и мне удалось достичь приятного состояния созерцания, которое сопровождалось полным расслаблением, но полного отделения от тела я не испытал. Но это ни о чем не говорит. Я готов признать, что мне не хватило необходимого умения и терпения. Возможно, в следующий раз мне повезет больше. Я не отчаиваюсь. Идея астрального путешествия очень привлекательна не просто тем, что это свободное, ничем не ограниченное перемещение в пространстве, оно помогает найти ключ ко многим загадкам психики. Гипотеза, объясняющая такие разные явления, как телепатия, ясновидение, психогенез и явление призраков, способна привлечь любого ученого. Вера во внетелесный опыт сводится к следующему. В каждом из нас присутствуют две сущности: соматическая система и еще одна. Обычно вторая система связана с телом, но в некоторых обстоятельствах она способна отделяться от него, и мы одновременно можем находиться в двух разных местах. Принятие этой гипотезы позволяет логически объяснить широкий круг других психических феноменов. Те, кто умеет

покидать собственное тело, не сомневаются в реальности другого, астрального тела и утверждают, что каждый может лично убедиться в его существовании. Мой собственный стихийный опыт говорит в пользу этого предположения, однако мне (и насколько мне известно, всем остальным) не удалось убедительно доказать реальность второй системы в контролируемых условиях. На настоящий момент можно сказать только то, что у биологов нет никаких оснований отрицать существование альтернативного тела. Напротив, многое в естествознании подтверждает эту гипотезу. Жизненное поле не отвечает всем требованиям традиционного астрального тела, которое, по определению, независимо от соматической системы. Но тем не менее жизненное поле является как бы мостом в эту таинственную нематериальную область.

Вера в то, что вторая система сохраняется после смерти и даже после разложения тела, — наиболее слабое место учения об астральном теле. У нас имеются данные опытов, которые несколько лет назад совершенно независимо друг от друга были проведены тремя врачами в Англии и Голландии. Доктор Р. А. Уоттерс пытался сфотографировать астральные тела мышей, цыплят и лягушек в момент смерти. Он построил специальные вакуумные камеры и, заполнив их маслом и парами воды, сумел получить фотографии облакоподобных масс, парящих над телами всех животных; однако все эти изображения могли быть результатом обычных физических явлений. В Гааге доктор Зальберг Ван Зельст, взвешивая умирающих пациентов, обнаружил у них в момент клинической смерти мгновенную потерю веса ровно в 69,5 грамма. Аналогичные опыты проводились в Англии доктором Дунканом Макдугаллом, который выразил потерю веса британским эквивалентом $2\frac{3}{7}$ унции. С учетом расхождений в определении точного момента клинической смерти поразительное совпадение результатов может вызвать сомнение. Необходимо повторить эти опыты в условиях строгого контроля; обнаружение связи между потерей веса и каким-либо фактом, который можно точно установить, например исчезновением мозговых волн, могло бы стать убедительным открытием.

Рассказы о том, как над постелью умирающего поднимается напоминающее призрак облако, ни у кого не вызовут удивления, однако эти сообщения удивительно сходятся во многих деталях. Туман всегда поднимается над головой умершего, часто — по спирали, затем же, приняв форму тела, он повисает горизонтально в двух футах от соматической системы и, наконец, рассеивается. Профессиональные ясновидцы также упоминают о «спиралях энергии», покидающей тело умершего. В одном из сообщений утверждается, что эти спирали наблюдались в течение трех дней

после клинической смерти. В Ленинградской лаборатории физиологических исследований для обнаружения жизненного поля Барра использовался прибор, аналогичный тем, что применялись для обнаружения магнитных полей в пространстве. Прибор мог устанавливать присутствие поля на расстоянии четырех метров от живого тела и продолжал регистрировать излучение, идущее от тела, после клинической смерти, при отсутствии мозговой и сердечной деятельности. В одном из случаев излучение после клинической смерти оказалось сильнее, чем у любого из живых тел, не считая женщины, проводящей сеанс психокинеза.

С точки зрения биологии клинически мертвое тело еще живо. В противном случае оно бы не разлагалось. В нем продолжается обмен веществ, выделяется тепло и в результате биохимических процессов, естественно, сохраняется заметное поле, хотя его характер может измениться. Может ли это поле существовать и после распада породившей его материи? Возможно.

Барр пришел к выводу, что открытое им поле одновременно и определяет организм и само определяется им. Подобное взаимодействие соответствует законам квантовой механики. Когда происхождение волн и полей объясняли воздействием на материю, то было невозможно объяснить существование волновой модели, способной достаточно долго сохраняться после исчезновения породившей его материи. Теперь, когда мы знаем, что сама материя может иметь волновую форму, проблемы более не существует. Я обладаю начальными познаниями в теории материи. Однако, как мне кажется, физики не имеют теоретических возражений против существования материальных волн в пустом пространстве. У нас нет абсолютно никаких доказательств в пользу того, что энергия тела или личности продолжает существовать в отсутствие своей половины именно в этой форме, но важно отметить, что к этому нет и никаких препятствий.

Неуловимую вторую систему можно уподобить «маточной субстанции» пчелы. Когда она циркулирует в улье, сложное сообщество занято общим делом, но через несколько минут после ее исчезновения стройный целостный организм превращается в бессмысленного идиота. Он распадается как организм, хотя субстанцию, обеспечивающую его единство, можно унести в бутылке и сохранять в целостности и сохранности. Со временем и она погибнет, подобно тому как разрушается со временем энергетическое тело. Это только моя догадка, но с точки зрения биологии разумнее предположить, что вторая система так же ограничена во времени, как и первая. Она ненадолго остается рядом с соматической системой как после клинической, так и после абсолютной смерти, но постепенно исчезает, и тогда материя теряет жизнь и превращается в готу. Возможно, вторая система сохраняется без изменений

и некоторое время после готы, однако я предполагаю, что постепенно она ослабевает, теряя свою организацию. Я не вижу ни психологических, ни биологических причин бесконечного выживания альтернативной системы. Я не использую данную мысль как аргумент против бессмертия; возможно, существуют и другие системы, в которых жизнь продолжается и после гибели рассмотренных нами систем. Однако я думаю, что вторая, или эфирная, субстанция, или астральное тело, или энергетический двойник, или флюидный дубликат, как это ни назови, должен пройти путь всякой плоти.

Хотя в основе личности лежат определяющие ее биологические процессы, создается впечатление, что она обладает некоторой независимостью. Она проявляется главным образом в снах, которые выполняют функцию канала по организации памяти в той области, которая, возможно, находится вне тела, хотя ее точное местонахождение еще предстоит выяснить.

Природа трансцендентального опыта и успеха иглоукалывания подтверждает мистическую традицию дуализма тела. Мы не располагаем бесспорным доказательством существования еще одной системы, кроме известной нам соматической, однако открытие жизненного поля свидетельствует о том, что мы не исчерпали все возможности.

Многочисленные сообщения о внетелесном опыте наводят на мысль о возможности разделений тела в пространстве. С точки зрения биологии подобная возможность не исключена, многие факты находят простое и логическое объяснение в существовании независимой второй системы.

Мы знаем, что разделение тела и сознания — вполне обычное явление, у нас нет достаточных оснований накладывать на этот процесс пространственные или временные ограничения. Условия, сознательно контролируемые, помогающие достичь состояния отрешенности, весьма напоминают те, которые спонтанно возникают при анестезии, потере сознания в результате несчастного случая и умирании. Если разделение тела и сознания может происходить в живом организме, а мы находим этому достаточно подтверждений, тогда нет оснований отрицать, что оно может происходить и в организме, находящимся в том состоянии, которое следует за клинической смертью.

Итак, у индивида имеется биологическая возможность в некоторой форме и хотя бы непродолжительный срок существовать и после смерти.

Часть третья

ДУША

Во втором томе «Автобиографии» Артур Кестлер рассказывает, как он сидел во франкистской тюрьме в Испании, ожидая смертной казни. В одиночке он наяву почувствовал, что «мое Я перестало существовать». Далее он говорит, что «человеку, который читал «Смысл смысла», испытал влияние логического позитивизма, стремился к точности формулировок и ненавидел туманные разглагольствования, крайне неловко писать такую фразу». Подобно всем остальным, кто имел визионерский опыт, он понимает, что выразить случившееся словами, не принизив его, невозможно. Розалинд Хейвуд высказывает мысль, что все попытки «сообщить неизъяснимое» обречены на провал, ибо наши обычные чувства не могут справиться с совершенно новыми видами информации. Когда в проливах Огненной Земли появился дарвиновский «Бигль», аборигены не обратили на него никакого внимания, потому что не могли вообразить себе такой огромный корабль.

Антрополог Эдмунд Карпентер уверен, что мы живем в совершенно иной, чем до изобретения письменности, чувственной среде просто потому, что умеем читать. Он говорит, что, «перейдя от речи к письму, человек предпочел глаз уху, при этом его интерес переместился с духовного на пространственное, с благоговения — на рассмотрение». Теперь все внутренние состояния стали описываться как внешнее восприятие.

Мы подчинили всеоружие наших чувств одному — зрению. Теперь мы полагаемся только на него, поэтому любая истина должна соответствовать зримому опыту. «Я из Миссури, — сказал Гарри Трумэн, — посмотрите на меня». Мы говорим: «воочию убедиться» и «я не поверил бы, если б не видел собственными глазами», но мы не замечаем, что предпочтение одного вида чувственного опыта может означать: «я не увидел бы, если б не поверил».

Глаз — необычный орган. Он изолирует отдельные предметы, извлекая их из общей ситуации. Детям, родившимся без рук или ног, очень трудно научиться видеть в объеме. Мы открываем объ-

ем и перспективу, трогая предметы и испытывая их на опыте, а затем присоединяем эти ощущения к зрению. В компьютерах нашего мозга предметы запрограммированы таким образом, что они воспринимаются нами только на основании нашего прежнего опыта с ними. Пигмей из дебрей Итури, привыкший видеть лишь вблизи, впервые очутившись на равнине, бывает поражен, заметив вдали крошечную антилопу. Во мраке тропического леса слух играет более важную роль, чем зрение, и опыт пигмея приспособлен к иному восприятию жизни. Он воспринимает действительность не так, как мы. Для взгляда характерно естественное стремление задерживаться на предмете, засекая его местоположение. Ухо же воспринимает информацию одновременно во всех направлениях, поэтому тем, кто слышит лучше нас, легче погрузиться в окружающий нас мир.

Только из-за того, что мы много читаем, то есть используем одно чувство, да и то крайне ограниченно, мы разрушаем гармоничное созвучие наших чувств. Мы запрограммировали себя таким образом, что совершенно не способны реагировать на то, что построено на другой основе. Столкнувшись с совершенно новой, непривычной формой жизни, астронавт может не распознать ее. Компьютер нашего мозга, решающий все проблемы восприятия, запрограммирован не только условиями эволюции, но и нашим личным опытом. Вполне может оказаться, что старая программа непригодна и неадекватна для решения новых проблем, поставленных совершенно иным чувственным опытом.

При диктатуре глаза вся информация переводится в визуальный код. От внутреннего опыта требуется соответствие внешнему восприятию. В случае их несовпадения мы считаем первый галлюцинацией. Все, что нельзя ясно увидеть, не принимается всерьез. Наука настаивает, чтобы мы видели, что происходит, требует «наблюдений», визуального опыта, закодированного в вербальных отчетах. Но что делать с ощущениями, не поддающимися четкому визуальному описанию, ускользающими от вербальной классификации?

Представьте себе ребенка, проснувшегося на рассвете и побужавшего выслеживать в тумане кроликов. Он вдыхает сырой запах грибов, ест сочные, прохладные ягоды, встречает двух лучших друзей и с криком бежит вниз по холму, чтобы нырнуть в холодную с утра реку, сохнет на солнце, лежа на шершавом стволе старого упавшего дерева и слушая далекий звук колокола. Он возвращается домой, и мать спрашивает, где он был. «Гулял». А что он делал? «Ничего». Когда от него требуют более вразумительного ответа, он может сказать «плавал», но это объяснение устроит только родителей. Ребенок еще не может словами передать свой чувственный опыт.

Пытаясь определить необычное, мы сталкиваемся с теми же трудностями. Мы называем его визионерским, упорно сводя его к зрению, хотя оно, вероятно, никак не связано с этим опытом.

Нам нужен новый подход, новые установки и совершенно новый словарь, которого у нас нет.

Это меня тревожит. Я занимался наукой достаточно долго и представляю себе ее границы, но я все еще верю в ценность ее метода. Я полагаю, что совершенно ненаучный подход к таким проблемам, как проблема жизни и смерти, способен открыть многое, но я уверен, что любое осуществимое решение, затрагивающее множество людей нашего общества, так или иначе должно опираться на установленную научную традицию. Такая строгая наука, как физика, пробилась через барьер весов и мер к волшебному миру черных дыр и антиматерии. Я верю, что биология движется в том же направлении.

Эту третью и последнюю часть книги я начну с рассказа о новых открытиях и кончу описанием явления, которое, как мне кажется, проливает свет на некоторые скрытые стороны жизни и смерти, хотя у меня от всего этого до сих пор голова идет кругом.

Глава VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ ВНЕ ТЕЛА

Утром 21 сентября 1774 г. Альфонсо де Лигуори готовился отслужить мессу в тюрьме Ареццо, когда его сразил глубокий сон. Двумя часами позже он пришел в себя и сообщил, что только что вернулся из Рима, где присутствовал при смерти папы Клементя XIV. Сначала решили, что это ему приснилось, затем, когда через четыре дня пришли известия о смерти папы, объяснили совпадением. Впоследствии выяснилось, что все, кто стоял у постели умирающего папы, не только видели Альфонсо, но и беседовали с ним, так как он руководил молитвой на исход души.

В 1921 г. Джеймс Чаффин из Северной Каролины умер, оставив все свое состояние одному из четырех сыновей, который сам умер год спустя, не оставив завещания. В 1925 г. ко второму сыну явился покойный отец, одетый в черное пальто. Он сказал: «Ты найдешь завещание в кармане этого пальто». Когда пальто осмотрели, в кармане нашли пришитую к подкладке записку, в которой предлагалось прочесть двадцать седьмую главу Книги Бытия в семейной Библии. На соответствующей странице было вложено второе завещание, согласно которому имущество делилось поровну между четверьмя сыновьями.

Первая история рассказывает о человеке, который был перенесен на значительное расстояние, где его видели другие люди.

Вторая повествует о человеке, которого видели и слышали также на расстоянии от собственного тела, в данном случае через четыре года после смерти. Сами по себе сообщения о встречах с покойниками не являются доказательством загробной жизни, но если движущиеся и говорящие призраки живых людей можно связать с сознательным перемещением вне тела, то появление умерших можно объяснить теми же причинами. Иными словами, за каждым призраком, возможно, скрыто направляющее его сознание. Это и есть загробная жизнь, но, вероятно, подобные вещи недоказуемы.

Свидетельств в пользу загробной жизни не так уж много. Даже предположив, что по биологическим причинам продолжение жизни вне тела возможно только для подверженных сну организмов (что в действительности означает одних млекопитающих), мы вынуждены включить сюда фантастическое число потенциальных претендентов на выживание, всех тех, кто жил на протяжении 150 миллионов лет. Не вызывает сомнения, что огромное большинство умерших мышей и людей не рассказывают историй и исчезают без следа.

Относительное отсутствие информации в данном случае можно объяснить четырьмя основными философскими причинами. Либо эти организмы никогда не имели никакой второй системы; либо они, прекратив существование, исчезли; либо они находятся где-либо еще; либо они перевоплотились в новые живые организмы. Все эти разумные предположения легли в основу главных мировых религий. Но существует, по меньшей мере, еще одна возможность: бестелесные мертвецы во множестве находятся вокруг нас в той форме, которую мы неспособны распознать.

Заметить неизвестное, то, чему нет имени, нелегко. Есть люди, утверждающие, что видят умерших, мы называем их медиумами и смотрим на них с недоверием, но, возможно, они говорят правду. Любой чувственный опыт отчасти является мастерством, а любое мастерство требует усовершенствования. Уилфред Тезингер в одной из своих великолепных книг о пустыне рассказывает о седобородом бедуине, который, спешившись со своего верблюда, взглянул на неясные следы на песке, размял несколько сухих комков между пальцами и сказал: «Это авамиры. Их шестеро. Они напали на джунубов на южном побережье и отобрали у них трех верблюдов. Они пришли сюда из Сахмы и брали воду в Магшине. Они прошли здесь десять дней назад».

Искусные охотники способны замечать то, чего никогда не увидят другие. Но дело тут не в особых органах чувств, а в программе их внутреннего компьютера. Возможности человеческого восприятия гораздо шире, чем может показаться. Бывают люди, наделенные особыми талантами, способные слышать звуки в сверхзвуковом диапазоне или видеть не видимые другим световые волны;

не исключено, что все мы могли бы развить в себе подобную чувствительность. Например, конусообразные клетки нашей сетчатки, колбочки, не воспринимают инфракрасных световых волн, но, может быть, на это способны другие клетки — палочки, расположенные глубже, по бокам сетчатки. В рассказах о феях и эльфах дается совет не глядеть на них в упор, иначе они в страхе исчезнут.

По-видимому, вокруг нас есть такие вещи, которые можно научиться видеть боковым зрением.

Оккультные науки с древности употребляют понятие «аура», облака энергии, окружающего все тела. Ее описывают как разноцветное излучение, в общих чертах повторяющее очертания тела и находящееся от него на расстоянии от одного сантиметра до метра. Известно, что аура Будды заполнила собой целый город. Есть люди, способные без всяких усилий видеть это цветное облако. Другие могут этому научиться, глядя через экран, покрытый каменноугольной смолой, но большинству из нас требуются более сложные приспособления.

В конце XIX в. югославский гений Никола Тесла изобрел кольцо, которое дало возможность не только получать переменный ток, но и извлекать искры из всех частей человеческого организма. В 1909 г. подобное средство было использовано французским физиологом, который установил существование электрической ауры и получил изображение своей руки, светившейся в темноте, словно она была покрыта металлическими опилками. В 1939 г. два чехословацких ученых опубликовали первые «электрофотографии» листьев, окруженных светящейся короной неизвестного электромагнитного излучения. Тогда же русский электротехник и его жена, Семен и Валентина Кирлиан, самостоятельно пришли к аналогичному открытию. Они сконструировали прибор, состоящий из нескольких расположенных друг над другом конденсаторов и создающий электрическое поле высокой частоты. В подзаголовке их первой работы подробно описывалось использование этого прибора: метод превращения неэлектрических свойств фотографируемого предмета в электрические... с помощью перемещения зарядов от предмета к фотографической пластинке.

За тридцать лет Кирлианы сфотографировали целую галактику излучений, исходящих от листьев, плодов, целых растений, мелких животных и всех частей человеческого тела. Эти светящиеся иероглифы похожи на стрелы, бобы, вспышки света, полосы, короны или сгустки небесно-голубые, сиреневые или желтые, яркие или тусклые, светящиеся постоянно, мигающие или периодически вспыхивающие, неподвижные или перемещающиеся. На недавно заснятых киноплёнках из России ясно видно, что эти излучения постоянно меняются в зависимости от изменения физического и психического состояния испытуемого и что каждое изменение

свечения подробно описывается теми сенситивами, которые способны видеть их собственными глазами.

Наблюдаемые явления во многих отношениях напоминают поведение плазмы на Солнце, поэтому советские ученые называли ауру биологической плазмой тела, или биоплазмой. Плазма — газ, в котором все атомы лишились внешних электронов. Обычно это происходит при очень высоких температурах во время термоядерной реакции, но есть сообщения о том, что электроны могут испускаться живым организмом при обычной температуре.

Тельма Мосс и Кен Джонсон из Калифорнийского университета построили другой высоковольтный и высокочастотный прибор, с помощью которого они получили фотографии, похожие на фотографии русских ученых. Они предпочитают называть свой метод «фотографией излучаемого поля» и подчеркивают, что изменения частоты, напряжения и выдержки всегда вызывают значительные изменения полученных результатов. Но даже когда параметры фотографирования постоянны, полученные снимки регистрируют видимые изменения, которые можно приписать только фотографируемому объекту. Сняв более пятисот человек, они пришли к выводу, что каждый из них обладает основным излучением, которое свойственно только ему и незначительно меняется в зависимости от времени и изменения внутреннего состояния. Некоторые виды пищи и напитков вызывают быстрое изменение основного образца. На двух фотографиях (вторая снята минутой позже первой) кончик пальца сначала выглядит как темное пятно, окруженное по периметру тонким свечением, напоминая моментальный снимок полного затмения Солнца. Затем, после принятия дозы алкоголя, субъект начинает «светиться», и на второй фотографии видно широкое белое сияние вокруг подушечки пальца, на которой заметны каждая линия и каждый изгиб рисунка на коже. По мнению Мосс, это эффект настоящего излучения, не связанный ни с увеличением температуры тела, ни с сужением или расширением кровеносных сосудов.

Опыты Мосс и Джонсона показали, что марихуана почти всегда вызывает увеличение яркости короны, которое отмечалось также после физической нагрузки. Фотографии людей в состоянии расслабления показали, что во время дыхательных упражнений по системе йоги или трансцендентальной медитации яркость свечения меняется. Значительные изменения короны были отмечены после иглоукалывания, хотя на беспорядочные уколы иглой не было абсолютно никакой реакции. Использование оптического оборудования, с помощью которого испытуемый мог видеть свою корону, показало, что наличие обратной связи дает ему возможность сознательно контролировать собственное излучение. Влияние эмоций на качество излучения случайно подтвердилось тогда,

когда у всех мужчин — участников эксперимента корона оказалась гораздо ярче обычного на снимках, сделанных привлекательной женщиной-фотографом.

Пожалуй, самым интересным открытием в этой серии опытов является тот факт, что энергия, которую улавливали фотографии, при определенных условиях может передаваться от одного субъекта к другому. Корона субъекта, находящегося в состоянии гипноза, становилась ярче, тогда как корона гипнотизера тускнела. Так впервые было продемонстрировано, что гипноз — это не только внутренние изменения в организме гипнотизируемого, но и осязаемый вклад гипнотизера в установленную между ними связь.

Дуглас Дин из Инженерного колледжа в Нью-Арке сконструировал фотографический аппарат с огромным медным листом, позволяющим получать пульсирующие волны напряжением в сорок тысяч вольт. Затем он сделал два чрезвычайно интересных снимка. Когда Этель Делуш дотронулась концом пальца до медного листа, из-под него брызнуло излучение в виде тонких сиреневых нитей длиной в один сантиметр, которое по форме не отличалось от фотографий, сделанных другими учеными. Однако госпожа Делуш не простой человек, а известный целитель, поэтому, прежде чем сделать вторую фотографию, ее попросили положить свободную руку на руку ее друга и попытаться вылечить видневшийся под кожей жировик. Она мысленно настроилась на лечение и ровно через две с половиной минуты был сделан второй моментальный снимок ее пальца, который она так и не отрывала от медного листа. Это поразительная фотография. На ней видна та же самая подушечка пальца, окруженная тончайшими сиреневыми лучами, которые теперь выпрямились и стали вдвое длиннее, а на самом конце пальца появилась яркая оранжевая корона пламени, напоминающего пламя реактивного двигателя. Это достаточно убедительное свидетельство передачи энергии от целителя к пациенту; для полноты картины Дин сообщает, что на следующий день жировик бесследно исчез.

Когда работа Кирлианов впервые была замечена западными исследователями, она произвела фурор. Однако, несмотря на общее воодушевление, многие отнеслись к ней скептически из-за секретности, окружающей конструкцию самого аппарата. В последние годы Мосс, Дину и другим ученым удалось совершенно независимо получить аналогичные результаты, однако скептики по-прежнему отказываются признать, что последние непосредственно связаны с изменением энергии в живой системе, а не со случайными колебаниями несовершенной экспериментальной техники. Третье объяснение, возможно, устроит обе стороны. Не исключено, что изображение «ауры Кирлиана» получено благодаря

простым явлениям коронарного разряда, однако на эти явления прямо повлияли изменения электростатического потенциала, эмиссии электронов, а также химических и диэлектрических свойств кожи. Независимо от исхода спора в настоящее время нет оснований сомневаться, что живое тело вырабатывает энергию.

Вопрос о виде этой энергии остается открытым. Известно, что тело производит тепловую энергию, что нетрудно доказать с помощью термографической техники, раскрасив тело жидкими кристаллами, однако эта энергия не является источником ауры. Каждый раз, когда нервная клетка при прохождении импульса в мозг или из мозга разряжается, возникает разница потенциалов, но этот механизм хорошо изучен и, очевидно, также отпадает. Все вышеупомянутые источники энергии наряду с энергией, которая вырабатывается в мышцах, кровеносных сосудах и мозге, дают особый для каждого биологического вида отпечаток. Однако существует еще один пока не установленный источник, сообщающий короне особые, уникальные для каждого индивида, принадлежащего к данному виду, характеристики.

Уильям Тиллер из Стэнфордского университета уверен, что факты, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что помимо соматической системы существует, по меньшей мере, еще одна. Он называет это сочетание «человеческим ансамблем» и полагает, что наиболее адекватная интерпретация этого комплекса содержится в созданной йогами философии семи начал. На Западе эта философская система представлена теософией, движением, у истоков которого стояла необыкновенная Елена Блаватская, чье эзотерическое знание ведической, буддийской и брахманской литературы было популяризировано Ани Безан.

На первом уровне находится знакомая нам соматическая система, действующая в эйнштейновском пространстве-времени, которое нам достаточно известно. Если мы захотим поместить новые открытия на соответствующее им место, то сюда впишется жизненное поле Барра со всеми его электрическими эффектами. Второй, эфирный уровень, на котором находится не отделимый от тела «эфирный двойник», имеет отношение к здоровью, а также поглощению и распределению праны. На этом уровне, вероятно, расположены чакры, и если на этом же уровне действует иглоукалывание, то именно здесь находится новое биоплазменное, или энергетическое, тело. Этот уровень служит мостом между первым, физическим, и третьим, астральным, уровнем. Традиционно считается, что эфирный двойник распадается и исчезает незадолго до гибели тела, что соответствует моему предложению постулировать промежуточное биологическое состояние между смертью и тем, что я называю готой. В этой модели жизни «организатор» и «вторая система», о которых мы говорили ранее, имеют отношение как

к первому, так и ко второму уровню, ибо они состоят частично из жизненного поля, а частично — из биоплазмы. Абсолютная смерть означает конец первого уровня и разрушение жизненного поля, но некоторые модели и, может быть, что-то от памяти и личности сохраняются в виде биоплазмы в эфирном двойнике, пока и они через некоторое время не исчезнут.

На третьем уровне находится «астральное тело», которое, как полагают, является лишь средством передвижения для разума (который занимает три следующих уровня) и духа (который расположен на седьмом). Здесь мы не будем рассматривать уровни с четвертого по седьмой, ибо наша наука, едва начав знакомиться со вторым и третьим, не скоро получит доступ к более высоким уровням. Астральная область на третьем уровне также почти недостижима, однако ее исследование представляет огромный интерес, ибо именно здесь жизнь может сохраниться, если она продолжается некоторое время после смерти и готы. Имеющиеся свидетельства об отделении разума от тела и о том, что было названо астральными путешествиями, дают нам веские основания предполагать, что эта область реально существует и, вероятно, может быть изучена. Второй уровень вполне поддается исследованию, и я не вижу серьезных препятствий к тому, чтобы в ближайшее время сформулировать физические законы, точно описывающие происходящее на эфирном уровне. Возможно, там обнаружатся новые виды энергии, но я подозреваю, что они будут подчиняться тем же законам, что действуют на первом уровне.

Тиллер предполагает, что материя на втором, или эфирном, уровне обладает характеристиками голограммы. Это вид фотографии, изобретенный Габором в 1947 г.; она представляет собой кусочек пленки, но не имеет ничего общего с обычным негативом. На вид это непонятный узор из темных и светлых пятен, но если смотреть на него в особых оптических условиях, при которых он был снят, узор превращается в трехмерное изображение. Вы можете повернуть голограмму так, что, даже если тетушка Мейбл стоит прямо перед Парфеноном, вы сумеете заглянуть ей за спину, чтобы полюбоваться архитектурой. При желании вы даже можете увидеть ее затылок, а также разделить это удовольствие со всей семьей, не делая никаких копий с изображения. Просто разрежьте голограмму на мелкие кусочки, потому что любой ее фрагмент пригоден для реконструкции всего изображения, подобно любой живой клетке, несущей необходимую информацию об организме в целом.

Эта идея волнует меня все больше. Здесь мы имеем дело с установленным физическим принципом, который, возможно, лежит в основе не только явлений психокинеза и телепатии, но и всего остального космического или мистического опыта, связанного

с чувством «нераздельности» мира. Эта слитность, или единство, присутствует во всех визионерских состояниях, независимо от того, чем они вызваны: наркотиками, изоляцией, специальными упражнениями, шоком, красотой или сексом. Во всяком предельном опыте «я» исчезает, становясь частью «целого». Если в каждом из нас есть хотя бы один крохотный фрагмент космической голограммы, расположенной на любом из семи возможных уровней, то для подобного чувства имеются все основания. Вдобавок, от этой идеи не отмахнешься, как от пустой полунаучной фантазии, поскольку мы уже располагаем некоторыми свидетельствами того, что подобная голограмма действительно существует и может проникать из эфирного уровня в наш соматический.

Помните «привидение» листа? После того, как часть листа была обрезана и уничтожена, на ее месте оставался слабый контур, повторяющий первоначальные очертания. Когда у человека ампутируют конечность, он очень часто продолжает ощущать ее присутствие. Образ остается нетронутым, ибо структура целого воплощена в каждой частице тела. Конечно, эти свидетельства едва уловимы и не могут считаться позитивным доказательством, однако, на мой взгляд, они ясно указывают, что это направление исследования скорее всего приведет нас к прорыву в другие мистические уровни.

Опыты Тиллера позволяют сделать еще одну догадку о втором уровне: возможно, он действует на магнитной, а не на электрической основе. Экстрасенсы утверждают, что аура состоит из двух слоев, и тонкий, плотный слой, расположенный ближе к телу, можно исказить с помощью магнита. Деннис Милнер из Бирмингемского университета сфотографировал короны, искаженные помещенной рядом намагниченной стрелкой компаса. Нейропсихиатр Шафика Карагулла, в течение пятнадцати лет работавшая с пациентами, обладавшими особой чувствительностью, сообщает, что одна из них могла безошибочно определять Южный и Северный полюсы немаркированных магнитов просто по цвету окружающего их поля, которое она видела. Полюс, стремящийся к северу, всегда окутан голубоватой дымкой, тогда как противоположный полюс — красноватой. Когда Карагулла взяла один конец магнита в руку, пациентка сказала, что красное облачко потянулось к руке, отталкивая поля руки. Как оказалось, это был южный полюс магнита. Когда же она прикоснулась к северному полюсу, его голубое облачко притянуло энергию руки, гармонично с ней сливаясь. Берта Харрис, специализирующаяся на чтении ауры, говорит, что ей легче работать, повернувшись лицом к югу; когда же она находится в Южном полушарии — к северу.

Проведенные измерения свидетельствуют о том, что магнитные поля у живых существ неодинаковы. В Ленинградском институте

метрологии установили, что магнитное поле местной жительницы Нелли лишь в десять раз слабее поля самой Земли. Эти поразительные результаты, возможно, как-то связаны с тем, что Нелли блестяще владеет телекинезом. В строго контролируемых лабораторных условиях она неоднократно доказывала свою способность передвигать предметы на расстоянии, очевидно, с помощью сознательного волевого воздействия на собственное поле. В самом убедительном опыте ей удалось разделить белок и желток у яйца, помещенного в двух метрах от того места, где она находилась, привязанной к тяжелому монитору. Согласно показаниям приборов, ее пульс, мозговой ритм и окружающее ее поле электростатической и магнитной энергии колебались в это время с одинаковой частотой четыре цикла в секунду.

Едва ли эта синхронность случайна. Следует отметить, что вспышки гнева также сопровождаются аналогичными изменениями. Я уже высказывал предположение, что все явления, которые приписывают домовым, возможно, бессознательно вызваны кем-то по соседству, кто пребывает в состоянии фрустрации по причине сдерживаемой агрессии. Известно, что такие предметы, как, например, мебель, падая, чаще всего оказываются около людей с тяжелыми эмоциональными проблемами. Эти люди испытали бы огромное облегчение, выместив на вещах свое дурное настроение, однако они, как правило, находятся в том возрасте, когда они уже считаются с общественным мнением, а оно не одобряет подобных выходов. Не позволяя себе лягнуть стул, они предоставляют эту возможность своим силовым полям.

Если эта теория имеет под собой некоторое основание, тогда Нелли является «сознательным домовым». Не исключено, что она обдуманно накапливает гнев, чтобы он действовал на расстоянии, однако этим способом пользуются не все. Я неоднократно работал с талантливым экстрасенсом Ури Геллером, и он всегда производил на меня впечатление очень уравновешенного, спокойного человека. Однажды при прямой телетрансляции из Лондона Геллер слегка дотронулся до вилки, принесенной ему прямо из столовой Би-би-си, положил ее на стол в двух футах от себя, а затем я и миллионы телезрителей увидели, как он на расстоянии сгибает вилку, пока ее зубцы не встали под прямым углом к черенку. Через несколько минут он почти пополам согнул минутную стрелку часов, несмотря на то что она находилась под стеклом, а часы — у меня на руке. В этот момент на студию стали звонить десятки зрителей со всей Англии, чьи столовые приборы, кольца, металлические браслеты и часы также были согнуты Геллером. Можно предположить, что его способности имеют электромагнитный характер, так как подобные вещи обычно случаются в прямых передачах и очень редко — в программах, идущих в записи.

Бессознательные «проделки домовых» обычно ограничены небольшой площадью. Единственное серьезное количественное исследование этих явлений было проведено с молодым служащим судоходной компании в Майами. Испытания проводились в просторном помещении склада, где наблюдались и измерялись движения девятнадцати предметов. Предметы двигались определенным образом: те, что находились ближе к юноше, перемещались на небольшое расстояние по часовой стрелке, стремясь вовне; те, что находились дальше, передвигались на большее расстояние, стремясь внутрь против часовой стрелки. То, что предметы за спиной у молодого служащего начинали перемещаться влево, наводит на мысль о том, что эти перемещения подчиняются, возможно, имеющемуся физическому силовому полю.

Трудно себе представить, как часто необъяснимые явления следуют определенному образцу, и интересно, что эти образцы нередко оказываются связанными с магнитными полями. Известно, что магнитное поле Земли местами искажается, и эти отклонения и возмущения затрудняют навигацию. Районы, где подобные явления особенно выражены, получили печальную известность. Это Багамские острова, графство Сассекс в Англии и окрестности города Прескотты в Аризоне. Время от времени в одном из этих мест творится всякая чертовщина: домовые разбрасывают вещи, появляются призраки и НЛО, загадочно исчезают люди и машины, мерцают таинственные огни и даже наблюдаются вспышки массового помешательства или истерии. По всей Земле находятся тысячи подобных, но более слабых мест, они прекрасно известны, и все, как правило, связаны со множеством историй о демонах, чудовищах и катастрофах. В оккультных науках эти места называются «вратами в эфирную оболочку Земли, через которые существа из других реальностей проникают в нашу жизнь». Для верящих в НЛО они являются «окнами в небесах, через которые корабли прилетают из других пространственно-временных континуумов». Для озадаченных биологов, вроде меня, они предлагают сомнительную возможность доступа к непостижимым явлениям.

Исследуя эти аномальные области, геологи, физики и психиатры нередко обнаруживают, что здесь уже побывали археологи. Стоунхедж, Дельфы и Баальбек лежат как раз посередине этих «окон». А также Лурд и Вифлеем. В средние века приказом Ватикана священникам предписывалось возводить новые церкви на месте старых, ибо уходящая корнями в глубь веков традиция священных мест связана в основном с аномальными явлениями, происшедшими здесь, возможно, тысячи лет назад. Тщательное изучение местных традиций показывает их связь не только с пространством, но и со временем. В «Белл Телефон Лабораторис» однажды провели компьютерное исследование некоторых необычных явле-

ний, собранных Чарльзом Фортom, и обнаружили, что лягушки имеют обыкновение падать с неба по средам с циклом в шесть—девять лет. Сопоставив подобные циклы с космическими событиями, ученые установили, что они имеют прямое отношение к взаимодействию солнечных и лунных факторов, вызывающих особо значительные колебания магнитного поля Земли и создающих дополнительную нагрузку в районах необычных явлений.

В декабре 1945 г. пять торпедоносцев ТВМ-3 Авенджер военно-морского флота США вышли из Флориды и бесследно исчезли где-то около Багамских островов. На их поиски была отправлена летающая лодка «Мартин Маринер», которая как в воду канула. За последние семьдесят лет в этом печально известном районе исчезло более тысячи людей и ста судов и самолетов. В последние годы было сделано несколько попыток засечь эту дыру в небе и соотнести ее с другими местами, пользующимися дурной славой. Самые сложные расчеты были проведены пилотом Новозеландской национальной авиакомпании Брюсом Кейти. Он утверждает, что эти точки располагаются на линиях, составляющих сеть прямоугольников площадью сорок пять квадратных морских миль. Его математические расчеты учитывают гармоничное соотношение силы тяготения, массы Земли и скорости света. Своей натянутостью они, правда, напоминают усилия нумеролога, тщетно пытающегося любой ценой подтвердить свои предсказания. Но тем не менее предложенные им схемы действительно совпадают с местонахождением даже таких явлений, как вулканическая деятельность и землетрясения. Внимательно ознакомившись с его доказательствами, я до сих пор не могу понять, какая связь существует между гравитацией и Шарлем де Голлем, однако с помощью своей системы Кейти удалось публично предсказать день и час взрыва французской ядерной бомбы близ острова Муророа 25 сентября 1968 г.

По словам Кейти, главное преимущество его сетки — осмысление на первый взгляд не связанных фактов наблюдения НЛО. Теперь этот вопрос волнует не только закоренелых уфологов; согласно опросу общественного мнения, проведенному в ноябре 1973 г. службой Гэллапа, большинство американцев (51 процент) верят в существование так называемых летающих тарелок. Одиннадцать процентов американцев, то есть около двадцати пяти миллионов человек, утверждают, что видели НЛО. Болотный газ, огни автомобилей, Венера и пятна перед глазами уже не могут служить удовлетворительным объяснением столь распространенного явления. Возможно, некое здоровое зерно содержится в становящейся популярной теории, согласно которой люди либо переселились на Землю с другой планеты, либо были принесены сюда высшей расой, либо произошли от союза этой расы с земными существ-

вами. Древние карты, найденные в подвалах библиотек, металлические блоки в глиняных стенах, великолепные стеклянные линзы в старых каменоломнях — все это является новым свидетельством в пользу той массы фактов, которые теперь становятся серьезной альтернативой жалкой горстке ископаемых, на которых строится эволюционная теория происхождения человека.

Я не уверен, что существует простой ответ на все эти вопросы. Ни одна из теорий, упоминая лишь гору Арарат, или Атлантиду, или столкновение с Венерой, не может объяснить все имеющиеся факты. Я нахожусь под впечатлением исторических и археологических свидетельств древней высокоразвитой цивилизации, быть может, современницы неандертальцев, но, как биолог, я не могу не верить в нашу эволюционную связь с окружающими нас животными. Вот почему меня так привлекла теория Кейти. Она объяснила все происходящее действием механизма, основанного только на естественных ритмах Земли. Признав, что на поверхности нашей планеты встречаются области с постоянными магнитными аномалиями, мы без труда согласимся с тем, что в этих местах чаще происходят мутации, или рождаются новые идеи, или бывают коллективные галлюцинации, или происходят странные вещи, или легче меняется физическое состояние, или впервые появляются и исчезают пришельцы.

Я также считаю, что в объяснениях многих тайн мы слишком часто прибегаем к взвешенному разуму. Конечно, мы имеем на это право, однако не раньше, чем исчерпаем все внутренние возможности.

Огромные деньги, потраченные на исследование только одного озера Лох-Несс, доказывают, что всем нравятся хорошие чудовища. Местное туристическое бюро пришло бы в восторг, если бы удалось раз и навсегда доказать, что озеро является местом отправки и прибытия многогорбых пришельцев с Ориона, но, вероятно, существует более простое объяснение. В 1960 г. я впервые приехал на озеро и беседовал с людьми, которые что-то видели, и с самого начала мне бросились в глаза их честность и их беспомощность. Загадочные явления, несомненно, происходят на озере очень часто, но столь же несомненно, что они странным, почти преднамеренным образом не поддаются никакой фиксации.

Возьмем такой пример. 26 августа 1968 г. Ф. У. Холидей из Лох-Несского исследовательского бюро наблюдал за поверхностью озера, дежуря у кинокамеры, установленной в Эйбрайакане на южном берегу озера. В этой точке ширина озера составляет примерно милю, а на северном берегу в Тор-Пойнт и Куорри-Бра на расстоянии четырех миль друг от друга находились еще две кинокамеры, то есть каждая часть восточной половины озера проглядывалась. Холидей вел наблюдение почти семьсот часов и знал,

что чудовищу уже давно пора бы появиться, так как в среднем оно показывается раз в пятьсот часов. Он рассказывает: «Я очень внимательно следил за озером с рассвета до завтрака. Сразу же после 9.30 миссис Пикетт (туристка, остановившаяся поблизости) уселась на солнце и стала мыть посуду. После нескольких часов утомительного наблюдения перспектива беседы была слишком заманчивой, чтобы от нее отказаться. Иначе я не могу объяснить, почему я отправился за пятьдесят ярдов через луг, бросив камеру и бинокль, чтобы поговорить с миссис Пикетт». Вскоре после начала беседы на противоположной стороне озера, вспенивая воду, проплыл огромный черный многогорбый предмет. «Я несколько секунд смотрел на это зрелище, лишившись дара речи,— продолжает Холидей.— Оно казалось нереальным, и, помню, я подумал, что у меня галлюцинация». Но это не было галлюцинацией, потому что чудовище видели семья миссис Пикетт и другие туристы, однако ни у кого из них не оказалось ни кино-, ни фотоаппарата, когда же Холидей бросился назад, предмет исчез.

Подобные огорчения случаются на озере Лох-Несс довольно часто, тем не менее следует обратить внимание на то, что чудовище не только появилось именно тогда, когда Холидей впервые за несколько недель отошел от камеры, но и выбрало на целом озере единственное крохотное место, полностью скрытое скалами и деревьями от двух других бдительных наблюдателей с кинокамерами на северном берегу. Оно появилось на восточной оконечности этой тоненькой, скрытой от наблюдателей полоски, исчезнув как раз перед тем, как попасть в их поле зрения на ее западном конце. Это дразнящее и явно учитывающее все обстоятельства поведение монстров знакомо многим и часто наблюдается при встречах с НЛО.

И чудовища, и летающие тарелки время от времени удавалось сфотографировать на расстоянии, и те и другие достаточно реальны, чтобы их обнаружили гидролокаторы или радары, однако никто из них не оставляет убедительных материальных свидетельств, на основании которых можно со всей очевидностью доказать их существование. Чудовища в нужный момент умело ускользают, а летающие блюда просто исчезают, когда наблюдатели подходят слишком близко. Карл Юнг связывал сообщения об НЛО с психическими явлениями, предположив, что первые и вторые как-то соединены в наших мыслях, возможно, через коллективное сознание. Он говорил, что «психические аспекты играют такую большую роль, что их нельзя сбрасывать со счетов». Французский астроном Жак Валле, сравнивая рассказы об НЛО с раннеевропейскими представлениями о сверхъестественном, отмечал, что многие сообщения о посадке летающих тарелок содержат все классические элементы религиозных видений и веры в духов.

Он делает вывод, что «механизмы, породившие эти различные верования, идентичны».

Сходство традиционных эльфов с «карликами», которых, согласно некоторым сообщениям, видели в НЛО, использовалось для подтверждения гипотезы о том, что летающие тарелки приземлялись тысячи лет назад, однако ход рассуждений может быть и другим. Явное сходство, возможно, свидетельствует о том, что и тогда НЛО были не более реальны, чем теперь.

Убедительность этих как физических, так и психических аргументов значительно ослабляется с открытием психогенеза, то есть возможности производить физические действия на расстоянии исключительно психическими средствами. Есть люди, которым психогенез удается почти всегда, однако, как показывают исследования, многие во всех других отношениях обычные люди способны к нему в особых условиях. По-видимому, одно из таких условий связано с магнитными аномалиями, расположенными в определенных районах Земли. Возможно, феи, гномы, эльфы, лешие, драконы, чудовища, вампиры, оборотни, привидения, домовые и летающие тарелки существуют. Возможно, правы и скептики, заявляющие, что все это — плод нашего ума, потому что эти явления существуют или возникают на втором, или эфирном, уровне.

Странное поведение всех призраков наводит на мысль о том, что они подчиняются иным физическим законам и принадлежат реальности с несколько иными пространственно-временными отношениями. Тот факт, что очевидцы этих явлений обычно получают информацию, подтверждающую их собственные верования или страхи, свидетельствует о том, что эти видения не являются совершенно независимыми от человеческого сознания. Исходя из этих двух предположений, можно сделать вывод, объясняющий многие тайны. На первый взгляд локализация всех этих необъяснимых явлений в таинственной области нашего сознания не представляется очень продуктивной, но тем не менее я верю, что наши новые знания о биоплазме и ее голографических свойствах откроют перед нами новые возможности для исследования сознания.

Быть может, наступит день, когда все эти ускользающие явления будут объективно взвешены, измерены и классифицированы так, что их возьмется беспристрастно рассмотреть даже самый придирчивый ученый. Возможно, в некоторых случаях наблюдения будут проводиться на значительном расстоянии от исследуемого тела с помощью электронного оборудования, однако становится ясно, что большинство этих явлений должно порождаться непосредственно живым организмом. Вполне вероятно, что чудовище, которое видел Холидей, возникло или, по меньшей мере, проявилось в его подсознании. Я начинаю верить в нашу способность так или иначе порождать подобные явления и делать их достаточно

ошутимыми, чтобы их можно было снять на пленку или увидеть на радаре. Если я прав, то объективных измерений придется долго дожидаться, потому что сила, способная производить противоположные явления того же порядка, наверняка заставит нас за ней погоняться, прежде чем мы сможем загнать ее в угол и приручить.

По-видимому, этой же силой порождаются слуховые явления *...

Чем больше я гляжу на всевозможные проявления иных сил, видны ли они, или слышны, или воспринимаются как-нибудь иначе, тем больше я убеждаюсь, что все это происходит не в пустоте. Я уверен, что без присутствия живого организма призраки не могут являться. Без него они даже не могли бы существовать. Другими словами, без живых нет мертвых.

Глава VIII

ЖИЗНЬ В ДРУГОМ ТЕЛЕ. ОДЕРЖИМОСТЬ

Все дело в том, что привидений слишком мало. Если бы наша жизнь действительно продолжалась после смерти, то можно было бы ожидать, что привидений будет гораздо больше. Но, может быть, мы просто не способны видеть их в обычных условиях. Пока еще никто не изобрел «некроскопа», через который можно наблюдать и изучать умерших, и нам ничего не известно о необходимых для этого длине волны или уровне энергии. Но если следы умерших и впрямь как-то связаны с теми, кто жив, тогда в изготовлении подобного инструмента нет нужды, потому что у нас их миллионы. Возможно, проще всего обнаружить бестелесных мертвецов через тела живых.

В этой связи интересно вспомнить о том, что собака дог, присутствовавшая при первых экспериментах Раудива в Англии, по-видимому, могла слышать записанные на пленку голоса задолго до того, как кто-нибудь из людей убеждался в их существовании. Согласно сообщению владельца дога Питера Бандера, тот «вдруг начинал лаять на «незваного гостя», ошетинивался и издавал звуки, которыми он обычно встречал появление чужого в доме. Человек воспринимает звуки в диапазоне от шестнадцати до двадцати тысяч колебаний в секунду, но порог восприятия высоких частот у собак значительно выше, и им не трудно услышать записанные на пленку голоса, обычно звучащие близко к нашему верхнему пределу.

* Далее автор приводит свидетельства Фридриха Юргенсона и Раудива, о чем уже рассказывали А. Ландсберг и Ч. Файе в своей книге «Встречи с тем, что мы называем смертью».

Возможно, благодаря иному уровню восприятия животным легче обнаружить привидения. Недавно моя приятельница рассказала мне, что во сне она видела, как выходит из спальни, проходит через все комнаты, в одной из которых сидит ее муж и читает, а затем возвращается в постель. Когда она проснулась, три ее кошки сидели на полу у кровати, глядя на нее с беспокойством, а муж сказал, что они только что обошли весь дом, повторив приснившийся ей путь, как будто шли за ней по пятам. Эта обостренная чувствительность представителей других видов была положена в основу опыта, целью которого было найти экспериментальный подход к проблеме продолжения жизни после смерти.

Роберт Моррис из университета Дюка начал свои исследования в охотничьем домике, в котором, по слухам, обитали привидения, используя в своей работе такие живые детекторы, как собаку, кошку, крысу и гремучую змею. Каждое из животных помещалось вместе со своим хозяином в комнату, в которой произошло убийство. Едва войдя в комнату, собака вдруг зарычала на хозяина и выскочила за дверь. «Никакие уговоры не могли заставить собаку вернуться в комнату». Кошку хозяин внес на руках; как только они приблизились к месту, откуда убежала собака, она вскочила ему на плечи, выпустив когти, затем, спрыгнув на пол, она направилась к пустому стулу. «В течение нескольких минут она свирепо шипела, глядя на пустой стул в углу комнаты, пока ее не унесли». Крыса не проявила никакой реакции, а гремучая змея «сразу же встала в боевую позу, угрожая тому же стулу». Никто из животных не совершал подобных действий в другой комнате того же дома.

Тот факт, что ведьмы используют кошек в качестве «домашних духов», антенн или усилителей собственных органов чувств, возможно, объясняется остротой их восприятия. Мы используем гончих как медиумов при интерпретации следов запаха, недоступных нашему восприятию. О мире запахов мы не знаем почти ничего, но кое-что может укрыться и от нашего главного чувства — зрения, которое также действует в ограниченной области. Наша неспособность видеть короткие волны цветового спектра объясняется желтоватой окраской хрусталика нашего глаза, не пропускающего ультрафиолетовые лучи. Для наших глаз зеленая ночная бабочка *Actias luna* совершенно сливается с зеленой поверхностью листа, на котором сидит, однако для насекомых, видящих ультрафиолетовые волны, она кажется яркой цветной точкой на сероватом фоне. Для нас самки и самцы ночной бабочки не отличимы друг от друга, для насекомых же самка выглядит ярче, а самец — темнее. Возможно, люди, которых мы называем медиумами, знающие о невидимых или неслышимых для нас вещах, — это просто те, кому от природы или в результате обучения свойственна особая острота восприятия.

Я уверен, что нам мешают стать экстрасенсами не органы чувств, а компьютер нашего мозга, который интерпретирует поступающую из этих систем информацию. Эжен Марэ, работая по обыкновению в одиночку, впервые провел исследование области, которая ныне известна как гипнотическая гиперестезия. Он обнаружил, что, находясь под гипнозом, молодая девушка могла распознавать присутствие хинина в растворе с концентрацией одна полумиллионная процента, тогда как в обычном состоянии ей нужен был раствор в четыре раза крепче. После того как двенадцать человек, по очереди подержав небольшой предмет в руках, помещали его в сосуд, она, обняв предмет и руки людей, могла вернуть каждый предмет тому, кто первым до него дотронулся. Марэ обнаружил, что под гипнозом девушка способна слышать звук, напоминающий шипение змеи, на расстоянии двухсот метров, тогда как в обычных условиях оно не превышало тридцати метров. Даже особо чувствительный к присутствию змеи бабуин способен уловить шипение змеи на расстоянии не более шестидесяти метров. По-видимому, на бессознательном уровне мы получаем больше информации, чем нам требуется, и она пропускается через фильтры нашего ментального компьютера, запрограммированного на более узкий диапазон сигналов. Используя биотехнику обратной связи, можно научить человека осознавать обычно бессознательные процессы, например контролировать изменение кровяного давления. Теперь, когда мы убедились в возможности мысленного воздействия на человека даже на расстоянии, обучение восприятию телепатической информации представляется вполне реальным. Я убежден, что все сенситивы окажутся восприимчивыми к подобному обучению и в недалеком времени в научных лабораториях появятся талантливые ученые-медиумы.

А пока многое можно узнать от тех, кто является «сенситивом» от природы. Немало людей устно или письменно передавали информацию, которую нельзя получить с помощью обычных органов чувств. Большинство этих так называемых ментальных медиумов действуют в состоянии некоторой диссоциации. Они сознательно вызывают состояние транса различной глубины. Порой он принимает форму отрешенности, не более глубокой, чем тогда, когда мы предаемся мечтам,— любопытно, что многие из нас в подобном состоянии испытывали внезапное озарение. Наверняка творческие решения, которые принимаются в это время, приходят с постоянно действующего подсознательного уровня. Информация, которую сообщают медиумы, часто бывает отрывочной и бессвязной, напоминая сны, а это наводит на мысль, что ее источник хотя бы частично лежит в подсознании.

Руководитель психиатрического отделения в лондонском госпитале св. Варфоломея однажды, находясь в состоянии транса,

написал странный текст. Он был написан вверх ногами по-немецки, и в нем утверждалось, что это послание от мало известного доктору человека, который давно умер. После сеанса он отыскал имя этого человека в энциклопедии и обнаружил, что написал почти дословную копию содержащейся там статьи. Как известно, подсознание почти ничего не забывает, и одного случайного взгляда на страницу достаточно для того, чтобы текст навечно запечатлелся в памяти. Профессор Станли Холл с помощью известного и уважаемого медиума получил ряд сообщений от девочки по имени Бесси Билз, которая была его целиком вымышленной мертвой племянницей, изобретенной в целях эксперимента. Не вызывает сомнений, что часто информация, полученная в состоянии диссоциации, имеет источником или сознание гипнотизера, или сознание гипнотизируемого, но этого недостаточно, чтобы исключить из рассмотрения все подобные явления.

Фрейд был уверен, что в основе личности лежат две противоположные силы — сознательное «Я» и подсознательное «Оно» и что неврозы возникают в результате конфликта между ними. Его система психоанализа в действительности была обучением биологической обратной связи, так как он пытался примирить противоположные интересы, открывая подсознание сознанию, нередко через скрытые в сновидениях символы. Рональд Лейнг, сделав шаг вперед, предполагает, что эти две силы можно разделить и изолировать. Он указывает, что большинство людей временами чувствуют диссоциацию в результате стресса или шока, испытывая некоторую отделенность от своего тела. Он полагает, что некоторые имеют к этому большую склонность и «идут по жизни не поглощенные собственным телом, а скорее чувствуют себя такими, какими были всегда, несколько отстраненными от тела». Согласно этой точке зрения, всем нам знаком феномен пребывания вне тела, но тем не менее те, кто отождествляет себя исключительно со своей бестелесной частью, считаются больными шизофренией.

Стен Гуч уверен, что «Я» и «Оно» имеют физическую реальность и существуют как независимые, наделенные самосознанием сущности в разных частях нервной системы. В головном мозгу расположены все сенсорные области, которые мы связываем с обычным бодрствующим сознанием, но многие из них дублируются в среднем мозгу и мозжечке. У более примитивных позвоночных основные зрительные и слуховые центры были расположены в задних областях мозга и только позднее переместились в передний мозг, «как будто природа начала превращать мозжечок в главный центр нервной системы, но передумала и вместо этого усовершенствовала сам головной мозг». Вполне возможно, что в более старом мозжечке расположено «Оно», или подсознание.

Помимо снов существуют другие пути, которыми подсознание проникает в сознание. Это проникновение бывает вовсе не таким приятным, как при озарении или неожиданных догадках. То, что в средние века называлось «вызывать дьявола» или в черной магии — «общаться с духами», возможно, является техникой намеренного введения подсознания в сознание, утрата же разумом контроля над этим процессом описывалась как одержимость.

Во все времена против магии, колдовских обрядов, наркотиков и состояний транса принимались суровые меры предосторожности из-за опасности, которую якобы представляет собой общение с тем, что может вертеть столы и выходить из-под контроля присутствующих. Эта опасность признается даже юридически в понятии «облегчение вины», требующем снисхождения к людям, действующим под влиянием более могущественных сил.

Барьер между двумя частями мозга, по-видимому, прочен и необходим. Когда он преодолевается трансцендентным опытом религиозного обращения, то обращенный может установить связь с духом бога, однако посещение дьявола не менее вероятно. Химические мосты, ведущие через барьер, могут окончиться приятным и неприятным путешествием. Нередко медиумы общаются с духами, которые на первый взгляд имеют только добрые намерения, однако они постоянно следят за тем, чтобы злой дух не мог в них вселиться. Нельзя отрицать, что наша личность естественно и неизбежно разделена как нашей анатомией, так и нашим опытом. Не исключено, что медиумы — это люди, у которых барьеры между двумя частями их сознания легче преодолеть. Опытный медиум умеет сознательно контролировать эти пропускные ворота, однако есть много людей, которые, не имея власти над входом и выходом, напоминают шизофреников.

Мы, высшие приматы, вероятно, в силу эволюционной случайности обладаем бодрствующим сознанием, и наш взгляд на мир определяют хорошо развитые мозговые полушария. Тех же, чье восприятие мира не так твердо опирается на эту область мозга, мы для удобства называем сумасшедшими. Дельфины и птицы имеют относительно развитые области мозжечка, и, если их чувства так же хорошо организованы в этом заднем мозге, как и в головном, у них должно быть совершенно иное восприятие реальности, пожалуй, не слишком отличное от того, которым наслаждаются мистики, по-иному соединяющее обе части своего мозга. Не в этом ли смысл исследований, которые Джон Лилли проводит с дельфинами, а Карлос Кастанеда — с соколом-альбиносом?

Помимо двух противоборствующих сил, «Я» и «Оно», Фрейд также предполагает существование третьей сущности, «сверх-Я».

Если «Оно», или подсознание, может, поднявшись, выходить у одержимого из-под контроля сознания, тогда на это время «Я» перемещается в другую область нервной системы. Определяя место этого явления, Гуч предполагает, что взаимодействие между двумя старыми системами возникло относительно недавно и третья система должна находиться в той области мозга, которая в ходе эволюции развилась последней, то есть в лобных долях.

Используя это понятие третьего уровня, мы можем предположить, что одержимость означает господство над неподвижным сознанием, а трансценденция — движение сознания к высшему уровню в результате сотрудничества двух в прошлом враждебных сил. Все мистические традиции и большинство новых идей о развитии разума отсылают к более высоким состояниям сознания, а техника достижения этого состояния всегда сводится к следующему. Во-первых, это умение отыскать отверстие в барьере между уровнями сознания и подсознания и открывать эту дверь по своему желанию. Второй, более трудный шаг состоит в том, чтобы примирить противоположные интересы и способности двух систем и выковать их согласие, позволяющее установить между ними некоторое сотрудничество.

Эта модель, конечно, сильно упрощена. Огромное разнообразие типов личности (а также легионы демонов в анналах оккультных наук) наводит на мысль о том, что между сознанием и подсознанием есть, вероятно, много тоннелей. Если в одном и том же человеке существуют две явно независимые модели личности, тогда раскол неизбежен. Бывают множественные личности. «Три лица Евы» и шестнадцать сторон «Сибиллы» — хорошо документированные истории болезни, рассказывающие о подобных возможностях. В этих отчетах нет ничего возбуждающего подозрение в действиях какой-либо внешней силы, вызывающей одержимость. Гуч удачно сравнивает подобные случаи с комнатой, имеющей несколько видов освещения: люстру, настольную лампу и скрытый стенной свет. Можно осветить комнату любым из этих источников, и каждый «придаст ей иной характер и будет соответствовать определенным случаям. Мы знаем по опыту, что освещение может скрывать или создавать тени или же подчеркивать одни предметы обстановки за счет других. Тем не менее это всегда одна и та же комната».

Я думаю, многое из того, что происходит с медиумами в состоянии одержимости, является результатом вторжений их собственного подсознания в сознание. Мы знаем, что телепатия также действует на этом уровне, поэтому нет ничего удивительного, что одержимые могут получать информацию из внешних источников, но иногда она так насыщена и подробна, что телепатическое объяснение представляется несколько натянутым.

Мэри Рофф умерла 5 июля 1865 г. в возрасте восемнадцати лет. По всем отзывам это была странная девочка, подверженная эпилептическим припадкам и головным болям, которые она облегчала кровопусканием. Говорят, она обладала слепым зрением: читала книги с завязанными глазами и письма, не вынутые из конвертов. 16 апреля 1864 г., за четырнадцать месяцев до того, как Мэри скончалась в судорогах, в том же городе родилась другая девочка. Все первые тринадцать лет своей жизни Люранси Веннум ничем не отличалась от сверстников, но когда она достигла зрелости, с ней начали происходить странные вещи. Сначала она погрузилась в каталептическое состояние, продолжавшееся пять лет, затем она время от времени стала впадать в трансы, во время которых видела «ангелов» и «духов». Ее сочли безумной и передали под наблюдение психиатра. Он обнаружил, что она была одержима двумя разными личностями: старой, злобной колдуньей и юношей-самоубийцей. Под гипнозом удалось восстановить собственную личность Люранси, объяснившую, что есть только один способ избавиться от двух злых духов: позволить вселиться ангелу, стремящемуся ей помочь. На вопрос, знает ли она, кто это, она ответила: «Ее зовут Мэри Рофф».

Люранси словно превратилась в Мэри, и ей разрешили жить с семьей Рофф. Она была совершенно счастлива, знала всех и вся, что знала Мэри, узнавала друзей и знакомых, называя их по именам, вспоминала тысячи подробностей из жизни Мэри: значительные, вроде поездки в Техас, и мелкие, вроде пришивания воротничка. Она находила вещи, спрятанные Мэри, о которых семья Рофф ничего не знала. Эта одержимость продолжалась три месяца и десять дней, внезапно Люранси очнулась и вернулась в свою семью, которую снова узнала.

Известно много случаев чередования личностей, но здесь личность, заместившая личность Люранси, согласно всем проведенным проверкам, полностью была личностью Мэри Рофф, со всеми ее воспоминаниями восемнадцатилетней девушки, умершей, когда Люранси был всего год. Семья Рофф и Веннум не были знакомы, и Люранси не могла обычным путем узнать такое множество мелких подробностей о жизни Мэри. Вновь обретя собственную личность, она ничего не помнила о прошедших ста днях и более никогда не сталкивалась с подобными проблемами.

Само существование фрагментарного или полного замещения личности для психологии не является проблемой, однако вероятность вторжения извне можно оценить, лишь обратившись к биологическим прецедентам. Одной из наиболее привлекательных тем научной фантастики для биолога является тема, так талантливо разработанная Теодором Стардженом. Он рассказывает историю о нескладном молодом человеке огромной силы, но небольшого ума,

который, привлекая других людей, создает основу для составного организма. К своему «телу» он добавляет «голову» девушки, обладающей сенситивными и телепатическими способностями, «руки» близнецов, владеющих психокинезом, «разум» монгольского ребенка со способностями компьютера и «энергию» юного преступника-психопата. Все это сборище разномастных частей обладает огромной, неуправляемой силой, которая вот-вот разрушит и себя и все вокруг, но этого не происходит, так как организм обретает цельность, присоединив «душу» молодого поэта.

Возможно, таким путем и должна пойти эволюция человека. Изменения окружающей среды сегодня происходят так быстро, что времени для обычных неторопливых модификаций физической эволюции уже не остается.

Илайес Канетти считает толпу самостоятельным организмом. Он проводит различие между группами людей, случайно оказавшихся одновременно в некотором месте, и настоящей толпой, которая образуется вокруг центральной точки, названной кристаллом толпы. Формирование и рост толпы — универсальное и таинственное явление. Она может возникнуть везде. Сначала она состоит из отдельных индивидов, но вдруг переходит к согласованным действиям, когда движение одних частей организма словно само передается всем остальным, напоминая волны нервного разряда у медузы. Люди, из которых состоит толпа, часто не знают, что, собственно, произошло, и, если их спросить об этом, не смогут ответить, но тем не менее они спешат к их общей невидимой цели. В таком состоянии толпа представляет собой неопределенную сущность, всасывающую людей. В начальной фазе ее ведет один инстинкт, жажда роста. Она стремится захватить каждого встречного, не зная границ, но даже в этот организационный период она не теряет восприимчивости. По словам Канетти, «в толпе постоянно живет предчувствие грозящего ей распада. С помощью быстрого роста она всеми силами стремится избежать его; она поглощает всех и именно потому неминуемо должна распадаться».

Организм толпы существует до тех пор, пока не достигнет цели. Цель может быть краткосрочной, как, например, убийство или разрушение здания, и долгосрочной, как, например, мечта о земле обетованной, где соберутся все дети Израиля. Виды толпы можно классифицировать в соответствии с ее целями, но все они имеют общие свойства. Внутри толпы отдельные люди теряют свои личные качества, свои имена, экономический и социальный статус, превращаясь в равные части нового существа. Это настолько могучее чувство, что все призывы к справедливости и все теории равенства, возможно, основаны на том ощущении братства, которое знакомо каждому, побывавшему в толпе. В ее непривычной

плотности рушатся все представления о личном пространстве, и в новой общности исчезает страх прикосновения и контакта. В танцующей толпе люди слиты в единое многоголовое, многорукое и многоногое существо. Некоторым видам толпы, порожденных войной или религией, можно предписать определенные действия или ритуалы. Но это касается только организмов, существующих гораздо дольше обычного и потому ослабленных, однако самой могучей толпой является спонтанная толпа, сплотившаяся для немедленного удовлетворения своих целей. Достигнув их, она в момент разрядки, означающей конец ее существованию, нередко разражается криком. Голос толпы можно услышать, когда палач поднимает вверх отрубленную голову жертвы. Этот особый крик, зов организма, свидетельствует о единстве толпы красноречивее любого действия. Это живая демонстрация того, что общество качественно отличается от простой суммы его частей.

Сила, соединяющая отдельных людей в толпу, столь же таинственна, как сила, соединяющая отдельные клетки в функциональное целое. Возможно, эта же сила питает нашего эфирного дворянина и действует на уровне подсознания, обуславливая внутреннее организующее влияние иглоукалывания и внешние проявления психокинеза и всего того, что связывают с призраками.

Лучшим биологическим примером того, как индивиды образуют совершенно новый организм, являются лишайники. Эти растения покрывают цветной корой или облиственными купами стволы деревьев и выступы скал в суровых климатических зонах высокогорья и тундры. Они имеют самые разнообразные формы, и их можно классифицировать в зависимости от цвета и конфигурации. Но дело в том, что каждый лишайник в отдельности состоит из двух самостоятельных видов, принадлежащих к разным ботаническим классам: зеленой или голубовато-зеленой водоросли и гриба аскомицета, по отдельности довольно слабых, но вместе образующих симбиоз, способный осваивать территории, где немногие способны выжить. Водоросль может существовать самостоятельно, а грибок — только там, где его споры найдут способного к фотосинтезу партнера-водоросль. Мне кажется, личности, вселяющиеся в одержимого, своим поведением напоминают грибковый компонент лишайника, и, если умершие вообще способны продолжать существование, они должны иметь те же паразитические отношения с живыми.

Таким образом, мы установили следующие факты:

Каждый живой организм создает вокруг себя жизненное поле. Этот электрический феномен существует на обычном физическом уровне тела и может быть измерен стандартным лабораторным оборудованием. Он исчезает в момент клинической смерти.

Каждое тело имеет биоплазменного двойника, который существует на менее физическом уровне, принимает приблизительно те же формы, что и тело, и имеет некоторое отношение к контролю и организации жизненных функций. Его нелегко измерить, но его существование вытекает из практики иглоукалывания и может обнаруживаться с помощью специальной техники, состоящей из высокочастотной аппаратуры. Он не исчезает в момент клинической смерти.

Все последующие утверждения носят спекулятивный характер, однако я думаю, что мы с полным основанием можем предположить следующее:

Явления тех, кто жив, вызываются обособленным биоплазменным, или эфирным, телом, которое сенситивы могут видеть постоянно, а остальные — в особых условиях.

Явления тех, кто мертв, можно толковать в том же ключе в течение незначительного периода после клинической смерти, но и само биоплазменное тело со временем подвергается разрушению. Поэтому, если эти явления продолжаются еще долго после смерти, остается предположить, что биоплазма каким-то образом вновь обрела энергию, скорее всего в результате контакта с другим живым телом.

Мы уже видели, что происходит с живой клеткой, взятой из привычного окружения в теле. Если за ней соответствующим образом ухаживать, она продолжает расти и делиться, но в какой-то момент достигает предела Хейфлика, полностью теряет свою индивидуальность и затем погибает. Эту деградацию можно предотвратить двумя путями. Во-первых, вернув клетку в ее родное тело. В идеале следует восстановить ее связь с собственной тканью, но создается впечатление, что утраченная клетка способна восстановить свою идентичность и силу, даже лишившись химического контакта с себе подобными. По-видимому, ей только нужно «напомнить, кем она была», передав соответствующий вид энергии. Все специалисты по выращиванию изолированной ткани знают, что легче всего культивировать клетки собственного тела, последние имеют тенденцию лучше размножаться, если им уделять личное внимание. Это одно из вечных лабораторных суеверий, которое, возможно, основано на фактах, как и бытующее среди садовников понятие «зеленые пальцы».

Второй путь — дать изолированной клетке второй срок жизни: произвести генетическое изменение. Если клетки в тканевой культуре продолжают жить после предела Хейфлика, то можно быть почти уверенным, что они мутировали и стали канцерогенными. Конечно, мутация может произойти и с клетками тела, являющимися частью организма, однако обычно мутации подвергаются только половые клетки, являющиеся единственными живыми

единицами, тщательно изолированными от тела. Клетки человеческой спермы даже при оптимальных условиях могут прожить в матке не более двух суток, но клетка, оплодотворившая яйцо и претерпевшая тем самым генетическое изменение, может положить начало культуре, которая может существовать сто лет. Оба вида половых клеток, сперматозоид и яйцо, имеют половину от обычного числа хромосом, и можно было бы предположить, что это ограничивает их способность к выживанию; тогда почему оплодотворенное яйцо способно жить и делиться достаточно долго, чтобы произвести совершенно нового индивида, когда любая другая изолированная клетка тела не может перейти предела Хейфлика? Обе клетки обычно имеют по сорок шесть хромосом и доступ ко всем источникам питания, но создается впечатление, что яйцо приобрело определенное репродуктивное преимущество, просто смешав свои гены с генами другой клетки. Это превосходство останется у него на всю жизнь, оно известно в биологии под именем генерозиса, или гибридной силы, увеличения размеров или плодовитости в результате скрещивания двух генетически различных линий. Это огромное преимущество, вероятно, сыграло значительную роль в эволюции полового размножения, однако его невозможно объяснить только смешением разного генетического материала. Должно существовать более глубокое объяснение, однако природа этой удивительной добавки, придающей оплодотворенному яйцу неограниченный потенциал, все еще остается тайной.

Мистики не находят в этом явлении ничего загадочного. Они просто считают, что душа, лишившись тела, поселяется в яйце и перевоплощается. Учение о перевоплощении весьма заманчиво, так как предусматривает готовые решения для многих философских проблем и биологических аномалий, но, как ученый, я не могу с ним согласиться просто потому, что мне оно напоминает уловку. Мне нужно найти подтверждение не только для моей интуиции, но и для разума. Мистикам кажется пустой затеей искать доказательства тому, что представляется очевидным, но я считаю, что само исследование, даже не увенчавшееся успехом, приносит понимание, которое не приобрести никаким другим путем.

Психиатр Ян Стивенсон из Виргинского университета один из немногих ученых, исследующих перевоплощение научными средствами. Первой его работой в этой области стало блестящее эссе «Доказательство продолжения жизни на материале воспоминаний о прошлых воплощениях», представленное на конкурс, посвященный памяти психолога-первооткрывателя Уильяма Джеймса. В нем он обрушился на все предшествующие представления о перевоплощении, используя новый экспериментальный подход. Он заявил: «Полученные от медиумов сообщения ставят проблему до-

казательства того, что некто явно мертвый еще живет. При оценке воспоминаний о прошлых воплощениях проблема состоит в том, чтобы решить, умирал ли когда-нибудь некто явно живой. Это может оказаться более легкой задачей».

Стивенсон приступил к решению этой задачи и провел очень тщательный анализ почти тысячи случаев предполагаемого воплощения, а из них отобрал двадцать, заслуживающих, по его мнению, дальнейшего рассмотрения. Он лично присутствовал при семи случаях в Индии, трех на Цейлоне, двух в Бразилии, семи на Аляске и одном в Ливане. Наиболее интересным мне представляется случай с ливанским мальчиком, тем более что Стивенсон сам его обнаружил и смог сопровождать ребенка в деревню, в которой он, вероятно, провел предшествующую жизнь.

Лишь только научившись говорить, Имад Элавар, казалось, знал вещи, которым его никто никогда не учил. Он упоминал имена друзей, неизвестных его родителям, а те считали это фантазиями, пока однажды ребенок не бросился с объятьями к незнакомцу на улице их деревни Корнайел. Тот удивленно спросил: «Ты знаешь меня?» Имад ответил: «Да, ты был моим соседом». Тот человек жил в пятнадцати милях за горами, в деревне Крибу. С того дня родители Имада начали относиться к сыну серьезно, и, когда Стивенсон приехал в Корнайел, чтобы заодно исследовать другой случай, они пришли к выводу, что Имад некогда был Махмудом Бухамзи, женатым на Джамиле, однажды он попал под грузовик, ему отдалило обе ноги, и вскоре он умер в больнице. Стивенсон записал все, о чем сообщили ему родители Имада, и попытался по возможности отделить эти сведения от того, что действительно говорил мальчик. Затем он и пятилетний ребенок вместе отправились в Крибу.

Между двумя деревнями почти не было связи, и, только прибыв в Крибу, Стивенсон узнал, что Махмуд Бухамзи действительно здесь жил, но что он жив-здоров. Но тем не менее он выяснил, что некий Саид Бухамзи действительно умер так, как описывал мальчик, и что его ближайшим другом был его родственник Ибрагим Бухамзи, тяжело переживавший смерть друга и сам позднее умерший от туберкулеза. Ибрагим никогда не был женат, но у него была любовница по имени Джамиле, и именно он был соседом того человека, которого Имад узнал в Корнайеле. Стивенсон осмотрел дом, в котором жил Ибрагим, и обнаружил шестнадцать вещей, подтверждавших рассказы мальчика. Например, маленькую желтую машину, два сарая, служивших гаражами, и необычную масляную лампу.

Из заметок, сделанных Стивенсоном, следовало, что Имад в действительности не говорил, что попал под грузовик, а просто

живо вспоминал аварию. Он горячо говорил о Джамиле, даже отдавал ей преимущество перед матерью, но никогда не утверждал, что был на ней женат. Ошибочные выводы родителей Имада подтверждали их честность и почти исключали возможность намеренного обмана или того, что они невольно служили Имаду источниками информации о Крибу. На основании этих фактов можно сделать предположение, что воспоминания Имада имеют отношение к событиям жизни Ибрагима и не объясняются случайностью, обманом или обычной памятью.

Стивенсон замечает: «В качестве серьезных вариантов объяснения мы оставили либо экстрасенсорное восприятие плюс персонация (так как информация, полученная сверхчувственным путем, принимала личную драматическую форму), либо одержимость (духом, предположительно Ибрагима), либо перевоплощение».

Проводимое Стивенсоном различие между одержимостью духом умершего и перевоплощением представляется мне несущественным. Перевоплощение фактически является постоянной одержимостью, и, если возможны множественность личности и одержимость несколькими духами, тогда я не вижу логического основания, исключающего воплощение в одно и то же тело одновременно нескольких душ. Тогда остается две возможности: либо телепатия Имада, либо перевоплощение Ибрагима. Согласно результатам контролируемых экспериментов, которые проводились с людьми, способными поддерживать друг с другом связь на расстоянии, телепатия действует на подсознательном уровне. Одним из лучших способов установить контакт с этой областью и получить оттуда информацию является гипноз. Денис Килси рассказывает о гипнозе девочки-подростка в ходе курса психотерапии, который понадобился из-за ее сложных отношений с родителями. «Просто для того, чтобы как-то начать сеанс, я спросил, как называется ее любимая мелодия. Она ответила, что не знает ни одной. Это удивило меня, так как ее мать жаловалась, что дочь тратит слишком много денег на пластинки. Я спросил ее, сколько ей лет. «Пять», — ответила она и расплакалась». Девочка спонтанно вернулась в тот момент своего детства, когда произошло событие, ставшее причиной ее теперешних разногласий с родителями. Это не совсем обычный случай, но во время гипноза врач нередко осторожно побуждает пациента вернуться в прошлое.

Многие при этом ясно вспоминают ранние события своей жизни, как бы переживая их вновь. По-видимому, время, в которое способен вернуться пациент, биологически не ограничено. Многие припоминают ощущения и чувства до самого момента рождения, а некоторые — даже внутриутробный опыт. Порой эти проявления выглядят не очень убедительно, однако, если предложить субъектам, находящимся в состоянии регрессии, стандартные тесты

на проверку умственных способностей, они отвечают в точном соответствии с тем возрастом, в котором находятся под гипнозом, а это очень трудно симулировать.

Какой бы ни была природа этого явления, с помощью этой техники, несомненно, можно восстановить подавленную память и даже обнаружить неожиданные таланты. Московский психиатр Владимир Райков с ее помощью пробуждал у студентов творческие способности в изобразительном искусстве и музыке. Знаменитый второй концерт для фортепьяно Рахманинов написал после подобного сеанса и посвятил гипнотизеру. С Райковым сотрудничает физик Виктор Адаменко, который изобрел инструмент для измерения интенсивности биоплазменной энергии тела через стратегическую комбинацию точек акупунктуры. Они обнаружили, что показания прибора, полученные во время обычного гипноза, отличаются от показаний при регрессии. В период регрессии происходят заметные физиологические изменения, весьма напоминающие те, что происходят при получении субъектом телепатической информации. Представляется, что и регрессия, и телепатия осуществляются в биоплазменном теле.

В некоторых случаях гипнотизеры ухитряются вернуть пациентов во время, предшествующее моменту зачатия, в мир воспоминаний, относящихся, по-видимому, к прежней жизни. В настоящее время Килси использует эту технику как стандартную форму психотерапии, когда в памяти пациента нельзя обнаружить ни одного эпизода его жизни, способного вызвать стресс или фобию. Один из этих случаев мне представляется особенно интересным, так как пациент, лечившийся от алкоголизма, был умным и скептически относящимся к перевоплощению человеком (между этими двумя чертами нет обязательной связи). Находясь под гипнозом, он стал погружаться в прошлое и вдруг у него возник спазм, во время которого он, раскинув руки, казалось, пытался освободиться от оков, задыхаясь и хрипя: «Они вырезают мне язык!» Вернуть его в нормальное состояние оказалось нелегко, но как только спазм прошел, он закричал, чтобы ему дали воды, еще воды, и, только окончательно вернувшись в настоящее, он смог утолить жажду. Килси считает, что пристрастие этого пациента к выпивке уходит корнями в прошлую жизнь, быть может, в гражданскую войну в Испании, где его пытали и бросили умирать от боли и жажды. Диагноз был сообщен пациенту, и, хотя он по-прежнему не верит в перевоплощение, он избавился от непреодолимой тяги к выпивке и стал трезвенником.

Стивенсон говорит о гипнотической регрессии как методе исследования перевоплощения: «Люди, вызванные с помощью гипнотической регрессии к «прежней жизни», совмещают в себе свою настоящую личность, свои ожидания по поводу того, что хочет гип-

нотизер, фантазии о том, какой должна быть их предшествующая жизнь, с элементами, полученными, вероятно, паранормальным путем». Я не сомневаюсь, что сознание с помощью скрытых в подсознании талантов может убедительно разыграть что угодно, но я подозреваю, что по меньшей мере некоторые из паранормальных элементов получены с помощью телепатии; однако при этом остаются факты, говорящие в пользу одержимости. Субъекты почти всех исследований перевоплощения помимо черт характера и воспоминаний других, уже умерших людей обладали и своими собственными. Мне кажется, что дилемма Стивенсона в случае с юным Имадом Элаваром — телепатия или перевоплощение — правильное всего решается с помощью ответа: и то и другое.

Как считает современная психология, источники мудрости скрыты в глубинах человеческой души. Юнг был уверен, что «первоплощение — одно из первоначальных утверждений человечества, с которым следует считаться», и что «в основе этих утверждений должны лежать психические факты». В одном из диалогов Платона Сократ замечает, что обучение состоит не в том, чтобы поместить нечто в другого человека, а чтобы извлечь уже имеющееся. Он хотел извлечь не те пустяки, имена и даты, которые мы выуживаем во время гипноза, а «следы знания, сохраненного душой в ее вечных странствиях». Идея перевоплощения присутствует в индуизме, джайнизме, верованиях сикхов, буддизме, даосизме, конфуцианстве, зороастризме, культах Митры, манихействе, анимизме, иуданстве, христианстве, мусульманстве, масонстве и теософии. Только в западной философии она пробивается в трудах Юма, Канта и Шопенгауэра как палингенез, метемпсихоз и трансмиграция. Ни одно другое понятие не получало такого широкого культурного признания. Можно возразить, что именно поэтому лишенное смысла понятие сохранилось так долго, однако все эти взгляды имеют настолько разное происхождение и принадлежат таким разным культурам, что я не могу поверить в его биологическую необоснованность. Проблема в том, чтобы найти доказательства.

Если бы нам удалось доказать, что живой человек обладает тем же сознанием, что и человек, чье тело уже умерло, то это было бы лучшим подтверждением перевоплощения. Философ Курт Дюкасс указывает, что тело старика может быть совершенно непохожим на его же тело в молодости и что отождествить их можно, только показав, что молодое тело стало старым. Аналогичный подход применим и к сознанию: «существующее в настоящее время сознание является «тем же самым сознанием», что и предшествующее, если и только если рассматриваемое нами предшествующее сознание впоследствии стало теперешним сознанием». Доказать

это положение можно, лишь продемонстрировав, что теперешнее сознание содержит те же воспоминания о субъективном опыте, что и прежнее сознание. Многие якобы перевоплотившиеся сознания, исследуемые Стивенсоном, содержат подобную информацию, но так как она относится к субъективному опыту, который в силу своей природы не мог быть зафиксирован в прошлом, их невозможно подтвердить. Таким образом, лучшее возможное доказательство перевоплощения оказывается невозможным, тогда мы переходим к следующему лучшему.

Я готов признать такое доказательство посмертного существования, которое исключило бы возможность телепатии или подсознательной памяти. Если можно убедительно доказать, что живущий в настоящее время человек обладает информацией или умением, которые относятся к прошлому и которыми не обладает никто из его современников, тогда следует заключить, что они получены от пережившего то время существа. Конечно, подобный факт мог бы служить доказательством перевоплощения или одержимости, но сейчас это различие несущественно.

В 1927 г. Фредерик Вуд, психиатр из Блэкпула, заинтересовался местной девочкой, которая начала употреблять слова на иностранном языке. Девочка, которую звали Розмари, утверждала, что получает сообщения от женщины, жившей в Египте в эпоху фараона Аменхотепа III (ок. 1405 — 1367 гг. до н. э.). Дух назвался Телика-Вентиу, вавилонской женой фараона, и сообщил, что может говорить с Розмари на древнем языке, потому что сама Розмари раньше была молодой сирийской рабыней, храмовой танцовщицей, которую царица взяла себе в прислужницы, затем они обе утонули в Ниле, спасаясь бегством от гнева жрецов. Мелодраматические истории такого рода нередко встречаются в литературе о перевоплощении и сами по себе заслуживают внимания. Если перевоплощение и в самом деле случается, то трудно понять, почему большинство перевоплотившихся должны быть древними египтянами или могущественными индейскими вождями, однако в данном случае это не имеет никакого значения, потому что Розмари действительно говорила на древнеегипетском языке.

Вуд фонетически записал пять тысяч фраз и коротких предложений и затем послал их для перевода египтологу Говарду Халму. Кроме изображения звука «и» иероглифы обозначают только согласные звуки. Ни один живой человек не знает, как говорили древние египтяне, потому что гласные нужно угадывать, сравнивая их с отдаленно родственными коптскими формами и произношением. Некоторые египтологи пришли к единому мнению относительно числа и расположения букв в иероглифическом алфавите, но все допускают, что отсутствующие гласные могут менять

значение слов. Когда из слов Розмари были удалены гласные звуки, Халм без труда разобрал оставшееся. Он говорит: «Это трудно объяснить... я имею в виду чисто технические и наиболее убедительные признаки: язык, характерный для того периода, архаизмы, грамматическую правильность, особые народные словечки, обычные элизии и фигуры речи... все это очевидно». Он был убежден.

Были проведены консультации с другими известными специалистами по египетской грамматике и синтаксису, все они пришли к заключению, что сообщения составлены на мертвом языке иероглифов и содержат неизвестные им дополнения, поскольку они знакомы лишь с его письменной формой. Был поднят вопрос о том, не могла ли Розмари выучить иероглифы и изобрести собственные гласные, но скорость, с которой Розмари давала явно осмысленные ответы на неожиданные вопросы, заставила отказаться от этого предположения. Ни один из живущих ныне людей не может говорить по-древнеегипетски, и даже специалисты не могут свободно читать на этом языке, потому что им приходится с трудом расшифровывать каждое слово методом проб и ошибок. И тем не менее Розмари сумела всего лишь за полтора часа произнести на этом языке шестьдесят шесть правильных фраз в ответ на двенадцать вопросов, на подготовку которых Халм затратил двадцать часов.

Вопрос о реальности сирийской рабыни и вавилонской принцессы остается открытым. В папирусах времен Аменхотепа III о них нет никаких упоминаний, у нас же нет иной возможности доказать, что «некто, несомненно, живой однажды умер». Но, в сущности, это не имеет значения, ибо в данном случае мы, вероятно, имеем дело с фактом продолжения существования, независимо от того, какой механизм здесь присутствовал. Он удовлетворяет моему требованию, чтобы тот, кто живет сейчас, продемонстрировал какое-либо древнее умение, неизвестное никому из его современников.

Английская писательница Джоан Грант — автор нескольких ярких исторических романов — способна сознательно погружаться в транс, который называет своей «далекой памятью», считая, что в этом состоянии она воскрешает в памяти события своих прежних воплощений. Ее видения содержат так много подробностей, что составили содержание нескольких многосюжетных книг, в которых действуют такие разные персонажи, как римская матрона, покончившая с собой в мраморном саркофаге, средневековая девушка, сожженная на костре, как ведьма, и менестрель, игравший в XVI в. на лютне в Италии. Диктуя очередной эпизод из своей прошлой жизни, Джоан Грант не могла удержаться от рвоты, объясняя ее ужасным смрадом, исходящим от женщины,

больной оспой. Ее лечащий врач, хорошо знакомый с этим заболеванием, утверждал, что она ошиблась, так как при оспе не бывает дурного запаха, но через некоторое время он прислал ей статью о редкой разновидности оспы, появившейся на Среднем Востоке и отличавшейся «специфическим зловонием, которое невозможно спутать ни с чем другим».

Грант верит, что «тело каждого человека состоит из физического и сверхфизического компонентов; когда энергетический обмен между этими двумя компонентами прекращается, физическое тело погибает. Но сверхфизическое тело не умирает». Здесь она очень близка к понятию биоплазмы, но, по ее мнению, сверхфизическое тело не может умереть, ибо оно состоит из материи, не подверженной тому процессу, который мы называем «смертью», процессу, в ходе которого физические частицы, соединенные энергетическим полем, распадаются из-за того, что энергетическое поле теряет активность». Выживание представляется ей пребыванием во власти так называемого «интеграла», который представляет собой общую сумму всей мудрости, накопленной в целой серии воплощений: он решает, какое именно из множества прежних сверхфизических тел должно занять только что оплодотворенное яйцо. Пол, способности и некоторые из иррациональных симпатий и антипатий непосредственно обусловлены действием этого организующего сверхфизического тела на генетическое сырье, содержащееся в яйце.

Это привлекательное, достаточно исчерпывающее и далеко идущее построение, основанное на большом личном опыте, не учитывает всех известных фактов. Оно предполагает, что каждый живой индивид является продуктом по меньшей мере одной предшествующей жизни, однако имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что перевоплощение встречается крайне редко. Муж Джоан Грант, психиатр, применяющий гипнотическую регрессию к прежнему воплощению в своей практике, считает, что «среди тех, кому, вероятно, имело бы смысл вернуться к прежней личности, лишь незначительная часть была способна вспомнить хотя бы один эпизод». Сверхфизическое тело, о котором говорит Джоан Грант, во многих отношениях прямо соответствует природе и поведению недавно открытого биоплазменного тела. Как известно, биоплазма, по-видимому, способна переживать гибель и распад соматической системы, однако и сама разрушается со временем, поэтому можно предположить, что, отрицая распад сверхфизического тела, Джоан Грант ошибается. С точки зрения физики и биологии более вероятно, что организующее поле, несущее характерные признаки личной памяти и опыта, быть может, не единственной жизни, в конечном счете зависит от энергии, которую легче всего получить от живого тела.

Грант утверждает, что «привидение — это отделившийся фрагмент личности, обладающий лишь ограниченным и постепенно уменьшающимся количеством энергии, поэтому современное здание для него привлекательней средневекового подземелья». Это весьма любопытное замечание, и если мы вспомним о том, что многие призраки кажутся довольно примитивными и в основном повторяют одни и те же действия, то мы придем к вполне обоснованному допущению, что к бестелесной личности почти ничего нельзя прибавить или убавить. Возможно, бесплотные биоплазменные поля способны слегка касаться живых тел, оставляя у последних мимолетное чувство присутствия призрака, при этом биоплазменные поля получают дополнительное количество энергии, позволяющее им еще немного продержаться. Создается впечатление, что они обречены на подобное существование, иначе они попытались бы вселиться в достаточно неустойчивое тело или перевоплотиться в достаточно восприимчивое оплодотворенное яйцо. Или окончательно лишились бы энергии под воздействием святой воды или любой другой ритуальной формы изгнания духов.

В этой связи разумно было бы предположить, что продлевающий им жизнь заряд энергии должен исходить от живого тела того же биологического вида, однако отчаявшееся биоплазменное существо может ухитриться получить некоторое подкрепление от других подходящих теплокровных млекопитающих. В эту концепцию вписываются традиционные представления о вампирах (жаждущие биоплазмы, когда-то принадлежавшие безнравственным людям) и оборотнях (биоплазмы, вынужденные из-за отсутствия человека воспользоваться животным). Очевидно, не только наш вид способен создавать энергетические поля, дополнительную энергию можно получить, соединив внетелесные человеческие системы с другими не принадлежавшими человеку биоплазмами. Это могло бы пролить свет на происхождение ужасных бесформенных призраков с отдельными человеческими чертами, которые время от времени появляются не только в готических романах. Все эти несколько натянутые предположения не выходят за рамки гипотезы, согласно которой бесплотные биоплазменные поля мыкаются после клинической смерти и либо, истощившись, исчезают, либо находят какой-нибудь способ более длительного выживания. Из многих рассказов и немногих контролируемых экспериментов мы знаем, что некоторые особо чувствительные люди, держа в руке предмет, способны точно и живо описать его прежних владельцев. Эта способность, названная психометрией, представляется вполне реальной. У биоплазменного феномена это свойство может способствовать выживанию. Если заряды электрической энергии можно надолго запечатлеть на воске грампластинного диска, если

магнитные импульсы можно уловить, чтобы затем передать по проволоке, тогда сохранение образцов биоплазменной энергии в драгоценных камнях или металлах, с которыми она была в контакте, не покажется невероятным. А если это так, то предположение, согласно которому биоплазменная энергия, созданная живым организмом, вскоре после его клинической смерти может найти подходящий, достаточно восприимчивый субстрат и перевоплотиться, не будет слишком дерзким по отношению к природе.

Я полагаю, что двойственная природа живых тел, разъединение их составных частей, выживание одной части без другой и новое сочетание этих частей после разделения во времени или пространстве — все это вполне возможно с биологической точки зрения.

Глава IX

ЧУДЕСА И ДРУГИЕ ФАКТЫ

Мы так привыкли к чудесам, что нам нелегко будет узнать нового мессию. Реанимационная техника ежедневно воскрешает людей из мертвых. Один больной, «умиравший» в сердечном отделении нью-йоркского госпиталя более девятнадцати раз, сегодня ведет обычную активную жизнь, однако же никто не считает это чудом. Конечно, он носит электронный писмейкер, и это вещественное доказательство огромной роли техники является тем колышком, на который мы вешаем свою веру. Однако есть люди, которые творят чудеса без помощи техники.

Во время моей последней поездки в Индию я видел человека, умеющего творить почти все чудеса Христа. Сатья Саи Баба не похож на мессию. Высокий и стройный, с копной курчавых волос, он медленно шествует в длинном красном шелковом одеянии сквозь толпу собравшихся около его ашрама в Бангалоре, щедро раздавая здоровье и богатство. Он превращает камни в сладости, цветы — в драгоценности, воздух — в священный пепел, которым заполняют огромные цилиндры, и лечит прикосновением или на расстоянии. Я не имел возможности непосредственно изучать его деятельность, однако работавший с Саи Бабой Ховард Мерфит уверен, что это не фокусы и не обман.

Чем бы ни были его действия, нам интересна реакция его почитателей, которые видят почти то же самое, что видели толпы людей на горе в Палестине две тысячи лет назад. Сотни тысяч людей, видевших Саи Бабу, верят, что он — земное воплощение божества. В Индии, где перевоплощение — привычная вещь, такая вера возникает легко, а вот какой бы была реакция Запада?

Я уверен, что, если бы Сани Баба совершил хорошо разрекламированное турне по столицам Европы или если бы полнометражный фильм о его талантах был показан в самое удобное время по американскому телевидению, он вызвал бы не меньший интерес, чем бракосочетание членов королевской семьи. Мгновенное исцеление слепоты или паралича, драматическое возвращение от смерти к жизни и здоровью еженедельно происходит в Лурде, Фатиме, Мэдисон-Гарденсе и Альберт-Холле, однако о них даже вскользь не упоминается в прессе.

Британская и Американская медицинские ассоциации то и дело самоуверенно провозглашают: «Мы не располагаем свидетельствами того, что некоторые виды заболеваний, перед которыми бессильна современная медицина, были излечены одним целительством». Профессионалы упорно игнорируют тот факт, что большинство пациентов обращаются к нетрадиционным методам лечения только тогда, когда официальная медицина не смогла им помочь, и настаивают на том, что диагноз вылеченного заболевания был поставлен неверно или ошибочно приписан органической причине, хотя в действительности объясняется историей. Однако под давлением массы фактов ни один врач не осмелится отрицать, что не имеющие медицинского образования целители могут лечить и излечивают тяжелейшие болезни.

В конце XIX в. французский ученый-фармаколог был поражен, когда пациент, страдающий явно неизлечимым заболеванием, последовав его совету, стал принимать новое патентованное лекарство и полностью исцелился. Он изумился еще больше, когда, исследовав состав лекарства, обнаружил, что это безвредное средство, действие которого основывалось на «его невольном красноречивых рекомендациях препарата и вере пациента в него и его слова». Эмиль Куэ пришел к заключению, что оказанное им на пациента воздействие, возможно, чем-то напоминает гипнотическое внушение, однако в конечном счете пациент сам отвечает за свое лечение. Он решил, что, вероятно, все лекарства сами по себе бесполезны, и в 1910 г. основал в Нанси клинику, где обучал тому, что он назвал «самовнушением». Именно он придумал известное изречение «с каждым днем мне становится лучше и лучше», многие годы его система пользовалась огромной популярностью, но постепенно с ней случилось то же самое, что и с другим увлечением того времени — френологией.

Сегодня мы больше знаем о той важной роли, которую играют соматические эффекты. Общеизвестно, что человек сам может сделать себя больным или здоровым. Многие симптомы порождаются сознанием, областью, в которой не слишком хорошо разбираются большинство врачей, недаром так часто встречается феномен смены синдромов. Майкл Бейлинт приводит ужасный пример

с человеком, который последовательно лечился у тридцати четырех специалистов, но так и остался больным, «хотя, например, хирург, оперировавший ему анальную трещину, ортопед, исправлявший его поврежденный позвоночник, или невропатолог, лечивший его от тика, закрыли истории его болезни и, возможно, даже сочли лечение удачным».

Альберто Мариначчи из Калифорнийского университета взялся лечить нескольких больных, страдавших параличом, у которых не было известно, по какой причине они заболели. Он обращался непосредственно к подсознанию больных, используя для восстановления мышечных функций технику биологической обратной связи. Некоторые из этих больных уже покинули свои постели и начали ходить. В Лос-Анджелесском центре ветеранов Морис Стерман с помощью той же техники обучал больных с тяжелой формой эпилепсии распознавать симптомы, предвещающие начало припадка, и, контролируя их, препятствовать их развитию. Стивен Блэк приходит к следующему выводу: «Из всех болезней, доставшихся на долю человечества, по меньшей мере половина всегда была психологической». Поэтому создается впечатление, что целители просто включают или выключают человеческие возможности. Но мы, пожалуй, слишком много приписываем сознанию больного, хотя поступает все больше свидетельств того, что целители обладают особой силой, способной воздействовать на других людей.

Бернард Град из Макгиллского университета в Монреале, проведя ряд остроумных опытов, открыл совершенно новую область. Сначала он обрабатывал ячменные зерна солью, потом нагревал их в духовке, повреждая семена и значительно ухудшая их всхожесть. Затем ячмень помещали в банки с водой. В одних банках была обычная вода из-под крана, в других — та же вода, но предварительно помещенная в запечатанную бутылку и полчаса находившаяся в руках известного целителя. Эксперимент проводился вслепую, так что целитель никогда не видел всходов, а лаборант, ухаживавший за растениями, не знал, какая бутылка получена от целителя, а какая — прямо из-под крана. Двумя неделями позже, когда сложный план был раскрыт, оказалось, что зерна ячменя, получавшие обработанную воду, показали большую всхожесть, были выше и крупнее, чем те, которые росли в менее привилегированных банках.

Разгадка этого явления заключена в крайней неустойчивости молекул воды, их внутренняя связь в десять раз слабее, чем у большинства других химических соединений. Возможно, это хрупкая связь нарушается в руках целителя. Опытный химик способен отличить друг от друга два образца простой воды только на основе изменений их атомных связей. Бесспорно, наука вызывает

восхищение, однако она несколько меркнет в свете того, что в каждом ячменном зерне действует не менее сложная лаборатория.

Живые организмы состоят в основном из воды, и все биохимические процессы протекают в водной среде, поэтому целители могут воздействовать на организм только с помощью контроля над этим основным элементом. Хуста Смит из нью-йоркского колледжа Розари Холл добавила еще одно звено к цепи причин, показав, что целители так же легко воздействуют и на органические молекулы. Для первого опыта она выбрала энзим трипсин, который вырабатывается поджелудочной железой и участвует в переваривании белков в двенадцатиперстной кишке. Очищенный трипсин был помещен в запечатанные колбы на срок проведения эксперимента, то есть на одиннадцать дней. Канадский целитель Оскар Эстебани ежедневно держал в руках одну из колб в течение семидесяти пяти минут, а затем трипсин передавался другому ученому, который проверял его эффективность, скармливая ему белок. Опыты показали, что целитель «оказал на энзим сильное стимулирующее воздействие», потому что трипсин, побывавший в руках целителя, поглощал белок гораздо быстрее, чем трипсин, хранившийся в контрольных колбах, которые либо никто не трогал, либо держали в руках люди, не обладавшие даром исцеления.

Хуста Смит решила не останавливаться на достигнутом и доказать не только возможность внешнего воздействия на биохимические реакции, но и благотворность подобного воздействия на организм. В следующих опытах она исследовала «ум» и проницательность рук целителя, отдав на их попечение энзим никотинеамид-аденин-динуклеотид (НАД). Этот энзим — один из пары энзимов, которые устраниают водород из углеводов, подготавливая их к воздействию других энзимов. В чистом растворе, при отсутствии химических помех, этот процесс происходит очень быстро, однако в живом организме над этим процессом жизненно необходим строгий контроль. После того как помещенный в колбы НАД подвергнулся воздействию целителя, его влияние на углеводы соответствующим образом контролировалось. Действие энзима на углеводы не ускорялось, а в необходимой степени замедлялось. В противном случае целитель мог бы вызвать неудержимый рак, пытаясь просто залечить небольшую ранку.

Полностью не удовлетворившись и этими результатами, Хуста Смит провела конечную серию опытов. На этот раз она выбрала комбинированный энзим амилаза-амилоза, участвующий в расщеплении гликогена, хранящегося в печени и мышцах и при необходимости поступающего в кровь в виде глюкозы. Если эти энзимы действуют слишком активно, концентрация сахара в крови повышается и человек заболевает диабетом, если реакции протекают

слишком вяло, уровень сахара в крови падает и пациент чувствует себя тоже плохо. Поэтому для здорового человека оптимальным должно быть отсутствие изменений в реактивности этих энзимов после воздействия целителя. Так и произошло. Смит делает вывод, что «человеческое мышление может генерировать целебную силу. И эта сила на удивление избирательна в своем воздействии на специфические процессы, происходящие в организме».

Следующий важный шаг, подтверждающий возможность подобного биохимического воздействия на животных, был сделан Градом. Он подготовил триста мышей, выщипнув у них со спины одинаковый крохотный кусочек кожи. В обычных условиях можно было бы ожидать, что время, необходимое на заживление ранки, будет колебаться в некоторых пределах в зависимости от здоровья, возраста, пола, общественного положения и индивидуальных особенностей. Град обнаружил, что все мыши, которых по пятнадцать минут ежедневно держал в руках целитель, выздоровели быстрее, чем мыши, которых на тех же условиях держали в руках другие экспериментаторы. Вероятно, руки целителей заключают в себе или испускают из себя нечто, отличающее их от остальных людей.

Тельма Мосс из Калифорнийского университета с помощью своего высокочастотного аппарата пыталась локализовать способности израильского целителя Иегуды Иска. Она говорит, что на полученных ею изображениях руки каждого человека окружены светящейся аурой, но «корона целителя качественно иная», и в момент лечения с ней происходят существенные изменения. В одном из опытов она сравнивала воздействие, оказываемое на комнатное растение целителем и человеком, утверждавшим, что не имеет способностей к садоводству. «Зеленые пальцы» целителя оставляли на листе сияющие отпечатки, тогда как «коричневые пальцы» другого участника опыта, коснувшись листа, оставляли мертвые области с полностью затемненной биоплазмой.

У нас есть все причины предполагать, что этой измеримой физической способностью обладают все успешно практикующие целители. Харри Эдуардз из Великобритании, Фра Пио из Италии, Ольга Робертс и Катрин Кульман из Соединенных Штатов утверждают, что способны излечивать силой молитвы. Возможно, они являются только проводниками целительной силы, но представляется очевидным, что секрет их успеха, хотя бы частично, заключен в их собственных руках.

Источник здоровья и исцеления лежит в биоплазме, и если биоплазма каждого человека уникальна, то следует ожидать, что ее характеристики могут учитываться при диагнозе различных

заболеваний. Вероятно, так оно и есть. Британский медиум Берта Харрис — одна из тех, кто может видеть ауру невооруженным глазом. Недавно ей удалось заметить, что одно из купленных ею в магазине яиц имеет двойную ауру. «Когда же я разбила его на сковороду, в нем оказалось два желтка, и я увидела, что яйцо было оплодотворенным. Без двух желтков у яйца не было бы двух аур, а у неоплодотворенного яйца ее не было бы вовсе». Точно так же она определяет ранние сроки беременности и видит эмбрионы близнецов задолго до того, как их можно обнаружить с помощью обычных медицинских средств.

Многие сенситивы утверждают, что могут читать ауру, однако их способность редко становилась предметом объективных исследований. Нейропсихиатр Шафика Карагулла, осуществляющая программу изучения этого феномена в Калифорнии, уже добилась впечатляющих результатов, работая с женщиной по имени Диана. Она способна видеть «жизненное, или энергетическое, поле, окружающее плотное физическое тело, проникая в него, подобно сети из лучей света». Описание Дианы напоминает дwoящееся телевизионное изображение, когда каждое тело на расстоянии одного-двух дюймов от поверхности окружено расплывчатым контуром. Она способна также видеть сквозь тело, определяя форму и строение большинства главных органов. Ее описания отражают взгляд непрофессионала, однако они точны и легко переводятся на язык медицины.

Для первого опыта Карагулла отобрала пациентов с подтвержденными медицинскими диагнозами, а затем попросила Диану подробно описать, что она видит. «Она описала присутствующее на данный момент физическое состояние, которое во всех случаях оказалось совершенно точным». Вдобавок Диана описала, как выглядит энергетическое тело, в котором она увидела спиральные вихри. По ее словам, они состоят из семи-восьми лучей света, которые точно соответствуют традиционным чакрам йоги. Она говорит, что, если один из этих лучей оказывается искаженным или вообще отсутствует, она ищет какое-то патологическое нарушение в этой области. Тогда Карагулла решила, что сначала нужно создать карту энергетического тела у здоровых людей, чтобы иметь основу для сравнения в случае болезни, однако, пытаясь найти абсолютно здоровых людей, она столкнулась с большими трудностями. Осмотрев одного человека, отобранного благодаря отменному здоровью, Диана заметила у него многочисленные нарушения во всем теле. Она посоветовала ему пройти полное медицинское обследование, которое не обнаружило у него никаких отклонений, однако полтора года спустя у него развилось тяжелое заболевание нервной системы, известное как болезнь Паркинсона.

Карагулла разработала процедуру, исключаящую возможность телепатического получения информации о пациентах. Они вдвоем с Дианой должны были отправиться в амбулаторное отделение крупного нью-йоркского госпиталя и выбрать пациентов наугад, заранее условившись обследовать того, кто сидит на седьмом стуле от двери, или того, кто сидит рядом с пустым креслом. Затем Диана начинала осматривать пациента, начав с головы и спускаясь к ногам, диктуя на магнитофон все, что видит. Затем ее диагноз проверялся по истории болезни.

Когда Диана сообщала, что кости выглядят «рыхлыми» или что гортань серая и безжизненная, оказывалось, что пациент страдает болезнью Педжета (заболевание скелета, которое обычно обнаруживается с помощью рентгена) и гипофункцией щитовидной железы. Когда она говорила об «искаженном и волокнистом» рисунке солнечного сплетения и «темном» гипофизе, то официальный диагноз был синдром Кушинга (нарушение функции надпочечников, часто связанное с патологией гипофиза). Когда говорила, что энергетическое поле вокруг головы «толще» с одной стороны, оказывалось, что пациент был эпилептиком с лоботомией. Когда Диана описывала препятствие в толстой кишке, то этот диагноз позднее подтверждался с помощью рентгена, и три дня спустя пациентку оперировали по поводу непроходимости толстой кишки.

Все эти диагнозы нельзя объяснить случайностью, в тех же случаях, когда диагноза не знали ни пациент, ни врач, телепатия не могла иметь места. Диана и другие подобные ей люди могут «видеть» то, что большинство из нас могут наблюдать только с помощью специального оборудования, и в каждом случае структура связана с энергетическим телом, которое философия йоги описывает как местопребывание праны, а высокочастотная аппаратура выявляет как биоплазму. К тому же создается впечатление, что эта структура не просто отражает физическое состояние тела, но изменения на энергетическом уровне даже предшествуют физическим изменениям.

В области медицинской диагностики самую быструю оценку состояния больного давал необразованный бразильский шахтер Хозе де Фрейтас, известный под именем Ариго. Он умер в 1971 г., но за последние пятнадцать лет жизни вылечил более двух миллионов больных. В неказистом домишке рядом с гостиницей в маленьком горном городке Конгоньяс-ду-Кампу он ежедневно принимал более тысячи больных; их очередь медленно двигалась перед сидящим за столом Ариго, который, бросив взгляд на больного, что-то быстро писал на клочках бумаги. Клочки были подробными рецептами на португальском или немецком языках,

лекарства же, приготовленные в аптеках по этим рецептам, оказывались крайне эффективными.

В 1968 г. нью-йоркский невропатолог Андрия Пуариш совместно с группой из шести врачей и восьми ученых других специальностей проводили исследование способностей Ариго. У них на глазах мимо Ариго прошла тысяча человек, и он, не дотронувшись до них и в среднем потратив на каждого пациента менее одной минуты, не колеблясь установил тысячу небанальных диагнозов, сопровождая каждый диагноз рекомендацией соответствующего лечения. Пуариш говорит: «Выяснилось, что мы способны подтвердить 550 диагнозов, так как в этих случаях могли достаточно точно сами определить заболевание. В остальных четырехстах пятидесяти случаях мы не могли быть уверенными в нашем диагнозе, потому что у нас не было необходимого оборудования. Там, где мы были уверены в диагнозе, мы не обнаружили у Ариго ни одной ошибки».

К тому же Пуариш заметил, что Ариго необыкновенно точно выписывал рецепты, хотя тратил на каждый не больше нескольких секунд и никогда не смотрел на то, что писал. Многие рецепты включали до пятнадцати различных лекарственных веществ с точными официальными названиями, в необходимых количествах и пропорциях. Приблизительно пяти процентам пациентов Ариго ставил диагноз, но не выписывал ничего и говорил: «Простите, я не в силах вам помочь». Группа Пуариша подтвердила, что все эти больные были безнадежны.

На вопрос, как это ему удастся, Ариго просто ответил, что правым ухом слышит голос. Он считал своего невидимого ассистента немецким врачом, неким доктором Фрицем, умершим в 1918 г. в Эстонии. А тот в свою очередь советовался с духом японского хирурга и французского врача. Несмотря на биографические подробности, сообщенные Ариго, следы этих людей не удалось обнаружить.

Ариго обратился исключительно к диагностике только в последние годы, выйдя из тюрьмы, где он дважды сидел за то, что занимался медициной без лицензии. До заключения он делал тысячи сложных операций кухонным ножом и ножницами в совершенно нестерильных условиях, окруженный толпами детей. Его работу сравнивали с «хирургией в центре лондонского вокзала в часы пик». Пуариш рассказывает об операции на толстой кишке, свидетелем которой он был. «Ариго попросил больного спустить брюки. Потом он взял нож, вытер его об рубашку, сделал большой разрез, развел брюшные мышцы, вытащил кишки и спокойно отстриг от них кусок, как будто отрезал сосиски. Затем он взял оба конца кишки, засунул их обратно и соединил края передней брюшной стенки... Он никогда не пользовался нитками.

И в заключение Ариго сильно хлопнул больного по животу и сказал: «Ну, все».

Подобные операции несколько раз снимались независимыми группами на киноплёнку, а анализы образцов крови подтверждали ее принадлежность оперируемым, поэтому предположение о галлюцинациях и гипнозе свидетелей операции отпадает. Никто не может загипнотизировать камеру. Подытоживая свое исследование деятельности Ариго, Пуариш сказал: «Он делает это. Я не могу сказать вам — как. За неделю он один излечивает не меньше больных, чем огромная клиника, и, я думаю, не хуже. Сейчас мы готовим наш материал в надежде, что какой-нибудь медицинский журнал опубликует наш отчет». Это было в 1968 г., а отчет еще ждет профессиональной публикации. Тем временем Ариго умер.

К счастью, остались другие. Я видел их. Остров Лусон — самый большой и густонаселенный из Филиппинских островов, известный своими плодородными долинами, где растут рис, табак и сахарный тростник. Однако сегодня он славится не этим. В ста километрах севернее Манилы и в пятнадцати градусах от экватора находится маленький сельскохозяйственный район, в котором созрел новый невиданный урожай целителей. Как ни странно, между этим аванпостом и штатом Минас-Жерайс в Бразилии, где жил Ариго, есть связь. И здесь и там живут последователи Общества спиритов, основанного в 1857 г. французским мистиком Леоном Денизаром Ипполитом Ривали, более известным под именем Аллан Кардек.

Кардек был уверен, что спасение невозможно без благотворительности. Он учил, что самый щедрый дар милосердия — здоровье, но передать его можно лишь в сотрудничестве с духами, обитающими в невидимом мире, где организуется и контролируется здоровье. В Бразилии насчитывается четыре миллиона спиритистов и существует несколько крупных больниц, где лечат главным образом нервные заболевания, а в относительно небольшой общине на Филиппинах лечат любые органические заболевания.

Большинство целителей с острова Лусон принадлежат к Христианскому спиритическому союзу Филиппин, свободно координированной группе небольших сельских церквей, где в личном контакте друг с другом у многих открывается талант целителя. Обучение сводится к молитве, смирению и знакомству с теми частями христианской Библии, где говорится об исцелениях, в частности, особое значение придается Псалму 120. Мало кто из целителей где-либо учился, и никто из них незнаком с медициной, они плохо представляют себе, что они делают и как; но все тридцать или более ныне практикующих целителей делают хирургические операции голыми руками.

На Филиппинах я видел сотни операций, сделанных шестнадцатью разными целителями. Техника операций у каждого имеет свои особенности, но все операции типичны. Вот одна из моих записей того времени:

«Пациентка — женщина средних лет, с босыми ногами, в старой цветастой юбке и белой хлопковой кофточке. Мне сказали, что у нее сильные боли в животе. Она ложится на деревянный стол, который я только что внимательно осмотрел. Ни на нем, ни под ним ничего не спрятано. Ассистент целителя приподнимает ей кофту и затыкает за лифчик. Я гляжу во все глаза. Ничего подозрительного. Ее юбка расстегнута и раздвинута, а сверху положено полотенце, чтобы не запачкать одежды. Мне позволяют осмотреть полотенце, и я не обнаруживаю в нем ничего компрометирующего, разве только оно не слишком чистое. Женщина лежит спокойно, с руками, закинутыми за голову, пожалуй, испуганная, но полностью доверяющая целителю. Он входит. Одет он в хлопчатобумажные брюки и светлую рубашку с короткими рукавами. Он обезоруживающе улыбается и медленно, как манекенщица, поворачивается, чтобы показать, что в руках у него ничего нет. Он легко кладет обе руки на живот женщины, закрывает глаза и некоторое время просто стоит в этой позе. Затем, стоя справа от нее, он поднимает левую руку, кладет ей на лоб, по-прежнему держа правую на ее пупке. Он что-то говорит на местном наречии илогано. Мне говорят, что это молитва. Теперь все очень спокойны. Целитель приступает к операции. Он берет кусок ваты из пачки, которую я дал ему сам, окунает его в розовый таз, который я пять минут назад наполнил водой из-под крана, и довольно сильно трет им по животу три или четыре раза. Затем он начинает делать движения, напоминающие замешивание теста, нажимая концами всех десяти пальцев на кожу живота, так что вода, попавшая сюда с ваты, сбегает по бокам на стол. Целитель захватывает плоть двумя руками, легко ее приподнимает, а затем опускает, с каждым разом нажимая все сильнее. Сейчас он работает справа от ее пупка, и вдруг в этом месте появляется что-то красное. Возможно, кровь. Сначала она водянистая, так как смешана с влагой на коже, но затем темнеет и начинает булькать у него под пальцами. Я не вижу раны. Медленно он расставляет руки на десять сантиметров, и я могу видеть, как выглядит соединительная ткань: тонкая, почти прозрачная, эластичная, красная, покрытая кровью. Теперь я вижу гораздо больше красной жидкости, она начинает течь на полотенце. Я стою слева от женщины, в метре от нее, и, наклонившись, могу чуть сократить это расстояние. Целитель еще некоторое время месит ее живот, теперь пальцы его левой руки проникают в ее плоть до второго сустава, и они покрыты красным. Он раздвигает руки и кивком приглашает меня

ближе рассмотреть ткань. Вместо ваты теперь находится то, что выглядит как плоть. Я протягиваю свободную левую руку и дотрагиваюсь до нее. Она мягкая и теплая, а кровь, свертываясь, образовала на ее поверхности сгустки, похожие на печенку. Я беру пальцами и снимаю один из сгустков, который оказывается липким. Я нюхаю его. Я уверен, что это кровь. Теперь я могу глубже заглянуть в рану. Целитель нажимает на живот, и масса крови собирается в двух углублениях у него под руками. По мере того как его пальцы скребут, будто копая нору в мокром песке, я время от времени вижу внизу белую брыжейку. Я могу различить сеть капилляров, идущих к тому, что выглядит как часть тонкого кишечника. Мое лицо совсем рядом с поверхностью живота. Целитель нажимает все сильнее. Теперь он направляет правую руку чуть вбок, и между первым и вторым пальцами начинает показываться большой красный комок. Я вижу, как он растет. Я не верю своим глазам. За несколько секунд он увеличился до размеров теннисного мяча, однако не имеет его правильной формы и все еще прикреплен к чему-то внизу. Помощник целителя подходит справа и хватает шар щипцами. Он мягкий, эластичный, и на нем совершенно нет крови. Он тянет за него и чуть приподнимает над поверхностью. Целитель что-то ему говорит. Кто-то протягивает пару больших ножниц, и ассистент начинает резать у основания шара. Кажется, что теперь он держится только на плоскости ткани, но рука у него дрожит. Наконец ему удастся его освободить и вытащить. Я протягиваю руку, и он бросает мне его в открытую ладонь, как бламанже. Он теплый, и, когда я сдавливаю его, вытекает совсем немного крови. Внутри чувствуется что-то твердое. Я бросаю его в розовый таз и продолжаю смотреть. Целитель по-прежнему держит левую руку внутри живота, слегка пошатываясь, тихо причмокивая и глядя в потолок. Но вдруг он перестает качаться, сжимает руки так, как если бы лепил что-то из глины. Трет руки одна об другую, размазывая кровь по запястьям, и медленно выпрямляет ладони. Теперь они обе на поверхности, и вокруг нет крови. Мне больше не видно подкожной ткани. Вдруг он останавливается, поднимает разом обе руки, в которых ничего нет, и идет мыться. Справа ассистент берет тампон сухой ваты и вытирает женщине живот от крови. Раны нет. Затем он окончательно вытирает ее полотенцем, и я дотрагиваюсь до ее кожи. Она горячая, но на ней не видно никаких следов, ни единой царапинки. Кто-то заговаривает с женщиной, и она открывает глаза, опускает кофту, застегивает юбку, медленно слезает со стола и уходит, опираясь на руку старика.

Потом я еще раз осмотрел шар. Он был похож на опухоль и показался мне меньше, чем в первый раз, хотя его не вынимали из стоявшего рядом со мной таза. Я разрезал его пополам ножом

и обнаружил, что внутри он состоял из множества волокон, вросших в ткань. Американка, наблюдавшая вместе со мной операцию, показала мне три фотографии, которые она сняла «Полярондом» в тот момент, когда опухоль выделяли и вырезали.

Делая свои заметки, я все время пытался понять, что представляет собой операция. Весь процесс занимает около пяти минут, и его реальность не вызывает сомнений. Внешних эффектов — музыки, барабанов, воскурений — почти нет, ничего такого, что отвлекало бы внимание от происходящего. Операции действительно происходят, и мне не попадалось целителей, пытающихся так или иначе смошенничать. Том Валентине, журналист из Чикаго, подобно мне, провел самостоятельное исследование и пришел к следующему выводу: «Я убежден, что операция, которую я видел в этом доме этим утром, не была ловкостью рук. Мы не были под гипнозом, к тому же я невнушаем... Психическая хирургия возможна, это не надувательство, не гипнотическое внушение, не мистификация, не чудо, и она практикуется не только на Филиппинах». Он прав, но только на Лусоне ее можно наблюдать ежедневно сто раз за день.

В марте 1973 г. Джордж Мик поехал на Филиппины с группой из девяти ученых. В нее входили врачи, психиатры и физики из Швейцарии, Англии, Германии, Японии и Соединенных Штатов. Они привезли с собой для лечения пятьдесят своих пациентов с установленными историями болезни. Они наблюдали за работой десяти целителей и проводили с ними некоторые простые опыты. Закончив исследование, Мик пришел к выводу, что «фактическое наличие и ежедневная практика нескольких видов психоэнергетических феноменов, осуществляемая несколькими местными целителями, не подлежит сомнению. Была отмечена материализация и дематериализация человеческой крови, ткани и органов наряду с не принадлежащими человеку предметами». Все члены группы подписали свидетельство, в котором утверждалось, что во время операций они не заметили никакого обмана, обезболивающие средства не применялись, стерильность не соблюдалась и не было отмечено случаев инфекции или послеоперационного шока.

Один из участников группы сам подвергся операции. Дональд Уэстербек, биохимик из Сан-Франциско, потерял зрение в результате опухоли мозга, которую в Соединенных Штатах признали неоперабельной. После двух сеансов у Тони Агпаоа из Багио зрение восстановилось. Когда Уэстербек вернулся в Соединенные Штаты, врачи не обнаружили у него никаких следов опухоли. Ольга Фарит из Лос-Анджелеса страдала параличом вследствие заболевания, включающего дегенерацию костного мозга в черепе и плечах, диагноз был установлен при помощи биопсии

в Маунтсинайском госпитале и в больнице Сидерс оф Лебанон в 1965 г. Аглаоа удалил у нее «огромную массу хрящей и крови»; по возвращении Ольги в Лос-Анджелес в госпитале св. Винсента ей сделали рентген и биопсию. Ее хирург сказал: «Не знаю, что сказать, но, кроме шрама, ничего не осталось. Как будто кто-то вошел и все вычистил».

Особых успехов лусонские целители добиваются в удалении больной ткани, сгустков крови и гноя. Я видел, как они удаляют аппендикс, опухоль груди, кисты, камни из мочевого пузыря, варикозные вены, геморрой, а также успешно лечат некоторые виды рака. Во всех этих случаях имеет место полное исцеление. Сигрун Сойтеманн, врач-гомеопат из Карлсруэ, не раз совершала путешествие на Филиппины, привозя с собой около тысячи пациентов из Европы; их истории болезни свидетельствуют о значительном улучшении здоровья. Конечно, можно спорить о том, что было причиной выздоровления: физическое воздействие целителей или психосоматическая реакция пациентов. Последнее слово о медицинских возможностях целителей еще не сказано, необходимо провести широкое долговременное исследование с участием профессионалов и с предварительным и последующим обследованием больных. Пока же рассмотрим один из самых впечатляющих аспектов филиппинского целительства, по крайней мере для меня.

На протяжении всей своей жизни каждый целитель многократно демонстрирует возможность материализации и дематериализации живой ткани. Наблюдая за операциями, я никогда не мог с полной уверенностью сказать, открывалась ли брюшная полость, но у меня не возникало абсолютно никаких сомнений в реальности крови и ткани, появляющихся на поверхности. Я брал у моей приятельницы, которой удаляли небольшую кисту с руки, образцы крови до, во время и после операции и сам наблюдал за проведением анализа в манильской лаборатории. Это была кровь одного и того же человека. Хироши Мотояма исследовал кровь оперированной японки в медицинской школе Токийского университета, анализ полностью совпал с анализом крови, взятой у той же пациентки в госпитале Чибы. Но кровавое месиво, в котором так эффектно копаются целители, не всегда имеет отношение к внутренностям пациента. Швейцарский психиатр Ганс Негели, бравший образцы крови во время операций, обнаружил, что они не принадлежат ни одному из прооперированных пациентов. Два или три образца были идентичными, а третий оказался даже не человеческой кровью, а скорее всего кровью овцы, хотя ближайшая от Филиппин овца находится, вероятно, в Австралии. Сойтеманн, наблюдавшая более шести тысяч операций, считает, что тело открывают только изредка, да и то самые умелые целители, в частности Тони Аглаоа. Она также думает, что ткань, материализую-

шаяся на поверхности тела, в девяносто девяти процентах всех операций не принадлежит человеку.

Это не связано с обманом. Я достаточно близко наблюдал операции, чтобы уверенно заявить, что здесь дело не в ловкости рук и ткань, которую можно наблюдать в ходе операции, не готовится заранее и не прячется. Я присутствовал при серьезных операциях, сделанных экспромтом в номере манильской гостиницы. История человечества знает немало рассказов о медиумах, способных материализовывать предметы или порождать эктоплазму, однако недолговечность этих явлений служила серьезным препятствием для исследования. Здесь же, на Филиппинах, материализация и последующая дематериализация происходят по сто раз на день, когда угодно и совершенно открыто.

Я провел несколько дней с Жозефиной Сисон из Баронгбонга, где живут пангасинаны, и видел более двух тысяч операций, восемьдесят пять процентов которых были связаны с материализацией. Я всегда находился не более чем в футе от нее, и в ходе операции ее руки никогда не оказывались вне поля моего зрения; прикасаясь к пациенту, она всегда могла вызвать появление крови под пальцами. Иногда помимо красной жидкости возникали кусочки живой ткани, а иногда совершенно посторонние предметы. Я видел, как она вытаскивала из тела пациентов ржавый гвоздь, два целых ореха, несколько больших пластиковых пакетов, кассету из-под пленки, ветку колючего кустарника с тремя свежими листочками и осколок стекла. Либо я был обманут, либо находился под гипнозом (что исключено, поскольку некоторые из операций были засняты на кинопленку), либо Сисон способна осуществлять управляемую материализацию.

Некоторые из целителей так же легко оказывают психокинетическое воздействие. Я видел, как Хуан Бланс из Пасига на расстоянии и без ножа делал настоящие надрезы на теле пациентов. Он просто показывает пальцем — и сразу же на коже появляется разрез длиной около двух сантиметров и глубиной в несколько миллиметров. Негели замечает: «С расстояния около двадцати сантиметров он нацеливает свой указательный палец правой руки или нередко палец того, кто стоит рядом с ним, на то место, где он хочет сделать надрез. Он появляется почти мгновенно. Это аккуратный разрез, с несколькими каплями крови, без кровотечения. Видна подкожная ткань, и пациент чувствует надрез». Надрез появляется даже в том случае, когда между Блансом и пациентом помещается лист пластмассы. После операции остается тонкий шрам. Несколько раз я мог контролировать эти операции, приводя собственных пациентов и убедившись, что Бланс накануне не дотрагивался до них. В этом случае не может быть и речи о спрятанном лезвии.

Хосе Меркадо, пангасинан из Багага, использует ту же способность для так называемых «духовных инъекций». Он ставит пациентов вдоль стены своей клиники и, обходя их, нацеливает на них палец и делает то же движение, что и дети, «стреляя» из невидимого ружья. Каждый из пациентов чувствует булавоочный укол в той части тела, на которую указал целитель, а у многих из ранки сочится кровь. Однажды я встал в этот ряд, спрятав под одежду кусок полиэтилена, но, несмотря на то, что рукав моей рубашки оставался совершенно целым, на предплечье, где я почувствовал «укол», и на полиэтилене была маленькая аккуратная дырка. Как известно, подобным образом на теле у истериков могут возникать стигматы. В Мадрасе я видел, как у человека, загипнотизированного факиром, из рук сочилась кровь, а Стивен Блэк лечил пациента, у которого при одном воспоминании об инъекции, сделанной двадцать лет назад, появлялся след от укола и ранка опухала. Однако инъекции Меркадо были, очевидно, иного происхождения, так как пластик не страдает истерией.

Свое научное исследование Мик заключает следующими словами: «В настоящее время нет какой-нибудь одной научной теории или комбинации теорий, способных адекватно объяснить этот феномен». Это так, и все же я думаю, что разгадка близка. Она лежит в замечании женщины, способной видеть человеческую ауру. Наблюдая Агпаоа за работой, она сказала, что видит яркие лучи света, исходящие от его рук: голубые — от одной и желтые — от другой. Вряд ли группа сельских целителей способна тайно манипулировать сложными лазерными устройствами, спрятанными у них в телах, поэтому проще предположить, что феномен психической хирургии в конечном счете имеет отношение к биоплазме.

Обследуя Агпаоа в своей токийской лаборатории, Мотояма обнаружил, что во время сеансов целительства в его организме происходят значительные физиологические изменения. Его энцефалограмма выявила преобладание альфа-волн, кожно-гальваническая реакция увеличилась, а птоетизмография (кровенное давление) показывала колебание кровонаполнения сосудов, свидетельствующее об активации парасимпатической нервной системы. Эта система непосредственно связана с теми областями, которые известны в йоге как чакры, энергетические центры, имеющие прямое отношение к меридианам акупунктуры. Напрашивается вывод, что Агпаоа и, может быть, другие целители способны приходить в такое состояние, которое открывает им доступ к подсознательным процессам, и в этом состоянии — управлять энергией, которая, возможно, является биоплазмой.

Целители не понимают, что делают, и я не могу утверждать, что мы поступаем мудрее, описывая этот необыкновенный про-

цесс на языке почти неизвестных нам фактов, однако я верю, что здесь мы имеем дело с крохотным фрагментом иной реальности. Ученого, вроде меня, увиденное на Филиппинах потрясает. Первая реакция — возвести все защитные барьеры и сказать: «Нет! Это невозможно. Этого не может быть и, следовательно, этого нет». Но это есть, и каждый может в этом убедиться. Для этого не требуется специальное оборудование или особая вера, только билет в Манилу. Психическая хирургия — первый доступный ненаркотический способ «остановить мир». По словам Карлоса Кастанеды, это способ «разрушить свойственную всем нам догматическую уверенность в непогрешимости нашего восприятия или в реальности нашего мира».

Реальность — только описание, и, если существуют другие реальности, должны существовать и другие описания. Увидев целителей за работой, Джордж Мик испытал то же чувство и попытался найти научное объяснение вставшей перед ним дилеммы. «Человек XX века настолько ориентирован на физику и материализм, что совершенно не способен думать о себе как о собственном эфирном, астральном, ментальном, каузальном или духовном теле. Даже образованные пациенты совершенно не способны представить себе самих себя и всю живую материю как сложную взаимосвязанную систему сияющих и пульсирующих энергетических полей». Я бы добавил, что для образованного человека проблема стоит особенно остро, так как он гораздо дольше подвергался воздействию особой интерпретации реальности, которую мы на Западе научились считать несомненным фактом.

Наиболее драматичный и очевидный аспект лусонского целительства — появление живой ткани. Этот феномен действительно производит огромное впечатление. Я присутствовал на нескольких лечебных спиритических сеансах в Лондоне, которые включали только молитву и наложение рук, и должен признать, что первые несколько минут я скучал, хотя сам процесс лечения здесь, несомненно, столь же реален, как и в любой клинике на Филиппинах. Возможно, они отличаются только внешним оформлением и тем, что в Лондоне при участии больного лечат психосоматические заболевания, а на Лусоне целители добиваются особого успеха, вызывая у пациентов потрясение волнующим зрелищем «плоти и крови», которого все ждут. И тем не менее у нас есть свидетельства того, что от целителя к его пациентам или его растениям идет нечто конкретное и измеримое.

Мы не располагаем всеми необходимыми фактами, чтобы точно оценить происходящее, но, кажется, все уже склоняется в сторону предположения, что живое содержит в себе не только то, что видит поверхностный взгляд. Зримые свидетельства высокочастотной аппаратуры; действенность иглоукалывания; описание ауры

сенситивами и подтверждение этого описания в восточной философии; диагностические способности людей, не имеющих медицинского образования и не пользующихся электронной техникой; широкое распространение и точность внетелесного опыта; реальность телепатии и ее связь с энергией, описанной как биоплазма; психокинез в контролируемых условиях и, наконец, многократная макроскопическая материализация живой ткани — все это наводит на мысль, что помимо известного нам уровня, который мы подробно описали как физическую или соматическую систему, тело действует по меньшей мере еще на одном уровне.

Мистики уже давно были в этом уверены и на основании чисто субъективного опыта разработали модели семи различных уровней и семи состояний сознания. Они не менее точны и осмысленны, и продолжать это внутреннее самопознание жизненно важно, однако я уверен, что материалистические исследования столь же необходимы. Наш язык и наше мышление погружены в грамматику технологии, и, если мы хотим плодотворно общаться с множеством людей, нам нужно использовать этот язык. Говорят, наука замкнута в пределах локальных законов и не в состоянии постичь конечные космические проблемы, однако, мне кажется, эти ограничения относятся скорее к процедуре и позиции, чем к самому методу. Все направления исследования, намеченные в главах этой книги, исходят из того, что я считаю научными поисками; одни из них кажутся более фантастичными, чем другие, но все они сформулированы на современном языке. Когда мы обсуждаем такие важные для всех предметы, как жизнь или смерть, необходимы прямота и четкость.

Для ученого, как и для мистика, жизнь не является неделимой. Она состоит из динамических процессов зарождения, роста, разрушения и смерти материи, подчиняющихся известным законам термодинамики, действующим в привычном пространстве-времени. Но в жизни происходят и другие процессы, необязательно подчиняющиеся этим законам.

Известные нам факты, из которых психическая хирургия лишь наиболее доступный и впечатляющий, свидетельствуют о том, что другие уровни не только связаны с физической материей, но и относительно независимы от нее. Целитель воздействует исключительно на вторую систему и добивается исцеления с помощью собственной субстанции того же уровня; возможно, он добивается активного, но бессознательного участия пациента в излечении с помощью сопутствующих физических эффектов. Тот факт, что целитель подсознательно ставит точный диагноз, виртуозно проводит операцию, применяя тонкие отвлекающие маневры, подсказывает мысль о том, что им, в свою очередь, кто-то руководит.

К моему интеллектуальному удовлетворению, я могу понять всю противоречивость отношений между жизнью и смертью, ставшую причиной путаницы в наших взглядах. Я могу проследить развитие наших представлений о смерти в свете нашего растущего понимания механизма жизни. Для меня не составляет труда привыкнуть к иным состояниям сознания, в которые можно перейти с помощью новых химических средств или старой техники. Я не вижу проблемы в том, что личность способна отделиться от своей телесной основы вплоть до потери с ней всякой связи. Я даже могу вписать одержимость, призраков и домовых в структуру современной науки о жизни, обогащенной открытиями последних лет.

Но я не могу определить, что управляет психической хирургией. Я не могу объяснить осмысленное, прямое и умное руководство, не предположив, что за всякой жизнью стоит некий способ организации, или замысел, который выходит за рамки естественного отбора, случая, причинности в деле полного выживания личности в целом.

Я склонен заключить, что в пустоте есть форма. Если вам угодно, зовите ее Богом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я понимаю, что тема этой книги не исчерпана. Я ставлю здесь точку, потому что дошел в своих рассуждениях до конца. Я верю, что существенные пробелы в нашем понимании сложных отношений между жизнью и смертью вскоре будут заполнены и мы научимся избегать ошибки Ромео. Однако в следующем шаге я не так уверен.

Телом я должен вернуться к более продолжительному и близкому изучению лусонских целителей. Уму предстоит более трудное путешествие, которое началось на Филиппинах, ведь именно там я столкнулся с довольно тревожным явлением, с истинной преградой. Не с недостатком понимания, идущим от незнания, а с абсолютным запретом на некоторые виды информации.

Когда пациента с металлическим бедром привозят на Филиппины с единственной целью исследовать операционную процедуру и целитель работает до тех пор, пока все присутствующие не видят очертания протеза и камеры готовы заснять фильм, который убедительно докажет, что тело действительно было открыто, — свет гаснет. Когда врач-исследователь один, без оборудования идет к целителю, он видит сотни психокинетических эффектов, однако, когда он возвращается с электронной аппаратурой, способной установить вид и количество энергии, — ничего не происходит. Когда целителю удастся вынуть камень из мочевого пузыря и экземплар бережно увозят назад в Европу, чтобы сравнить с рентгеновским снимком, — он исчезает из запечатанной банки.

Это не отдельные неудачи, от которых можно отмахнуться. Они взяты из длинного ряда случаев, к которому невольно причастен каждый, кто когда-либо пытался исследовать филиппинский феномен. Об операциях можно снимать фильмы, но нельзя сделать ни одной картины, которая окончательно и однозначно доказала бы их реальность. Можно проводить эксперименты, но прежде чем они достигнут необходимого для академической науки уровня, что-то всегда случается.

С научной точки зрения эта ситуация абсурдна, однако она характерна не только для Филиппин. Сравнивая свои записи с заметками тех, кто работал в других частях света, я узнал о домовых, которые включаются в игру всякий раз, когда исследователь устанавливает аппаратуру, о бесценных магнитофонных записях, которые сгорают накануне воспроизведения, о важных свидетельствах, исчезающих без следа. Можно считать все это совпадением или же промахами экспериментаторов, пока не познакомишься с этими людьми. Никто из них не страдает некомпетентностью и не является параноиком, никто не заинтересован в путанице, все они хотели бы получить простой и прямой ответ на свой вопрос. Но независимо от нашего желания о некоторых вещах, возможно, ничего нельзя узнать. По крайней мере, при нашем современном подходе.

Поэтому мы попытались найти новые и менее прямые подходы, но, вероятно, есть линия, которую мы в данное время не можем переступить. Впоследствии эта черта, быть может, отодвинется, и неожиданно каждый получит доступ к решению проблемы, ранее казавшейся безнадежной. В науке это часто бывает, но создается впечатление, что в этой конкретной области препятствия кто-то ставит нарочно. То ли чтобы окончательно нас отвести, то ли чтобы мы не получали новую информацию слишком быстро и слишком далеко. Возможно, на этих границах мы сражаемся с собственным упрямым подсознанием или же — как кто-то предположил — за нами в нашем планетарном детском саду строго приглядывает космическая няня.

Я не знаю ответа, но я начинаю понимать, что строитель этого барьера не всегда милостив. Я по-прежнему буду искать новый путь к необходимому для нас пониманию, но должен признаться, что именно здесь, на краю внезапно разверзшейся пропасти, я испытываю некоторый страх.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

(вместо послесловия)

Нигде на нашей планете не покоится, вероятно, столько умерших, как на кладбище в Южной Калифорнии. Даже Пискаревское в Ленинграде, которое тянется на много километров, не может сравниться с ним. Однако слово «смерть» объявлено здесь недозванным. Никто не смеет назвать мертвецов мертвецами. Это исключено, ибо оскверняет обычай. Усопших здесь по сложившейся традиции называют «возлюбленными». Их тела бальзамируют, натирают благовониями, наряжают в модные одежды, украшают цветами. Вечным «спутникам» и «подругам» косметическими средствами придают «здоровый», «приятный» облик, «улыбающиеся» лица.

Что в этой традиции? Страх перед смертью, перед полным физическим распадом? Инстинктивное отвержение неизбежного? А может быть, обостренный интерес к последней тайне?

Кошмар смерти всегда преследовал людей. Он порождал специфические представления о трагизме жизни. Эту мысль, как мне кажется, точно выразил Байрон в своей мистерии «Каин»:

Я живу,
Но лишь затем, чтоб умереть, и в жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сделать ненавистною мне, кроме
Врожденной нам привязанности к жизни,
Презренной, но ничем непобедимой:
Живя, я проклиная час рожденья
И презираю самого себя.

«Врожденная привязанность к жизни» рождает самые неожиданные и подчас курьезные версии смерти. В одних культурах она рассматривается как естественное завершение жизненного цикла, в других — как нечто неожиданное, недопустимое, эксцентрическое. В 1984 г. в Политиздате вышла моя книга «Возрожден ли мистицизм?» Она вызвала читательский интерес и огромное количество писем. Первую сотню писем я распределил по папкам, снабдив каждое краткой аннотацией. Однако их число увеличивалось стремительно. Уже и другие издательства, непричастные к выпуску

книги, стали получать отклики. Открывая утром почтовый ящик, я уже знаю, что найду в нем очередное «письмецо в конверте». Сейчас идут письма из Армении, из Болгарии, из Польши, где вышли самые поздние по времени переводы книги...

Но что поразительно — преобладающая часть почты, а количество писем перевалило уже за несколько тысяч, посвящена проблемам смерти. В моей книге эта тема представлена двумя главами. Одна содержит изложение философских взглядов на феномен смерти, рассмотрены воззрения многих мыслителей — от Платона до Тойнби. Другая рассказывает об опытах зарубежных реаниматоров, собирающих и изучающих рассказы тех, кто пережил клиническую смерть. По многочисленным свидетельствам американского реаниматора Р. Моуди, его пациенты, возвращенные к жизни, обнаружили способность к тому, чтобы точно описать все, что приключается с ними после того, как остановилось сердце. Моуди ставит вопрос: не означает ли это, что душа, отделившись от тела, по-прежнему мыслит, чувствует, воспринимает?

У нас в стране тоже накоплен огромный материал о тайнах посмертного опыта. Смерть перестает быть закрытой темой. Появляются новые материалы, проводятся исследования. Возникает потребность в развернутом мировоззренческом истолковании этой темы.

Но «полную правду» можно обрести только на путях научного исследования, объединив усилия врачей, философов, психологов. Всестороннее решение поставленных проблем возможно на путях комплексного биологического и психологического анализов. В то же время современные воззрения на смерть нельзя понять до конца, не оживляя древнейших представлений, которые прежде казались порою наивными, а теперь получают научное истолкование.

Но с чего же начать изучение проблемы? Еще в юности поразили меня мысли В. И. Немировича-Данченко о природе сценического действия. Великий режиссер рассуждал примерно так: актерское поведение не может быть пассивным, безвольным. Даже состояние покоя можно выразить динамично. Скажем, человек умирает... Как это сыграть? Вот он лежит на диване, бессильно повисли руки... Нет, лучше совсем иначе: умирающий тянется к окну. Не хватает воздуха. Надо во что бы то ни стало добраться до стекла, разбить... Вдохнуть спасительную струю... Но сил уже нет. Оказывается, и угасание, чтобы вызвать ощущение правды, требует броскости, темперамента.

Не только на подмостках, но и в жизни смерть оттеняется величием жизни, ее неиссякаемыми токами. Иногда интерес человека к болевым точкам своего существования — одиночеству, болезни, смерти — кажется нам подозрительным, наводит на мысль о психологической неустроенности. Но, как показывает практика, для

нормального сознания эти вопросы не менее значимы, чем для больного. Ведь только поняв и испытав горечь обособленности, можно открыть для себя радость и счастье общения. Трагедия смерти тем страшнее, чем красочнее цветение жизни.

Человек — мера сущего. Но через какие экзистенциалы выразить это сущее? Жизнь и смерть — вот, пожалуй, наиболее обобщенные и значимые символы меры... Ведь другие экзистенциалы — свобода, счастье, общение, любовь — ценны постольку, поскольку есть великое чудо бытия — жизнь. Смерть оттеняет сокровенный смысл этих экзистенциалов. Что мы знаем сегодня о человеке как воплощении живой, мыслящей материи? Как величие одухотворенной природы раскрывает тайну самого человека?

«Что же такое жизнь? Никто этого не знает. Никому неведома та точка сущего, в которой она возникла и зажглась»*, — это строчки из романа Томаса Манна «Волшебная гора». Герои произведения пытаются осмыслить секреты жизни и смерти. Строение жизни столь необычно, высокоразвито, что в мире неорганической материи мы не найдем ничего, хотя бы отдаленно напоминающего жизнь. Между жизнью и неорганической природой зияет пропасть. Жизнь — это какая-то лихорадка материи, сопровождающая процесс непрерывного распада и восстановления белковых молекул.

Живое имеет огромное, непреходящее значение. Но как мало и ничтожно его проявление! Сфера живого в космосе пугающе незначительна. За ее пределами неисчерпаемый огромный мир безмолвия... В эпоху эллинской и средневековой цивилизации земной шар казался слишком великим по сравнению с окружающими его небесными сферами. Земля отождествлялась с центром Вселенной, и небеса были близки к человеку и к его жизни. Лишь отдельные мыслители древности догадывались о подлинных размерах космоса. У пифагорейцев сложились представления о незначительности жизни в безмолвном космосе.

«Мы должны иметь мужество не строить себе иллюзий о возможности жизни после смерти в некоем потустороннем мире, — пишет советский философ Д. И. Дубровский. — Жизнь каждого из нас — «дар случайный» — единственна, уникальна, неповторима, невозобновима. И это придает ей особую ценность, которая в существенной степени отличается от ценности ее при условии признания возможности потусторонней жизни, какого-либо способа продления ее после смерти. При прочих равных условиях невозобновимое более ценно, чем возобновимое. Существенно различной становится в каждом случае и проблема смысла жизни (и смысла смерти)»**.

* Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1959. Т. 3. С. 382.

** Дубровский Д. И. Смысл смерти и достоинство личности. // Философская наука. 1990. № 5. С. 117.

Жизнь каждого человека, безусловно, суверенна и уникальна. Осознание ее конечности и в самом деле придает человеческому бытию особый трагизм и ценность. Но вряд ли можно согласиться с философом, что именно случайность человеческого существования, невозобновимость жизни делает ее особенно значимой, обязывает искать личностный смысл краткосрочной человеческой реальности. В таком однозначном истолковании жизнь утрачивает свое таинство. Она становится самодостаточной, а проблема бессмертия и вовсе утрачивает свое реальное содержание.

В качестве иллюстрации Д. И. Дубровский ссылается на стихи А. С. Пушкина:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,—
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений.
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте:
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...*

Но о чем говорится в стихах поэта? Только о том, что загробной жизни, судя по всему, нет... О том, что именно в этом ценность посястороннего существования, поэт ничего нам не сообщает. Если бы вся философия смерти сводилась только к тому, что никакого иного бытия нет, вряд ли философы вновь и вновь обращались бы к этой теме. Немецкий философ Артур Шопенгауэр заметил: не будь смерти, не было бы и философии. Именно отсутствие окончательного ответа побуждает мыслителей снова обращаться к этой теме, стремясь выведать тайну.

Полагаю, что Д. И. Дубровский в известной мере противоречит своей концепции, излагая в той же статье проблему символического бессмертия. Ведь и сам Пушкин в другом стихотворении, с детства нам известном, говорит о том, что «душа в заветной лире» переживет его прах и «тленья убежит». Зачем искать способы prolongации жизни в различных фантомных формах, если заведомо известно, что человеческое бытие невозобновимо? Только для того, чтобы преодолеть чувство вечного страха?.. Предельная ясность в этом вопросе, на мой взгляд, способна привести к прямо противоположному результату: обесценить жизнь. Нельзя не видеть, что в истории философии прослеживается и такое умонастроение.

* Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. М., 1984. С. 86—87.

Люди по-разному относятся к жизни и к самой ее ценности, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования, к радостям «случайного дара», к нравственным нормам. И вот что интересно: иногда у конкретного индивида возникает иллюзия, будто ценностные ориентации носят вечный, внеисторический характер. Иначе говоря, они везде одинаковы.

Несомненно, люди во все времена стремились к утверждению любви и доброты, к облагораживанию собственного существования. Но ценности не остаются одинаковыми на протяжении всей человеческой истории. Сократ, приговоренный к смертной казни, сам выпил бокал с цикутой. В этом проявилась ценность человеческого достоинства. Однако в ту же эпоху подданный другой страны вовсе не считал за благо личную гордость и независимость. Напротив, в соответствии с иными культурными стандартами он принимал за счастье возможность раствориться в величии монарха, целуя пыльную землю, если на нее ступила нога владыки.

Ценность — это то, что индивид считает значимым лично для себя. Предположим, все знают, что каждый человек смертен. Но психологически человек нередко отказывается воспринять эту истину и тянется к святыням, которые помогают ему обрести покой, избавиться от страха, обрести смысл собственного существования. Ценность жизни в различных культурах оказывается совсем неодинаковой...

У поэта Владимира Лифшица есть такие строчки:

Мне как-то приснилось, что я никогда не умру.
И помнится мне, я во сне проклинал эту милость.
Как бедная птица, что плачет в сосновом бору,
Сознанием бессмертья душа моя тяжело томилась...*

Поэтическая интуиция подсказывает: бессмертие отнюдь не универсальное благо... У истоков человечества бесконечность жизни вовсе не оценивалась как безусловная ценность. Ф. Энгельс, например, подчеркивал, что представление о бессмертии на определенной стадии развития человечества оборачивалось неотвратимостью судьбы. Довольно часто оно не только не утешало, а, напротив, воспринималось как настоящее несчастье...** В древнеиндийской культуре, где господствовала идея многократного воскрешения души, люди часто бросались под колесницы или в воды священного Ганга, чтобы завершить очередное кармическое существование и вернуться на землю в новом телесном облачении.

Если в античности представление о скоротечности земной жизни, которая в своем значении представлялась величайшим благом, беспокоило умы, то позже возникает сознание ничтожности этой

* Лифшиц Владимир. Избранные стихи. М., 1974. С. 103.

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 282.

жизни в холодном и бесстрастном космосе. И античная философия, и христианская теология рассматривали человека как конечную цель мироздания. Однако непоправимый удар по этим воззрениям нанесла новая космология, то есть область науки, которая изучает Вселенную как целое. Космология давно оказывает воздействие на образ человека, каким он предстает, например, в канун грядущих лет. Осознание того факта, что Вселенная не знает ни центра, ни вечных очертаний, безразлична к благополучию и счастью человека, естественно, порождает трагическое мироощущение.

И все же на протяжении многих веков ученые и философы были убеждены в том, что разумная жизнь существует везде, даже на Солнце. Еще в начале нашего столетия Герберт Уэллс не сомневался в скорой встрече людей с селенитами, то есть обитателями Луны. Однако наука доказала, что Луна необитаема. Астрономы уже не рассматривают Марс и Венеру как возможные очаги жизни в Солнечной системе. Более того, они приходят к выводу, что разумная жизнь — явление редчайшее, уникальное, что, возможно, мы одиноки во Вселенной... Мысль о нашем одиночестве во Вселенной приводит к различным мировоззренческим выводам. Оптимистическую, рационалистическую версию можно выразить примерно так: если человечество уникально, стало быть, гуманизм обретает суровую, но отнюдь не пессимистическую окраску. Сколь неопределимой оказывается тогда бытие «мыслящего тростника» (именно так называл человека французский ученый XVII в. Блез Паскаль), разумная жизнь, индивидуальное человеческое существование в его неповторимости! Все это неизмеримо повышает ценность наших культурных и особенно гуманистических достижений.

Совсем иные рассуждения демонстрируют работы некоторых представителей натуралистической школы в философской антропологии. Грозные, не оставляющие надежд констатации относительно биологической ущербности детей Земли. Мрачные прогнозы, подкрепляемые разрушением экологической среды. Если разумная жизнь возникла случайно в неизмеримых просторах Вселенной, кто услышит голос человечества? Стало быть, исчезновение мыслящей материи — более закономерный акт, нежели ее непостижимое, немотивированное возникновение, а тем более сохранение. Нелогично вообще верить в счастливый жребий цивилизации, которая подошла к своей роковой черте. Тем более бессмысленно невозобновимое индивидуальное существование.

Таким образом, проблема смерти охватывает широкий спектр философских вопросов. Она перестает быть сферой интересов узких специалистов. Накопленные сведения, опыт сравнительно-культурологических исследований, современные эксперименты танатологов позволяют судить о том, что границы между жизнью и смертью весьма подвижны, что смерть так же многолика, как и земное бытие...

Каждая культура не только вырабатывает определенную систему ценностей, в которой осмысливаются вопросы жизни и смерти. Она творит также определенный комплекс образов и символов, с помощью которых обеспечивается психологическое равновесие индивидов. Человек не только располагает отвлеченным знанием о факте неотвратимой смерти, но пытается также сформировать из арсенала культуры определенную структуру наглядных представлений, которые делают возможной полноценную жизнь перед фактом неизбежной гибели.

По мнению психологов, такая система начинает складываться в психике человека уже в раннем детском возрасте. Образ, который возникает в подсознании человека в связи с его рождением, когда плод отделяется от матери, позднее трансформируется в некий прообраз ужаса перед смертью. Индивид пытается преодолеть этот ужас. Он ищет способы уйти от тления, увековечить себя, постоянно ощущая ее присутствие. Советский писатель Андрей Платонов в одном из своих рассказов заметил, что смерть не однажды посещает человека. Вот почему образ неотвратимой судьбы многократно воздействует на психику. В результате даже в сознании одного человека система образов, поддерживающих земное существование индивида, постоянно преобразуется, перестраивается.

Выживание человека предполагает, что в его психике складывается определенная структура, которая позволяет с помощью символических образов наполнить земное существование смыслом. Это психологическое равновесие приходится постоянно поддерживать, подкреплять. Такая потребность присуща не только отдельному человеку. Культура в целом может тоже войти в состояние разлада и сумятицы, разрушить присущее ей философско-гармоническое восприятие жизни и смерти. Когда возникает опасность для жизни отдельного человека или целого народа, образы символического бессмертия становятся более выраженными, интенсивными.

По мнению американского философа Эриха Фромма, психика человека изначально несет в себе драматизм человеческого существования. Ведь животное «проживает» свою жизнь благодаря биологическим законам природы. Оно наделено способностями, помогающими ему выжить в условиях, которым оно противопоставлено, точно так же, как семя растения «оснащено» природой для того, чтобы выжить, приспособляясь к условиям почвы, климата в условиях эволюции.

С появлением человека жизнь стала осознавать самое себя. Вместо того чтобы действовать на основе инстинктивной предопределенности, человеку приходится оценивать в уме различные способы действия. В нем пробуждается сознание трагичности своей судьбы: быть частью природы, но не вписываться в нее. Он осоз-

нает, что в конце концов его ожидает смерть, хотя и пытается отрицать это в различных фантазиях *.

Образы смерти проникают в массовое сознание, порождая специфические духовные феномены. В эпоху общественных сдвигов, культурных нововведений происходит переосмысление тех символов, с помощью которых человек пытается увековечить себя. Потребность в выработке образов «вечного существования» неизбывна. Сама способность к сотворению и «присвоению» таких символов — необходимое условие поддержания жизни.

Древние ритуалы и обычаи позволяют судить о том, что патриархальные народы верили в присутствие души покойного, в его посмертное существование. Предполагалось, что первоначально душа сохраняет свою связь с усопшим. Эта стадия длится относительно недолго. Тибетцы, гималайцы и другие народы Азии считали, что эта связь сохраняется восемь—десять дней. Затем наступает иная фаза, когда душа полностью отделяется от тела и откочевывает к сонму других душ.

Отношение к смерти в древних культурах носит в основном эпический характер. Кончина человека воспринимается как закономерное завершение определенного жизненного цикла. Лирические и трагические акценты еще отсутствуют. В качестве исключения можно назвать, по-видимому, аккадский эпос о Гильгамеше. Хозяин города Урук поначалу счастлив. Это существо создано Богом по особому проекту. На две трети он божество, а на одну треть — человек. Гильгамеш успешно побеждает великанов, которые вступают с ним в борьбу. Он кажется непобедимым. Его отважный друг Энкиду помогает Гильгамешу убить великана Хумбабу. Это порождает в душе героя уверенность в том, что он во всем равен богам. Он становится дерзким и даже отказывается от любви богини Иштар. Этот поступок приводит к трагическим последствиям.

Раздосадованная богиня насылает на Гильгамеша небесного быка, который должен убить героя. Но смельчак находит неожиданный выход и остается невредимым. Тогда боги насылают беду на его друга. Тот заболевает и уходит из жизни. Гильгамеш не может понять, что же случилось с его наперсником. Он еще не знает тайны смерти. Но мудрец объясняет ему, что земные люди невечны. Рано или поздно они уходят из жизни. Это откровение оказывает на Гильгамеша сильное воздействие. Он не может смириться с предопределением судьбы. Так эпически-спокойное восприятие смерти разрушается муками индивидуально-трагического истолкования последнего часа.

Древний шумерский миф оценивали по-разному. Одни видели в нем преображение животного, инстинктивного чувства в акт

¹ См. Фромм Эрих. Бегство от свободы. М., 1990. С. 37.

человеческого осознания бытия. До этих событий, воссозданных мифом, люди не ведали ничего о смерти. Теперь же они вынуждены постоянно считаться с угрозой полного исчезновения. Нота смирения пронизывает сказание. Хотя с помощью зелья душа Энкиду возвращается на Землю, это продолжается недолго. Из преисподней нет пути назад. Таков конечный вывод.

Известный шотландский религиовед и знаток древних ритуалов Д. Д. Фрэзер свидетельствует: «В Древней Греции человек, которого ошибочно сочли мертвым и по которому в его отсутствие были совершены погребальные обряды, считался мертвым до тех пор, пока не проходил через обряд нового рождения. Его проводили между ног женщины, омывали, завертывали в пеленки и передавали на попечение кормилицы. Лишь после скрупулезного исполнения этого обряда вернувшийся мог свободно вступать в общение с живыми людьми. При таких же обстоятельствах в древней Индии считавшийся мертвым человек должен был провести первую ночь после возвращения в лохани, наполненной смесью из жира и воды, не произнося ни слова. Он сидел там со сжатыми кулаками, как ребенок в утробе матери, в то время как над ним совершались все те обряды, которые обычно совершаются над беременными женщинами. На следующее утро он вылезал из лохани и еще раз проходил через все обряды, в которых принимал участие с юных лет, в частности, вступал в новый брак или еще раз с должной торжественностью женился на своей старой жене»*.

Душа покойного, согласно верованиям древних, продолжала вступать в контакт с живыми. Кости усопшего тоже могли оказать воздействие на земные дела. Например, когда молодой представитель племени галело идет ночью на любовное свидание, он набирает на могиле горсть земли и сыплет ею крышу своей возлюбленной как раз над тем местом, где спят ее родители. Он воображает, что могильная земля погрузит их в крепкий, мертвецкий сон и они не помешают его свиданию с возлюбленной.

На острове Яве, свидетельствует Фрэзер, взломщик берет с могилы землю и рассыпает ее вокруг дома, который он намеревается ограбить, будто бы погружая его обитателей в глубокий сон. С той же целью индус насыпает у двери дома золу с погребального костра, перуанские индейцы — пыль от истолченных костей покойного, а взломщик-русин вынимает из берцовой кости мозг, заливает туда сало и поджигает его. После того как сало загорится, он трижды обходит вокруг дома с такой своеобразной свечой, что якобы заставляет обитателей дома заснуть мертвым сном.

У древних греков грабитель или взломщик думал, что самая злая сторожевая собака замолчит и обратится в бегство, если он

* Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 23.

принесет с собой головню из погребального костра. Сербские и болгарские женщины, которых раздражают тяготы супружеской жизни, прикладывают медную монету к глазам покойника, омывая его вином или водой и дают мужьям выпить эту жидкость. После этого те делаются якобы столь же слепыми к прегрешениям своих жен, как покойник, к глазам которого прикладывали монету.

Различные магические приемы, согласно шотландскому ученому, использовали представители других народов, чтобы продлить жизнь и избежать скорой смерти. Многие китайцы готовили себе саван еще при жизни. Одежду покойника предпочитают шить в високосный год, так как для китайца кажется очевидным, что сшитый в длинный год саван будет в большей степени обладать способностью продлевать жизнь. Особенно много усилий шло на то, чтобы наделить этим бесценным качеством одну часть погребального одеяния — длинное шелковое платье глубочайшего синего цвета со словом «долговечность», вышитым золотыми нитками.

Некоторые народы, по мнению Фрэзера, верят, что жизнь в деревьях вдвухают души умерших. Племя диери в Центральной Австралии считает священными деревья, в которые, как гласит предание, превратились их предки: они с почтением отзываются об этих деревьях и делают все возможное, чтобы их не срубили и не сожгли. Когда белые поселенцы просят срубить дерево, они серьезно возражают, что за такой проступок им перестала бы сопутствовать удача. Часть жителей Филиппинских островов верят, что в определенных деревьях обитают духи их предков, и поэтому бережно относятся к ним. Если филиппинцы вынуждены свалить одно из таких деревьев, они просят у него прощения, говоря, что сделать это заставил их жрец. Духи находят пристанище преимущественно в высоких, величественных деревьях с большими раскидистыми кронами. Когда ветер шелестит листьями, туземцам чудится голос духа, и они никогда не пройдут мимо такого дерева, почтительно не поклонившись ему и не испросив у духа прощения за причиненное беспокойство.

По верованиям корейцев, души людей, умерших от чумы или на дороге, а также души женщин испутивших дух во время родов, неизменно находят себе пристанище в деревьях. На горах камней, нагроможденных под деревьями, этим духам приносят в жертву пироги, вино и свинину. В Китае с незапамятных времен существовал обычай сажать деревья на могилах, чтобы придать духу умершего силу и тем самым спасти его тело от разложения. А так как вечнозеленые сосны и кипарисы якобы больше других деревьев наполнены жизненной силой, для этой цели избирались именно они. Растущие на могилах деревья иногда отождествляются с душами умерших.

Эсхатологические мотивы, связанные с осмыслением загробной жизни, присущи всем религиям. Именно предельная встревоженность человека своей последней судьбой рождала многочисленные ритуалы и религиозные догмы, имела ключевое значение для генезиса религии. Тема смерти получала различные интерпретации в тех или иных культурах, поэтому и складывались непохожие религиозные системы.

Но вот что поразительно: все эти сведения, носящие, казалось бы, сугубо этнографический, религиозный характер, получают неожиданное звучание в свете новейших научных открытий. Многие верования вовсе не выглядят сегодня, как об этом говорят помещенные в нашей книге переводы, наивными или гротескными. Напротив, все чаще в давних ритуалах и догмах обнаруживаются крупницы достоверных знаний, поразительные прозрения и интуиции.

Современное знание исходит из того, что рождение, пол, смерть и духовность причудливо сплетены. Догадки такого рода то и дело встречаются в самых древнейших мифологических воззрениях. Обратимся еще раз к Фрэзеру. Он подчеркивает, что дикарь объясняет стихийные силы природы действием живых существ, присутствующих или стоящих за ним. Деятельность животного или человека объясняется присутствием души, а его успокоение во сне или смерти объясняется ее отсутствием. Сравним эти представления с теми результатами экспериментов, которые содержатся в книгах Л. Уотсона «Ошибка Ромео», А. Ландсберга и Ч. Файе «Встречи с тем, что мы называем смертью», и мы увидим удивительные совпадения, которые объединяют наивные верования древних и современные экспериментальные данные. Так как смерть, свидетельствует шотландский ученый, является постоянным отсутствием души, предохраниться от нее можно, либо закрыв душе выход из тела, либо, если она его покинула, добившись ее возвращения. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для достижения одной из этих целей, выступают в виде запретов, или табу, являющихся не чем иным, как правилами, предназначенными достигнуть постоянного присутствия или возвращения души. Короче говоря, они стоят на страже жизни. Вот конкретные примеры.

Индейцы-гуроны считают, что у души есть голова, тело, руки и ноги. Сравним с современными представлениями об астральном теле. У эскимосов бытует верование, согласно которому «душа обладает такой же формой, как и тело, частью которого она является, только более тонкой и воздушной». Согласно верованиям индейцев-нутка, душа имеет вид крошечного человечка. Его местонахождением служит макушка. Пока она держится прямо, владелец его крепок и здоров. Когда же она по какой-то причине выходит

из вертикального положения, тот теряет сознание. Малайцы рассматривают человеческую душу как маленького человечка величиной с большой палец, большей частью невидимого. По форме и по сложению он является копией человека, в чьем теле обитает. Человечек этот сделан из очень тонкой материи, но не настолько, впрочем, неощутимой, чтобы при вхождении в материальный предмет не вызвать сдвига. Он может быстро перелетать с места на место. Во время сна, транса и в случае болезни он временно, а в случае смерти навсегда уходит из тела.

На Кавказе обычай, согласно которому табу накладывалось на произнесение имени умершего, в древности соблюдали албанцы (Албанией называлось в древности Восточное Закавказье — теперешний Азербайджан). Этот обычай остается в силе у многих современных диких племен. Австралийские аборигены строжайшим образом придерживаются обычая не упоминать покойников своего пола по имени. Назвать в полный голос человека, оставившего земную жизнь, — значит грубо нарушить один из наиболее священных обычаев племени. Требование окутывать имена умерших покрывалом забвения основывается прежде всего на боязни потревожить дух покойного. Впрочем, как подмечает Фрззер, нельзя сбрасывать со счетов и естественное нежелание людей воскрешать пережитую в прошлом утрату.

То же отвращение к произнесению имен умерших питают американские индейцы от Гудзонова залива до Патагонии. У индейцев-гоахиро в Колумбии произнесение имени покойного в присутствии его родственников считается ужасным оскорблением, нередко караемым смертью. Если такое случится в присутствии дяди или племянника умершего, те при малейшей возможности убьют обидчика на месте. В случае бегства он должен заплатить крупный штраф: два и более быков.

«Подобную же неохоту упоминать имена умерших, по имеющимся данным, — пишет Д. Фрззер, — испытывают столь отдаленные друг от друга народы, как сибирские самоеды и тода в Южной Индии, жители Монголии и туареги Сахары, айны в Японии, акамба и нанди в Восточной Африке, тингианы на Филиппинских островах, а также туземцы Никобарских островов, Борнео, Мадагаскара и Тасмании»*.

Во всех этих случаях главной причиной умолчания, даже если она не выражена явно, является страх перед духом. Туареги, например, страшатся духа умершего и делают все возможное, чтобы этого избежать: после смерти соплеменника они меняют место стоянки, на веки вечные прекращают называть покойного по имени и избегают всего, что можно истолковать как вызов его духа.

* Фрззер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 242.

Поэтому туареги, в отличие от арабов, никогда не прибавляют к своим именам отчества. Они дают человеку имя, которое живет и умирает вместе с ним. У австралийских племен Виктории имена людей лишь в редких случаях передавались из поколения в поколение. У них считалось, что у человека, которому дали имя умершего, жизнь будет короткой: покойный тезка такого человека скоро захватит его с собой в страну духов.

Обширную символику смерти находим также в трудах известного исследователя М. Элиаде. Он рассказывает, в частности, о лестнице, дороге мертвых, которая обеспечивала, согласно мифологии, вознесение души умершего. Некоторые малазийские племена вбивают в могилы палки, которые они называют «лестницами душ». Таким образом они призывают умерших покинуть могилу и улететь на небо. Магары — непальское племя используют символическую лестницу, делая девять зарубок или ступеней на палке, которую они вбивают в могилу: эта лестница служит душе умершего для того, чтобы подняться на небо.

«Согласно верованиям маори с Новой Зеландии,— пишет М. Элиаде,— вознесение душ — это дело долгое и трудное, так как небес насчитывается до десяти, а боги живут лишь на последнем. Жрец, чтобы добраться туда, пользуется самыми разными средствами: он поет и тем самым магически сопровождает душу до самого неба; в то же время он старается путем особого ритуала отделить душу от трупа и забросить ее наверх. Когда умершим является вождь, жрец и его помощники прикрепляют перья птиц к концу палки и поют, поднимая понемногу палки в воздух. Заметим, что и в этом случае только избранные поднимаются на небо, остальные смертные уходят за океан или в подземный мир»*.

Многочисленные и разнохарактерные представления о смерти можно, по-видимому, в известной мере разделить по каким-то признакам. Выделим прежде всего дохристианские и христианские воззрения. Отметим также, что восточные культуры в отличие от западных сохранили в себе веру в оригинальную силу космологий, религиозных и философских систем, в которых смерть не рассматривается как абсолютное завершение существования. Присущие им концепции посмертного бытия имеют весьма широкий спектр, включающий в себя представления от высоких состояний сознания до конкретных образов другого мира, напоминающего земную жизнь. Во всех этих верованиях смерть не отождествляется с полным исчезновением индивида.

История человеческой цивилизации излагает волнующую летопись многочисленных попыток древнейших культур сохранить жизнь и избежать смерти. Традиции исходили из убеждения, что

* Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 196.

каждый может должным образом подготовиться к смерти, если он при этом обретет нужное знание о процессе умирания. Разнообразные методики с использованием психоделиков и других методов делали возможным реальное экспериментирование в преддверии смерти.

Памятники письменности, известные как «Книги мертвых», предлагают точное и детализированное описание смерти и руководства по наиболее полной реализации процесса умирания. Наиболее известны из этих произведений — «Египетская книга мертвых», «Тибетская книга мертвых». Однако подобные тексты существовали в индийских, мусульманских и других традициях.

Восприятие смерти в доличностных культурах, естественно, отличается от истолкования этого феномена там, где господствует персоналистическая идея. В тех обществах, в которых процесс индивидуализации зашел не очень далеко, конец индивидуального существования представляется меньшей проблемой, поскольку слабее развито само ощущение индивидуального существования. Смерть еще не воспринимается как нечто радикально отличное от жизни.

Совсем иначе оценивается смерть в тех культурах, где осознается ценность, суверенность и уникальность личности. Здесь хрупкость земного бытия воспринимается трагически, пронизывает всю человеческую субъективность. Однако на Востоке, где личность не воспринималась как некая обособленность и персоналистическая идея отсутствовала, тем не менее фиксируется глубокая медитация, предельное духовное сосредоточение на проблеме смерти.

Взгляды на смерть тесно связаны, как правило, с религиозными воззрениями. Как можно, например, представить античного, индустского, мусульманского, христианского человека и его представления о смерти, не выяснив предварительно, что представляли собой верования греков, мусульман, индийцев или христиан. Для древних египтян, например, смерть выступает как прелюдия к загробному бытию. Они возлагали надежды на нетленность, нерушимость человеческого тела, по крайней мере нетленность тела того человека, власть которого была нерушимой при жизни. Культ мертвых составляет важнейшую характеристику египетской культуры. Искусство бальзамирования и мумифицирования, строительство грандиозных гробниц, увековечение памяти ушедших — все служило одной цели: обеспечить символическое бессмертие. Еще в эпоху Древнего Царства египтяне полагали, что души умерших соединяются со звездами. Каждую ночь душа усопшего вновь поселяется в теле, покидая для этой цели звезду...

В истории человечества две культуры обнаружили особенно острый интерес к смерти и процессу умирания: древние египтяне

и тибетцы. Священнослужители этих народов разделяли глубокую веру в то, что сознание продолжает жить после физической смерти, и поэтому предлагали хорошо разработанные ритуалы, позволяющие как можно легче перейти в новое состояние, разрабатывали сложные картографические схемы, в которых отражали странствия души.

«Египетская книга мертвых» — собрание молитв, магических звучаний и мифологических историй, которые относятся к смерти и загробной жизни. Материалы этих текстов разноречивы. Они отражают исторический конфликт между двумя сильными религиозными традициями — жрецами Бога Солнца и последователями Озириса. С одной стороны, они предлагают священное знание, позволяющее обеспечить вечное благословенное существование под сенью солнечного божества, вместе с ним странствуя по кругу. С другой стороны, тексты отражают традицию древнего бога смерти, который, согласно легенде, был убит своим братом Сетом. После возрождения он стал правителем другого мира. Согласно этой традиции мертвые ритуально отождествляют себя с Озирисом и никогда не могут вернуться к жизни вновь.

Бог Солнца Амон-Ра был вовлечен в сложную серию путешествий. В ночные часы он пересекал пространство смерти, мир другого бытия. Древние египтяне верили, что Земля плоская и весь обитаемый мир, то есть Египет, окружен цепью гор. Солнце поднимается утром из отверстия в западной части гор, а вечером исчезает в другой дыре на западе. Другой, загробный мир расположен в долине. Это место вечного мерцания и сумерек, обитель страха и ужаса.

Загробный мир разделен на двенадцать районов, каждый из которых соответствует часу ночи. Каждый район имеет ворота, у которых стоят стражники. Усопшие должны пройти через костры. Страшные существа, причудливые создания угрожают им на всем пути. На определенном отрезке путешествия вновь начинается биться сердце усопшего. Долина смерти одинаково опасна как для людей, так и для богов.

«Тибетская книга мертвых» порождена буддизмом. Это одна из трех мировых религий, возникшая в Индии в середине первого тысячелетия до н. э. Согласно этому учению, все существа берут свое начало в Брахмане, безличном абсолютном духовном начале, из которого возникает мир со всем, что в нем находится. Все в конечном счете должно вернуться к нему. Поэтому смерть — лишь переход от низшей ступени к высшей, продолжающийся до тех пор, пока дух не достигнет наконец такой степени чистоты и совершенства, чтобы войти в мировую душу, к чему стремится все существующее на Земле.

Однако достойны этого лишь те, кто откажется от всяких чувственных наслаждений, кто в своем стремлении к святости отрешится от материального мира, умертвит плоть, разобьет оковы, отягчающие его душу. А таковы одни брамины. Тот же, кто, вопреки священным законам, противится вечному, божественному, после смерти подвергнется адским мукам. Душа его, в зависимости от степени греховности, соединится путем нового рождения с более или менее низменным существом и принуждена будет странствовать, не находя себе покоя в юдоли печали до тех пор, пока не обретет вечное успокоение в царстве Брахмы.

В отличие от христианства, где отпущение грехов, достижение вечного блаженства связывали с божественным милосердием, брамины полагали, что только сам человек может искупить свои грехи, только собственными силами может добиться прощения. Отвергнув идею бессмертия тела, индусы придерживались концепции бессмертия души. Тело для индусов всегда презренно и должно быть предано огню тотчас же после смерти. Бессмертная же душа перейдет в новое тело, и этот процесс будет все повторяться и повторяться, пока душа не исчезнет и не сольется с мировым духом. Идея беспрерывного перерождения, возвращения человека на Землю в новых телесных облачениях и составляет смысл идеи инкарнации, то есть многочисленных возрождений души.

Согласно преданию, Будда до своего рождения испытал множество различных состояний. Душа его обитала в пятидесяти восьми королях, прошла через восемнадцать обезьян, четырех лошадей, четырех змей, трех ящериц, двух рыб. Образное мышление индусов поэтически отождествляло переселение душ с океаном. Волны, набегавшие одна за другой на берег, символизировали неизменные рождения. Пена, возникавшая на гребне, сравнивалась с бренными, преходящими телами. Другой берег океана воплощал в себе безмятежное состояние — нирвану, что в переводе с санскрита означает «угасание, успокоение».

Нирвана в буддизме — это конечная цель спасения, полное исчезновение, исчерпанность всяких перерождений. Добравшись до берега путем личных усилий, направленных на освобождение от всех земных чувств, страстей и привязанностей, верующий уже никогда не рисковал вновь быть сброшенным в океан для новых возрождений души. Чтобы не подвергнуться новым страданиям после смерти, сторонники этой религии должны были стремиться к высшему познанию и нравственности, вести целомудренное существование отшельника и нищего.

Простые люди не могли постигнуть сурового содержания буддийского учения, которое, несомненно, было предназначено для избранных. Исходя из того, что не все люди способны выполнить его жестокие предписания, Будда освободил большинство своих

последователей от обета целомудрия и отшельнической жизни. Вместо этого он требовал от них уважения к собственности, обуздания своих инстинктов, желаний и страстей. Чувство мести и ненависти надлежало изгнать из сердца. Его последователи должны непрестанно стремиться к тому, чтобы путем самоотверженной любви ко всем людям без исключения смягчать земные горести и страдания.

Буддийская теология рассматривает нирвану как достижение такого состояния, при котором стирается грань между личным и безличным. Переводя эти постулаты на язык современных концепций загробной жизни, можно сказать, что нирвана, требующая для своего достижения огромных духовных усилий, предполагает не уничтожение жизни или сознания, а только погашение влечений и страстей.

В десятой книге священной Ригведы — древнейшего индийского сборника гимнов в честь асуров — могучих богов говорится о том, что после смерти взор умершего мчится к солнцу, дыхание — к ветру, речь — к огню, а кровь — к воде. Таким образом здесь поэтизируются стихи, которые персонифицированы древнеиндийскими божествами.

Генезис веры в переселение душ восходит, судя по всему, к доарийским временам, когда в долине Инда обитали дравидские племена. В национальном индийском эпосе «Рамаяна» рассказывается о Джанаке — царе Видеха. Джанака полагал, что, подобно жертвенному огню, душа возносится до небес, а оттуда вместе с дождем падает на землю. Когда человек умирает, он уносит с собой всю совокупность прижизненных поступков, называемых в индуистской мысли кармой, определяющей судьбу человека. Буддисты отмечали, что со смертью в жизненном процессе завершается всего лишь фаза полнолуния, а вовсе не само течение жизни. Связующая душа, заряженная позитивной кармической силой, вознесется в мир высших существ. Отягощенная же негативной кармической силой, она обречена возродиться в еще более низком царстве.

Древние греки обращали все свое внимание на жизнь, а смерть представляли себе лишь как продолжение этой жизни, хотя и унылое. Тема смерти в античной философии имела различные толкования. Можно полагать, что смерть не есть зло, потому что она не конец бытия. В той же мере возможно и другое направление мысли: смерть не есть зло, потому что она венчает все, в ней воплощен конец существования.

Некоторые мыслители, рассуждая о смерти, надеются, что она знаменует начало новой жизни. Другие, напротив, полагают, что за пределами земного бытия нет ничего. Преодолеть угрозу конечного исчезновения, дать разумное толкование смерти пытался в античной философии Сократ. Передавая смысл его наставлений,

Платон утверждал, что «те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью»*. Смерть, согласно Сократу, представляет собой отделение души от тела, высвобождение ее из темницы, в которой она находилась, пока длилась земная жизнь. Это воззрение восходит к орфикам, представителям древнегреческого религиозного движения, возникшего в VI в. до н. э. Важным источником орфической эсхатологии считается поэма «Нисхождение Орфея в Аид».

В концепции Платона сном является жизнь, а не смерть. Душа, освобождаясь от тела, обретает способность мыслить, чувствовать и понимать гораздо лучше, нежели в то время, когда она заключена в тело. Греческий философ всесторонне обосновал идею бессмертия души. Он говорил, в частности, о законе контрастов. Сильнейшее в этом мире, рассуждал Платон, является из слабейшего. Быстрейшее порождается самым медленным. Не должна ли поэтому жизнь возникнуть из смерти и наоборот? Тогда можно признать, что живые происходят из мертвых, а мертвые из живых. И, стало быть, души умерших где-то обитают, если им в назначенное время надлежит вернуться к жизни.

Все эти доводы Платон вкладывает в уста своего учителя Сократа в день его смерти. В диалоге с ним — философским наставником осмысливаются и возможные протесты, возражения. Платон убежден в том, что настоящие философы всю жизнь готовят к смерти. Поэтому было бы нелепым, если бы они боялись ее. Но дело оказывается совсем не в этих общих рассуждениях о связи тела и души. Есть у Платона и более конкретные свидетельства о смерти. Одно из них содержится в диалоге «Государство», где, в частности, говорится о солдате по имени Эр, получившем во время боя смертельное ранение. Воины решили, что он мертв, и отправили Эра на погребальный костер. Однако он, говоря современным языком, воскрес после клинической смерти. Его воспоминания поразительно напоминают видения реанимированных, о которых рассказывается в книгах Р. Моуди, Л. Уотсона, Ч. Файе и А. Ландсберга.

Эр помнит, как душа его покинула тело и пристроилась к рою других призраков. Все вместе они прошли через некие тропы, которые соединяли земную и загробную жизнь. Достигнув какой-то границы, эти тени предстали перед некими запредельными существами, которые вопрошали их о прожитой жизни, о том, что сотворено ими в земном бытии. Что касается конкретно Эра, то высшее создание распорядилось вернуть его к мирскому существованию, дабы он мог передать другим о том, что довелось познать после смерти.

* Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 21.

Платон, воспроизведя этот эпизод, сообщает, что Эр видел души тех, кто собирался вновь воскреснуть в подлунном мире. «...Они все вместе в жару и страшный зной отправляются на равнину Леты, где нет ни деревьев, ни другой растительности. Уже под вечер они располагаются у реки Аметет, вода которой не может удержаться ни в каком сосуде. В меру все должны были выпить этой воды, но кто не соблюдал благоразумия, тот пил без меры, а кто ее пьет таким образом, тот все забывает. Когда они легли спать, то в самую полночь раздался гром и разразилось землетрясение. Внезапно их понесло оттуда вверх в разные стороны, к местам, где им суждено было родиться, и они рассыпались по небу как звезды»*.

Хорошо известно, что платоновские представления о кочующих душах получили развитие в трудах других мыслителей. Аристотель, в частности, не исключал существования бессмертной души. Он полагал, что в начале земного бытия она сливается с зыбкой, недолговечной плотью, чтобы покинуть ее у роковой черты. Но тот же Аристотель отверг идею неуничтожимости индивидуального сознания. Воззрения Сократа, Платона и Аристотеля о бессмертии души подрывало в известной мере трагическое мировосприятие смерти. В измененной, преобразованной форме оно было использовано христианством. В течение многих веков эта традиция во многом определяла общественное сознание Европы.

Другая версия смерти осмысливалась в рамках философии стоицизма. Эта школа древнегреческой философии была основана около 300 г. до н. э. Стоики утверждали, что мы умираем ежедневно, каждый день идем навстречу смерти. Однако не следует рассматривать трагический миг как цель, к которой надо устремляться. Просто человек обязан исходить из представления о том, что в самой жизни заключена смерть. Поэтому приближение к роковому часу есть процесс, в ходе которого смерть должна наконец проявиться, обнаружить себя. Она вырастает из жизни, как цветок из бутона.

Мужественное отношение к смерти как неизбежной участи развивали Эпикур и Лукреций. По мнению первого мыслителя, душа, так же как и тело, состоит из атомов. Только эти атомы тонки и рассеяны по всему телу. Тленья не может избежать ни душа, ни тело. Сначала разлагается тело, а потом и дух. Но из этого объективного и всеобщего порядка вещей у Эпикура следует трезвый вывод: нет основания бояться смерти. «Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет»**.

* Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 454.

** Эпикур. Письмо к Менекею. — *Тит Лукреций Кар. О природе вещей.* М., 1983. С. 316.

Вслед за Эпикуром другой философ Лукреций Кар, одолеваемый чувством ужаса перед смертью (это легко прочитывается в его сочинении «О природе вещей»), доказывает, что исчезновение живого не может рассматриваться как зло. При этом Лукреций выдвигает два основных резона. Страх смерти основывается, по его мнению, на представлении о возможном существовании после смерти. В ином мире человек может сожалеть о несостоявшихся радостях жизни, печалиться при виде умерших. Это следует исключить, полагает Лукреций: поскольку смерть есть полное и окончательное уничтожение, никаких сожалений не будет и, следовательно, неоправдан и прижизненный ужас перед смертью.

Второй резон сводится к тому, что если допустить невозможность послежизненных переживаний, то имеет ли значение, было ли земное бытие долгим или кратким. Рано умер человек или поздно — все равно. Смерть — необозримое пространство забвения и безмолвия. Из этих последовательно развернутых резонов следует вывод: «Смерть — ничто и ничуть не имеет значенья»*.

«Даже при беглом взгляде на оба рассуждения, — комментирует эти умозаключения Б. Уильямс, — очевидно, что второе рассуждение противоречит первому. Ибо оно предполагает, что *будь* период смерти конечен, так что, умирая позже, мы умирали бы на меньшее время, то *был бы* смысл в желании умереть позже, а не раньше. Подобное предположение имеет смысл, лишь если зло смерти заключается в каких-то свойствах, связанных с состоянием смерти. А именно это и отрицается первым рассуждением»**.

Мужественное отношение к смерти обнаруживает и Цицерон. «О, сколь жалок старик, — пишет он, — если он за всю свою долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен. Ведь ничего третьего, конечно, быть не может». Цицерон называл тело «темницей для души». «Если я здесь заблуждаюсь, — писал он, — веря в бессмертие души человеческой, то заблуждаюсь охотно и не хочу, чтобы у меня отбирали мое заблуждение, услаждающее меня, пока я живу; если же я по смерти ничего не буду чувствовать, как думают некие ничтожные философы, то мне нечего бояться насмешек умерших философов»***.

Однако постепенно вера в неугасимость души уходит из философской литературы и в своей непритязательной, простодушной форме включается в религиозные доктрины. Что касается античных философов, то они все больше склоняются к пантеистическим

* Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. С. 115 (830).

** Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия. — Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 422.

*** Цицерон. Избранные сочинения. М., 1986. С. 223.

представлениям, то есть к отрицанию надприродного бога. Мыслители признают существование безличного духа, внутренне присущего природе, отождествляют божество и мировое целое.

Правда, Сенека еще стремится удержать идею негибнущей души. Но аргументы его носят скорее поэтический, нежели философский характер. «Этот медлительный смертный век — только пролог к лучшей и долгой жизни, — пишет он в одном из своих «Писем к Луцилию». — Как девять месяцев прячет нас материнская утроба, приготовляя, однако, жить не в ней, а в другом месте, куда мы выходим, по-видимому, способные уже дышать и существовать без прежней оболочки, так за весь срок, что простирается от младенчества до старости, мы зреем для нового рождения. Нас ждет новое появление на свет и новый порядок вещей. А без такого промежутка нам не выдержать неба. Так не страшись, прозревая впереди этот решительный час: он последний не для души, а для тела... Тот день, которого ты боишься как последнего, будет днем рождения к вечной жизни»*.

Но представление о том, что в смерти нет ничего отталкивающего для разумного существа, все же в большей степени свойственно религии. Разумеется, философия с трудом освобождалась от религиозных догм. Ведь древние мыслители воспринимали божественные откровения как неоспоримые, идущие от века... «Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки. Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный», — пишет Вергилий.

О том, что тема смерти была ключевой для античной философии, свидетельствует книга А. Глюксмана «Цинизм и страсть». Автор — лидер современных французских «новых философов», резко критикующих развернутые идеологические системы. Автор книги обрушивается на философию киников, одну из так называемых сократических школ Древней Греции. Представители этой школы (Антисфен, Диоген Синопский, Кратет и другие) пытались не только построить законченную теорию бытия и познания. Они также стремились проверить на себе определенный образ жизни, вытекающий из философских построений.

В книге «Цинизм и страсть» рассказывается о различных версиях смерти Диогена, который, возможно, ушел из жизни добровольно, задушив себя. Вся жизнь киника, замечает по этому поводу Глюксман, свидетельствует в пользу такой смерти. Его жизнь в этом случае обретает завершенность, а его учение — последовательность. «За два с половиной тысячелетия киник доказал: он обладает уникальной, неслыханной способностью весь мир втянуть в свою вертушку».

* Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 259.

Смерть Сократа, по мнению Глюксмана, тоже до сих пор служит предметом толков: он не спасся бегством, хотя для побега было все готово. Судьям своим он отказал в правоте, до последнего момента он стремился преподать урок. Что это, последнее наизидание учителя о самом важном? Переход от теории к практике?

Сам Глюксман полагает, что подвиг Сократа не имеет окончательного смысла, ибо окончательное теряет значение. Сократ, как повествует Платон в «Горгии», рассказывал историю о «доброй женщине». Однажды, еще в юные годы, Зевс решил преобразовать земной суд над людьми. К нему поступали жалобы, что многие добрые люди отправляются в Тартар (в греческой мифологии — царство мертвых, куда Зевс низверг титанов), тогда как злые, расплатившись с долгами, выпархивают на Острова блаженных. Зевс указал причину непорядка: «Оттого, что подсудимых судят одетыми», они предстают перед судьями в своих лучших нарядах. Нарядившись, люди ухитряются обмануть высший суд. Реформа, предложенная Зевсом, отличалась удивительной простотой: «Первым делом, люди не должны больше знать дня своей смерти наперед, как теперь»*. Так как времени принарядиться не будет, смертные будут являться на суд голыми, как есть. С тех пор «костлявая» собирает свой улов без лишних церемоний, демократически.

Глюксман, предваряя содержание публикуемых глав, показывает, что человек, отданный во власть случайных перипетий смертного существования, не может требовать и от жизни той безопасности, какую он находит нелепым требовать от смерти. С рождения человек лишается права на абсолютную власть и совершенную мысль. С внешней стороны смерть философа от яда цикуты представляется смертью героической, не похожей ни на какую другую кончину. Изнутри же Сократ умирает как всякий другой человек.

Итак, для античной философии нет ничего загадочного в истолковании физических результатов смерти. После того как тело становится бездыханным, оно разрушается и растворяется в биосфере. Логично предположить, что таков же удел и личности, сознания, духа. Все это устраняется вместе с материальной оболочкой. Именно такой точки зрения придерживались греческие философы школы Эпикура. Она получила развернутое изложение и закрепление в трудах римского философа-материалиста Лукреция в I в.

Античному восприятию смерти в известной мере противостоит древнееврейская концепция, отраженная в ветхозаветной литературе. Евреи принимали факт смерти реалистично и были способны примириться с мыслью о прекращении индивидуальной жизни.

* Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1968. Т. I. С. 360.

Иудеи полагали, что личность человека раздвоена, поскольку имеет некую тень, представляющую собой бледную и внетелесную копию индивида. После смерти эта тень спускается под землю, где в мрачных покоех обретает грустное и мрачное существование. Предполагалось, что Яхве оденет в плоть разбросанные кости, оживит мертвых для новой жизни. Поэтому рай рисовался обителью блаженных, ад же, напротив, был средоточием грязи и навоза.

В кабалистической традиции евреи развили учение о переселении душ. В устной передаче религиозных заповедей говорилось о том, что душа Адама перешла в Давида, а потом «вдохнется» в мессию. Странствия души прихотливы, она может принять телесную оболочку животного, превратиться в листья деревьев и даже камни. При этом в древнееврейской традиции человек трактуется не только как природное, но и как сверхприродное существо, которое находится в живом и трепетном контакте с Богом. Поэтому возникает и новая интерпретация смерти. Иудеи утешали себя ожиданием того царства счастья и справедливости, к которому должно в конце концов прийти человечество.

Христианство сделало смерть нереальной и пыталось освободить несчастного человека от угрозы уничтожения обещанием жизни после смерти. Но вместе с тем рождается острое переживание собственного личного бытия. Ощущение индивидуальной неповторимой судьбы, естественно, было сопряжено с трагическим смятенным ощущением завершения уникальной жизни.

В средние века мысль о смерти становится буквально навязчивой. По мнению Мейстера Экхарта, проповедника XIV в., человек способен познавать Бога благодаря тому, что в нем самом, то есть в человеке, есть несотворенная искорка Бога. Расставание тела с душой происходит тогда, когда человек всецело отказывается от себя, освобождается от своего «Я» и таким образом разлучается сам с собой.

Как отмечает известный голландский историк Й. Хёйзинга, позднее средневековье, похоже, не могло воспринять смерть ни в каком ином аспекте, кроме как в аспекте бренности всего земного... Человек средневековья, отвергнувший все земное, давно уже задерживал свой духовный взор на мрачной картине жалкого праха. Смерть как персонаж была запечатлена на протяжении веков в искусстве и литературе.

В новое время в осмыслении смерти господствует иная традиция — пантеистическая, отождествляющая Бога и мир. В этих концепциях, которые складывались еще в еретической мистике средних веков, а затем в натурфилософии эпохи Возрождения, господствовали натуралистические тенденции, растворявшие Бога в природе. Пантеистическая традиция, пронизавшая творчест-

во Спинозы, Гете, Гегеля, отвергала возможность связи природного и сверхприродного через личность. Она приковывала внимание к жизни. Спиноза подчеркивал, что *«человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»**.

Отныне внимание философов приковано к земному миру, к тайнам подлунного бытия. «Признаём чистосердечно,— сообщает М. Монтень,— что бессмертие обещают нам только Бог и религия: ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом». Однако кризис идеалов Просвещения привел к тому, что в европейской философии возникла тяга к темной предпосылке бытия, к прославлению культа эроса и слепых витальных влечений. Особенно отчетливо это проявилось в творчестве А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера.

Истинная романтизация смерти начинается в новейшей западной философии. Шопенгауэр, например, пытался создать единое воззрение на судьбы тела и души. Основное его положение — утверждение слепой, всепроникающей воли. Шопенгауэр обнаружил обостренный интерес к восточным учениям. Он неоднократно обращался к буддийской философии, к ориентальной поэзии.

Жизнь в системе его рассуждений оценивается как нечто такое, чему лучше было бы вовсе не быть. Он рассматривает земное существование как определенного рода заблуждение, промах. Шопенгауэр убежден в том, что развитие космического цикла породило множество несчастий. А человек призван осознать катастрофичность этого процесса, чтобы осмыслить пагубность земного бытия. Философ доказывал, что существа низшей организации блаженнее человека. Ведь они лишены сознания, поэтому и не ведают, что мир дурен, губителен.

Животное, рассуждал Шопенгауэр, страшится смерти только бессознательно, инстинктивно. Оно не может выработать ясную картину физической гибели. Человек не только отдает себе отчет в грядущем конце, он способен также страдать. Реальное ощущение предстоящего исхода усиливает его мучения. Вот почему, по Шопенгауэру, счастье ни в коей мере не может рассматриваться как цель человеческого бытия.

Предположение о том, что человек способен обрести счастье, Шопенгауэр называет «пагубным заблуждением». Исходя из него невозможно построить логичную картину мира. Она неизбежно будет полна противоречий. Но стоит перейти на противоположную точку зрения — увидеть цель нашей жизни в страданиях,— как все парадоксы разрушатся. Все существование человека указывает, что страдание — его настоящий удел, жизнь неотделима

* Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. М., 1957. Т. I. С. 576.

от мучений. Появление наше на свет сопровождается плачем. Само бытие человека, в сущности, трагично, а более всего трагичен исход. Во всем видна печать предопределения.

Где же выход? Шопенгауэр полагает, что на смерть надо смотреть как на главную цель. Ее тень неизбежно лежит на человеческой жизни. Немецкий философ полагал, что в момент смерти разрешается все, что подготовлялось в течение жизни. Итак, ожидание смерти, ее предчувствие, ее возвешение — вот на что способен разумный человек в отличие от животного. Только человеческая воля может отречься от жизни, отвернуться от нее.

Шопенгауэр решительно отвергает идею личного бессмертия. Более того, настаивать на вечности, по его словам, все равно что укреплять заблуждение. Ведь каждый индивид не что иное, как «частная ошибка», «ложный шаг», что-то такое, чему лучше всего не быть. Так складывается своеобразная поэтизация смерти, из которой черпали вдохновение многие авторы.

Проблемам смерти значительное внимание уделили также сторонники психоанализа З. Фрейд, Э. Фромм и другие. Фрейд в своей первоначальной концепции рассматривал половое влечение и стремление к самосохранению как две главные движущие силы человеческого поведения. Позднее решив, что разрушительные тенденции столь же важны, как и сексуальные влечения, он пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: тяга к жизни, более или менее идентичная сексуальному влечению, и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Фрейд предположил, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен либо против самого человека, либо против объектов вне его. Кроме того, он предположил, что инстинкт смерти биологически заложен во всех живых организмах и поэтому является необходимой и неустранимой составляющей жизни вообще.

По мнению Э. Фромма, гипотеза о существовании инстинкта смерти обладает тем достоинством, что отводит важное место разрушительным тенденциям, которые не принимались во внимание в ранних теориях Фрейда. Но биологическое истолкование не может удовлетворительно объяснить тот факт, что уровень разрушительности в высшей степени различен у разных индивидов и разных социальных групп. Если бы предположения Фрейда, размышляет Фромм, были верны, следовало бы ожидать, что уровень разрушительности, направленной против других или против себя, окажется более или менее постоянным. Однако наблюдается обратное: не только между различными индивидами, но и между различными социальными группами существует громадная разница в значимости разрушительных тенденций.

Так, например, значимость этих тенденций в структуре харак-

тера представителей низов европейского среднего класса определенно и значительно выше, нежели в среде рабочих или представителей социальной верхушки. Этнографические исследования познакомили нас с целыми народами, для которых характерен особенно высокий уровень разрушительности; между тем другие народы проявляют столь же заметное отсутствие разрушительных тенденций как по отношению к другим людям, так и по отношению к себе.

По мнению Фромма, стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимозависимыми факторами, а связаны обратной зависимостью. Чем больше проявляется стремление к жизни, тем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению. Как полагал американский философ, наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с нею и одну из фундаментальных сторон жизни. «Вместо того чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, индивид вынужден подавлять это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стерилизации»*.

Приверженцы психоанализа (так называется психологическое учение, развитое З. Фрейдом в конце XIX — начале XX в.) ставят в центр внимания бессознательные психические процессы и мотивации. Страх смерти, по их мнению, является одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью. В связи с этим хочется привести строчки из письма М. Суровой (поселок Каменск), которое я беру из полученной мною почты. «В патриархальной культуре, — пишет она, — смерть не воспринимается как неслыханная и жуткая катастрофа. Крестьяне знают о цикличности всего бытия. Традиции помогают найти психологическую опору в естественном процессе жизни и смерти. Сельское кладбище оказывается частью общего уклада. Мертвые остаются среди живых. Современная культура разрушила эти вековые установления. Над покойником смыкаются воды забвения. Память безжалостно вычеркивает его. В результате ощущение полной и бессмысленной трагедии становится для человека непреносимым. Не в том ли разгадка тех психологических деформаций, которые сопряжены сегодня с угрозой смерти? Наконец, не проникает ли мысль о всеобщем испепелении человечества и в ядерные безумства?»

* Фромм Эрих. Бегство от свободы. М., 1990. С. 205.

М. Сурова права. Человечество выработало множество культурных традиций, которые помогают ему справиться с угрозой смерти. Американский психолог Р. Лифтон называет эти формы модусами бессмертия. Символическое бессмертие может быть обеспечено различными способами. Назовем прежде всего биологическое увековечение. Человек знает, что он смертен, но в то же время убежден в неиссякаемости человеческого рода. Его собственная жизнь может найти продолжение в потомстве. Такая форма психологического выживания через надежду на неугасание определенных генетических и иных свойств особенно отчетливо прослеживается в традиционных и восточных культурах.

Рядовой представитель этих культур стремился утвердить себя в образе племени или рода. Он как бы растворялся в другом через кровные узы. Стремление преодолеть собственную тождественность, особость находит отражение в желании индивида уподобить себя клану, племени, роду. Это мироощущение можно в известной мере выразить строчками Наби Хазри: «К морю стремятся реки, к звездам мечты взлетают. А человек в человеке свою судьбу обретает...» В этом модусе бессмертия индивид оценивает себя как такое существо, без которого традиция иссякает. Ведь именно он является сегодняшним носителем священных заветов, идущих от далеких предков. Конечно, эта идея выходит за пределы биологии. Можно говорить здесь, пожалуй, о форме биосоциального бессмертия.

Иным способом символического увековечения можно считать творческое бессмертие. Воздвижение нерукотворного памятника, стремление умирая, воплотиться в пароходы, книги и другие дела — вот какое воплощение находит в данном случае идея продолжения жизни. Посвятить жизнь реализации общей цели, обрести себя в коллективном сознании или в индивидуальном творчестве, катапультировать себя в будущее — вот суть психологического состояния при попытке утвердить себя через собственные деяния. Вот стихи поэта Владимира Цыбина, которые, как мне кажется, выражают суть этого модуса бессмертия:

Я хочу одного,
и храню в своем сердце, как кладь,
чтобы весь замурован в грозу,
замурован в летящие версты,
я себя как морзянку,
мог грядущему дню передать.

Не только научное или художественное творчество позволяет человеку символически сохранить себя. По существу, все виды деятельности обеспечивают такое бессмертие. Здесь и создание новых материальных и духовных ценностей, и передача унаследованных

традиций и знаний, и исцеление больных... Одним словом, все, что сохраняет статус непрекращающегося деяния.

Своеобразную версию увековечения предлагает религия. Теологическое бессмертие — исторически самая значительная его форма. Свою неиссякаемую энергию жизни, волю к сохранению собственной уникальной сущности человек издавна стремился выразить с помощью религиозной символики. В различных религиях эта идея получала разное истолкование. В одном случае, как мы видели, предполагалось бессмертие души, в другом — воскрешение тела, в третьем — перевоплощение.

Однако мысль о преодолении смерти путем приобщения к вечным духовным ценностям, запредельным сущностям объединяла эти представления. Особенность данного модуса бессмертия вместе с тем обнаруживала определенную противоречивость. Религии предписывали своим поклонникам необходимость собственных духовных приобретений. Но, утверждая непререкаемую значимость неземного, священного, религии зачастую принижали ценность самой жизни. Ведь она оценивалась лишь как роковая пауза на вечном пути к трансцендентному, немирскому, небесному. Желание увековечить жизнь на языке религии фактически оборачивалось ее изначальным принижением.

Чрезвычайно распространена во многих культурах также натуралистическая форма бессмертия. Она возвеличивала природу, ее вечную силу. Вспомним пушкинские строчки:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...

В японской культуре, например, стремление увековечить себя через единение с природой выражено отчетливо и обостренно. Современное экологическое движение наглядно свидетельствует о том, что натуралистическое бессмертие сохраняет свою значимость как форма психологического самоутверждения. Многие люди хотят порвать с урбанистическим укладом, стать земледельцами или дровосеками. Осуществляется также поиск природных ритмов, позволяющих изменить образ жизни...

Во многих странах давно уже самостоятельной формой символического увековечения стала опытная трансценденция, то есть стремление с помощью определенной системы упражнений или наркотиков достичь такого состояния, когда утрачивается чувство времени, ощущение индивидуального существования. Человек как бы растворяется в некоем океаническом потоке сознания. Сегодня такая практика имеет множество уровней — от просмотров «триллеров», захватывающих сенсационных зрелищ до достижения особого состояния — буддийской самадхи, то есть ощущения высшей собранности и гармонии, полного слияния со Вселенной.

Предтечей такой формы бессмертия, обретаемой путем предельного духовного самоотречения, состояния экстаза, в традиционных культурах были празднества, фестивали, карнавалы, шествия. Они создавали своеобразное психологическое подкрепление тем, кто хотел бы «похоронить смерть». Универсальной психической потребностью можно считать, по-видимому, периодическое обновление практического, повседневного сознания.

Из многообразного арсенала образов, которые помогают индивиду сохранить психологическое равновесие перед угрозой собственной гибели, важно сохранить наиболее ценные и жизнестойкие. Древние учили: «Помни о смерти!» Мы убеждаемся сегодня в мудрости этого завета. Помни, то есть не пытайся утонуть в забвении. Не почитай себя бессмертным, ибо вытесненные страхи все равно прорвут плотину...

Итак, ресурсы психологического выживания многообразны. Но означает ли это, что «проблема исчерпана». Выбирай из арсенала культуры собственные «модусы» — и страх смерти отступит... На самом деле проблема, разумеется, много сложнее. Сталкиваясь с угрозой смерти, люди ищут все новые и новые способы психической защиты. В нашей культуре многие традиционные ценности оказываются порушенными. Параллельно с этим идет процесс возрождения забытых образов, создания новых символов. Абстрактное, отвлеченное знание обретает личностный смысл.

Это важно подчеркнуть, потому что современная культура стоит на пороге грандиозных открытий, связанных с тайнами бытия и смерти. Многие западные реаниматоры, в том числе Э. Каблер-Росс, Р. Моуди, К. Озиз, Э. Харалдсон и другие, собрали огромный материал, свидетельствующий о том, что люди, возвращенные к жизни после клинической смерти, способны воспроизвести в своих исповедях чрезвычайно важные для исследований ощущения посмертного опыта. Ученые были чрезвычайно удивлены тем, что рассказы больных, пришедших в себя после загробных странствий, удивительно напоминают изложение опыта умирания, который содержится в тибетской «Книге мертвых». Разумеется, люди, о которых идет речь, жившие в XX в., даже не подозревали о том, что такая книга существует.

Мудрецы древнего Тибета передавали из уст в уста накопленные человечеством знания о процессе умирания. В тибетской «Книге мертвых» собраны наблюдения многих поколений. Пропущенные через определенную духовную традицию, эти сведения, разумеется, представляют немалую ценность и для современной науки. Приступая к комплексному и разностороннему изучению феномена смерти, ученые не могут пройти мимо древней сокровищницы знаний. Само собой понятно, к давнему тексту нужно подходить как к хранителю всеведения.

Тибетская «Книга мертвых» записана около VIII в. В ученых кругах индийского Востока книгу знали давно, но европейцы открыли ее только в нашем столетии. «Каждый человек должен уметь умирать правильно», — этому учит древний текст. Никто не в состоянии говорить о смерти, если он не испытал ее. Рождение — обратная сторона смерти. Люди, и это в известной мере удивительно, не помнят свои прежние смерти. Но ведь никто не помнит и собственного рождения.

«Книга мертвых» — свод универсальной практики, через которую должен пройти усопший, прежде чем быть духовно возрожденным. Тибетские тексты читали умирающему или тому, кто уже покоем на погребальном катафалке. Непосвященные доступа к книге не имели. Ее воспроизводил посвященный. Чтение предполагало, во-первых, помочь усопшему или агонизирующему понять все этапы очередных переживаний и испытаний, которые выпадут на его долю. Предполагалось, что горе, любовь и молитвы близких только задерживают переход человека в иной мир. Произнесение текста, напротив, позволяло перейти в страну смерти освобожденным от телесных и других земных тягот.

Агония анализируется в тибетской «Книге мертвых» как своего рода процесс, в котором умирающий может проявить себя надлежащим образом или, наоборот, неискусно, неподготовленно. Книга служила своеобразным учебником, помогающим уходящему из жизни не растерять своей духовности, предписываемой религиозной традицией. Она учила встречать смерть с ясным сознанием неизбежности устранения тела, а потому не проявлять малодушия или не выказать свою непосвященность в тайны угазания.

Сначала душа покойного покидает тело, затем лишается чувств и, наконец, переходит в состояние пустоты. Умирающий сохраняет сознание, но его контакт с окружением оказывается неполным, ограниченным. В частности, он уже не в состоянии передать то, что с ним происходит, что он видит и слышит. Вместе с тем до усопшего долетают различные необычные звуки: гром, просверк молний, невероятный шум. Тело свое он видит как бы со стороны или скорее даже с высоты, что приводит его в изумление.

Вместе с тем он видит своих близких и друзей. Более того, он ясно видит погребальную церемонию. Но сам он как бы отделился от тела, поэтому его самого близкие не видят и не слышат. Связь оказывается разорванной. Постепенно усопший осознает, что он уже покинул подлунный мир. Он ощущает смятение, смерть удручает его, но еще больше его страшит непонятность собственной судьбы. Душа не может покинуть родные места и еще продолжает блуждать возле тех мест, которые покойный покинул.

Умиравший слышит далекое гроыхание, завывание ветра. Обволакивается туманом последняя картина мира. Затем человек чувствует, что он способен разглядеть свое тело со стороны, как бы извне, он различает фигуры родственников и близких, омывающих его тело и льющих слезы. Еще раз усопший хочет откликнуться на их печаль, однако голос его души никто не слышит, ведь он говорит уже из другого бытия. Некоторое время растерянный дух продолжает оставаться на прежнем месте, как бы не зная, куда податься. Он чувствует, что обрел какое-то новое тело, новую оболочку, непохожую, однако, на ту, земную. Душа покойного без затруднений проникает сквозь любые препятствия, через стены, скалы и горы, не ощущая физических преград. Она молниеносно оказывается там, где захочет, ибо полет ее ничем не ограничен. Необычайную остроту приобретают все органы чувств. У умершего появляется тонкий слух, даже если он был глух при жизни. Он способен охватить своим взором бескрайние просторы. Все утраченные качества возвращаются. Душа видит, слышит, воспринимает...

Еще миг — и перед покойным возникают странные существа. «Книга мертвых» называет их чистыми, ясными и светозарными. Тексты заранее предупреждают о таких встречах и рекомендуют усопшему сблизиться с ними, так как они будут весьма нужны. Далее в «Книге мертвых» говорится что-то о зеркале или некоем отражении, в котором умерший увидит все свои прижизненные хорошие и плохие поступки. Он чувствует, что обязан понять, осознать, ради чего жил, к чему было направлено его земное существование, чем оно одухотворялось.

В последних разделах «Книги мертвых» рассказывается о реинкарнации, то есть об очередных воплощениях души, о возвращении к земному существованию и о влиянии минувшей жизни на характер нового воплощения. Древний документ уникален в том смысле, что он стремится представить цикл существования между смертью и рождением. Тибетский буддизм всегда придавал огромное значение ритуалам, обрядам и церемониалу, в том числе и похоронному. Этим обрядам сопутствовала вера в священные слова, заклинания, слогические речи.

А теперь попробуем вернуться к вопросу: почему люди не помнят своего рождения, своей предыдущей смерти? Ответы на эти вопросы содержатся в работах группы ученых-психиатров, психологов, нейрохирургов, среди которых Майкл Мёрфи, Дик и Ричард Прайс, Станислав Гроф, Рик Тарнас и другие. В течение многих лет они изучают природу человека в Эселенском институте в Калифорнии (США), тайны сознания и подсознания.

Психотерапевтические опыты, которые проводил С. Гроф, толкнули его на интереснейшее открытие. Оказывается, в под-

сознании можно обнаружить некие кладовые памяти, которые не обнажают своих сокровищ в обычном состоянии. Но в эксперименте, когда с помощью различных средств эти шлюзы ничем не прикрыты, человек способен вспомнить всю свою жизнь, вызвать из глубин подсознания такие картины, которые, казалось бы, никогда не гнездились в активной памяти.

Особенно насыщенную информацию несут эти матрицы перед ликом смерти. Человек вспоминает всю жизнь, начиная от тайны рождения. Двигаясь еще дальше по шкале времени, он способен увидеть и предшествующую смерть. Он оказывается во власти глубоких архетипических и запредельных состояний сознания. На психологических сеансах человек проходит стадии агонии, смерти и повторного рождения.

Эксперименты показали, что люди, прошедшие через психотерапевтический опыт, когда испытываются ощущения, связанные со смертью и повторным рождением, резко меняют свое представление о самих себе, об окружающем мире. Преображается присущая им иерархия ценностей, исчезает чувство отчуждения. Напротив, возникает чувство радости, безмятежности, психологического благополучия, рождается вкус к жизни. Такой человек лучше воспринимает мир.

По мнению Грофа, символы, возникающие при процессе «умирания—рождения», легко обнаруживаются во многих культурах. Человек как бы вспоминает конкретные эпизоды из жизни предков, реальные картины прошлого, отождествляет себя с сознанием растений. При этом в памяти человека оживают детали костюмов прошлых эпох, предметы образа жизни, картины древней религиозной практики.

Столкновение со смертью порождает глубокий экзистенциальный кризис, стремление глубоко осознать смысл жизни. У многих людей возникли стойкие религиозные чувства, независимые от их происхождения, образования и ранее зафиксированных верований.

Многие пациенты ощущают себя гонимыми жертвами, отождествляют себя с узниками инквизиции, концлагерей, несчастными, оказавшимися в эпицентре землетрясения. Они нередко уподобляли себя с древнегреческими образами — Танталом, Сизифом, Иксионом, Прометеем. Матрицы памяти воспроизводят средневековые битвы, крестовые походы, сражения на баррикадах, революции против тирании, сражения с морскими чудовищами. Часто эти картины соединяются с красочными картинами сексуальных оргий.

Однако гораздо чаще возникают религиозные сцены, одушевленные прославлением страдания и кровавыми жертвами — видения в духе Ветхого Завета. Приходит из глубин сознания

ощущение страданий распятого Христа. Затем в подсознании возникает чувство освобождения, сопровождаемое миражами возрождения, очищения, освобождения. Опыт нередко окрашивается в религиозные тона: картины Спасения, Возрождения. Переживается состояние Мокши, высшей цели человеческих стремлений, согласно философии индуизма, состояние освобождения от бедствий эмпирического существования с его бесконечными перевоплощениями.

В заключительной стадии опыта пациенты вообще оказываются как бы за пределами собственной смерти. Они испытывают радость, спокойствие, расслабление. Преобладает религиозно-мистическое и демоническое самоощущение. Часто возникают видения биологического характера. Например, некоторые пациенты «прочитывают» генетический код. Они оказываются способными описать возвращение к жизни в утробном периоде, иногда воссоздают картины жизни дочеловеческих предков.

По мнению Грофа, все эти видения можно характеризовать как феномен, свободный от культуры. Иначе говоря, человек обращается к совокупному духовному опыту человечества, а вовсе не к национальной символике. Люди, никогда не читавшие К.-Г. Юнга, который ввел понятие архетипа, тем не менее воспроизводят описанные им образы «Великой Матери», «Ужасной Матери», «Космического века», «Золотого века».

При терапевтических сеансах самоанализа возникает нечто вроде внутреннего радара, содержание памяти озаряется сильным эмоциональным истоком, импульсом. Тяжелые ощущения пациента становятся столь интенсивными, что человек чувствует, как он перешел за границы индивидуального страдания, испытывая общую боль целой группы людей, всего человечества. Люди в подобных случаях отождествляют себя со смертельно раненым солдатом, то с узником тюрьмы, то с истерзанным животным.

Откуда берутся эти образы и что они означают? Можно полагать, что в данном случае активизируется коллективная память человечества, заключенная в глубинах подсознания. Такие изначальные врожденные психические структуры, порождающие общезначимую символику сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, К.-Г. Юнг и называл архетипами. Эти устойчивые образы и проявляются на матрице памяти у людей, переживающих опыт смерти.

Можно полагать, что подсознание конкретного человека способно вынести на поверхность только образы собственной национальной культуры, то, что близко и понятно индивиду, носителю определенных традиций и навыков. На самом деле в глубинах психики возникают образы, выходящие за пределы того или иного культурного ареала. Человек обращается к древним

культурам Египта, Индии, Китая, Японии, Центральной Америки, Греции. Совершенно очевидно, что в его генетической памяти такая символика и такая предельная конкретность видений могли отсутствовать. Однако древние культуры не воспринимаются как чуждые. Напротив, испытывается чувство глубокой причастности к ним. Человек отчетливо видит картины прошлого, сопереживает участникам воспроизводимых событий.

По мнению Грофа, конкретность тех или иных архетипических образов закладывается еще в утробном периоде младенца. Он выделяет четыре своеобразные матрицы, то есть гипотетические образы ощущений, которые возникают у человека во время его выхода из лона матери, начиная с появления зародыша до рождения. Первая матрица хранит символику пребывания в утробе. Спокойное развитие ребенка сопровождается ощущениями безграничности, расслабленности, защищенности. Этому состоянию соответствуют видения неба, рая, мистического слияния, космического единства. Беспокойное внутриутробное развитие рождает совсем иные образы — злых демонов, враждебных сил природы...

Вторая матрица хранит память о первой стадии рождения. В подсознании плода возникает чувство страха, опасности для жизни, хотя источник угрозы пока неясен. В глубинах психики закладываются архетипы. Рождается, например, образ печи, водоворота, который увлекает в свои пучины существо, словно заглатывая его, как это делает огромное чудовище, дракон, питон. Этому состоянию психики в мистической духовной традиции и религиях соответствуют такая символика, как утерянный рай, падение ангела, падение в подземное царство, в гроты, плутание в лабиринтах.

Символически первую стадию родов можно, согласно Грофу, выразить как «безысходную ситуацию»; страх замкнутого пространства, психические и физические страдания. Этому состоянию соответствуют архетипические образы, символизирующие вечное страдание и проклятье, — Тантал, Прометей и др. Типичные ощущения этой матрицы — бессилье, безнадежность, экзистенциальное чувство вины, отчаяния *.

Процесс рождения еще не завершен. Но вступает в свои права третья матрица. Происходит страшная борьба за жизнь, плод как бы пытается преодолеть чувство удушья, физического сжатия. Рождаются огромные потоки энергии. В глубинах психики возникают символические образы вулканов, штормов, стихийных потрясений, смерчей... Этому состоянию соответствуют архетипические темы: сцены судного дня, схватки сверхгероев, титанов.

* Более подробно об этом см.: Султанова М. А. Новое понимание эмоциональных и психологических проблем (обзор книг С. Грофа). — В сб.: Современный человек: цели, ценности, идеалы. Вып. I. М., 1988. С. 109—127.

Мифологические образы — космические схватки с участием демонов, ангелов, богов.

Приближается последняя заключительная стадия родов. В ней проявляет себя четвертая матрица. Ее религиозные и мифологические символы — жертвоприношения, самопожертвования. Классический символ перехода от третьей матрицы к четвертой — возрождение легендарной птицы Феникс, которая, по представлениям древних, в старости сжигала себя и воспаряла к небу молодой и обновленной.

Процесс агонии прекращается. Плод выходит из лона матери. После острой боли и напряжения наступает миг сладчайшего расслабления. Мрак сменяется ослепительным светом. Разрезана пуповина, и человек начинает самостоятельное существование. Казалось бы, в этой стадии все архетипические образы должны отключиться, так как теперь возникает индивидуальное бытие. На самом деле именно в этот момент матрица памяти заполняется разветвленной символикой.

В опытах, когда психолог с помощью разработанной техники помогает человеку вспомнить момент собственного рождения, в сознании пациента возникает ощущение грандиозной катастрофы. Возникает острое желание прекратить опыт. Но если эксперимент доводится до конца, у человека видение бездны сменяется образом мощного света. В глубинах психики обнаруживаются картины цветущей природы, весны, яркого дня после бури.

Этому состоянию соответствуют символы из сферы коллективного бессознательного. Однако здесь происходит как бы смешение архетипических сущностей. Наряду со светлыми образами Христа, Осириса, Адониса проходят в подсознании аллегории Молоха (в библейской мифологии божество, для умиловления которого сжигали малолетних детей). Шива один из трех верховных богов наряду с Брахмой и Вишну в брахманизме и индуизме изображается в грозном виде.

У новорожденного, судя по всему, сознание еще вне времени и пространства. Он не отделяет себя от внешнего мира. Затем младенец постепенно начинает воспринимать себя как некую особость. Ощущается тело, рождается сознание. Затем происходит как бы интеграция тела и личности. Традиционная западная наука полагает, что это и есть самый высокий уровень сознания. Однако, по мнению К. Уилбера, который в разработке своей концепции опирается на тибетскую «Книгу мертвых», можно выделить и другую, более совершенную форму сознания. В ней все формы сливаются в безграничное свечение потока сознания.

В наши дни многие ученые натолкнулись на способность человека «путешествовать» по зонам своей психики, вызывать

из глубин подсознательного образы прожитой жизни. Но самое поразительное — человек, оказывается, может обратить время вспять, вернуться к тайне своего рождения, дойти до истоков своей психики, то есть изначальных, первых ее проявлений. Но это еще не все. Он способен вызвать в памяти картину появления на свет и пережить эффект предшествующей смерти, которая предварила новое телесное воплощение.

Означает ли это, что современные эксперименты подтверждают древнюю идею метемпсихоза, концепции перевоплощения душ (человека, животного иногда даже в растение или предмет неживой природы). Это представление, как известно, характерно для ряда философских систем прошлого и многих ранних и развитых форм религии. Гроф и его последователи оставляют этот вопрос открытым. Они не утверждают, что человек многократно является в этот мир. Задача ученых состоит в том, чтобы накопить материал для радикальных выводов. Однако несомненно, что в идее метемпсихоза выражено представление о единстве всего сущего. И эта философская посылка находит признание и конкретную теоретическую разработку у многих современных исследователей.

Несомненно, данные психотерапии расширяют узкие рамки традиционной психологии. Они способствуют рождению новых взглядов на основные феномены психики. Эти сведения позволяют в ином ракурсе проанализировать динамику истории, ее механизм, раскрыть тайну творческой активности человеческого духа. Вместе с тем они, разумеется, позволяют приблизиться к разгадке тайн бытия.

Из глубины веков возникают доказательства того, что физическое существование человека не единственная форма бытия. Здесь уместно поставить вопрос: имеются ли сведения о посмертном опыте в нашей стране? Ведутся ли аналогичные наблюдения нашими учеными? Обратимся к интервью, которое напечатано в журнале «Наука и религия». По мнению старшего научного сотрудника Института общей реаниматологии АМН СССР Г. В. Алексеевой, описания посмертных видений носят общий характер. Обычно это черный тоннель, свет в конце тоннеля. Вероисповедание, по мнению нашего специалиста, по-видимому, накладывает определенный отпечаток на рисунок «видения»: верующие в своих галлюцинациях видят ангелов, видят демонов смерти, божественное сияние.

Вот одно из характерных свидетельств: «Мой отец, будучи молодым человеком, охотился в ноябре на лимане и простудился. Сельский врач осмотрел его и предупредил родственников, что жить ему осталось немного. Вызванный из города врач подтвердил его слова. К утру отец умер. Пригласили священника,

но тот почему-то отпевать не стал, сказал, что надо подождать. Так и лежал отец рядом с собственным гробом, среди родственников, съехавшихся на похороны. На пятый день он застонал и открыл глаза. Мать, проплакавшая все эти дни, кинулась к нему на грудь, и он ей тихо сказал: «Я теперь буду жить»*.

Что же рассказал отец о своем посмертном опыте. Постучал кто-то в окно и сказал: «Степан, выходи!» За окном знакомый всадник. Сели на лошадь и прискакали на поляну, освещенную ярким светом. Их встретили много людей. От них отделилась одна женщина. Это была тетя Дионисия, умершая двенадцать лет тому назад. Она сказала: «Степан, зачем ты пришел сюда, тебе еще рано. Иди к тем людям, они тебя накормят». Но не доходя до стола, он насытился. И тогда подошла другая женщина и сказала: «Ты должен привезти нам Ивана Буруна. Срок тебе пять дней. Если не привезешь, останешься с нами». Долго искал он дом Буруна и не мог отыскать, пока наконец не догадался отпустить поводья, и конь сам привел его к дому. Отец постучал. Иван Бурун вышел и сел сзади. Встретила их та женщина, она отвела отца в сторону и стала говорить напутственные слова, что надо жить в любви к ближнему, по пятницам поститься, что проживет отец еще 63 года.

Во время рассказа отца мать тихо охнула: «Иван Бурун вчера скончался». Автор этой исповеди действительно умер в возрасте 84 лет. По мнению Г. В. Алексеевой, рассказы такого рода вполне укладываются в концепцию, разрабатываемую Р. Моуди. Видение яркое, эмоционально переживаемое. Каждая деталь видится выпукло, такое забыть невозможно.

В научной литературе наших дней широко обсуждается проблема многообразия форм жизни. Напомним, что Э. Циолковский подробно освещал эту тему. Сегодня, например, выдвигается версия о биоинформационной форме жизни. В частности, английский физик Д. Бом полагает, что жизнь присутствует всепроникающе повсеместно, но в некоем свернутом виде. Даже в такой ситуации, которая оценивается нами как безжизненная, обнаруживается нечто жизнотворное. Например, молекула двуокиси углерода, пересекающая границу клетки в листе, отнюдь не внезапно становится «живой». И молекула кислорода не умирает неожиданно при переходе из листа в атмосферу...

Обращение к теме смерти имеет и общекультурный смысл. Оно позволяет привлечь внимание философов, социологов, культурологов к изучению совокупного духовного опыта человечества, к сравнительному изучению различных памятников древности, мифологического и религиозного сознания. Невозможно

* Волкова Л. Здесь жизнь и смерть рядом.— Наука и религия. 1989. № 12. С. 32, 33.

проникнуть в глубинную сущность культуры, обходя столь важнейшую тему, как феномен смерти. И напротив, изучение этой проблемы позволяет ощутить живой нерв культуры.

Обширный материал, приведенный в сборнике, позволяет внести изменения в сложившуюся в нашей культуре иерархию ценностей. постижение феномена смерти имеет огромное психотерапевтическое значение. Многие современные ученые справедливо считают, что агрессивность и убийства, сопровождающие человеческую историю, есть не что иное, как проявление социальной психопатологии. Отсюда актуальность таких гуманистических программ, которые позволяют избавить человека от переживаний агонии, страха и открыть ему путь к новым ощущениям — к чувству безопасности, уважению к жизни, творчеству...

Напомним в заключение мудрую сказку Анатоля Франса. Умирает старый король, мучительно страдающий от того, что так и не узнал истории своего народа. Его утешает придворный историк. Стоит ли огорчаться? Судьбы людей так невероятно похожи. «Мой повелитель, историю можно свести к трем словам: люди рождаются, живут и... умирают».

Комментируя эту сказку, М. Горький поправил историка. «Нет,— заметил он,— люди рождаются, борются и побеждают!»

Смерть не заслоняет ценности и уникальности земной жизни...

СОДЕРЖАНИЕ

Раймонд А. Моуди ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Перевод И. В. Егоровой

Предисловие	7
От автора	9
Феномен смерти	11
Опыт умирания	16
Невыразимость	18
Способность слышать происходящее	19
Ощущение мира и покоя	20
Шум	21
Темный тоннель	—
Внетелесные ощущения	23
Встречи с другими	33
Светоносное существо	34
Образы прошедшей жизни	36
Граница или предел	40
Возвращение	41
Рассказы о пережитом	43
Влияние на последующую жизнь	45
Новое отношение к смерти	47
Подтверждения	49
Параллели	53
Библия	—
Платон	54
Тибетская «Книга мертвых»	56
Эмануэль Сведенборг	57
Вопросы	58
Объяснения	67
Впечатления	77

Алан Ландсберг, Чарлз Файе
ВСТРЕЧИ С ТЕМ, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СМЕРТЬЮ

Перевод В. С. Кулагиной-Ярцевой

Четыре рода встреч со смертью	81
Часть I	
Встречи первого рода	88
Встречи второго рода	100
Встречи третьего рода	110
Предчувствие смерти	118
Встречи четвертого рода	129
Часть II	
«Американская книга мертвых», или Наука умирать	141
Смерть, когда ты ужалишь?	153
Как смерть воздействует на жизнь	169
Часть III	
Мини-смерть в лаборатории	185
Приглашение к самоубийству?	192
Жизнь до жизни	197

Лайэлл Уотсон
ОШИБКА РОМЕО

Перевод Н. Г. Кротовской

Часть первая. Тело	212
Глава I. Жизнь и смерть	215
Глава II. Смерть как заболевание	231
Глава III. Умирание как часть цикла смерти	250
Часть вторая. Разум	272
Глава IV. Личность и тело	276
Глава V. Просветление как биологический процесс	292
Глава VI. Разъединение тела и разума	307
Часть третья. Душа	321
Глава VII. Продолжение жизни вне тела	323
Глава VIII. Жизнь в другом теле. Одержимость	337
Глава IX. Чудеса и другие факты	356
Заключение	374
П. С. Гуревич. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ (вместо послесловия)	376

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редакторы *А. Ф. Глазов, В. А. Зотова, Т. К. Сперанская*

Художник *И. С. Григорьева*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 9232

Сдано в набор 25.03.91. Подписано в печать 08.08.91. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 27,19. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 3578. Цена 6 р. 60 к.

Полигиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл. 7.

Издательство «Горьковская правда»,
603006, г. Нижний Новгород, ул. Фигнер, д. 32.

~~4021~~

252

